

ФЕДОР БУРЛАЦКИЙ

РУССКИЕ ГОСУДАРИ

эпоха реформации

Федор БУРЛАЦКИЙ

РУССКИЕ ГОСУДАРИ

ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ

Никита Смелый

Михаил Блаженный

Борис Крутой

Москва
Фирма «ШАРК»
1996

ББК 63.3

Б 92

Бурлацкий Ф. М.

Б 92 Русские государи. Эпоха реформации. Никита Смельный, Михаил Блаженный, Борис Крутой. - М., Фирма "ШАРК", 1996. - 512 с. + фотоил. 4 п.л.

ISBN 5-900860-01-9

Книга известного общественного и государственного деятеля, ученого и писателя **Бурлацкого Федора Михайловича** представляет собой необычное произведение: оно включает его личные наблюдения и новую информацию о трех реформаторах - Хрущеве, Горбачеве, Ельцине, их сравнительное жизнеописание, а также размышления о результатах преобразований и судьбе России.

Автор наблюдал этих деятелей изнутри Кремля, имея возможность проникнуть в их психологию, понять мотивы их поступков, где перемешаны неумное стремление к власти и приверженность делу Реформации.

Написанная образным и ярким языком, книга рассчитана на самые широкие слои читающей публики.

Б $\frac{0503000000 - 1}{12Н(03) - 96}$

ББК 63.3

ISBN 5-900860-01-9

© Фирма "ШАРК", 1996

*" ... Лучшие и прочнейшие изменения
суть те, которые происходят от улуч-
шения нравов, без всяких насильст-
венных потрясений. "*

А.Пушкин

Содержание

От автора 7

Часть первая. НИКИТА СМЕЛЫЙ

Глава первая.	Сталинист	11
Глава вторая.	Тираноборец	39
Глава третья.	Народник	63
Глава четвертая.	Миролюб.....	95

Часть вторая. МИХАИЛ БЛАЖЕННЫЙ

Глава пятая.	Леонид Ленивый.....	133
Глава шестая.	Юрий Хитроумный	163
Глава седьмая.	Провинциалы.....	194
Глава восьмая.	Либерал	227
Глава девятая.	Парламент.....	252
Глава десятая.	Падение	276

Часть третья. БОРИС КРУТОЙ

Глава одиннадцатая.	Сокрушители	311
Глава двенадцатая.	Рыночники	334
Глава тринадцатая.	Просветители... ..	361
Глава четырнадцатая.	Конституция	400
Глава пятнадцатая.	Демократор.....	430

Заключительная глава. **РОССИЯ** 468

Литература..... 509

От автора

Кто-то сказал: писательство - это великое дело, особенно, если сама твоя жизнь есть история.

Судьба или случай распорядились так, что моя жизнь и моя работа переплелись с деятельностью трех наших реформаторов - Хрущева, Горбачева, Ельцина. Я был в кругу советников Хрущева, пять раз сопровождал его в зарубежных поездках и ушел в отставку со своего поста сразу после того, как его лишили власти. На протяжении 18 лет правления Брежнева я находился в оппозиции к режиму, меня трижды снимали со скромных постов в газете "Правда", в Академии наук СССР за критические выступления и защиту реформ. Приход к власти Горбачева дал мне шанс в качестве Председателя комиссии по правам человека, а затем члена Верховного Совета СССР участвовать в осуществлении ряда важных демократических преобразований. Тогда я наблюдал Горбачева в первом парламенте страны и во многих его встречах с лидерами современного мира. Ельцин тоже работал в Верховном Совете СССР. Что касается главного периода его деятельности после августа 1991 г., то он проходил у всех на глазах и так или иначе вовлек нас в свое русло.

Несколько лет я не хотел участвовать в большой политике, так как всей душой отвергал развал СССР, шоковую терапию, внутренние войны. Я был среди тех, кто предлагал альтернативные реформы, которые осуществилась в ряде стран Восточной Европы, а в экономическом отношении и в Китае. Предостерегал против военных действий в Чечне еще до того, как они начались, и выступал за политические переговоры. Довольно насилия, крови и катаклизмов - Россия этого больше не выдержит.

Я по-прежнему верю, что разумные преобразования необ-

ходимы и возможны, но только такие, которые дают подлинную свободу, социальную защиту и собственность каждому гражданину страны, укрепляют могущество и величие нашего Отечества.

Эта книга, как увидит читатель, результат "души холодных наблюдений и сердца горестных замет". С момента смерти Сталина я включился в активную борьбу против его наследия. Фанатизм, с которым я это делал на протяжении 40 с лишним лет, не считаясь с ударами власть предержащих, сейчас удивляет меня самого. Но, быть может, за этим стоял некий промысел: дать в руки таких, как я, выстраданный лично материал для описания великой и трагической Реформации России.

Книга - часть нашего долга перед Историей. А "кусочек подлинной истории, - говорил Джефферсон, - это такая редкая вещь, что им надо очень дорожить"[32].

Часть первая

**НИКИТА
СМЕЛЫЙ**

Глава первая

СТАЛИНИСТ

1

Не все знают, что хрущевская оттепель началась не в 1956 году, в период XX съезда партии, а сразу после смерти Сталина. Сама эта смерть потрясла до основания душу каждого человека в нашей стране, хотя и вызвала разные чувства. Ушло нечто, казавшееся незыблемым, вечным, бессмертным. Простая житейская мысль: умер человек, и тело покойного надо предать земле, - едва ли кому-либо приходила в голову. Нет, рухнул, обрушился институт власти, то, что лежало в самом фундаменте всего здания. Как теперь жить? Что произойдет с нами? Куда пойдет страна?

*“Кончина короля
Не просто смерть. Она уносит в бездну
Всех близстоящих... Вздых владыки
Во всех в ответ рождает стон великий” [48].*

Так было во все времена. Так было и у нас в момент смерти Сталина. Помню траурное собрание в Мраморном зале Президиума Академии наук СССР на Ленинском проспекте. Я работал тогда секретарем секции общественных наук редакционно-издательского совета, председателем которого был президент академии А.Н.Несмеянов. Александр Николаевич и открыл траурный митинг. Голосом, начисто лишенным эмоций, как бы отрешенным от всего земного, он сказал о кончине великого человека, руководителя партии и государства, выдающегося ученого. Потом он употребил формулу, которая сразу же врезалась в мое сознание: обеспечено бесперебойное руководство партией и страной во главе с

верным учеником Ленина, соратником товарища Сталина Г.М.Маленковым.

Бесперебойное... Там, наверно, тоже ощущали утрату какой-то главной опоры государства. Смерть царя в России всегда была потрясением. Особенно, если не было наследника с бесспорными правами. Сталин не готовил преемника, как и Ленин, который в своем завещании, предложив снять Сталина, так и не назвал, кто же может возглавить государство. Видимо, оба они полагали, что это должна решить партия, созданная ими в качестве стенового хребта власти. Но как раз здесь-то и началась борьба. Вначале выдвинулся Маленков. Потом, расталкивая всех на своем пути, преемником Сталина стал первый секретарь Московского горкома партии Никита Хрущев. Этот горком уже тогда поставлял высших руководителей государства...

Надо заметить, что я с юности не любил Сталина. Этим я обязан своей матери. Она очень гордилась тем, что однажды Надежда Константиновна Крупская в своем выступлении на митинге в Киеве назвала ее в числе других первой ласточкой революции. Фанатично преданная революции мать не понимала и не принимала многое, что происходило при Сталине, хотя до конца жизни сохранила веру, что все это будет преодолено: во всех революциях были свои изломы, изгибы, движение вспять, надо только набраться терпения и никогда не терять надежды.

Мама так и не объяснила мне, как случилось, что отец и она на рубеже 30-х годов оказались вне партии, хотя состояли в ней с 1918-1919 годов. У меня осталось смутное воспоминание о том, что отец принимал участие в партийных дискуссиях. В 20-х годах он и был исключен из партии, а мать вышла из нее "механически". Об этом я знаю точно, поскольку ей пришлось давать объяснения при своем вступлении в партию сразу после окончания Великой Отечественной войны, что она и сделала под влиянием обычного тогда подъема в стране патристических чувств.

Родители постоянно переезжали с места на место, и я теперь понимаю, что отец опасался репрессий. В юности же мне об этом ничего не рассказывали. Мать не прямо, а исподволь воспитывала во мне восхищение героиней гражданской войны, всего ленинского периода нашей истории и критическое отношение к тому, что происходило в 30-х годах.

Однако подлинную школу политического созревания я

прошел позднее. В 1950 году я приехал в Москву для поступления в аспирантуру и должен был пробиться любой ценой, тем более что у меня не было ни рубля на обратную дорогу. Самоуверенный мальчик, попав на прием к ученому секретарю АН СССР В.П.Пешкову, физику по специальности, предложил: "Я окончил институт за два года. Мне нужен только один год в аспирантуре. Обещаю защититься в этот срок. Вы же физик - поставьте на мне эксперимент". Василий Петрович посмеялся и дал разрешение на один год. И, действительно, защитился я с опозданием всего лишь на один день.

Во время пребывания в аспирантуре я познакомился с бывшим председателем то ли Ставропольского, то ли Ростовского Совета еще во время революции 1905 года со странной казачьей фамилией Герус. После поражения революции он эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, а вернувшись в Россию после Октября 1917 года, Лонгин Федорович преподавал английский язык в школе, однако по-прежнему интересовался всем, что происходило в партии и стране.

Жил Герус в маленькой комнатенке в общей квартире возле Красных ворот, где и отвел мне место на раскладушке. Три раза в день Лонгин Федорович кормил меня и себя гречневой кашей с молоком - на большее денег не хватало. Но не это было моей главной пищей.

У хозяина в убого обставленной комнатенке стоял огромный книжный шкаф с политической литературой. Стенограммы всех съездов партии, запрещенные, которые нельзя было достать ни в одной библиотеке страны. Первое издание ленинских произведений с подробными комментариями, работы Бухарина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Томского - словом, всех представителей ленинской гвардии.

Все это я читал по ночам, при свече, устроившись в углу прямо на полу. Читал взахлеб, особенно стенограммы съездов конца 20-х годов. Они потрясали своими бурными страстями, разноголосицей мнений, острым предвидением будущего. До сих пор помню одну из речей Каменева, который прямо говорил о том, что складывается культ личности Сталина, режим его авторитарной власти, и дело идет к кровавым репрессиям внутри самой партии.

После этих ночных чтений я уже другими глазами перечитал материалы процессов 1936 - 1938 годов. Поражало, как могут другие не видеть чудовищную ложь от начала и до конца. Удивляло, что даже такой проницательный человек, как

Лион Фейхтвангер, который присутствовал на одном из процессов, не сумел разглядеть истину, простую, как вода. Впрочем, он отметил следующую странность: Радек, делая самые страшные саморазоблачения - о службе в царской охране, подготовке покушения на Ленина, - спокойно помешивал ложечкой в стакане с чаем... И все же Фейхтвангер дал обмануть себя.

Да, большой мастер режиссировал эти кровавые политические драмы, если человек, переживший фашизм, не смог чутким ухом уловить фальшь во всем оркестре. Уже тогда я пытался представить себе, какой ценой можно было добиваться подобных ошеломляющих результатов. Чтобы крупные политические деятели, прошедшие через царские тюрьмы и каторги, с покорностью агнцев, которых тащат к жертвенному камню, поливали себя и других мутной пеной изобличений. Чтобы ни у кого из них не хватило мужества на процессе вставить хотя бы одно слово, которое показало бы присутствовавшим, что все это грубый и жестокий фарс. Как это могло быть? Пытки, истязания?.. Обещание жизни, сохранения безопасности семьи? Внушение мысли об исторической необходимости жестокой чистки? Уже тогда приходила в голову мысль о том, что это были просто спектакли с тщательно заученными речами и даже репликами. Спектакли, которые повторялись по нескольку раз, так что обвиняемые не знали, то ли это подлинный суд, то ли очередная репетиция.

Говорю обо всем этом, потому что впоследствии нередко читал и слышал, как многие наши писатели и ученые, люди постарше и поопытнее меня, оправдываясь, твердили одно и то же: мы-де слепо верили вождю. И не просто верили, но искренне преклонялись перед ним в своих поэтических и прозаических творениях. Не знаю, не очень доверяю - слишком выгодно было слыть сталинистами. Сколько себя помню, я всегда испытывал глубокое отвращение к тому, что один человек определяет все: как жить, что делать и даже как думать. Меня возмущали и коленопреклоненные песнопения, и фальшивый ритуал популизма.

Первые месяцы после смерти Сталина были полны тревожного ожидания. Зловеще прозвучали в ушах произнесенные Берией на траурном митинге с Мавзолея рефреном повторяемые слова: "Кто не слеп, тот видит..." Но речи Хрущева, Маленкова и других руководителей уже несли с собой какие-то элементы новизны. Стали говорить о народе, его нуждах, о

том, что целью социализма не может быть только индустриальный рост, о продовольствии, о жилищной проблеме, о прощении тех, кто оказался в плену. Словом, повеяло ветерком перемен.

Вскоре я попал на работу в журнал "Коммунист", который какое-то время размещался в здании ЦК КПСС. Мы входили в одну партийную организацию с его аппаратом. Мне больше всего запомнилось совещание партийных и государственных работников, в котором принимали участие тогдашние руководители страны. С основным докладом выступил Маленков. Главный пафос его речи был - борьба против бюрократизма "вплоть до его полного разгрома". Он в значительной степени повторил свое выступление на XIX съезде партии. То и дело в его устах звучали такие уничтожающие характеристики, как "перерождение отдельных звеньев государственного аппарата", "выход некоторых органов государства из-под партийного контроля", "полное пренебрежение нуждами народа", "взяточничество и разложение морального облика коммуниста". Надо было видеть лица присутствовавших, представлявших как раз тот самый аппарат, который предлагалось громить. Недоумение было перемешано с растерянностью, растерянность - со страхом, страх - с возмущением.

После доклада стояла гробовая тишина, которую прервал живой и, как мне показалось, веселый голос Хрущева: "Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат - это наша опора". И только тогда раздалась дружные, бурные, долго не смолкавшие аплодисменты. Так одной фразой Первый секретарь завоевал то, чего Председатель Совета Министров не смог добиться многочисленными, страстными речами. Кстати, позднее Хрущев сам поссорился с этим аппаратом и испытал его силу...

В начале 1960 года я перешел на работу в аппарат одного из международных отделов ЦК КПСС. После XX Съезда КПСС в аппарат ЦК стали приглашать молодых специалистов с антисталинскими настроениями. Я имел твердую репутацию последовательного критика сталинизма. И уже через несколько дней произошла моя первая встреча с Хрущевым.

2

Дня три я томился в своем кабинете, не зная, куда себя

деть. Весь отдел был занят на совещании представителей коммунистических и рабочих партий 1960 года, и до меня никому не было дела. На третий день к вечеру раздался знакомый голос Льва Толкунова - заместителя заведующего нашего отдела:

- Федор, ты сейчас не очень занят? Хочу захватить тебя в одно место. Тебе будет интересно. Я уже на выходе.

Обрадованный, быстро спустился с третьего этажа и добежал до подъезда как раз в тот момент, когда показался прихрамывающий Толкунов. Мы сели в машину и через три минуты уже входили в Кремль. Предъявив удостоверение, Толкунов властно бросил: "Это со мной", и меня пропустили, разумеется, предварительно тщательно сверив фотографию в удостоверении с моей физиономией (видимо, пропуск был заказан заранее).

Сердце мое забилося радостно: я впервые попал в Кремль. Я гордо вышагивал рядом с Толкуновым, успевая бросать взгляды вокруг и стараясь запечатлеть все - и старые величественные башни, и купола церквей, и широкую площадку на белесой мостовой с черными машинами, которые казались неуместными здесь, на фоне этих восхитительных древностей.

Мы поднялись на верхний этаж Дворца съездов и, пройдя по широкой внутренней лестнице, оказались в огромном зале, где стояло множество столов, уставленных напитками и разнообразными закусками. Не менее двухсот человек толпились вокруг столов, чокались, произносили тосты, переходили с места на место и создавали такой шум и гам, в котором трудно было что-либо расслышать.

Мое внимание привлек громкий разговор, который происходил в самом конце зала, где собрались наши руководители и лидеры других партий. Я пробрался поближе, чтобы услышать, о чем говорит Хрущев. Находясь от него шагах в десяти, впервые вблизи рассмотрел его.

Старшее поколение, конечно, помнит эту характерную фигуру, а младшее, возможно, никогда не видело даже его портретов. В ту пору Первому, наверное, минуло лет шестьдесят, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Чуть что, он всхохатывал во весь огромный рот с выдвинутыми вперед и плохо расставленными зубами, частью своими, а частью металлическими.

Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши

вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни или подмосковному работяге, который пробирается мимо очереди к стойке с вином. Это впечатление, так сказать, простонародности особенно усиливалось плотной полноватой фигурой и казавшимися невероятно подвижными руками: он почти непрерывно жестикулировал. И только глазки, маленькие карие глазки, то насыщенные юмором, то гневные, излучавшие то доброту, то властность, - только, повторяю, эти глаза выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы, способного к самым крутым поворотам, будь то в беседе, в официальном выступлении или в государственных решениях.

В момент, когда я впервые увидел его, он стоял с рюмкой в руке, а все остальные, наши и не наши, сидели за несколькими столами, близко придвинутыми друг к другу. Хрущев держал рюмку с коньяком, хотя она мешала ему говорить, размахивал ею в воздухе, выплескивая коньяк на белую скатерть, пугая соседей и не замечая всего этого. Только потом, когда он уже совсем вошел в раж и глаза расширились от ужасавших его самого воспоминаний, он осторожно поставил рюмку на стол, освободив таким образом правую руку, совершенно необходимую ему для большей убедительности слов. И здесь я услышал рассказ, который он потом при мне повторял еще дважды в другой обстановке, более камерной, в присутствии всего нескольких человек. Но что удивительно - он повторял почти слово в слово.

- Когда Сталин умер, мы, члены Президиума, приехали на ближнюю дачу в Кунцево. Он лежал на диване, и врачей возле него не было. В последние месяцы своей жизни Сталин редко прибегал к помощи врачей, он их боялся. Берия его, что ли, напугал, или он сам поверил, что врачи плетут какие-то заговоры против него и других руководителей. Пользовал его тогда майор, один из охраны, который был когда-то ветеринарным фельдшером. Ему он доверял, он же и позвонил о кончине Сталина нам и вызвал врачей. Стоим мы возле мертвого тела, почти не разговариваем друг с другом, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: "Берия в Москву поехал власть брать". А я ему отвечаю: "Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно". И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию

убрать. А как начать разговор с другими руководителями? Тогда все подслушивалось, скажешь кому-нибудь, а он продаст. Несколько месяцев спустя стал я объезжать по одному всех членов Президиума. Опаснее всего было с Маленковым, друзья ведь были с Лаврентием. Ну, я приехал к нему, так и так, говорю. Надо Берию убирать. Пока он ходит между нами, гуляет на свободе и держит в своих руках органы безопасности, у всех нас руки связаны. Да и неизвестно, что он в любой момент выкинет, какой номер. Вот, говорю, специальные дивизии почему-то к Москве подтягиваются. И надо отдать должное Георгию - в этом вопросе он поддержал меня, переступил через личные отношения. Видимо, сам боялся своего друга. А Маленков тогда был Председателем Совмина и вел заседания Президиума ЦК. Словом, ему было что терять. Потом поехал я к Молотову. Тот долго думал, молчал, слушал, но в конце разговора сказал: "Да, верно, этого не избежать. Только надо сделать так, чтобы не получилось хуже". Я ему рассказал о своем плане. А план был такой: заменить охрану у входа, где проходили заседания Президиума, посадить там надежных офицеров и тут же, прямо на заседании, арестовать эту гадину. Потом поехал я к Ворошилову. Вот здесь сидит Клим Ефремович, он помнит. С ним пришлось говорить долго. Очень он беспокоился, чтобы не сорвалось все. Верно я говорю, Клим?

- Верно, верно, - громко подтвердил Климент Ефремович, весь красный то ли от рассказа, то ли от выпитого. - Только бы войны не было, - прибавил он почему-то не совсем кстати.

- Ну насчет войны - это отдельный разговор, - продолжал Первый. - Значит, поехал я тогда к Кагановичу, выложил ему все, а он мне: "А на чьей стороне большинство? Кто за кого? Не будет ли его кто поддерживать?" Но, когда я ему рассказал обо всех остальных, он тоже согласился. И вот пришел я на заседание. Сели все, а Берии нет. Ну вот, думаю, наверное, дознался. Ведь не снести тогда головы. Где окажемся завтра, никто не знает. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Да и у меня на этот случай, - тут рассказчик похлопал себя по правому карману широкого пиджака, - у меня, говорю, тоже было кое-что припасено... Сел Берия, развалился и спрашивает: "Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?" А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: "Открывай заседание, давай мне слово". Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю:

"На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение, говорю, вывести Берия из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто за?" И первый руку поднимаю. И тут все остальные подняли руки. Берия весь позеленел - и к портфелю. А я портфель рукой цап! И к себе! "Шутишь, - говорю, - ты это брось!" А сам нажимаю на кнопку. Тут вбегают офицеры из военного гарнизона Москаленко (я с ними договорился заранее). А я им приказываю: "Взять этого гада, изменника Родины, и отвести куда надо". Тут Берия стал что-то бормотать, весь позеленел, в штаны наложил! Такой герой был других за холку брать и к стенке ставить. Ну, остальное вы знаете: судили его и приговорили к расстрелу. Вот как это было. Так вот, я хочу выпить, - он снова взял в руки рюмку, - за то, чтобы такое нигде и никогда больше не повторилось. Мы сами смыли это вонючее, грязное пятно и сделали все, чтобы создать гарантии против подобных явлений в будущем. Я хочу вас заверить, товарищи, что мы такие гарантии создадим и все вместе пойдем вперед к вершинам коммунизма! За здоровье руководителей всех братских партий!

"Яростно топчется все, что прежде лишь ужас внушало", - вспоминал я Лукреция, слушая эти откровения [32].

Впоследствии Хрущев, рассказывая об аресте Берии, вносил в него новые детали. Самые главные из них касаются реакции различных руководителей на предложение устранить этого палача. Колебался не только Ворошилов и Каганович, но даже Микоян, с которым Хрущев, собственно, и начал первый разговор, считал вначале, что, быть может, Берия не безнадёжен и еще сможет работать в коллективе. Несколько иначе выглядел и самый арест.

В 1960 году Хрущев умалчивал о роли Г.К.Жукова, поскольку незадолго до этого добился его освобождения с руководящих постов. Позднее честность взяла верх над конъюнктурными соображениями. Хрущев признал, что главную роль в аресте сыграл Жуков вместе с Москаленко и другими военными.

Вот что рассказал мне интересный человек, В.Е.Лесничий, работник одного из подмосковных научно-исследовательских центров, о выступлении Г. К. Жукова перед их коллективом. Жуков вспоминал о Берии, которого ненавидел всей силой своей неукротимой души.

По словам Жукова, в одиннадцать часов в тот самый день, когда должны были взять Берия, раздался звонок. Хрущев говорит: "Георгий Константинович, прошу приехать ко мне, есть очень важное дело". Сажусь в машину, приезжаю, открываю кабинет, он встает из-за стола, подходит ко мне, берет меня за руки: "Георгий Константинович, сегодня надо арестовать подлека Берия. Ни о чем не спрашивайте, я потом расскажу". Я вздохнул, закрыл глаза и сказал: "Никита Сергеевич, я жандармом никогда не был, но эту жандармскую миссию выполняю с большим удовольствием. Что надо делать?" Хрущев сказал: "Вы берете с собой генералов, проводите их через Боровицкие ворота, приходите в приемную, где будет заседание Президиума, ждете звонка, заходите, берете его и сидите до трех часов утра, пока не будет снят весь караул, затем придет майор, назовет пароль, вы сдадите Берия. Вот и все". Потом, продолжал Жуков, я посадил в машину на заднее сиденье Батицкого и Москаленко, накрыл их попоной, поскольку у них не было пропусков, и проехал через Боровицкие ворота в Кремль, зашли в приемную. Никто не знал, зачем приехали, кроме меня. Ждем. В час дня звонка нет, пять минут второго - нет. Я представил, что Берия арестовал всех и ищет меня. Состояние было очень тревожное. В час пятнадцать раздался звонок. Мы вытащили пистолеты, один остался у входа, вошли мы с Москаленко, слева сидел Берия. Я направился к нему, перед ним лежал портфель, мысль промелькнула, что, может быть, оружие, я толкнул портфель, схватил Берия за руки и закричал: "Берия арестован!" Он вскочил и крикнул: "Георгий Константинович, что случилось?!" В ответ я снова закричал: "Молчать!" Развернулся - и на выход с ним. Мне показалось, что не все члены Президиума знали об аресте и заподозрили, что я совершаю военный переворот. Вывели мы Берия, сняли пенсне, раздавили, отрезали пуговицы на штанах, ну и просидели там до трех часов утра, потом его увезли.

...Так рассказывал Жуков. Кто-то из аудитории спросил его: "Какое событие вы считаете самым важным в вашей жизни?" И маршал без колебания ответил: "Арест Берии!" Вот оно как!

Эпизод с портфелем, о котором говорили Хрущев и Жуков, - чистый фрейдиизм. Один вроде толкнул, другой - схватил портфель, оба верили, что там оружие. Однако оружия там не было, что впоследствии признавали оба, но они продолжали и продолжали рассказывать о портфеле, поскольку в их созна-

нии он концентрировал в себе весь ужас возможного провала...

Вернемся в зал, где Хрущев еще не закончил свои откровения. Он как раз снова поднял рюмку с коньяком:

- Вот меня часто спрашивают, как это я вдруг вышел и сделал тот доклад на Двенадцатом Съезде. Столько лет мы верили этому человеку. Поднимали его. Создавали ему культ. И риск тоже был огромен. Как еще отнесутся к этому руководители партии, и зарубежные деятели, и вся наша страна? Так вот, я хочу рассказать вам историю, которая мне запомнилась с детства, еще когда обучался грамоте. Была такая книга "Чтец-декламатор". Там печаталось много очень интересных вещей. И прочел я в этой книге рассказ, автора не помню. Сидели как-то в тюрьме в царское время политзаключенные. Там были и эсеры, и меньшевики, и большевики. А среди них оказался старый сапожник Пиня, который попал в тюрьму случайно. Ну, стали выбирать старосту по камере. Каждая партия предлагает своего кандидата. Вышел большой спор. Как быть? И вот кто-то предложил сапожника Пиню, человека безобидного, не входящего ни в одну из партий. Посмеялись все, а потом согласились. И стал Пиня старостой. Потом получилось так, что все они решили из тюрьмы бежать. Стали рыть подкоп. Долго ли рыли, неизвестно, только вырыли. Ну, и тут возник вопрос, кому идти первым в этот подкоп. Ведь, может, тюремное начальство уже дозналось о подкопе и ждут там с ружьями. Кто первым будет выходить, того первым и смерть настигнет. На эсеров-боевиков указывают, а те - на большевиков. Но в этот момент из угла поднимается старый сапожник Пиня и говорит: "Если вы меня избрали старостой, то мне-таки и надо идти первым". Вот так и я на Двенадцатом съезде. Уж поскольку меня избрали Первым, я должен, я обязан был, как тот сапожник Пиня, сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы я ни рисковал. Еще Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет. Мы извлекли все уроки из прошлого, и мы хотели бы, чтобы такие уроки извлекли и другие наши братские партии, тогда наша общая победа будет обеспечена. Я хочу выпить за наше единство, за нашу верность заветам великого Ленина.

Все стали аплодировать, хотя, как я заметил, представители двух-трех партий воздержались от этого. Читатели могут легко догадаться, о ком я веду речь. У многих на памяти острая полемика, которая разгорелась после Совещания 1960 го-

да, когда после тяжелой борьбы удалось согласовать общий документ - Заявление. Это были представители китайской и албанской партий.

3

Кто кого находит - история личность или личность историю? Я много размышлял, когда писал о политических лидерах XX века. Но до сих пор не могу с полной ясностью ответить самому себе на этот вопрос.

Михаил Булгаков, чье имя было восстановлено в хрущевское время, вопрошал в "Мастере и Маргарите" устами дьявола Воланда: могут ли люди допускать мысль о свободе воли, если жизнь их настолько ограничена, что они не в состоянии иметь план хотя бы на какую-нибудь тысячу лет? И другое: кирпич на голову человека случайно не падает - все предопределено.

Нам тоже в юности внушили веру в предопределение, правда, оно называлось научно - закономерность. Быть может, это шло от неправильно понятого Гегеля: все действительно разумно. Это значит, что было, то и должно было быть. И только с возрастом и опытом мы стали понимать многовариантность истории. В ней заложены разные возможности, в игре участвуют разные фигуры.

Пешка добегают до последней линии и превращается в ферзя. Или ферзь попадает в ловушку и становится жертвой пешки. Я не вхожу здесь в обсуждение проблемы "народ и личность". В конечном счете именно идущие от народа социальные и нравственные импульсы определяют лицо эпохи. Но в конкретный период огромный отпечаток на нее накладывает и крупная историческая личность. Как бы там ни было, очевидно одно: политический деятель, особенно руководитель огромной страны, не только выступает как орудие истории, но и самым непосредственным образом влияет на исторические события и судьбы людей.

Как могло случиться, что после Сталина к руководству страной пришел именно Хрущев? Казалось бы, Сталин сделал все, чтобы "очистить" партию от любых своих противников - подлинных и мнимых, правых и "левых". В 50-х годах передавалась из уст в уста одна из его афористичных фраз: "Есть человек - есть проблема, нет человека - нет проблемы". В результате в живых остались, казалось бы, самые верные, самые на-

дежные. Как же Сталин не разглядел в Хрущеве могильщика своего культа?

В последние годы, незадолго до кончины, Сталин подверг опале Молотова и Микояна, готовя им, вероятно, такую же участь, какая постигла других руководителей, уничтоженных при их помощи и поддержке. Создание на XIX съезде Президиума ЦК КПСС, заменившего более узкое по составу Политбюро, было шагом к "отстрелу" следующей генерации засидевшихся соратников. Но Сталин - парадокс! - "не грешил" на Хрущева.

Старческое ослепление? Пожалуй, нет. Никколо Макиавелли, блистательный разоблачитель тирании, бросил некогда фразу: "Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком". Думается, Хрущеву каким-то образом удалось притвориться человеком вполне ручным, без особых амбиций.

Что же представлял собой Хрущев - третий лидер Советской страны после революции? Почему именно он оказался на вершине власти после Сталина? Каким был его жизненный путь до этого стремительного взлета? Эти вопросы волновали многих, в том числе и меня, когда мы наблюдали его первые шаги, а затем и всю его деятельность на протяжении "славного десятилетия". Мы искали сведения о прежней деятельности Хрущева.

В этом смысле уникальное значение имела его единственная прижизненная краткая биография. Собственно, даже не биография, а очерк, касавшийся, главным образом, его жизни и деятельности на Украине. Он назывался "Рассказ о почетном шахтере" (Н.С.Хрущев в Донбассе)[37]. Издана была книга небольшим тиражом и распространялась, в основном, на Украине. Хрущев не был заинтересован, по крайней мере тогда, в публикации своего жизнеописания. У всех еще на памяти была его острая критика "Краткой биографии Сталина", где "вождь всех народов" изображался самым мудрым, самым гениальным, самым великим деятелем во все времена истории человечества.

Никита Сергеевич Хрущев родился 4 по старому стилю, а по новому - 17 апреля 1894 года в Курской губернии, в селе Калиновка. Его родители были простыми крестьянами - отец Сергей Никанорович, мать Ксения Ивановна. Кроме Никиты у них была еще дочь Ирина.

Сам Хрущев на завтраке, устроенном в его честь на студии кинокомпании "Твентис Сенчури Фокс" в США 19 сентября

1959 года, рассказывал:

- Вы хотите знать, кто я такой? Я стал трудиться, как только начал ходить. До пятнадцати лет я пас телят, я пас овец, потом коров у помещика. Потом работал на заводе, хозяевами которого были немцы, потом работал в шахтах, принадлежавших французам. Работал на химических заводах, хозяевами которых были бельгийцы, и вот теперь - премьер-министр великого Советского государства.

В другой раз в другом месте, возвращаясь к событиям детства, он снова вспоминал пастушескую и рабочую юность.

- Помню, как я пас овец, только был не чабаном, а рангом ниже. Бывало, чабан меня посылает: а ну, Никита, беги заверни овец. И я бегал, заворачивал их. В деревне я и телят пас... После работал на заводах, в сырых шахтах, частенько приходилось мокрым уходить из шахты и так идти домой за три километра. Никаких бань, никаких раздевалок для нас капиталисты не делали... Если Горький прошел школу "народных университетов", то я воспитывался в шахтерском "университете". Это был для рабочего человека своего рода Кембридж, "университет" обездоленных людей России [29].

Интересно, что, даже занимая высокие посты в 30-х годах, Хрущев психологически не порывал со своей изначальной профессией - слесаря. Будучи первым секретарем Московского областного комитета партии и первым секретарем Московского городского партийного комитета, а также кандидатом в члены Политбюро, он не только радовался своему продвижению, но и постоянно боялся падения. Как он признавался, у него оставалось больше страха, чем торжества из-за огромной ответственности. И он долгое время возил и хранил личный инструмент: метромер, угольнички и другое имущество, необходимое для слесарного дела. На протяжении всего сталинского времени Хрущев жил с чувством, что в любой момент его могут сбросить с занимаемых постов, и тогда он вернется к своей прежней деятельности.

После Октябрьской революции Хрущев возглавил Совет руднично-заводских комитетов профсоюза металлистов горнорудной промышленности. Этот Совет объединял профсоюзные организации восьми крупных шахт и других предприятий Юзовки.

Развернувшаяся вскоре гражданская война застала Хрущева в рядах боевых красногвардейцев. Он вошел в Первый донецкий пролетарский полк, который сражался против белой

армии генерала Каледина. Вскоре Хрущев стал комиссаром, участвовал в героической обороне Царицына... Выступая на студии кинокомпании "Твентис Сенчури Фокс" в Лос-Анджелесе, Хрущев рассказывал о гражданской войне:

- Мне вспоминаются некоторые эпизоды времен гражданской войны, мои встречи и беседы с представителями интеллигенции бывшей царской России. Когда мы разбили белогвардейцев и сбросили их в Черное море, тогда я был в рядах Красной Армии. Наша часть стояла на Кубани, и жил я в доме, принадлежавшем одной интеллигентной семье. Хозяйка в свое время окончила институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. А от меня, видимо, тогда еще углем несло, когда я жил в ее доме. Там жили и другие интеллигенты - юрист, инженер, преподаватель, музыкант. Мы, красноармейцы с ними общались... Когда они познакомились со мной, коммунистом, то увидели, что я не только не питаюсь мясом человека, но попросту голодаю. У меня иной раз даже хлеба нет, но я не только не отнимаю, но даже не прошу ничего... Помню, мне хозяйка дома задавала такой вопрос: скажите, что вы понимаете в балете? Ведь вы простой шахтер... А я, признаться, тогда в балете ничего не понимал, потому что я не только балета тогда еще не видел, но и не встречал балерин. Как говорится, не знал, с чем его едят. Но я говорил, что обождите, все у нас будет, в том числе и балет. Говоря по правде, если бы меня тогда спросили, а что у вас будет, я, может быть, и не смог бы толком объяснить, я твердо верил, что впереди будет лучшая жизнь.

Очень типичный рассказ. Типичный для когорты молодых революционных деятелей, которые в отличие от поколения теоретиков пришли в революцию только с багажом "классового инстинкта". Этот инстинкт формировал сознание по простой схеме: мы рабочие, а они буржуи и помещики, а интеллигенты, конечно, стоят ближе к богатым, чем к бедным. Наше дело - отнять власть у угнетателей рабочего класса, раздавить их сопротивление, подчинить их себе, а там... Конечно, мы устроим новую, невиданную еще на земле жизнь. Как пелось в "Интернационале": "Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем!"

Позже, пройдя огромную школу политической жизни, побывав во многих странах мира, в том числе во Франции, Англии, США, Хрущев, как мы увидим дальше, так и не избавил-

ся от черно-белой схемы, усвоенной им в период революционной юности. Капиталисты на одной стороне, коммунисты - на другой. Здесь рабочие, там - эксплуататоры. Здесь социалистический лагерь, там - капиталистический, и борьба между ними неизбежна, кто-то кого-то должен закопать...

Можно сказать больше: Хрущев был типичен именно как определенная часть рабочего класса - рабочих в первом поколении, тех, которые недавно пришли из деревни. Можно было бы назвать десятки имен потомственных квалифицированных рабочих, прошедших еще до революции и в первые годы Советской власти большую политическую и теоретическую школу. Но Хрущев был из других. Как слесарь и недавний пастух, он в равной мере ненавидел и капиталиста, и помещика, однако туманно представлял себе, чем же можно заменить прежнюю систему, какой должна стать новая...

Жестокое время! Как свидетельствуют сейчас историки, в период гражданской войны погибло четырнадцать - восемнадцать миллионов человек, из них только девятьсот тысяч было убито на фронтах. Остальные стали жертвами тифа, других болезней, а затем белого и красного террора. "Военный коммунизм" отчасти был вызван ужасами гражданской войны, отчасти заблуждениями целого поколения революционеров.

В 1921 году начался новый период - нэп. Требовалось хоть какое-то образование. В мае Хрущев стал курсантом Донского техникума. Одновременно учился на рабочем факультете. За активный и неумный характер, смелость и твердость его избрали секретарем партийной ячейки техникума. А через некоторое время он стал секретарем районного комитета партии в Петрово-Маринском районе, в родных для него местах. То был первый шаг на пути его восхождения к политическому руководству страной.

Впервые на общенациональном уровне он проявился в 1925 году, когда был избран делегатом на XIV съезд партии. На съезде, как известно, произошло резкое столкновение между Сталиным и "новой оппозицией", руководимой Зиновьевым и Каменевым. Хрущев решительно взял сторону Сталина. Вернувшись на родину, в докладе на пленуме окружкома партии заявил: "Наша линия - это линия большинства, то есть съезда партии и ЦК"[37].

Пусть каждый определит свой рубеж, настаивал молодой партийный организатор.

Как видим, с самого начала он выступал вместе с боль-

шинством, а большинством дирижировал Сталин. Сейчас не так легко представить себе, как происходило размежевание сил в ту пору. Многие объясняют успехи Сталина в борьбе против других членов ленинского Политбюро исключительно его мастерством интриг и закулисных махинаций. Но дело обстояло гораздо сложнее.

В результате так называемого ленинского призыва в партию пришли сотни тысяч людей. Это были по преимуществу полуграмотные молодые люди, красноармейцы или работники низовых комсомольских ячеек.

Троцкого, Каменева, Зиновьева, а впоследствии даже Бухарина они воспринимали как "пустых спорщиков", которые затуманивают ясные вопросы.

Иное дело Сталин. Как человек куда менее образованный и культурный, чем Троцкий, Зиновьев и Бухарин, он был ближе к этой массе, никогда не усложнял дело, а выдвигал простые и понятные лозунги. Построить социализм в одной стране. Мобилизовать силы для ускоренной индустриализации. Взять средства для этого из деревни, больше неоткуда. Раздавить оппозицию, которая мешает работать. Противостоять мировому империализму, желающему задушить первую рабочую власть.

Поэтому я склонен думать, что Хрущев искренне брал сторону Сталина. Конечно, для Хрущева, вероятно, имело значение и то, что он поддерживает большинство. Это инстинктивная привычка каждого рабочего человека - чувствовать себя органичной частью коллектива, не выбиваться из общих рядов, не изображать из себя одиночку, которая превосходит всех других. Можно было бы назвать это "стадным чувством", но такое определение неточно, не говоря уже о том, что оно оскорбительно. Скорее, это чувство локтя солдата во время сражения. Победить можно только сообща. А "умники" пускай подчиняются общей воле.

После XIV съезда партии Хрущеву крупно повезло, иначе он так бы и остался на всю жизнь руководителем среднего звена.

Генеральным секретарем ЦК Компартии Украины в 1928 году был избран С.В.Косиор, расстрелянный через десять лет по указанию Сталина. Как было принято, каждый новый руководитель начинал работу с перестройки партийного аппарата, и в числе новых людей, приглашенных Косиором, оказался Хрущев. Он был назначен заместителем заведующего органи-

зационным отделом ЦК КП(б)У. А через год, когда в Москве открылась Промышленная академия, Хрущев стал одним из первых ее слушателей. Здесь он проявил себя как активный борец против сторонников Бухарина, что дало ему возможность возглавить партийное бюро академии.

Понимал ли Хрущев суть разногласий, которые разводили Бухарина со Сталиным, так называемую "правую оппозицию" со сторонниками генеральной линии? Он сам признавался, что не понимал. Сторонники продолжения НЭПа или его свертывания, индустриализация за счет легкой промышленности ("ситцевая индустриализация") или за счет ограбления деревни, насильственная сплошная коллективизация или развитие многоукладности и добровольное кооперирование в деревне, сохранение новой партийной демократии или формирование культа личности - все эти вопросы были довольно далеки от хрущевского миропонимания и мироощущения.

Но что он понимал хорошо - это вопросы борьбы за власть и влияние. Он видел, как сторонники Бухарина в Промакадемии стремились "протащить" своих представителей на Бауманскую районную партконференцию. Тем самым отодвинуть его и других руководителей партбюро. И тут уже было не до теоретических споров. Стенка на стенку. Кто - кого. В этой борьбе Хрущев, конечно, чувствовал за спиной могучую опору, поскольку поддерживал официальную сталинскую линию - линию подавляющего большинства, тогда как оппозиционеры имели весьма немногочисленных сторонников.

4

Счастливым случаем оказалось не только то, что Хрущев попал в Промышленную академию, где сразу выдвинулся как партийный руководитель. В этой академии училась Надежда Сергеевна Аллилуева - жена Сталина. Она была избрана парторгом в одной из групп и поэтому часто общалась с Хрущевым. Хрущев полагал, что именно ей он обязан тем, что на него обратил внимание Сталин.

- Когда я уже стал секретарем Московского комитета и областного и со Сталиным часто встречался, - рассказывал позднее Хрущев, - бывал у Сталина на семейных обедах, когда еще была жива Надежда Сергеевна, то я уже понял, что о жизни Промышленной академии и о моей роли в борьбе за генеральную линию в академии она много рассказывала, видимо,

Сталину, и Сталин мне потом много в разговорах напоминал... Это, я считаю, определило и мою позицию и, главное, отношение ко мне Сталина. Вот я и называю это лотерейным билетом, что я вытащил счастливый лотерейный билет. И поэтому я остался в живых, когда мои сверстники, мои однокашники, мои друзья-приятели, с которыми я вместе работал в партийных организациях, большинство сложило голову как враги народа [20].

Такую искренность, такое самоуничужение вряд ли мог позволить себе кто-либо, кроме Хрущева. Обычно каждый склонен искать причины своего успеха в личных достоинствах, умелых шагах и движениях, точном понимании ситуации, что особенно необходимо во время плавания по политическому морю, тем более такому бурному, как в 30-х годах. Хрущев не переоценивал своих способностей: встреча с Надеждой Аллилуевой предопределила его дальнейшую судьбу. Но несомненно и то, что сам он не зевал, активно боролся за продвижение по политической лестнице. Скорее всего, самыми значительными шагами к политической карьере он был обязан главному редактору "Правды" Л.З.Мехлису, которому, по-видимому, стало известно о его активной борьбе против "правой оппозиции" в Промакадемии. И он предложил Хрущеву выступить с провокационной статьей в "Правде", которая громила сторонников Бухарина.

Это было перед XVI съездом партии, то есть летом 1930 года. По собственному признанию Хрущева, как отмечалось, представители "правой оппозиции" пытались выдвинуть на Бауманскую районную партийную конференцию делегацию, составленную из своих сторонников. Они отправили Хрущева в командировку в колхоз, подшефный Промакадемии, чтобы он не помешал им осуществить их замыслы. Когда Хрущев вернулся, партийная конференция уже заседала, и представлены на ней были главным образом "правые". И вот во время заседания его вдруг вызвали к телефону. Когда он взял трубку, то услышал: "Говорит Мехлис, редактор "Правды". Вы могли бы сейчас приехать ко мне, я пошлю за вами машину, есть срочное дело, по которому мне надо с вами поговорить".

Через некоторое время к общежитию, в котором жил Хрущев, подкатила машина, и вот он уже в "Правде" у Мехлиса. Тот зачитал ему письмо, якобы полученное от Промакадемии. В письме разоблачались "махинации" в бюро партячейки, которое незаконными средствами провело на Бауманскую

районную партконференцию "правых оппозиционеров".

- Вы согласны с содержанием письма? - спросил у Хрущева Мехлис.

- Полностью, - сказал Хрущев.

- Вы согласны подписать такое письмо? - Но как же я могу его подписать? - удивился Хрущев. - Ведь я не писал этого письма. Я даже не знаю, кто его написал.

- Не важно, - ответил Мехлис. - Я прошу подписать это письмо потому, что я вам доверяю. Я много слышал о вас и той роли, которую вы играете в Промакадемии. Ваша подпись даст мне уверенность в том, что письмо отражает подлинное положение в академии.

- Ну хорошо, я подпишу, - согласился Хрущев.

Он подписал письмо, его посадили в машину и отвезли в общежитие. На следующий день, 26 мая 1930 года, письмо появилось в "Правде". Оно грянуло будто гром с ясного неба. В академии занятия были приостановлены, начались заседания с требованием отозвать делегацию, посланную на Бауманскую районную партконференцию. Кстати говоря, по списку Промакадемии проходили также Сталин и Бухарин. Конечно, об отзыве Сталина не могло быть и речи, а что касается Бухарина, то его никто не отзывал, поскольку было получено указание сверху пока не трогать Бухарина. Кто же был отозван? Рыков, Угланов и другие, так называемые "правые уклонисты". Хрущев, конечно, председательствовал на этом собрании и был избран делегатом на партконференцию. Эти перемены были произведены с такой быстротой, что не оставалось времени отпечатать новые мандаты. Поэтому новоиспеченным делегатам были даны мандаты старых делегатов. Хрущева даже хотели не пустить на конференцию, так как на мандате стояло не его, а другое имя. Но он прорвался [28].

Надо думать, что именно этот случай, а вероятно, и многие другие, подобные ему, сыграли решающую роль в стремительном продвижении Хрущева наверх. Такие поступки вряд ли делали честь молодому выдвиженцу.

Немалую роль в карьере Хрущева сыграл Л.М.Каганович, который в ту пору был членом Политбюро, секретарем ЦК ВКП(б) и первым секретарем Московского обкома партии. Они были знакомы еще на Украине. И именно Кагановичу принадлежала инициатива первых крупных назначений Хрущева. По рекомендации Кагановича в 1931 году он до окончания Промакадемии был избран первым секретарем Бауман-

ского райкома партии. Но и здесь не засиделся. Через несколько месяцев Хрущев стал секретарем Краснопресненского райкома и уже в 1932 году - вторым секретарем МК и МГК партии.

XVII съезд ВКП(б), обернувшийся трагедией для двух третей его делегатов, которых Сталин уничтожил либо сгноил в тюрьмах, послужил площадкой для нового взлета Хрущева. Сразу после съезда он становится секретарем горкома и вторым секретарем Московского обкома партии (первым был Каганович). А в 1935 году, едва достигнув сорока лет, Хрущев занимает пост первого секретаря МК и МГК. Это было крупное назначение, поскольку в Московскую область тогда входили территории нынешней Тульской, Калужской, Рязанской и Калининской областей.

Самая мрачная, самая туманная страница в биографии Хрущева, которая остается не до конца выясненной до сих пор, - это степень его участия в массовых репрессиях в середине 30-х годов. Сейчас, когда открываются архивы о чудовищных избиениях в тот период, на многих списках людей, подлежащих "ликвидации", рядом с подписями Сталина, увы, мы находим и подпись Хрущева.

Нет никаких сомнений в том, что он был молотом, а не наковальней, хотя и не играл той роли, которую играли более высокопоставленные вожди, такие, как Молотов, Микоян, Каганович, Андреев, Ворошилов.

Сталин имел обыкновение повязывать всех членов руководства круговой порукой. Они должны были разделить с ним ответственность за уничтожение своих бывших друзей и соратников.

- Когда заканчивали следственное дело, - вспоминал Хрущев, - и Сталин считал, чтобы другие его подписали, то он тут же на заседании подписывал сам... и сейчас же круговую давал, кто тут сидел, и те, не глядя, по информации, которую давал Сталин, как он характеризовал это преступление, подписывали; тем самым вроде коллективный приговор был...

Очевидно, избежать общей круговой поруки участников массовых убийств Хрущев не мог.

Вот характерный рассказ самого Хрущева. - Все кандидаты в члены Московского городского комитета партии, как и кандидаты в члены районных комитетов Москвы, должны были выбираться с одобрения НКВД. Именно НКВД принадлежало последнее слово - можно ли выбрать в райком или гор-

ком такого человека. Нам думалось, что так и надо, иначе враги пролезут в партийные органы. Вот что произошло на Московской партконференции в 1937 году. В Военной академии имени Фрунзе работал один военком, которого мы в районе считали хорошим товарищем. При выборах в горкоме мы выдвинули его кандидатуру, и когда в момент голосования было названо его имя, вся конференция долго и горячо аплодировала. Вдруг в этот самый момент принесли мне записку из НКВД: "Примите меры, чтобы этот человек не прошел в горком партии. Ему доверять нельзя, он связан с врагами народа и будет арестован". Мы послушали - и выступили против этого человека. На делегатов конференции это произвело тяжелое впечатление. Следующей ночью этот человек был арестован.

Хрущеву приходилось нередко изменять своему, в общем-то, честному и искреннему характеру. Тогда был установлен порядок, что партийные руководители, работая в тесном сотрудничестве с органами НКВД, должны были посещать тюрьмы. Хрущев рассказал об одном из таких посещений, в ходе которого он встретил в тюрьме старого большевика Трейваса. В 20-е годы Трейвас был широко известен как комсомольский деятель.

- Трейвас, - вспоминал Хрущев, - работал очень хорошо, преданно, активно. Это был умный человек, и я был им очень доволен. Трейвас трагически кончил свою жизнь. Он был избран секретарем Калужского горкома партии и хорошо работал там. Гремел, если можно так сказать, Калужский горком. А когда началась эта вся мясорубка в 1937 году, то и он не избежал ее. Я встретился с Трейвасом, когда он сидел в тюрьме. Тогда Сталин выдвинул идею, что секретари обкомов должны ходить в тюрьмы и проверять правильную деятельность чекистов, поэтому я тоже ходил..."[20].

Конечно, Хрущев не предпринял никаких шагов, чтобы спасти Трейваса, да это было и невозможно. Выбор был простой: либо ты сажаешь в тюрьму, либо тебя сажают. Правда, многих участников тех страшных избиений постигла и та и другая участь. Вначале они сажали, потом сами становились жертвами репрессий. Мясорубка, о которой говорил Хрущев, работала безостановочно.

Надо думать, что именно в результате послушания Хрущев в январе 1938 года был избран депутатом Верховного Совета СССР и членом его Президиума. В то же самое время он стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В тот страшный 1937 год были уничтожены почти все члены ЦК партийной организации Украины. В республике было арестовано около 150 тысяч коммунистов[20]. На Украину 29 января 1938 года в качестве руководителя республиканской партийной организации был направлен Хрущев. Ему в известном смысле повезло, поскольку в это время основная волна репрессий уже спала. Однако, вероятно, он все же приложил руку к их завершению.

Трудно сказать, спрашивали ли у него согласия на арест Постышева и Косиора, который произошел в 1938 году за пределами республики. Но в речи на XVIII съезде партии в 1939 году Хрущев счел необходимым сказать, что "украинский народ" с ненавистью относится к буржуазным националистам, ко всем этим подлым шпионам - любченкам, хвильям, затонским и прочей нечисти. Все это были казненные бывшие украинские руководители.

Хрущев тогда был стопроцентным сталинцем. Во многих местах мемуаров он с подкупающей откровенностью признается, что при жизни Сталина полностью находился под его влиянием. Странно звучат в его устах на закате дней высказывания о том, что он находился в плену "сталинского обаяния". Делясь впечатлениями о драматическом XVII съезде партии, Хрущев замечает, что в течение всей его работы в Московском городском партийном комитете он довольно часто имел возможность общаться со Сталиным, слушать его и даже получать непосредственные указания по тем или иным вопросам. Он был "буквально очарован Сталиным", "его предупредительностью, его заботой". Все, что он видел и слышал от Сталина, производило на него "чарующее впечатление".

Эта "очарованность" Сталиным не была поколеблена и после убийства Кирова. Хрущев подробно рассказывает об этом трагическом событии, поскольку как руководитель Московской партийной организации был вовлечен в него непосредственно. Вечером 1 декабря 1934 года, вспоминает Хрущев, ему позвонил Каганович и попросил срочно приехать. Хрущев вызвал машину, въехал в Кремль, и первый, кого он встретил, был Каганович, который, по-видимому, ждал его. "Я видел по наружности, внешности, значит, страх... вид у него такой был, какой-то... настораживающий. Меня буквально огорошило, думаю, что случилось? Значит, он говорит, вы знаете, несчастье. Кирова убили в Ленинграде". Каганович со-

общил, что намечается делегация, поедут Сталин, Ворошилов, Молотов, а от Московской парторганизации и московских рабочих делегацию должен сформировать Хрущев.

Хрущев собрал делегацию и выехал тем же поездом, что и Сталин, Ворошилов, Молотов. Каждый из тройки занимал отдельный вагон, поэтому Хрущев их в дороге не видел и поделился впечатлениями от встреч в Ленинграде. Он сообщает, что не сомневался в выдвинутой тогда версии: убийцей был Николаев, исключенный из партии якобы за участие в троцкистской оппозиции, и считал это делом рук троцкистов. "Повидимому, они организовали убийство", и "это вызвало у всех нас искреннее возмущение и негодование".

Больше всего Хрущева поразило то, как переживал убийство Кирова Каганович, который, по его словам, был очень напуган. Что касается Сталина, то он увидел его только тогда, когда тот стоял в почетном карауле у гроба Кирова в Ленинграде. "Сталин умел себя держать, лицо его было непроницаемо".

После убийства Кирова в Москве началась чистка, направленная, главным образом, против уголовных элементов, поскольку "действительно Москва была засорена". Поэтому составлялись списки, подозрительных стали высылать. Хрущев участвовал в проведении кампании. По его словам, это был первый этап чистки после убийства Кирова. На самом деле высылали, конечно, не только уголовных, а больше всего политических. Какая судьба постигла высланных людей и что это были за люди, Хрущев, по его утверждению, не знал"[45].

Подобно Понтию Пилату, Хрущев как бы умывает руки в связи с этой крупнейшей чисткой в Москве. Указания о ней он принимал как должное, списки, надо думать, с ним согласовывались. А если нет, то он "нездорового интереса" к тому, кого, за что и куда высылают, не проявлял.

В мемуарах Хрущев подробно сообщает о репрессиях против военных. Он описывает каждого из тех, кого знал лично, прежде всего Якира, Тухачевского, Блюхера, Уборевича, болезненно вспоминает об их трагических судьбах. Но собственной вины Хрущев не чувствует, поскольку тогда находился на Украине и непосредственного участия в репрессиях против высшего и среднего командного состава армии не принимал. Ощущая в глубине души боль и страх в связи с происходящим, он, однако, гнал от себя эти мысли и уж во всяком случае не ставил под сомнение правильность политики Сталина. Веро-

ятно, так оно и было. Иначе такому человеку, как Хрущев, невозможно было бы скрыть свое отношение к тому, что творилось, и уцелеть в жестокие годы. Единственный выход - уйти в себя, сосредоточиться на решении текущих проблем, гнать всякие сомнения и подозрения, не делиться ни с кем.

Роль Хрущева в массовых репрессиях, в сталинских чистках несравнима с ролью ближайших соратников Сталина. Отчасти это объясняется тем, что он почти двенадцать лет прожил вне Москвы. Сталин мало информировал Хрущева, как и других республиканских руководителей, о делах и решениях Политбюро, особенно закулисных, тайных, связанных с репрессиями или гонениями на тех или иных людей. И все же объяснение, почему именно Хрущев стал инициатором разоблачения Сталина после его смерти, связано не только с этим. Главное - личные качества Хрущева: человечность, доброта и искренность, которые он так и не мог выдать из себя, несмотря на участие во многих ужасающих делах того времени.

Эту черту, кстати сказать, первым заметил Сталин. Известный английский биограф Хрущева Э.Кренкшоу пишет:

"Затем пришла война. Одетый теперь в военную форму, Хрущев, став политическим советником некоторых из наиболее способных генералов, впервые попал в мир, далекий от замкнутого кремлевского круга. Он оказался на стороне солдат против своих собратьев. Он непосредственно ощутил горькую ненависть к режиму, к тому режиму, с которым был связан и он сам; эту ненависть продемонстрировал простой народ Украины в самом начале войны". Характерный случай произошел в 1946 году. На Украине был неурожай, и республике постиг страшнейший голод. Между тем из Москвы пришла установка сдать государству 400 миллионов пудов зерна. Это было во много раз больше того, что можно было собрать на полях Украины. Одним словом, украинский народ остался бы абсолютно без хлеба.

Секретарь Одесского обкома партии А.И.Кириченко рассказал Хрущеву о посещении одной из деревень области. Его пригласили зайти к какой-то колхознице, и застал он там ужасную картину. Сумасшедшая женщина разрезала труп своего ребенка, не то мальчика, не то девочки, и приговаривала: "Вот Манечку мы съели, а теперь Ванечку засолим, и нам хватит на какое-то время". Много случаев людоедства было и среди нормальных людей. Эти факты потрясли Хрущева. И, несмотря на прямое указание Москвы, он решил написать

записку Сталину о том, что Украина не может выполнить никаких поставок зерна, а напротив, сама нуждается в помощи из государственных запасов. Записка вызвала взрыв негодования у Сталина. Он направил Хрущеву оскорбительную телеграмму, в которой обозвал его "сомнительным типом" и приказал приехать в Москву.

Хрущев немедленно выехал. Он был готов ко всему, даже к тому, что его объявят "врагом народа" и тут же отправят на Лубянку. Тем не менее он решился сказать Сталину, что его докладная записка точно отражает положение дел на Украине. Хрущев настаивал на оказании экономической помощи. Но это только разжигало гнев Сталина.

- Ты мягкотелый! - сказал он Хрущеву. - Тебя обманывают, они играют на твоей сентиментальности. Они хотят, чтобы мы растратили государственные запасы.

Многие "накручивали" Сталина, подогревая его недоверие к Хрущеву. Чекисты распространяли слухи, что он поддался местному влиянию и превратился в украинского националиста. Тем не менее в том же 1946 году Хрущев еще раз посетил Сталина и рассказал ему следующий случай.

Приехал Хрущев в гости к двоюродной сестре, которая жила в деревне. У нее прежде было несколько яблоневых деревьев, но они исчезли.

- А где же яблони?

- Я их вырубил!

- Как так "вырубил"? Зачем?

- Да на каждую яблоню надо налог платить...

Когда Хрущев закончил рассказ, Сталин обвинил его в стремлении отменить налог и закричал: "Ты - народник! Вот кто ты!... Народник!" [28].

Многие исследователи на Западе считают, что именно эта "народническая" идеология Хрущева и послужила причиной его крутого поворота в оценке Сталина на XX съезде партии. Я не совсем согласен с этим. Само понятие "народничество в России" расходится с тем, что на Западе называют "популизмом". К тому же общественное движение 60-80-х годов прошлого века в России отнюдь не всегда было связано с подлинной защитой, да и с подлинным пониманием народных интересов. Народники, как известно, убили царя Александра II Освободителя. Они не гнушались методами террора. Их идеализация "народа вообще", "народного духа", превосходства народа над "бесхребетной, слабохарактерной, либераль-

ной интеллигенцией" сыграла самую дурную роль в подготовке умонастроений революций февраля и октября 1917 года. Ненависть к помещикам и капиталистам у них нередко сливалась с отрицанием западной культуры и всякой цивилизованности. Что касается методов борьбы, то здесь они ничуть не уступали представителям чиновно-полицейской власти. Ответом на государственный террор, по их мнению, мог быть только террор снизу.

Не думаю, что Сталин, бросая Хрущеву обвинение в народничестве, имел в виду его приверженность именно к данному с исторически определенными чертами течению. Скорее, это была грубая, вульгарная оценка приверженности Хрущева к защите простого человека. Не зря Сталин ставил на одну доску народничество, мягкотелость и сентиментальность Хрущева.

Первозданный, можно сказать, генетический гуманизм, не растраченный Хрущевым, несмотря на все испытания той суровой эпохи. - вот, по моему мнению, главная причина, по которой именно Хрущев стал великим тираноборцем и сокрушителем культа Сталина и режима его власти. Нормальный человеческий страх удерживал его от защиты несправедливо казнимых людей в период сталинщины. Но тем сильнее накапливались в его душе боль, раскаяние, чувство вины и ответственности за все, что происходило.

Интересно отметить, что первый президент Украины Леонид Кравчук, объясняя свои национально-патриотические чувства, ссылаясь именно на этот эпизод, который так потряс Хрущева, - голод 1947 г. Кравчук полагает, что этот голод был создан искусственно и умышленно, но грешит в этом случае не на Сталина, а на Россию. Такова плата страны за ошибки своих вождей. Ничего не проходит даром. Удар, нанесенный сегодня по национальному сознанию, может отозваться через 20, через 50 лет, но генетическая память сделает свое дело. И трудно убедить претерпевший народ, что это только вина тирана, а не всего руководимого им государства.

... Итак, Хрущев пришел к власти не случайно и одновременно случайно. Сам Сталин, поднимая его с одной ступеньки на другую, невольно подготовил почву для возвышения Хрущева. Он не распознал в нем выразителя того направления в партии, которое в других условиях и, вероятно, по-иному было представлено такими несхожими деятелями, как Бухарин, Рыков, Рудзутак, Киров. Это были сторонники развития

НЭПа, демократизации, противники насильственных мер в промышленности или в сельском хозяйстве, а тем более в культуре. Несмотря на жестокие сталинские репрессии, это направление никогда не умирало. В этом смысле приход Хрущева был закономерным.

Но, конечно, здесь был и большой элемент случайности. Если бы Маленков столкнулся с Берией, если бы "сталинская гвардия" сплотилась в 1953 году, а не в июне 1957 года, не быть бы Хрущеву лидером. Сама наша история могла пойти по несколько иному руслу. Нам трудно сделать это допущение, но на самом деле все висело на волоске.

И все же История сделала правильный выбор. То был ответ на реальные запросы нашей жизни. Все более нищавшая и, по сути, полуразрушенная деревня, технически отставшая промышленность, острейший дефицит жилья, бедность всего населения, миллионы заключенных в тюрьмах и лагерях, изолированность страны от внешнего мира - все это требовало новой политики, радикальных перемен. И Хрущев пришел - именно так! - как надежда народа, предтеча нового времени...

Глава вторая

ТИРАНОБОРЕЦ

1

Как решился Хрущев выступить с докладом о Сталине, зная, что подавляющее большинство делегатов будет против разоблачения? Откуда он почерпнул такое мужество и такую уверенность в конечном успехе? То был один из редчайших случаев в истории, когда политический руководитель поставил на карту свою личную власть и даже жизнь во имя высших общественных целей. В составе послесталинского руководства не было ни одного деятеля, который смог бы выступить с подобным докладом о культе личности. Хрущев, и только Хрущев мог сделать это - так смело, так эмоционально и во многих отношениях так необдуманно. Надо было обладать натурой Хрущева - отчаянностью до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг. Бесспорно, интересна его собственная оценка момента, прозвучавшая во время встречи с зарубежными гостями съезда.

Доклад был, как известно, сделан уже после того, как состоялись выборы в ЦК КПСС и Хрущев был избран Первым секретарем ЦК партии. Вероятно, он считал неосмотрительным выступление с докладом до выборов.

Помню, как проходило чтение секретного доклада в редакции журнала, в котором я тогда работал. Читали его по очереди три человека, и каждый вкладывал частицу своих чувств в произносимые слова. Молодой редактор отдела, человек моего поколения, получивший образование в специальном привилегированном Институте международных отношений, читая, как будто даже радовался чему-то: то ли раскрытой наконец правде, то ли разоблачениям представителей ста-

рой генерации. А один из ее представителей, в свою очередь читая текст, спотыкался на каждой фразе, беря ее на зуб, как бы взвешивая достоверность информации и покачивая головой, всем видом своим показывая недоверие и неуместность происходящего.

Больше всего поразили факты о сталинских репрессиях. Никто из нас - решительно никто - не мог предположить масштабов злодеяний, хотя тогда и не была сказана вся правда обо всех пострадавших. Но и то, что стало известно, потрясло наши души.

Большинство работников журнала "Коммунист" реагировало отрицательно, многие высказывали сомнения. Сталин еще слишком живо ассоциировался с победой в тяжелейшей войне, ему приписывали и достижения первого периода восстановления народного хозяйства, и уж, конечно, с его именем была связана вся идеологическая жизнь в стране. Было ясно: страна должна отвергнуть старый путь. Неясно только было, каким будет новый путь, как быстро дадут эффект новые решения. Всем хотелось плыть дальше и скорее, но многие опасались, что поиск новых путей и ломка традиций могут дестабилизировать обстановку и раскачать лодку.

Хрущев отмечал в воспоминаниях, что после смерти Сталина и вплоть до ареста Берии сталинские принципы управления страной продолжали действовать. Все оставалось, как было. Никто и не думал о том, чтобы реабилитировать людей, которые погибли и были заклеены как "враги народа", или освободить из лагерей заключенных.

- В течение трех лет, - повествует Хрущев, - мы оказывались не в состоянии порвать с прошлым, не в состоянии найти мужество и решимость приподнять занавес и взглянуть на то, что за этим занавесом скрывается, - аресты, судебные процессы, произвол, расстрелы и все остальное, что происходило в стране в период диктатуры Сталина. Казалось, что мы оставались скованными рамками своей собственной деятельности под властью Сталина, не могли освободиться из-под его контроля и после его смерти. Вплоть до 1956 года мы были не в состоянии психологически избавиться от представления о "врагах народа". Мы упорно продолжали верить в то, что, по мысли Сталина, мы окружены врагами, с которыми надо бороться, пользуясь методами, оправданными теоретически и проводимыми в жизнь Сталиным. Мы ведем жесткую классовую борьбу и укрепляем базу нашей революции. Мы не могли

себе представить, что все эти казни и процессы были с юридической точки зрения сами по себе преступными. И тем не менее так оно и было. Сталиным были совершены действия, которые считались бы преступными в любой стране, за исключением фашистских государств Гитлера и Муссолини.

Когда же возникли у Хрущева сомнения в "сталинском гении"?

Первый психологический перелом он испытал после ареста и разоблачения Берии. Как человека эмоционального, Хрущева всегда потрясали отдельные факты и судьбы конкретных людей. Но даже те факты, которые выплеснулись во время процесса над Берией, не произвели переворота в его сознании. Он продолжал во всем обвинять лично Берию. "Мы делали все возможное, чтобы выгородить Сталина, не отдавая себе полного отчета в том, что защищаем преступника, убийцу, виновного в массовом истреблении людей. Повторяю, только в 1956 году мы освободились от своей приверженности к Сталину".

Это не совсем точно. К.Симонов в воспоминаниях "Глазами человека моего поколения" пишет о конфликте, который произошел у него с Хрущевым. Через несколько дней после смерти Сталина Симонов опубликовал в "Литературной газете" статью, в которой провозглашал главной задачей писателей отразить великую историческую роль величайшего гения - Сталина. Хрущев был крайне раздражен этой статьей. Он позвонил в Союз писателей и потребовал смещения Симонова с поста главного редактора "Литературной газеты". Этого ему добиться не удалось, но очевидно, что уже тогда у Хрущева возникло новое отношение к Сталину.

Обратимся к докладу Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 24-25 февраля 1956 года.

Главное содержание составляет рассказ о чудовищных сталинских избиениях людей. Приведя данные о массовых репрессиях, Хрущев подробно рассказал о трагической судьбе Постышева, Эйхе, Рудзутака и многих других партийных деятелей.

Я.Э.Рудзук, кандидат в члены Политбюро, член партии с 1905 года, проведший десять лет на царской каторге, категорически отказался на суде от вынужденных признаний, "выбитых" из него в ходе следствия. В протоколе сессии Военной коллегии Верховного суда есть следующее заявление Рудзутака:

"...Единственная просьба к суду - это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными... Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном"[25]. Это заявление было оставлено без внимания. В течение двадцати минут был вынесен приговор, и Рудзутака расстреляли.

Когда в 1939 году волна массовых арестов стала спадать, когда руководители партийных органов с периферии стали обвинять работников НКВД в том, что к арестованным применялись меры физического воздействия, Сталин 10 января 1939 года отправил шифрованную телеграмму секретарям областных и краевых комитетов, ЦК компартий республик, народным комиссарам внутренних дел и руководителям органов НКВД. В ней говорилось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)". Это "правильный и целесообразный метод".

Конечно, Хрущев тогда не сказал, да и не мог сказать всей правды о сталинских репрессиях. Сейчас называют цифру в 40 миллионов пострадавших, включая мнимых "кулаков" в 30-х годах и репрессированные народы по время Отечественной войны. Но в докладе Хрущев выплеснул накопившееся глубокое негодование, протест и отвержение варварских методов допросов, избиения, уничтожения честных и ни в чем не повинных людей.

Уже в тот момент возник вопрос: кто же из живущих понесет ответственность за эти преступления и каковы гарантии, что они не повторятся? Хрущев поставил первый вопрос, но не коснулся второго. "Мы должны серьезно разобраться и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам", - говорилось в докладе.

Анализируя причины массовых репрессий, Хрущев видел их в том, что Сталин настолько возвысил себя над партией и

народом, что перестал считаться и с Центральным Комитетом, и с партией. Если до XVII съезда он еще прислушивался к коллективу, то после полной политической ликвидации троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, когда в партии в результате этой борьбы и социалистических побед было достигнуто полное единство, Сталин начал все больше и больше пренебрегать мнением членов ЦК и даже членов Политбюро. Сталин думал, что теперь может решать всё один, а те, кто еще был нужен ему, - это статисты; со всеми другими он обходился так, что им только оставалось слушать и восхвалять его.

Итак, Хрущев видел главную причину репрессий в совершенно неумеренном и беспрецедентном насаждении Сталиным своего культа личности. Хрущев привел материалы из "Краткой биографии" Сталина и "Истории ВКП(б). Краткий курс", написанных группой авторов. Сталин сделал свои вставки в эти книги. Вот что он писал о себе: "Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования". В первоначальном тексте биографии была следующая фраза: "Сталин - это Ленин сегодня". Но Сталину это предложение показалось слишком слабым, поэтому он изменил его так: "Сталин - достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин - это Ленин сегодня". И еще: "Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их".

Хрущев рассказал также, как Сталин поправил авторов и написал в своей "Краткой биографии": "В 1938 году вышла в свет книга "История ВКП(б). Краткий курс", написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)". И, наконец, Хрущев подчеркнул, что даже цари не создавали премий, которые они называли своими именами. Апофеозом превозношения Сталина стал текст Государственного гимна СССР, одобренный им самим: "Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил".

Напомню, что в секретном докладе было впервые обнародовано политическое завещание Ленина, в котором Владимир Ильич предлагал переместить Сталина с поста Генсека. Здесь же говорилось о его полном пренебрежении принципами коллективного руководства.

Хрущев противопоставляет ленинское отношение к оппо-

зиции сталинскому, отмечает, что Ленин не останавливался перед красным террором и применял самые суровые меры подавления врагов, однако делал это только в исключительных случаях. Он приводит слова из доклада Ленина на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года, в котором Владимир Ильич объявил об отмене смертной казни: "Террор был нам навязан терроризмом Антанты... Как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле".

Осуждая террор, Хрущев подчеркивал, что чрезвычайные методы следовало применять лишь против тех, кто действительно совершал преступления против советской системы.

Помню, мне уже тогда показались недостаточными или даже наивными объяснения Хрущевым причин сталинского массового террора. Он искал их прежде всего в личных качествах Сталина и даже впоследствии в мемуарах снова возвращался именно к такому истолкованию, в сущности, иррациональных массовых избиений. Он пишет или "о деспотизме Сталина". или о том, что Сталин был "очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрительным".

То же самое Хрущев констатирует в связи с так называемым "делом врачей". По сообщению Хрущева, Сталин вызвал бывшего министра государственной безопасности С.Д.Игнатьева и заявил ему: "Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова". Дал указание: "Бить, бить и бить". Его подозрительность, умноженная на личный произвол, усилила стремление неограниченной самодержавной власти.

Хрущев рассказывал, как на одной из встреч Сталин сообщил ему о конфликте с Югославией и Тито. Сталин спросил, показывая какой-то документ: "Вы это читали?" - и, не ожидая ответа, сказал: "Стоит мне пошевелить мизинцем - и Тито больше не будет. Он слетит...". "Такое заявление. - замечает Хрущев, - отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем - и нет Косиора. еще раз мизинцем - и нет уже Постышева, Чубаря. Шевельну опять мизинцем - и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие".

Нельзя сказать, что Хрущев полностью сводил объяснения деспотизма Сталина к его личным качествам. Но приходится констатировать, что он проделал только часть пути от критики Сталина к критике сталинизма как режима. К критике системы в целом он не подошел. Это можно, в частности, видеть из заключительных выводов доклада на XX съезде партии.

Хрущев - не думаю, что только в угоду партийным функционерам, а достаточно искренне - отмечает несомненные заслуги Сталина перед партией, рабочим классом, международным рабочим движением. По его мнению, Сталин был убежден, что все, что он делал, нужно для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. "Нельзя сказать, - говорил Хрущев, - что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!"

В этом ярко проявляется двойственность Хрущева. С одной стороны, он призывал сделать все, чтобы навсегда покончить с культом личности как чуждым марксизму-ленинизму явлением, вернуться к тщательному осуществлению на практике ленинских принципов партийного руководства и, наконец, восстановить полностью социалистическую демократию, выраженную в Конституции СССР, бороться против лиц, злоупотребляющих властью. С другой стороны, он все еще разделял генеральную линию Сталина по вопросу коллективизации, индустриализации, в борьбе против оппозиции.

Так, Хрущев даже в разоблачительном докладе на XX съезде КПСС утверждал: "Партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль... Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928-1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на "ситцевую индустриализацию", ставка на кулака и тому подобное. У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов. мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением".

Ошибка Сталина Хрущев видит в деформации ленинской политики. Не в самом подходе к ней, а лишь в деформации методов, а именно в применении суровых репрессивных мер, что

было нетерпимо, когда социализм, как считал Хрущев, был в основном построен и эксплуататорские классы ликвидированы.

Итак, в целом сталинскую эпоху Хрущев характеризует следующим образом: цели правильные, методы - ложные, вредные, варварские. Такова основная концепция знаменитого доклада на XX съезде партии. Странно, но до сих пор мы слышим те же доводы противников радикальной структурной перестройки существующей в нашем обществе системы...

Конечно, антиисторично критиковать выводы Хрущева только с позиции сегодняшнего дня и не замечать последовавшие за ними позитивные сдвиги. Почти 40 лет прошло с момента XX съезда, накоплен огромный опыт - в чем-то позитивный, в чем-то негативный. И сейчас мы видим главное - величие подвига, совершенного Хрущевым в тот драматический момент. К массовым репрессиям возврата уже не могло быть, хотя преследование инакомыслия все еще продолжалось. Культ личности при Брежневе возродить не удалось, несмотря на усилия брежневских клеветов, сочинивших девять томов его "произведений", позабытых на второй день после его кончины. Но сейчас, с позиции нового политического опыта, мы лучше видим недостатки анализа и выводов, сделанных Хрущевым на XX съезде партии. Он осудил тиранию, но не затронул авторитарную власть, отверг культ личности, но в значительной степени сохранил систему, которая его породила. Он сорвал маску с идола, выявив отрицательные личные качества Сталина, его характер, но разве можно объяснить жестокость Нерона или Калигулы, Гитлера или Муссолини только их личными качествами?

Конечно, для системы деспотизма нужен деспот. Однако вопрос в том, почему появляется такая система, которая приводит деспота к власти, и почему народ, или, по крайней мере, его большинство, преклоняется перед деспотом? Приходится признать, что Хрущев, осудив чудовишные крайности сталинского режима, в период XX съезда партии все еще оставался в плену многих сталинских представлений о социализме.

После XX съезда началось брожение умов. Наиболее горячие головы стали требовать дальнейшей десталинизации, но натолкнулись на жесткое противодействие партийного и государственного аппарата. Всю Москву обошло сообщение о том, что распущена одна из партийных организаций в академическом институте в связи с требованиями, прозвучавшими

при обсуждении секретного доклада, - привлечь к ответственности всех виновных в массовых репрессиях. Эта акция, принятая, как говорили, по указанию М.А.Суслова, показала лимиты, которые устанавливало партийное руководство в критике сталинизма. Не будем забывать, что в него тогда входили такие соратники и откровенные последователи Сталина, как Молотов, Маленков, Каганович и другие.

Однако остановить поток сталинисты уже были не силах, особенно потому, что доклад вскоре перестал быть секретом для мирового общественного мнения. Есть все основания полагать, что именно Хрущев позаботился об этом. У меня нет сомнений, что лично от него исходила инициатива познакомиться с содержанием доклада представителей коммунистических и рабочих партий, приехавших на XX съезд КПСС.

Вначале с докладом были ознакомлены главы делегаций компартий - В.Червенков, М.Ракоши, В.Ульбрихт, М.Торез, П.Тольятти, Д.Ибаррури, Й.Коплениг. В конце февраля 1956 года текстом доклада располагал уже Иосип Броз Тито, прочитавший его членам Исполкома Союза коммунистов Югославии.

14 марта Тольятти, рассказывая Центральному Комитету своей партии о XX съезде КПСС, подверг критике собственные политические действия в прошлом. 16 марта "Нью-Йорк таймс" помещает статью своего московского корреспондента о закрытом докладе Хрущева. На другой день его основное содержание пересказало агентство Рейтер. 19-21 марта весьма смягченное резюме доклада напечатала газета "Юманите" - орган Французской компартии. 20 марта изложение доклада публикует югославский еженедельник "Коммунист".

Копии доклада стали быстро распространяться по миру и вскоре продавались на черном рынке в Варшаве, где одна из них и была куплена неким американцем за 300 долларов. Шеф ЦРУ Аллен Даллес передает ее брату, государственному секретарю Джону Фостеру Даллесу, а тот воспроизводит доклад Хрущева 4 июня на страницах "Нью-Йорк таймс", а 6 июня - "Монд"[44].

Таким образом, Хрущев впервые за всю историю Советской власти пустил в ход прием - апеллировать к международной общественности при решении проблем внутрипартийной борьбы. Он укреплял свои позиции в партии и стране, опираясь на поддержку и сочувствие прогрессивных сил в комдвижении и даже "буржуазного" общественного мнения. Впо-

следствии этот метод стал правилом в деятельности Горбачева и Ельцина.

Проблема, однако, была в том, что сам Хрущев, как уже отмечалось, не преодолел колебаний в отношении сталинизма. Об этом свидетельствуют его мемуары. Хрущев на протяжении двух томов воспоминаний, как, собственно, и всей деятельности на посту руководителя страны, всеми силами пытается разорвать путы сталинизма, вырваться из плена, в который прочно попал в начале жизни. О каком бы событии он ни вспоминал, какой бы вопрос ни анализировал, он снова и снова возвращается к "вождю всех народов", пытается противостоять его посмертному влиянию, но нередко опускает руки.

Что говорить о Хрущеве... А разве мы до сих пор не живем под этой чудовищной тенью? Больше сорока лет Сталина нет в живых. Перенесенное из величественного склепа, его тело покоится рядом с теми, кто был его предшественниками, соратниками, преемниками. Свердлов, Фрунзе, Калинин, Ворошилов, Буденный, Брежнев, Косыгин, Андропов - по иронии судьбы рядом; нет только Хрущева. Как нет и ленинских соратников - Бухарина, Рыкова, Каменева, Зиновьева... Но ни о ком другом столько не говорят и не пишут, даже сейчас, в период реформ, как о Сталине.

О Ленине пишут в десятки раз меньше, не говоря уж о Хрущеве или об Андропове. Неужели самый глубокий, быть может, неизгладимый след в душах, во всем образе жизни советских людей оставил именно этот невзрачного вида тиран? Неужели на аукционе истории злодейство ценится выше гения?

Сам я тоже грешен: с марта 1953 года больше всего думал и писал о Сталине, о его наследии. И даже тогда, когда это было запрещено, писал по-эзоповски, косвенно, на примерах Мао Цзэдуна, Гитлера, Франко. Правда, в годы, когда реанимация антисталинизма стала достигать своего апогея, я практически бросил заниматься Сталиным и перекочевал в последующие эпохи. Мемуары Хрущева против моей воли снова толкнули меня в прошлое, к анализу сталинизма. Ибо, перечитывая потрясающие свидетельства раздвоенности человеческого сознания, особенно чувствуешь, что со Сталиным не покончено. Сталин все еще с нами, он все еще в нас. И надо выдать из себя по каплям до конца сталинизм как приверженность к такой теории, системе и практике, которая до сих пор облыжно называется социализмом...

Но вернемся к Никите Сергеевичу, ибо он больше других

приложил усилий, чтобы разорвать сталинскую оболочку, в которой родился, и заново родиться на свет божий. Конечно, сейчас легче критически оценивать позицию Хрущева на фоне Брежнева, Горбачева, Ельцина, когда в новое время поставлены и сформулированы такие крупнейшие идеи, как демократия, плюрализм, правовое государство, разделение властей, права человека. Было бы неисторично требовать даже от столь незаурядного деятеля, как Хрущев, чтобы он на второй день после низвержения культа Сталина совершил скачок через пропасть и стал совершенно иным в своем сознании и политической практике. Но есть другой критерий, который вполне уместен и приложим для объективного анализа достижений и провалов хрущевской оттепели. Это - предшествовавший Сталину опыт НЭПа.

Страна вправе была ожидать уже в тот период полного и безусловного ренессанса политики НЭПа. Но этого не произошло. Ни в отношении норм партийной жизни, ни в области советской демократии, ни в деятельности общественных организаций, ни в социальной и экономической политике. Хотя некоторые шаги в данном направлении были, несомненно, сделаны.

Что же помешало Хрущеву более последовательно идти этим путем? Не будем говорить о практике - конечно, она определялась реальным соотношением сил в руководстве партией, настроениями и взглядами функционеров. Но в теории - в теории он, увы, оставался вечным сталинским пленником. Хотя при написании мемуаров у Хрущева были свободны руки, тем не менее и здесь - быть может, в особенности здесь - мы видим отчетливо жесткую ограниченность его взглядов, догматические лимиты - "их не перейдешь".

Впрочем, Хрущев не был исключением. Еще в древние времена говорилось: "Прошлое легче порицать, чем исправлять" (Ливий) [32].

2

Размышляя о партийных традициях, сложившихся во времена Сталина, о том, как они развивались после его смерти, Хрущев вспоминает, что инициатива созыва XIX съезда исходила лично от Сталина. Хотя со времени XVIII съезда прошло тринадцать лет, никто из членов руководства и заикнуться не мог о новом съезде. Раньше такая пауза могла моти-

вироваться войной, но и после войны уже прошло семь лет. И вот, совершенно неожиданно Сталин предложил собрать съезд. К тому времени Центральный Комитет фактически перестал функционировать как орган коллективного руководства. Все делалось от имени ЦК, но решения принимались единолично Сталиным. Он даже не спрашивал членов Политбюро, а сам диктовал решения.

Сталин какое-то время держал в неведении своих соратников относительно повестки дня будущего съезда и о том, кто будет выступать с докладами. Другие члены руководства потихоньку обсуждали между собой этот вопрос, гадали, возьмет ли он сам на себя Отчетный доклад, и полагали, что вряд ли, поскольку он физически был слаб и не мог выстоять долго на трибуне. Потом Сталин определил регламент, повестку дня, докладчиков: Маленкова - с Отчетным докладом, Сабурова - по пятилетке и Хрущева - по Уставу партии. Это поручение, как свидетельствует Хрущев, не очень его обрадовало, поскольку трудно было подготовить доклад по данному вопросу, в особенности утвердить его под жестким контролем Берии и Маленкова. Так и случилось. Они резко сократили доклад, так что он занял всего лишь что-то около часа.

Члены руководства недоумевали, почему Отчетный доклад не был поручен Молотову или Микояну. Как говорил Хрущев, люди довоенного руководства рассматривали Молотова как будущего вождя, который заменит Сталина после его смерти.

Хрущев описывает, как готовились так называемые "выборы" на съезд. Все делегаты были подобраны аппаратом ЦК партии, который определил, сколько должно быть рабочих, сколько интеллигентов, сколько колхозников. Одним словом, вся структура участников съезда и весь состав Центрального Комитета были заранее отработаны и предопределены [45].

Оценивая такую практику с позиций персонального пенсионера, Хрущев выражает сожаление и даже возмущение:

- Ну, можете себе представить. А, к сожалению, такая практика - она, собственно, осталась и сейчас, так же проходили выборы и на Двадцатый съезд. Это такая уродливая демократия. Эти методы неправильные, нетерпимые. Я поставился искать новые методы, пытался внести коррективы в новый Устав партии. Но очень робко мы это делали. Почему робко? Потому что мы продукт, мы сами, люди, руководители,

мы продукт революции. Мы воспитаны были на примерах Сталина.

Поэтому, считает Хрущев, руководители его поколения не смогли психологически перестроиться так, чтобы искать какое-то иное кардинальное решение и вернуть партию на ленинские рельсы партийной демократии.

Как видим, Хрущев сам определил причины живучести авторитарных нравов, согласно которым все делалось сверху, аппаратом, а в конечном счете - верховным руководителем партии. Человек искренний, как всегда, он нашел в себе силы, чтобы осудить собственную деятельность. Три съезда, проведенные при руководящем участии Хрущева, мало чем отличались от сталинских с точки зрения методов и моделей. Принцип выборности, сменяемости и подотчетности всех руководителей, который декларировался в ленинские времена, был давно заменен принципом подбора и расстановки кадров.

Тем не менее Хрущев проделал большой путь от персонализации критики Сталина на XX съезде партии к борьбе против сталинского режима власти. Важными вехами на этом пути стали трагические события в Венгрии 1956 года, июньский Пленум 1957 года, когда Хрущева пытались свергнуть сталинисты, наконец, XXII съезд КПСС, завершившийся выносом тела Сталина из Мавзолея. Остановлюсь на некоторых из этих событий, имевших решающее значение для эволюции самого Хрущева, да и судьбы всей страны.

Начну с Югославии - первого прорыва от сталинского догматизма и великодержавия к новому взгляду на социализм. Ограниченность, порожденная каменной изолированностью советского общества от мирового сообщества, стала уступать место новому подходу ко всему современному миру.

Хрущев отмечает, что тогда господствовало сталинское представление о Югославии. Считалось, что югославская экономика находится в полном подчинении у американского монополистического капитала, что там восстановлены частные банки, частная собственность в промышленности, не говоря уже об индивидуальном сельском хозяйстве. Хрущев верил в это, поскольку, как он сам говорит, "мы оторвались и ничего не знали".

По инициативе Хрущева была создана комиссия для изучения югославского вопроса. В нее вошли и партийные работники, и ученые. Перед ними была поставлена задача дать анализ политической и социально-экономической системы

этой страны, чтобы определить, относится ли она к "социалистическому или капиталистическому типу". В комиссию входил Д.Т.Шепилов, который возглавлял газету "Правда", считался образованным экономистом (он имел звание члена-корреспондента Академии наук СССР) и впоследствии при покровительстве Хрущева сделал стремительную карьеру, которая, однако, печально закончилась в июне 1957 года. Но об этом после.

Комиссия Шепилова (назовем ее так условно) пришла к выводу, что Югославия - страна социалистического типа. Тем самым, по мнению Хрущева, как карточный домик, рушилась основа для советско-югославского конфликта. Только после этого было решено установить контакт с Югославией, восстановить с ней отношения - и по государственной и по партийной линиям. С таким подходом согласились представители других коммунистических и рабочих партий.

Как Первый секретарь ЦК Хрущев возглавил делегацию, которая направилась в Югославию в 1955 году. Уже на аэровокзале в Белграде Хрущев сделал сенсационное заявление, в котором принес извинения Югославии, лично Тито за несправедливые обвинения.

Хрущеву пришлось согласиться с настоятельными требованиями Тито полного невмешательства СССР во внутренние дела других стран социализма и признания за каждой партией и народом права осуществлять социалистическое строительство по своему выбору. Правда, Хрущев тут же оговаривался, что в принципиальных вопросах марксизма-ленинизма, в вопросах теории и политики никаких уступок быть не может.

И все же тогда была составлена Декларация, которая пробила первую брешь в принципах отношений между СССР и странами Восточной Европы. Все члены советского руководства согласились с решением о восстановлении отношений с Югославией. Однако, как рассказывает Хрущев, в письмах, разосланных иностранным компартиям, была оставлена "какая-то лазейка страховочного порядка" на тот случай, если не выйдет подлинного улучшения отношений. К этому можно добавить продолжавшиеся в советской печати высказывания о том, что Югославия не может быть признана вполне социалистической страной не только из-за индивидуального сельского хозяйства, но в особенности из-за своей позиции по международным вопросам.

Ничто так не потрясло сознания Хрущева, ничто не вызвало больших сомнений и даже деформаций в становлении его антисталинизма и поиске эффективной модели социализма, как венгерские события 1956 года. Быть может, этими событиями объясняются и многие его ошибки в осуществлении нового курса внутри и вне нашей страны, и, несомненно, именно сюда восходят его чудовищные эскапады против той самой части советской интеллигенции, которая радостно приветствовала и развивала идеи XX съезда партии.

Потрясение, которое пережил Хрущев во время венгерских событий, может быть сравнимо с арестом Берии, с карибским кризисом, который наступил позднее. Поэтому события 1956 года занимают большое место в его мемуарах.

В Будапеште, по словам Хрущева, развернулась настоящая кровавая бойня. Он полагал, что в ней участвовала в основном молодежь, создавшая вооруженные отряды, захватившая артиллерию и другое оружие. Но рабочий класс и крестьянство, которое Хрущев называет колхозным, стояли в стороне. Повстанцы предъявили требования вывести советские войска. Однако, по мнению Хрущева, эти требования были незаконными, поскольку противоречили нормам, установленным Варшавским Договором. Его особенно возмущало то, что толпа стала охотиться за партийным активом и прежде всего за "чекистами". Между прочим, Хрущев все время произвольно пользуется советской терминологией, рассказывая о венгерских событиях, как и о других событиях в восточноевропейских странах. Это характерно: как человек откровенный и довольно искренний, он полагал ненужным валять дурака. Это была не только терминологическая аберрация. Это была подсознательная вера, что социалистические формы, в сущности, одинаковы повсюду.

В чем виделась Хрущеву угроза венгерских событий?

Он рассказывает о том, что через Вену в Будапешт вернулась венгерская эмиграция, которая делала все, чтобы разжечь гражданскую войну, свергнуть революционное правительство, инсценировать волнения и повернуть Венгрию на капиталистические рельсы. Хрущев был убежден, что именно в этом состояла цель стран Запада. "Но это неудивительно, - замечает он, - потому что наша цель - это поддержать прогрессивное движение и переход от капитализма к социализму рабочего класса, и трудового крестьянства, и трудовой интеллигенции,

а у врагов социализма цель противоположная: там, где слабые социалистические порядки, ликвидировать их с тем, чтобы отбросить рабочий класс... и укрепить капиталистические элементы и капитализм"[45].

Как раз во время этих событий и прошла свое первое испытание политика Хрущева, получившая название "интернациональной помощи". Он многократно подчеркивал, что Советский Союз не преследовал каких-либо национальных целей, а цели были только интернациональные - "братский пролетарский интернационализм". Именно поэтому особое значение придавалось консультациям и достижению согласия с другими социалистическими странами, в первую очередь, с Китаем. Хрущев обратился к Мао Цзэду, чтобы он прислал авторитетного человека для обсуждения данного вопроса. Внешне такое предпочтение Китаю выглядит нелогичным, поскольку он не входил в Варшавский Договор. Но об этом Хрущев даже и не задумывался, полагая, что речь идет об оказании "интернациональной помощи", а не акции Варшавского Договора. Стало быть, мнение Китайской компартии особенно важно.

По просьбе Хрущева в Москву прилетел Лю Шаоци. Как известно, это был один из наиболее авторитетных и уважаемых в СССР китайских руководителей. По иронии судьбы заседание происходило на бывшей сталинской даче. Дух Сталина витал в воздухе. Просидели всю ночь, взвешивая "за" и "против" применения вооруженной силы в Венгрии. Стороны при этом попеременно занимали разные позиции: то Лю Шаоци доказывал, что нужно выждать - быть может, рабочий класс Венгрии сам сумеет справиться с ситуацией, с чем советские руководители соглашались; то сам Лю Шаоци предлагал уже сейчас предпринять решительные шаги. Он многократно звонил Мао Цзэду, который, как и Сталин, работал по ночам. (Хрущев называл его "ночной птицей".) В результате ночное заседание завершилось решением не применять вооруженной силы.

Вернувшись к себе, Хрущев не мог спать - слишком сильно занимал его этот вопрос. Он давал себе отчет, что это подлинно исторический момент, когда надо сделать ясный выбор - и то и другое решение представляло собой опасность, но в особенности волновала возможная победа контрреволюции и "внедрение НАТО в расположение социалистических стран", что поставило бы в тяжелые условия и Югославию, и Чехо-

словакию, и Румынию. (К слову сказать, сегодня, 40 лет спустя, опасения Хрущева оправдались: НАТО "внедряется" в Восточную Европу - правда, в совершенно иных исторических условиях).

На следующее утро собрался Президиум ЦК КПСС. Хрущев доложил результаты обсуждения с китайской делегацией и высказал свои сомнения. Президиум совещался долго, и в конечном итоге было принято другое решение - использовать войска для "помощи рабочему классу Венгрии". Хрущев пригласил маршала Конева, который тогда командовал войсками стран Варшавского Договора, и спросил его: "Сколько потребуется времени, чтобы навести порядок в Венгрии и разгромить контрреволюционные силы?" Конев подумал и ответил: "Примерно трое суток". Тогда все члены руководства пришли к выводу: "Надо закончить это дело, и как можно скорее". А когда выступать - будет сообщено Коневу дополнительно.

Хрущев поспешил проинформировать китайскую делегацию о решении президиума ЦК КПСС. Но поскольку Лю Шаоци уже собирался уезжать, весь состав Президиума явился на Внуковский аэродром. Здесь было устроено заседание, на котором Лю Шаоци сказали о советском решении. Тот ответил, что не может в данный момент переговорить с Мао Цзэдуном, но полагает, что тот согласится, и незамедлительно после его прилета в Пекин будет сообщена китайская точка зрения. "Считайте, что мы согласны", - заявил Лю Шаоци членам советского руководства.

После этого начался тур согласований и консультаций с руководителями восточноевропейских стран социализма. Произошла встреча, в которой участвовали с советской стороны Хрущев, Молотов, Маленков, а с польской - Гомулка и Циранкевич. Интересно заметить, что Хрущев как истинный мастер политической игры взял с собой на эту встречу наиболее консервативных советских деятелей, чтобы опереться на их твердую поддержку. Договорились о том, чтобы в тот же день организовать встречу в Бухаресте, в которой примут участие и чехословацкая, и болгарская, и румынская делегации.

Вопрос о том, что необходимо военное вмешательство, не вызвал сомнений ни у кого. Больше того, румынский и болгарский представители поставили вопрос об участии их войск. Однако Хрущев не принял это предложение. Он сослался на то, что в Венгрии находятся войска по Потсдамскому соглашению и их вполне достаточно для подавления контрреволю-

ции, возглавляемой Имре Надем. Хрущев даже позволил себе шутку в своем духе: он сказал, что румыны рвутся в бой сейчас, потому что в свое время участвовали в разгроме революции, которую возглавлял Бела Кун в 1919 году.

Веселый же парень был этот донбасский шахтер - не правда ли? Позволить себе такую аналогию, которая бросала мрачную тень на всю военную акцию СССР, - это мог сделать только Хрущев.

Самые трудные переговоры ожидалось с Югославией. Вылетел Хрущев туда ночью в отвратительную погоду. В горах над Югославией шумел ураган, сверкали молнии. Это был самый трудный его перелет за всю жизнь, включая даже полеты во время войны. Связь была потеряна, а посадка предстояла на маленьком острове Брионы.

Когда делегация прибыла на остров, на пристани ее уже ждал Тито.

Хрущев готовился встретить жесткую атаку Тито, но был приятно поражен: тот высказался за немедленное использование войск "для разгрома контрреволюции в Венгрии". Он только спросил: "На какое время намечено выступление советских войск?" Однако Хрущев в обычной своей манере слукавил, сказав, что это состоится в ближайшее время, но когда - еще неизвестно. Как выяснилось, он никому из руководителей восточноевропейских стран так и не сообщил дату, хотя уже перед отъездом дал маршалу Коневу все указания.

Хрущев высказал свои опасения по поводу того, что Тито находится на Брионах. В это время шла война в Египте. Он сказал, что самолет может случайно или не случайно обронить бомбу - и не будет ни Тито, ни народной власти в Югославии. Тито тоже был встревожен таким положением, в особенности судьбой Насера. Всю ночь просидели за обсуждением различных международных и других проблем. Так и вторую ночь Хрущев практически провел без сна.

Чрезвычайно любопытно, что в своих мемуарах как раз в связи с событиями в Венгрии Хрущев многократно возвращается к вопросу о методах классовой борьбы на международной арене. Он рассматривает его то с одной, то с другой стороны, как бы заново взвешивая на весах идеологии, политики и истории. Ему хотелось еще и еще раз убедить самого себя в том, что тогда, в 1956 году, было принято единственно верное решение. Но соображения, которые он использовал для оправдания данного решения, фактически не выходили за

рамки традиционных сталинских стереотипов.

Можно было бы в какой-то степени согласиться с доводами Хрущева, если бы он говорил о балансе сил в Европе, который разрушится с выходом Венгрии из Варшавского Договора. Однако нельзя принять его общие соображения, опирающиеся на понятия "интернациональный долг", неизбежность использования военных методов обеими сторонами - как капиталистическими, так и социалистическими странами. "Так же и противники действуют против нас, - заметил Хрущев, - пользуются всяким нашим упущением, где только есть возможность, чтобы отбросить нас и закрепить капиталистическое влияние. И вообще, идет борьба - кто кого: победит ли рабочий класс или буржуазия." Поэтому-де коммунисты, марксисты, уверенные в том, что владыкой мира будет труд, понимают, что победа сама по себе не придет, что ее нужно добиваться в борьбе. И поэтому мирное сосуществование различных государственных систем возможно, но мирное сосуществование в идеологии было бы "предательством со стороны марксистско-ленинской партии".

В этой связи он вспоминал свое выражение в отношении Америки: "Мы закопаем врагов революции". Хрущев отвергает толкование его слов в американской печати, будто бы советские люди хотят закопать народ США. Он не раз объяснял свою позицию на пресс-конференциях в этой стране, что закапывать буржуазию будет сам рабочий класс США - это внутренний вопрос каждой страны.

Но вот что удивительно: от этих общих идеологических сентенций Хрущев прямо и непосредственно делает скачок к венгерским событиям. "Вот, собственно... мы решили вопросы о том, что нужно двинуть наши войска... И мы эти войска двинули"[45].

Маршал Конев сдержал обещание. Действительно, ему потребовалось три дня. Во время пребывания в Будапеште спустя восемь лет я видел сотни зданий, на которых остались следы пуль, осколков и даже снарядов. Самой злобной и отвратительной оказалась акция в отношении Имре Надя. Во время подавления восставших он скрылся в посольстве Югославии. Новое венгерское руководство потребовало передать его в их руки для привлечения к ответственности. Югославы воспротивились этому, но в конце концов были вынуждены выдать Надя. Янош Кадар позвонил Хрущеву и просил вывезти Имре Надя, поскольку его присутствие в Будапеште мешало. Плен-

ника на самолете доставили в Бухарест. Впоследствии Имре Надя был расстрелян. По чьему распоряжению? Хрущев молчит, хотя можно догадаться, что без его согласия этого никто не мог сделать.

Тайный расстрел Имре Надя - последний акт венгерской драмы. Никколо Макиавелли, оправдывая необходимую жестокость государей, писал: если кто-то претендует занять твое место как вождя или государя, ты неизбежно должен устранить его. Убийство Надя не было продиктовано даже подобной жестокой политической необходимостью. Это было проявление варварства в типично сталинском духе. Никакой политической целесообразности в этом не было. Никто не смог бы сделать Имре Надя знаменем борьбы против Кадара и советского присутствия в Венгрии. Хрущев имел возможность поступить с ним так же, как с Ракоши, - направить в один из отдаленных городов России на вечное поселение. Но он не сделал этого. Почему?

Здесь мы подходим к пониманию еще одной важной черты хрущевского характера. Он был добрым человеком в обычных отношениях с людьми. Но в политике не признавал доброты, особенно когда ему казалось, что задеты "классовые интересы" нашего государства. Здесь в его сердце стучался пепел повергнутого им Сталина. Расстрел Надя должен был преподать урок всем другим лидерам в социалистических странах: и Гомулке, и Кадару, а возможно, Тито и даже Мао Цзэдуну. Политическая целесообразность в глазах Хрущева была выше требований морали. Человечность уступала место безопасности.

Хрущев, быть может, не сознавая этого, тем самым предостерегал потенциальных реформаторов - и в Будапеште, и в Праге, и в Москве. Он подал худший пример своим преемникам. Брежнев опирался на этот пример, когда дал приказ о вводе войск в Чехословакию и оказании "интернациональной помощи" Афганистану.

По приглашению Кадара Хрущев приехал в Будапешт. До этого он знал его мало, но во время бесед сумел убедиться, что Кадар - тот руководитель, который сможет вывести страну из состояния кризиса и обеспечить ее нормальное и успешное развитие. Во время выступления на митинге перед широкой публикой Хрущев специально подчеркнул, что события в Венгрии порождены злоупотреблением Сталина властью. Такие злоупотребления были допущены и в Советском Союзе, и

в Венгрии, и в других странах. Правда, он тут же объяснил, что это был результат болезненного характера Сталина, об изъянах которого писал еще Ленин в своем завещании. После окончания митинга по предложению Хрущева оба руководителя спустились с трибуны и пошли в толпу. Это был смелый шаг в духе Хрущева, и он по достоинству был оценен и публикой, и журналистами, в том числе зарубежными.

Здесь, в Венгрии, и впоследствии в мемуарах Хрущев еще и еще раз обращался к объяснению предпринятой военной акции. Его основной довод состоял в том, что Запад поддерживал венгерскую эмиграцию и экспортировал контрреволюцию. Это потребовало вмешательства. Но в принципе, подчеркивал он, раз нет экспорта контрреволюции, не может быть экспорта революции. Он особенно настойчиво отгораживался от отождествления 1956 и 1849 годов. Нет, возражал он, здесь речь шла о подавлении контрреволюции, тогда как император Николай I подавил революцию и восстановил власть австрийской монархии, что было позором для России. Поэтому, по его мнению, советская миссия была прогрессивной, тогда как акция Николая I была реакционной.

Надо заметить, что во время встречи с Кадаром произошел знаменательный обмен мнениями по поводу нахождения советских войск в Венгрии. Хрущев поставил вопрос о целесообразности их пребывания здесь, говорил, ссылаясь на мнения других членов советского руководства, что, возможно, следует вывести войска из Венгрии. Кадар посмотрел на него и сказал: "Товарищ Хрущев, решайте сами. Я только вам одно хочу сказать, что разговоров у нас сейчас в отношении пребывания ваших войск, настроений, которые негативно складывались в результате пребывания войск на территории Венгрии, абсолютно никаких нет. Венгров беспокоит одно: чтобы не вернулся Ракоши". Хрущеву понравился ответ Кадара, и он еще раз подчеркнул свою симпатию к этому деятелю, отметил его дружеское расположение и доверие к Советскому Союзу.

Хрущева, однако, не оставляла мысль о мотивах, по которым советские войска должны находиться в восточноевропейских странах. У него не вызывало сомнений их размещение в ГДР, поскольку это вытекало из заключенных с Западом послевоенных договоров.

Что касается Польши, где укрепилась собственная сильная армия, он не пришел к какому-то определенному выводу.

В то же время Хрущев подчеркивал, что дело вовсе не в

армии, потому что главная движущая сила для народов стран социалистического лагеря - не страх перед вооруженным вмешательством Советского Союза. Страхом, по его мнению, "нельзя рай построить или гнать в рай". И другие народы пойдут по социалистическому пути, хотя он и не простой, но это правильный путь.

Его беспокоило также, что пребывание советских войск на территории социалистических стран обходится нашему народу в два раза дороже, чем если бы они были на своей территории. Поэтому Хрущев задумывался о возможности вывода войск из Польши и Венгрии. Как известно, при его руководстве это решение так и не было принято. А в последующие времена родилась так называемая "доктрина Брежнева", которая обосновывала не только нахождение советских войск в той или иной восточноевропейской стране, но и возможность совместного военного вмешательства стран Варшавского Договора в дела других стран, когда возникает угроза общей безопасности. Так мотивировался ввод войск в Чехословакию в 1968 году. Очевидно, что новая доктрина была крупным шагом назад в сравнении с позицией Хрущева, хотя и он постоянно колебался, размышляя о допустимости так называемой "интернациональной помощи" посредством использования военной силы.

События в Венгрии подтолкнули назревавший взрыв страстей среди советского руководства. Сторонники Сталина, накопившие большой счет претензий к Хрущеву по поводу его новаций во внутренней и внешней политике, решили дать бой и отстранить его от руководства партией. Это произошло на заседании Президиума ЦК КПСС 18 июня 1957 года. Беспрецедентное заседание длилось три дня. Схватились две стороны - Хрущев и поддержавшее его меньшинство и Молотов, Маленков, Каганович, располагавшие большинством в президиуме ЦК и принявшие решение о смещении Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Однако последние не рассчитали своих сил. Хрущева поддерживала значительная часть аппарата ЦК партии, так как он успел к тому времени заменить многих его работников, а главное - поддерживала армия, которую возглавлял Г.К.Жуков, активный антисталинист, и КГБ, председателем которого был близкий Хрущеву человек - А.И.Серов. С их помощью Хрущев сумел в течение нескольких дней созвать Пленум ЦК КПСС. И вот впервые за многие десятилетия Пленум выступил в роли решающей инстанции.

После жаркой дискуссии Молотов, Маленков, Каганович и "примкнувший к ним" Шепилов были объявлены "антипартийной группой", выдворены из состава высшего руководства партии. Хрущев одержал одну из самых крупных побед в своей бурной политической жизни.

Однако он не стал по-сталински расправляться со своими врагами. Ему хотелось и в этом отношении заложить новую традицию.

Никто из противников Хрущева не был тогда исключен из партии, все они получили назначения, правда, вне Москвы. Молотова направили послом СССР в Монголию. Каганович стал директором Уральского горно-обогатительного комбината в городе Асбесте, Маленков - директором Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше. Шепилов получил профессорскую должность в Средней Азии [29].

Политическая драма внутри советского руководства, как и венгерские события, показала Хрущеву, какие мощные подземные движения он вызвал наружу своим докладом о Сталине на XX съезде партии. Этим объясняются, вероятно, его попытки манипулирования вокруг проблемы десталинизации, которая характерна для последующих лет вплоть до XXII съезда партии (1961 год), когда снова вздыбилась антисталинская волна.

После венгерских событий в СССР начались посадки "крамольников", которые не желали оставаться в отведенных им рамках критики. Уже тогда появилась чудовищная практика - направлять в "психушки" особенно настырных критиков и борцов за правду. Это одно из проявлений самых неприятных черт российской политической культуры: оболгать человека, навесить ярлык по принципу: "соврет - недорого возьмет". Больше того, в отношениях с политическими противниками наши многие деятели и сегодня считают обман не просто нормальным, но даже необходимыми приемом, будучи уверенными, что другая сторона делает то же самое.

Позднее я узнал, что при Хрущеве за так называемые политические преступления, то есть за выражение несогласия с его политикой, пострадали многие сотни людей. Брежнев внес в эту практику масштабность и еще большую фальшь, но началась она - это следует признать - при Хрущеве.

В наше время люди часто задаются вопросом: почему так быстро и бесповоротно произошла "бархатная" революция в Венгрии и других странах Восточной Европы в конце 80 - х

годов. Ответ кроется в кровавых событиях 1956 года.

Подавление свободы в Венгрии Хрущевым подготовило почву для разрыва связей между этой страной и Россией в 1989 году. Как Катынь не забыта и не прощена поляками, так и 1968 год - чехами и словаками. История непрерывна и понять ее движения можно, только исследуя все ее звенья, все ступени, которые ведут вниз или вверх по лестнице. В Восточной Европе мы почти всё послевоенное время шли вниз и получили теперь холод, раздражение и страх перед нашей угрозой.

Но есть и другая сторона деятельности Хрущева в Восточной Европе. Сокрушив культ Сталина, он сделал первый шаг по пути освобождения наших союзников по Варшавскому Договору: руководство "социалистическим лагерем" становилось все более коллективным, решения принимались совместно руководителями всех стран - участников Договора. Главный сталинский топор был зарыт в землю. Хрущев вытащил его в 1956 году, однако это было последним типично сталинским актом расправы с непокорным народом. Даже 1968 год Брежнева уже проходил без крови. А бескровных империй не бывает. Наше господство в Восточной Европе, обеспеченное победой во Второй мировой войне, было обречено на падение. Понадобилось 40 лет, чтобы это стало фактом. В другую эпоху Горбачев уже не мог и подумать о сталинском топоре для подавления порыва народов к независимости и свободе. И это подготовил Хрущев - и как сталинист, и как сокрушитель сталинизма.

Глава третья

НАРОДНИК

1

До поездки в Болгарию я не был близко знаком с Хрущевым, хотя часто наблюдал и слушал его, находясь где-то рядом. Сейчас мне нелегко представить волнение, которое испытал молодой человек академического склада, неожиданно попавший на политический Олимп. Но хорошо помню, что не спал практически всю ночь накануне вылета спецсамолета и безуспешно старался уснуть во время полета.

Машина, рассчитанная примерно на сто пятьдесят-двести человек, была набита до отказа: кроме охраны в ней находились журналисты, а также большая группа партийных и государственных работников, обслуживавших делегацию. Помощников и консультантов усадили во втором салоне, так что мы могли если не слышать, то, по крайней мере, видеть то, что происходило в первом, где находилась делегация. Из нашего салона то и дело запрашивались бумаги или вызывались люди, которые быстро отправлялись в первый салон, неся на всякий случай под мышкой папки с документами. Мне эта суэта казалась немножко искусственной и даже смешной, поскольку речи и документы были подготовлены заранее, много раз просматривались и были официально утверждены. Все это мешало вздремнуть, и я боялся, что окажусь не на высоте, когда возникнет необходимость оперативно дополнить или отредактировать куски текста для печати, произнесенные экспромтом. Первый любил отступать от отработанного текста во время выступлений. Говорил при этом, совершенно не следя за формой. Стремясь любыми средствами донести до слушателей главную мысль, неоднократно возвращался к ней, что создавало, конечно, нелегкие ребусы для редакторов.

Я был знаком с его стилем еще до болгарской поездки и знал, что надо в любой момент иметь ясную голову и хорошо отточенное перо. Кроме того, нам нередко вручали его так называемые задиктовки - то, что он наговаривал стенографистке для очередной речи. Обработка такой "задиктовки" представляла собой особенно трудное дело: надо было сохранить смысл, а для этого его требовалось прежде всего обнаружить, вычленив из большого вороха второстепенных слов, затем отшлифовать, а нередко просто переписать заново весь материал, но так, чтобы автор легко находил свои мысли и выражения - то, чем он дорожил и ради чего производил эту задиктовку. Обычно я сам заново передиктовывал все, предварительно пройдясь по тексту и подчеркнув самые важные места.

Поэтому легко понять мое волнение в первый момент поездки: надо было брать на себя ответственность за окончательную обработку текста. Подготовленный мной текст потом просматривался помощниками Первого, которые при обеспечении грамотности написания слов и литературной обработки больше полагались на других.

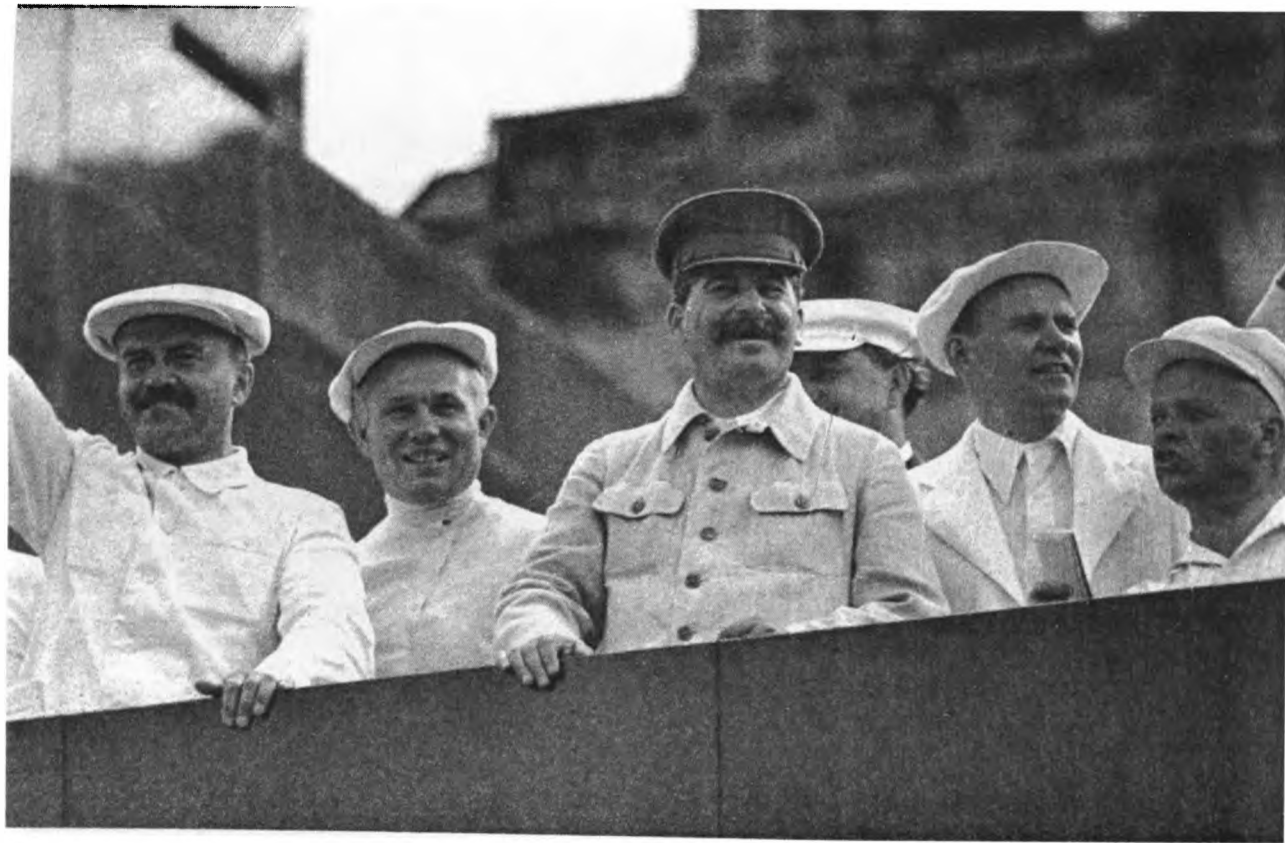
Во время ужина во Дворце царя Бориса в г. Варна, организованного болгарскими в честь делегации, консультантов и помощников посадили за тот же стол, что и наших руководителей, но по другую сторону. Случайно я оказался прямо напротив Первого. И вот он, как обычно, поднялся произносить тост за советско-болгарскую дружбу и, тоже как обычно, отвлекшись от тоста, начал вспоминать прошлое. Мы услышали историю, которую он уже рассказывал на приеме после завершения Совещания компартий в 1960 году: о том, как умер Сталин, как брали Берию, о нравах, царивших среди высших руководителей при Сталине, о 1937 годе и о многих других политических событиях. Говорил он не меньше двух часов, а я сидел застывший и замороженный, слушая эту исповедь, не в силах оторвать глаз от рассказчика. Заметив необычное внимание, Хрущев все чаще обращался в разговоре ко мне, жестикулируя, объяснял, доказывал и еще более углублялся в волновавшее его прошлое. Остальные сидели тихо, молча, терпеливо ожидая окончания речи. И, наверное, каждый про себя думал о своем. Меня же потрясли эти откровения, эти грозные страсти на политическом Олимпе, эти мучительные переживания - удел деятелей из окружения высшего руководства. "Ближе к царю - ближе к смерти, - думалось в этот момент. - Как эта близость выворачивает наизнанку всего человека...

Н.Хрущев среди строителей московского метро. 1935 г.

Н.Хрущев - первый секретарь МК и МГК партии. 1935 г.

Н.Хрущев, И.Сталин, В.Молотов на трибуне мавзолея В.И. Ленина. 1936 г.

Н.Хрущев на XX съезде КПСС. Москва. 1956 г.

Н.Хрущев и фермер Р.Гарст. США. 1959 г.

Н.Хрущев с супругой и Д.Эйзенхауэр. Париж. 1962 г.

Н.Хрущев и Ш. де Голль. Париж. 1960 г.

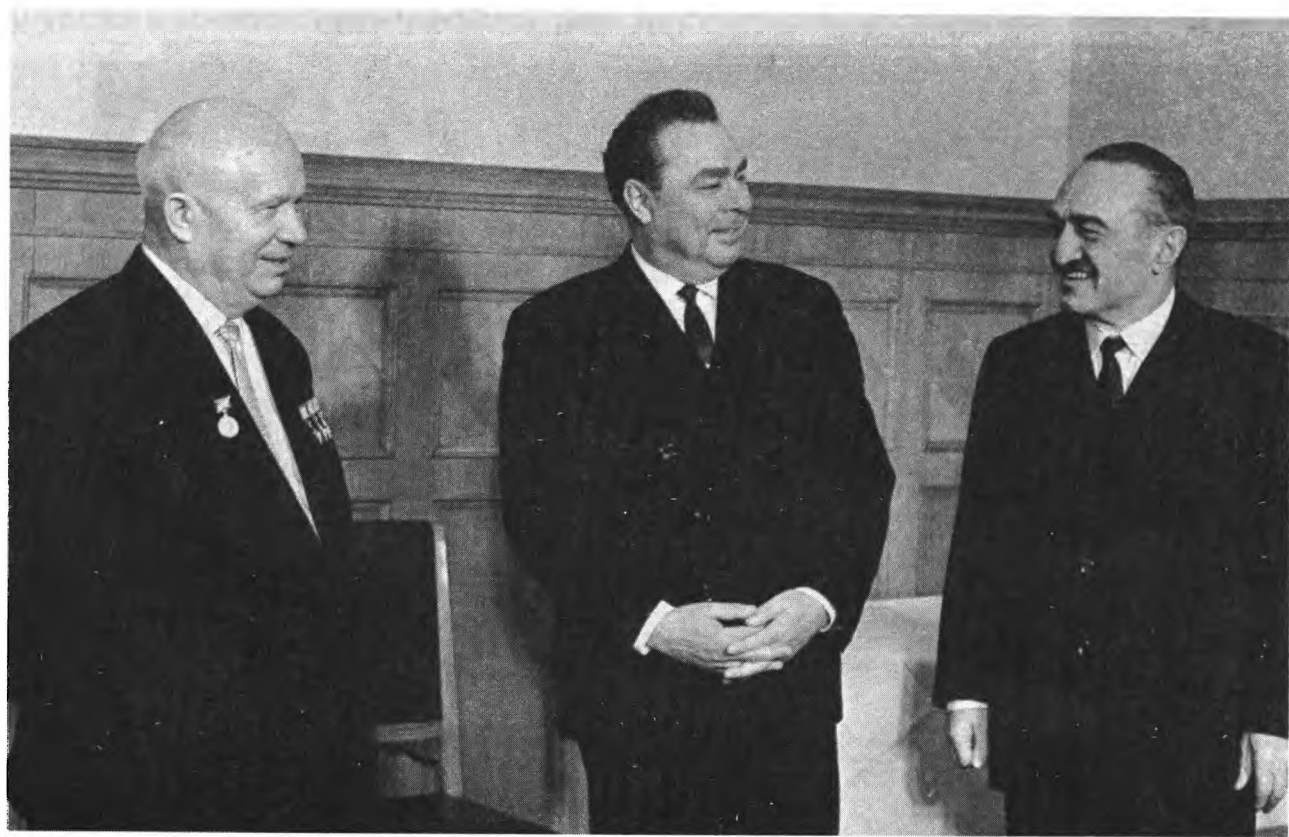

Ю. Андропов и Ф. Бурлацкий. Албания. 1961 г.

Н.Хрущев и президент США Д.Кеннеди. Вена. 1961 г.

Н.Хрущев, Л.Брежнев и А.Микоян в Кремле. 1962 г.

Н.Хрущев со своей семьей. 1963 г.

Н.Хрущев с супругой и И.Тито. Югославия. 1963 г.

Нина Петровна Хрущева. 1963 г.

Ф.Бурлацкий с сыновьями Сергеем и Алексеем. 1967 г.

А.Косыгин и Чжоу Эньлай. Пекин. 1969 г.

Н.Хрущев. Персональный пенсионер.

Вот она, плата за власть”.

Наутро меня неожиданно пригласил помощник Первого. Оказывается, тот пожелал познакомиться с “интересным молодым болгаринном”, который так внимательно его слушал. Каково же было удивление Хрущева, когда он узнал, кто я и где работаю. Он задал два-три формальных вопроса, долго ждал мне руку и смеялся над своей ошибкой. Потом во время встреч в Болгарии, в частности, в том же Евеноградском дворце царя Бориса в Варне, он кивал мне и, весело улыбаясь, покачивал головой: вот, мол, какого дурака сваял.

Вообще он был прост и предупредителен в общении с “интеллектуальной службой”. Особенно выделял и ценил “речеписцев”, поскольку сам чувствовал недостаток образования и культуры, чтобы довести до конца и обработать для печати свои выступления. Многие пользовались этой его слабостью в личных целях. Особенно это развилось при его премьерах, когда составители речей унижались до выпрашивания платы за свои услуги, и платы немалой - академические звания, лауреатские значки, премии или высокие должности. (Я никогда не опускался до этого. Не был ни в составе ЦК КПСС, ни любого другого руководящего партийного органа, даже в партбюро, не получал академических значков, не выпрашивал должности директора института или посольского места. Многие злобились на меня, их раздражало сохранение мной достоинства, которое они осуждали как признак высокомерия и гордыни...).

Впрочем, Первый нередко произносил речи и без всякой подготовки. Иногда они были сумбурные, особенно тогда, когда он находился в сильном возбуждении. В Болгарии довелось слышать речь, которую он произносил явно экспромтом. В клубе шахтерского поселка после спуска в шахту, не сняв каски и специального шахтерского одеяния, он, выйдя на сцену, произнес речь, которая длилась минут сорок. Ничто ему не мешало, и никто не торопил. И это была на редкость складная речь с простыми, но четкими мыслями и суждениями, выказанными в ясной и грамотной форме. Она вызвала прекрасный отклик аудитории и не составила никакого труда для редакторов при подготовке к печати.

Эту особенность я подметил и у некоторых других наших политических руководителей. Прикованные к бумажке, они читали текст, написанный чужой рукой, занудным, нередко заунывным голосом. Но, попадая в необычную обстановку, ко-

торая требовала импровизации, они вдруг стряхивали с себя оцепенение и произносили хорошую, четкую и грамотную речь. Уже тогда я понял, как мучительна сложившаяся традиция читать речи, как обедняла она личность и низводила даже яркого человека до уровня статиста. Ведь произносить чужой текст, не прошедший через твоё сознание и твою душу, - вещь, в сущности, невыносимая. Все время чувствуешь себя как бы отчужденным от текста, искусственно пришитым к нему, понимаешь, что почему-то так надо, что опасно бросать вызов традиции, но испытываешь постоянную неловкость, неприязненное чувство то ли к этой традиции, то ли к чужому тексту, то ли к самому себе. Однако были руководители, которые умели хорошо произносить написанную кем-то речь, не тарабаня, как солдат, и не подвывая, как пономарь. Чаще всего тогда, когда докладчик своей рукой переписывал весь текст.

Надо сказать, что Первому все это не грозило. Это был человек глубоко уверенный в себе, раскованный и даже озорной. Когда он начинал говорить, никто, даже он сам, не знал, чем кончит. Это свойство его природы он порой использовал для политической игры: демонстрировал возмущение и произносил слова, которые в виде печатного текста наверняка вызвали бы взрыв негодования у собеседника, партнера или оппонента. Но ему это сходило с рук, поскольку списывалось на счет эмоций. Мне иногда казалось, что он заговаривается, настолько бурно и необузданно текла его речь в иные минуты, но потом он постепенно успокаивался и, нащупав дно, возвращался к предмету разговора, остро следя маленькими, озорными, веселыми глазками за выражением лиц слушателей. “Ну и актер! - думал я, глядя на эти перевоплощения. - Вот кого не хватает Олегу Ефремову в “Современнике” для полного комплекта”.

Во время митинга на площади Димитрова в Софии докладчик не раз отвлекался от текста. Я помечал места, пытаюсь записать новый текст. В этот момент его жена Нина Петровна, женщина с добрым, славным крестьянским лицом, сказала мне: “Оратор не учитывает, что люди стоят под солнцем на жаре, и напрасно расширяет свою речь. Ее и так можно было сократить”. Услышав критическое замечание о муже, я подумал, что, он, вероятно, нередко советуется с ней, а может быть, и проверяет свои речи на ней как на слушательнице. Впоследствии я имел случай убедиться, что это так и было. Жена Первого долгое время работала заведующей парткабинетом и неплохо ориентировалась в лекционной работе.

Забавный эпизод произошел на приеме в советском посольстве по случаю пребывания делегации. Когда Первый вошел в большой зал приема, он, не пройдя и нескольких шагов, остановился, как вкопанный. В зале были расставлены столы, которые буквально ломились от изобилия напитков и яств. В центре каждого стола расположился гигантский осетр размером метра в два, весь обложенный креветками, овощами и еще невесть чем. И тут Первый разыграл сцену, к которой, видимо, давно готовился. “Это вы думаете, что мы уже достигли коммунизма? Кто распорядился? Кто вас финансирует?” - накинулся он на посла, который стоял ни жив ни мертв. Посол стал было что-то бормотать насчет дополнительных средств, спущенных Совмином для этого приема, о доставленных в натуральном виде самолетом продуктах, но Первый и слушать не стал. Он повернулся к Тодору Живкову, который согласно кивал головой. Но делать было нечего, и после небольшой заминки все приступили к разрезанию и поеданию невиданных рыбин.

Замечу попутно, он с упорством произносил “коммунизм” с мягким “з”. Свое горловое “г”, вероятно, он действительно не мог исправить, хотя не исключаю, что и здесь была игра. Что же касается “коммунизма”, то на 100 % убежден, что он так произносил умышленно, создавая некий эталон, которому должны были следовать все посвященные, как авгуры. И один за другим окружавшие его люди, в том числе получившие образование в университете или МГИМО, склонялись к подобному произношению. Этот сленг как бы открывал дорогу наверх, в узкий круг людей, тесно связанных между собой не только деятельностью, но и общим уровнем культуры.

Во время пребывания в Варне, как я уже отмечал, нас поместили в Евеноградском дворце царя Бориса. Я никогда не пользовался такой роскошью: бассейн посреди огромной комнаты. Признаться, испытывал странное чувство: зачем все это новым руководителям, выходцам из простого народа? Наверное, это можно объяснить желанием сохранить обстановку, которая представляла собой историческую ценность. Однако не во всех случаях и не для всех стран. Была какая-то необъяснимая тяга у людей, выросших в бедных семьях - чаще крестьянских, чем рабочих, - к роскоши, причем не современной, а архаичной.

Чем объяснялся такой вкус у нормальных и не очень образованных мужиков? Где они подсмотрели эти банкетки и ко-

зетки, трудно сказать. Но ампи́р прочно вошел в политический быт и надолго загородил дорогу современному стилю. Кажется, одним из первых прорывов стал Дворец съездов внутри Кремля. А потом постепенно новый стиль - менее пышный, более экономный, использующий стекло, бетон, пластик и искусственные ковры, - стал вытеснять неизвестно откуда просочившийся в "пролетарский" быт дворцовый стиль. Впрочем, не избежали влияния "царского" стиля и Горбачев, и Ельцин. Приемный кабинет президента в Кремле был заново отделан шелком, вернулись пышная мебель рококо, старинные кресла...

Меня это всегда шокировало, но я был нетипичен. Я был молод и, кроме того, пришел из бедной академической среды, где даже приличный письменный стол считался большой редкостью. В Институте государства и права Академии наук СССР я работал за маленьким столиком в читальном зале. Ну а жили мы с моей семьей долгое время в общих квартирах и комнатухах, которые снимали у хозяев. Может быть, поэтому я испытывал смущение от самых простых услуг, которые мне оказывали в силу моей должности. Когда меня возили в машине в подмосковный правительственный санаторий "Сосны" и в другие места, где готовились документы, я все время чувствовал себя каким-то "эксплуататором" чужого труда и, пытаясь как-то компенсировать услуги водителя, рассказывал ему в пути занимательные истории.

А во дворцах, в которых мы останавливались за границей, в пышных покоях, которые я вообще получал не по чину, а в качестве, так сказать, дворового человека, я испытывал такое чувство, будто присваиваю себе что-то чужое, доставшееся мне по ошибке, и за что меня могут в любой момент схватить за руку.

2

Летом 1960 года я был надолго откомандирован в группу подготовки проекта Программы партии. Вначале мне было поручено работать над разделом о государстве. Задача состояла в том, чтобы обосновать переход от государства диктатуры пролетариата к государству общенародному и сделать отсюда необходимые выводы для развития партийной и советской демократии. Эта задача, в общем, была нетрудной, поскольку в ту пору уже вышел в свет учебник "Основы марксизма-

ленинизма”, где в написанной мной главе о государстве содержалась вся необходимая аргументация. Кроме того, в распоряжении была Записка, подготовленная под руководством О.В.Куусинена и при моем прямом участии.

Здесь стоит рассказать о предыстории вопроса. Нынешним радикалам, которые полагают, что история борьбы за демократию началась с их приходом, небезынтересно узнать, в каких муках и борениях это начиналось.

Диктатура пролетариата - это незыблемый постулат теории и всей существовавшей политической системы. Сюда сходились нити самодержавной личной власти вождя, культ его персоны, этим обосновывались массовые репрессии, противостояние западным влияниям. Покушение на этого идеологического идола было смерти подобно.

Впервые я рискнул это сделать в одной из своих статей в журнале “Коммунист”, опубликованной в 1957 году. После этого я был приглашен Отто Вильгельмовичем Куусиненом - только что избранным тогда членом Президиума ЦК КПСС, соратником Ленина, известным в прошлом революционером - на дачу в Снегирях (сейчас там находятся дачи депутатского корпуса Федерального собрания РФ). Привез меня к нему его помощник Н.В.Матковский зимой 1959 года. Пока мы отряхивали снег в маленькой прихожей деревянного двухэтажного домика, вышла полная женщина в белом переднике и певуче сказала нам, что Отто Вильгельмович ждет нас в кабинете на втором этаже. Мы поднялись по узенькой скрипучей лесенке и оказались на антресолях, где в углу против окна стоял небольшой стол, заваленный книгами и рукописями.

Бумаг было так много, что я с трудом разглядел за ними сидящего в кресле маленького, щуплого, очень пожилого человечка, укутанного клетчатым пледом и каким-то мехом. Его небольшая головка с сильными залысинами и лицо - кожа да кости - усиливали впечатление дряхлости. Но вот вы наталкивались на глаза, на его взгляд, и это совершенно опрокидывало первое впечатление. Глаза - как льдинки, не очень большие, синие, притягивающие к себе, вбирающие в себя, в самую глубину все, что попадало в поле их обзора, глаза, которые существовали как-то отдельно от всего лица и его мимики. Они жили своей жизнью, сообщаясь напрямую с какими-то центрами умственной деятельности, скрытыми в глубине черепной коробки. А голова чем-то напоминала голову Пикассо.

Худенький, маленький старичок показался мне удивитель-

но значительным, и я испытывал отнюдь не свойственное мне чувство робости и желание непременно произвести на него благоприятное впечатление. А он молчал, остановив на мне спокойный, холодный, голубоватый взгляд, не выражающий ничего, кроме ожидания, как будто даже пустой, но на самом деле - как скоро убедился - отражающий непрерывную, неутомимую, почти механическую работу мысли.

- Ну вот, Отто Вильгельмович, привез этого человека, - шумно начал Матковский. - Он, по-моему, хороший парень, хотя немного задается, не хочет переходить со мной на "ты". Но это я так, конечно, в шутку.

И продолжил, повернувшись ко мне:

- Отто Вильгельмович еще расскажет вам о своем замысле написать главу о государстве для нашего учебника. Это должна быть совсем необычная глава, быть может, центральная в книге. Ну я свою миссию выполнил и замолкаю.

- Та, та, именно, именно, - проскрипел пожилой джентельмен. - Я пригласил вас, чтобы попробовать... Попробовать по-новому подойти к этому вопросу. У вас правильно сказано в статье: надо развивать советскую демократию. Но что это значит? Как вы думаете?

Я начал было пересказывать основные положения своей статьи, но Куусинен остановил меня взглядом.

- Та, та, именно... А как вы думаете, нужно нам сохранять диктатуру пролетариата, когда мы уже построили социалистическое общество? Или нам нужен переход к какому-то новому этапу развития государства?

Вопрос этот, надо сказать, смутил меня. Не потому, что не задумывался над этим, а потому, что ответ на такой вопрос, как говаривали в нашей редакции, чреват непредвиденными последствиями. Сказать вслух, что в общем-то диктатура уже не нужна, что она свои задачи уже решила - и в гражданскую войну, и в момент неслыханного напряжения сил в предвоенный период, и в Отечественную войну, когда нужна была строжайшая дисциплина, мобилизация фронта и тыла? Я хорошо знал, что стереотип "диктатура пролетариата" в 30-х годах был использован для обоснования массовых репрессий. Но можно ли говорить об этом человеку, который представляет высшее руководство страны? Правда, в самой постановке им вопроса уже содержится намек на возможность какого-то нового суждения... Впрочем, я так и не додумал до конца мысль под внимательным, пытливым взглядом, который требова-

тельно извлекал из меня не формальное, а самое искреннее мнение.

- Если говорить откровенно, Отто Вильгельмович, то мне кажется, что диктатура пролетариата не нужна в нашей стране. Она должна быть преобразована. Процесс этот, собственно, уже идет, и задача в том, чтобы его сознательно ускорить.

- Именно, - всколыхнулся плед, что, как я потом понял, означало крайнюю степень возбуждения. - Но вот вопрос: во что же она, эта диктатура, преобразуется?

- Я думаю, в государство народа, а не одного класса, в советскую демократию.

- Та, та, именно, но, может быть, общенародное государство? Маркс когда-то критиковал лозунг “народное государство”. Но это было давно и, кроме того, относилось совсем к другому государству. Лассаль рассчитывал заменить юнкерскую буржуазную власть на государство народное. Это была иллюзия. Это был обман. Но совсем иное дело сейчас у нас, когда диктатура пролетариата свою историческую роль уже сыграла.

Здесь он сделал паузу, которая длилась довольно долго, и я не знал, должен ли я что-то добавить к его рассуждениям. А он, по-видимому, продолжал обдумывать сказанное, как будто слово, отделившись от него, приобретало какое-то самостоятельное значение и звучание, так что следовало оценить его заново.

- Так в этом духе и нужно написать свою главу для учебника? - не выдержал я.

- Именно, именно, в этом духе. Надо обосновать это теоретически. Надо взять у Ленина: для чего и почему необходима диктатура пролетариата - и доказать, что сейчас она уже не нужна.

- Речь идет только о теории или также о практике? - спросил я. - Имеется ли в виду внести какие-либо крупные изменения в политическую систему?

- Та, та, именно, - отвечал Куусинен. - Вначале теория, а потом, - тут он сделал движение рукой куда-то вдаль, - а потом и практика...

Я понял, что это “потом” наступит не так скоро, но что сейчас надо добиться теоретического признания необходимости важных преобразований государственных институтов.

- Может быть, пока приобщить Федора Михайловича к Записке? - вставил тут свое слово Матковский.

- Та, та, и к Записке тоже. Но главное, надо поднять все работы Ленина, надо восстановить истину, чтобы обосновать общенародное государство.

Вместе с другими членами нашего коллектива я участвовал в подготовке Записки для высшего руководства, предложенной О.В.Куусиненом. Называлась она, помнится, несколько вызывающе: “Об отмене диктатуры пролетариата и переходе к общенародному государству”. Ее действие было подобно взорвавшейся бомбе. Подавляющее большинство руководителей не только отвергло эту идею, но пришло в страшное негодование. Куусинен же только посмеивался одними глазами: как опытный аппаратчик, он предварительно согласовал вопрос с Хрущевым и получил его надежную поддержку.

Мы присутствовали в кабинете Куусинена в тот момент, когда он выслушивал замечания некоторых руководителей по поводу Записки... Отто Вильгельмович держал трубку внутреннего телефона так, что мы могли слышать его собеседника.

- Отто Вильгельмович! - кричала трубка. - Как же так! Что вы тут написали! Зачем же так извращать! Ленин считал диктатуру пролетариата главным в марксизме. А вы тут нам подсовываете какие-то новые цитатки Ленина, о которых никто и не слышал...

- Та, та, именно, не слышали. Не слышали потому, что эти очень важные высказывания Ильича держались под спудом. Вы знаете, наверное, что и сейчас еще многие работы Ленина не опубликованы.

- Не знаю. Не слышал. Нас учили совсем другому марксизму, - пробасила трубка и легла на рычаг.

- Та, та, это верно, - заметил Отто Вильгельмович, обращаясь к нам, - его учили совсем другому. Боюсь, что даже преподаватели в торговом техникуме, который он кончил, могли не знать этих высказываний Ленина.

Тут снова зазвонил внутренний телефон.

- Я вас слушаю, - как обычно, вежливо произнес Куусинен. Но трубка молчала еще какое-то время и наконец взорвалась женским криком. Потом выяснилось, что это была Фурцева, секретарь ЦК и будущий министр культуры.

- Как же вы могли, Отто Вильгельмович, покуситься на святая святых - на диктатуру пролетариата! Что же будет с нашим государством, с нашей идеологией, если мы сами будем раскачивать их основы?!

- Думаю, государство и идеология станут еще крепче. -

бодро отвечал наш старик. - В самом деле, если государство стало всенародным и сохранило при этом руководство рабочего класса, то от этого оно, конечно, только выиграло, а не проиграло, и при этом никто не сможет оправдывать расправу с вами, со всеми нами ссылкой на диктатуру пролетариата!

- Ну, знаете, это вы уж слишком! На кого вы намекаете? У нас сейчас коллективное руководство, и никто никого не собирается сажать!

- Вот именно, вот именно, - обрадовался Куусинен.

- Коллективное руководство - это и есть прямой переход к социалистической демократии.

- Нет, Отто Вильгельмович. Меня вы не убедили! И никого не убедите. Так что я бы вам посоветовала отозвать свою Записку, пока еще не поздно. Пока еще не состоялось обсуждение.

- Не поздно, - проямлил Отто Вильгельмович с легкой издевкой. - Никогда не поздно восстановить истину. Что касается обсуждения, то я почему-то думаю, что к этому времени вы сами пересмотрите свою позицию...

- Никогда! Ни за что! Я эту диктатуру, можно сказать, всосала с молоком матери и буду стоять за нее насмерть!

- Ну зачем насмерть? Это же вопрос теории. Посмотрим, обсудим и коллективно решим.

Куусинен оказался прав. Ни один из его оппонентов даже не рискнул высказаться против Записки, когда происходило обсуждение. К этому времени все уже знали, что Первый - "за", и что он рекомендовал включить идею общенародного государства в Программу партии.

Мы говорили с Отто Вильгельмовичем о том, как в результате нового взгляда на наше государство будет изменена вся политическая система на принципах демократии. О том, что будут созданы прочные гарантии против режима личной власти, что появятся новые политические институты общественного самоуправления.

3

Одно из центральных мест при подготовке проекта Программы партии занимал вопрос о мирном сосуществовании, дружественных отношениях и сотрудничестве со всеми государствами и народами. Здесь должна была найти отражение новая стратегия, вырабатываемая странами социализма в их

взаимоотношениях с Западом, - ориентация на длительное мирное экономическое соревнование, в ходе которого выявлялись все преимущества социализма. Речь шла и о том, чтобы сделать выводы из новой ситуации, созданной термоядерным оружием: о новом характере войны и ее катастрофических последствиях для всех народов и государств, о мире как единственной альтернативе взаимному уничтожению, о прекращении “холодной войны” и конфронтации, о радикальном улучшении всего международного климата.

Подобный подход вызывал сильное сопротивление представителей общественных наук, которые полагали, что это противоречит установкам на мировую революцию. В подготовленных записках, в опубликованных статьях они жонглировали цитатами из произведений Ленина, написанных в годы революции и гражданской войны, игнорировали его абсолютно четкие и недвусмысленные указания и идеи 20-х годов, когда страна вступила в пору мирного строительства и налаживала дипломатические, экономические и иные отношения с капиталистическими государствами.

Немало дискуссий вызывал вопрос о формах перехода к социализму в капиталистическом мире. Собственно, если говорить точнее, о возможности мирного, ненасильственного перехода с использованием парламента. Этот вопрос впервые был широко и аргументированно изложен в программном документе английских коммунистов “Путь Британии к социализму”. Потом эта проблема формулировалась в документах французской, итальянской и многих других западноевропейских партий. В таком виде она вошла в Программу КПСС.

И конечно, большое место при подготовке Программы партии занял вопрос о гарантиях против повторения культа личности и его отрицательных последствиях. Тогда начался процесс обновления советского законодательства, а также подготовка новой Конституции СССР. Эта проблема осталась актуальной для многих компартий социалистических стран, а для некоторых не только актуальной, но и чрезвычайно болезненной. В Китае, Албании и ряде других стран любую критику культа личности рассматривали как прямой выпад против существовавшего порядка в партиях и государствах и даже как покушение на авторитет и роль тех или иных лидеров. Да и среди наших теоретических кадров и политических деятелей этот вопрос вызывал немало споров, нередко чрезвычайно ожесточенных. Поэтому мы выслушали множество самых про-

тивоположных и разнообразных рекомендаций. В конечном счете восторжествовала точка зрения, которую не раз в личных беседах высказывал Ю.Андропов. Он говорил, что нет проблемы, способной в большей мере расколоть коммунистическое движение, чем вопрос о Сталине, поэтому рекомендовал ограничиться краткими формулировками, взятыми почти дословно из известного постановления "О преодолении культа личности и его последствий". После длительного "перетягивания каната" восторжествовала именно эта позиция.

Один из практических выводов из опыта прошлого был связан с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров. Этот тезис вызвал бурные споры. Идея ротации кадров, которая исходила непосредственно от Хрущева, претерпела ряд видоизменений. Было проработано не менее десяти вариантов формулировок, которые дали бы ей адекватное воплощение. Первый хотел создать какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, "засиживания" руководителей и старения кадров на всех уровнях. В отношении первичной организации это не вызвало особых споров. Но относительно ротации в верхних эшелонах мнения разошлись кардинальным образом. В этом пункте даже Хрущеву с его авторитетом, упорством и настойчивостью пришлось отступить.

В первоначальном проекте фиксировались принципы, согласно которым можно находиться в составе высшего руководства не больше двух сроков. Это вызвало бурные протесты более молодой части руководителей. Им казалось крайне несправедливым, что представители старшего поколения, которые уже "наседелись", пытаются ограничить их возможности и активность. В следующем проекте ограничения расширили до трех, но и эта формулировка была отвергнута. В окончательном тексте весь замысел - создать совершенно новую процедуру сменяемости кадров - оказался препарированным до неузнаваемости. А то, что осталось, относилось почти исключительно к низовым структурам и вскоре выявило свою практическую непригодность. Трудно сказать, с чем была связана эта неудача. То ли с тем, что не были найдены наиболее разумные и приемлемые формы ротации кадров, или с сопротивлением заинтересованных людей, но остается фактом, что идеи, направленные против чрезмерной концентрации власти в одних руках, воплотить в программном документе не уда-

лось.

Замечу в скобках, что хрущевская идея коллективности руководства государством оказалась отброшенной в период “торжества демократии” в эпоху Горбачева и особенно Ельцина. Сейчас президент России согласно Конституции РФ и на практике единолично распоряжается той властью, которая при Хрущеве принадлежала коллективу Политбюро. Власть президента ограничивается только в области законодательства Федеральным Собранием РФ, а в решении крупнейших вопросов политики - приватизации национального богатства, либерализации цен, войны в Чечне, отношении к югославскому конфликту, НАТО и так далее - он действует один как авторитарный лидер государства. Да и с ротацией далеко не все сложилось как надо. Но это - попутно.

Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об экономическом развитии страны и ходе экономического соревнования на мировой арене. С этим предложением на одно из заседаний приехал крупный хозяйственник А.Ф.Засядько. Насколько я припоминаю, члены рабочей группы - экономисты и не экономисты, в том числе и я, - решительно выступили против этого предложения. Доклад, который сделал Засядько в рамках рабочей группы, показался нашему руководителю и всем нам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития нашей экономики и экономики США фактически были взяты с потолка: они выражали желаемое, а не действительное.

Однако сам Засядько легко положил конец разгоревшейся дискуссии. Он открыл первую страницу книжки в синем переплете с машинописным текстом примерно на восьмидесяти страницах и показал надпись: “Включить в Программу” - и знакомую подпись Первого. Так в Программу партии, вопреки мнению подавляющего большинства участников - и не только в рамках рабочей группы, но и на политическом уровне, - были включены цифровые выкладки о том, как мы в 80-х годах догоним и перегоним Соединенные Штаты. Порывы были высокие, но, как говорилось в аппарате, кроме амбиции нужна еще и амуниция.

Надо, впрочем, попытаться представить себе и общий дух того времени. Хотя мало кто верил в цифры Засядько, но энтузиазмом и оптимизмом были охвачены все. И базировались эти чувства вовсе не на пустом месте: все были убеждены, что принимаемая Программа открывает этап крупных структур-

ных преобразований и сдвигов, иначе зачем надо было бы принимать и утверждать новую Программу?

Замысел состоял в том, чтобы найти формы, средства, методы, механизмы для того, чтобы достичь нового индустриального уровня и догнать ушедшие вперед более индустриально развитые страны, чтобы коренным образом улучшить сельское хозяйство и обеспечить население продуктами питания и высококачественными товарами, создать уровень жизни, достойный нашего многострадального народа.

К тому времени сколько-нибудь мыслящим деятелям стало ясно, что достигнуть этого невозможно посредством простого наращивания количественных изменений - больше газа, стали, угля, нефти, электроэнергии, машин, одежды. Такое развитие не сулило никаких качественных перемен и обрекало страну на прогрессирующее отставание в области новой техники и технологии. Нет, речь шла об изменении структуры производства и управления.

К несчастью, Первый был окружен советниками, которые сводили на нет многие разумные, назревшие преобразования или заменяли их чисто организационными решениями, нередко невзвешенными, непроверенными, непродуманными.

Поэтому система новых экономических взаимоотношений так и не была определена. Все было сделано наспех, при большом сопротивлении многих работников хозяйственного аппарата, не понимавших целей преобразований, необходимости ломки традиций и озабоченных переменами в своей судьбе, поскольку им нередко приходилось оставлять насиженные кабинеты в Москве и отправляться в отдаленные районы. Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства.

У нас говорили о слабости, присущей Первому: "Он привык ходить в стоптанных тапочках". Такая слава шла за ним, когда он еще работал на Украине, потом в Москве. Это значит, что Хрущев предпочитал работать с тем аппаратом, который доставался ему от предшественников, и редко менял людей в своем окружении. Поэтому он часто оказывался в плену исходящей от них информации, а также их предложений и рекомендаций. Насыщенный до предела жаждой преобразований, как взрывчаткой, он, однако, нередко становился жертвой предрассудков, собственных или непосредственно окружавших его лиц.

Неспособность Хрущева разбираться в кадрах была заме-

цена уже в период его работы в Киеве, а затем и в Москве. Он был всегда склонен скорее полагаться на льстецов, чем на подлинных сторонников его реформаторских преобразований. Поэтому окружал себя такими людьми, которые в рот ему глядели и готовы были взяться за любое его поручение, например Н.Подгорный. Поэтому ему мало импонировали самостоятельные, крупные личности, независимые характеры. Хрущев был слишком уверен в себе, чтобы искать опору в других. И это стало одной из причин его падения. Люди, которые в глубине души не разделяли его реформаторских взглядов, считали их проявлением некомпетентности или даже чудачеством, при первом же удобном случае избавились от него.

Правда, одно время Хрущев тянулся к более интеллигентным кадрам в партийном аппарате. Достаточно напомнить его отношение к Д.Т.Шепилову, которого он выдвинул на посты секретаря ЦК, министра иностранных дел. Однако поведение Шепилова в ходе июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС навсегда отвратило Хрущева от “интеллигентиков”. Шепилов неожиданно поддержал группу догматиков (почему и был назван “примкнувшим к ним”) и, выйдя на трибуну, стал цитировать из своей “черной” записной книжки доверительные высказывания Хрущева о тех или иных деятелях.

Завершающий этап работы над программой партии наступил уже во время XXII съезда КПСС. Обсуждение проекта в партийных организациях, в печати и на самом съезде потребовало внесения не менее двадцати редакционных и принципиальных поправок. К сожалению, однако, не были учтены пожелания, высказанные в некоторых письмах, о том, чтобы изъять из Программы цифровой материал об экономическом соревновании двух мировых систем. Поколебать позицию Программы КПСС была встречена с энтузиазмом во всей партии и в народе, с надеждой и верой в то, что в короткие исторические сроки удастся добиться крупнейших результатов в экономическом и социальном развитии страны, радикально поднять уровень народного благосостояния. В этом были уверены, кажется, все. Даже такой выдающийся либеральный деятель как А.Д.Сахаров полагал, что две мировые системы “Сыграли вничью” и должны пойти по пути конвергенции, то есть заимствования друг у друга лучших образцов - планирование у одних и демократия у других.

Пожалуй, именно в хрущевскую пору сложилась странная традиция: считать, что авторитет лидера определяется количеством произносимых им слов. При Ленине такого быть не могло, поскольку наряду с ним с докладами, замечаниями, статьями, а нередко и с книгами постоянно выступали и другие члены руководства. Что касается Сталина, то он предпочитал выступать редко и весомо, в соответствии с известной ремаркой из “Бориса Годунова”: глас царский должен вещать либо великий праздник, либо бедствие народа.

Хрущев вообще был большой любитель поговорить и даже поболтать. Неоднократно мне приходилось присутствовать при его встречах с зарубежными лидерами, во время которых он буквально не давал никому вымолвить слова. Воспоминания, шутки, политические замечания, зарисовки тех или иных деятелей, нередко пронизательные и острые, анекдоты, подчас довольно вульгарные, - все это создавало, как говорят сейчас, “имидж” человека непосредственного, живого, раскованного, не очень серьезно и ответственно относящегося к своему слову. Прошло почти тридцать лет, и до сих пор мне приходилось слышать о его неловкой шутке в США: “У нас с вами только один спор - по земельному вопросу, кто кого закопает”. Точно так же и в Китае все еще вспоминают, как он, разбушевавшись в одной из бесед с китайским представителем, кричал о том, что направит “гроб с телом Сталина прямо в Пекин”. На XXII съезде КПСС (1961 г.) все его участники, как и вся партия и народ, стали свидетелями небывалого случая: Хрущев вначале зачитал четырехчасовой Отчетный доклад, а затем, после перерыва, снова взобрался на трибуну и еще часа три зачитывал доклад о проекте Программы партии...

На XXII съезде КПСС по инициативе и под огромным давлением Хрущева был сделан следующий крупный шаг в критике сталинизма, в разоблачении и осуждении культа личности Сталина. Как известно, Хрущев добился решения Президиума ЦК КПСС, чтобы каждый член руководства выступил по этому вопросу. И даже М.А.Суслов вынужден был сделать это. Можно отметить ряд направлений, по которым произошло дальнейшее продвижение вперед в анализе сталинского режима.

Прежде всего была полностью раскрыта роль группировки, сплотившейся вокруг Сталина после смерти Ленина, в которую входили Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, а

впоследствии Маленков, Берия и другие. Тем самым был вскрыт и показан механизм внутривнутрипартийной борьбы. В условиях формального запрета фракций и объединений в партии стали возникать группировки, боровшиеся за власть и влияние. И та группировка, которая объединилась вокруг Сталина и которую поддерживала новая партийная бюрократия, не могла не взять верх. Хрущев рассказал о том, как сопротивлялись члены этой группировки разоблачению культа личности на XX съезде, как они противостояли реабилитации невинно осужденных и казненных людей, как они стремились посредством очередного дворцового заговора повернуть дело вспять к неосталинизму.

Когда на Президиуме ЦК обсуждался вопрос о реабилитации Тухачевского, Якира, Уборевича, Хрущев спросил Молотова, Кагановича и Ворошилова:

- Вы за то, чтобы их реабилитировать?

- Да, мы за это, - ответили они.

- Но вы же и казнили этих людей, - сказал Хрущев с возмущением. - Так когда же вы действовали по совести: тогда или сейчас?[50].

Но они не дали ответа на этот вопрос. Затем было принято решение о выносе тела Сталина из Мавзолея и об увековечении памяти видных деятелей партии и государства, ставших жертвами необоснованных репрессий в период культа личности.

И наконец, Хрущев впервые поставил вопрос о том, как относиться к инакомыслящим в партии, поставил, правда, довольно робко и не очень отчетливо. Он говорил в Заключительном слове на съезде: "Возможно ли появление различных мнений внутри партии в отдельные периоды ее деятельности, особенно на переломных этапах? Возможно. Как же быть с теми, кто высказывает свое, отличное от других мнение? Мы стоим за то, чтобы в таких случаях применялись не репрессии, а ленинские методы убеждения и разъяснения"[50].

Сама постановка вопроса об инакомыслии в партии представляла собой крупный шаг вперед в конкретных условиях партийной жизни в послесталинский период. Но нельзя не видеть и всю ущербность подхода Хрущева к данному вопросу. В сущности, он сводил дело больше к терпимости, лояльности, мягкости к людям, которые выступают в тот или иной период отличным мнением. В конечном счете такие люди должны подчиниться мнению большинства и под влиянием критики

исправить свои взгляды. Но ведь точно так же ставился вопрос в борьбе против Троцкого, затем Каменева, Зиновьева, Бухарина. Именно в ту пору сложилась практика, при которой от “уклони́ста” требовали саморазоблачения и осуждения собственных взглядов. Это считалось главным условием не только сохранения за ними тех или иных постов, но и самого их пребывания в партии.

Хрущев как будто даже не допускал мысли, что меньшинство может оказаться правым и большинству придется признать свою неправоту. И, безусловно, ему не приходило в голову, что может быть разнообразие и столкновение различных мнений, предложений, альтернатив, касающихся существенных вопросов внутренней и внешней политики. Поэтому, хотя по инициативе Хрущева был нанесен могучий удар по режиму тиранической власти и связанных с ним массовых репрессий, идеологическая основа авторитарного режима, по сути дела, затронута не была.

Хрущев считал естественным и нормальным, что небольшая группа руководителей, прежде всего Первый секретарь ЦК партии, располагает монополией на решение всех вопросов жизни общества. Он и они в конечном счете решают, как распределять финансовые ресурсы, в каком направлении развивать колхозы, совхозы, заводы, фабрики, как и кому присуждать Государственные премии, награды в области литературы, изобразительного творчества, театрального дела, науки. Хрущев даже не задумывался над тем, почему это право принадлежит ему лично и еще десятку других людей, которые его окружают и которых он сам подобрал. И как такой режим сказывается на жизни народа? В голове Хрущева и всего прежнего поколения руководителей сидела традиционная модель патриархального крестьянского двора. Есть патриарх, то есть старейшина либо семьи, либо рода, никем не избираемый. Он имеет право распоряжаться судьбами каждого члена семьи или рода, мотивируя это защитой каких-то общих интересов. Это типичное проявление авторитарно-патриархальной политической культуры, по-видимому, так и не было преодолено ее самым демократичным и, быть может, самым свободомыслящим представителем - Хрущевым.

Патернализм, вмешательство в любые дела и отношения, непогрешимость патриарха, нетерпимость к другим мнениям - все это составляло типичный набор вековых представлений о власти в России.

Проблема гарантий против режима личной власти натолкнулась на непреодолимое препятствие - ограниченность политической культуры самого Хрущева и тогдашней генерации руководителей. В этом отношении показательны события, последовавшие за июньским Пленумом 1957 года. Я уже отмечал, что выдающуюся роль в разгроме сталинистов сыграл маршал Г.К. Жуков. Как рассказывали тогда, во время заседания Президиума ЦК КПСС, когда в результате голосования было принято решение об освобождении Хрущева с поста Первого секретаря, Жуков бросил историческую фразу: "Армия против этого решения, и ни один танк не сдвинется с места без моего приказа". Эта фраза в конечном счете стоила ему политической карьеры.

Вскоре после июньского Пленума Хрущев добился освобождения Жукова с постов члена президиума ЦК КПСС и министра обороны СССР. Сделано это было в традиционном для того времени духе - в момент, когда маршал находился в зарубежной командировке. Ему не было предоставлено минимальной возможности объясниться, точно так же, как не было дано необходимого разъяснения партии и народу о причинах изгнания с политической арены самого выдающегося полководца Великой Отечественной войны. А причина изгнания была опять-таки традиционная - страх перед сильным человеком...

Хрущев мечтал изменить облик нашей политической системы. Облик, но не самую систему. По его поручению мне довелось вместе с работниками Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС возглавлять рабочую группу по подготовке проекта новой Конституции СССР. Мы собрали специалистов и в итоге направили записку с принципиальными предложениями Хрущеву. Среди них были идеи стабильного работающего Верховного Совета СССР - их Хрущев одобрил. Но по поводу идеи введения института президента, избираемого всем народом, он, как нам передали, сказал с присущим ему юмором: "Тут какие-то мальчишки хотят снять меня с поста Председателя Совмина, но это надо еще посмотреть".

Уже в период перестройки я вернулся к идеям той поры. Накануне XIX партконференции в статье "Советский парламентаризм" ("Литературная газета", 1988, N 24) мной были внесены предложения о прямых выборах всем народом парламента, президента, о создании конституционного суда, включения в новую Конституцию "Декларации прав человека". И только в 1993 г. в конституции России эти идеи получили фор-

мальное признание, хотя их осуществление на практике все еще остается делом будущего. Так хрущевское время проникло в ткань новой эпохи.

5

Для меня всегда оставалось загадкой окружение Хрущева - отношения между Хрущевым и М.А.Сусловым. Почему Хрущев так долго терпел при своем руководстве Суслова, в то время как убрал очень многих оппонентов? Трудно сказать - то ли он хотел сохранить преемственность со сталинским руководством, то ли испытывал странное почтение к мнимой марксистско-ленинской учености Михаила Андреевича, но любить он его не любил. Я присутствовал на одном заседании, на котором Хрущев обрушился с резкими и даже неприличными нападка на Суслова. "Вот пишут за рубежом, сидит у меня за спиной старый сталинист и догматик Суслов и только ждет момента скovyрнуть меня. Как считаете, Михаил Андреевич, правильно пишут?" А Суслов сидел, опустив худое, аскетическое, болезненное, бледно-желтое лица, не шевелясь, не произнося ни слова и не поднимая глаз.

На февральском Пленуме ЦК 1964 года Хрущев обязал Суслова выступить с речью о культе личности Сталина. Речь поручили подготовить мне и А.С. Белякову в течение одной ночи. Сначала у нас ничего не получалось потому, что мы не знали, как писать для Суслова. Позиция его была известна - осторожненькая такая позиция, взвешенная, всесторонненькая, сбалансированная, лишённая крайностей и резких красок. А поручение Хрущева было недвусмысленное: решительно осудить устами Суслова культ личности. Вот и метались мы полночи.

К утру речь была готова, аккуратно перепечатана в трех экземплярах, и мы отправились к Михаилу Андреевичу. Посадил он нас за длинный стол и стал читать свою речь вслух, сильно окая по-горьковски и приговаривая: "Хорошо, здесь хорошо сказано. И здесь опять же хорошо. Хорошо отразили". А в одном месте остановился и говорит: "Тут бы надо цитаткой подкрепить из Владимира Ильича. Хорошо бы цитатку". Ну я, осоловевший от бессонной ночи, заверил: цитатку, мол, мы найдем, хорошую цитатку, цитатка для нас не проблема. Тут он бросил на меня первый взгляд, быстрый такой, остренький, и сказал: "Это я сам сейчас подберу". И

шустро так побежал куда-то в угол кабинета, вытащил ящичек, которые обычно в библиотеках стоят, поставил его на стол и стал длинными, худыми пальцами быстро-быстро перебирать карточки с цитатами. Одну вытащит, посмотрит - нет, не та, другую начнет читать про себя - опять не та. Потом вытащил и говорит удовлетворенно: "Вот, эта годится". Зачитал, и впрямь хорошая цитатка была. В этот момент я и сделал главную ошибку в своей жизни - видимо, сказалась бессонная ночь да и неуместная склонность к шуткам. Не выдержал я и всохотнул, видя, как крупнейший идеолог страны перебирает цитатки, как бисер, или как в былые времена монахи четки перебирали. Надо думать, лицо у меня при этом было самое непартийное, потому что бросил на меня второй взглядец Михаил Андреевич, маленькие серые глазки его сверкнули и снова опустились к каталогу. Подумал я еще в тот момент: "Ох, достанет он тебя, Федя. Раньше или позже, но достанет!" И верно, именно он-то и "достал" меня. Случилось это в следующую эпоху. Он имел непосредственное отношение к расправе со мной в газете "Правда", учиненной за серию моих публикаций. Но об этом я расскажу позднее...

А тогда Суслов дочитал текст, сказал спасибо, ручки нам пожал. И на Пленуме доклад в том же виде зачитал. Зачитал с выражением, заслужив полное одобрение Первого. Но нам-то, исполнителям, он не простил того, что мы участвовали в учиненном над ним идеологическом насилии. Пришлось ему сказать против Сталина то, о чем не думал и во что сам не верил.

Суслов сыграл самую мрачную роль в деформации отношений Хрущева с интеллигенцией. Хрущев долгое время полагался на него как на самый крупный авторитет в области идеологии. Чувствуя себя слабым и даже незащитным в вопросах теории, он долгое время прибегал к рекомендациям Суслова, когда шла речь о науке, литературе, искусстве. Кроме того, Суслов опирался на команду молодых руководителей, выходцев из комсомольской среды - А.Шелепина, В.Семичастного, к которым примыкал помощник Хрущева В.Лебедев, а нередко и его зять А.Аджубей. Последний был хорошим руководителем газеты "Комсомольская правда", а затем "Известий", однако группа молодых "вождей" во главе с Шелепиным смогла втянуть его в свою борьбу против либеральной интеллигенции, в том числе внутри партии.

Сам Хрущев тянулся к той части интеллигенции, с которой его сближала критика сталинизма. В этом отношении показав-

тельные события, разыгравшиеся вокруг повести Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Хорошо помню, как Андропов дал мне прочесть эту повесть, набранную для публикации в "Новом мире". Спросил о моем мнении, и я, конечно, энергично высказался за публикацию. Эта повесть была талантливым дополнением к секретному докладу Хрущева о Сталине. Мне рассказали, что единственным человеком, кто с самого начала выступил за публикацию повести, был Хрущев. Только благодаря его мужественной и бескомпромиссной позиции "Один день Ивана Денисовича" появился в "Новом мире", и эффект публикации был подобен взрыву идеологической бомбы. Вокруг повести развернулись крупные бои. По настоянию прогрессивной части литераторов, прежде всего поэта А.Т.Твардовского, главного редактора "Нового мира", повесть была выдвинута на Ленинскую премию. Вот тут-то и сказалось давление "комсомольцев" на Хрущева. Об этих событиях с непревзойденной наивностью поведал в одной из статей бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П.Павлов.

Павлов сообщает, что, как первый секретарь ЦК комсомола, он входил в Комитет по Ленинским премиям. Ему "показалась нелепой" сама мысль присудить эту премию за книгу, в которой рассказывалось "о подробностях лагерного быта"(!). Он выступил с таким заявлением на заседании комитета. После этого ему позвонил Семичастный, который к тому времени стал председателем КГБ, и сказал:

- Завтра тебе будет еще труднее: защитники Солженицына готовятся к атаке. Я пришлю тебе его следственное дело тех лет.

И прислал, надо думать. Кандидатуру Солженицына, хотя до этого были опубликованы положительные рецензии в "Правде" и "Известиях", сняли с обсуждения. "Хрущев, - повествует Павлов, - все это понял, принял и, по-моему, не обиделся..."[44].

Сыграли свою роль в отношениях Хрущева с интеллигенцией и торопливость, стремление вмешаться в любой вопрос и быстро его решить. Тут он нередко оказывался под большим влиянием небескорыстных советчиков, а то и скрытых противников, готовивших его падение. Хорошо помню, что посещение им художественной выставки в Манеже было спровоцировано специально подготовленной справкой. В ней мало говорилось о проблемах искусства, зато цитировались подлинные или придуманные высказывания литераторов, худож-

ников о Хрущеве, где его называли “Иваном-дураком на троне”, “кукурузником”, “болтуном”. Заведенный до предела, Хрущев и отправился в Манеж, чтобы устроить разнос художникам. Таким же приемом тайные противники Хрущева травнили его в историю с Б.Пастернаком, добились через него отстранения с поста президента АН СССР А.Несмеянова в угоду Лысенко, рассорили со многими представителями литературы, искусства, науки.

Поэтому позволю себе сослаться на свидетельства деятелей культуры о встречах с ними Хрущева. Начну с известного режиссера, автора фильма “Обыкновенный фашизм” - Михаила Ромма. Тем более что он сам рассказывал мне многое о встречах с Хрущевым (а также и со Сталиным), поскольку предложил мне написать сценарий о Мао Цзэдуне. Вот что повествует М.Ромм:

“В декабре шестьдесят второго года я получил приглашенный билет на прием в Дом приемов на Ленинских горах...

Запомнилось несколько выступлений. В одном назвали меня провокатором, политическим недоумком, клеветником, а заодно разносили Щипачева... Суть другого выступления сводилась к тому, что коменданты лагерей были прекрасные коммунисты...

А реплики Хрущева были крутыми, в особенности когда выступали Эренбург, Евтушенко и Щипачев, которые говорили очень хорошо.

Вот когда фигура Хрущева оказалась совсем новой для меня. Вначале он вел себя как добрый, мягкий хозяин крупного предприятия: вот угощаю вас, кушайте, пейте. Мы все вместе тут поговорим по-доброму, по-хорошему.

И так это он мило говорил - круглый, бритый. И движения круглые. И первые реплики его были благостные.

А потом постепенно как-то взвинчивался, взвинчивался и обрушился раньше всего на Эрнста Неизвестного. Долго он искал, как бы это пообиднее, пояснее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И наконец нашел, нашел и очень обрадовался этому, говорит: “Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите”.

Так это было. Из песни слов не выкинешь. Я как-то спро-

сил у Андрея Вознесенского, что же он сейчас думает о Никите Сергеевиче. И вот его ответ: “Для меня Хрущев всегда был важен тем, что он освободил людей из сталинских лагерей, что без него не было бы демократизации. Он был воспитан сталинской структурой - тем весомее его подвиг и риск на XX съезде. Без этого не было бы и перестройки”.

Что касается Евгения Евтушенко, то он во все времена высоко ставил антисталинизм Хрущева и в пору опалы Никиты Сергеевича имел мужество навещать его. Известный французский актер и певец Ив Монтан нам рассказывал о своей шестичасовой беседе с Хрущевым на подмосковной даче, о том, как он пытался объяснить ему ошибочность гонения на Пастернака и других. И все же в итоге Хрущев сумел обаять Монтана, хотя, конечно, и не переубедил его.

В отношении Хрущева к людям искусства более всего сказалась некультурность, необразованность - органическая часть патриархального феномена власти. Он полагал себя живым воплощением мудрости народной (шахтер, из крестьян), поэтому именно его восприятие служит критерием для суждения об искусстве: оно творится для народа и принадлежит народу. Кроме того, сказались и разнузданность авторитарного вождя, и обыкновенное хамство.

Что и говорить: ужасают и смешат эти нравы деревенского царского двора, где патриарх все решает по произволу или капризу... Но эти нравы, увы, остались до сегодняшнего дня... В своих мемуарах Хрущев осудил Сталина за единовластие, за то, что тот принимал единоличные решения, не советуясь и не спрашивая мнения членов Политбюро или Бюро Президиума ЦК. Однако он не задумывался над тем, почему небольшая группа руководителей, назначенных или в какой-то форме избранных внутри самой партии, имеет право руководить государством, всем народом.

Это типично авторитарная традиция. Так сложилось при Сталине. Генеральный секретарь ЦК фактически выступал как глава государства. В 30-е годы, когда Сталин не только установил свое единоличное правление, но и безжалостно расправлялся с любым подлинным или мнимым противником, он не занимал никакого государственного поста. Тем не менее все его распоряжения выполнялись органами госбезопасности, Наркоматом внутренних дел, армией, Советом Народных Комиссаров, всеми ведомствами. Хрущев даже не ставит вопрос о том, что надо получить какой-то мандат у народа. Пускай

формально. Нет, так же, как Сталин, он убежден, что такой мандат был выдан один раз и навсегда - в Октябре 1917 года, когда партия взяла власть в свои руки. Значит, естественно, она через своих представителей и распоряжается страной.

Кроме того, Хрущев, подобно Сталину, исходил из представления об абсолютном характере власти. Именно ей принадлежит право принимать экономические планы, регулировать жизненный уровень, определять характер образования, деятельность культурных учреждений, осуществлять внешнюю политику. Ни разу на протяжении двух томов своих мемуаров Хрущев не ставил под сомнение этот стереотип.

На Западе в течение веков складывались представления о разделении власти и создании противовесов, которые препятствовали бы чрезмерной концентрации ее в руках одного органа, тем более - одного человека. Еще Монтескье в XVIII веке обосновал идею разделения законодательной, исполнительной и судебной власти. А весь опыт XIX века привел к формированию не только сбалансированных между собой государственных институтов, но и многопартийных систем, где каждая партия контролирует другую.

Наряду с этим развивалась либеральная тенденция. Она шла от первых биллей и деклараций о правах, принятых столетия назад в Англии, Франции и США. Такая традиция обосновала автономию личности внутри государства, которое не вправе отнять ее естественные гражданские и политические права. Россия практически не знала ни этого опыта, ни этих традиций. Во времена Сталина она вернулась ко многим механизмам власти, существовавшим еще при Иване Грозном и Петре I; к единовластию, опиравшемуся прямо и непосредственно на беспощадный механизм репрессий.

Хрущев отверг этот механизм и осудил единовластие, однако сохранил авторитарную форму правления, став первым советским руководителем, который играл роль непререкаемого лидера, не прибегая к массовым репрессиям. Но он и не задумывался ни о разделении властей, ни о распределении функций между партией и государством, ни тем более о таких социальных, экономических, гражданских и политических правах личности, на которые не могла бы покуситься политическая власть.

Хрущев воспринял и другую сталинскую традицию, которая тоже уходила корнями в глубину российской истории, - с единения светской и духовной власти. Таким подходом опре-

делялись энергичные и безапелляционные вторжения Хрущева в сферу науки, литературы, кино, изобразительного творчества.

Даже в период господства тиранических или авторитарных режимов на Западе власть только в исключительных случаях вмешивалась в научную, литературную, театральную деятельность. Можно ли представить себе, чтобы, скажем, Александр Македонский “выправлял” выводы Аристотеля о правильных формах государственной власти - монархии, аристократии, демократии, - высказанные им в “Политике”? Или чтобы Людовик XIV выговаривал Вольтеру по поводу того, что тот выбрал героем Кандида, такого безнравственного человека? Или - английская королева поучала бы Шекспира, как оценивать историческое место ее предков - прежних королей Англии? Конечно, и на Западе бывали примеры вторжения властей в сферу культуры, но в общем-то традиция была иной, чем у нас.

Мы узнали из мемуаров Хрущева, что до печально известного скандала с публикацией “Доктора Живаго” он никогда не читал Пастернака. Он сам рассказывал о том, что плохо разбирался в искусстве, тем более в современных его направлениях.

Основная проблема Хрущева заключалась в том, как мы ее понимаем, что этому чрезвычайно мужественному и активному политическому деятелю не хватало ни образования, ни знаний для того, чтобы стать еще и политическим мыслителем. Вообще говоря, таким родом мужества среди общественных деятелей обладали очень немногие - способностью развиваться и пересматривать свои взгляды, признавать в чем-то их ошибочность и находить новые ответы и решения, это - редчайшее дело даже среди ученых, не говоря о руководителях.

6

Хрущев так и не преодолел слепой веры во все проникающее государство, вернее, в государственный социализм. Он, как и Сталин, был убежден, что именно государство, централизм, спущенный сверху план, приказ, указание - это и есть главные преимущества социализма перед капитализмом и главный стимул развития страны. Он был “государственником” - в несколько меньшей степени, чем Сталин, но несравненно в большей, чем Маркс и Ленин.

Даже самые крутые его реформы - создание совнархозов, ликвидация многих министерств и ведомств - носили верхушечный характер. Была попытка сделать управление более рациональным, приблизить его к объектам - предприятиям, колхозам, совхозам, научным учреждениям. Но эти реформы не затрагивали сути производственных отношений, не претендовали на то, чтобы поставить самого производителя - рабочего, крестьянина, интеллигента - в новые условия труда: предоставить ему инициативу, самостоятельность, выбор, возможность прямой связи с потребителем. И тем самым раскрепостить экономику, ослабить, а затем и полностью снять удушающий ее пресс государственной опеки. Это особенно легко проследить на примере аграрной политики Хрущева, как раз там, где он считал себя компетентным специалистом. В области сельского хозяйства Хрущев выступал даже большим государственнымником, чем Сталин.

Незадолго до кончины Сталина в партийных организациях зачитывалось письмо с критикой идеи Хрущева об агрогородах. Он тогда выступил энтузиастом "совхозизации" колхозов, то есть окончательного их огосударствления. Хрущеву казалось, что надо более последовательно переносить в деревню опыт фабричного труда. Он верил, что таким путем может быть достигнута и большая специализация производства, и более высокий уровень профессионализма и применения современной техники. Одновременно это откроет возможности для социального переустройства быта деревни на городских принципах.

Как ни странно, именно Сталин выступил инициатором критики данной идеи. Думаю, у него вызывал протест не сам принцип огосударствления колхозов. Фактически это уже произошло в период сплошной коллективизации. Земля, как известно, была полностью передана в собственность государства, то есть изъята у крестьян и закреплена за колхозами. В самом колхозе никто не имел права потребовать обратно землю и свою часть внесенного или наработанного вклада. Появилось понятие так называемых "неделимых фондов", а затем колхозники и вовсе были намертво закреплены за колхозами посредством паспортного режима. Им попросту не выдавали паспортов, и они не вправе были покидать деревню.

Однако Сталин считал "совхозизацию" колхозов делом преждевременным. Он понимал, что в этом случае совхозам, а стало быть, государственному бюджету придется взять на себя

колоссальное бремя выплаты заработной платы труженикам села, а колхозы такого обязательства не имели. Никаких средств у государства для оплаты труда жителей деревни, которые составляли в ту пору более 60 % населения, не было. Что касается Хрущева, то, вероятно, именно таким путем он хотел спасти колхозников от бедности, нищеты и голода 1946 года.

Возник довольно странный парадокс. Намерения у Хрущева были самые благие - спасти крестьянство от голода, обеспечить ему минимальное благосостояние, твердую зарплату в совхозе. Но средства были контрпродуктивными. И предыдущий и последующий опыт достаточно показал, что выварить крестьянина в фабричном котле не удастся. Его дальнейшее закрепощение могло привести только к снижению продуктивности сельскохозяйственного производства. А Сталин, по словам Хрущева, выступил опять в роли верховного судьи, осудил перегибы и хрущевскую идею агрогородов, хотя палец о палец не ударил для спасения крестьян от голода, а сельского хозяйства - от разорения.

Сразу же после смерти Сталина по инициативе Хрущева был созван Пленум ЦК партии по сельскохозяйственному вопросу. Это был поистине исторический пленум. С одной стороны, резко уменьшались налоги на сельскохозяйственное производство, в особенности с приусадебных участков, с другой - повышались закупочные цены государства. Затем колхозам были переданы машинно-транспортные станции - правда, за дорогую цену. И наконец был сделан крупный шаг в ослаблении опеки местных и центральных органов власти над колхозами и совхозами.

Тем не менее идея "совхозизации" продолжала тревожить душу Хрущева. По всему видно, что он внутренне был убежден в том, что индивидуальное хозяйство, тем более приусадебный участок, и колхозное хозяйство куда менее эффективны, чем совхозы. Ему мнилось, что государственное предприятие в деревне сможет работать так же хорошо, как и в городе. Эта идея сыграла не последнюю роль, когда принималось решение об освоении целинных земель. Наши экономисты до сих пор не дали объективных оценок - кто был прав в споре о путях подъема сельского хозяйства в тот период: Хрущев, который выступал за целину, или Молотов и другие, предлагавшие вложить те же средства в производство в черноземной и нечерноземной областях. Конечно, целина позволила на время

ослабить остроту хлебной проблемы. Но никто не проанализировал возможностей альтернативной программы.

Интересно заметить, что личное знакомство Хрущева с опытом американских фермеров не только не поколебало, а даже укрепило его веру в превосходство коллективных государственных форм. Он привез из своего посещения Америки много плодотворных технологических идей.

Несомненно, одной из них было внедрение кукурузы как главного средства откормки скота, независимо от крайностей в применении этой идеи впоследствии. В Америке он увидел и индустриализацию птицеводства, производства яиц, забоя скота, соединение сельскохозяйственного производства с переработкой продукции. Ослепленный концепцией государственного социализма, Хрущев стремился перенести западную технологию на базу централизованного хозяйства. Сколько было произнесено речей о кукурузе, о квадратно-гнездовом способе посева зерна, об удобрении, химизации, о поливных землях! Но догма государственного управления аграрным сектором не только оставалась незыблемой, но даже укреплялась.

С этим связано было его чудовищно опрометчивое решение в 60-х годах о запрете держать скот в индивидуальном хозяйстве, что привело к постоянному дефициту мясных и молочных продуктов, от которого мы не избавились до сих пор. Ему казалось логичным (вопреки всем фактам), что скот куда выгодней выращивать на крупных фермах, а не в каждой крестьянской семье. Жизнь была принесена в жертву доктрине.

То же самое можно сказать и о его взглядах на роль государства в промышленном секторе. Хрущев даже на склоне лет в мемуарах продолжал критиковать Бухарина и других “правых” за попытку осуществить “ситцевую индустриализацию” и сохранить многоукладную экономику, за идею кооперации. Между тем Ленин как раз в статье “О кооперации” сделал знаменательное заявление: мы пересматриваем всю точку зрения нашу на социализм. После Сталина подобная задача стояла еще более остро. Чтобы вернуться к Ленину и преодолеть сталинизм и в политической, и в экономической системах, - а этого хотел Хрущев, - нужно было поставить в центр всей внутренней политики интересы простого труженика. Нужно также было принять во внимание опыт других социалистических стран, а также реалистически оценить соревнование с капиталистическим миром в эпоху технологической революции.

А Хрущев тем временем вынашивал совершенно утопиче-

ские планы “догнать и перегнать Америку” в условиях государственного социализма, его больше всего волновал вопрос о “принципах коммунизма”. Принципы - вещь необходимая, нужен идеал, но человеческий...

Как реалистический политик, Хрущев опасался раскачивания лодки, опасался такой свободы, которая неизбежно сопровождается эмоциональными крайностями, деструктивными всплесками, нецивилизованной полемикой. Но в политике - о чем было известно еще с самых древних времен - не бывает только положительных или абсолютно отрицательных явлений. Всегда приходится делать выбор в пользу решений, которые дают предпочтительные результаты. И могут ли быть сомнения, когда сопоставляются два метода - вскрывать проблемы или скрывать проблемы? Гласность есть меч, который сам исцеляет наносимые им раны.

Серьезные политики понимают, что скрыть проблему - значит загнать ее внутрь, дать ей разрастись до таких размеров, когда уже невозможно будет с ней справиться. А вскрыть проблему - значит начать решать ее. Что бы ни происходило во времена культа личности - падали самолеты, сталкивались поезда, вспыхивали национальные конфликты, - все это сопровождалось молчанием, как на кладбище. Воюя против своих же сторонников в литературе, в науке, печати, Хрущев не дал развиваться гласности. Между тем она зеркало народа, и он его не боится, поскольку издревле придумал поговорку: нечего на зеркало пенять... Да, нужно менять облик самого общества, чтобы не было оснований жаловаться на зеркало.

Хрущев уже в период XXII съезда стал отставать от общественных потребностей. Он продолжал думать, что главной темой борьбы остается вопрос о месте Сталина в истории нашей страны. Но это было неверно! Подобный вопрос был основным объектом борьбы во времена XX съезда партии. В сущности, уже тогда Хрущев дал на него прямой ответ, хотя и с некоторыми оговорками. Главным же в период XXII съезда уже становилось другое - реорганизация системы управления, сложившейся в сталинскую эпоху.

Мы до сих пор расплачиваемся за чудовищные ошибки Хрущева в сельском хозяйстве, что привело на многие десятилетия к острому дефициту мяса в стране.

Сенека говорил: тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления. Очевидные преступления Сталина были уже вскрыты и разоблачены. А ошибки, так глубоко вошед-

шие в советскую систему управления, продолжали жить и мешать стране двигаться вперед и во времена Хрущева. Уже тогда мало кто открыто защищал репрессии 1937 года. Но все еще было очень много таких, кто разделял ошибочные идеи Сталина. Увы, Хрущев был среди них. Поэтому тогда так и не была дана научная критика сталинских концепций, которые оправдывали государственный социализм и тотальный контроль над обществом и личностью.

Под влиянием сталинских взглядов советский опыт 30-50-х годов сделали эталоном для суждений о социализме вообще. Все непохожее на советскую модель, например, в странах Восточной Европы, рассматривалось как отступление от социализма. Более того, каждый раз, когда в жизни этих стран - Югославии, Венгрии, Польши - возникала новая форма эффективного развития общества, люди, окружавшие Хрущева, становились в позу "защитников чистоты" и заявляли: "Это не социализм. Это противоречит его коренным принципам". Скатывание на позицию "капитализма" - самое малое обвинение. "Враги народа" - уже по максимальному счету.

Хрущев несет свою долю ответственности за то, что у нас на протяжении двадцати лет с таким подозрением относились к югославским и венгерским реформам, к дискуссиям о социализме в Чехословакии и других странах Восточной Европы.

До конца своей жизни Хрущев верил в превосходство государственной экономики. "Мы социалисты - значит, мы враги частной собственности", - писал Горький в начале века. Эта идеология не была порождением исключительно русского национального сознания. От Платона, Руссо до Сен-Симона и Маркса мыслители прошлого вынашивали эту веру. Как же было Хрущеву, воспитанному на этих идеях, отбросить их в сторону как сладкую мечту, которой не суждено сбыться? Нет, он оставался народником и социалистом, несмотря на свое острое неприятие сталинских форм осуществления наивных мечтаний бедняков о равенстве и благосостоянии.

Глава четвертая

МИРОЛЮБ

1

Среди интеллигенции, да и партийного аппарата, росло недовольство "холодной войной", понимание совершенно новой угрозы, которую несет атомная бомба. Кто готовил материалы Хрущеву к основному докладу на XX съезде? Называли Шепилова, который также участвовал в подготовке доклада о совместной внешней политике. Справедливости ради надо заметить, что уже в первых выступлениях Г.М.Маленкова прозвучали примирительные ноты, адресованные капиталистическим странам. Говорилось о нашем стремлении к улучшению отношений с ними, к экономическому сотрудничеству.

На XX съезде партии была предпринята первая крупная попытка пробить брешь в железной стене "холодной войны".

Напомню, что мы, и американцы, и восточные и западные европейцы, в сущности, исходили из предпосылки о неизбежности военного столкновения. И уж во всяком случае - непреодолимости военной конфронтации и военного состязания. Каждая из сторон имела совершенно ложное представление о целях оппонентов. Сталин, а вместе с ним и Хрущев были убеждены, что империализм стремится любой ценой разрушить нашу систему: как минимум - вернуть страны Восточной Европы на путь капитализма, как максимум - добиться его реставрации и в Советском Союзе. В свою очередь, Запад был убежден в том, что Советский Союз, страны Варшавского Договора готовят агрессию против Западной Европы и в подходящий момент протянут руку "братской интернациональной помощи" западноевропейским коммунистам.

И вот впервые на XX съезде партии Хрущев предпринял попытку разрушить этот стереотип. Он заявил о том, что ми-

ровая война - не фатальная неизбежность, и предложил принцип мирного сосуществования как основу взаимоотношений между Западом и Востоком. Отсюда он перебросил мостик к не отвергнутой еще концепции солидарности и братства стран социализма со всеми народами, борющимися за его торжество в современном мире. Этим мостиком стала идея мирного, парламентского перехода к новому обществу в странах Запада. Это была сенсация, хотя идея произвела небольшое впечатление на политических руководителей западных стран, которые не очень полагаются на словесные заявления, а верят в реальные, практические шаги. Но у нас в стране, особенно среди партийных работников и гуманитарных ученых, хрущевские идеи были восприняты как бомба замедленного действия.

В то же время в материалах XX съезда еще сохранялись стереотипы от сталинской эпохи. Прежде всего - сохранение и толкование тезиса о неизбежности идеологической борьбы, которая должна содействовать не только спасению социалистической системы в тех странах, где она восторжествовала, но и победе социализма во всемирном масштабе. С этим было связано и довольно неясное истолкование форм, методов поддержки освободительного движения. Впоследствии это широко использовалось как основание для вмешательства в дела той или иной страны в порядке "интернациональной помощи". Когда, на каких условиях может осуществляться такая помощь, съезд не разъяснял. Все оставлялось на усмотрение руководителей и их оценку сложившейся ситуации. Впрочем, одно важное, принципиальное ограничение было декларировано уже на XX съезде и в особенности в Заявлении коммунистических и рабочих партий 1960 года - о недопустимости "экспорта революции", как и "экспорта контрреволюции".

Я помню, как в журнале "Коммунист" разгорелась ожесточенная борьба вокруг истолкования принципов мирного сосуществования и мирного перехода к социализму. Подавляющее большинство ученых и партфункционеров, по сути дела, встретили идею в штыки. И каждая моя публикация, которая ломала старые представления, давалась с боем.

Руководство идеологией по-прежнему находилось в руках М.А.Суслова и П.Н.Поспелова, глубоко консервативных людей, не знавших другого марксизма, чем тот, который они усвоили из произведений Сталина. Назначение Л.Ф.Ильичева секретарем ЦК по идеологии мало изменило дело, отчасти потому, что решающее влияние на теоретическую работу оказы-

вал Суслов, а отчасти потому, что и сам Ильичев на несколько порядков отставал от хрущевских теоретико-политических новаций.

Идеология и политика силового противостояния двух систем оставалась. "Холодная война", быть может, уже не существовала абсолютно в тех же формах, как во времена Сталина. Но оттепель, характерная для внутренней политики страны, в международных делах еще не наступила.

Правда, решительно стал меняться дипломатический стиль. Сталин, как известно, не любил и боялся выезжать за границу. За все время своего руководства страной он побывал только в Тегеране, и пережитые там страхи, вероятно, навсегда отбили у него охоту подвергаться риску. Он не ездил даже в страны Восточной Европы. Вероятно, главной причиной была шпиономания, страх перед террористическим актом против себя. Но кроме того, это было органической частью психологии "железного занавеса". Раз страна изолирована от всего внешнего мира, значит, и ее вождь не должен подавать дурной пример другим руководителям, а тем более простым гражданам.

Потсдамская встреча составляла исключение. Сталин принял в ней участие, потому что не было другого выхода и потому, что она должна была стать кульминацией его триумфа во второй мировой войне.

Хрущев не просто любил, а обожал ездить за границу. Не зря его соратники шепотом распространялись о том, что он не сидит в Москве, а все "мотается" за рубежом и по самой стране. Редкий месяц, особенно после 1960 года, проходил без выезда Хрущева за рубеж. Он многократно побывал в Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии. Несколько раз посетил Китай, дважды - Соединенные Штаты Америки, побывал в Индии, Австрии, Франции, Англии. Словом, объездил значительную часть мира. Всего он выезжал за границу около сорока раз.

Это был первый шаг к открытости нашего общества. Запад получил возможность непосредственно увидеть советского лидера, и многие там вздохнули с облегчением. "Коммунистический дьявол" оказался не таким страшным. Хрущев охотно давал интервью, общался с журналистами, говорил откровенно, много шутил, рассказывал анекдоты, просто реагировал на острые вопросы. Мрачная, монументальная, как памятник на кладбище, фигура Сталина, которая в глазах

западных людей олицетворяла коммунистический режим, сменилась живой, раскованной, озорной, лукавой, простоватой фигурой Хрущева.

Вообще, хрущевский стиль отношений с западными лидерами, как ни странно, импонировал им. На Западе не ценят людей, застегнутых на все пуговицы, и потому не очень жаловали многих наших дипломатов. Другое дело Хрущев - без прикрас, натура, как она есть. Мне рассказывал бывший австрийский посол в СССР о первой встрече Хрущева с Юлиусом Раабом - федеральным канцлером Австрии - у трапа самолета в 1955 году, когда готовился договор между нашими странами. Рааб еще не успел спуститься по ступенькам, как Хрущев закричал: "Рааб, вы маленький капиталист". Он имел в виду принадлежность канцлера к буржуазной Австрийской народной партии. "А вы - самый большой коммунист в мире", - нашелся Рааб. Оба посмеялись и прониклись симпатией друг к другу.

Прежде чем перейти к описанию событий внешней политики, хочу заметить, что именно в этой области больше всего сказывалась приверженность Хрущева к стереотипам, усвоенным им еще в сталинские времена. Отчасти это объясняется тем, что Хрущев на протяжении всего сталинского периода, в сущности, стоял совершенно в стороне от решения или обсуждения международных вопросов. Его просто информировали, и то задним числом, не по всем проблемам и, конечно, не по всем аспектам каждой проблемы.

Хрущев вспоминал в мемуарах, что каждый должен был знать то, что ему "положено". Сам он никогда не проявлял любопытства к внешнеполитическим секретам, которые считались заповедной зоной Сталина, Молотова, может быть, Берии, но отнюдь не всех членов партийного и государственного руководства. Хрущев очень мало что знал о причинах войны с Финляндией, о пакте с Гитлером, тайном протоколе по Прибалтике, о корейской войне.

Точно так же он практически не был приобщен к информации о создании советского ядерного и ракетного оружия, достигнутом уровне в состязании с американцами, о характере нового оружия и возможной ядерной войне. Он слепо принимал на веру любую версию, которая ему преподносилась. И на протяжении "славного десятилетия" Хрущев практически не пересмотрел ни одного крупного сталинского внешнеполитического шага. Вывод наших войск из Австрии и прекращение

корейской войны, быть может, составляли исключение. Но эти решения созрели уже во времена Сталина.

С тем большей страстью взялся Хрущев за внешнеполитическую деятельность, оказавшись на вершине власти. На первых порах его роль не была значительной, поскольку внешней политикой занимался Молотов, который считался главным авторитетом в международных делах. За два года - с 1953 по 1955 - было осуществлено несколько важных советских инициатив примирительного характера по отношению к Западу. Трудно сказать, какую роль играл в этом Хрущев, но, несомненно, он принимал участие в решении проблем. В последующей полемике Хрущев обвинял Молотова в задержке договора с Австрией, а также в том, что тот противодействовал восстановлению советско-югославских отношений. Отсюда можно сделать вывод, что Хрущев с самого начала добивался пересмотра отношений между Востоком и Западом.

С 1955 года началась эра активных встреч Хрущева с западными руководителями. В том году он встречался в Женеве с президентом Д.Эйзенхауэром. Главной проблемой, которая тогда обсуждалась, был германский вопрос. Хотя соглашения достигнуть не удалось, тем не менее обе стороны молчаливо исходили из реальности существования двух Германий. Ни Соединенные Штаты, ни страны Западной и Восточной Европы не были заинтересованы в воссоединении ФРГ и ГДР, поскольку это означало бы восстановление мощной Германии с непредсказуемой в будущем политикой.

В 1956 году Хрущев вместе с Булганиным посетил Англию. Но первая его по-настоящему крупная ознакомительная поездка по странам Запады состоялась в 1959 году. По приглашению Д.Эйзенхауэра он вместе с большой делегацией побывал в США. Эта поездка произвела огромное впечатление на Хрущева.

Особое место во время поездок в США занимали встречи Хрущева с представителями прессы. Журналисты обожали эти встречи. Уже по утрам возле резиденции Хрущева собиралась стайка газетчиков, которые ждали его выхода на балкон, откуда он проводил импровизированные пресс-конференции. Его откровенность, грубоватая манера шутить, эмоциональность очень нравились американцам, которые старались превратить встречи в своеобразные политические шоу.

В 1960 году в Париже состоялась одна из самых важных встреч на высшем уровне - между Хрущевым и Эйзенхауэром.

Эта встреча до сих пор служит предметом невероятных предположений и сомнительных догадок. Во время нее планировалось вновь обсудить германскую проблему, поскольку Хрущев считал главным дипломатическое признание ГДР западными державами. Это было важно и для самой Германской Демократической Республики: служило залогом стабилизации в Европе на основе признания статус-кво. На встрече должен был также обсуждаться вопрос о советско-американских отношениях и ограничении гонки вооружений.

Насколько мне известно, подготовка к этой встрече вызвала большие споры среди советского руководства. Сам Хрущев был полон сомнений. Советскому Союзу было еще очень далеко до паритета с Соединенными Штатами по ядерному и ракетному вооружению, хотя наша программа разворачивалась полным ходом. Приостановка ее могла означать закрепление на длительную перспективу американского превосходства. Если два года спустя во время карибского кризиса признавалось, что американцы имели в семнадцать раз больше, чем СССР, ядерных боеголовок, то, вероятно, в момент парижской встречи соотношение было еще менее выгодным для Советского Союза. Трудно было ожидать всерьез, что американцы пойдут на неадекватное ограничение военного уровня, а тем более сокращение своих ракетно-ядерных вооружений, что приблизило бы их к советскому уровню.

Другое сомнение было связано с отношением американской администрации к ГДР. По всему было видно, что она не готова ни к дипломатическому признанию этой страны, ни к закреплению границ между нею и Польшей. Для Хрущева ограничение вооружений было тесно связано со стабилизацией в Европе. Одним словом, все сплелось в тугий узел, из которого трудно было вытаскивать одни элементы, игнорируя другие.

Но самые большие сомнения Хрущева были связаны с позицией Мао Цзэдуна. Мао был решительным противником советско-американского сближения. Он был убежден, что сближение может нанести ущерб китайским интересам, стабилизировать положение СССР и США как двух держав, которые "командуют всем миром". Кроме того, в Китае началось развертывание собственной ядерной программы. На первых порах Советский Союз помогал Мао Цзэдуна в создании атомной бомбы, в частности построил завод по производству тяжелой воды. Но, насколько мне известно, с 1956 года СССР

прекратил такую помощь, что вызвало у Мао разочарование и сильное раздражение и, вероятно, послужило одной из причин его противостояния Хрущеву и хрущевской политике. Между тем сам Хрущев, конечно, не мог не считаться с позицией великого союзника и во всех своих шагах в отношениях с Соединенными Штатами и странами Западной Европы постоянно оглядывался на китайского сфинкса.

Несмотря на все это, накануне встречи Хрущева с Эйзенхауэром был подготовлен пакет важных предложений, проектов и соглашений. Мне довелось участвовать в обсуждении некоторых из этих документов. Я до сих пор убежден, что, если бы они целиком или даже частично были приняты, удалось бы избежать в последующем и берлинского и карибского кризисов, и нового ужасающего витка гонки вооружений.

Колебания Хрущева сыграли роковую роль. Не хватало только капли, чтобы весы качнулись в другую сторону. Такой каплей стал полет американского разведывательного самолета У-2 над Советским Союзом незадолго до встречи в Париже. Самолет был сбит советской ракетой, и американский летчик капитан Пауэрс оказался в плену.

Какое же впечатление на самом деле этот факт произвел на Хрущева? Трудно сказать. Быть может, он действительно пришел в негодование из-за коварства американской стороны, которая, несмотря на потепление и предстоящую встречу, продолжала разведывательные полеты над Советским Союзом. Но я склонен скорее думать, что Хрущев разыграл взрыв страсти, поскольку он и раньше, и потом считал секретные действия и США, и даже СССР, методы коварства и шантажа неизбежным элементом во взаимоотношениях двух сторон. Уже перед самым вылетом в Париж Хрущев собрал на аэровокзале заседание Президиума ЦК КПСС и предложил отменить все подготовленные ранее предложения и документы, мотивируя тем, что обстановка для соглашения неблагоприятна со всех точек зрения. Огромный труд дипломатов, партийных работников, военных и других служб, затраченный на проработку советских позиций, пошел насмарку. Одним росчерком пера советско-американские отношения были отброшены назад. Не думаю, что в таком решении основную роль сыграли эмоции Хрущева. Скорее всего, он пришел к выводу, что выгоды от соглашений в тот момент будут меньше убытков. Мрачная тень Китая как дамоклов меч висела над всем процессом улучшения отношений с Западом. Да и неослабеваю-

щий нажим В.Ульбрихта, который в силу понятных причин выдвигал признание ГДР как главное условие поворота в советско-американских отношениях, тоже не мог игнорироваться Хрущевым.

Поэтому, приехав в Париж, он прежде всего потребовал формальных извинений от Эйзенхауэра, и когда тот отказался это сделать, встреча была сорвана.

При размышлении об этом эпизоде, меня больше всего мучает мысль о политике как о кладбище утраченных возможностей. Почти лет сорок назад можно было начать медленное, но последовательное продвижение по пути ограничения гонки ракетно-ядерных вооружений. В конце концов, как показали все последующие события, это был центральный вопрос. Но обе стороны, каждая по своим мотивам, оказались не готовыми осознать назревшую необходимость. Американцы потому, что знали о своем огромном превосходстве в таких вооружениях и питались иллюзией, что оно будет сохраняться всегда; советские руководители - потому, что испытывали постоянный комплекс неполноценности из-за американского превосходства. Будучи великой державой, которая сыграла решающую роль в разгроме фашизма, располагая огромной армией и неисчерпаемыми ресурсами, Советский Союз не мог смириться с мыслью об американском превосходстве. Так был упущен исторический шанс приостановить гонку вооружений. Сыграли свою роль и психологические факторы. Эйзенхауэр, как человек спокойный, рассудительный, не мог понять хрущевской экспрессии. В том, что было продиктовано комплексом неполноценности, он усматривал только вызов и агрессивность, желание унижить Америку, особенно в глазах ее союзников по НАТО. Американцы недооценивали значение германской проблемы для Советского Союза. Роковую роль тогда и впоследствии сыграло то, что США с таким опозданием признали ГДР и статус-кво в Европе. Все равно им пришлось это сделать. Почему же этого не произошло уже в начале 60-х годов? Обладая превосходством в ядерном вооружении, они могли изобразить такой шаг как великодушный акт доброй воли и тем самым создать почву для психологического и политического перелома в отношениях с Советским Союзом.

2

Раздражение Хрущева американской неуступчивостью

особенно сильно проявилось во время его поездки в Нью-Йорк осенью 1960 года для участия в XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Его раздражение усилилось тем, что представители африканских государств не поддерживали советскую позицию по поводу Конго. Не отозвалась ООН и на предложение создать "тройку", которая выполняла бы роль Генерального секретаря, а также на критику Хрущевым занимавшего этот пост Дага Хаммаршельда. Наконец, совсем странным показалось его предложение перенести штаб-квартиру ООН в одну из европейских стран. И вот здесь-то и произошел инцидент, который до сих пор вызывает улыбки и даже насмешки у многих людей на Западе.

Во время выступления премьер-министра Великобритании Макмиллана Хрущев снял ботинок и стал стучать им по столу, за которым сидел. О реакции простых американцев мне рассказывал мой друг американский профессор Джим Блайт. Он сослался на своего отца - фермера в одном из штатов Америки. Джим спросил у него: кто такой Хрущев? А тот ответил: "Как же, хорошо помню, это тот самый человек, который стучал ботинком в Организации Объединенных Наций, да еще учил наших фермеров, как им сажать кукурузу".

Сам Хрущев в воспоминаниях совсем иначе излагает этот эпизод и мотивы своего поведения. Он рассказывает, что его страшно возмущали представители испанской делегации, сидевшие непосредственно впереди него. Он даже запомнил одного из них - немолодого человека с приличной лысиной, седого, худого, со сморщенным лицом, вытянутым носом. Этот человек был страшно неприятен Хрущеву - не сам по себе, а потому, что представлял франкистскую Испанию.

Хрущев вспомнил, как накануне отъезда в Штаты он встретился в Москве с Председателем Компартии Испании Долорес Ибаррури. Она обратилась к нему с просьбой: "Хорошо было бы, если бы вы выбрали момент - в реплике или в речи - и заклеямили франкистский режим в Испании".

Поглядывая на испанского делегата, Хрущев раздумывал, как бы сделать это, да так, чтобы не выглядело слишком грубо. И он действительно в выступлении резко критиковал Франко, назвал его режим реакционным, кровожадным, то есть в том духе, как это было принято в советской печати. И вот, по словам Хрущева, во время выступления с репликой представителя Испании вся советская делегация стала шуметь, кричать, а сам он снял ботинок и стал как можно громче сту-

чать по попиту.

Есть определенные расхождения в изображении данного эпизода. Западные представители утверждают, что этот непарламентский жест был сделан во время выступления Макмиллана, а по версии Хрущева, - во время выступления испанца. Но суть дела не в этом. Для Хрущева не было ничего необычного в таком жесте. Прежде всего потому, что представители рабочего класса отнюдь не обязаны применять те же дипломатические методы, что и представители буржуазии. Именно в таком духе он реагировал на сделанное Неру, в свойственной ему деликатной форме, замечание о нежелательности подобных методов. Одно дело Неру, его политика, рассуждал Хрущев. Он "нейтралист" и поэтому занимает позицию между социалистическими и капиталистическими странами. И совсем другое дело - классовая, пролетарская дипломатия.

Между прочим, я слышал и другое объяснение от сына Хрущева - Сергея Никитича. Во время нашей общей встречи с упомянутым Джимом Блайтом в конце 1988 года он рассказывал, что Хрущев попросту не видел ничего необычного в подобной акции. Он считал, что в Америке, с ее шумными, грубыми нравами, где могут освистать любого певца или политического деятеля, такие формы протеста вполне нормальны...

Мне не довелось быть во время этой поездки Хрущева в Америке. В своем кругу советников мы обсуждали его выступление в ООН и этот странный жест и, как ни старались, не могли найти ему ни объяснения, ни оправдания. Укреплялось впечатление о Хрущеве как о человеке прогрессивном, но не вполне уравновешенном, которому еще предстоит набраться опыта в общении с лидерами современного мира.

Во время подготовки поездки я часто слышал от помощников Хрущева, как беспокоится их шеф по поводу процедуры встречи. Дело в том, что Хрущев был тогда Председателем Совета Министров, а не Президиума Верховного Совета СССР. Он выступал как руководитель правительства, но не глава государства. Следовательно, процедура встречи могла быть на порядок ниже, чем если бы в Америку поехал Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

И вот Хрущев по дипломатическим каналам вступил в переговоры с американской администрацией, настаивая на том, чтобы его рассматривали как руководителя и партии и государства. Без обиняков он давал понять, что процедура его приема должна быть такой же, как процедура предпола-

гавшегося приема Эйзенхауэра в Москве. Вопрос для Хрущева приобрел значение какого-то символа - не просто связанного с его персоной, а символа признания Соединенными Штатами политического паритета с СССР.

В воспоминаниях Хрущев замечает, что если скрупулезно разбираться, то все его претензии были несколько преувеличены, но он все-таки хотел исключить всякую дискриминацию, тем более, по его предположениям, у американцев было искушение поставить советского руководителя "на место". Однако американцы в конце концов согласились с предложенной процедурой. Можно только удивляться, в какой почти детский восторг пришел Хрущев.

Вот как он сам рассказывал об этом на митинге во Владивостоке 6 октября 1959 года, после своего визита в США:

- Когда я стоял на аэродроме под Вашингтоном, прощаясь с Америкой, перед самым отлетом в честь нашей Родины, как и при встрече, был дан Салют наций. Мне было очень приятно слушать гимн нашей Родины и двадцать один залп из орудий. После первого залпа я подумал: "Это - Карлу Марксу! Второй залп - Фридриху Энгельсу! Третий залп - Владимиру Ильичу Ленину! Четвертый - его величеству рабочему классу, трудовому народу!" ... Итак, залп за залпом в честь нашей Родины, ее народов. Неплохо, товарищи, неплохо! [43].

Хрущева беспокоила и необходимость беседовать с глазу на глаз с Эйзенхауэром, когда рядом не будет ни Громыко, ни других советников. Он ждал спора, предполагал обсуждение сложных вопросов и больше всего думал о том, как бы аргументированно и достойно защищать советскую позицию, "не унизиться и не позволить лишнего". По его словам, такой подход был усвоен им еще во времена Сталина. Сталин не упускал случая убеждать своих соратников в том, что они "негодные люди", что они не смогут устоять против силы империализма и достойно представлять свою Родину, что "империалисты сомнут нас". Такими были чувства этого великого крестьянского сына, когда он собирался встретиться со знаменитым генералом и президентом великой страны. Вероятно, Эйзенхауэр не подозревал ни о чем подобном, поскольку он готовил Хрущеву самую торжественную встречу. В действительности она превзошла все ожидания советского лидера.

Победа Джона Кеннеди над Ричардом Никсоном на очередных выборах президента США вызвала полное одобрение Хрущева. Советские руководители и общественное мнение

страны всегда больше симпатизировали демократам, чем республиканцам. Эта традиция шла от не изжитых еще симпатий к Франклину Рузвельту, который не только первым осуществил дипломатическое признание Советского Союза в 1933 году, но и выступил как самый надежный союзник в великой "тройке" во время второй мировой войны. Было известно также, что за демократов обычно голосуют негры и другие низкооплачиваемые слои населения, а это рассматривалось как положительный фактор с точки зрения традиционного "классового подхода" к оценке зарубежных событий. И наконец, Джон Кеннеди лично вызывал больше симпатий у Хрущева, чем Никсон.

Хрущев с самого начала ставил Джона Кеннеди выше и Эйзенхауэра. Он признавал большие военные заслуги генерала во время мировой войны, но скептически оценивал его политическую деятельность. А Джон Кеннеди - молодой, энергичный, незаурядный новый президент - внушал Хрущеву надежду на возможность радикального улучшения советско-американских отношений. Нельзя исключить также, что Хрущев рассчитывал, что со своим огромным политическим и жизненным опытом он сможет оказывать большее влияние и давление на Кеннеди, чем если бы имел дело с многоопытным "политическим волком". Поэтому Хрущев охотно принял предложение Кеннеди о встрече в Вене, которая состоялась в июне 1961 года.

Еще в ту пору мне довелось ознакомиться со стенограммой переговоров между советским и американским лидерами. Удивило тогда, какое большое место заняло выяснение идеологических вопросов - о капитализме, социализме, о принципах отношений и др.

Что касается практических вопросов, то Хрущев и Кеннеди не смогли договориться ни по одному пункту. Отчасти это объяснялось тем, что Кеннеди рассматривал встречу как ознакомительную, а быть может, предупредительную. Отчасти, наверное, тем, что Хрущев выдвигал нереалистические цели, полагая их достижимыми. Его по-прежнему больше всего беспокоила германская проблема. Он добивался дипломатического признания ГДР Соединенными Штатами и другими странами Запада, узаконения раскола Германии на два государства. Он ставил вопрос об удалении западных держав из Западного Берлина и даже снова говорил о необходимости поставить во главе ООН трех генеральных секретарей.

Два лидера вынесли из встречи смешанные чувства. Кеннеди убедился в том, что в лице Хрущева имеет умного и здравомыслящего партнера. Однако ему остались совершенно неясными подлинные мотивы и цели советской внешней политики. Хрущев признавался после возвращения, что Кеннеди произвел на него куда более благоприятное впечатление, чем Эйзенхауэр, как человек, способный по-новому взглянуть на отношения с Советским Союзом. Молодой президент, безусловно, внушил ему чувство уважения, однако показался "чересчур интеллигентным", то есть не очень способным принимать твердые решения в критических ситуациях. Чтобы лучше понять оценку Хрущева (а о ней мне рассказывали советники, сопровождавшие его в Вену), надо напомнить, что он пришел к власти как раз в борьбе против партийных "интеллигентов". Такие люди, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, безусловно, проигрывали в глазах Хрущева в сравнении со Сталиным именно потому, что были "спорщиками", "идеологами", а не деловыми практичными политиками. Полагаю, он перенес эти свои впечатления внутрипартийной борьбы на оценку американского президента.

Это была серьезная ошибка, в чем Хрущеву пришлось убедиться во время берлинского и в особенности в момент карибского кризисов.

3

В мою задачу не входит подробное рассмотрение берлинского кризиса. Замечу только, что, по моему мнению, берлинский кризис был увертюрой к карибскому и в чем-то подтолкнул Хрущева на размещение советских ракет на Кубе. Хрущев не мог понять, почему Соединенные Штаты и их союзники по НАТО так упорно сопротивляются дипломатическому признанию ГДР и в целом закреплению послевоенных границ. Он видел в этом не только проявление традиционной для американцев политики силы, но и недооценку советской мощи. Между тем Советский Союз провел серию испытаний ядерного оружия, в том числе самой мощной водородной бомбы, о чем с большой гордостью Хрущев сообщал на XXII съезде партии. Замечу, кстати, что эта бомба была детищем Андрея Сахарова, который получил за нее третью Золотую звезду. Он дал водородную бомбу в руки режима, который впоследствии казался ему ненавистным. Именно это оружие сыграло не по-

следнюю роль в решении Хрущева поставить ракеты на Кубе и показать США, какой мощью мы располагаем.

Хрущева выводило из себя то, что американцы никак не реагировали на радикальные изменения в соотношении ракетно-ядерных сил, вели себя так, будто Советский Союз по-прежнему плетется далеко в хвосте.

Надо сказать, что Соединенные Штаты действительно недооценили новую ситуацию. Их опьяняли цифры - о численном превосходстве в ядерных боеголовках, ракетах и других средствах доставки. Они не поняли, что Советский Союз накопил гигантскую мощь для ответного уничтожающего удара и все американское превосходство в значительной степени утрачивало значение. Так ли важно, сколько раз одна сторона может уничтожить другую, - достаточно, если она обрела возможность сделать это хотя бы один раз. Советский Союз такую возможность обрел в начале 60-х годов. Это был новый фактор соотношения стратегических сил, который диктовал новую политику. Но американцы не спешили с признанием произошедшего изменения.

По мысли Хрущева, нужна была какая-то могучая демонстрация советской мощи. Надо было поставить американцев в такое положение, в котором находился Советский Союз. Первой пробой сил был Берлин. Но эта проба не дала желаемого эффекта. И тогда появился замысел разместить советские ракеты с ядерными боеголовками на Кубе, в подбрюшине Соединенных Штатов.

Берлинский кризис, как и возведенная стена, разделявшая город, как известно, вызвал массу возмущенных комментариев и объяснений. Тем более интересно обратиться к первоисточнику - к тому, о чем думал, что говорил и делал Хрущев во время этого кризиса.

Главное, что его заботило, - это стабилизация положения в Европе и признание Германской Демократической Республики. С этим Хрущев связывал температуру политического климата не только в Европе, но и во всем мире. Именно в Германии были сосредоточены самые большие вооруженные силы НАТО и Варшавского Договора. Поэтому Берлин был своеобразным барометром международного климата.

Известно, сколько усилий приложил Хрущев, чтобы добиться заключения мирного договора с обеими Германиями. В этом он видел важнейшую гарантию против военного столкновения. Он рассчитывал узаконить фактическое положение.

которое сложилось в Европе на основе Потсдамских соглашений, подвести черту под военным противостоянием и легализовать существование двух германских государств - социалистического и капиталистического. Он с самого начала был согласен на превращение Западного Берлина в вольный город с особым статусом, но только на условиях заключения мирного договора. Кроме того, Вальтер Ульбрихт оказывал большой нажим на Хрущева. Именно Ульбрихту пришла в голову идея построить стену в Берлине и прочно закрепить границы между двумя частями города.

Что касается Хрущева, то кроме этих соображений его беспокоила авиационная разведка, полеты самолетов У-2 над Чехословакией и другими восточноевропейскими странами. Они были источником инцидентов. Советские истребители нередко принуждали к вынужденной посадке самолеты, перелетевшие без разрешения границу ГДР или Чехословакии. Результатом всего этого стало решение прекратить доступ в Западный Берлин любых видов транспорта, кроме авиационного. Так начался берлинский кризис.

Отвечая в мемуарах на скользкий вопрос о стене, Хрущев особенно останавливался на свободе выбора места жительства. Его беспокоил довод западных официальных лиц и печати о том, что именно социалистические страны запрещают гражданам выезжать в другие государства. На Западе утверждали, что это не только ограничение морального выбора людей, а способ принуждения жить в социалистическом государстве. Одним словом, "заставляют жить в раю, когда человек из этого рая выйти не может".

Хрущев соглашался, что это, действительно, недостаток, но временный. Он связан с материальными возможностями. Было бы легче решать проблему, если бы страны социализма были богаче. И что любопытно: главное преимущество социализма он видел в "моральных возможностях социализма".

Конечно, с его точки зрения, диктатура рабочего класса не может предоставить абсолютной свободы, но и капиталистические страны такой свободы не дают. Однако масса людей - полагал Хрущев, даже "большинство" - оценивают проблему свободы или несвободы в зависимости от того, сколько можно купить на рубль или на доллар картошки, мяса, ботинок и других материальных благ, без которых человек не может жить. И к сожалению, отмечал Хрущев, не только в ГДР. но и в других социалистических странах на этой основе мы сорев-

новаться пока не можем.

Тут же он бросает упрек ханжам и догматикам:

- Некоторые наши умники-коммунисты скажут, что это принижение наших возможностей и прочее. Давайте, так сказать, трезво смотреть на вещи, потому что если бы мы располагали большими материальными возможностями и обеспечивали бы в большей степени удовлетворение этих материальных потребностей, то, безусловно, как говорится, добра от добра не ищут. И границу бы тогда не пересекали в таком количестве.

Хрущев мечтал превратить ГДР в окно для западного мира, которое служило бы форпостом, привлекающим трудовой народ капиталистических стран - как моральными, политическими, так и материальными достижениями. Но, к сожалению, замечает он, мы еще не накопили таких возможностей, к сожалению, приходится только давать обещания. Однако это будет, уверял он, это будет, но, видимо, не скоро.

Характерные признания! Честность, как правило, брала верх у Хрущева над лукавством. Конечно, и лукавил он нередко. И все же по сути своей всегда стремился к искренности и правде.

Как реалист, Хрущев никогда не опасался, что берлинский кризис приведет к военному конфликту. Он был уверен, что Западу придется проглотить пилюлю. На него не произвели большого впечатления демонстративные акции Джона Кеннеди. И то, что американский президент направил дополнительные войска в Западный Берлин, и то, что командующим назначили Клея - одного из боевых генералов второй мировой войны, и то, что американские танки были подведены к самой стене. И даже то, что какое-то время стояли друг против друга американские и советские танки. Хрущев назначил маршала Конева командующим, а тот демонстративно находился на XXI съезде, который в это время проходил в Москве.

Хрущев отмечает, мы были уверены, что никакого военного столкновения не будет. Потому что не может командующий, ожидая военного столкновения, находиться в Москве, на съезде партии [45]. Американцы направили к границе бульдозеры. за бульдозерами - танки, за танками - "джипы" с пехотой. А советские танкисты спокойно выжидали и, когда подошли бульдозеры. развернулись, двинулись навстречу американцам. Случилось так, что американские "джипы" обогнали бульдозеры и пересекли границу. Советские командиры проявили

выдержку, пропустили их, но когда те увидели, что вокруг стоят советские войска и наши танки подтягиваются из перелуков, они вернулись в Западный Берлин.

И тут снова проявился здравый смысл Хрущева. Когда маршал Конев доложил о танковом противостоянии, Хрущев предложил отвести наши танки и выразил уверенность, что американцы сделают то же самое. Он даже сказал, что пройдет не больше двадцати минут после отвода советских танков - и американцы отведут свои. И вот во время XXII съезда КПСС Конев подошел к Хрущеву и доложил, что действительно буквально через двадцать минут после того, как советские танки отошли, американские танки тоже развернулись и направились в глубь Западного Берлина. Тем самым, по мнению Хрущева, было получено признание де-факто установления границ и нового порядка, когда функции их охраны стали выполнять представители ГДР. И в конце жизни Хрущев полагал, что таким путем была достигнута большая победа - победа без выстрела. Он считал, что ГДР получила возможность контролировать свою территорию и свои границы, и это содействовало стабилизации ее внутреннего положения и создало нормальные условия для управления государством.

Интересно заметить, как по-разному воспринимался берлинский кризис на Востоке и на Западе. Тогда в особенности остро сказалось полное непонимание советских целей американцами и западноевропейцами. Их руководители строили самые разные предположения: о пробе сил оружием, об изменении военного баланса на Европейском континенте, даже о провокации, способной разжечь пожар ядерной войны. На самом деле объяснение лежало на поверхности, и Хрущев многократно повторял его: стремление укрепить положение ГДР как суверенного государства и стабилизировать ситуацию в Европе.

Сейчас, когда под напором демократических волн, идущих из нашей страны, Берлинская стена пала и Восточная Европа укрепляет свой суверенитет, когда Западная Европа принимает как подарок то, о чем она не могла и мечтать, заново в ретроспекции необходимо оценивать прежний опыт. Хрущев действовал в раннюю постсталинскую эпоху - эпоху "холодной войны". Этот факт невозможно игнорировать, анализируя его шаги вперед к признанию равноправия всех стран социализма и назад - к сталинским методам сохранения "социалистического лагеря". Нам легко теперь назвать такой

подход имперским, и это будет правдой, но не всей правдой. Полная правда - наследие послевоенного времени. Это противостояние Запада и Востока, это причудливое сочетание мышлений наших лидеров, в головах которых теснились осколки идей о мировой революции, о предначертанности нашей исторической миссии и русской идеи безопасности границ. К размышлениям обо всем этом отечественная серьезная историческая мысль будет возвращаться снова и снова.

4

Это было 27 октября 1962 года, в день, который впоследствии Роберт Кеннеди назвал "черной субботой". За мной и другим работником международного отдела А.Беляковым были присланы машины с указанием срочно доставить нас на работу.

- Ты, Федор, отправил семью за город? - неожиданно спросил меня Беляков.

- Нет. А почему я, собственно, должен был это сделать?

- А потому, что нельзя исключить неожиданного ядерного удара по Москве. Тетива натянута до предела, и стрела может сорваться в любой момент.

Признаться, в ту минуту я не поверил в это, хотя и понимал, что положение чрезвычайно серьезное. За пять дней до этого дня президент США Джон Кеннеди в выступлении по американскому телевидению потребовал вывезти советские ракетные установки с Кубы и объявил о морской блокаде острова, которая деликатно называлась "карантином". Во все последующие дни в Кремле и в Белом доме мало кто ложился спать вовремя. Обе столицы были охвачены ядерной лихорадкой, которая грозила перерасти в обмен ядерными ударами.

Кстати говоря, много лет спустя (в 1987 году) во время конференции, посвященной карибскому кризису в Гарвардском университете в городе Кембридже, близ Бостона, я узнал от членов американской администрации Р.Макнамары, М.Банди и Т.Соренсена, что президент отдал распоряжение членам семей сотрудников Белого дома покинуть Вашингтон или, по крайней мере, находиться возле телефона. В Америке, как и в Москве, многие тоже ожидали внезапной ядерной атаки.

Вскоре я был вовлечен в подготовку документов, связанных с карибским кризисом. После его завершения мне было

поручено работать над текстом выступления Хрущева на сессии Верховного Совета СССР, где давалось обстоятельное разъяснение советской позиции в карибском кризисе, причин его возникновения, хода советско-американских переговоров и достигнутого соглашения.

Карибская эпопея была в общем довольно логичным результатом развития советско-американских отношений в период оттепели. Подобно вспышке молнии, она высветила всю бессмысленность предшествующего термоядерного состязания, всю опасность старой политики и непреложно указала на необходимость коренного поворота в отношениях двух ядерных гигантов.

Всего за три года до кризиса на Кубе была установлена новая власть во главе с Фиделем Кастро Рус. И хотя американская администрация мало симпатизировала его предшественнику - диктатору Батисте, тем не менее она с самого начала встретила в штыки победу кубинских революционеров. Быть может, американцев насторожило требование новой власти покинуть их военную базу Гуантанамо и даже попытки блокировать ее. Быть может, американское руководство слишком прислушивалось к кубинским эмигрантам, которые создали на Флориде сильное антикастровское лобби. Быть может, выступления Фиделя Кастро, с самого начала добивавшегося ликвидации американского засилья на острове. Трудно сказать, что послужило причиной. Но так или иначе Вашингтон почти на второй день после победы Кастро вступил на путь резкой конфронтации с его правительством.

В 1960 году американцы прекратили закупки кубинского сахара и тем самым поставили страну на край экономической катастрофы, а 2 января 1961 года Соединенные Штаты полностью прекратили дипломатические отношения с Кубой.

В ту пору Фидель Кастро не был ни коммунистом, ни марксистом. И сами американцы своей ошибочной политикой по отношению к Кастро толкнули его на путь сближения с Советским Союзом. Ему нужна была поддержка - экономическая, политическая, помощь оружием, и он нашел все это в Москве.

В феврале 1960 года А.И.Микоян побывал на Кубе. И в мае того же года были установлены дипломатические отношения между Кубой и СССР.

В апреле 1961 года американцы поддержали десантную операцию кубинских эмигрантов против Кубы. На ее южном берегу в районе Плая-Ларга и Плая-Хирон в бухте Кочинос

произошла ожесточенная битва между войсками Фиделя Кастро и десантниками. Бои шли семьдесят два часа. В конечном счете десант был не только разгромлен, в плен попала значительная часть эмигрантов. Кубинцы захватили большое количество оружия, на котором стояла американская марка. Ни у кого не было сомнений, что эта акция целиком поддержана американской администрацией.

Роберт Кеннеди в своих воспоминаниях о карибском кризисе - "13 дней" - отмечает, что его брат Джон долго колебался, поддерживать ли намеченную до него антикастровскую операцию. А Хрущев в мемуарах свидетельствует, что Кеннеди признал ошибочность своего решения. Тем не менее поражение в заливе Свиней до предела накалило антикубинские страсти в Америке.

В конгрессе и в печати раздавались призывы о прямом вторжении на Кубу. Кубинские руководители провели ряд крупных военных мероприятий на случай нового нападения. Одновременно началось быстрое развитие кубино-советских отношений, чему способствовали важные перемены на самой Кубе. Кастро был избран Первым секретарем Национального руководства Объединенных революционных организаций. Советский Союз принял решение оказать экономическую помощь Кубе, в первую очередь закупками кубинского сахара. А в августе 1962 года было подписано соглашение о поставках оружия для Кубы.

Забегая вперед, расскажу о чрезвычайно любопытном диалоге, который произошел на конференции, посвященной кубинскому кризису в январе 1989 года в Москве, между членом Политбюро ЦК Компартии Кубы Рискетом и бывшим министром США Робертом Макнамарой. Рискет сказал, что кубинское руководство было абсолютно уверено в неизбежности новой интервенции против Кубы, которая в той или иной форме будет поддержана Соединенными Штатами. Этим объяснялись неустанные заботы Фиделя Кастро не только о создании прочной армии и ее вооружении, но и обучении народного ополчения. Макнамара со своей стороны торжественно заверил, что у администрации Джона Кеннеди никогда не было планов нападения на Кубу. Правда, Кеннеди очень бесположила возможность развертывания Фиделем Кастро партизанских движений в Центральной и Южной Америке.

Это - один из наглядных примеров полного непонимания целей другой стороны. Рискет заявил также, что хотя кубинцы

были уверены в победе в случае вторжения на их остров агрессоров, тем не менее они рассчитывали на помощь Советского Союза. Но кубинское руководство никогда не ставило вопроса о размещении на острове ракет с ядерными боеголовками. Оно хорошо понимало огромный риск для кубинского народа, связанный с таким размещением.

Идея и инициатива размещения ракет исходила от Хрущева. Мне довелось редактировать одно из продиктованных им Фиделю Кастро писем уже после завершения кубинского кризиса. Письмо носило сугубо личный характер. В нем Хрущев откровенно и искренне рассказывал о том, каким образом у него возникла мысль о ракетах на Кубе. Произошло это в Болгарии, судя по всему, в Варне.

Хрущев и тогдашний министр обороны СССР Р.Я.Малиновский прогуливались по берегу Черного моря. И вот Малиновский сказал Хрущеву, показывая в сторону моря: на другой стороне, в Турции, находится американская ракетно-ядерная база. Пущенные с базы ракеты могут в течение шести-семи минут уничтожить крупнейшие центры Украины и России, расположенные на юге страны, включая Киев, Харьков, Чернигов, Краснодар, не говоря уже о Севастополе - важной военно-морской базе Советского Союза.

Хрущев спросил тогда у Малиновского: почему Советский Союз не имеет права сделать то, что делает Америка? Почему нельзя, например, разместить наши ракеты на Кубе? Америка окружила СССР своими базами со всех сторон и держит его в клещах. Между тем советские ракеты и атомные бомбы расположены только на территории СССР. Получается двойное неравенство: неравенство количества и сроков доставки. Так он задумал и обсудил эту операцию вначале с Малиновским, затем - с более широкой группой руководителей и, наконец, получил согласие Президиума ЦК КПСС.

Самым неясным было - возможно ли секретным образом разместить ракетные установки на Кубе, привести их в состояние боевой готовности? Остров небольшой, просматриваемый со всех сторон американской разведывательной авиацией и к тому же насыщенный американской агентурой. Неясно было, согласится ли кубинское руководство с советским предложением. Для решения этих вопросов на Кубу была направлена делегация, в которую входили маршал Бирюзов, будущий посол на Кубе Алексеев и ряд других советских военных и политических деятелей. Они рассчитывали, что будет трудное объ-

яснение с Фиделем Кастро. Однако реакция кубинских руководителей превзошла ожидания Хрущева.

Кастро поставил вопрос на обсуждение всего кубинского руководства, и было принято единодушное решение - согласиться с размещением ракет с ядерным оружием. При этом главным мотивом для кубинцев была не оборона Кубы, а укрепление оборонной мощи всего социалистического лагеря.

Что касается возможности секретным образом разместить оружие, то советская комиссия, в которую входили авторитетные военные специалисты, пришла к положительному заключению. Эта ошибка дорого обошлась Хрущеву. Полагаясь на заключение комиссии, он вместе с другими советскими руководителями принял решение о размещении ракет на Кубе. Конечно, трудно возлагать всю ответственность за подобное некомпетентное заключение только на комиссию. Для каждого здравомыслящего политика или советника в Москве было очевидно, что скрыть приближение многих десятков советских кораблей, а тем более транспортировку и установку громоздких ракет на маленьком острове практически невозможно. Тем не менее Хрущев со свойственными ему увлеченностью и склонностью к риску начал эту операцию. На упомянутой конференции в Москве Рискет сообщил о том, что на каком-то - вероятно, более позднем - этапе, после обнаружения американцами ракет, Фидель Кастро предлагал Хрущеву придать гласности договоренность о создании на Кубе советской военной базы. Аргументы в пользу такого решения выглядели довольно разумными. Ведь сами американцы имели такие базы вокруг Советского Союза, они не отказывались и от своей базы на самой Кубе.

Однако предложение не было принято Хрущевым. Вероятно, он не верил, что удастся открыто заключить подобное соглашение с Кубой. Конечно, это вопрос суверенитета двух держав - СССР и США. Однако ни США, ни страны Латинской Америки, ни Организация Объединенных Наций, ни страны Западной Европы никогда бы не согласились с подобным решением.

Так или иначе, но Хрущев с начала и до конца верил только в возможность разместить ракеты в условиях самой глубокой тайны.

Какие цели ставил при этом Хрущев? Сам он давал - настойчиво и упорно - одно, и только одно объяснение: укрепление обороноспособности Кубы, гарантии ее защиты от втор-

жения - косвенного или прямого - Соединенных Штатов Америки. Намек на такое объяснение прозвучал еще до размещения ракет на Кубе. Так, в одном из выступлений 9 июля 1960 года, Хрущев заявил, что Соединенным Штатам Америки не следует забывать, что сейчас они находятся не так далеко от Советского Союза, как прежде. Он сказал, что Советский Союз в случае необходимости может помочь кубинцам дать отпор вооруженным силам контрреволюции нашими ракетами. А через три дня на пресс-конференции Хрущев заявил, что "доктрина Монро" уже давно мертва.

5

Итак, Хрущев в течение карибского кризиса и непосредственно после него, а также в своих мемуарах настаивает, что единственной целью размещения ракет на Кубе была ее защита от американского вторжения. Об этом же неоднократно заявлял во время январской конференции по карибскому кризису в Москве и сын Хрущева Сергей Никитич.

Я позволю себе усомниться в таком объяснении. Доступ к информации в период карибского кризиса и впоследствии тщательное изучение материалов привели меня к другому выводу. Размещение ракет на Кубе преследовало по меньшей мере две цели.

Об одной из них справедливо и настойчиво говорил Хрущев - это защита Кубы. Правда, такое утверждение может быть подвергнуто сомнению, поскольку сами кубинцы о подобной форме защиты не просили. Напротив, они были уверены, что они дают согласие на размещение ракет не в своих интересах, а для укрепления обороны СССР и других социалистических стран. Для кубинцев, как и для всех других, было понятно, что создание ракетно-ядерной базы на острове, расположенном всего в девяносто милях от США, многократно увеличивает риск американского вторжения.

Думается, что, идя на такой риск, Хрущев одновременно преследовал и иную цель. А именно - изменить стратегический баланс сил между СССР и США. Дать Соединенным Штатам почувствовать, что испытывали советские люди на протяжении многих лет "холодной войны", будучи окруженными со всех сторон американскими базами; продемонстрировать советскую мощь и создать условия если не военного, то политического паритета. Психологически немалую роль сыграло соз-

дание А.Сахаровым и другими советскими учеными водородной бомбы раньше, чем это сделали американцы. Хотя соотношение ядерных сил оставалось в пользу США, водородное оружие означало перелом в ядерной гонке и Хрущев поспешил воспользоваться этим.

Конечно, Хрущев и в мыслях не имел наносить ядерный удар по Соединенным Штатам - это абсолютно не отвечало целям его политики, его характеру. Он прекрасно понимал, что ответным ударом Соединенные Штаты сумеют разрушить Советский Союз и уничтожить больше половины его населения.

По моему мнению, у Хрущева было совсем другое на уме: добиться новых условий переговоров с Соединенными Штатами, создать возможность для достижения равноправного компромисса. Он хотел таким путем получить то, к чему стремился на протяжении 1960 - 1962 годов: признание ГДР, закрепление нового статуса Западного Берлина, послевоенных границ, а также серьезные изменения в советско-американских отношениях на основе разрядки и ограничения гонки вооружений.

С конца июля и до середины сентября Советский Союз направил на Кубу примерно 100 кораблей. Большая их часть на этот раз перевозила вооружение. По американским подсчетам, сюда было доставлено более 40 ракетных установок среднего радиуса действия; 42 бомбардировщика-истребителя типа ИЛ-28; более 140 зенитных установок типа "земля-воздух"; ракеты других типов; вооруженные ракетами патрульные суда. Кроме того - это выяснилось недавно - на Кубу было перемещено примерно 40 тысяч советских солдат и офицеров.

Конечно, эти передвижения не могли остаться незамеченными для американцев. Надежды сохранить все в секрете, в тайне, вплоть до установки ракет, оказались грубым просчетом советников Хрущева и его самого. 16 октября американцы получили достоверные данные о размещении советских ракетных установок на Кубе.

Когда ракеты и ядерные боеголовки были завезены на Кубу, когда началась их быстрая установка и дело чуть было не завершилось успехом, кубинцы, как и Хрущев, увлеклись этой идеей. Здесь надо понять чувство небольшого народа, столкнувшегося лицом к лицу с такой могучей державой, как США.

Кубинцы чувствовали постоянно, ежедневно, ежечасно, что они живут под дамокловым мечом Соединенных Штатов.

Они не знали, когда и как, но были уверены, что их великий сосед нанесет удар, который станет для них роковым. А тут впервые забрезжила возможность показать кулак этому соседу, доказать на деле, что он тоже уязвим, чтобы он испытал то, что испытывали кубинцы, жившие под угрозой уничтожения режима Фиделя Кастро.

Соблазн заставить другую сторону испытать те же чувства, которые испытывал маленький революционный кубинский народ, был слишком велик. И надо думать, что кубинцы в тот момент поддались искушению. Кроме того, у них появились надежды добиться крупных уступок от Соединенных Штатов Америки под угрозой советских ракет.

Нужно сказать несколько слов и о чувствах советников, помощников, консультантов, которые в большей или меньшей степени были вовлечены в те трагические события. Нас, конечно, не допускали к принятию решения, и никто никогда не спрашивал нашего мнения: ни по поводу того, следует или не следует размещать ракеты на Кубе, ни по поводу того, каким должен быть выход из кризиса. Это была прерогатива небольшой группы руководителей - прежде всего членов Президиума ЦК КПСС, секретарей ЦК КПСС, которые, кстати, были министрами иностранных дел, обороны, курировали органы государственной безопасности. Хрущев в ту пору уже выступал, по сути дела, как авторитарный лидер. И хотя его судьба зависела в какой-то степени от мнения и воли других членов высшего руководства, однако, не думаю, что кто-либо мог сколько-нибудь серьезно возражать Хрущеву, когда он говорил "да" или "нет".

Мне довелось в 1987 году, во время конференции по карибскому кризису в Гарвардском университете, посмотреть американскую телевизионную постановку, посвященную этому историческому событию. Собственно, наша конференция началась с просмотра записанной на видеокассету моей пьесы "Бремя решения" ("Черная суббота"), поставленной одним из советских театров, в которой я попытался воссоздать с большой и искренней симпатией образ Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди, а также членов исполнительного комитета Совета национальной безопасности - Р.Макнамары, Т.Соренсена, М.Банди и других в тот кризисный период.

Надо сказать, что на меня произвел большое впечатление американский актер, игравший роль Хрущева. Я считаю, что это самая крупная удача в показанном нам телевизионном

фильме. Не только внешнее сходство, манеры, но и огромное чувство ответственности, ощущения угрозы ядерного кризиса - все это удалось прекрасно передать американскому актеру. Я был рад услышать, что и наш советский актер Андрей Миронов тоже произвел своей игрой в моей пьесе весьма благоприятное впечатление на членов администрации Джона Кеннеди, как и в целом моя попытка проникнуть в суть событий, происходивших в Белом Доме.

Но вот что показалось мне чрезвычайно неправдоподобным и даже смешным - это изображение взаимоотношений между Хрущевым и другими советскими руководителями. Там есть сцена, где Сулов прокурорским тоном допрашивает Хрущева о его намерениях, резко выступает против компромиссного решения. Это ни в малейшей мере не отражает стиля отношений в Президиуме ЦК КПСС в тот период. Еще в меньшей степени это похоже на реальный образ самого Сулова - человека чрезвычайно хитрого, двусмысленного, двуличного, который никогда и ничего не говорил прямо, а всегда действовал исподтишка, с оглядкой, боясь поскользнуться. Именно благодаря таким качествам он и сумел усидеть более тридцати лет на посту секретаря ЦК КПСС, пережить Сталина и Хрущева, не дотянув чуть меньше года из-за физической смерти до кончины Брежнева.

Конечно, Хрущев советовался с ближайшими соратниками. Но так, как, скажем, советуется генерал с офицерами среднего ранга. Самое большое влияние на него в ту пору оказывали не столько соратники, сколько поступающая информация. И он стремился получить ее из самых разнообразных источников - и по линии посольства СССР в США, и особенно по линии секретной агентуры; быть может, это было основным рычагом воздействия на принимаемые им решения, на характер переписки с Кеннеди, на выработку условий возможного компромисса.

Возвращаясь к чувствам скромных консультантов и советников, хочу прежде всего передать разговор, который был у меня с помощником Хрущева О.Трояновским. Этот разговор состоялся сразу же после известной речи Джона Кеннеди 22 октября 1962 года об установлении морской блокады Кубы.

- Что же, теперь по крайней мере стало совершенно очевидным, - сказал мой собеседник, - что это авантюра. Я никогда не верил в то, что мы могли тайно разместить наши ракеты на Кубе. Это была иллюзия, которую внушил Никите Сергее-

вичу маршал Бирюзов. Но еще в меньшей степени можно было предположить, что американцы проглотят эту пилюлю и смирятся с существованием ракетной базы в девяноста милях от своей границы. Теперь надо думать, как быстрее унести ноги, сохраняя при этом пристойное выражение лица.

Примерно такими были и мои собственные чувства. Надо сказать, что в отличие от моих друзей я даже в тот напряженный момент не верил в реальность ядерной войны. Я абсолютно твердо знал, что такую войну ни при каких обстоятельствах не развяжет Хрушев. Но я был уверен и в том, что Джон Кеннеди тоже никогда не примет рокового решения о первом ядерном ударе. Это представлялось мне совершенно иррациональным с точки зрения интересов обеих стран. Ни у одной из них не было ни малейшей причины для того, чтобы идти на риск уничтожения половины своего населения, на риск обмена ядерными ударами, последствия которых даже вообразить было невозможно.

Кстати, уже тогда многие ученые говорили, что в случае одновременного взрыва такого количества атомных и водородных бомб могут произойти непредсказуемые планетарные катаклизмы. Например, атмосфера может оторваться от Земли, либо Земля может сойти со своей орбиты, либо произойдет всеобщее заражение всей поверхности планеты, и все живое на ней погибнет.

Как человек, вышедший из научной среды, я поддавался обычному сайентийскому заблуждению - преимущественно научному и несколько абстрактному подходу к явлениям жизни. Слишком верил в рациональное начало истории человечества. А война была иррациональна, стало быть, невозможна. Только позднее - на опыте эскалации карибского кризиса, войны во Вьетнаме и Афганистане, безумного накопительства никому не нужных многих тысяч ядерных боеголовок - я стал больше чувствовать, что историей и особенно политикой правит не только разум, но и случай, соотношение сил, эскалация ошибок. А тогда, повторяю, в момент самого кризиса, я не чувствовал всей трагической глубины происходившего. И только впоследствии, мысленно возвращаясь к тому времени, я испытал подлинное потрясение, что и побудило меня двадцать лет спустя написать пьесу об этом событии.

Хорошо помню, что мои чувства стали постепенно меняться после завершения кризиса. Они менялись под влиянием двух обстоятельств. Первое: результаты этого очень плохого

дела оказались неожиданно во многих отношениях хорошими. Удалось получить от Соединенных Штатов гарантии ненападения на Кубу, а также согласия на демонтаж и ликвидацию американской базы в Турции. Но что еще важней - удалось добиться огромного психологического перелома в сознании американского руководства. Как и Хрущев, Кеннеди пережил глубокое потрясение, почувствовал реальное дыхание ядерной войны. Оба они поняли, что ракетно-ядерное состязание не может рассматриваться как силовая политическая игра. За этой игрой стоит смерть, и на этот раз смерть не для одного народа, а для всего человечества. Испытанный обоими лидерами страх был чрезвычайно благодетелен. Великое предостережение древних - помни о смерти! - обрело новое апокалипсическое звучание: помни о судном дне всего человечества!

Глубокий вздох облегчения, вырвавшийся в момент подписания соглашения из груди Кеннеди, Хрущева, советников, вовлеченных в этот процесс, был залогом перелома в отношениях между двумя великими державами. Так весенняя гроза с ее громами и молниями служит провозвестником следующего за ней солнечного утра.

Второе обстоятельство, которое повлияло тогда на мою переоценку карибского кризиса, - критика наших действий китайским руководством. Именно ему принадлежала тщательно обдуманная, изрядно ядовитая формула, которая гласила, что политика Советского Союза в период карибского кризиса была в тактическом отношении авантюрой, а в стратегическом - капитулянтской.

Мне было поручено готовить выступление Хрущева на сессии Верховного Совета СССР после окончания кризиса. В мое распоряжение поступили многие информационные материалы, о которых я не имел представления раньше. Хрущев, как обычно, предварительно надиктовал для выступления несколько кусков, которые были переданы нам. Центральное место в диктовках занимал ответ китайцам. Было видно, что их критика глубоко задела его душу. Он был возмущен, оскорблен и раздражен: подобная реакция на случившееся казалась ему особенно подлой попыткой нажать политический капитал на событиях, которые едва не привели к ядерной катастрофе. Ему казалось наиболее опасным еще раз проявившееся стремление Мао Цзэдуна столкнуть СССР и США в смертельной схватке, чтобы самим остаться в стороне и, по китайской пословице, сидеть подобно обезьяне на горе, на-

блюдая схватку тигров.

В то время пришло осознание невозможности найти однозначное определение таких понятий, как, например: авантюра, ошибка, просчет, блеф и так далее. Я стал отдавать себе отчет в том, что карибский кризис стал пятым актом всей драмы "холодной войны". За ним, как в шекспировской пьесе, где стояла тень Гамлета, расположились мрачные тени тех, кто начал "холодную войну", - и Черчилля, и Трумэна, и Сталина. А счастливый конец карибской драмы свидетельствовал о том, что тени стали уходить в прошлое.

Новые деятели - и Хрущев, и Кеннеди - показали себя истине мировыми лидерами, проявили подлинное величие, найдя достойный для обеих сторон выход из ядерного тупика.

При выступлении Хрущева на сессии Верховного Совета СССР о карибском кризисе его лицо светилось счастьем. Это не было лицо человека, который испытывает угрызение совести или чувство вины. Нет, это было лицо победителя-миротворца. Видимо, он так же, как и Кеннеди, ясно сознавал ту историческую роль, которую они оба сыграли в этот единственный за всю историю человечества момент, когда древние пророчества апокалипсиса стали реальностью. Это было лицо спасителя мира. И все присутствовавшие в зале с огромным и искренним чувством приветствовали Хрущева именно как великого миротворца. В этот момент мало кто задумывался над тем, почему Хрущев разместил ракеты. Но все были глубоко благодарны, что он согласился их вывезти. Вероятно, Хрущев, и только Хрущев, способен с одинаковой решимостью сделать и первое и второе.

Наглядное представление о чувствах Хрущева, о его психологической эволюции во время карибского кризиса дает его переписка с Кеннеди. Мы видим, как постепенно менялся тон хрущевских писем. Если вначале он был вызывающим, даже агрессивным, то к концу все более брало верх чувство гигантской ответственности за судьбы своего народа и всего человечества, стремление любой ценой предотвратить ядерную катастрофу. Интересно заметить, что письма Хрущева отличаются куда более личным характером, чем послания Кеннеди. Это объясняется тем, что Хрущев сам диктовал письма. Правда, потом они подвергались редактированию, но таким образом, чтобы сохранить не только основные мысли, но и настроение, стиль, обороты речи, которыми он очень дорожил. Особенно ярко передает чувства Хрущева его письмо от 28 октября 1962

года: "Я отношусь с большим пониманием к Вашей тревоге и тревоге Соединенных Штатов Америки в связи с тем, что оружие, которое Вы называете наступательным, является грозным оружием. И мы понимаем, что это за оружие.

Чтобы скорее завершить опасный для дела мира конфликт, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, наше правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже оружия, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении в Советский Союз".

"Мы сейчас должны быть осторожны, - продолжает Хрущев, - и не делать таких шагов, которые не принесут пользы обороне государств, вовлеченных в конфликт, а лишь могут вызвать раздражение и даже явиться провокацией для рокового шага. Поэтому мы должны проявить трезвость, разумность и воздерживаться от таких шагов... Мы убеждены в том, что победит разум, война не будет развязана, и будет обеспечен мир и безопасность народам"[26].

Это заявление Хрущева, весь его стиль и тон не могут быть расценены иначе как проявление подлинного мужества, сравнимого с его выступлением на XX съезде партии по трезвости и разуму, который восторжествовал над недалевидными расчетами в борьбе за перетягивание каната с Соединенными Штатами Америки. То был важный урок для самого Хрущева. То был необходимый урок для Джона Кеннеди. То был урок для всех последующих руководителей двух великих держав и для всего человечества. В воспоминаниях Хрущев выражает удовлетворение и вместе с тем искреннее удивление, что и он - представитель рабочего класса, и Кеннеди - представитель капиталистов не только смогли договориться, но и испытывали сходные чувства по поводу угрозы войны и опасности экстремизма. Проблема, однако, куда глубже. Несходство Хрущева и Кеннеди не сводится к этому различному социальному происхождению, как и не сводится к "противоположности двух социальных систем". Это несходство двух политических культур - либерально-элитарной (Кеннеди) и авторитарно-патриархальной (Хрущев). Более того, это несходство двух историко-культурных цивилизаций - американской и российской.

Традиции Америки - это индивидуализм, либерализм, антиэтатизм, превосходство закона над властью и свободы над равенством. Традиция России - это коллективизм, патриархальность, этатизм, возвышение власти над законом, равенства над свободой. Все эти черты так или иначе нашли отражение в характере Кеннеди и Хрущева, были источником их взаимного непонимания и даже отталкивания друг от друга. На это накладывались стереотипы представлений о внешнем мире - революционные у Хрущева и либерально-прогрессивные у Кеннеди.

Наконец, еще одно: в отличие от большинства западных людей русские люди в большинстве не рациональны, а эмоциональны. Русские очень склонны к импровизации, им трудно планировать свою жизнь на одну неделю или даже на один день. Величайший парадокс истории в том, что именно русские впервые взялись планировать жизнь в масштабе всего общества. Люди Запада очень часто ошибались в своих прогнозах о поведении советского руководства, поскольку ставили себя на его место, не понимая особенностей российской политической культуры.

Тем более знаменательно, что Хрущев и Кеннеди смогли понять в конце концов друг друга в момент чудовищной угрозы, нависшей над нашей цивилизацией в период карибского кризиса. Это свидетельство глобализации мировых проблем, которые преодолевают вековые различия цивилизаций и приобретают общечеловеческий характер. Если бы Хрущев и Кеннеди продолжали руководить своими странами - кто знает? - возможно, удалось бы избежать последующей двадцатилетней гонки вооружений. Ибо уже тогда стало ясно: ядерная война невозможна. Ибо уже тогда была сформулирована концепция достаточности вооружений для взаимного сдерживания. Ибо уже тогда русские и американцы стали понимать, что они просто люди, а не слепые представители соперничающих систем. Почему провидение сбросило с политической арены обе эти фигуры - и Кеннеди, и Хрущева, - остается загадкой истории.

6

Древние говорили: "Судьба человека - это нрав его". Никита Хрущев стал жертвой собственного нрава, а не только своего окружения. Торопливость, скоропалительность, эмо-

циональность были непреодолимыми его чертами. Мне рассказывал один из помощников Хрущева об удивительном высказывании Уинстона Черчилля. Это было во время визита Хрущева и Булганина в Англию в 1956 году. Вот что сказал старый британский лев: "Господин Хрущев, вы затеваете большие реформы. И это хорошо! Хотел бы только посоветовать вам не слишком торопиться. Нелегко преодолеть пропасть в два прыжка. Можно упасть в нее".

Я рискнул бы добавить от себя: пропасть нельзя преодолеть и тогда, когда не ведаешь, на какой берег собираешься прыгнуть.

Человек идет дальше всего, когда не знает, куда идет, говорили древние. Но шаг его при этом извилист и неровен - он то резко вырывается вперед, то сильно откатывается обратно. Так выглядели многие экономические и социальные реформы Хрущева.

Время не рассеяло бесчисленные мифы вокруг его имени у нас и за рубежом. Разделив судьбу других реформаторов, Хрущев не снискал объективного признания в массовом сознании. Народ, который когда-то возвышал Ивана Грозного и осуждал Бориса Годунова, не мог принять после Сталина общественного деятеля, лишенного мистической магии, земного и грешного, подверженного ошибкам и заблуждениям. Шолохову еще в период оттепели приписывали фразу о Сталине: "Конечно, был культ, но была и личность". То был скрытый упрек Хрущеву как куда менее значительной фигуре. Упрек человеку, который будто бы, подобно шекспировскому Клавдию, стащил корону, валявшуюся под ногами.

А тем временем в странах Запада Никиту Хрущева ставили на одну ступеньку с Джоном Кеннеди и папой Иоанном XXIII и видели истоки ухудшения международного климата в конце 60-х годов в том, что эти лидеры по разным причинам сошли с политической арены. Появилось множество книг, посвященных анализу "хрущевизма" как нового течения в социализме.

Можно было бы сказать - нет пророков в своем отечестве, но это было бы неточно. Вопрос глубже и сложнее. Пожалуй, ближе других к оценке Хрущева подошел Эрнст Неизвестный, с которым Хрущев вел "кавалерийскую" полемику в Манеже. Созданный скульптором памятник на могиле Хрущева удачно символизирует противоречивость оттепели и ее главного героя.

Сейчас, тридцать лет спустя, сравнивая период до и после

октября 1964 года, мы лучше видим силу и слабость Хрущева. Главная его заслуга состояла в том, что он сокрушил культ личности Сталина. Это оказалось необратимым, несмотря на все трусливые попытки водворить пьедестал на прежнее место. Не вышло. Значит, вспашка была достаточно глубокой. Значит, пахарь трудился не зря. Мужественное решение о реабилитации многих коммунистов и беспартийных, подвергшихся репрессиям и казням в период культа личности, восстанавливало справедливость, истину и честь в жизни государства. Мощный, хотя и не во всех отношениях эффективный и умелый удар был нанесен по сверхцентрализму, бюрократизму и чиновному чванству.

Во времена Хрущева положено начало перелому в развитии сельского хозяйства: повышены закупочные цены, резко уменьшено бремя налогов, стали применяться новые технологии. Освоение целины при всех недостатках сыграло свою роль в обеспечении населения продовольствием. Хрущев пытался повернуть деревню к зарубежному опыту, к первой сельскохозяйственной революции. И даже его увлечение кукурузой было продиктовано благими намерениями, хотя и сопровождалось наивными крайностями. Худую роль сыграла также гигантомания в деревне, сокращение приусадебных хозяйств.

С именем Хрущева связаны крупнейшие достижения в области науки и техники, позволившие создать фундамент для достижения стратегического паритета. До сих пор у всех перед глазами стоит встреча Юрия Гагарина с Хрущевым, ознаменовавшая прорыв нашей страны в космос. Мирное сосуществование, провозглашенное еще на XX съезде КПСС, становилось более прочной платформой для соглашений, деловых компромиссов с Западом, особенно после потрясения в период карибского кризиса. К эпохе оттепели восходят истоки Заключительного акта в Хельсинки, который закрепил итоги второй мировой войны и декларировал новые международные отношения, экономическое сотрудничество, обмен информацией, идеями, людьми.

В ту пору страна приступила к решению многих социальных проблем. Жизненный уровень населения в городе и деревне стал постепенно расти. Однако намеченные экономические и социальные реформы захлебнулись. Серьезный удар по надеждам реформаторов нанесли трагические события в Венгрии в 1956 году. Но не последнюю роль сыграла и самоуверенность Никиты Сергеевича, его беспечность в вопросах теории и по-

литической стратегии. "Хрущевизм" как концепция обновления социализма не состоялся. Если воспользоваться образом, который так любил главный оппонент Первого Мао Цзэдун, Хрущев ходил на двух ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безвылазно застряла в тине прошлого.

Отвечая на вопрос, почему в 60-х годах реформы потерпели поражение, можно было бы сказать и так: консервативные силы смогли взять верх над реформаторами потому, что аппарат управления, да и все общество были еще не готовы к радикальным переменам. Но это слишком общий ответ. Нужно попытаться выяснить, чем воспользовались консерваторы.

Одна из ошибок состояла, на мой взгляд, в том, что поиск концепции реформ и путей их осуществления был основан на традиционных бюрократических методах. Хрущев давал поручения министерствам, ведомствам, то есть тому самому аппарату управления, который должен был ограничить свою власть. Аппарат же всегда находил способ прямыми, косвенными, двусмысленными решениями уберечь себя от контроля.

Более или менее удачные реформы обычно намечались группой специалистов, главным образом, ученых и общественных деятелей, которые работали под руководством лидера страны. Так было, скажем, в Венгрии, Югославии, Китае. В Японии я встречался с профессором Охита, который считается автором японского "чуда". В ФРГ план реформ был составлен в свое время профессором Эрхардом, который впоследствии стал канцлером страны.

Второе - "народ безмолвствовал". Теперь, опираясь на опыт гласности, мы особенно ясно видим, как мало было сделано, чтобы проинформировать людей о прошлом, о реальных проблемах, о намечаемых решениях, не говоря уж о том, чтобы включать самые широкие общественные слои в борьбу за реформы. Сколько раз слышалось в ту пору: "А чем Хрущев лучше Сталина? При Сталине хоть порядок был, бюрократов сажали и цены снижались". Не случайно в момент свержения Хрущева едва ли не большинство во всем обществе вздохнуло с облегчением и с надеждой ожидало благоприятных перемен.

И последний урок. Он касается самого Хрущева. Этот человек, остро природного политического ума, смелый и деятельный, не устоял перед соблазном воспевания собственной личности. "Наш Никита Сергеевич!" Не с этого ли началось грехопадение признанного борца с культом? Прилипали топили его в море лесты и восхвалений, получая за это высокие

посты, высшие награды, премии, звания. И не случайно - чем хуже шли дела в стране, тем громче и восторженнее звучал хор прилипал и льстецов об успехах "славного десятилетия".

Хрущев так и не сумел полностью освободиться от фанатичной убежденности, что коммунистические цели оправдывают любые средства. Сталинское поколение верило в близкое торжество коммунизма в нашей стране и еще в полутора десятках окрестных стран. Поэтому гибель каких-то десяти-двадцати миллионов необходима и оправданна. Хрущевское поколение еще донашивало веру в скорое пришествие коммунизма, который мнилсся как всеобщее благополучие и мир. Поэтому наказание какой-то группы "ничтожных интеллигентов" - не более чем уборка мусора на великом пути. Брежневское поколение оправдывало подавление инакомыслия, привилегии и коррупцию интересами сохранения могущества супергосударства, вооруженного термоядом, которое может вмешаться в любое событие в мире... Каждый новый руководитель как бы заново испытывал своего рода опьянение от величия задач, возложенных на него историей.

Идеология коммунизма родилась на почве бедности и обездоленности широких масс. Для них это была мечта о сытой жизни, о равенстве в потреблении благ, об исчезновении богатых, эксплуататоров и начальства в лице чиновников государства. В России она родилась еще из страха перед капитализмом. Отсюда шло стремление создать общество без рынка, без денег, с прямым распределением, общество без государства. Но российская традиция веры в доброго царя и государственное величие скоро взяли верх. Тогда и появился сталинизм. Тогда и стала проявляться стагнация общества, утратившего стимулы для развития. Этому противостояла социал-демократическая традиция. Она никогда не умирала, несмотря даже на сталинские избиения. Надо ли напоминать, что партия почти двадцать лет называлась Российской социал-демократической рабочей партией. В 1918 году, в пору надежд на скорую мировую революцию, она была переименована в Коммунистическую. В конце жизни, после провала "военного коммунизма", Ленин вернулся ко многим идеям прежней партийной программы: смешанная экономика, свобода культурных направлений, борьба различных течений внутри партии.

Хрущев был представителем этого течения внутри партии. Первозданный демократизм, подкрепляемый постоянно чаяниями народа и требованиями экономики, вопреки всему про-

должал жить. Именно этим объясняются такие, казалось бы, необъяснимые явления, как приход к руководству Хрущева после Сталина и Горбачева после Брежнева.

Хрущев, знавший так мало о внешнем мире, был глубоко и искренне убежден в превосходстве нашей системы, больше того - в своем собственном превосходстве над западными руководителями. Он гордился тем, что в детстве крутил хвосты быкам, что был из природных рабочих, он искренне презирал Эйзенхауэра, Кеннеди, Аденауэра как выходцев из богатых семей. Он был убежден, что всемирная победа коммунизма - только вопрос времени. Точно так же не любил он "интеллигентиков", которых можно использовать, но нельзя допускать до власти. Наконец, эпоха. Хрущев руководил страной в момент первого таяния льдов сталинизма внутри страны и "холодной войны" - вовне. Общество, которое выходило из оков сталинского самодержавия, с трудом воспринимало раскованный и разудалый хрущевский популизм. Почти никто на политическом Олимпе и очень мало кто у его подножия был готов к реформаторству Хрущева.

Повторяю: душа Хрущева была полна добрых намерений. Но "не благородные мысли и даже деяния людей, а деяния, завершившиеся успехом, - вот что спешит запечатлеть История"(Бичер)[32]. И "трудность - оправдание, никогда не принимаемое Историей"(Грэфтон)[32].

Часть вторая

МИХАИЛ

БЛАЖЕННЫЙ

Глава пятая

ЛЕОНИД ЛЕНИВЫЙ

1

В октябре 1964 года в составе группы сотрудников двух международных отделов ЦК я находился на загородной даче. По прямому поручению Хрущева мы готовили один из важных документов, касающихся внешней политики. Нас очень торопили. Секретари ЦК по нескольку раз в день спрашивались, в каком состоянии дело. Накачивая себя кофе и другими напитками, мы мучительно вынашивали очередную "бумагу". Вдруг телефон затих. Никто не звонит. Проходит день, начинается другой - ни звука. Тогда наш начальник штаба - Елизар Кусков - сказал мне: "Съездил бы ты в Москву, узнал, что там происходит, подозрительная какая-то тишина".

Приехал я на Старую площадь. Зашел на работу и первое, что почувствовал, - именно подозрительную тишину. В коридорах - никого, как метлой вымело. Заглядываю в кабинеты - сидят по двое, по трое, шушукаются. Но вот встретил одного коллегу. Он говорит мне: "Сидите, пишете! Писаки! А люди вон уже власть берут!" Наконец узнаю, в чем дело. Второй день идет заседание Президиума ЦК. Выступают все члены руководства. Критикуют Хрущева, предлагают уйти "по собственному желанию". Правда, пронесся слух, будто кто-то хотел оставить его Председателем Совета Министров СССР. Однако то ли не прошел вариант, то ли слух был неверен. но на октябрьском 1964 года Пленуме ЦК КПСС было решено принять заявление Никиты Сергеевича Хрущева об уходе...

Не так давно были опубликованы воспоминания сына Хрущева - Сергея Никитича о заговоре против его отца и его вынужденном "отречении" от власти. Эти воспоминания проливают дополнительный свет на многие события того зло-

счастливого времени. Выяснилось, что Хрущев за несколько недель получил информацию о готовящемся заговоре, но практически не предпринял никаких мер для предотвращения своего падения. Одной из причин, видимо, было то, что эту информацию он услышал от сына и не придавал ей должного значения. Он вел себя так же, как все другие харизматические лидеры, глубоко уверовавшие в свою звезду. Кроме того, он глубоко доверял Брежневу и особенно Шелепину и Семичастному, которых вывел на высокие посты. Одной из главных причин пассивности Хрущева в критической ситуации было и то, что он полностью передоверил Микояну установить правдивость информации, поступившей к Сергею Хрущеву от Галюкова, одного из охранников Н.Г.Игнатова - активного участника заговора. И Микоян подвел Хрущева, вероятно, почувствовав, что сделать ничего нельзя.

Микоян пригласил Галюкова и Сергея к себе в дом, что находился в нескольких метрах от дома Хрущева на Ленинских горах. Галюков подробно рассказал обо всем, что ему было известно, в том числе об участии Брежнева, Подгорного, Шелепина, Семичастного в заговоре.

Реакция Микояна была более чем странной. После окончания рассказа он, по словам Сергея, сидел задумавшись. Наконец повернул голову, выражение лица его было решительным, глаза блестели.

- Ну что ж, это хорошо. Я не сомневаюсь, что эти сведения вы нам сообщили с добрыми намерениями, и я благодарю вас. Хочу только сказать, что мы знаем Николая Викторовича Подгорного, и Леонида Ильича Брежнева, и Александра Николаевича Шелепина, и других товарищей как честных коммунистов, много лет беззаветно отдающих все свои силы на благо нашего народа, на благо Коммунистической партии, и продолжаем к ним относиться как к своим соратникам по общей борьбе!

Микоян потребовал от Сергея Хрущева, чтобы он составил подробный протокол разговора. Сергей добросовестно выполнил это, но опустил за ненадобностью приведенное выше заявление Микояна. Тот решительно настоял, чтобы заявление слово в слово было внесено в протокол, и даже заглядывал через плечо Сергею, чтобы не было ошибки.

Закончив писать, Сергей протянул Микояну рукопись. Тот внимательно прочитал последний абзац, некоторое время о чем-то раздумывал, потом протянул листы Сергею и сказал:

"Распишись". Сергей расписался. Микоян отметил: "Вот теперь все хорошо", открыл платяной шкаф и засунул папку под стопку рубашек [44].

Интересные подробности - не правда ли? Сергей Хрущев, который очень дружен и сейчас с сыном Микояна, не делает никаких выводов. Постараюсь сделать их за него.

Судя по рассказу Сергея, Микоян не показал протокола Никите Сергеевичу, он только в общей форме передал ему эту историю. И, вероятно, передал в успокоительных тонах. Поэтому Хрущев не принял никаких контрмер. Я не верю в версию, которая промелькнула в воспоминаниях Сергея, будто его отец сам отказался от борьбы, так как устал. Нет! Это был боец, и боец неистовый! Достаточно вспомнить XX съезд, или июнь 1957 года, или Венгрию в 1956 году, или карибский кризис. И был еще Хрущев в прекрасной рабочей форме. Что-то не то и не так.

Полагаю, что на этот раз Никита Сергеевич понял бесполезность борьбы. Все было разыграно куда более умело, чем в 1957 году. Аппарат ЦК, КГБ и даже армия, которую возглавлял друг Хрущева Малиновский, больше не подчинялись ему. И еще ближайший соратник - Микоян по-настоящему побоялся включиться в борьбу. Делать было нечего. Надо было подставить непокорную прежде, лобастую голову под неизбежный удар судьбы. Не думаю, что Хрущев внутренне сломался. Ему было всего семьдесят лет, и он мог продолжать свою деятельность. К тому же психологически он был совершенно не готов к крушению, напротив, чувствовал себя на вершине власти. Видимо, неожиданность удара и полное единство всех других членов руководства потрясли его. Он понял не только невозможность борьбы за власть, но и тщетность своих реформаторских усилий. Больше всего, полагаю, он был поражен поведением самых близких соратников, подобранных им самим. Наверное, то же самое испытывает мужчина, когда застаёт любимую и прежде верную ему жену в постели с любовником. Онемение. Но если в последнем случае можно что-то предпринять, то в случае с Хрущевым сделать было ничего нельзя...

О чем раздумывал Микоян, выслушав рассказ Галюкова? Быть может, вспоминал свою молодость, когда каким-то странным образом ему удалось ускользнуть из тюрьмы в Баку? Он был в числе 27 бакинских комиссаров, но расстреляно было только 26, а Микоян спасся. Или он вспоминал, как Сталин при его участии расправился с Каменевым. Зиновьевым. Буха-

риним? Или свое выступление в 1937 году на одном из партийных совещаний, когда он требовал: бить, бить, бить? Но быть может, он думал о неудачной попытке снять Хрущева в 1957 году и своих колебаниях в тот момент - на чью сторону встать?

Кто знает. Микоян уже после снятия Хрущева продолжал занимать высокий пост и ушел только по старости, с почетом и сохранением всех благ для себя и своей семьи. Вручил ли он пресловутый протокол, написанный сыном об отце, самому Брежневу и когда - до заседания Президиума ЦК или в перерыве, когда соотношение сил стало для него вполне ясным, - неизвестно. Но, так или иначе, сыгранная им во всей этой истории роль выглядит крайне странной. Думаю, что он использовал сообщение Сергея в своих целях.

Боюсь, что Сергей Хрущев искренне заблуждается, когда утверждает, что главной пружиной в заговоре против его отца был Брежнев. Это заблуждение, впрочем, легко понять, так как именно Брежнев должен был вызывать особую ненависть у Хрущева и его семьи после "октябрьского переворота", поскольку ни к кому другому Хрущев так хорошо не относился, как к нему. Кроме того, Сергей, вероятно, не может признаться себе самому, в какой степени он и в особенности Аджубей были обмануты Шелепиным и Семичастным - комсомольскими "младотурками", как мы их между собой называли. Те не только сумели вкратце к ним в доверие, выглядеть самыми надежными, закадычными друзьями-приятелями, прежде всего Аджубея, но и самым ловким образом провели родственников Хрущева в драматический момент октябрьского Пленума.

Нет, свержение Хрущева готовил вначале не Брежнев. Многие полагают, что это сделал Сулов. На самом деле начало заговору положила группа "молодежи" во главе с Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы парализовать охрану Хрущева. И действительно, когда Хрущева вызвали на заседание Президиума ЦК КПСС из Пицунды, где он отдыхал в это время с Микояном, его встретил на аэровокзале один Семичастный. Хрущев, видимо, сразу понял, что к чему. Но было уже поздно.

Мне известно об этом, можно сказать, из первых рук.

Вскоре после октябрьского Пленума ЦК мы с Е.Кусковым готовили речь для П.Н.Демичева, который был в ту пору секретарем ЦК. И он торжественно рассказал нам, как Шелепин собирал бывших комсомольцев, в том числе его, и как они разрабатывали план "освобождения" Хрущева. Он ясно давал нам понять, что инициатива исходила не от Брежнева и что тот только на последнем этапе включился в дело. Я хорошо помню взволнованное замечание Демичева: "Не знали, чем кончится всё и не окажемся ли мы завтра неизвестно где". Примерно то же сообщил мне - правда, в скупых словах - и Андропов.

Как происходило заседание Президиума ЦК КПСС 13 и 14 октября 1964 года? Об этом подробно рассказывается в очерке Сергея Хрущева со слов родственника Микояна А.Арзуманяна. Сергей навестил его в ночь на 13 октября. Арзуманян не был удивлен столь поздним визитом. Он был возбужден новостями, ему тоже хотелось выговориться.

- Анастас Иванович просил держать наш разговор в секрете, - нерешительно начал Арзуманян, - но вам я хочу рассказать. Положение очень серьезно. Никите Сергеевичу предъявлены различные претензии, и члены Президиума требуют его смещения. Заседание тщательно подготовлено: все, кроме Микояна, выступают единым фронтом. Хрущева обвиняют в разных грехах: тут и неудовлетворительное положение в сельском хозяйстве, и неуважительное отношение к членам Президиума ЦК, пренебрежение их мнением и многое другое. Главное не в этом, ошибки есть у всех, и у Никиты Сергеевича их немало. Дело сейчас не в ошибках Никиты Сергеевича, а в линии, которую он олицетворяет и проводит. Если его не будет, к власти могут прийти сталинисты, и никто не знает, что произойдет.

Арзуманян рассказал, что наибольшую активность проявляют Шелепин и Шелест. Выступая с перечислением ошибок Хрущева, Шелепин все свалил в одну кучу - и принципиальные вещи, и ерунду.

- Очень грубо вел себя Воронов, - продолжал Арзуманян. - Он не сдерживался в выражениях. Когда Никита Сергеевич назвал членов Президиума своими друзьями, он оборвал: "У вас здесь нет друзей!"

Эта реплика даже вызвала отповедь Гришина. "Вы не правы, - возразил он, - мы все друзья Никиты Сергеевича". Остальные выступали более сдержанно, а Брежнев, Подгор-

ный и Косыгин вообще молчали. Микоян внес предложение освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК, сохранив за ним должность Председателя Совета Министров СССР. Однако его предложение отвергли,...

Хрущев уже принял решение без борьбы подать в отставку. Поздно вечером он позвонил Микояну и сказал, что, если все хотят освободить его от занимаемых постов, он возражать не будет.

- Я уже стар и устал. Пусть теперь справляются сами. Главное я сделал. Отношения между нами, стиль руководства поменялись в корне. Разве кому-нибудь могло пригрезиться, что мы можем сказать Сталину, что он нас не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных. В этом моя заслуга. А бороться я не буду.

“Я сам написал заявление с просьбой освободить меня по состоянию здоровья, - вспоминал Хрущев. - Теперь остается оформить решением Пленума. Сказал, что подчиняюсь дисциплине и выполняю все решения, которые примет Центральный Комитет. Еще сказал, что жить буду, где мне укажут: в Москве или в другом месте”.

Хрущев был прав: он пал жертвой собственного либерализма. Увы, так не раз было на Руси. Цари, которые начинали более или менее либеральные реформы, были обречены. Погибла семья Бориса Годунова. Был убит террористами Александр II Освободитель. Да и Николай II потерял власть скорее не потому, что был кровавым, а потому, что создал Думу...

Бывший председатель КГБ В.Е.Семичастный рассказывает, что будто бы в суете борьбы за власть Л.И.Брежнев даже выяснял у него возможность чуть ли не физического устранения Первого. Однако, Семичастный явно пытается взвалить ответственность за организацию заговора на Брежнева и снять ее с себя, выдвигая против него самые неправдоподобные обвинения.

Но осторожный и трусоватый Брежнев никогда не решился бы на такое предложение - убить Хрущева. Да и нравы к тому времени радикально изменились в сравнении со сталинской эпохой. Никто из членов президиума ЦК не поддержал бы такой чудовишной акции. Полагаю, что это высказывание Семичастного служит как раз дополнительным доказательством моей версии: заговор исходил от них - от Шелепина, Семичастного и их ближайших приверженцев. Иначе зачем

надо было бы сейчас задним числом возводить такую напраслину на Брежнева? В общем-то это довольно обычное дело: когда люди начинают говорить неправду, они не могут остановиться...

Любопытны оценки и высказывания других участников тех событий.

"Ошибок у него было немало, но их должны были разделить и другие руководители, работавшие с ним рядом", - полагает П.Шелест. Он уверен, что объективной необходимости заменять Хрущева Брежневым не было: "Это мое твердое убеждение, хотя и сам принимал участие в случившемся. Сейчас сам себя критикую и искренне сожалею о том".

Подобного же мнения придерживается и Г.Воронов: "Даже явные просчеты Хрущева весят гораздо меньше того главного, что он сделал... Мотивы у участников Пленума были разные, а результат? Вместо того чтобы поправить ошибки одной яркой личности, мы сделали ставку на другую - посредственную. Подобное неизбежно, когда нет механизма критики руководства, его замены"[1].

Позднее раскаяние! Разве оно достойно настоящих политических деятелей? Если бы Воронов и Шелест не потеряли своих постов во времена Брежнева, так же смотрели бы они на этот вопрос, как сейчас? Сомневаюсь! Больше мне импонирует оценка других деятелей, которые нашли в себе мужество произнести приговор: холопство! Холопы Хрущева, холопы Брежнева. Помалкивали, когда видели явные ошибки и того и другого. Типичные нравы кремлевского двора. Сталин так напугал все свое окружение, весь аппарат управления, что этого хватило на целые десятилетия и хватает до сих пор, хотя сейчас нередка и другая крайность, как изнанка холопства, - хамство и наглость.

... И вот заседание октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС. В президиуме - весь состав Президиума ЦК, включая Хрущева. Ведет заседание Брежнев. Выступает Сулов. Он коротко докладывает почти без аргументов о состоявшемся заседании Президиума ЦК и о том, что Хрущев подал заявление "об уходе по собственному желанию". Обсуждения не было. Во время доклада и всего пленума Хрущев сидел, опустив голову и обхватив ее обеими руками у висков. Он не проронил ни слова, но мне показалось, что в глазах его были слезы. Все единодушно приняли решение об "освобождении Хрущева по собственному желанию". Мне показалось, что подавляющее

большинство пленума вздохнуло с облегчением. Так же дружно прошло голосование за избрание Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС.

Историческая драма внешне выглядела фарсом. Сплошное лицемерие. Лицемерный доклад Суслова, в котором так и не был дан анализ позитивных и негативных моментов хрущевского десятилетия. В нем были обойдены решения XX и XXII съездов, ничего не сказано о Программе партии, не определен новый курс. Лицемерная апелляция к якобы добровольному уходу Хрущева со своего поста. Лицемерное решение о Брежневе, которого никто не полагал тогда человеком, действительно способным возглавить великую страну. Мне редко приходилось видеть такое скопище тартюфов. Хотя все знали о методах подготовки заговора, но внешне все выглядело как благопристойный уход в отставку усталого старика.

Едва ли кто из участников пленума чувствовал, что упал занавес над целой исторической эпохой. Едва ли кто думал о том, каким будет новое время.

2

Что бы сейчас ни писали бывшие руководители, на Брежнева власть свалилась как подарок судьбы. Сталину, чтобы превратить скромный по тем временам пост Генерального секретаря ЦК партии в должность "хозяина" страны, пришлось уничтожить едва ли не всех членов ленинского Политбюро, а также огромную часть партийного актива. Хрущев после смерти Сталина был вторым, а не первым лицом в государстве, как многие думают, поскольку первым в ту пору считался Маленков. Хрущев выдержал борьбу против могучих и влиятельных соперников, в том числе таких, как Молотов, которые стояли у фундамента государства чуть ли не с ленинских времен. Может быть, поэтому сталинская и хрущевская эпохи, каждая по-своему, были наполнены драматическими переменами, крупными реформациями, беспокойством и нестабильностью.

Ничего подобного не происходило с Брежневым. Он получил власть так плавно, как будто кто-то долго загодя примерял шапку Мономаха на разные головы и остановился именно на этой. И пришлась она, эта шапка, ему так впору, что носил он ее восемнадцать лет без всяких страхов, катаклизмов и конфликтов. И непосредственно окружавшие его люди жажда-

ли только одного: чтоб жил этот человек вечно - так хорошо им было. Сам Брежнев во время встречи с однополчанами, гордясь сшитым недавно мундиром маршала, сказал: "Вот... дослужился". Это слово вполне годится и для характеристики процесса его прихода на "должность" руководителя партии и государства - дослужился...

Впрочем, в одном отношении приход Брежнева к руководству напоминает сталинскую и хрущевскую модель. Никто не принимал его всерьез как претендента на роль лидера, да и сам он всячески подчеркивал полное отсутствие подобных амбиций. Запомнилось, как во время подготовки его речей (в бытность Председателем Президиума Верховного Совета СССР) по случаю зарубежной поездки их составителям передали главное пожелание заказчика: "Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь..."

Брежнев являл собой прямую противоположность Хрущеву со смелостью последнего, склонностью к риску, даже авантюре, с его жаждой новизны и перемен. Можно было бы считать загадкой, почему Хрущев так покровительствовал человеку противоположного склада души и темперамента, если бы мы меньше знали Никиту Сергеевича. Как личность авторитарная, не склонная делить власть и влияние с другими людьми, он окружал себя такими руководителями, которые в рот ему глядели, поддакивали и с готовностью выполняли любое его поручение. Ему не нужны были соратники, а тем более вожди. Он довольно нахлебался с ними после смерти Сталина, когда Маленков, Молотов, Каганович пытались изгнать его с политического Олимпа. Такие, как Брежнев, Подгорный, Кириленко, Шелест были послушными исполнителями его воли, "подручными", как называл, кстати говоря, Хрущев не без едкого юмора представителей печати. Правда, когда дело дошло до сакраментального вопроса "кто - кого?", именно эти "подручные" быстро перебежали на другую сторону. Ибо в политике не бывает любви - здесь превалируют интересы власти.

Сама по себе смена руководства таким именно образом представляет собой один из редких случаев в политической истории. Обычно подобный метод оказывался эффективным только тогда, когда убивали прежнего властителя. Успех "мирного заговора" против Хрущева оказался возможен по двум причинам. Первая - он сам в последние годы правления одну за другой подрубал все ветви того дерева, на котором

зиждилась его власть. Другая причина - Шелепин.

Хрущев, кажется, ни к кому не относился с таким доверием и никого не поднимал так быстро по партийной и государственной лестнице, как этого деятеля. За короткий срок Шелепин из рядового члена ЦК стал членом Президиума, председателем Комитета партийно-государственного контроля, секретарем ЦК...

Шелепин, однако, жестоко просчитался. Он плохо знал нашу историю, хотя окончил престижный Институт философии и литературы (ИФЛИ). Он был убежден, что Брежнев - фигура промежуточная, временная, и ему ничего не будет стоить, сокрушив такого гиганта, как Хрущев, справиться с человеком, который был всего лишь его слабой тенью.

Надо заметить, что всей своей карьерой Брежнев был обязан именно Хрущеву. Он закончил землеустроительный техникум в Курске и только в двадцатипятилетнем возрасте вступил в партию. Затем, окончив институт, начал политическую карьеру. В мае 1937 года (!) Брежнев становится заместителем председателя исполкома горсовета Днепродзержинска на Украине, а через год оказывается в обкоме партии в Днепропетровске. Трудно сказать, споспешествовал ли Хрущев этим первым шагам Брежнева, но вся последующая карьера Леонида Ильича происходит при самой активной поддержке тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Украины, а потом и секретаря ЦК ВКП(б). Когда Брежнев был направлен на должность Первого секретаря ЦК Компартии Молдавии, он привел туда многих своих друзей из Днепропетровска, здесь же обрел в качестве ближайшего сотрудника тогдашнего заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии республики К.У. Черненко.

На XIX съезде партии Брежнев становится секретарем ЦК, кандидатом в члены Президиума ЦК, после смерти Сталина оказывается в Главном политическом управлении Советской Армии и ВМФ. Чем больше укреплялся Хрущев, тем выше поднимались акции Брежнева. К октябрьскому Пленуму 1964 года он - второй секретарь ЦК. Таким образом, Хрущев собственными руками соорудил пьедестал для преемника.

Впрочем, Брежнев не стал расправляться со своим прежним покровителем. Хрущев создал прецедент на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 года. Рассказывают, что после позорного поражения сталинской гвардии ему позвонил Каганович, который на протяжении многих лет покровительствовал

Хрущеву, и спросил: "Никита, что с нами будет?" Хрущев ответил ему вопросом на вопрос: "А что бы вы сделали, если бы ваша взяла? Сгноили бы в Тмутаракани или поставили к стенке? А я вам скажу просто: идите вы... сами знаете куда". И тут последовало крепкое непечатное слово. Оно - это слово - означало новую традицию: поверженных политиков не убивали, а попросту отстраняли. Этой традицией воспользовался и Брежнев. Отстранив Хрущева, он отправил его доживать жизнь на загородную дачу, предусмотрительно сменив там охрану.

Мы, люди, стоявшие так близко к кормилу власти, ничего не знали о готовящемся заговоре против Хрущева и мало узнали о подлинных событиях его снятия после того, как оно состоялось. Поистине прав был Черчилль, когда говорил о сталинской политической системе, что это - битва бульдогов под ковром...

Вскоре после того Пленума состоялся мой первый и, в сущности, единственный разговор с Брежневым. В феврале 1965 года на группу консультантов из нашего и других отделов возложили подготовку доклада нового Первого секретаря ЦК к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мне поручили руководить группой, и именно поэтому помощник Брежнева передал мне его просьбу проанализировать и оценить параллельный текст, присланный ему Шелепиным. Позже Брежнев вышел сам, поздоровался со всеми за руку и обратился ко мне с вопросом:

- Ну что там за диссертацию он прислал?

А "диссертация", надо сказать, была серьезная - не более и не менее как заявка на полный пересмотр всей партийной политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма. Мы насчитали семнадцать пунктов крутого поворота политического руля к прежним временам: восстановление "добраго имени" Сталина; пересмотр решений XX и XXII съездов; отказ от утвержденной Программы партии и зафиксированных в ней некоторых гарантий против рецидивов культа личности, в частности, отказ от ротации кадров; ликвидация совнархозов и возвращение к ведомственному принципу руководства; установка на жесткую дисциплину труда в ущерб демократии; возврат к линии на мировую революцию и отказ от принципа мирного сосуществования, как и от формулы мирного перехода к социализму в капиталистических странах; восстановление дружбы с Мао Цзэдуном за счет полных

уступок ему в отношении критики культа личности и общей стратегии коммунистического движения; возобновление прежних характеристик Союза коммунистов Югославии как "рассадника ревизионизма и реформизма"... И много другое в том же духе.

Замечу, кстати, что больше всего нападок было на идею общенародного государства - и не только в этом документе, но и во многих выступлениях в западных аудиториях членов шелепинской команды. И поскольку эту идею они так или иначе связывали со мной (Куусинена уже не было на свете), я стал для них красной тряпкой; до меня все чаще доходили их угрозы, их требования "убрать" из аппарата авторов антисталинских установок. Но об этом стало известно позднее.

А в тот момент я начал излагать наши соображения пункт за пунктом Брежневу. И чем больше объяснял, тем больше менялось его лицо. Оно становилось напряженным, постепенно вытягивалось, и тут мы, к ужасу своему почувствовали, что Леонид Ильич не воспринимает почти ни одного слова. Я остановил фонтан красноречия, он же с подкупающей искренностью сказал:

- Мне трудно все это уловить. В общем-то, говоря откровенно, я не по этой части. Моя сильная сторона - это организация и психология, - и он рукой с растопыренными пальцами сделал некое неопределенное движение.

Самая драматическая проблема - и это выяснилось очень скоро - состояла в том, что Брежнев был совершенно не подготовлен к той роли, которая неожиданно выпала на его долю. Он стал Первым секретарем ЦК партии в результате сложного, многопланового и даже странного симбиоза сил. Здесь перемешалось все: и недовольство пренебрежительным отношением Хрущева к коллегам; и опасения по поводу необузданных крайностей его политики, авантюрных действий, которые проявились в эскалации карибского кризиса; иллюзии по поводу "личностного характера" конфликта с Китаем; и в особенности - раздражение консервативной части аппарата управления постоянной нестабильностью, тряской, переменами, реформами, которые невозможно было предвидеть.

Не последнюю роль сыграла и борьба различных поколений руководителей: поколения 1937 года, к которому принадлежали Брежнев, Суслов, Косыгин, и послевоенного поколения - Шелепин, Воронов, Полянский, Андропов. Брежнев оказался в центре, на пересечении всех этих дорог. Поэтому имен-

но он на первом этапе устраивал почти всех. И уж во всяком случае не вызывал протеста. Сама его некомпетентность была благом: она открывала широкие возможности для работников аппарата. В дураках оказался лишь Шелепин, полагавший себя самым умным. Он не продвинулся ни на шаг в своей карьере, так как не только Брежнев, но и Суслов и другие руководители разгадали его авторитарные амбиции.

Произошло то, что нередко мы наблюдали в первичных партийных организациях, когда на пост секретаря парткома избирают не самого активного, смелого и компетентного, а самого надежного, который никого лично не подведет, никакого вреда без особой надобности не сделает. Но если бы кто-то тогда сказал, что Брежнев продержится у руководства восемнадцать лет, ему рассмеялись бы в лицо. Это казалось совершенно невероятным.

Тогдашний первый секретарь МГК КПСС Н.Е.Егорычев выразил, вероятно, общее настроение, когда заметил в разговоре с одним из руководителей: Леонид Ильич, конечно, хороший человек, но разве он годится в лидеры для такой великой страны? Фраза дорого обошлась ему, как, впрочем, и его открытая критика на одном из пленумов ЦК КПСС военной политики, за которую отвечал Брежнев. Вместо того чтобы стать секретарем ЦК, как это предполагалось, Егорычев на долгие годы был отправлен послом в Данию...

О неоднозначном отношении к приходу Брежнева свидетельствует и такой случай. После Пленума Андропов выступал перед сотрудниками отдела и рассказал подробности. Помню отчетливо главную его мысль: "Теперь мы пойдем более последовательно и твердо по пути XX съезда". Правда, тут же поразил упрек, брошенный в мой адрес впервые за много лет совместной работы, адресованный лично мне: "Сейчас ты понимаешь, почему в "Правде" не пошла твоя статья?"

А статья, собственно, не моя, а редакционная, подготовленная мной, полосная, называлась так: "Куль личности Сталина и его пекинские наследники". Была она одобрена лично Хрущевым. Но на протяжении нескольких месяцев ее не печатали. Почему? Уже после октябрьского Пленума стало ясно, что ее задержали специально.

Что касается оценки Андроповым результатов Пленума как продолжения линии XX съезда, то скоро стало ясно, что он ошибся.

Вскоре разгорелась ожесточенная борьба вокруг выбора

путей развития страны. Сторонники одного из них недвусмысленно предлагали возвращение к сталинским методам. Другой путь предложил руководству Андропов, представивший подготовленную мной программу, которая более последовательно, чем при Хрущеве, опиралась на решение антисталинского XX съезда.

Брежнев не торопился определять свою позицию, приглядываясь к соотношению сил внутри Президиума ЦК КПСС, в Центральном Комитете партии.

Позиция Андропова, наверное, сыграла не последнюю роль в его перемещении с поста секретаря ЦК на должность председателя КГБ СССР. Тут сошлись разные силы. С одной стороны, Сулов, который не любил Андропова, подозревая, что тот метит на его место. С другой стороны, Косыгин, который питал иллюзии о возможности быстрого восстановления союзнических отношений с Китаем и потому хотел отстранить от руководства отделом участника советско-китайского конфликта. С третьей стороны, стремление Брежнева направить верного человека в КГБ и обезопасить себя тем самым от той "шутки", которую сыграл Семичастный с Хрущевым. В конечном счете Брежнев проявил себя большим мастером компромисса: пошел навстречу Сулову и Косыгину, но одновременно рекомендовал избрать Андропова кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, а затем и членом Политбюро.

Уже в первые месяцы правления Брежнева обнаружилась его главная черта как политического лидера. Будучи человеком крайне осторожным, не сделавшим ни одного опрометчивого шага на пути своего возвышения, будучи тем, что называется "флюгерный лидер", Брежнев с самого начала занял центристскую позицию. Он не принял ни той, ни другой крайности - ни программы реформ в духе XX съезда, ни неосталинизма.

Кстати, он здесь следовал сложившейся после Ленина традиции. Не все, наверное, знают, что Сталин тоже пришел к власти как центрист. Он вошел в блок с Каменевым и Зиновьевым против "левака" Троцкого, а затем с Молотовым, Микояном и другими - против "правого" Бухарина. И только в конце 20-х годов - главным образом, с целью укрепления личной власти - он стал осуществлять левацкую программу "революции сверху" и террора. Хрущев, который вначале разорвал рубаху у себя на груди в секретном докладе на XX съезде партии, тоже после венгерских событий 1956 года стал

смещаться к центру. Выступая в китайском посольстве в Москве, он назвал Сталина "великим марксистом-ленинцем", затем рассорился с горячо поддержавшими критику культа личности представителями интеллигенции и т.д. Правда, его время от времени несло в направлении крайних решений.

Иное дело Брежнев. По натуре, характеру образования и карьере это был типичный аппаратный деятель областного масштаба. Неплохой исполнитель. Но не вождь, не вождь...

3

Вернемся, однако, к подготовке доклада к 20-летию Победы, потому что именно тогда был сделан исторический выбор, предопределивший характер брежневской эпохи. "Диссертация" Шелепина была отвергнута, и общими силами подготовлен вариант доклада, который хотя и не очень последовательно, но развивал принципы, идеи и установки хрущевского периода. Брежнев пригласил нас в кабинет, посадил по обе стороны длинного стола представителей разных отделов и попросил зачитать текст вслух.

Тут мы впервые узнали еще одну важную деталь брежневского стиля: он не любил читать и уж совершенно терпеть не мог писать. Всю информацию, а также свои речи и доклады он обычно воспринимал на слух. В отличие от Хрущева, который часто предварительно диктовал какие-то принципиальные соображения перед подготовкой тех или иных выступлений. Брежнев этого не делал никогда.

Чтение проекта доклада прошло относительно благополучно. Но, как выяснилось, главная битва была впереди, когда он, как обычно, был разослан членам Президиума и секретарям ЦК КПСС. Мне поручили обобщить поступившие предложения и составить небольшую итоговую справку. Подавляющее большинство членов руководства высказалось за то, чтобы усилить позитивную характеристику Сталина. Некоторые даже представили большие вставки со своим текстом, в которых говорилось, что Сталин обеспечил разгром оппозиции, победу социализма, осуществление ленинского плана индустриализации и коллективизации, культурной революции, что стало предпосылками победы в Великой Отечественной войне и создания социалистического лагеря.

Сторонники такой позиции настаивали на том, чтобы исключить из текста доклада само понятие "культ личности", а

тем более "период культа личности". Больше других на этом настаивали Суслов, Мжаванадзе и некоторые молодые руководители, включая Шелепина. Другие, например, Микоян и Пономарев, предлагали включить формулировки, прямо позаимствованные из известного постановления ЦК "О преодолении культа личности и его последствий" от 30 июня 1956 года.

Особое мнение высказал Андропов. Он предложил полностью обойти вопрос о Сталине, попросту не упоминать его имени, учитывая разногласия мнений и сложившееся соотношение сил среди руководства. Андропов считал, что нет проблемы, которая в большей степени может расколоть руководство, аппарат управления, да и всю партию и народ в тот момент, чем проблема Сталина. Брежнев в конечном счете остановился на варианте, близком к тому, что предлагал Андропов. В докладе к 20-летию Победы фамилия Сталина была упомянута только однажды.

Вскоре сторонники Шелепина растрезвонили об амбициях и планах своего вождя. Во время поездки Шелепина в Монголию его ближайший друг, бывший секретарь ЦК комсомола Н.Н.Месяцев, в присутствии Ю.Цеденбала стал хвастливо говорить о том, что настоящий Первый - это именно Шелепин. И в хорошем "поддании" распевал песню "Готовься к великой цели".

Цеденбал не замедлил сообщить об этом в Москву. Шелепин, который был поумнее своих клеветников, специально остановился на обратном пути в Иркутске и произнес в обкоме партии речь, в которой демонстративно подчеркивал ведущую роль Брежнева. Однако было уже поздно. Он "подставился", и все поняли его замыслы. Началась долгая, хитрая, многотрудная, подспудная борьба между двумя руководителями, в которой преимущество оказалось на стороне Брежнева. Тогда только я оценил его фразу: "Моя сильная сторона - это организация и психология". Еще раз подтвердилось, что в политике неторопливое упорство нередко берет верх над необузданной силой.

Свой рабочий день в первый период после прихода к власти Брежнев начинал необычно - минимум два часа посвящал телефонным звонкам другим членам высшего руководства, многим авторитетным секретарям ЦК союзных республик и обкомов. Говорил он обычно в одной и той же манере - вот, мол, Иван Иванович, вопрос мы тут готовим. Хотел посоветоваться, узнать твое мнение... Можно представить, каким чув-

ством гордости наполнялось в этот момент сердце Ивана Ивановича. Так укреплялся авторитет Брежнева. Складывалось впечатление о нем как о ровном, спокойном, деликатном руководителе, который шагу не ступит, не посоветовавшись с другими товарищами и не получив полного одобрения коллег.

При обсуждении вопросов на заседаниях Секретариата ЦК или Президиума он почти никогда не выступал первым. Давал высказаться всем желающим, внимательно прислушивался и, если не было единого мнения, предпочитал отложить вопрос, подработать, согласовать его со всеми и внести на новое рассмотрение. Как раз при нем расцвела пышным цветом практика многоступенчатых согласований, требовавшая десятков подписей на документах, что стопорило или искажало в итоге весь смысл принимаемых решений.

Прямо противоположно Брежнев поступал при решении кадровых вопросов. Когда он был заинтересован в каком-то человеке, то ставил подпись первым и добивался своего. Он хорошо усвоил сталинскую формулу: кадры решают все. Постепенно, тихо и почти незаметно ему удалось сменить больше половины секретарей обкомов, значительную часть министров, многих руководителей центральных научных учреждений. Ему принадлежало последнее слово в присуждении Ленинских и Государственных премий. Брежнев вообще предпочитал заниматься не столько производством, сколько распределением, раздачами. Эту работу он хорошо понимал, не ленился позвонить человеку, которого награждали орденом, а тем более званием Героя Социалистического Труда, поздравить, показать тем самым, что решение исходило лично от него.

Если говорить о брежневском стиле, то, пожалуй, он состоит именно в этом. Люди такого стиля не очень компетентны при решении содержательных вопросов экономики, культуры или политики. Но зато они прекрасно знают, кого и куда назначить, кого, чем и когда вознаградить. Леонид Ильич хорошо поработал, чтобы посадить на руководящие посты - в парторганизациях, в экономике, науке, культуре - проводников такого стиля, "маленьких брежневых", неторопливых, нерезких, невыдающихся, не особенно озабоченных делом, но умело распоряжающихся ценностями.

"Флюгерный лидер", который всегда ориентировался на большинство в руководстве, находил органическое дополнение в лидере, так сказать, распределительном. Это возвращало

нас к традиции русской государственности допетровского периода, когда воевод посылали не на руководство, а на кормление...

Людей XX съезда или просто смелых новаторов не расстреливали, как в 30-х годах. Их тихо отодвигали, задвигали, ограничивали, подавляли. Повсюду все больше торжествовали "среднячки" - не то чтобы глупые или совсем некомпетентные люди, но и явно неодаренные, лишённые бойцовских качеств и принципиальности. Они постепенно заполняли посты в партийном и государственном аппарате, в руководстве хозяйством и даже наукой и культурой. Все серело и приходило в упадок. Каков был поп, таким становился и приход.

Это Брежнев понимал прекрасно, и в чем он был действительно великим мастером, так в умении терпеливо тащить пестрое одеяло власти на себя. Тут у него не было конкурентов. Причем делал он это незаметно, без видимого нажима. И даже так, чтобы соломку подстелить тому, кого он легким движением сталкивал с края скамейки. Нужны были места для размещения днепропетровской, молдавской и казахстанской команды. На всех важных постах он расставлял надежных людей, которые лично его не подведут. И вот один за другим из Президиума, из Политбюро ЦК КПСС исчезли Подгорный, Воронов, Полянский, Микоян. Вы помните, как без всякого шелеста и объявлений исчез Шелест - руководитель крупнейшей Украинской партийной организации.

А насчет "соломки" - вот любопытный факт. После освобождения Н.Г.Егорычева с поста секретаря Московской городской парторганизации ему позвонил Леонид Ильич и сказал примерно такое: "Ты уж извини, так получилось... Нет ли у тебя каких там проблем - семейных или других?" Егорычев, у которого дочь незадолго до этого вышла замуж и маялась с мужем и ребенком без квартиры, имел слабость сказать об этом Брежневу. И что же вы думаете? Через несколько дней молодая семья получила квартиру. Брежнев не хотел ни в ком вызывать чувство озлобления. Если бы он был сведущ в искусстве, наверное, ему больше всего импонировали бы пастельные полутона, без ярких красок - белых или красных, зеленых или оранжевых. Он часто сам одаривал квартирами свое окружение. Ну что тут скажешь? Представляете себе президента США, который распределяет квартиры?..

Итак, Брежнев пришел без своей программы развития страны. Это один из редких случаев в современной полити-

ческой истории, когда человек принимает власть как таковую, без каких-либо определенных планов. Но нельзя сказать, пользуясь выражением Мао Цзэдуна, что это был чистый лист бумаги, на котором можно было писать любые иероглифы. Человек глубоко традиционный и консервативный по своему складу, он больше всего опасался резких движений, крутых поворотов, крупных перемен. Осудив Хрущева за волюнтаризм и субъективизм, он прежде всего позаботился о том, чтобы перечеркнуть его радикальные начинания, восстановить то, что было апробировано при Сталине. Крупные руководители, которые не по своей воли отправились на ближнюю и далекую периферию, вернулись на прежние места в Москву. Тихо и незаметно была сведена на нет идея ротации кадров. В противовес ей был выдвинут лозунг стабильности - голубая мечта каждого аппаратчика. Брежнев не вернулся к сталинским репрессиям, но успешно расправлялся с инакомыслящими.

Вместо хрущевской одиннадцатилетки, претендовавшей на политехнизацию школы, снова вернулись к прежней десятилетке, крестьяне получили обратно отрезанные у них приусадебные участки. Ушла в прошлое кукурузная эпопея, а вместе с ней и Лысенко. Постепенно произошла переориентация с освоения целины на форсирование земледелия в центральных районах страны. Колхозники получили пенсионное обеспечение, была гарантирована минимальная зарплата для работающих в колхозах. Снизилась норма обязательных поставок, и увеличились закупки сельскохозяйственных продуктов по более высоким ценам. Все эти мероприятия в сельском хозяйстве были намечены еще при Хрущеве. Последним таким всплеском реформаторства стал сентябрьский Пленум 1965 года. На нем была предложена хозяйственная реформа, инициатором которой выступал Косыгин. В основу реформы легли дискуссии, начатые еще в сентябре 1962 года, вокруг статьи харьковского профессора Е.Либермана "План, прибыль, премия". Эти идеи развивались затем в выступлениях крупных советских ученых В.Немчинова, В.Новожилова, Л.Канторовича. Накануне "октябрьского переворота", в августе 1964 года, по предложению Хрущева началось осуществление предложенной учеными новой хозяйственной системы на фабриках "Большевичка" в Москве и "Маяк" в Горьком. И через несколько дней после пресловутого "добровольного" ухода Хрущева на пенсию этот эксперимент распространился на многие другие предприятия. Вдохновленный его результатами,

Косыгин и сделал свой доклад на сентябрьском Пленуме 1965 года.

Брежнев, однако, относился к этой "затее" скептически. Не вникая в ее суть, он интуитивно больше доверял тем методам, которые дали такие блестящие, по его мнению, результаты в период сталинской индустриализации. Не последнюю роль сыграла и ревность к Косыгину, который имел перед ним преимущества как один из старейших руководителей, авторитет его восходил еще к периоду Отечественной войны.

Ревность - как чисто аппаратное понятие - бюрократический синоним слова "зависть". Здесь оно имеет особую нагрузку. Люди, находящиеся на одном и том же этаже административной лестницы, зорко следят за тем, чтобы их коллега не выдвинулся раньше чуть-чуть вперед. Поэтому их ужасно раздражает каждое выступление сотоварища по работе. Особенно в печати, на телевидении, перед широкими партийными и народными аудиториями.

В самый начальный период руководства Брежнева на заседании представителей стран Варшавского Договора произошел забавный эпизод, когда он произнес единственную, кажется, не написанную загодя речь. Румынскую делегацию возглавлял не руководитель партии, а Председатель Совета Министров, который предложил, чтобы общий документ был подписан именно руководителями государств, а не партий. И тут, как подброшенный пружиной, подскочил Леонид Ильич и произнес две с половиной фразы. Они звучали примерно так: "Как же можно? Документ должен подписывать первый человек в стране... А первый человек - это руководитель партии". В ту пору в аппарате пересказывали слова Брежнева по поводу доклада Косыгина на сентябрьском Пленуме 1965 года: "Ну что он придумал? Реформа, Реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема". Не в таком ли отношении к экономической реформе была главная причина, почему она не состоялась?

Мои впечатления о личности Брежнева, может быть, субъективны, тем более что говорил я с ним только однажды. Обратимся к оценкам человека, знавшего его больше. А.Бовин, который готовил речи для Брежнева и был близок к нему, утверждает, что Брежнева трудно назвать крупным политическим деятелем. Правда, он тут же добавляет, что, по его наблюдениям, "Брежнев был в общем-то неплохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, радуш-

ным, хлебосольным хозяином". "Любил охоту... Радовался доступным ему радостям жизни".

Но это к слову. А вот с чем решительно нельзя согласиться, так это с концепцией "двух Брежневых" - до середины 70-х годов и после, с утверждением, будто он был в начале деятельности на посту Генерального сторонником экономической и других реформ. В подтверждение обычно приводят длинную цитату из выступления Брежнева на сентябрьском Пленуме 1965 года, которая якобы особенно характерна для оценки его позиции. Однако уже в то время было доподлинно известно, что Брежнев - активный противник реформы, предложенной Косыгиным, и прежде всего по его вине она провалилась.

Как раз при Брежневе сложилась традиция ужасающего словоблудия, которое с трудом разместилось в девяти томах "его" собрания сочинений. Произносились речи, нередко хорошие и правильные, за которыми, однако, ничего не стояло. Авторы его речей обладали исключительной способностью с помощью малозаметного поворота исказить любую плодотворную идею. Так, например, в 1966 году "Правда" опубликовала мою статью "О строительстве развитого социалистического общества". В ней, в сущности, содержались отказ от лозунга "развернутого строительства коммунизма", признание того, что у нас пока еще созданы лишь отсталые формы социализма, и поэтому необходимы реформы: научно-техническая модернизация, реконструкция управления, демократическое развитие. Что же вопреки фактам сделали люди из "идеологической парикмахерской"? Они вложили в уста Брежнева указание на то, что у нас уже построено развитое социалистическое общество. То же самое было заявлено в преамбуле к Конституции СССР. Все было, таким образом, превращено в пустую пропаганду. Так было при "раннем", а тем более при "позднем" Брежневе.

Политика переставала быть политикой. Ибо политика - это деловые решения, а не многословные речи по поводу решений. Это не декларации о Продовольственной программе, а продовольствие в магазинах, не обещание коммунизма, а реальное движение к благосостоянию для каждого человека.

Верно, что словечко "проблема" стало излюбленным в первых выступлениях Брежнева. Он говорил о проблемах научно-технической революции, производительности труда, продовольственной проблеме, жилищной и т.д. И все время призывал принимать какие-то решения. Однако решения по-

чему-то не принимались. А если принимались, то не исполнялись. В Институте конкретных социальных исследований АН СССР было проведено изучение эффективности решений, принимаемых Совмином СССР. Результаты потрясли: фактически выполнялось не более одного из десяти решений.

Верно, что Брежнев любил застолие, охоту, быструю езду. Это он ввел такой стиль - проноситься на ста сорока километрах по "коммунистическому городу". И чем быстрее ездил начальство в новеньких "ЗИЛах", тем медленнее ползла страна. Зато были слова, слова, слова. А как расплачивался народ? Сколько миллиардов народных денег и народного энтузиазма ушло на необеспеченное и экономически не проработанное строительство БАМа? А чего стоили "величественные" проекты поворота сибирских рек? А бесконтрольные военные затраты?

Стиль речей Брежнева резко отличался от хрущевского. В предварительных диктовках Хрущева была ясно выражена политическая воля и мысль, несмотря на литературный хаос. Он тщательно следил, насколько скрупулезно мы использовали диктовку, дорожил своими выражениями и шуточками, вроде таких: "покажем кузькину мать".

Брежнев никогда не давал диктовок и не формулировал своих мыслей. Максимум, что можно было услышать от него: надо бы потеплее сказать о женщинах, о молодежи, о рабочих и т.д. Он не любил читать свои доклады заранее, а предпочитал их воспринимать на слух. Обычно он собирал всю группу речеписцев, и кто-то один читал, а другие делали замечания, предлагали поправки. Его решения были простыми: он выслушивал терпеливо всех и ориентировался на мнение большинства, а когда кто-либо особенно упорно возражал против какой-либо формулировки, он советовал пойти все же ему навстречу и внести коррективы.

Особую роль в подготовке речей играл первый помощник Брежнева Г.Э.Цуканов. Это был довольно симпатичный человек с широким, округлым лицом, приятной улыбкой и легким украинским говорком. Бывший директор крупного завода в Днепропетровске, он чем-то приглянулся Брежневу и стал его помощником более чем на четверть века. Человек здравого смысла, но небольшой эрудит, он вскоре попал под влияние речеписцев.

Одно время Цуканов выступал почти как "альтер эго" Брежнева. Я наблюдал его на отдыхе в санатории ЦК в Га-

грах: к нему съезжались на поклон первые секретари республик и областей, занимались откровенным искательством "милостей".

Впрочем, кончил этот человек плохо. В результате какой-то интриги, где были задеты личные чувства Брежнева, он потерял место первого помощника. Его переместили из кабинета, что был напротив брежневского, на шестой этаж, где он получил комнатку, обставленную дотошными работниками Управления делами ЦК жалкой мебелью. Такого удара Цуканов не выдержал и слег с инсультом. Незадолго до смерти Брежнев смилостивился, вручил Цуканову орден по случаю 60-летия со дня рождения, но, зачитывая скрипучим голосом речь, он не глядел в сторону Цуканова. Воистину, спаси нас господь от монарших милостей и капризов.

Забегая вперед, скажу, что я как-то пригласил Цуканова к себе домой, чтобы послушать его рассказ о Брежневе. Он охотно пришел, но отказался что-либо рассказывать и только жаловался на бывших брежневских спичрайтеров, которые теперь совершенно перестали с ним общаться и даже отвечать на его звонки.

4

Бовин как-то рассказал мне о разговоре, который произошел на даче в Завидове, где готовилась очередная речь. Он обратил внимание Брежнева на то, как трудно живется низкооплачиваемым людям. А тот ответил: "Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости, в период учебы в техникуме, мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда - один себе. Так все и живут в стране". Да, верно говорится: рыба гниет с головы. Брежнев считал нормальным и "теневую экономику", и грабительство в сфере услуг, и взятки чиновников. Это становилось едва ли не всеобщей нормой жизни. Вспомним слова Сен-Симона, заметившего, что нации, как и индивиды, могут жить двойко: либо воруя, либо производя.

Кто виноват? Брежнев? Сейчас легко так сказать. Виновата дворня, небескорыстно раздувавшая этот пустой резиновый сосуд? Больше, чем он, потому что ведала, что творила. Но главный виновник, которого надо привлечь к суду истории. - брежневский режим, который законсервировал систему и развратил сознание огромной массы людей.

Значит ли это, что страна не развивалась, что все действительно остановилось? Конечно нет. Народ продолжал трудиться. Промышленное производство медленно, но росло, хотя и все более обращали на себя внимание два крайне опасных явления. Стремительно увеличивалась добыча топлива. За полтора десятка лет было добыто столько же, сколько за всю предыдущую историю страны. Это означало проедание запасов, принадлежащих будущим поколениям, по принципу: после нас хоть потоп! И второе: почти неуклонно уменьшалась доля предметов потребления в общем выпуске продукции. Страна продолжала развиваться экстенсивно.

То было двадцатилетие упущенных возможностей. Технологическая революция, развернувшаяся в мире, обошла нас стороной. Ее даже не заметили, продолжая твердить о традиционном научно-техническом прогрессе. За это время Япония стала второй промышленной державой мира, Южная Корея начала наступать на пятки Японии. Правда, мы добились военного паритета с крупнейшей промышленной державой современного мира. Но какой ценой? Ценой все большего технологического отставания во всех других областях экономики, дальнейшего разрушения сельского хозяйства, так и не созданной современной сферы услуг, замораживания низкого уровня жизни народа. Ситуация осложнялась тем, что были отвергнуты какие-либо поиски модернизации самой модели социализма. Напротив, вера в организационные и бюрократические решения усилилась. Чуть возникала проблема - и руководство страны реагировало однозначно: а кто этим занимается? Надо создать новое министерство или другой аналогичный орган.

Сельское хозяйство и продовольственная проблема оставались ахиллесовой пятой нашей экономики. Но решения искали на традиционных путях, которые уже показали свою неэффективность в предыдущую эпоху. Продолжалась политика совхозизации колхозов, то есть их дальнейшего огосударствления.

Не дала ожидаемых результатов химизация. Несмотря на то что в 70-годах СССР опередил США по производству удобрений, производительность труда в сельском хозяйстве была в несколько раз ниже.

Причина экономической и технологической отсталости была одна: непонимание и страх перед назревшими структурными реформами - переходом на хозрасчет в промышлен-

ности, кооперированием сервиса, звеньевым и семейным подрядами в деревне. И страшнее всего было режиму тех лет решиться на демократизацию, ограничение власти основной опорной базы Брежнева - бюрократии.

Всякие попытки продвижения по пути реформ, проявления хозяйственной самостоятельности или самостоятельности мысли пресекались без всякой пощады.

Главный урок эпохи Брежнева - нарастающий кризис тоталитарной системы, хотя она и обретала более мягкий авторитарный характер. Государство не только не обеспечивало прогресс, но все более тормозило развитие общества - экономическое, культурное, нравственное. Брежнев и его окружение в одном отношении накопили не совсем бесполезный опыт (для этого им понадобилось почти двадцать лет): возврата к сталинизму нет! Даже если бы Брежнев решился подкрепить подгнившее здание рецидивом сталинских репрессий, ему не удалось бы сделать эту систему эффективной. Ибо технологическая революция требует свободного труда, личной инициативы и заинтересованности, творчества, непрерывного поиска, состязательности. Структурные реформы и перестройка стали непреложным логическим выходом из застоя.

Будучи живым воплощением иллюзий государственного социализма, Брежнев привел его на самую последнюю, тупиковую остановку. Отсюда начинается единственно возможный, хотя и крайне трудный переход к формированию свободного гражданского общества, в центре которого стоят самоуправляемые трудовые коллективы и активные индивиды; трудясь на самих себя, они трудятся на все общество. Государство, разумеется, не превращается в ночного сторожа, но оно подобно шагреновой коже, резко сужает свои функции, оставляя за собой только те, которые отвечают безопасности и прогрессу общества. Условно говоря, если из ста министерств и ведомств сохраняются пятнадцать-двадцать, а из восемнадцати миллионов занятых в аппарате управления две трети перейдут в сферу общественного самоуправления, наша держава от этого только выиграет, как, бесспорно, выиграют и ее граждане.

Урок второй - не только аморальность, но и неэффективность таких порядков, когда к руководству страной приходили не в результате нормальной демократической процедуры и публичной деятельности в партиях, государстве, а путем закулисных комбинаций, тем более заговоров и кровавых чисток. Опыт уже в достаточной степени показал, что в подобной об-

становке к власти пробиваются отнюдь не самые способные руководители, не самые убежденные политики, не самые преданные народу, а самые хитроумные лисы - мастера групповой борьбы, интриг и даже обыкновенной коррупции. Политические мафии Рашидова и Кунаева, Щелокова и Медунова, "днепропетровский хвост" в лице Тихонова, а затем "феномен" Черненко - все это должно стать суровым предостережением политическим работникам любого ранга и уровня. Во все времена, среди всех народов считается, что руководство государством требует определенной подготовки, поскольку от этого в большой степени зависит судьба народа. Не будем вспоминать о древнем мире, где наставниками правителей выступали такие люди, как Аристотель и Сенека. И в нашей России наследника престола наставлял близкий друг Пушкина поэт Жуковский. Но и в современных государствах считается общепринятым, что для этой работы нужны и природные данные, и образование, и чувство гражданской ответственности, и многолетняя школа политической деятельности, участия в общественных и государственных делах, и ораторское искусство, и навыки публициста и многое другое. Не будем ссылаться на западный опыт - он нам не указ, мы сами с усами. Но усы мы выращивали, а потом брили в больших хлопотах и трудах, набивая шишки не только отдельным людям, но и всему народу, пока не поняли: нет, не каждый секретарь обкома может руководить нашей великой державой.

С момента Октябрьской революции стали закладываться традиции новой школы политического руководства. Ее главным принципом была социальная принадлежность: человек должен быть не знатным, не богатым, не высокообразованным, а своим, народным. Конечно, мало кто принимал как реальную для нынешнего времени крылатую фразу о том, что каждая кухарка может научиться руководить государством. В составе высшего руководства сразу после революции не было ни одной кухарки, да и практически ни одного рабочего или крестьянина. Политбюро в ленинские времена и почти все члены Центрального Комитета партии были выходцами из интеллигентной или полуинтеллигентной разночинной среды. Яркие или не очень яркие публицисты, страстные агитаторы, вожаки, вожди. Масса тогда внимала и верила им отнюдь не с тем приторно глуповатым выражением лица, которое мы видели в образе "солдатики" в знаменитом фильме "Человек с ружьем".

После смерти Ленина это поколение руководителей было сметено последовательно проводившимися друг за другом сталинскими чистками. Ему на смену пришла более молодая генерация, отличавшаяся сильными характерами, но меньшим уровнем образования и культуры. Но и эта генерация была низвергнута в 1936-1938 годах. И тогда пришло поколение людей, подавляющее большинство которых не участвовало в революции, но зато имело определенный уровень специфически партийного образования. Многие из них сделали сказочную, скачкообразную карьеру, поднявшись за несколько лет от рядовых работников до министров.

Брежнев принадлежал как раз к этой третьей генерации. Его путь был отмечен чисто аппаратным продвижением. При самом тщательном изучении того периода мы не можем обнаружить никакого следа публичных выступлений будущего Генсека. Он умело молчал, умело "выходил" на нужного покровителя и постепенно, но неуклонно продвигался вверх.

Проблема еще заключалась в том, что ни один из наших руководителей не позаботился о том, чтобы воспитывать себе преемников. Не будем говорить о Сталине - малейшего подозрения, что появился такой человек, было для него достаточно, чтобы стереть в порошок потенциального претендента. Он и говорил открыто своим так называемым соратникам: "Вот умру я, пропадете вы без меня, погибнете!" Отсюда, наверное, и пошло это восторженное восприятие непосредственно после кончины Сталина: "Обеспечено бесперебойное руководство государством". Сталинские "дети" и "пасынки" были сами поражены, что после его смерти небо не обвалилось и государственный руль не выпал из слабых рук...

Известно, что Ленин не позаботился о преемника. В своем политическом завещании он дал характеристики каждому из оставшихся высших руководителей, которые содержали по преимуществу критические замечания. Но и он не видел людей (а стало быть, не взращивал таких), которые могли бы после него стать руководителями партии и страны. Что касается Хрущева, то он вообще приближал к себе только послушных исполнителей, хотя, наверное, и в мыслях не держал, что Брежнев может стать его преемником на высшем посту. Правда, Хрущев выдвигал молодых, таких, как Андропов, да и тот же Шелепин, которых держал, однако, на достаточно значительном расстоянии от трона.

Вообще во всех странах современного мира изнанка поли-

тического лидерства подвержена злокачественной эрозии. Наиболее вероятные причины этого явления - развитие "массовой" демократии, с одной стороны, и чудовищного бюрократизма - с другой. Именно это порождает "флюгерного лидера", который старается угодить обеим сторонам. Нам долгое время казалось, что мы избавлены от этих бед самим фактом существования централизованного планового общества, которое может разумно направлять свое развитие. Но здесь нас подстерегали большие разочарования. И прежде всего как раз в отношении политического лидерства, которое оказалось вовсе не таким мудрым, чтобы взять на себя функции, принадлежащие, в сущности, всему народу.

Уже тогда назрела реформа самой традиции политического лидерства, реформа всей политической системы. Все опасались, как бы не появился новый Брежнев, а тем более новый Черненко на вершине власти. Стало очевидней, что тот, кто не умеет руководить, неизбежно скатывается к искусственному насаждению своего даже самого нелепого культа, к бюрократизму и коррупции.

Тогда было популярным выражение - ротация кадров (сменяемость в определенные сроки) как гарантия, чтобы и на пять лет не приходили слабые, а тем паче коррумпированные руководители. Но нужна была процедура подлинной выборности.

Здесь же нам больше всего противостояла консервативная традиция. Российская политическая культура не терпела плюрализма мнений и свободы критики правительственной деятельности. Только после революции 1905 года была пробита маленькая брешь. Но и тогда ни царя, ни царизм, ни существующий строй критиковать, по сути дела, было нельзя.

После Октябрьской революции среди первых декретов были определены меры против "контрреволюционной печати" разных оттенков. Но говорилось об этих мерах как о временных, связанных с обострением классово-политической борьбы. Не менее характерно и то, что сразу после окончания гражданской войны Ленин вернулся к прежней политике Компартии, которая фиксировала неизменно в своих программах право на свободу выражения мнений. Плюрализм внутри партии, профсоюзов, Советов, крестьянских объединений и в особенности в сфере культуры стал обыденной нормой и важной стороной новой экономической политики. Но он был свергнут вместе с нэпом в конце 20-х годов. Хрущев кое-что сделал для восстановления

такой гласности, а Брежнев снова похоронил ее.

С плюрализмом связаны и гарантии прав меньшинства. Перестройка, по крайней мере на начальном этапе, опиралась на идеи, взгляды и волю не большинства, а меньшинства. Так было, по сути, всегда, если говорить о борьбе нового со старым. Самая девственная и изящная из всех демократий - афинская - устами большинства решила: Сократу надо выпить яд. Пей, Сократ, пей, раз этого требует большинство! А у нас в 30-х годах разве Сталин не опирался на волю большинства? Не станем говорить о его соратниках, с ними не было вопросов. Даже Хрущев, могучий сокрушитель культа личности, искренне и самозабвенно участвовал в избиениях по воле большинства. Большинство считало: Бухарин не прав. Что ж, иди, Николай Иванович, не оглядывайся, пуля дырочку найдет...

А в новейшее время - Брежнев разве он был один? Абсолютное большинство в аппарате управления молилось на него, получая при нем все - звания, лауреатские значки, академические деньги, дачные постройки, взятки. Поддерживали его и те социальные слои, которые безбоязненно жили и сейчас живут за счет нетрудовых доходов. И еще - опасность лести в политическом поведении.

Наверное, все вожди и руководители у всех народов любили и любят лести. Но наши во времена Сталина и Брежнева, как уже отмечалось, алкали лести самой преувеличенной, культовой пробы. Им нравились распластанность и расплывчатость лъстеца, а тот был готов на любые унижения ради карьеры. Некоторые наши доморощенные фуше и талейраны прошли, как нож сквозь масло, через все политические режимы, используя нехитрый прием - лстить каждому новому руководителю без всякой меры, не говоря уже о стыде и совести.

Я отказался работать с Брежневым, полагая его человеком консервативным и даже реакционным. Сейчас, оглядываясь в прошлое, думаю, что сделал ошибку. Случай давал мне уникальный шанс оказать существенное влияние на политику государства. Он вывел меня прямо на государя, который чувствуя свою слабость, готов был прислушиваться к советам. Кроме того, Брежнев не был тупым реакционером и как прагматик был способен поворачивать руль немного вправо или влево, идя по фарватеру укрепления своей власти. Советник должен был использовать этот шанс - не ради себя, ради дела. Горбачев и Ельцин оказались людьми, которые больше полагались на себя и меньше слушали других, чем Брежнев. Да и в

личном плане - как это ни больно признавать - Брежнев был более надежным и человечным руководителем. И хотя меня трижды при нем снимали с работы, думаю, что он к этому прямого отношения не имел. М.Сулов, С.Трапезников, а более всего конкуренты в науке и печати - Г.Жуков, Ф.Константинов и иже с ними - это они устраивали проработки, преследуя личные цели - устранить более способных, мыслящих по-новому людей. Лозунг стабильности, провозглашенный Брежневым (с ударением на первом слоге) казался нам символом крайнего консерватизма. Так это и было, но только отчасти. Как мучительно мы боремся сейчас за крупицы стабильности экономики, власти, народного сознания. Стало быть, не только реформы, не только перемены, но и устойчивость жизни имеет самостоятельную ценность. Я и сейчас далек от того, чтобы видеть в брежневской эпохе вершину развития России, как это делает Зиновьев. Но десятилетие реформ после Брежнева заставляет более разумно и взвешенно оценить его время. Застой - да! Но и устойчивость, и величие государства. Собственно, та эпоха и была вершиной государственного социализма. Она исчерпала себя и должна была уйти в прошлое. Но не путем катаклизмов, драматических утрат и распадов. "Тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь" (Сантаяна) [32].

Глава шестая

ЮРИЙ ХИТРОУМНЫЙ

1

Первая моя встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, или с Ю.В. (так его называли за глаза), состоялась в начале 1960 года. Был он тогда одним из заведующих в одном из многих отделов ЦК. И я почти ничего не слышал о нем до того, как стал редактировать его статью в журнале "Коммунист". Он пожелал встретиться со мной непосредственно.

Я зашел в кабинет Ю.В. без особого волнения, хотя, конечно, и не без острого любопытства: журналистская и академическая среда мало воспитывала чиновничье почитание, не говоря уж о том, что с юных лет я был настроен довольно критически ко всяким авторитетам, пытаюсь самостоятельно оценивать достоинства и недостатки каждого и внутренне сопротивляясь любому внушению.

После обычного рукопожатия с выходом из-за стола Ю.В. вернулся на место, а мы с Л.Толкуновым, который сопровождал меня, уселись по обе стороны маленького столика, стоявшего перпендикулярно к столу хозяина кабинета. Бросив беглый взгляд вокруг себя, я обратил внимание прежде всего на два огромных, почти во всю стену, окна, портрет Ленина над головой хозяина кабинета, удлиненный стол слева от него, у которого находилось не менее десяти - двенадцати довольно массивных стульев, и кресло на председательском месте. Я не знал тогда еще, что мне придется на протяжении многих часов сидеть за этим столом, как правило, на одном и том же месте, по левую руку от Ю.В., участвовать вместе с ним в трудном, нередко сумбурном, бесконечно утомительном и таком восхитительном процессе - совместном коллективном сочинении, редактировании и переписывании документов и речей руково-

дителей страны. Но все это в будущем.

А пока я сидел, беспечно улыбаясь почему-то в ответ на мягкую улыбку Ю.В. Он уже тогда носил очки, но это не мешало разглядеть его большие, голубые глаза, которые пронизательно и твердо смотрели на собеседника. Огромный лоб, большой, внушительный нос, толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетенными пальцами, - словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию. Он как-то сразу расположил меня к себе еще до того, как произнес первые слова.

- Вы работаете, как мне говорили, в международном отделе журнала? - раздался благозвучный голос.

- Да, я заместитель редактора отдела.

- Ну и как вы отнеслись бы к тому, чтобы поработать здесь, у нас, вместе с нами? - неожиданно спросил он.

Этот вопрос - я хорошо помню - был задан в самом начале разговора и поэтому прозвучал для меня совершенно неожиданно. Я мог ждать такого вопроса где-то в конце разговора, после того, как хозяин кабинета познакомится со мной. Только потом узнал, что такой вопрос, в общем, ни к чему не обязывал Ю.В. Это еще не было предложение. Это был способ знакомства с собеседником. Не думаю, что такой способ выражал какую-то накатанную или заранее подготовленную модель общения или преследовал цель поставить человека в нелегкое положение и проанализировать его реакцию. Нет. Скорее это отражало одно из характерных качеств Ю.В. - необыкновенно развитую интуицию, которая редко обманывала его.

- Я не думал об этом, - сказал я совершенно искренне, удивленный таким оборотом дела и забыв употребить общепринятую форму о том, как высоко ценю оказанное мне доверие. И тут же продолжал: - Да и, откровенно говоря, совершенно не уверен, что буду полезен в отделе. Я люблю писать, но не чувствую себя особенно пригодным для аппаратной работы.

- Ну чего другого, а возможности писать у вас будет сверх головы. Мы, собственно, заинтересовались вами, поскольку нам не хватает людей, которые могли бы хорошо писать и теоретически мыслить. У нас здесь достаточно организаторов, и вам меньше всего придется заниматься чисто аппаратной работой. Консультанты у нас приобщены к важным политическим документам.

Прошло десять дней, и я не то чтобы забыл - это было невозможно, - а как-то отодвинул воспоминание об этой встрече, хотя в глубине души она оставила непонятное ощущение удовлетворения. Мне показалось, что я понравился такому интересному человеку, и это было хорошо. Вдруг в середине дня звонок в редакцию. Толкунов:

- Федор! Завтра утром выходи на работу. Пропуск тебе заказан. Состоялось решение.

- Решение? Какое решение и что в нем?

- Как что? Ты назначен консультантом отдела ЦК КПСС. Подписал лично сам Первый. Так что не тяни волюнку и завтра же приступай. Дел тут у нас по горло. Ну, будь здоров. (Слышу, у него зазвонил другой телефон, и так громко!) Меня вызывает Ю.В.

На другое утро я уже сидел за письменным столом у окна с видом на замкнутый внутренний дворик. Комната не понравилась: она была узкая, как пенал, и напоминала первую в моей жизни жилую комнату в трехкомнатной квартире, которую я получил, работая в журнале. Это было такое же кишкообразное помещение, постоянно продуваемое сквозняком, поскольку дверь и окно были на одной линии.

Как-то утром в мой кабинет заглянул Толкунов (в отличие от других замзавов, он не считался с чинами) и сказал, что Ю.В. ждет нас. Мы застали Андропова в крайне раздраженном состоянии. Он только что познакомился с представленными материалами в связи с предстоящей поездкой в Албанию на съезд партии труда и пришел в негодование:

- Люди копошились над этим почти полгода и подготовили такой материал, который годится только для того, чтобы его выбросить в корзину, - сказал Ю.В. без всякого перехода. Видно, он еще не совсем остыл от той взбучки, которую задал накануне нашего прихода другим работникам. - Надо срочно поправить дело, - он обращался больше к Толкунову, чем ко мне. Моих возможностей он еще не знал и, естественно, больше рассчитывал на своего заместителя.

- Вы не беспокойтесь, - заверил Толкунов. - Федор возьмется за это дело и быстро все перепишет.

- Не обязательно быстро. У нас есть еще не меньше десяти дней до того, как надо будет отправлять материалы. Главное, чтобы получилось хорошо. Чтобы точно были расставлены все акценты. Эта поездка необычная. Обстановка будет тяжелой, - сказал Ю.В., глядя на меня сквозь очки.

Затем он в нескольких четких, коротких предложениях обрисовал ситуацию и примерное направление выступлений.

- Все остальное, - закончил он, - дело вашей фантазии.

Легко сказать - фантазии, подумал я, садясь за стол в своем кабинете. Тут специалисты работали. А я не знаю ни страны, ни партии, ни обстановки. Прочел текст речей, удивляясь более всего тому, каким языком они были написаны. Кроме того, в них практически не было никаких сюжетов, связанных с только что закончившимся Совещанием коммунистических и рабочих партий (1960 г.), хотя было очевидно, что мы должны в какой-то форме разъяснить и пропагандировать нашу позицию.

И тут меня осенило: надо совершенно заново продиктовать всю речь так, как будто предстояло произносить ее самому. А потом уже редактировать ее, убирая острые углы. Вызвал стенографистку и начал диктовать.

До этого у меня было мало опыта в работе со стенографисткой. Диссертацию свою писал от руки, но писал довольно быстро, выполняя ежедневно за десять часов работы заданный самому себе урок - двенадцать - пятнадцать страниц текста. Но только писал, а не диктовал, хотя два-три раза уже пробовал диктовать передовицы для журнала. Вначале очень смущало присутствие постороннего человека при моих муках творчества, особенно во время пауз, когда что-то заклинивалось и никак не сдвигалось с места.

Однако, как ни странно, первый опыт прошел весьма удачно: я надиктовал страниц двадцать. В тот же день отредактировал текст и наутро принес его Ю.В., который был скорее удивлен, чем обрадован. Он внимательно прочел текст и даже полистал его вторично.

- У вас были заготовки? Что-то уж очень быстро вы это сделали.

- Нет, у меня не было никаких заготовок, я просто продиктовал стенографистке, - произнес я не без некоторой внутренней гордости первого ученика.

- Что же, это получше, чем было, но, я думаю, вы сами понимаете, что надо еще поработать.

Потом он позвонил Толкунову (а тот передал мне): "Ты посмотри материал. Федор наговорил что-то, и стало лучше. Но до завершения работы еще далеко".

Я ушел несколько обескураженный. Не потому, что считал свой текст шедевром. Хорошо понимал, что официальная речь

не может и не должна быть шедевром. Мне было предложено доработать текст. А что это значит? Я хотел получить ясные установки о том, что годится, что не годится, какие абзацы убрать, какие мысли добавить, что и как редактировать. Так всегда делалось в журнале. Никто из нас не терпел общих замечаний и пожеланий, и принятая форма обсуждения исключала их. Я еще не знал, что стиль подготовки документов прямо противоположен этому. Задание здесь принято предлагать в самой общей форме, например: нужна речь по такому-то поводу; нужно заявление ТАСС; нужна редакционная статья в газету; надо высечь нашего противника за то-то. Исполнение, поиск и творчество оставляются исполнителю - пусть поломаёт голову, а мы потом посмотрим, что получится.

Не знал и другого: весь этот процесс представлял собой нечто многосложное, многократное и страшно мучительное для всех участников дело. Такой стиль отчасти объяснялся коллективным принципом подготовки документов и коллективным рассмотрением их. Во многом это определялось тем, что заказчик еще сам до конца не продумал конкретное содержание документа, довольствуясь на начальном этапе характеристикой общей цели, глобального (так стали говорить позднее) замысла.

Что касается Ю.В., то с ним дело обстояло еще сложнее (а может быть, проще в каком-то отношении). Я очень быстро убедился, что какой бы ты ни принес текст, он все равно будет переписывать его с начала и до конца собственной рукой, пропуская каждое слово через себя. Все, что ему требовалось, - это добротный первичный материал, содержащий набор всех необходимых компонентов, как смысловых, так и словесных. После этого он вызывал несколько человек к себе в кабинет, сажал нас за удлинённый стол, снимал пиджак, садился на председательское место и брал стило в руки. Он читал документ вслух, пробуя на зуб каждое слово, приглашая каждого из нас участвовать в редактировании, а точнее, в переписывании текста. Делалось это коллективно и довольно хаотично, как на аукционе. Каждый мог предложить свое слово, новую фразу или мысль Ю.В. принимал или отвергал предложенное. Шла ли речь о стратегических документах, определявших политику страны, или о самом ничтожном организационном вопросе, Ю.В. подходил к ним с одинаковой въедливостью, стараясь все взвесить, ничего не упустить.

Но была еще одна причина, и это я понял позднее. Ю.В.

любил интеллектуальную политическую работу. Ему просто нравилось участвовать самолично в писании речей и руководить процессом созревания политической мысли и слова. Кроме того, это были очень веселые "застолья", хотя подавали там только традиционный чай с сушками или бутербродами (это после девяти вечера). Разморенные "аристократы духа" (как называл нас Ю.В.) к концу вечерних бдений часто отвлекались на посторонние сюжеты: перебрасывались шутками, стихотворными эпиграммами, рисовали карикатуры. Ю.В. разрешал все это, но только до определенных границ. Когда это мешало ему, он обычно восклицал: "Работай сюда!" - и показывал на текст, переписываемый его большими, округлыми и отчетливыми буквами.

2

Подготовка албанской поездки стала для меня первым уроком. Я понял, что имею дело с человеком острого и цепкого ума, который значительно превосходит окружающих не только бесконечно ответственным отношением к делу, но и каким-то прирожденным, интуитивным ощущением веса и значимости политического слова и действия.

Но вот наши вечерние бдения над документами остались позади, и мы летим на маленьком специальном самолете в Тирану. Самолет был внутри оборудован как салон: всего несколько кресел, стол, большой диван вокруг стола и пуфики, покрытые бархатом, в стиле ампир.

Обстановка на съезде Албанской партии труда была, по выражению Ю.В., паршивой. Ее руководители твердо взяли курс на раскол с нами. Доклад Энвера Ходжи был хуже, чем можно было ожидать. В нем почти неприкрыто подвергалось критике все, что сделала наша партия за последние годы. Правда, произнося обидные для нас слова и сентенции, Энвер Ходжа - статный и красивый мужчина с военной выправкой - не выдержал резкого тона и даже прослезился. Но это не мешало ему довести свою речь до конца. И конечно, почти каждый ее абзац прерывался аплодисментами, то и дело переходящими в бурную овацию и скандирование.

Тут произошел первый инцидент. Во время одного из особенно грубых намеков, направленных против XX съезда, наша делегация воздержалась от аплодисментов. Мы сидели в одной из боковых лож зала, где проходило заседание, на виду у всех

делегатов. Они обратили внимание на то, что мы не аплодируем, когда весь зал скандирует барабанными голосами: "Энвер Ходжа! Энвер Ходжа!" Что здесь началось! Все повскакивали с мест. Стали еще громче выкрикивать здравицу в честь своего вождя, еще неистовее аплодировать, глядя в нашу сторону. Некоторые начали стучать подвижными сиденьями стульев.

Надо было видеть Ю.В. в этот момент. Его большая фигура. неподвижно и прямо сидящая в кресле, глубокие голубые глаза, хорошо видные через очки, мне кажется, производили сильное впечатление на делегатов съезда. Бросив взгляд в зал, я заметил отдельные группы, прежде всего военных, которые практически не участвовали в вакханалии. Их хлопки были формальными, и они со смущением оглядывались вокруг, поглядывали на Ю.В. и на всех нас. Постепенно буря начала стихать. Все уселись на свои места. Докладчик выпил воды - было слышно даже, как она булькала, переливаясь из стакана в его горло, - и продолжил чтение.

Я был до глубины души потрясен неистовством, которое светилось в глазах сотен людей, собравшихся в зале. Подумать только: еще вчера, несколько недель назад, они демонстрировали и, я уверен, испытывали любовь или по крайней мере признательность к нашей стране, к нашему народу! Как могло все так быстро перевернуться? Неужели достаточно взмаха дирижерской палочки руководителя, чтобы то, что вчера было светлым, белым, сегодня стало грязным и черным? Откуда такая власть над человеческими душами? Неужто это просто страх за свое место, боязнь оказаться аутсайдером, выпасть из политической тележки? Не может быть. Здесь сидят люди, которые без страха шли под фашистские пули, вынесли тюрьмы и застенки. Люди, у которых дружеские чувства к нам неразрывно переплелись с представлением о независимости их родины, о ее будущем. Какой же магической силой обладает власть! Какие токи пронизывают людей, когда они собираются вместе и образуют толпу! Не трогайте нашего бога!

Да и с богами не все ясно. Ну, не понравились им те или иные наши решения. Ну, затрагивает это в какой-то мере сложившийся режим в их партии и стране. Но ведь они не могут не понимать, что изоляция от нашей страны и от других стран, соседствующих с ними, гибельна для Албании, что их борьба против подавляющего большинства коммунистических и рабочих партий бесполезна и даже смешна. Это не более чем поза. Разве можно жертвовать интересами своей страны ради по-

зы, какой бы красивой она ни казалась ее руководителям?

В холле во время перерыва прогуливались албанские руководители и иностранные гости. Неожиданно я услышал знакомый и уже такой близкий мне громкий и властный голос Ю.В. Глядя твердо в глаза Энверу Ходже, он чеканил:

- Товарищ Энвер Ходжа! - Слово "товарищ" он выговаривал особенно напористо и жестко, раскатывал "р". - От имени коммунистических партий социалистических стран я выражаю решительный протест против ваших самоуправных действий. Вы изгнали со съезда без всяких мотивов и оснований представителя Греческой коммунистической партии. Мы полностью отмечаем как вздорные и беспочвенные обвинения, которые вы высказали в его адрес и в адрес всей его партии. Мы требуем немедленно исправить дело и вернуть греческого представителя на съезд.

Гул в холле мгновенно затих, а Энвер Ходжа, бледный и возбужденный, стал выкрикивать:

- Мы отвергаем диктат! Мы никого не боимся! Это агент Караманлиса и других греческих монархо-фашистов. Мы не позволим никому командовать на нашем съезде!

Тогда Ю.В., выпрямившись во весь рост, сказал ему:

- Мы оставляем за собой право сделать все необходимые выводы из этого неслыханного в практике отношений между братскими партиями инцидента.

Съезд продолжался, а мы уже чувствовали себя как в осажденной крепости. Кто-то спросил: "А не попробуют ли они и нас завтра выдворить со съезда?" Кто-то пошутил: "Да нет! Скорее они подложат бомбу под посольство или спрячут ее в нашем самолете". Ю.В. решительно пресек эти разговорчики и потребовал от всех быть предельно внимательными и собранными. Ни одного лишнего слова или жеста, подающего повод для провокаций.

От той поездки у меня сохранилась фотография, на которой запечатлены Пospelов, Андропов и я. Ю.В. в длинном черном пальто и в черном костюме. Помнится, когда он появился в таком виде, я неловко пошутил: "О! Юрий Владимирович! В этом костюме вы - типичный пастор!" Потом страшно жалел о своей бестактности. Но выдержка Ю.В. была поразительная. Он не сказал ни слова, но посмотрел так, что я понял: моя шутка его сильно задела.

Не знаю, чем это объяснить, но за все годы работы он ни разу не сделал мне замечания. Его вежливый приветливый тон

представлял разительный контраст со стилем других руководителей. Впрочем, это кажется, было привилегией только консультантов. Ю.В. не имел возможности пройти весь обычный курс образования и фактически всегда учился, находясь на практической работе. Быть может, этим объяснялось его несколько преувеличенное мнение об эрудиции тех, кого он называл "аристократами духа". Он дорожил теми элементами знания и культуры, которые мы могли привнести в работу. Что касается референтов и других работников отраслевых секторов, то им нередко сильно доставалось от него. Он совершенно не терпел нераспорядительности, необязательности, безрукости и реагировал на все это очень жестко.

Летели мы назад из Тираны тем же самолетиком. Но для разрядки решили сделать остановку в Венгрии. Здесь я особенно почувствовал, что значила Венгрия для Ю.В. и что он значил для венгерских руководителей. Прошло всего несколько лет с той трагической поры 1956 года, когда Ю.В. сыграл столь исключительную для посла роль в конструктивном решении острейшей проблемы. (Об этом расскажу позднее, когда речь пойдет о специальной поездке делегации во главе с Ю.В. в эту страну). Я видел, с какой теплотой и искренностью встречали Ю.В. венгерские руководители, слышал, как он говорил им что-то по-венгерски и как радостно они откликались на родную речь в его устах.

Вечером советские представители собрались за столом, все расслабились после длительного напряжения в Албании. И тут руководитель делегации П.Н.Поспелов блеснул своим неожиданно мощным басом, выводя сложные рулады волжских песен. А Ю.В. - бывший матрос на Волге - вторил ему сильным, чистым и густым баритоном...

Полет из Будапешта длился долго. Делать было нечего. Петр Николаевич предложил партию в домино. Партнеров не хватало, и меня усадили четвертым, хотя я терпеть не мог этой игры и почти никогда не играл. Покорно сел за стол играть в домино по приглашению Поспелова. Но выдвинул условие: выигравший обязан выпить рюмку коньяка. Мы взяли с собой ящик этого напитка, который предназначался для приемов в Албании, а они не состоялись, и весь коньяк уцелел. Однако мое условие оказалось бумерангом. Мне, как новичку, неслышанно везло - выигрывал партию за партией. И хотя Ю.В. не одобрял выпивку, тут он вместе со всеми потешался, глядя на меня. В конце концов я так "наклюкался" (как принято сейчас

говорить, по самой старой схеме), что буквально вывалился на руки удивленных родственников после приземления в Москве.

3

Особенно запомнилась поездка в Югославию. Ю.В. вошел в состав делегации, возглавляемой Н.Хрущевым, а я находился "при", но на достаточно близкой дистанции. Настолько близкой, что останавливался обычно в тех же помещениях, где они, и кормился вместе с ними. Впрочем, помещениями их называть можно только в шутку. Это были королевские дворцы, которые, соответственно традиции, занимал Иосип Броз Тито.

Во время визита в Югославию в 1963 году делегация во главе с Хрущевым посетила одно из предприятий в Белграде. Гостей познакомили с особенностями югославской системы самоуправления. Нам подробно рассказали о работе администрации, о конкурсной системе замещения должностей, о деятельности рабочих советов, о сложностях и трениях, которые возникают в их взаимоотношениях с руководством предприятий, а еще чаще - об их неспособности в силу малой компетентности существенно повлиять на процесс производства.

Потом взял слово Хрущев. Его сенсационное заявление обошло все югославские газеты и попало в буржуазную печать, но, кажется, никогда не было опубликовано у нас. Он сказал: "Мне показался интересным опыт югославского самоуправления. Каждая страна выбирает свой путь в соответствии со своими традициями, со своей культурой. В рабочих советах нет ничего плохого, но в нашей стране мы идем другим путем, расширяя права профсоюзов и трудовых коллективов". Это заявление было встречено бурей аплодисментов, особенно присутствовавших здесь югославских руководителей.

Я взглянул на Ю.В., желая видеть его реакцию. Он продолжал что-то добросовестно записывать, опустив глаза в тетрадь. Так и не знаю, согласовал ли Первый с ним это заявление или сделал его экспромтом.

Красивейшее место Брионы, остров, превращенный целиком в резиденцию президента Тито. Стояли ясные солнечные летние дни. Вся делегация и мы, грешные, сопровождавшие их лица, купались в море каждый день, а потом, сидя на берегу вместе с югославскими руководителями, попивали кока-колу, швепсы, поставляемые уже тогда в Югославию из западных стран, или просто гоняли чай из самовара, специально припа-

сенного заботливыми хозяевами.

Оказался я за одним столиком с Эдвардом Карделем - членом руководства СКЮ, вдохновителем экономической реформы в Югославии, которого у нас тогда обвиняли в приверженности к либеральному австромарксизму. Я затеял с ним разговор о недавно вышедшей его книге "Социализм и война". Спросил, действительно ли он полагает, что возможны войны между странами социализма? И, получив утвердительный ответ, продолжал: "Между какими странами социализма вы считаете войну наиболее вероятной?" Он ответил мне, что, быть может, не война, но серьезное военное столкновение между Советским Союзом и Китаем. Он ссылаясь при этом на Энгельса, который предупреждал, что нужно учитывать влияние великодержавия и национализма. "В какой же перспективе возможна такая война?" Кардель сказал, что трудно точно указать срок, но в течение десяти лет мы станем ее свидетелями.

Все тогда были очень обеспокоены китайской проблемой, многие ждали обострения конфликта и даже поговаривали о возможности вооруженного столкновения, что выглядело тогда вполне реальным. Мне пришлось заниматься этой проблемой, писать статьи и даже книги о Китае. Тем не менее я никогда не придерживался столь пессимистического взгляда, как Кардель, и пытался высказать ему свои доводы.

Несколько лет спустя, когда Кардель посетил Москву, на приеме в югославском посольстве я напомнил ему о нашем разговоре на Брионах. Вспомнив с трудом об этом, он утверждал, что во всем прав. (Это был момент обострения советско-китайских отношений во время "культурной революции" в КНР). Но я продолжал доказывать ему, что войны не будет.

Прошла почти четверть века после того спора на Брионах, и, к счастью, по волновавшему всех вопросу о возможности войны правы оказались мы. Я говорю "мы", потому что тогда передал Ю.В. наш разговор с Карделем. Он долго молчал, думал, а потом сказал: "Кардель не прав. Не думаю, что может дойти дело до войны. Мы эту войну никогда не начнем. А Китай слишком слаб, чтобы решиться на авантюру, да и никаких серьезных мотивов для войны у него нет".

Андропов, которому впоследствии приписывали экстремизм в китайском вопросе, не верил в возможность серьезного столкновения с Китаем, хотя отвергал его политику подталкивания СССР к конфликту с Соединенными Штатами.

Но вернемся к поездке в Югославию. Итак, резиденция маршала Тито на Брионах - это сравнительно небольшое трехэтажное белое здание с плоской крышей, напоминающее греческие постройки. На небольшой террасе, выложенной мрамором, стояла статуя обнаженной женщины в эротической позе. Во время переговоров нашей делегации с югославами Тито как-то вышел на террасу, где мы находились. Подойдя к фигуре, Тито ласково хлопнул ее по мягкому месту, и статуя медленно и призывно завертелась. "Хорошая штучка?" - спросил он у нас. Потом он рассказал, что присмотрел Брионы в качестве будущей резиденции еще тогда, когда партизанил недалеко от этих мест. Мое лицо, по-видимому, выразило какое-то сильное чувство. Меня удивило - о чем думал верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией в период войны. Тито, по-видимому, не так истолковал мой взгляд и сказал: "Да, да, молодой человек. Я ни минуты не сомневался в нашей победе и в том, что именно мне доведется стать во главе страны".

Лежа ночью в пышной постели на антресоли небольшого домика (кажется, охотничьего, где располагались "сопровождающие лица"), я долго ворочался, переживая только что услышанную фразу. Что же, действительно существует predeterminedность?

На Брионах во время переговоров произошел забавный казус. Мы находились в зале первого этажа. Неожиданно по лестнице спустился обеспокоенный Ю.В. "Прокол, товарищи, сильный прокол! Кто у нас отвечает за печать, кроме тебя, Федор?" - спросил он у меня. Я назвал работника МИД и сообщил, что от наших друзей за это отвечает бывший посол в СССР. "Пригласи всех быстро сюда", - сказал Ю.В.

Когда мы собрались, он поинтересовался, отправлена ли информация о переговорах, а если отправлена, то как там указан состав участников с советской стороны. Югославский посол сказал, что информация уже отправлена и что состав указан в соответствии с теми, кто на деле принимал участие.

- Указали ли вы в числе участников сына Хрущева? - спросил Ю.В. Получив утвердительный ответ, он попросил исправить информацию. Но оказалось, что уже поздно - она передана по телеграфу и неизбежно попадет в югославские и другие зарубежные газеты. - Надо любой ценой задержать информацию на Советский Союз, чтобы изъять оттуда упоминание о сыне и о помощнике Хрущева, - приказал Ю.В. - Я получил на

этот счет самые твердые указания от Первого. Он дважды выходил с переговоров и повторял мне это.

Представитель МИД сказал, что уже передал информацию корреспонденту ТАСС и там были упомянуты не только члены делегаций, но и эти два человека, поскольку они сидели за столом переговоров.

- Это ошибка. Это грубейшая ошибка, непозволительная для работника МИД. Они же не входят в состав делегации! - воскликнул Ю.В. - Немедленно разыщите представителя ТАСС и исправьте ошибку!

И тут начались поиски корреспондента ТАСС. Остров Брионы очень небольшой, его можно объехать на велосипеде за полчаса. И хотя на поиски были отправлены работники разведок двух стран, прошло больше часа, пока тассовец предстал перед глазами начальства. Он был весь в соломе - его с трудом извлекли из стога, где он спал. Я до сих пор помню этого корреспондента: огромного роста, с красным с перепоя лицом, в расхристанной одежде он стоял, раскачиваясь, перед высоким начальством, не в состоянии взять в толк, что происходит.

- Вы отправили телеграмму о переговорах? - жестко спросил Ю.В.

- Отправил. Как положено. Сразу же отправил, как только получил от него, - тассовец указал на представителя МИД, отчего тот отшатнулся.

- А какой текст вы передали?

- Какой мне дали, тот и передал.

- Какой же состав участников советской стороны вы перечислили? - спросил Ю.В.

- Как - какой, какой есть. Весь состав делегации.

- А две последние фамилии?

- Две последние? Я их вымарал. Они же не входят в состав делегации.

Как тут отлегло у всех от сердца! Холодный и величественный протоколист из МИД, я видел, готов был расцеловать пьяную рожу корреспондента.

Ю.В. тоже облегченно вздохнул, улыбнулся и сказал:

- Ну ладно, идите досыпайте, и чтоб больше это не повторялось!

Корреспондент несколько струхнул, несмотря на свое подогретое состояние, но потом, когда я все рассказал ему, он успокоился и даже повеселел, восхищаясь своей интуицией.

Для Ю.В. не было мелочей. Любая работа, которую он делал, должна была быть безукоризненной, доведенной до конца и по возможности блестящей. Ю.В. не терпел полуфабрикатов, ненавидел небрежность и органически не выносил любое проявление безответственности. В этих случаях он мог быть безжалостным. Не смог - это понятно. Но не постарался - такое он не прощал никогда. И надо сказать, что все вокруг него действительно очень старались, не столько за страх, сколько за совесть. Как говорится, каков поп, таков и приход. За малым исключением Ю.В. подбирал вокруг себя такой "приход", который был способен отвечать высокому уровню его требований.

Еще один любопытный штрих бросился мне в глаза. Югославские руководители пригласили нас в ночной бар. В баре была музыка, и самые молодые из нас танцевали с юной красавицей, женой пожилого посла Югославии в Советском Союзе. Кто-то из югославов стал подтрунивать над послом. Тот ответил шуткой: "У нас в Черногории говорят, что лучше есть молодого цыпленка вдвоем, чем глодать старую курицу в одиночку". В следующем отделении предполагался стриптиз. Ю.В. тут же встал и, сославшись на дела, заявил, что уезжает. Югославы пытались уговорить его, но он был совершенно неумолим, однако разрешил остаться тем из нас, кто пожелает. Ну я остался и впервые в жизни посмотрел стриптиз, выполненный, кстати говоря, не югославкой, а австрийкой - полноватой, белотелой, большеглазой, в общем, очень красивой женщиной.

Для первого раза это было, конечно, очень пикантное угощение. Когда я встретился на следующее утро с Ю.В., попытался рассказать ему об этом. Однако он твердо перевел разговор на другую тему. Вообще он был пуританином, даже по строгим нормам, принятым тогда в партийной среде. Он практически не пил, никто не слышал, чтобы он когда-нибудь сделал комплимент женщине (по крайней мере, на работе). Фильмы с сексуальными сценами он не терпел, хотя, конечно, не навязывал никому своих вкусов. Все знали, что при нем надо держаться строже и ни в какие разговоры вольного характера пускаться не следует. Я сам наблюдал, как ему было нелегко иной раз в присутствии Первого, любившего опрокинуть рюмашку-другую коньяка. К тому же Первый обожал рассказывать двусмысленные анекдоты, любил их слушать от других и охотно прибегал к сочному непечатному слову. Я часто видел, как Ю.В. передергивало от подобного стиля, но -

опытный дипломат - он сдерживался и скрывал свои чувства.

Если албанская поездка показала, как опасно любое проявление нетерпимости и амбициозности в отношениях руководителей разных стран, то югославская, напротив, обнаружила, сколь многого можно добиться, проявляя необходимую широту подхода, понимание разнообразия исторических условий, несходства характеров и индивидуальных человеческих судеб. "Культура - это терпимость", - сказал кто-то. Это абсолютно точно, если, конечно, не жертвовать нравственными принципами, составляющими основу твоей личности и общества, к которому ты принадлежишь.

Глубокое впечатление оставила совместная поездка с Андроповым в Венгрию. Нас принял Янош Кадар. Интересно было наблюдать его встречу с Андроповым.

Дело в том, что Андропов в качестве советского посла в Венгрии сыграл особую роль в период трагических событий 1956 года. Мне об этом было известно, в частности, по рассказам людей, работавших вместе с ним в посольстве, а впоследствии оказавшихся со мной в отделе, который он возглавлял.

Андропов уже во время этих событий обнаружил себя человеком редкой проницательности и политической интуиции. Еще за несколько месяцев до военного столкновения на улицах Будапешта он информировал Хрущева и все советское руководство о возможности восстания. Андропов предлагал тогда содействовать естественной и плавной замене руководства Венгрии, которое запятнало себя вместе с Ракоши репрессиями против Райка, Кадара и других венгерских деятелей, а также крупными ошибками во внутренней политике. Андропов выражал сомнение в том, что преемник Ракоши Гере, а впоследствии Имре Надь способны справиться с ситуацией. Что касается Гере, то он явно тяготел к прежним авторитарным методам, а Надь, по мнению Андропова, потакал настроениям толпы и даже сторонникам возврата Венгрии к дореволюционному режиму, ее выхода из Варшавского Договора.

В ответ на это Хрущев направил в Венгрию А.И.Микояна и М.А.Суслова для того, чтобы на месте разобраться в ситуации. Однако венгерские руководители заявили им, что "советский посол нервничает", хотя оснований для этого нет - они-де в состоянии контролировать ситуацию и справиться с ней.

Это была первая крупная ошибка, допущенная не только

венгерским, но и советским руководством. Вторая ошибка была еще более драматичной. В самый разгар событий в Венгрии было принято решение о выводе войск из Будапешта - они сосредоточились в основном на аэровокзале и в окрестностях города. Тем самым город был отдан во власть улицы. Сейчас утверждают, что это было сделано в провокационных целях. Но, скорее всего, советское руководство откликнулось на предложение венгров, рассчитывая, что в такой обстановке те сами могут справиться с повстанцами. Насколько мне известно, Андропов возражал и против этого решения. Вполне возможно, если бы войска не были бы выведены из Будапешта, удалось бы избежать ужасного кровопролития, потому что именно после вывода советских войск демократические силы сумели захватить оружие, включая артиллерию, увлечь на свою сторону многих офицеров и солдат, сформировать организованные отряды для восстания.

Кстати говоря, во время венгерской поездки нас повезли на гору Геллерт, где расположены были дачи для приезжающих гостей. В одной из них происходило "отречение" Ракоши от власти. Работник ЦК ВСРП отвел нам маленькую комнатку, обставленную в стиле рококо. Он показал место, где стояло в момент этого акта небольшое кресло Ракоши, а Микоян сидел на диванчике с гнутой спинкой, обитом светлым цветастым материалом. "Вот здесь, - сказал мне со смехом сопровождавший меня венгерский друг, - Микоян и произнес свою историческую фразу с характерным для него акцентом. Звучала она так: "Пыши (через "ы"), пыши заявление по собственному желанию!" Не знаю, так ли это происходило на самом деле, но среди венгров, может быть, как анекдот сохранился именно этот рассказ.

Мне довелось присутствовать при встрече Андропова с Кадаром. То была не совсем обычная беседа двух руководителей. Чувствовалась одновременно какая-то глубокая взаимная личная симпатия и острая напряженность, даже неловкость - слишком многое связывало этих двух людей. И воспоминания о днях конфликта, когда толпа возбужденных людей осаждала посольство, где находился Андропов; и о том, что Кадар был освобожден из тюрьмы, чему содействовал Андропов; и о первых днях прихода Кадара к власти, когда, по словам венгров, Андропов повсюду, словно тень, следовал за ним, присутствуя почти на всех заседаниях венгерского руководства. И многое, многое другое. Тогда Андропов пережил и большую личную

драму: его жена заболела и долго не могла выздороветь.

Венгерская трагедия породила у Андропова страх перед любым диссидентским движением и превентивных мер, направленных на предотвращение будущего взрыва. У него не было сомнений в обоснованности наших прав на контроль за Венгрией и другими государствами Восточной Европы. Он считал это естественным результатом победы в мировой войне, освященной ялтинскими соглашениями, которые определили этот регион как зону советского влияния.

4

...Это было в конце декабря 1964 года. В девять часов вечера я все еще сидел в своем просторном кабинете, просматривая последние сообщения ТАСС и деловые бумаги. Попалась на глаза подготовленная мной для Политбюро записка "О планировании внешней политики СССР". Перечитывая текст, с горечью думал о том, как гибнут или превращаются в свою противоположность самые разумные идеи на повороте, который начался после падения Хрущева.

Вдруг зазвонил телефон.

- Вы не могли бы зайти ко мне? - раздался в трубке какой-то растерянный и хрипловатый голос Андропова.

Я зашел к нему, сел в кресле напротив и поразился необычно печальному и удрученному выражению его лица. Посидели несколько минут молча: он - опустил глаза, а я всматривался в его лицо и пытался понять, что происходит. И тут - по какому-то совершенно необъяснимому импульсивному движению души - я неожиданно сказал:

- Юрий Владимирович, мне хотелось поговорить с вами все последнее время об одной вещи. (Он удивленно вскинул на меня глаза). Чувствую все большую неуместность продолжения своей работы в отделе. Вы знаете, что я никогда не стремился, да, вероятно, и не мог бы стать работником аппарата. Люблю писать. Но главное, пожалуй, не это. Сейчас происходит крутой поворот во внутренней и внешней политике. Вначале казалось, что мы пойдем дальше по пути реформ, по пути двадцатого съезда. Теперь видно, что эта линия отвергнута. Наступает какая-то новая пора. А новая политика требует новых людей. Прошу отпустить меня. Давно мечтаю работать в газете политическим обозревателем, и сейчас считаю, для этого самый подходящий момент. Кроме того, вероятно, и вам

это в чем-то развяжет руки, поскольку на меня многие косятся, считая фанатичным антисталинистом.

Все это я выложил залпом. И тут увидел лицо Андропова. Нет слов, чтобы передать его выражение. Он смотрел на меня каким-то змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал. До сих пор мучаюсь загадкой - что означал этот взгляд? В тот момент мне казалось, что в нем выражалось потрясенное недовольство неожиданным заявлением. Ничего подобного, конечно, он не ожидал. Но впоследствии, когда я стал сопоставлять факты, пришло осознание, что здесь произошло одно из драматических совпадений. Не исключаю, что поздний вызов Андроповым именно меня, его подавленность, какая-то даже раздавленность означали, что у него произошло объяснение с Брежневым, который предложил ему то, что потом стало фактом: оставить пост секретаря ЦК и принять назначение председателем Комитета государственной безопасности. Сам этот переход произошел значительно позднее, но разговор мог состояться раньше. Не исключаю, что в ту минуту Андропову, человеку чрезвычайно подозрительному, показалось, что я каким-то путем дознался о его перемещении и поспешил сбежать с корабля. Быть может, это только домысел, но он имеет основания в том, как реагировал Андропов на мое предложение. Он не стал уговаривать остаться.

После разговора - короткого, как выстрел, - я вышел из кабинета в странном состоянии пережитого потрясения. Как будто добился своего, давно мечтал о работе политическим обозревателем, которая, как мне казалось, открывает пути для непосредственного обращения к общественному мнению. Я действительно любил газетное дело, эту уникальную возможность уже на следующий день после написания текста увидеть набранные типографским способом твои мысли, чувства, ощущения.

Но я не ожидал такого разговора с Андроповым. Почти пять лет непрерывной безотказной службы, большой человеческой близости - и такой финал. Этого не могло быть. Все должно произойти как-то иначе. Вот почему думается, что я попал тогда к нему в самую неподходящую и трудную для него минуту жизни. Он расценил мой шаг не как акт человека, который уходит в отставку, бросает политическую карьеру по принципиальным мотивам, а как личный вызов, брошенный ему. Нет, за этим что-то крылось, неведомое мне до сих пор.

Когда пытаюсь восстановить картину событий и мои

ощущения, которые привели к этому драматическому шагу - резкому уходу из аппарата ЦК, - неизменно возникает представление об урагане. Это был какой-то амок, описанный Стефаном Цвейгом, когда человек поступает как будто не по своей воле, а влекомый роком.

Скажу больше, хотя это, может быть, покажется странным и неправдоподобным читателям: после рокового объяснения с Андроповым, вернувшись домой, я не мог усидеть в квартире. Взял сына Сережу и в каком-то лихорадочном возбуждении стал почти впробежку двигаться с ним по Кутузовскому проспекту - мимо того самого дома, где жили Брежнев и Андропов, на стене висели потом мемориальные доски (вторая висит до сих пор).

Я не мог обсуждать свое решение с одиннадцатилетним мальчиком. Но он был мне необходим. Я должен был чувствовать его рядом, поскольку не находил себе места. И вот в момент этой пробежки появилось какое-то острое, необыкновенное, почти мистическое ощущение, как будто бы я подвергаюсь облучению, идущему от неба, от самой Вселенной. Как будто бы небо пыталось воздействовать на меня, быть может, уберечь от ложного шага. Как будто оно предостерегало меня от поступка, который сломает мою судьбу, предначертанную свыше. Не помню, сколько длилось это ощущение - пять или десять секунд, - но оно потрясло меня своей явственностью и силой.

Я вернулся домой расслабленный, разбитый, с огромным чувством совершенной ошибки и какой-то вины. Еще было не поздно все исправить. В конце концов, состоялся всего лишь разговор. Тем более что после этого Андропов - правда, не непосредственно, а через Толкунова - настоятельно просил меня не уходить из отдела. Но я, влекомый амоком, закусил удила и не думал ни о каких последствиях.

Когда я ложился спать, мне виделось то, что произойдет в будущем. Моя докторская диссертация, насыщенная антисталинскими идеями, еще не утверждена, продвигалась она с большим скрипом, и ВАК после моего ухода, который, конечно, будет истолкован как изгнание, десять раз подумает, прежде чем утвердить меня в звании доктора наук. Я предчувствовал и то, что лично Брежнев не простит мне этого шага, поскольку он уже познакомился со мной и, кажется, был вполне удовлетворен моим первым опытом подготовки его выступлений. Мне даже мерещилась картина моего изгнания из

"Правды", что потом действительно и произошло, и дальнейшие испытания.

Но политический амок был сильнее. Пепел Клааса, фанатичного духа моей матери, преодолевал все страхи и опасения. Через несколько дней меня пригласил Толкунов и имел со мной длительный разговор. Он предложил мне от имени Андропова пост заместителя заведующего отделом. Ссылаясь на свой личный пример: пройдя через тяжелые испытания войны, он неожиданно сразу после ее окончания демобилизовался и сломал свою карьеру. "То же самое, - говорил он мне, - делаешь ты". Я был непреклонен. Не знаю, что во мне говорило больше: драчливость деда, фанатизм матери или принципиальное нежелание участвовать в работе реакционного режима. Я прямо заявил Толкунову: ухожу в отставку, это нормально, когда человек не согласен с новым политическим курсом. Толкунов только пожимал плечами.

Но вернемся к объяснению с Андроповым. Этому предшествовало несколько событий, которые глубоко травмировали мое сознание. О главном я уже говорил - это обстоятельства отстранения Хрущева. И дело было не в самом его уходе, поскольку мы сами хорошо видели, как много опрометчивых решений он принимал в последнее время. Как я полагал, Хрущева следовало сохранить среди руководителей страны, но ограничить его власть - быть может, оставить ему один пост: либо Первого секретаря ЦК КПСС, либо Председателя Совета Министров СССР, или, на худой конец, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. При всех обстоятельствах он был на голову выше других членов тогдашнего руководства старшего поколения. Что касается более молодых деятелей, таких, как Шелепин, Демичев, Полянский, то в нашей среде их очень побаивались, поскольку все они были выходцами из ЦК комсомола - по тем временам худшей школы карьеризма. Но даже с полным освобождением Хрущева можно было смириться, если бы на смену пришли более достойные руководители.

Пожалуй, самое глубокое разочарование я испытал в связи с попыткой предложить программу деятельности нового руководства. Помнится, это было в январе 1965 года, когда Андропов готовился к совместной поездке с Брежневым и Косыгиным в Польшу. Тогда по согласованию с ним я подготовил на двух-трех страницах предложения по работе нового руководства в области внутренней и внешней политики.

Программа состояла из пяти пунктов: 1) экономическая реформа; 2) демократизация и реорганизация государственного управления; 3) разграничение деятельности партии и государства таким образом, чтобы партия сосредоточилась только на выработке программы и общей стратегии, а все управление и оперативное руководство было передано государственным и общественным организациям; 4) развитие хозяйственного самоуправления предприятий и регионов; 5) последовательное проведение курса на резкое сокращение вооружений, особенно ракетных и ядерных, прекращение военной конфронтации и сокращение военных бюджетов, использование оборонного сектора СССР в целях мирного производства.

Я напряженно ждал возвращения Андропова из Польши, чтобы узнать о результатах его разговора с Брежневым и Косыгиным. Однако он ничего не рассказывал. Я был вынужден сам обратиться к нему с вопросом, что обычно не принято. В практике отношений в аппарате существует правило, которое формулируется так: "Никогда не задавай вопросов начальству, когда заранее не уверен в ответе, который оно тебе даст". Я пренебрег этим правилом.

Андропов сказал, что его предложения не встретили поддержки ни у Брежнева, ни у Косыгина. Косыгин высказался за проведение экономической реформы, но настаивал совсем на другом повороте в области внешней политики. Он тогда сохранял иллюзии о возможности восстановления дружбы и союза с Китаем, а это могло, по его мнению, неизбежно привести к определенному ужесточению наших отношений с Западом. (Впоследствии, после поездки во Вьетнам, Косыгин посетил Китай, имел длительное объяснение с Мао Цзэдуном и, вернувшись, признал свою ошибку. Он понял, что Мао Цзэдун даже при самых больших уступках Советского Союза не согласится на восстановление нашего альянса, поскольку имеет совсем иные национальные цели). Что касается Брежнева, то он в обычной своей осторожной манере сказал, что надо подумать, что не следует спешить, и фактически не высказался в пользу ни одной из предложенных идей.

Важный эпизод произошел в связи с подготовкой выступлений А.Н.Косыгина во время его поездки во Вьетнам в конце 1964 года. Предполагалось, что по дороге он заедет в Китай, встретится с Мао Цзэдуном. Косыгин, как я уже отмечал, рассчитывал "в два часа" уладить все недоразумения с китайскими руководителями. Мы подготовили совместно с работниками

МИД речи Косыгина. Но вот нас пригласили для обсуждения этих речей к А.А.Громыко. Андрей Андреевич был вне себя. Он кричал:

- Что вы, не понимаете происходящих перемен? Что вы насовали в речь - мирное сосуществование с Западом, XX съезд, критику Сталина? Все надо переписать заново в духе новой политики - жестокой борьбы против американского империализма, который пытается задушить революцию во Вьетнаме. По-новому, тепло сказать о нашей неизменной дружбе с китайским народом.

Тут, признаться, я не выдержал, будучи заведенным всеми происходящими переменами. Не вставая с места и почти не разжимая зубов, я сказал: "Андрей Андреевич! Мы работает в аппарате ЦК КПСС и готовы выслушивать замечания только от нашего руководства, особенно по таким принципиальным вопросам политики".

У Громыко даже челюсть отвисла от моего нахальства. Он, вероятно, не слышал никогда ничего подобного от своих подчиненных. Да и вся группа собранных там работников буквально замерла. Но, к чести министра, надо отметить, что он сдержался и не ответил на мой выпад. Зато позвонил Андропову и там уже дал волю негодованию. Андропов передал мне этот разговор с легкой укоризной.

Что было на самом деле главной причиной моего ухода из аппарата ЦК? Сейчас, когда задумываюсь над этим, вижу целый комплекс, а не одну причину, скорее эмоции, чем рациональные побуждения. Протест против политического поворота вспять? Да, это довлекло очень сильно над моим сознанием. Я десятки раз повторял тогда - ухожу, ну их всех к чертовой матери. Желание вернуться к творчеству? Да, и это. Я всегда себя чувствовал больше ученым, литератором, чем политиком.

Но, если быть до конца откровенным с собой, было еще одно - ошибочная оценка Брежнева. Подобно многим другим, я был тогда абсолютно уверен, что это фигура промежуточная, что он не продержится больше двух-трех лет. Я видел, что за его спиной стоят более опасные силы - неосталинисты, но верил также в неизбежность возвращения реформаторов, ибо другого пути развития страны не было. Я полагал - вероятно, наивно, - что через печать (ушел в "Правду"), да еще при таком либеральном главном редакторе, как А.М.Румянцев, который к тому же был назначен на это место через Андропова по моей рекомендации, я смогу лучше бороться против сползания к

сталинизму и за продолжение политики XX съезда. Этим объясняется то упорство, с которым я выступал в "Правде" против тоталитарных режимов, за пересмотр Программы партии и отказ от утопической идеи "коммунистического строительства", за приобщение к современной технологической цивилизации.

Но я глубоко ошибся. Центристская, вялая и ленивая политика Брежнева оказалась удивительно адекватной ожиданиям аппарата и достаточно широких слоев населения. Моя ошибка тем более непростительна, что мне присуща довольно развитая политическая интуиция. Я предчувствовал падение Хрущева, а незадолго до смерти Мао Цзэдуна предсказал в печати падение Цзян Цин и возвращение Дэн Сяопина. Вероятно, большое действительно видно на расстоянии. Я слишком сильно был вовлечен в политическую кухню, чтобы оценить по достоинству всех поваров. Инфантилизм - это самая типичная и самая опасная болезнь советников. И еще какой-то сайентизм: мы склонны верить в логику политического процесса, а он насыщен столькими групповыми влияниями, что на выходе может оказаться совершенно алогичный результат. Кроме того, нельзя исключить, что история или провидение имеют какие-то свои, неведомые нам и недоступные человеческому уму цели, по-своему расставляя фигуры на шахматной доске.

После моего ухода произошло событие, о котором стоит упомянуть. Шло заседание Политбюро. Шелепин резко выступил против меня. Обвинения содержали два пункта. Первое, Бурлацкий выдал "секрет своего статуса в ЦК КПСС американской разведке, опубликовав в журнале "Совет лайф", рассчитанном на США и другие страны Запада, статью, в которой открыл место своей работы в ЦК". При этом Шелепин сжимал в руках и даже тряс перед глазами членов руководства номером журнала "Совет лайф", якобы с моей статьей. На самом деле там была опубликована статья Шахназарова с его портретом - прекрасной, почти лишенной растительности головой, - и указана его должность. Перепутать было невозможно.

Второе обвинение оказалось не лучше первого. Шелепин сообщил, будто бы Бурлацкий "расстреливает" в "Правде" идеи доклада Брежнева. Это был удар, что называется, ниже пояса. Ничто не вызывало большего раздражения у наших заказчиков, прежде всего у Брежнева, чем намек на то, что кто-то пытается опередить своим выступлением в печати его вы-

ступление и тем самым принизить последнее. Леонид Ильич особенно болезненно относился к подобным вещам. Неудивительно, что я был тут же отстранен от подготовки доклада к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Больше всего меня поразило, пожалуй, не само решение, а то, что происходило во время обсуждения очевидных наветов Шелепина. После его выступления Брежнев задал вопрос: "А где сейчас работает Бурлацкий?" Дело в том, что как раз в это время - и это, быть может, запечатлелось в его сознании - он подписал приказ о моем переходе по собственному желанию в газету "Правда" политическим обозревателем. Шелепин бросил (видимо, не зная о состоявшемся решении): "Вот, в отделе у Андропова". И тут последовала реакция, не понятная для меня до сегодняшнего дня. Андропов сказал: "Он больше не работает в отделе". И все. Ни одного слова в мою защиту. Он наверняка знал всю лживость выдвинутых обвинений, тем более что вышеназванная статья Шахназарова согласовывалась с ним. Он прекрасно знал и о том, что я не успел еще опубликовать ни одной статьи в "Правде", но не сказал по этому поводу ничего.

Пять лет я работал с ним рука об руку. Своим назначением на должность секретаря ЦК он в огромной степени был обязан тому, что сумел взять на себя с нашей помощью подготовку важнейших выступлений Хрущева. Положим, с его точки зрения неэтично уходить из отдела вопреки его воле. Но как можно было просто так списать человека, который не причинил тебе никакого зла, а только перестал служить, и то не лично тебе, а тому делу, в которое больше не верил? Репликой он демонстративно лишил меня своего покровительства и полностью отдавал на растерзание "комсомольской банде".

5

Мой набросок портрета Андропова как политического деятеля пока основывался исключительно на событиях в период совместной работы с ним в аппарате ЦК партии. Это было время хрущевской оттепели, когда люди, подобные Андропову, были повернуты к нам лучшей своей стороной: эпоха не только позволяла, но и стимулировала это. Кроме того, я стремился передать свои чувства той поры и с повышенным уважением относился к более опытным работникам в аппаратном деле. Конечно, особые чувства я испытывал к Андро-

пову как к самому яркому деятелю, находившемуся в поле моего зрения. Это было, пожалуй, восхищение человека, полагавшего себя не более чем политическим советником, перед человеком, который уже тогда выглядел как один из лидеров страны.

Главное, что меня привлекало в нем, - это способность принимать решения: быстрые, оперативные, точные.

Но сейчас есть возможность посмотреть по-новому на этого лидера, принимая во внимание всю его последующую деятельность. Конечно, она должна стать объектом тщательного изучения. Однако у нас пока нет никакого доступа к тому периоду - а это более пятнадцати лет, - когда Андропов возглавлял Комитет государственной безопасности Совета Министров СССР. Мы очень мало знакомы с тем, какую роль он сыграл в событиях 1968 года в Чехословакии, в решении о вводе войск в Афганистан и осуществлении там военных и разведывательных акций. Мы почти ничего не знаем о его отношении к диссидентам, ссылке А.Д.Сахарова, гонениям на А.И.Солженицына и т.д. Но со всеми этими оговорками я позволю себе попытку дать общую характеристику человека, которому судьба, хотя и на короткий период, предоставила возможность стать пятым руководителем Советской страны.

Андропов принадлежал как к хрущевскому, так и, можно сказать, брежневскому поколению советских руководителей. Замечу, что у меня было с ним после ухода из руководимого им отдела всего несколько личных встреч и беглых разговоров. Больше всего запомнились две встречи. Первая - случайная - в здании ЦК партии в связи с подготовкой какого-то материала к выступлению А.Н.Косыгина на XXV съезде КПСС. Находился тогда Андропов не в лучшей физической форме, был возбужден, говорил быстро, нервно, что никогда ему не было присуще в былые времена. Большое впечатление произвела фраза, которую он произнес совершенно неожиданно:

- А ты знаешь, что я переживаю каждый раз, когда Леонид Ильич проезжает по улицам Москвы?!

Я не удержался и вскинул на него удивленные и даже ошарашенные глаза. Он погрозил мне пальцем и сказал:

- Вот, ты такой, ты никогда не понимал этого чувства ответственности за любое дело, которое тебе поручено.

Признаться, у меня долго потом в ушах звучала эта фраза насчет Брежнева. Я не мог представить, что Андропова действительно всерьез волновала проблема охраны немощного.

старого руководителя. До сих пор не понимаю, чем было продиктовано высказывание Андропова и почему он адресовал его мне. Видимо, это было показателем какой-то эволюции Юрия Владимировича. Неужели он по-настоящему вжился в роль человека, которому надлежит оберегать первое лицо в государстве? Или для него стало привычным демонстрировать таким образом свою преданность Брежневу? Так или иначе, это был другой Андропов, хотя и в молодости он отличался большим пиететом к руководству. Не раз замечал в нем эту черту. Несмотря на то, что он терпеливо сносил вольные шутки консультантов по разным поводам, когда дело доходило до замечаний в адрес Хрущева или других руководителей того времени, он довольно резко опускал заслонку, и все мы понимали, что есть барьер, его не перейдешь. Но чтобы в беседе с глазу на глаз, почти без всякого повода, выплеснуть внутреннее беспокойство по поводу Генерального - этого я понять не мог...

Другая встреча была связана с подготовкой статьи для журнала "Коммунист". Юрий Владимирович - тогда уже Генеральный секретарь ЦК КПСС - задумал подготовить свое первое, в какой-то степени программное выступление. Я был одним из тех, кого привлекли к подготовке материала для статьи. Ее основной пафос состоял в необходимости преодолеть отставание в технологии и в уровне жизни народа, навести порядок и укрепить дисциплину в экономике, бороться с коррупцией и безответственностью.

В первоначальном варианте статья содержала ряд нетривиальных мыслей, связанных с развитием кооперативного движения в городе и в деревне, внедрением демократических форм руководства государственным предприятием, - одним словом, тяготела к известным идеям периода нэпа. Однако статья попала в руки идеологов из журнала "Коммунист", которые придали ей иной характер. Государственная власть, государственный контроль и дисциплина заняли в ней основное место, хотя кое-где сохранились и островки более широкого диалектического взгляда на процессы экономического и социального развития страны.

С какой программой пришел Андропов в качестве лидера партии и государства? И была ли у него какая-то своя, новая программа? Трудно дать ясный ответ на этот вопрос, поскольку из-за тяжелой болезни сам он не успел по-настоящему определить свои цели, замыслы и установки. Больше всего его вол-

новала проблема очищения авгиевых конюшен жизни общества: "теневая экономика", взяточничество и бюрократизм госаппарата, повсеместное нарушение порядка и дисциплины. Но все это не могло заменить программы преобразований. Идеи глубоких структурных реформ уже тогда носились в воздухе, тем более что Андропов хорошо был знаком с реформаторством в период хрущевской оттепели. Но вряд ли сам он был готов к крутому повороту, к новому мышлению.

Что же было особенно характерно для этого деятеля, если принять во внимание отрывочные сведения, которые мы имеем относительно его позиции в критические периоды 60-80-х годов?

Самой сильной чертой Андропова, на мой взгляд, была деловитость, умноженная на острое видение политической стороны любой проблемы. Деловитость - довольно редкое качество русских государственных деятелей. Россия, которая не прошла сколько-нибудь значимой школы капиталистического развития, больше взращивала деятелей двух типов: идеологов и военных. Идеологи отличались пристрастием к бесконечным словоизвержениям; пропаганда у них нередко заменяла политику. Большинство членов ленинского Политбюро отличалось в первую очередь именно этим качеством. Не случайно Ленин так высоко ставил организаторский талант, когда он его обнаруживал, например, у Свердлова или Сталина. Хрущев, как уже отмечалось, отличался невероятной склонностью к идеологическим словопрениям.

Эта черта начисто отсутствовала у Андропова. Он умел при случае произнести четкую, яркую речь, но делал это крайне редко. Он больше всего дорожил практическими решениями и тщательно контролировал, чтобы все делалось так, как было задумано и предписано. Он умело отбирал исполнителей и многократно проверял их на реальных делах. Организаторский талант, вероятно, составлял главную замечательную особенность этого лидера нашей страны.

Что касается способности глубоко проникать в политическую суть любой проблемы, то это было второе свойство его натуры. Он, собственно, иначе и не мыслил, кроме как политическими категориями. Любой вопрос - шла ли речь о колхозе, предприятии, парторганизации, о том или ином событии в странах Восточной Европы или на Западе - в его устах приобретал политическую окраску и характеристику. Это значит, что он рассматривал вопрос с точки зрения государственной

политики страны, тех последствий, которые может иметь то или иное событие или решение для ее интересов.

Но, окидывая взглядом в целом деятельность Андропова в брежневский период, я невольно вспоминаю о тех слабостях, которые замечал еще во времена Хрущева. Он принадлежал к генерации советских руководителей военного времени. Вероятно, этим определялось самое основное в его мироощущении и особенно в его отношении к странам Восточной Европы, Китаю и Западу, к развивающимся странам. Точнее всего чувства этого поколения можно, пожалуй, определить так: мы выиграли самую кровавую войну, принесли огромные жертвы на алтарь Победы, поэтому мы обязаны сохранить и приумножить то, что было завоевано тогда. В первую очередь это касалось Восточной Европы. Насколько я понимаю, подобно Хрущеву, а можно сказать и Сталину, Андропов рассматривал эти страны с точки зрения итогов второй мировой войны. Главное, что мы завоевали такой ценой, - это социалистический лагерь, страны социалистической ориентации. Это наши союзники, наша опора. Это то, что определяет наше место и место социализма вообще в современном мире.

Данный подход уходил корнями в ленинскую трактовку мировой революции. Ленин рассматривал Октябрь как первый выстрел пролетариата по бастионам капитализма. И долгое время после Октября он верил, что вот-вот грянет революция в других странах. Только в начале 20-х годов Ленин стал по-новому оценивать ситуацию, и как раз тогда он определил переход от "военного коммунизма" к нэпу внутри страны и политику мирного сосуществования вовне. В сталинской идеологии идеи мировой революции, откусывания кусок за куском стран и народов от капиталистического лагеря смешались с традиционным русским имперским мышлением. Сталин не делал различий между государственными интересами Советской России и интересами мирового социализма. Хрущев, отбросив многие сталинские методы в отношениях с социалистическими странами и с Западом, тем не менее сохранил верность основному идеологическому принципу: социалистический лагерь - это наш мир; капиталистический лагерь - это не наш, который когда-то тем не менее станет "нашим".

Андропов, конечно, обладал более разносторонним взглядом на процесс мирового развития, чем Хрущев. Тем не менее, в сущности, он разделял его позицию. Именно это отразилось в подходе Андропова к венгерским событиям в 1956 году, к

событиям в Чехословакии в 1968 году и особенно в вопросе о вводе войск в Афганистан. Идеология противостояния двух лагерей, классовая борьба за влияние на мир между СССР и США, недопустимость "откатывания назад" с завоеванных позиций в тех или иных регионах мира, возможность использования самых разнообразных методов, вплоть до военных, в целях защиты революции и наших государственных интересов (обычно это переплеталось между собой) - таковы были ориентиры политического мышления Андропова. Он только приблизился к порогу общечеловеческого взгляда на современный мир, но так и остался в границах, обозначенных еще в начале Октябрьской революции.

Подобное мышление легко назвать "имперским" при условии, если такая характеристика будет применена и к странам Запада и, прежде всего, к США. Это было довольно типичное проявление духа "холодной войны", который так до конца и не был изжит ни в хрущевскую, ни в брежневскую пору, несмотря на Кэмп-Дэвид, потепление после карибского кризиса и итоги Хельсинского совещания 1975 года. Запад и Восток все еще находились по разные стороны баррикад, и лидеры - там и здесь - все еще жили в плену подобных представлений.

Когда я вспоминаю о совместных поездках с Андроповым в Югославию и Венгрию, то меня охватывают противоречивые чувства. С одной стороны, я наблюдал огромный интерес Андропова к реформам в Югославии и в особенности в Венгрии. Помню, как тщательно он записывал все, что нам рассказывали во время венгерской поездки о преобразованиях в экономике, в органах планирования, на предприятиях, о более свободном формировании цен, о подлинных кооперативах в венгерской деревне, о демократических методах партийной работы и т.д. У меня было ощущение, что он считает этот опыт чрезвычайно важным и полезным для нас. И, когда Андропов пришел к руководству страной, я полагал, что он будет осуществлять реформы, сходные с венгерским опытом.

Но, с другой стороны, при всех обстоятельствах главным для него оставалась верность восточноевропейских стран их обязательствам в рамках Варшавского Договора. Этот критерий превалировал в подходе Андропова к вопросу об отношениях со странами социализма. На первое место во всех случаях ставились их союзнические обязательства, а внутренние преобразования рассматривались в зависимости от этого, в какой-то степени как производное от этих обязательств.

Особенно трудно укладываются в мои представления об Андропове общеизвестные сейчас факты его непосредственного участия в принятии решения о вводе войск в Афганистан. Одинаково странными выглядят два обстоятельства: и принципиально ошибочный подход к самой возможности использования советских войск за рубежом, и совершенно нереалистическая оценка ситуации в Афганистане. Могу представить, что Андропову было трудно оспаривать позицию Брежнева, который к тому же, вероятно, получил поддержку А.Громыко и Д.Устинова в отношении ввода войск в Афганистан. Но как мог Андропов с его огромным политическим опытом, в том числе печальным опытом участия в событиях в Венгрии в 1956 году, с его широкой информированностью о сложнейших проблемах национальных революций в развивающихся странах - как мог он так ошибочно оценить обстановку в самом Афганистане? Приходится предположить, что это было одним из показателей глубокой эволюции взглядов и психологии незаурядного деятеля в условиях длительного господства брежневского режима.

Андропов не поддавался разлагающему влиянию коррупции, которая охватывала едва ли не все этажи политического здания в эпоху Брежнева. Напротив, - и об этом стало известно после его прихода к руководству страной - он накапливал информацию и досье обо всех злоупотреблениях партийного и государственного аппарата. Он не гонялся за личными наградами, хотя и вопреки своим настроениям в более зрелые годы получил звания Героя Социалистического Труда и генерала армии. Однако находясь в плену идей "превентивных", "предупредительных" действий для предотвращения социальных, политических и национальных конфликтов, он, несомненно, участвовал в осуществлении политических репрессий против инакомыслящих, высылке из страны многих выдающихся деятелей нашей культуры. Правда, даже в конце своей режиссерской деятельности в театре на Таганке Ю.П.Любимов апеллировал к Андропову как к последней инстанции, способной объективно и доброжелательно отнестись к его работам. Об этом мне рассказывал сам Юрий Петрович. Не знаю, впрочем, всегда ли это давало желаемый результат. Скорее всего - нет.

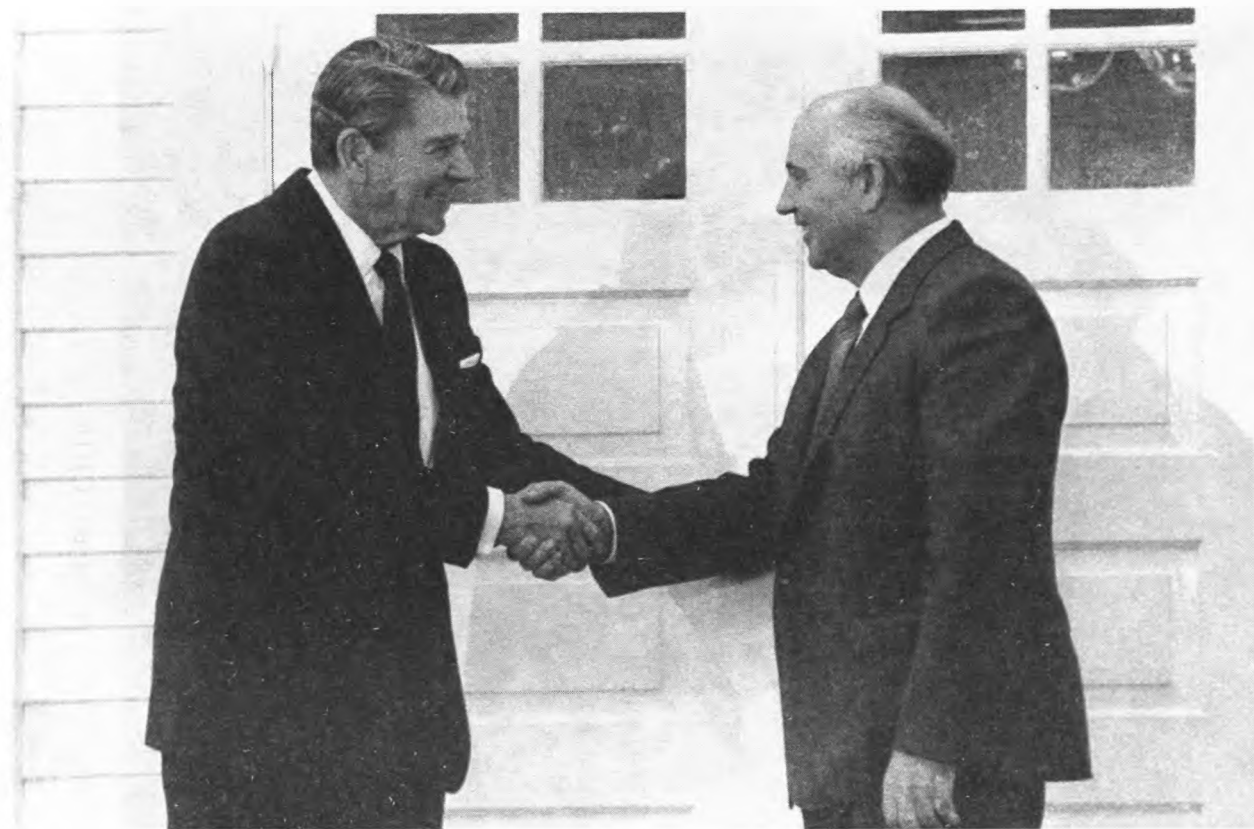
Но что касается внешней политики, особенно отношений с восточноевропейскими и развивающимися странами, то здесь Андропов эволюционировал в худшую сторону. Это можно

М.Горбачев с соратниками. Москва. 26 марта 1985 г.

М.Горбачев и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер в Кремле. 1987 г.

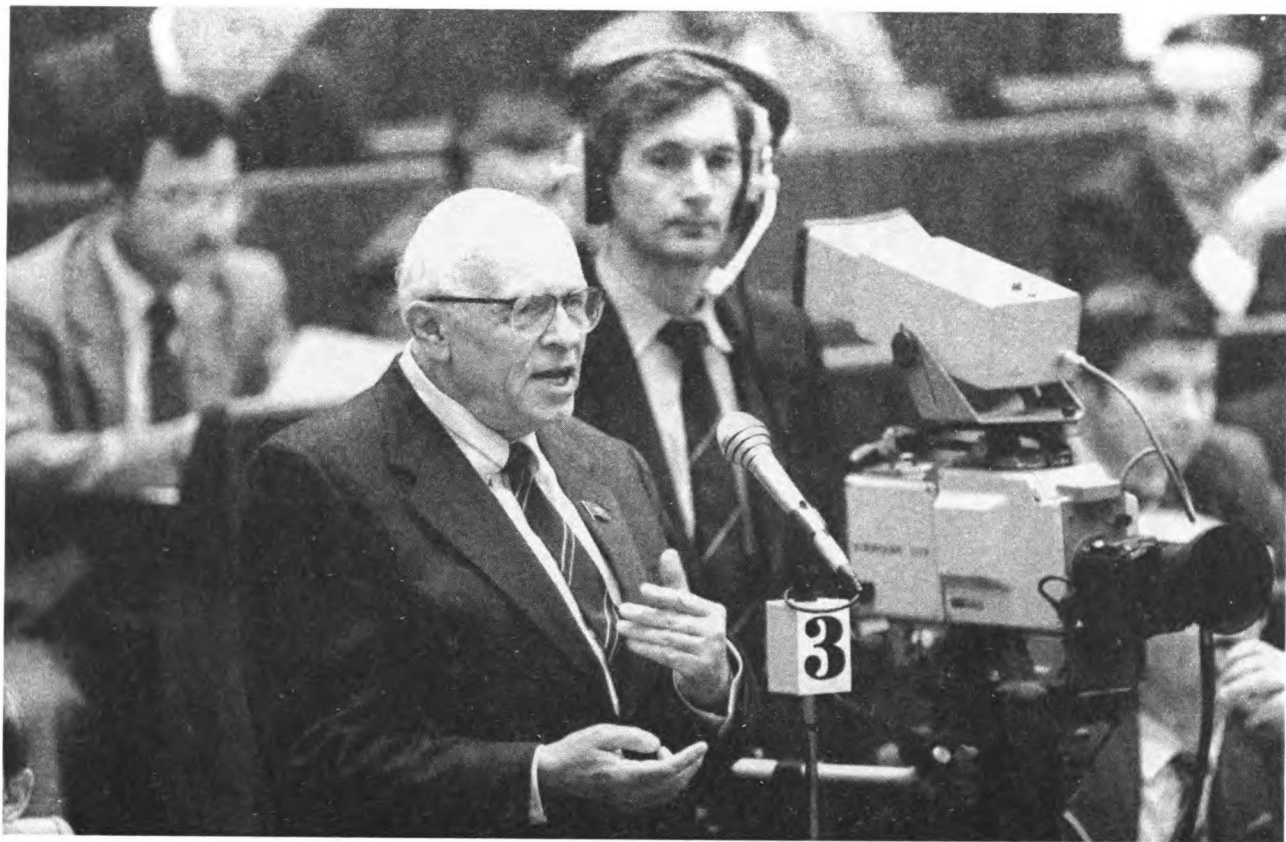
М.Горбачев и президент США Р.Рейган. Женева. 1987 г.

М.Горбачев и президент США Дж. Картер
в Кремле. 1987 г.

М.Горбачев и Р.Рейган. Москва. 1988 г.

Андрей Дмитриевич Сахаров на заседании Верховного Совета СССР.
Москва. 1989 г.

Ф.Бурлацкий, Е.Велихов, М.Бочаров, Расул Гамзатов на заседании
Верховного Совета СССР. Кремль. 1990 г.

Ф.Бурлацкий и члены Хельсинкской комиссии Конгресса США С.Хойер и Д.Диконсини.
Вашингтон. 1990 г.

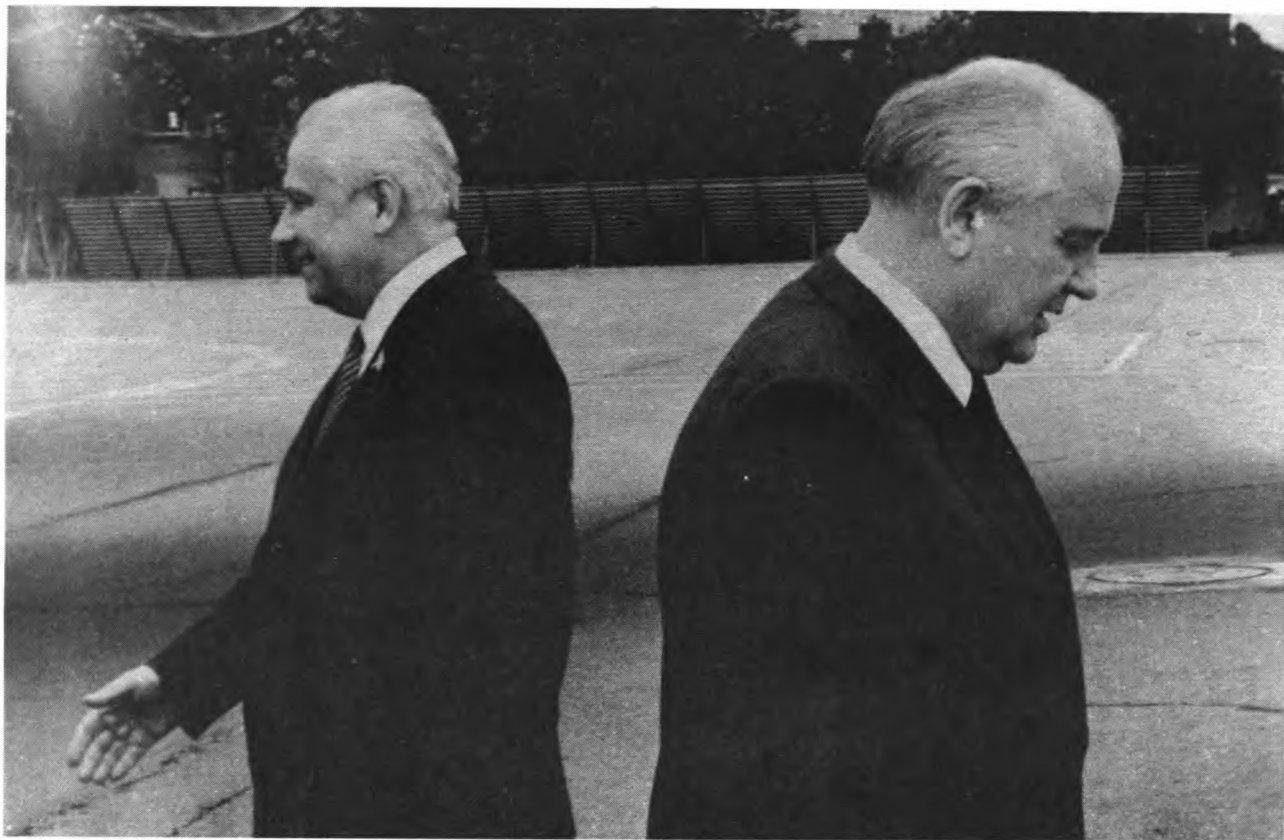
Ф.Бурлацкий во главе делегации ВС СССР в Конгрессе США с вице-президентом Д. Куэйлом. Вашингтон. 1990 г.

Б.Ельцин и Ф.Бурлацкий. На IV Съезде народных депутатов СССР. Кремль. 1990 г.

М.Горбачев и Г.Янаев на заседании Верховного Совета СССР. Март 1991 г.

М.Горбачев и А.Лукиянов за месец до путча. Москва. 1991 г.

М.Горбачев, Б.Ельцин и Р.Хасбулатов. Москва. 23 августа 1991 г.

М.Горбачев, Л.Кравчук и И.Силаев. Новоогаревский процесс. 1991 г.

М.Горбачев. На Мавзолее В.И. Ленина. 1991 г.

Раиса Максимовна Горбачева. 1993 г.

понять только, если вспомнить о югославском и венгерском "синдроме" Андропова.

Стал бы Андропов, если бы ему довелось прожить дольше, реформатором и провозвестником нового мышления? Трудно ответить на этот вопрос. Но одно очевидно: всей своей биографией, складом ума, системой ценностей он мало был подготовлен для этой роли...

Огромная вина на Андропове лежит в связи с преследованием диссидентов и прежде всего А.Д.Сахарова.

Андропов считал, что нужны превентивные меры, чтобы предотвратить разрушение всего здания российской государственности. Он был решительно против возврата к сталинским репрессиям и настаивал на новом подходе: "очищать" систему, стимулируя выезд диссидентов за рубеж. Это была жестокая политика защиты устоев государственного социализма.

Если попытаться дать краткое определение позиций Андропова, то более всего подходит понятие, родившееся в новое время. Державник. Величие и могущество Советского Союза - вот что было основой его убеждений и политики, и те, кто хочет понять нынешних сторонников державных идей, должны вернуться к изучению характера, стиля, идеологии Андропова.

Глава седьмая

ПРОВИНЦИАЛЫ

1

Константин Черненко - преемник Андропова - пробыл у власти меньше года. За несколько дней до кончины его показали по телевидению. Старый умирающий человек, одетый в обвисший на нем стандартный серый костюм, с трудом поднялся со стула и произнес два слова: "Все хорошо". И отошел в иной мир.

Как всегда было тут же созвано заседание Политбюро. Егор Лигачев утверждал позднее, что избрание Горбачева - дело его рук. Но, скорее, это дело рук самого Горбачева. Он использовал и Лигачева, и такого матерого волка, который сумел продержаться на плаву со времен Сталина, как Андрей Громыко. Именно он и докладывал потом, на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, почему предпочтение было отдано Горбачеву. Громыко назвал Горбачева человеком талантливым, быстро схватывающим ситуацию и точно формулирующим решения. О реформаторских идеях или качествах нового Генсека не говорилось ни слова.

Сейчас мне трудно даже вообразить, с каким энтузиазмом я воспринял приход Горбачева. Конец междуцарствия. Конец консерватизма. Начало великого поворота. Хотя, не скрою, смущал в новом руководителе налет провинциализма - плохо выговаривал многие русские слова, не давалась ему буква "г", упрощал проблемы. Но обаяние и живость ума перекрывали недостатки.

Первая моя встреча с Горбачевым произошла, так сказать, заочно. И все-таки я называю ее встречей, поскольку получил сильное впечатление о человеке, о котором до этого не знал почти ничего. Он только еще был избран секретарем ЦК

КПСС, только еще приехал из далекой сельской провинции - из Ставрополя - и не успел обрести никакой репутации в Москве.

Но вот его назначили руководителем делегации в Италию по случаю похорон Генерального секретаря компартии этой страны Энрико Берлингуэра - он умер 12 июня 1983 года. В речи у гроба покойного Горбачев произнес необычайные слова: "Дорогой Энрико, мы никогда не забудем твоих советов о необходимости демократизации нашей страны".

Эту фразу мне пересказал один из сопровождавших его помощников. Она не попала в нашу печать, но была опубликована в итальянской прессе. Мне это глубоко запало в душу. И когда Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, для меня не было неожиданностью, что он прежде всего начал с программы демократизации. Он был глубоко убежден, что политическая свобода раскрепостит людей и обеспечит активность общества, а затем - и современный уровень производства и жизни каждого человека. Правда, что он тогда понимал под развитием демократии, неясно. Во всяком случае не многопартийность и даже не легализацию оппозиции внутри КПСС. Скорее всего что-то близкое к представлениям Хрущева.

Если коротко ответить на вопрос - почему Горбачев начал перестройку? - то я бы сказал так: либеральные иллюзии. Конечно, как всякое краткое определение, это грешит неполнотой; были и другие причины, более фундаментальные. Но, что бы ни говорили, Горбачев мог еще десяток лет сидеть, подобно Брежневу, в качестве неограниченного вождя супердержавы, терпеливо снося ее дряхление и упадок.

Но почему "иллюзии"? Потому, что Горбачев и в мыслях не мог представить распада могучей империи, которая простиралась от центра Европы до Индии и Китая, одной ногой стояла на Эльбе, другой - в дельте реки Меконг, и позорную потерю собственной власти. Он вряд ли знал Токвилля, его знаменитого утверждения: человек, который начинает реформы, должен предвидеть возможность наступления революции. В сущности, Горбачева, с его либеральными иллюзиями, породило не время Брежнева, когда он сделал карьеру, а правление Хрущева - время его молодости. Мы часто платим за свои детские увлечения...

Не буду пересказывать биографию Горбачева, она многократно описывалась. Не буду обращаться к воспоминаниям

Зденека Млинаржа, который заметил либеральные порывы Горбачева еще в годы студенчества в Московском университете; не буду проследивать извилистые пути, которыми Горбачев во времена позднего, больного и почти слабоумного Брежнева пробирался на политический Олимп. Тогда мы не найдем еще ни одной яркой черты или незаурядной мысли в его высказываниях. Обычный партийный босс, только, почему-то, очень молодой среди замшелых стариков в составе ареопага - Политбюро.

Но вот умирает его прямой предшественник - Константин Черненко. Начинаются сложные византийские игры Горбачева в Политбюро. Перед ним стояла труднейшая задача. Надо было полностью заменить состав Политбюро, который включал 18 человек, привыкших считать себя вождями страны. У предшественников Горбачева уходило не меньше пяти лет, чтобы сделать Политбюро своим, ручным. Сталин этого добился за период с 1924 по 1930 год, Хрущев - с 1953 по 1957 год, Брежнев - с 1964 по 1972 год.

Горбачев таким временем не располагал. Он жаждал перемен в политике, и страна ждала перемен. Его ближайшие соратники в Политбюро явились главным препятствием на этом пути.

Ощутимого перевеса сил в Политбюро ему удалось добиться на апрельском Пленуме (23 апреля 1985 года). На его заседании Горбачев вынул из кармана блокнотик и предложил: ввести в Политбюро - Лигачева, Рыжкова, Чебрикова; в кандидаты - маршала Соколова; секретарем по сельскому хозяйству - Никонова. После голосования он всех поздравил и пригласил новых членов Политбюро в президиум. Лигачева посадил рядом с собой на председательское место, и тот повел заседание. Теперь у него в Политбюро было превосходство восьми верных друзей против пятерки непримиримых: Тихонова, Кунаева, Щербицкого, Романова, Гришина [47].

Уже в первый год власти Горбачева потеряли место в Политбюро прямые его конкуренты - Гришин и Романов. Избавление от престарелого Громыко, который не угадал в нем своего могильщика, заняло больше двух лет. Впоследствии, когда Горбачев разочаровался в своей первой команде, на устранение Лигачева ушло четыре года, а на Рыжкова - пять лет.

Это был мучительный процесс. Война каждого против всех и всех против каждого. Сходились и распадались группы

в составе Политбюро. Вспыхивали и гасли карьеры. Например, в начале перестройки пришлось платить Громыко за поддержку на выборах генерального секретаря, предоставив ему пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР - формального руководителя государства. И только впоследствии он был направлен на пенсию. Горбачев постоянно лавировал, пытаясь занимать центристскую позицию и не утратить поддержку большинства.

Первым, кого сумел привлечь Горбачев в свою команду, был Егор Лигачев. Этот человек стал секретарем ЦК еще при Брежневле, а при Андропове возвысился до кандидата в члены Политбюро. Собственно, именно Андропов содействовал сближению двух более молодых руководителей - Горбачева и Лигачева. Оба они - его выдвиженцы. Поразительная проницательность Андропова: он сумел из без малого 100 провинциальных областных секретарей найти Горбачева, правда... вместе с Лигачевым, что было в его духе - соединять прогрессивную и консервативную политику. На любой случай.

Трудно было найти менее подходящую пару. Получивший хорошее университетское образование, склонный к реформаторским идеям еще со студенческой скамьи Горбачев и типичный продукт партийных школ, консервативный, хотя и энергичный и прямой Лигачев. Их сблизило противостояние старшей генерации руководителей в возрасте за 70 или около того лет, стремление к переменам, которые они понимали, однако, по-разному.

Я знал Лигачева еще с 1960 года. Жили мы в одном доме на Кутузовском проспекте. И случилось так, что ездили мы на работу какое-то время вместе, на одной машине.

У меня остались смутные воспоминания о Лигачеве того периода. Только какое-то общее ощущение большой энергии, приправленной категоричностью и резкостью суждений. Двухмерный человек. Белое и черное. Коммунисты и капиталисты. Труженники и разболтанные интеллигенты.

Он работал в отделе партийных органов - этой кузнице будущих региональных вождей. Я же - в международном отделе, который всегда был на подозрении у настоящих аппаратчиков. Мы знали иностранные языки - подозрительно. Мы бывали за границей - наверняка набирались там всякой буржуазной заразы. Мы, иной раз, надевали твидовые пиджаки, - а уж этого нам простить никак не могли. В аппарате ЦК у всех было по два стандартных костюма, сшитых на заказ в специ-

альной мастерской. Один, для зимы - синий, другой, для лета - серый. А тут - твид или, от чего боже упаси, замшевое пальто. Ну, а меня - кандидата, а затем - доктора наук - Лигачев вообще считал человеком, абсолютно чуждым аппарату. И. в сущности, был прав.

Примерно во время моего демонстративного ухода из ЦК (февраль 1965 г.) Лигачев отправился - так было принято - вторым секретарем обкома партии в Томск. Там дослужился до первого секретаря и, в последний период работы Брежнева, был взят секретарем ЦК. При Горбачеве, фактически, стал его заместителем. Он вел заседания секретариата ЦК, а в отсутствие Горбачева - и Политбюро.

Не знаю другого деятеля, который так точно воспроизводил бы тип партийного работника брежневского, да и горбачевского времени. По нему, как по костям мамонта, можно изучать все аппаратное стадо. Лигачев по-своему интересен: он никогда не сомневался в своей правоте и никогда не менял своих взглядов. Такой коммунистический тори.

После апрельского поворота я посетил Лигачева с целью добиться реабилитации и восстановления в партии Лена Карпинского - соавтора, вместе со мной изгнанного из "Правды" в 1967 году за статью против цензуры.

Лигачев выбежал из-за стола навстречу мне и два часа просидел со мной, сочувственно обсуждая это и другие дела. Странно сказать, но он помог Карпинскому. Так я еще раз убедился - это не реакционер, а консерватор. Исключение из партии он считал крайностью.

В другой раз мы оказались за одним столом в Спасохаузе - резиденции американского посла в Москве. Президент Рейган давал прием в честь Горбачева. Подавали вино. Хорошее - французское и калифорнийское. Я, естественно, пил с удовольствием.

- Выпиваешь, Федор? - спросил у меня Лигачев.

- Не отказываюсь, - отвечал я.

- А я вот не пью и не курю, - с гордостью заявил Лигачев, громко, на весь стол.

Потом поднесли шампанское. Горбачев поднял тост за супругу президента Рейгана Нэнси.

- Что же, неужели не выпьешь по такому поводу, Егор Кузьмич? - обратился я к нему.

- По политическому поводу - могу! - бодро заявил Егор, вскочил и залпом опрокинул шампанское.

Антиалкогольная кампания в начале перестройки - детище Лигачева. Она обошлась дорого. Государство потеряло более 30 миллиардов рублей - дореформенных. Народ перешел на самогон - стал гнать спирт из сахара. Это нанесло первый удар по престижу Горбачева.

Веселие на Руси есть питье. Это знают все. Как можно было надеяться переделать народ в одночасье? А в самом народе стали думать - а не дураки ли там собрались, в Кремле?

В 1987 году я написал и поставил на телевидении пьесу "Два взгляда из одного кабинета". Это прототипы Горбачева и Лигачева. Актер, игравший консерватора Стрешнева - двойника Лигачева, был чрезвычайно похож на него. Но неумный Егор Кузьмич при встрече со мной похвалил пьесу и сказал, что вполне разделяет позиции Широкова - прототипа Горбачева.

Не понимал он, что ли, кто имелся в виду? Или, скорее, не мог смириться со своим прототипом? Себя не понимал? Скорее всего, это, последнее, ближе к истине.

Верный тактике - ходить на двух ногах - Горбачев привел в Политбюро человека, представляющегося, во многом, антиподом Лигачеву. Это был Александр Яковлев.

Во времена Хрущева А.Яковлев имел твердую репутацию одного из самых ортодоксальных работников отдела пропаганды ЦК. Поэтому, при нашей первой встрече в новое перестроечное время, он сказал мне:

- Вот видишь, считали меня первым догматиком. А это я назначил Виталия Коротича в "Огонек" и Егора Яковлева в "Московские новости".

А.Яковлев готовил в 1967 году решение ЦК об освобождении от должности в "Правде" Бурлацкого и Карпинского. Но характерная деталь: когда я позвонил ему по этому поводу, он снял другую трубку и стал говорить кому-то по другому телефону так, чтобы я слышал: вот Бурлацкий отсутствовал во время публикации его статьи - как с ним быть? Хотел ли он помочь мне или Ваньку ломал - до сих пор не знаю.

Сам он был отправлен в "ссылку" - послом в Канаду - в 70-х годах за публикацию статьи против русского национализма, в защиту ортодоксальных марксистских взглядов. Суслов, который подтолкнул его на это выступление, затем отрекся от него, и Яковлеву пришлось оставить работу в ЦК КПСС. Вернулся он накануне перестройки, сопровождал Горбачева во время его первой поездки в Англию, понравился ему и сделал

большой скачок - в члены Политбюро.

Яковлев - самая сложная из всех политических фигур эпохи перестройки. Выглядит простовато, а умудрен, как библейский змий, соблазнивший Еву. Он постоянно ввергал в соблазн Горбачева, а сам оставался за кадром, на втором плане. В соблазн гласности без берегов. Низвержения марксизма как главной причины Октября и народных бед. Соблазн национальных суверенитетов, даже когда это грозило русофобией. Лигачев выглядит игроком в городки - как известно, это довольно простая игра, когда партнеры тяжелыми палками сбивают легкие фигурки. Яковлев - это умелый и хитроумный игрок в политический покер. Его эволюция в период перестройки, как и его политические перебежки, - одна из самых характерных страниц этого противоречивого периода.

Он был первым, к кому я обратился еще в начале 1986 году с просьбой о том, чтобы восстановить в партии Карпинского и дать ему хоть какую-нибудь работу. Яковлев охотно принял меня. Посмотрел все документы, долго сокрушался о трудных временах застоя. Поддержал меня, когда я предложил незамедлительно вернуть Андрея Сахарова из ссылки и изменить отношение к диссидентам. Я ушел от него окрыленный.

Но потом я звонил ему целый год и его секретарь даже не соединял меня с ним. Карпинского реабилитировали только после моего похода к Лигачеву. Странно. До сих пор не понимаю, чем это объяснялось.

Впрочем, именно в этот период начались ожесточенные атаки на Яковлева со стороны партийных ортодоксов. В сущности, критиковали политику гласности, проводимую самим Горбачевым. Но его они еще боялись трогать, поэтому "козлом отпущения" сделали Яковлева.

Гласность стала едва ли не главным тараном, разрушавшим коммунистическую систему. "Огонек", "Московские новости", "Литературная газета", а вслед за ними - новые издания и, во многом, телевидение, раскачивали общественное мнение и направляли недовольство прежде всего против компартии.

В то же время А.Яковлев использовал печать - прежде всего еженедельник "Огонек" и "Московские новости" - для публикации материалов, направленных против его главного противника в Политбюро - Лигачева.

Горбачев оказался большим мастером византийских игр в рамках микрогруппы, окружавшей его. Но в процессе этих игр ему приходилось постоянно уступать то одной, то другой сто-

роне. Поэтому его политика скорее напоминала изви- вающуюся кривую, чем более или менее прямую линию.

В команду Горбачева вошел и Николай Рыжков, который вскоре занял пост Председателя Совета Министров. Он по традиции "отвечал" за экономическую политику, основные идеи и инициативы которой должны были исходить от него. Человек с приятным открытым лицом и обаятельной улыбкой, он был представителем технократического сознания. Провал политики "ускорения" и ориентации на машиностроение до- полнил крушение нелепой антиалкогольной кампании.

Уже в 1985 году я непосредственно обратился к Горбачеву с предложением создать при нем Совет по экономическим и политическим реформам. В письме к нему я сослался на опыт восточно-европейских стран и Китая, настоятельно рекомен- довал начать реформы с аграрного сектора, решить продо- вольственную проблему, используя, в частности, опыт Китая по созданию внутри кооперативов семейного подряда, а затем постепенно переходить и к развитию фермерского хозяйства.

Помощник Горбачева сообщил, что тот заинтересовался письмом. Однако приглашен я к Горбачеву не был и до сих пор не знаю, почему была отвергнута эта идея. В "Литературной газете" мною была опубликована серия статей о китайской и других реформах. Ссылался на опыт новой эконо- мической политики в 20-х годах в России, когда была дана свобода индивидуальному крестьянскому хозяйству. Но голос мой так и не был услышан.

Два года спустя, вместе с голландским коллегой Эрнстом ван Эйгеном, замечательным деятелем в области прав человека, мы осуществили проект создания голландских фермерских хозяйств в Подмосковье. Замысел был такой: пять голланд- ских семей начинают вести свое хозяйство и вокруг них вы- растает не менее тысячи российских ферм.

Горбачев поддержал проект. Нам помогал и Николай Рыжков. Три голландских семьи приехали, создали фермы и показали высокие образцы сельского хозяйства, прежде всего в производстве картофеля. Однако с русским фермерством тогда ничего не вышло. Государство не дало ни земли, ни кре- дитов, ни гарантий продажи продукции на рынке.

Кто был виноват в том, что продовольственная задача бы- ла отодвинута на задний план? Что к концу деятельности Гор- бачева страна оказалась в продовольственном кризисе? Сам Горбачев? Его соратник, который отвечал за сельское хозяй-

ство, - Егор Лигачев? Думаю, что виноваты оба. Горбачев был увлечен политической реформой. Лигачев отстаивал колхозы и совхозы и не верил ни в китайский опыт, ни в развитие реальных кооперативов, ни в семейное фермерство. Да и крестьянская масса была не готова к такому резкому изменению образа жизни. Апрельский поворот перенес весь центр тяжести в область политики - внутренней и внешней. Экономика осталась за бортом. И она стала ахиллесовой пятой перестройки.

Одним из близких для Горбачева людей - и по взглядам, и по личным отношениям - стал Эдуард Шеварнадзе. Его назначение Министром иностранных дел СССР в начале перестройки у меня, как и у многих специалистов-международников, вызвало большое удивление.

Этот деятель не имел раньше никакого опыта в международных делах. Иностранных языков не знал. Кроме того, считалось как-то само собой разумеющимся, что представлять Россию перед другими государствами должен русский человек.

Да и сам Шеварнадзе имел противоречивую репутацию. Он был известен своей непримиримой борьбой с коррупцией в Грузии, когда работал там первым секретарем компартии республики. Но, с другой стороны, он произнес одну из самых восторженных речей о "мудром" руководстве Брежнева на последнем застойном съезде партии.

Появление Шеварнадзе на посту руководителя внешней политики составило новую эпоху. За всю советскую историю был только один пример, когда министр иностранных дел имел свое лицо и свою позицию. То был Литвинов, которого Сталин заменил на Молотова в конце 30-х годов. Литвинов выступал за сохранение союза с Францией и Англией против фашизма. Молотов был назначен Сталиным для осуществления поворота в сторону пакта с фашистской Германией.

Шеварнадзе, в свою очередь, стал символом поворота, но поворота к новому мышлению. У меня было много встреч и бесед с Шеварнадзе. И в период апофеоза его славы. И в момент его драматической отставки. И во время опалы. Некоторые из наших бесед были опубликованы в печати. Отмечу только два-три момента, чтобы показать особые черты характера этого незаурядного деятеля. Не скрою, мне нравится его внешность - породистое лицо грузинского князя, обаятельная улыбка, голубые лучистые глаза; манера поведения - солидная, мягкая и живая; стиль речей - короткие, литературно отточенные, выразительные фразы. Но, иной раз, когда он позволял

себе расслабляться, мне казалось, что из-под прекрасной оболочки вдруг проглядывают когти тигра.

Вклад Шеварнадзе во внешнюю политику Горбачева особенно значителен в подходе к трем проблемам - прекращению холодной войны с США и, в целом, со странами Запада; выводу войск из Афганистана; освобождению Восточной Европы и объединению Германии.

Однако позднее, уже в эпоху Ельцина, сам Шеварнадзе признал ошибочность многих сторон принятого им курса отношений с Западом. Выступая в Лондоне в королевском институте международных отношений в 1995 г. (мне тоже не раз доводилось выступать там), бывший министр иностранных дел СССР говорил о своих глубоких разочарованиях политикой США и Запада. Не сбылись надежды на роспуск НАТО вслед за самороспуском Варшавского Договора. Надежды на инвестиции Запада в экономику России и других стран СНГ. Надежды на прекращение гонки вооружений. Политика уступок на мировой арене, проводившаяся Горбачевым и Шеварнадзе, не имела адекватного отклика у Запада. Его лидеры приняли это как должное и продолжали идти своим путем, мало считались с интересами новых государств СНГ, заботясь, как и прежде, исключительно о своей безопасности.

Здесь уместно упомянуть о том влиянии на политику нового мышления Горбачева, которое оказал его помощник Анатолий Черняев. Несмотря на то, что Черняев проработал около 30 лет в аппарате ЦК, был помощником довольно консервативного человека Бориса Пономарева, затем - заместителем заведующего международным отделом, он сохранил удивительную честность и последовательный либерализм во взглядах. Именно он представлял социал-демократическое течение в окружении Горбачева. Он многое почерпнул из наших книг и публикаций, в том числе, само понятие "новое мышление", которое использовалось в них задолго до известной книги Горбачева. И, несомненно, Черняев многое привнес от собственных взглядов. Я поддерживал с ним тесный контакт и специально отметил его роль в своей книге "Вожди и советники". Это был подлинный советник - рыцарь без страха и упрека, подобно Дон Кихоту, он не гонялся за чинами и личной славой, всегда оставаясь в тени.

Влияние ближайших советников на Горбачева было значительным. Но вскоре после его прихода к власти случилось событие, которое ножом пересекло его судьбу и все течение

перестройки. Речь идет, как, конечно, догадался читатель, о явлении Ельцина.

2

"Исповедь" Бориса Ельцина дает богатый материал для понимания психологии автора и русских лидеров вообще. Книжка, в общем, искренняя, хотя слегка подпорчена двумя вещами. Ельцин уж очень хочет выглядеть смелым лидером и тираноборцем. И, что касается смелости, - у него есть все основания. А вот борьба против тиранической власти должна быть сопоставлена с его последующим собственным опытом.

Второе обстоятельство - книжку сильно подпортил молодой журналист, который помогал Ельцину. Во многих местах оригинальный, угловатый стиль письма и, что еще важнее, мышления Ельцина округлен, смазан.

В "Исповеди" Ельцина меня прежде всего поразил эпизод с отцом. Четырнадцатилетний Борис схватил за руку отца, когда тот по привычке хотел "воспитать" его ремнем, и сказал: "Все! Дальше я буду воспитывать себя сам"[22].

В биографии "Мао Цзэдуна" я отмечал, что в становлении характера будущего лидера конфликт с отцом играет какую-то мистическую роль [9]. Видимо, независимость юноши проявляется чаще всего таким образом. Подобный же феномен наблюдается в жизни Сталина, Гитлера, Наполеона, Петра, Ивана Грозного. Не обязательно это свидетельствует об авторитарных наклонностях. Но всегда - о раннем пробуждении лидерских качеств. Впрочем, у Ельцина генетически было заложено и то, и другое - и авторитарность, и лидерство. В этом смысле он более типичен как русский государь, чем Горбачев. Сила Ельцина состояла в том, что он всю жизнь боролся с собой, стараясь преодолеть авторитарные черты, полученные от предков.

Ельцин, подобно Хрущеву и Горбачеву, родился в бедной крестьянской семье. Во время его крещения произошел курьезный инцидент. Пьяный священник, которому за каждый акт крещения подносили штоф водки, окунул младенца в бочку с водой и... забыл о нем, продолжая разговаривать с публикой. Мать увидела это, подскочила с криком и поймала ребенка где-то на дне. Вытащила и потом его с трудом откачали. Поп-батьюшка тут же нашелся и сказал: раз выдержал такое испытание, значит, самый крепкий и нарекается Борисом. Мне рас-

сказывали, когда я был в Татарстане, что Ельцин рос в деревне Коми. Финно-угорский характер хорошо известен. Может быть, у них, у коми, Ельцин позаимствовал многие черты своего крутого нрава?

Ельцин вспоминает, как его отец, не выдержав мытарств в деревне, решил переехать на стройку. Сами запряглись в телегу и довели ее до станции - 32 километра на себе. Потом десять лет прожили в бараке, в одной комнате шестером. Борис, его брат и сестра, родители и коза тут же. С шести лет Борис - он был старший ребенок - ухаживал за младшими и помогал по хозяйству. Его бешеная работоспособность закладывалась с детства. Но вместе с этим росло и страстное желание вырваться из этого омута. Любой ценой пробиться.

Мы еще вернемся к вопросу о природе лидеров, вышедших из низов, из простонародья. Они имеют некоторые общие черты - и положительные, и отрицательные. Но Ельцин, кроме того, унаследовал - он сам об этом пишет - два генетических качества от отца и деда. Упрямый, крутой характер. И смекалистость. Это последнее - чисто русское свойство. Необразованные люди очень часто обнаруживали необычайную сообразительность в каком-то ремесле. Сложилась же легенда о том, как Левша блоху подковал. Отец Бориса - строитель - придумал автомат для кладки кирпича и многие годы пытался сделать его на практике. Борис смекалистостью пошел в отца.

Другой случай, о котором рассказывает Ельцин, произошел на вечере по случаю окончания семилетней школы. Во время торжественного ритуала Борис неожиданно попросил слова. Все ждали теплой благодарности, а он начал резко критиковать учительницу, которая руководила классом. Сам Ельцин сравнивает это с выступлением против Горбачева на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1987 году. Здесь и там в равной мере проявились присущие ему чувство справедливости и конфликтный характер. Из школы Бориса выгнали, но он смог переломить события и добился восстановления через бюрократические инстанции.

В общем, рос парень смелый, упрямый, крутой, с ранних лет стремившийся руководить коллективом. Поступив в политехнический институт на строительный факультет, Ельцин страстно увлекся волейболом, стал мастером спорта и, конечно, капитаном команды. Только в зрелые годы он сменил эту привязанность на теннис.

Борьба, жажда победы и риска были его стихией всю

жизнь. Он рассказывает в "Исповеди" о путешествии - без гроша в кармане - по всему Союзу. Ехал без билета на крыше вагонов. Однажды там же расположилась группа только что вернувшихся из заключения молодых людей. Они стали играть в карточную игру "буру" с Ельциным. Вначале выиграли всю его одежду, оставив в одних трусах, а потом предложили: "играем на твою жизнь. Если ты сейчас проиграешь, то мы тебя на ходу сбрасываем с крыши вагона. А если выиграешь, мы тебе все отдаем". Борис согласился, хотя играл в эту игру впервые. И выиграл!

Русские люди верят в поговорку, кто не рискует, тот не выигрывает. В этом большое отличие Ельцина от Горбачева, который терпеть не мог риска, всегда играл наверняка. Это качество очень роднит Ельцина с Хрущевым. Думаю, он тоже мог бы, как Хрущев, сделать секретный доклад о Сталине перед людьми, которые все еще слепо поклонялись этому идолу. Но это же качество сыграло дурную шутку с Ельциным, когда он начал экономические реформы. Экономика не терпит необдуманного риска и жестоко мстит за ошибки.

Работая строителем, Ельцин показал себя самоотверженным, безжалостным к себе и к людям руководителем. Он сам называет свой стиль жестким, командным. То есть Ельцин был типичным представителем Системы, которую впоследствии назвали командно-административной. Он оправдывает себя тем, что требовательность к людям подкреплялась их материальным поощрением. Кто лучше работает, лучше живет.

Эти качества были замечены и Ельцину предложили перейти на работу в обком партии заведующим отделом строительства. Здесь он сделал стремительную карьеру и уже через восемь лет, перескакивая через ступеньки, занял пост первого секретаря того же обкома. Это произошло в 1976 году.

Для читателей, полагаю, будет любопытно познакомиться с принятой тогда процедурой назначения (формального избрания) на такой высокий пост. Секретарь ЦК по партийным кадрам Капитонов, который, по-видимому, и был инициатором назначения Ельцина, представил его одному, затем другому члену Политбюро и, наконец, самому Брежневу.

Брежнев был еще в нормальном состоянии. Удар, превративший его в инвалида, произошел немного позднее. И вот весь разговор, предрешивший судьбу Ельцина, а заодно - и Свердловской области с ее пятимиллионным населением.

- Так это он решил в Свердловской области власть брать? -

спросил Брежнев, обращаясь к Капитонову. Тот ответил, что Ельцин еще ничего не знает.

- Как же не знает, раз уже решил власть взять? - пошутил Брежнев. и сделал официальное предложение от имени Политбюро. Затем, в обычной для себя "человечной" манере, выразил сожаление, что Ельцин еще не член ЦК КПСС, и пообещал в ближайшее время позаботиться о том, чтобы он стал депутатом Верховного Совета СССР.

И уже через два дня пленум Свердловского обкома партии "избрал" Ельцина своим первым секретарем. А что значит этот пост? "Власть Первого, - пишет Ельцин, - практически безгранична... Это бог, царь. Хозяин области... И ощущение власти опьяняет". Ельцин находил для себя оправдание в том, что пользовался властью "только во имя людей и никогда - для себя"[22].

Но тут Ельцин, пожалуй, покривил душой. Он сам и его семья имели немало преимуществ и льгот. Прекрасная квартира, служебная машина, спецполиклиника, обкомовская дача, бесплатный отдых на юге или за рубежом, высокая зарплата, гарантированное обучение детей в вузах и многое другое. А главное - наслаждение почти неконтролируемой властью.

Это особое благо, которое не выразишь в деньгах. Постоянное чувство превосходства над всеми, а его к тому же постоянно подкрепляют, пестуют, взращивают окружающие. Лесть, угодничество, подхалимство, сладкое смотрение в глаза - это ни с чем не сравнимое удовольствие для властной натуры. Ельцин не составлял исключения, напротив, ему так нравилась атмосфера поклонения, что он не отпускал своих сотрудников даже на уикенд. Он приглашал всех работников обкома с семьями на рыбалку, охоту, для игры в волейбол - и попробовал бы кто-нибудь отказаться.

Мне рассказывали его коллеги по обкому, что выходные дни были для них самым трудным испытанием. Хозяину хочется играть - играют, стрелять - стреляют, пить - пьют! Сам Ельцин, как он пишет в книге, видел в этом демократизм своего стиля - всегда вместе с народом. Но для обкомовского народа это как демьянова уха - ему бы отдохнуть от начальства, хотя бы один денек.

Пафос всей партийной работы, то, что придавало ей смысл в глазах властителей и подчиненных. - форсированное индустриальное строительство. Если Вы почитаете "Исповедь" Ельцина, вас удивит именно это. "Я заставлял (!) быстрее кру-

таться колеса хозяйственного механизма", - замечает Ельцин и перечисляет, сколько и чего построили в области в его бытность [22].

Когда многие молодые журналисты пишут о коммунистических лидерах, они видят в них каких-то монстров, которые только и занимаются тем, что сажают в тюрьмы и расстреливают. Но, начиная с хрущевских времен, массовых расстрелов не было, а на периферии и с диссидентами было не густо. Поэтому главное содержание всей партийной работы составляло выполнение любой ценой хозяйственных планов. Первый секретарь отвечал перед Москвой за успехи промышленности и сельского хозяйства. Индустриальная идея, запущенная еще Сталиным в 30-х годах, пронизывала все сознание руководителя. Это были какие-то своеобразные государственные толкачи. Они "вкалывали" для подъема производства не из-за личной материальной выгоды, а для государства, а значит, в их сознании, для народа. Их "прибыль" была чисто бюрократической. Они делали таким путем карьеру.

Ельцин пишет, что он был порождением Системы и ее послушным служителем. И самооправдывается типично порусски: все мы- де слуги государевы.

Самый характерный и болезненный для Ельцина случай компромисса со своей совестью был связан с уничтожением дома купца Ипатьева, в котором в 1918 году провел последние дни царь Николай II со своей семьей. По словам Ельцина из Москвы неожиданно пришло секретное предписание о сносе этого дома. Там забеспокоились, что дом стал местом паломничества российских и особенно зарубежных гостей. Секретность решения Политбюро означала, что всю ответственность на себя должен взять сам обком. Через несколько дней (!), как свидетельствует сам Ельцин, ночью к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали.

"Еще один печальный эпизод эпохи застоя, - меланхолично замечает Ельцин. - Я хорошо представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство"[22].

Представлял, но не боролся, даже не попробовал оспорить. Вот она, плата за карьеру! Отбор на руководящие посты, конечно, предусматривал деловые качества кандидата. Не случайно до сих пор почти всеми новыми государствами СНГ руководят бывшие члены Политбюро и ЦК. Это были сильные характеры. Но еще важнее была абсолютная лояльность, го-

товность выполнить любой приказ вождей. Здесь прежде всего кроется секрет успеха в политической карьере.

Кстати говоря, к брежневскому времени прежний критерий - идеологический - уже практически потерял свое значение. Давно ушли в прошлое споры внутри партии - что такое коммунизм и социализм, возможно ли его построить в одной стране. В руководстве обкома, да и в самом Политбюро, подавляющее большинство составили не идеологи, как это было при Ленине и долгое время при Сталине, а технократы. Почти все они имели инженерное образование, учением марксизма мало интересовались. Скажут в Центре: надо строить развитый социализм - хорошо, будем строить; скажут: догнать Америку - будем догонять; скажут: переходить к коммунизму - ну что ж, начнем переходить.

Ельцин был очень типичен. Он сам рассказывает о забавном эпизоде, который произошел с ним во время приема в партию. Ему задали вопрос на заседании парткома: "На какой странице, в каком томе "Капитала" Маркса говорится о товарно-денежных отношениях?". И Ельцин, не моргнув глазом, ответил: "Второй том, страница 387". На это вопрошающий заметил: "Молодец, хорошо знаешь Маркса". Это был, конечно, чистый блеф со стороны Ельцина, который твердо был уверен, что экзаменуемый его сам не знает ответа.

Кстати, это - одно из свойств стиля Ельцина и в последующие годы. Он часто говорит то, что от него хотят услышать. Вспомните его выступление в Конгрессе США. Сколько восторгов, сколько аплодисментов, сколько вскакиваний с кресел! И все потому, что слышали слова и обещания, которые так жаждали услышать от русских руководителей.

Но эта особенность стиля Ельцина типична для большинства советских и постсоветских руководителей. Обещай, обещай, не задумываясь о будущем, - и тебя поддержат. Ленин обещал коммунизм, Сталин - переход к его первой ступени, Хрущев - благосостояние, Горбачев - перестройку, Ельцин - реформы и лучшую жизнь. В какой мере вожди верили сами в свои обещания, остается на их совести: скорее всего верили так же, как молодой Ельцин, когда он цитировал Маркса...

Очень забавно звучит его ремарка, что перед поступлением в партию он "перечитал" работы классиков Ленина, Маркса, Энгельса, собрание сочинений которых составляет более 100 томов, исписанных убогим шрифтом. Нет, не перечитал Борис "классиков" и в этом его большое преимущество пе-

ред большинством идеологов. Последние, правда, тоже, как правило, не читали ни Маркса, ни Энгельса, редко - Ленина, чаще - Сталина и почти все - "Краткий курс истории ВКП(б)" - эту библию сталинизма. Единственный человек в Политбюро Брежнева, кто читал "классиков", - М.Сулов, самый страшный из всех "хранитель устоев".

Во время работы в составе ЦК Ельцин познакомился ближе с Горбачевым, которого знал еще раньше, когда оба были секретарями обкомов. Поначалу у них сложились дружеские отношения, обнимались при встрече, перезванивались. Первые секретари - это своеобразная каста со своими законами взаимной поддержки и состязания. Но после одного конфликта по аграрному вопросу, когда Горбачев - тогда уже секретарь ЦК по сельскому хозяйству - не поддержал Ельцина, их отношения стали более прохладными. Еще Ельцина шокировала привычка Горбачева всем говорить "ты", хотя ему отвечали "вы". Этот обычный патерналистский стиль резал ухо более сдержанного в личном общении Ельцина.

3

И вот - новый поворот в его жизни. В апреле 1985 года - вызов в Москву и предложение занять пост в ЦК КПСС заведующего отделом строительства. Хотел бы остановить внимание читателей на этом, поскольку здесь заложены семена того взрыва, который приведет Ельцина впоследствии к положению партийного диссидента и даже больше того - отразится на всей истории Российского государства. Это приглашение стало роковым просчетом Горбачева.

Первым позвонил Ельцину один из членов руководства партии В.Долгих. Он предложил от имени Политбюро названный пост. Ельцин отказался и даже счел себя обиженным. "В тот момент я себе в этом отчет не дал, - пишет Ельцин, - но, видимо, где-то в подсознании мысль засела, что члена ЦК, первого секретаря обкома со стажем девять с половиной (!) лет - и на заведующего отделом строительства ЦК - это было как-то не очень логично. Я уже говорил, что Свердловская область - на третьем месте по производству в стране, и первый секретарь обкома партии, имеющий уникальный (!) опыт и знания, мог бы быть использован более эффективно. Да и по традиции так было: первый секретарь обкома Кириленко стал секретарем ЦК, Рябов - секретарем ЦК, а меня назначают заведуще-

лом"[22].

Его, видимо, раздражало, что Е.Лигачев - его бывший друг и будущий оппонент - стал уже членом Политбюро и секретарем ЦК, хотя недавно еще руководил не очень крупной областью - Томской. Да и сам Горбачев - генеральный секретарь - откуда пришел? Из довольно второстепенного сельскохозяйственного Ставропольского края. Но после звонка того же Лигачева, который, по словам Ельцина, действовал напористо и ссылался на партийную дисциплину, Ельцин согласился на переезд в Москву.

Один из сотрудников Ельцина рассказал мне, что он перед отъездом говорил своим приближенным в обкоме: буду генеральным секретарем! Я склонен поверить в это. Человек такого мощного характера, представляющий новое поколение партсекретарей, - чем он хуже Горбачева? Здесь нет никакой моральной проблемы: если может один, может и другой. Это не значит, что Ельцин поехал с прямой целью - подсадить или свалить Горбачева. Служебная дистанция между ними была еще очень велика. Однако какой солдат не вправе мечтать о маршальском жезле?

Но не только эти чувства, затаенные даже от самого себя, волновали Ельцина. Он ехал в Москву, которую не любили и о которой в то же время мечтали все провинциальные партийные работники. Не любили за снобизм, а особенно - за магазины, где руководители среднего звена простаивали в очередях за подарками для семьи. Не любили как рассадник сомнительных идей, идеологического беспорядка, источник бесконечных приказов и комиссий.

Но что интересно: ни один москвич после Сталина не стал генеральным секретарем. Хрущев и Брежнев пришли с Украины, Андропов - из Карелии, Черненко - из Молдавии, Горбачев - из Ставрополя. Объясняется это, по-видимому, тем, что большинство Политбюро составляли люди из провинций, они тоже не любили москвичей и отдавали свой голос людям близкой культуры.

"Честно признаюсь, - замечает Ельцин, - я тоже с предубеждением относился к москвичам"[22]. Эти чувства скажутся потом, когда он станет руководителем Московской партийной организации. А пока он, как всегда, самоотверженно и с большим азартом включился в работу ЦК.

Любопытная деталь - Горбачев не приблизил к себе Ельцина и общался с ним только по телефону. Ельцин усматри-

вает в этом какой-то комплекс руководителя, который приехал из менее значительной области. Но, думается, здесь могли быть и другие причины. Ельцина, вероятно, рекомендовал Лигачев, который начал формировать команду Горбачева для борьбы против старых членов Политбюро. А сам Горбачев, как всегда, колебался - и хотел, и не хотел иметь такого союзника, как Ельцин. Хотел - в качестве тарана и не хотел - как растущего сильного соперника.

Вскоре у них произошла первая стычка. Ельцин вернулся из Узбекистана и рассказал Горбачеву о страшной коррупции в руководстве республики. Горбачев не на шутку рассердился и заявил, что Ельцин ни в чем не разобрался. Ельцину тогда уже претили чрезмерные привилегии и взяточничество партаппарата. У него в провинции такого, как он полагал, конечно, не было. А Горбачев был вынужден подсчитывать голоса в Политбюро и держать там даже запятнавших себя людей.

Борьба Горбачева против стариков в руководстве стала трамплином для нового взлета Ельцина. Всего полгода он проработал заведующим отделом, как был избран секретарем ЦК, и всего несколько месяцев секретарем ЦК, как получил новое значительное повышение.

На заседании Политбюро Горбачев, совершенно неожиданно, вопреки традиции, в присутствии Ельцина поставил вопрос о его переходе на работу Первым секретарем Московского горкома партии. Это пост, который занимал Хрущев перед тем, как возглавил всю партию. Главным мотивом для Горбачева была необходимость заменить В.Гришина и провести чистку кадров в Москве. Горбачев рассчитывал с помощью Ельцина обеспечить себе спокойный тыл в беспокойной столице. И просчитался. Ельцин никогда не был человеком в чьей-то команде, он создавал команду только под себя. Нельзя, впрочем, исключить и того, что уже в ту пору Горбачев имел в виду, используя напористость Ельцина, после расчистки авгиевых конюшен в Москве переместить его куда-нибудь - от греха подальше.

Рассказывая в "Исповеди" о своих планах в московской организации, Ельцин раскрывает свои замыслы. Заменить кадры Гришина. Способствовать большей критичности газет. Открыто говорить с народом на митингах. Улучшить снабжение Москвы продовольствием. Бороться с мафиозным его распределением. Наименее удачная его встреча была с представителями националистического общества "Память", что до сих

пор ставится ему в упрек. Удачная акция популистская - организация ярмарок с хорошим и дешевым продовольствием, полученным, правда, теми же силовыми административными методами из различных регионов страны.

Как видим, очень скромный багаж для будущего реформатора. С чем же связан новый поворот в его душе, который привел к взрыву в октябре 1987 года, когда он выступил против политики Горбачева?

Как почти всегда в политике, личные мотивы переплелись с принципиальными соображениями. Начнем с личных моментов - они очевиднее. Как свидетельствует сам Ельцин, в период работы в горкоме Москвы он все больше вступал в конфронтацию с Лигачевым - своим прежним покровителем и все меньше получал поддержку со стороны Горбачева. Причиной был сходный характер Ельцина и Лигачева и - странно сказать - противоположность характеров Горбачева и Ельцина.

Лигачев, как и Ельцин, отличался крутым сибирским темпераментом. Голос громкий, хотя и не такой зычный, как у Ельцина. Такая же уверенность в себе и склонность к командованию. Торопливость в решениях, неумение прислушиваться к чужим мнениям. Тут с Ельциным, как говорят русские люди, нашла коса на камень. Ельцин менее всего похож на газонную травку, которую может обрезать любой косарь. На заседаниях Секретариата ЦК постоянно происходили стычки между двумя сибиряками и было ясно, что в одном гнезде они жить не смогут. Впрочем, Лигачев, который прошел школу в аппарате ЦК еще в 60-е годы, научился, не сгибая слишком головы, ладить с руководством. Поэтому, несмотря на его строптивость, он уживался с Горбачевым и верно служил ему.

Что касается Ельцина, то Лигачев придерживался простого аппаратного закона: ты начальник - я дурак, я начальник - ты дурак. И, соответственно, каждый раз ставил на место Ельцина, показывая тому, кто стоит выше. Ельцина это все больше и больше раздражало. В конце концов, ему просто опротивело ходить на еженедельные заседания Секретариата ЦК, где командовал Лигачев.

С Горбачевым была другая проблема. Как человек уступчивый, склонный к компромиссу, он тоже сильно раздражал прямого и страстного Ельцина. Неумеренная говорливость Горбачева на заседаниях Политбюро, комментарии к каждому выступлению, его любование собой, его византийские игры со старой гвардией руководителей вызывали целую бурю в душе

Ельцина. Горбачев - человек камерный, Ельцин - митинговый. Ельцину виделся руководитель перестройки не таким. Борцом. Вождем. Революционером. Смелым новатором. Словом, очень близким к образу самого Ельцина. Это не значит, что он хотел сменить Горбачева, что было абсолютно нереально тогда. Но это значит, что ему Горбачев все меньше импонировал. Напористый Ельцин и покладистый Горбачев могли бы составить неплохую супружескую пару, если бы последний согласился, по известному анекдоту, сыграть роль Жозефины...

Какое-то время Ельцин пытался опереться на Горбачева, искал с ним объяснения, писал ему письма, активно выступал на Политбюро. Но все безуспешно. Горбачеву Ельцин, в свою очередь, все меньше нравился. В ту пору, кажется, сложилась среди секретарей обкомов шепотом передаваемые клички этих двух деятелей: Нарцисс - о Горбачеве и Бревно - о Ельцине. Горбачеву весь стиль Ельцина казался топорным, жестким, идущим от далеких хрущевских или даже сталинских времен. В общем, в этом трио - Лебедь, Рак и Щука - Ельцин чувствовал себя белым лебедем, хотя двое других его-то и держали за щуку.

Кроме того, черная кошка пробежала между Ельциным и супругой Горбачева - Раисой Максимовной. Вначале, правда, Ельцин дарил ей букеты цветов при встречах, но потом демонстрировал холодок, полагая, что она вмешивается в дела мужа. У самого Ельцина тихая и милая супруга Наина Иосифовна никогда не пыталась давать советы мужу в государственных делах.

Но в политике любая личная неприязнь обязательно обрастает расхождением в принципах. Сталин и Троцкий были идейно ближе друг к другу, чем Сталин и Бухарин. Но именно Троцкий стал первой мишенью сталинских чисток.

Ельцин все более четко формулировал для себя две главных претензии к Лигачеву и Горбачеву. Первая - не поддерживают миллионную партийную организацию столицы, то есть мало выделяют средств на ее переустройство. Вторая - не ведут революционную замену старых кадров новыми, более молодыми. Потом это было сформулировано как перестройка партии. Но суть была именно в кадровой революции, которая, по мысли Ельцина, шла очень вяло.

В своей "Исповеди" Ельцин дает характеристики другим членам Политбюро и не находит никого, кто не нуждался бы в "вычистке", кроме разве что А.Яковлева. Достается здесь - и

поделом! - всем: А.Громыко, Н.Рыжкову, М.Соломенцеву, А.Лукьянову, Д.Язову, Р.Алиеву, В.Медведеву, М.Щербицкому. Словом, как говорят русские, всем сестрам по серьгам. Сделав исключение для Яковлева, Ельцин не преминул заметить, что тот очень уж осторожен.

В сущности, Ельцин был прав. Все эти люди из другого "детского сада", из другой - брежневской - эпохи. Ленивые, старые, выпотрошенные, догматичные, - по крайней мере, большинство из них. Но нельзя не понять и Горбачева. Они составляли абсолютное большинство в Политбюро. Как быть? Устроить революцию, как предлагал Ельцин? Где? На Пленуме ЦК? Но Пленум почти наверняка поддержал бы эту команду, а не Горбачева. Опыт июньского пленума 1957 года, когда Хрущев с трудом спас свою власть, и октябрьского 1964 года, когда его все-таки дружно выдворили на пенсию, все время, как Немезида, стоял перед глазами Горбачева.

Революция в Политбюро была невозможна - это очевидно. Приходилось использовать тактику самого Хрущева и Брежнева - откусывать кекс по частям и выплевывать прогнившие куски. В этой нелегкой работе Ельцин мог стать могучей опорой Горбачева. Как посох Иоанна Грозного, петровский топор, как земляк Ельцина Кириленко при Брежневе. Но эти два незаурядных человека не могли найти рациональное решение. Как все советские вожди, они поддались страстям и поступили вопреки собственным интересам. В Политбюро не было людей, более близких по политическим взглядам, - и вот именно они столкнулись между собой. Горбачев выдвинул Ельцина, потом задвинул его, потом сам пал жертвой этого могучего уральского мужика.

Первый раскат грома раздался на заседании Политбюро, посвященном обсуждению доклада Горбачева к 70-летней годовщине Октябрьской революции. Ельцин сам это событие сравнивает с третьим звонком в театре. Но то было, на самом деле, только началом эпопеи противостояния двух партийных лидеров.

Обсуждение шло мирно, замечания высказывались пустяковые. И вдруг выступил Ельцин и, как резкий диссонанс в оркестре, высказал ни мало, ни много - около двадцати замечаний. У Горбачева сдали нервы. Он, ничего не говоря, вскочил из зала заседания и отсутствовал полчаса. Все сидели молча, не зная, что сказать. Дело было не только в нарушении ритуала, не только в самих замечаниях. Произошло нечто

драматическое - была заявлена претензия. Претензия на равное соучастие с Генеральным секретарем. Претензия на вольную критику, претензия на особую линию. Претензия на руководство. Так это должно было восприниматься членами умудренного в играх ареопага.

Горбачев вернулся на заседание и излил душу. Он говорил минут сорок и больше не о замечаниях, а об их авторе. "Безусловно, в этот момент Горбачев просто ненавидел меня", - замечает Ельцин [22]. И было за что.

Никто, конечно, Ельцина не поддержал, но никто и не вмешался в конфликт. Члены Политбюро хотели подуматься, поосмотреться, но личные отношения Горбачева с Ельциным оказались полностью подорванными. Горбачев после этого не подавал ему руки и не заговаривал. Ельцин стал чужим в Политбюро и не мог играть даже запасного в будущей команде Горбачева. Что оставалось? Терпеть? Формировать свою команду из членов ЦК? Или хлопнуть дверью? Ельцин, в сущности, не имел выбора, поэтому он сделал последнее. Так была подготовлена акция, которая положила начало счета новой биографии Ельцина - изгоя и героя в одно и то же время.

12 сентября 1987 года Ельцин написал Горбачеву прошение об отставке. Это, довольно пространное заявление, вопреки тому, что можно было бы предположить, не содержало сколько-нибудь важных вопросов его политических расхождений с линией партии, либо самого Горбачева. В нем содержатся довольно нудные жалобы на Лигачева, его стиль, его невнимание к работе москвичей, на Политбюро в целом. Они сопровождаются уничижительной сентенцией в чисто русской манере: "Я оказался не подготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро". Единственное место, где затрагивается общая политика, тоже звучит как-то странно: "Задумано и сформулировано по революционному. А реализация, именно в партии, - тот же прежний, конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход. Вот где начало разрыва между словом революционным, а делом в партии, далеким от политического подхода"[22].

Главное было в конце письма - просьба освободить от должности первого секретаря Московского горкома и обязанностей кандидата в члены Политбюро без обращения к Пленуму ЦК.

На что рассчитывал Ельцин, отправляя со спецкурьером

это опасное письмо Горбачеву? Судя по всему, у него еще оставалась надежда, что Горбачев вызовет его, попросит успокоиться, продолжать работать, а, быть может, даже сделает более важные выводы об изменении состава Политбюро и - кто знает? - о включении в него Ельцина на равных с Лигачевым. Но, конечно, Ельцин представлял себе и другой, более вероятный разворот событий. Отставка. Опала. Гонения. Как во все времена было на Руси. И сам он признается - ему было страшно. Есть у русских пословица - от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Но кто же сам ищет такой судьбы для себя?

Горбачев не протянул Ельцину руки помощи. Слишком свежи были впечатления от критики его доклада. Слишком повязан он отношениями с Лигачевым. Слишком велики страхи перед реальным и сильным соперником. Больше того, в духе худших традиций он решил действовать коварно и оставить дело до Пленума ЦК. Впрочем, он не думал сам выступать там против Ельцина, но явно был готов дать отпор, если тот решится на скандал.

И вот - знаменитый октябрьский, 1987 года Пленум ЦК, знаменитый больше всего речью первого крупного партийного диссидента Ельцина. Впрочем, если быть точным, то диссидентом он тогда еще по-настоящему не стал. Критика, с которой он выступил, была острой, но оставалась вполне в рамках Системы. Ее главная тема состояла в том, что нужно перестраивать самую партию, начиная с секретариата ЦК, то есть Лигачева, о котором он говорил слишком много. Он снова звал на "именно революционный путь", действовать "по-революционному". Вообще, слово революция мелькало слишком часто и что это означало, так и осталось не выясненным. Он говорил о нереальности сроков перестройки, намеченных в докладе Горбачева. И, наконец, он сказал главное, что его мучило. Обстановка в Политбюро и опасность возрождения культа личности. "Мы этого допустить просто не можем, - резко сказал Ельцин. - Нельзя этого допустить"[22]. Он упоминал о славословии в отношении Горбачева, отсутствии демократизма и товарищеской критики среди руководителей.

Заключил он выступление просьбой вывести его из состава Политбюро, а вопрос о руководстве московской организацией решить на Пленуме Московского комитета партии.

Когда он сел, сердце его гремело и готово было вырваться из груди. Он ожидал начала избиения. Но действительность превзошла худшие его опасения. Один за другим выходили на

трибуну члены Политбюро и члены ЦК и клеймили, осуждали, критиковали. Выступили многие, но самый ржавый гвоздь в его сердце вколотил Александр Яковлев, которого - одного его - он выделял как прогрессивную фигуру в Политбюро. Но он плохо знал Яковлева. Я уже рассказывал о своих встречах с ним, и мы еще вернемся к его челночным движениям от Горбачева к Ельцину и обратно - по ситуации.

Нужно сказать, что Горбачев на Пленуме вел себя, хотя и бескомпромиссно, но сдержанно. Однако позднее он сделал шаг, который удивил многих, в том числе меня, своей ненужной жестокостью, да и простой нерасчетливостью.

Речь идет о втором ударе по Ельцину на Пленуме Московского горкома, где его должны были снимать с работы первого секретаря. Ельцин еще был в больнице с тяжелым сердечно-сосудистым кризом. Позвонил Горбачев и сказал, что надо срочно провести этот Пленум. Ельцин, сославшись на тяжелое состояние, просил отложить. Но Горбачев был неумолим. "Ничего, - сказал он, - врачи помогут".

"Поступить так бесчеловечно, безнравственно... Я от него просто этого не ждал. Чего он боялся, почему торопился? Думал, что я передумаю?.. Может, 'хотел добить физически?' - возмущенно вопрошает Ельцин в "Исповеди"[22].

В горком Горбачев поехал сам. Это тоже было ошибкой. Он мог поручить Лигачеву сделать это грязное дело - зачем ему самому было мараться? Еще раз подтвердилось, что русские лидеры не могут удержаться от эмоций даже тогда, когда им это крайне не выгодно.

Ельцин с трудом усидел на Пленуме и говорил что-то совершенно невнятное. Его участники, как и положено, распоясались и окончательно довели накал критики до самых крайних пределов. Ельцина сняли с работы и снова вернули в больницу, откуда он с трудом впоследствии выкарабкался.

Вот так, много столетий спустя, в новой ритуальной форме повторилась старая история - вражда князей. Некогда она стала причиной, по которой Русь оказалась легкой добычей монгольских завоевателей. теперь это сыграло не последнюю роль в распаде великой империи. С момента, когда был повержен Ельцин, история России понеслась вскачь, стуча копытами по головам дураков.

Могучая уральская натура Ельцина была готова к полному надлому, как сосна во время бури. Он из тех, кто ломается, но не гнется. Это уже было однажды в его жизни, когда он перетренировался в волейбол и получил сердечный криз. Кто же протянул ему руку помощи в этот роковой момент? Вы не поверите - это был Горбачев. Сам Горбачев позвонил Ельцину и предложил ему пост министра СССР (зам.председателя Госстроя). Ельцин согласился без слов. "До политики, - предупредил Горбачев, - я тебя не допущу". Но он не знал Ельцина и не понимал перемены, которые сам вызвал в стране. Если бы не этот жест Горбачева, Ельцин вряд ли снова поднялся бы на политические качели.

Ельцин спрашивает себя - почему Горбачев решил не расправляться с ним окончательно? И теряется в догадках. Самым остроумным ответом он полагает такой: "Если бы у Горбачева не было Ельцина, ему пришлось бы его выдумать"[22]. Смысл этого предположения в том, что Горбачеву нужен был кто-то для борьбы с консерваторами, какое-то пугало, на всякий случай.

Однако вряд ли это так. Горбачев действительно не хотел допустить возвращения Ельцина в политику - как же тот может быть полезен в борьбе с Лигачевым? Нет, просто к тому времени сложился новый стиль в отношениях между вожжами. Брежнев направил Хрущева в опалу, но сохранил дачу, квартиру, спецполиклинику. Он избавился от Н.Егорычева, но направил его послом в Данию, где тот просидел больше десяти лет. Это была гарантия, которую отвоевала партийная элита после Сталина. Бить можно, но добивать не надо. Иначе все другие члены руководства подумают о себе в аналогичной ситуации и мысленно осудят лидера. Кроме того, Горбачев по натуре человек добрый, и он проявляет это качество в допустимых в политике пределах. Ельцин, когда наступит его власть, не будет столь снисходительным к поверженному противнику.

После 1987 года и особенно после выборов на Съезд народных депутатов СССР история перестройки пошла по двум руслам. Широкое, как Волга у ее устья, - у Горбачева, которое постепенно сужалось к истокам, пока не стало маленьким ручейком. И у Ельцина - узкое, как Днепр у истоков, и бурное, мощное, все ломающее на своем пути на выходе в Черное море. Эти два деятеля несут ответственность за все хорошее и все

плохое, что произошло со страной. И, если когда-то будет поставлен памятник, они должны стоять на нем рядом.

На XIX партконференции (1989 год) Ельцин выступал по написанному тексту. На этот раз его речь была продуманной и содержала важные элементы его будущей стратегии. Он, правда, снова требовал "революционного" обновления общества, которое должно начаться с самой партии. Но затем поставил крупные вопросы демократизации политической системы. Это - твердые гарантии против вождизма. Это - запрет на совмещение должностей партийного секретаря и руководителя Совета. Это - выборность на альтернативной основе всех секретарей в партии, включая Генерального. Это - ограничения двумя сроками нахождения на высших постах в партии. Это - автоматическая смена команды, когда уходит лидер. Это - обновление аппарата ЦК и его сокращение в 6-10 раз. Это - борьба с привилегиями номенклатуры.

Правда, он все еще сохранял пиетет перед партией и веру в возможность ее реконструкции. Странно, но Ельцин выступил здесь против двухпартийной системы. Он традиционно призывал к восстановлению "ленинских принципов" и говорил о преимуществах социализма, которые нужно умело использовать.

Самое неожиданное произошло в конце его выступления. Он обратился к конференции с просьбой о политической реабилитации. Ельцина до сих пор упрекают за этот жест, не давший, кстати, никаких результатов. Он признал своей ошибкой, что выступил "не вовремя", говорил, что "остро переживает случившееся" и просил отменить решение Пленума по его персональному вопросу.

После этого начались выступления, направленные против предложений Ельцина. Самым азартным оппонентом, конечно, стал Егор Лигачев. Он произнес фразу, которая потом обошла многие концертные залы как предмет шуток и реприз: "Борис, ты не прав!" - сказал Лигачев и подвел черту под своей политической биографией. Люди на митингах впоследствии шли с плакатами, где было написано: "Егор - ты не прав!" или "Борис прав!" Лигачеву стало стыдно появляться на трибуне - поднимался смех, раздавались шутки.

Должен сказать, что и я готовился к XIX партконференции. Но я слишком радикально ставил вопросы демократизации в западном духе. Кроме того, я включил в свою программу предложение о расколе партии и выводе из нее социал-

демократов. Поэтому проиграл эти выборы какому-то молодому секретарю первичной парторганизации, который выступал под лозунгом русского национализма.

Ельцин был близок партийной массе, хотя многие из его мыслей были замешаны на старых традициях. Уже тогда обнаружилась важная черта его политического имиджа. Он удивительно - шкурой или подсознанием - чувствует настроения массы и умеет, без особой угодливости, подлаживаться под них.

Ельцин с трудом досидел до конца на XIX партконференции. Ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Ему сделали укол. Он не спал ночь. Но заявка на лидерство состоялась. И состоялась впервые именно тогда.

Была ли тогда какая-то программа у Ельцина? Кое-что уже пробивалось, но все же это был больше протест против действительности, а не конструктивный план ее реконструкции. Он все еще находился в рамках Системы, над которой едва занес свой разящий топор.

Сейчас люди вспоминают, как Ельцин боролся против привилегий номенклатуры, как ездил в жалкой дешевой машине "Москвич", как посещал районную поликлинику, и чертыхаются. Куда вся эта показуха подевалась, когда он пришел к власти! Со всем этим можно было бы смириться - Президент один на всю Россию. Но новая номенклатура утроила, удесятерила бывшие привилегии, на борьбе с которыми пришла к власти. Кроме государственных машин, дач, снабжения в духе "государственного социализма", они получили возможность приобретать за символическую цену собственность, наживаться за счет взяток, комиссий, за лоббирование зарубежных контрактов. Началось такое обогащение бюрократического слоя, которого Россия не знала никогда.

Но Ельцин победил Горбачева, прежде всего используя лозунг номенклатуры. Потом в качестве отпущения он получил то же самое от вице-президента А.Руцкого, который сделал борьбу против коррупции нового аппарата управления главной картой в своей игре на поражение Ельцина и собственную победу. Филиппики против аппарата - это обоюдоострая бритва. Раньше или позже правителю приходится платить по этим счетам, так как никто и нигде - тем более в России - не мог управлять без чиновников, верность которых нужно все время покупать.

Характерная деталь: в "Исповеди" Ельцин дважды ссы-

дается на Фиделя Кастро, с которым подружился еще при Брежневе. Ему импонировал Фидель авторитарностью власти и свободой общения с народом. Ельцин ссылается на слова Фиделя, сказанные ему еще в период жизни Брежнева: "Обстановка еще не созрела, чтобы действовать. Очень сильный центр, как панцирь, удерживает все".

Центр потом стал "идеей-фикс" в сознании Ельцина. Его надо сокрушить любой ценой, - даже ценой разрушения Союза СССР. Как видим, Горбачев учился у Берлингуэра реформам, а Ельцин у Кастро - революции.

За два дня до выборов на Съезд народных депутатов СССР - весной 1989 года - я выступал перед двухтысячной аудиторией в Доме политического просвещения. Не меньше получаса было посвящено вопросам о Ельцине.

Возбужденные люди требовали ответа - как я отношусь к Ельцину, почему его преследуют, буду ли его поддерживать на выборах.

- Я решительно осуждаю преследования Ельцина, - был мой ответ, - сам буду голосовать за него. А через два дня вскрытие покажет результаты.

- Какое вскрытие? - закричали из публики.

- Успокойтесь. Не вскрытие тела Ельцина, конечно, а вскрытие урн.

Ельцин был избран в Москве с подавляющим перевесом голосов. Это нанесло сильный удар по престижу Горбачева, который поощрял преследования Ельцина.

Борис Ельцин - это самый удивительный феномен перестройки. По перепадам его необычной судьбы можно видеть все странные черты этого смутного времени. Ни в одну другую эпоху такая карьера не могла бы состояться.

Ельцин, как и Горбачев, проработал в партаппарате больше 20 лет; как и Горбачев, Ельцин был первым секретарем обкома партии. Но в отличие от Горбачева - человека гладкой судьбы в период Брежнева - Ельцин прошел большую школу борьбы в качестве инженера-строителя. Это одна из самых трудных профессий в СССР из-за постоянного дефицита материалов и рабочих рук. Кроме того, он прекрасный спортсмент-волейболист. Словом, это решительный человек, хотя и не имевший того образования и интеллектуальной подготовки, которые имел Горбачев.

На первом Съезде народных депутатов СССР (май-июнь 1989 года) Ельцин не прошел в Верховный Совет СССР. На-

шелся депутат - А.Казанник, который уступил ему свое место (В 1993 году А.Казанник был назначен Ельциным Генеральным прокурором РФ, но вскоре смещен с этого поста за независимую политику). Горбачев, который вел заседание, стал спрашивать мнение юристов. Те, как обычно, стали вилать, не зная, чего хочет Горбачев.

Тогда я вышел на трибуну и сказал: “Это не столько юридический вопрос, сколько политический. За Ельцина проголосовала Москва. Он должен быть членом Верховного Совета СССР”.

И Горбачев уступил. Я опасался конфликта между этими двумя крупными деятелями. И всегда выступал за их сотрудничество. Но оно оказалось невозможным.

Ельцин фактически возглавил оппозиционную межрегиональную группу на Съезде. В нее вошли такие деятели, как Андрей Сахаров, Гавриил Попов, Анатолий Собчак. Я был всегда близок к этой группе, но формально не вошел в нее. Меня настораживала разнохарактерность сил и течений, которые она охватывала. На одном из ее заседаний - это было в день смерти А.Сахарова - я обратился к участникам с такими словами:

- Надо решить, какую оппозицию мы хотим сформировать: как на Западе - открытую, со своей программой, теневым кабинетом. или как на Востоке - ползая на брюхе и стоя на коленях. Надо выяснить и позиции участников: что объединяет члена ЦК КПСС Ельцина и великого либерала XX века Сахарова и за кем мы идем?

Это, кажется, не очень понравилось Ельцину. Другой важный разговор произошел у нас в посольстве Чехословакии в Москве. Был прием по случаю приезда президента В.Гавела. Я попросил Гавела поговорить с Ельциным и убедить его поддержать учреждение президентства в СССР и России. Гавел вместе со мной провел такой разговор с Ельциным. И мы, кажется, сумели изменить его взгляды по этому вопросу. До того он решительно выступал против выбора Горбачева президентом. Позднее идея президентства в России захватила его сознание и стала важнейшей политической целью.

В то время фигура Ельцина и привлекала меня, и настораживала. Его речи были выдержаны в демократическом и либеральном духе. Но смог ли он изменить свою природу - человека, склонного к крайностям и административным решениям, - трудно было сказать.

Так или иначе, Ельцин уже на раннем этапе своей парламентской деятельности явил редчайший пример возвращения к власти павшего лидера в условиях коммунистического режима. (Единственным прецедентом была судьба Дэн Сяопина). Но в этом заслуга Горбачева, который создал новый политический климат, а впоследствии - стал его жертвой.

Ельцин и не думал останавливаться на полпути. Подняв знамя борьбы за суверенитет России и ее освобождение от "диктата Центра", он положил начало движению во всех национальных республиках и регионах, которое в конце концов разрушило Союз ССР. Одновременно он заложил основы своей победы над Горбачевым.

Наряду с прежними установками, которые помогли Ельцину на выборах на Съезд народных депутатов СССР, - более последовательно, смело, революционно вести перестройку - появился и новый мотив. Какой-то очень своеобразный провинциальный российский национализм. Россия как новая страна, демократическая по своей природе, противопоставлялась Союзу ССР как символу империи. Какой-то даже не русской, а "советской", "красной империи".

Вот как он объяснял свой подход позднее в книге "Записки президента": "Самым важным политическим мотивом этих выборов я считаю разделение ролей: Горбачев представлял собой Союз, империю, старую державу, а я - Россию, независимую республику, новую и даже пока еще не существующую страну. Появления этой страны все ждали с нетерпением.

Большая часть российского общества подошла к июню 91-го с ощущением финала советского периода истории. Само слово "советский" уже невозможно было произносить. Оно исчерпало свой ресурс.

...Эта страна уже не могла существовать вне образа империи. Образ империи не мог существовать вне образа силы.

СССР кончился в том числе и тогда, когда первый толчок стукнул по Берлинской стене.

Со всем "советским" у наших людей - пусть не всех, но наиболее активной и мыслящей части общества - уже было покончено. Именно с этой точки зрения, сквозь эту призму страна смотрела на выбор нового лидера.

Я пришел с идеей самого радикального освобождения от "советского" наследия - не просто путем различных реформ, а путем изменения державной, несущей, страдательной функции России"[23].

В ощущениях Ельцина - это не логика, а именно эмоции, чувства, - перемешалось странным образом несколько идеологических пластов. Первое - явно навешанное Рейганом и другими лидерами Запада представление об СССР как об "империи зла". Затем противопоставление "малой России" - РСФСР - "большой России" - СССР, хотя очевидно, что и то, и другое образование - прямой наследник 300-летней Российской империи. Наконец, ничем не обоснованное утверждение, что российская республика более демократична, чем Союз ССР. В силу чего? Парламент СССР был куда более интеллектуален и профессионален, чем в РСФСР, и избран по таким же примерно принципам. Оставалось только одно - личное превосходство Ельцина как "подлинного демократа" над Горбачевым как "демократа социалистического". Вероятно, этого достаточно для самоощущения Ельцина, но не для народного сознания. Сам Ельцин, чувствуя шаткость своих доводов, говорит вначале о том, что его антисоветизм поддерживало "большинство народа", а в конце - только "наиболее активная и мыслящая часть".

Нет, победа Ельцина основывалась на другом. Во-первых, на симпатии к его личности - борца, смельчака, незаслуженно обиженного, на уверенности, которой дышала вся его кампания. Во-вторых, и это, возможно, главное, Горбачев утратил значительную часть кредита доверия и было неплохо в дополнение к нему иметь сильного человека. Трудно сказать, как бы выглядели результаты, если бы Ельцин и Горбачев столкнулись в ту пору на выборах президента СССР; едва ли Ельцин победил бы.

Но все это теория. А теория, как заметил Гегель (Маркс только цитировал его), - сера, а вечно зелено дерево жизни. Главные ошибки Горбачева лежали не столько в сфере политической стратегии (как склонны были думать интеллигентные советники), сколько в сфере человеческих отношений. Он был очень слаб, просто плох в подборе людей, в сотрудничестве с друзьями и борьбе с врагами. Прежде всего это относится к его соперничеству с Ельциным. Горбачев сам вскормил этого "зверя", создал ему популярность и шаг за шагом двигал к победе.

Ельцин сам терялся в догадках - почему Горбачев его пощадил, не добавил. И он отнюдь не чувствовал благодарности к Горбачеву. Даже, напротив, увидел в этом не только глупость, но и коварный расчет, желание "додушить" в объятиях.

Ельцин потом вспоминал часы полного одиночества в кабинете министра, когда телефон не звонил, и свои ожидания хотя бы от одного (главного!) звонка по правительственной вертушке. Горбачев не звонил! Держал над водой: не выдвигал и не топил тотчас.

И после этого у него был выбор, он еще мог попытаться превратить Ельцина в партнера, если не захотел расправиться с ним. Помешали постоянные колебания и вполне совместимая с этим самоуверенность: дистанция между генсеком и министром строительства выглядела непреодолимой. Горбачев упустил предпоследний шанс столкнуться с Ельциным перед выборами президента России. Но не сделал этого, напротив, попытался противопоставить ему на выборах сразу несколько кандидатов. И просчитался. А предвидеть это можно было легко. Ослепление. Если господь хочет кого-то погубить, лишает его разума...

Глава восьмая

ЛИБЕРАЛ

1

Читателю придется запастись некоторым терпением, чтобы понять суть идеологической реформы, которая составила главное содержание деятельности Горбачева на протяжении четырех лет - с 1985 по 1989 годы. Эволюция, которую проделал он сам в тайниках своего сознания, превращалась, хотя и медленно, в новую культуру элиты, а затем и общественного мнения.

К его приходу многие идеологические формы коммунизма уже были отвергнуты. Никто уже не возвращался к идее диктатуры пролетариата и обострения классово-борьбы, что было, в частности, идеологическим обоснованием сталинских репрессий. Никто не требовал форсированного перехода к коммунизму, под которым понималось еще большее свертывание рыночных отношений. Никто не ставил вопрос о преобразовании колхозов (кооперативов) в чисто государственные предприятия - совхозы, о чем думал Хрущев.

Но догмы в двух сферах казались незыблемыми. В отношениях с Западом, прежде всего с США - идеологическая борьба и военное состязание. Внутри страны - государственный социализм, плановая экономика, однопартийная система, централизованное управление всеми общественными процессами, республиками и регионами. Во многих публикациях, в том числе моих, уже в брежневские годы подвергались сомнению и критике подобные догматические идеи. Но решающее слово принадлежало Генеральному секретарю партии. Это была советская традиция, которая уходила корнями в далекое прошлое. Со времен Петра Великого в России произошло сединение светской и духовной власти, государства и церкви.

Петр, правда, сам не претендовал на роль ведущего идеолога, но полностью подчинил церковную деятельность бюрократии. Зато Екатерина II пожелала быть не только императрицей всероссийской, но и великим просветителем своей эпохи. Александр I, тоже не чуждый в начале своего правления либеральных идей, как бы раздвоился, воплотившись в двух ипостасях: государственной - через Аракчеева и духовной - через Сперанского. Раздвоение, однако, быстро закончилось полным торжеством "преданного без лести" Аракчеева и опалой духовного наставника - Сперанского. Николай I считал себя вправе цензурировать Пушкина и, в целом, направлять процесс культурной жизни народа. Николай II распустил Государственную думу во имя духовного единения нации перед лицом военной угрозы, подписав тем самым себе смертный приговор.

Такой традиции Запад не знал. Александр Македонский не претендовал на роль, которую играл его духовный наставник Аристотель. Нерон, при всех своих амбициях, считался с Сенекой. Людовик XIV терпел Вольтера.

У нас же соединение политического и идеологического начала в деятельности вождя стало традицией. Для Ленина это было естественно, поскольку он пришел к власти прежде всего как идеолог, следовал определенной доктрине и стремился осуществить ее на практике. А вот Сталин уже стал создавать себе мантию самого крупного теоретика после того, как занял пост генерального секретаря ЦК партии. До этого мало кто знал его небольшую брошюру "Анархизм или социализм?", которая не шла ни в какое сравнение с многочисленными книгами и статьями ленинских соратников. Сталин называл партию орденом меченосцев. Здесь одинаково важны оба понятия: и меч, и орден. Религиозное объединение, где сам командор претендовал на истину, единственную и непогрешимую, - и не только в сфере политики и идеологии, но даже в таких отдаленных сферах, как языкознание.

Во времена Брежнева претензия лидера на духовное руководство нацией приобрела такие грандиозные формы, которые не знала история человечества. Девять томов произведений человека, который двух слов не написал собственной рукой. Премии в качестве ученого и литератора, кажется, вбили последний камень в нелепую традицию соединять в одном лице политика, идеолога, ученого и жреца искусства.

Горбачев воспринял этот стереотип и стал выступать в качестве главного идеолога страны. Но вначале его взгляды

практически не выходили за рамки принятых коммунистических догм. В этом отношении характерна его беседа с госпожой Маргарет Тэтчер в марте 1987 года. Как рассказывает в своей книге Черняев, беседа проходила в Екатерининском зале Кремля. Михаил и Маргарет сидели друг против друга за небольшим столом. Она, как всегда, необыкновенно хороша, проникновенна, но и решительна, упряма, иногда - назидательна. Он - ироничен, насмешлив, но иногда - даже резок. Его уверенность в правоте начатого им дела оборачивалась самоуверенностью в личном общении... даже с женщиной. А в ней, при всем ее деловом уме и поразительной осведомленности, женское начало не исчезало ни на секунду. Она, "ласково" оглядывая сидящих перед нею мужчин, будто постоянно следила за тем, какое впечатление производит также и как женщина.

И вот М.Тэтчер настаивает: "Для нас очень важно, чтобы вы отказались от доктрины доминирования коммунизма".

В ответ ей Горбачев заявляет: "А мы и не провозглашали такой доктрины. Есть философия, и есть политика, есть реальность. Дело каждого народа - осуществлять свой выбор и отстаивать его. Вы привержены своей системе, мы - убежденные приверженцы своей. Вы из меня консерватора не сделаете, как и я не рассчитываю сделать из вас коммунистку".

М.Тэтчер уточняет: "Я не пытаюсь вас переубедить. Я объясняю, что нас заботит".

Но Горбачев настаивает: "Я продолжу свою мысль. Одни народы, освободившись от колониализма, берут для себя капиталистическую систему, другие - пытаются построить демократическую систему, сочетающую элементы капитализма и социализма, третьи - строят общество, близкое к социализму. Ну и Бог с ними со всеми, пускай организуют свою жизнь, как они считают нужным. Другое дело, кому мы сочувствуем. Здесь ответ ясен. Мы сочувствуем тем, кто ближе к нам, вы - тем, кто ближе к вам".

Однако невозможно переубедить М.Тэтчер: "Система в странах, которым вы сочувствуете, не дает народу права выбора другой системы. Коммунизм там вписан в конституцию, другой системы не дает, нет свободы выбора между системами. Я не требую, чтобы все страны выбирали систему, подобную нашей или близкую к ней. Я хочу, чтобы повсюду было больше личных свобод, больше свободного обмена людьми, информацией и идеями, больше процветания. Те страны, кото-

рые выбирают крайнюю, социалистическую модель, не могут добиться процветания".

Стенограмма встречи Горбачева и Тэтчер заняла 70 страниц. Их беседа, как и другие встречи с руководителями стран Запада стали важным стимулом для работы Горбачева над книгой о новом мышлении.

"Эта книга - о философских основах политики перестройки", - говорил Горбачев.

Горбачев собрал группу во главе с Черняевым для этой работы. Несколько недель "бригада" Черняева занималась чисткой уже набранного вороха материалов и собиранием дополнительных данных. В августе 1980 года Горбачев уехал в отпуск в Крым и там передиктовывал книгу трижды. Вскоре она вышла в свет в СССР и за рубежом. "Перестройка" была издана в фантастически короткий срок, разошлась по всему миру. До сих пор еще поступают сведения, что в каких-то дальних странах появляются ее новые издания [47].

Новое мышление Горбачев связывал прежде всего с отказом от традиционного подхода к проблемами войны и мира, международных отношений. Мировая термоядерная война не только уничтожила бы современную цивилизацию, но полностью прекратила существование всего рода человеческого. Без нового мышления невозможно осознать и найти пути решения глобальных общепланетарных проблем. Это стало ясно всем.

Затем новое мышление было обращено к некоторым фундаментальным вопросам общественного развития. Его исходная предпосылка - крутые перемены, которые произошли после второй мировой войны и набирают свой ритм и силу. Главные из них - технологическая или в иной терминологии компьютерная и информационная революции, со всеми их достижениями, противоречиями и проблемами.

Горбачев понял, что СССР упустил время, вероятно, не менее 20 лет, в этом состязании, что нужны чрезвычайные усилия и энергичные реформы для ускорения прогресса в стране. Но тогда еще Горбачев находился в плену идей "ленинского ренессанса". В этом отношении он был типичным хрущевистом. Сталин испортил, извратил, искохабил великое дело Ленина, полагал Горбачев. И главное - вернуться к Ленину, особенно к его идеям периода новой экономической политики: допущение смешанной экономики, сохранение частного сектора в деревне, добровольная кооперация, плюрализм мнений в партии.

В начале перестройки еще не были вскрыты многие отрицательные факты ленинской деятельности, о которых стало известно позднее: массовые расстрелы дворян, избиение интеллигенции, преследование и физическое уничтожение служителей церкви. Чудовищная жестокость сталинизма вызывала ностальгию по скрытой в дымке времени и забвения ленинской эпохе. Толчком в начале более трезвого взгляда на ленинизм послужили многие публикации в советской печати.

Привязанность к ленинским моделям политической системы, федерации, роли компартии Горбачев так и не сумел преодолеть. И все же перелом наступил. И наступил он прежде всего в сфере международной политики. И дело было не в том, что он окончательно отказался от идеи мировой революции. Это произошло задолго до него. Фактически, уже во времена Сталина произошла подмена понятий и реальной политики: хотя все еще звучали призывы о неизбежности победы коммунизма во всем мире, в действительности, это стало не более, чем идеологическим прикрытием традиционного русского мессианства и великодержавия. Поэтому М. Тэтчер напрасно требовала от Горбачева отказа от мировой революции. Следовало говорить об отказе от мировой экспансии советского государства.

Переворот в сознании Горбачева состоял именно в этом. Новое мышление для него - это конец любой экспансии, под каким бы предлогом она ни совершалась: на Кубе или в Никарагуа, в Мозамбике или на Ближнем Востоке. Общечеловеческие ценности стали вытеснять "классовые подходы".

Что касается внутренней политики, то Горбачев все дальше уходил от жестокого ленинского большевизма к либеральным социал-демократическим идеям. Гласность. Демократия. Права человека. Товарно-денежная экономика. Плюрализм.

Сейчас можно сказать - как это мало! Но в тот момент для подавляющего большинства представителей политической элиты это было откровение.

2

Началась острая идейная борьба. Одной из ее кульминаций явилась публикация в газете "Советская Россия" статьи никому не известного автора Нины Андреевой "Не могу поступиться принципами"[2]. Скоро стало известно, что статья инспирирована ближайшим соратником Горбачева

Е.Лигачевым. Она была по указанию последнего направлена во все партийные организации страны.

Горбачев в это время находился с визитом в Югославии. Я был первый, кто сообщил ему об этой публикации, поскольку приехал туда на один день позднее, и предложил написать ответную статью. Но согласия не получил. Тем не менее я написал ее и опубликовал в "Литературной газете". 5 апреля 1988 года была напечатана и статья в газете "Правда" - на этот раз по указанию Горбачева.

Главной темой дискуссий является, согласно статье Н.Андреевой, вопрос о месте Сталина в истории нашей страны. Но это неверно! Подобный вопрос был основным объектом борьбы тридцать лет назад, в период XX съезда партии. В сущности, уже тогда на него был дан прямой ответ, в чем легко убедиться, обратившись к секретному докладу Хрущева.

На самом деле тогда уже главным стал другой вопрос, на который не было дано ответа в 60-х годах. Это вопрос о Системе, сложившейся в сталинскую эпоху.

Все дело в том, что в социалистическом движении с момента его зарождения боролись две тенденции: социал-демократическая и военно - или казарменно-коммунистическая. Это началось задолго до XX века. Сен-Симон - на одной стороне, Бабёф - на другой. Маркс - на одной баррикаде, Бакунин - на другой. Сам Маркс называл бакунинское течение "больной тенью коммунизма", "казарменным коммунизмом", отрицающим повсюду личность и цивилизованность, порожденным бедностью, невежеством, социальной завистью самых низших "низов".

В КПСС последнее течение было чрезвычайно сильным, оно имело прочную опору в отсталом сознании и авторитарно-патриархальной политической культуре масс. Из состава членов Политбюро ЦК партии во времена Ленина, по меньшей мере, половина была в те или иные периоды подвержена идеям "левого коммунизма". Достаточно назвать Троцкого, который и после ссылки за границу, до последних дней жизни продолжал проповедовать самые завиральные левацкие идеи.

Участник группы "экспроприаторов", Сталин с самого начала своей политической деятельности шел в русле левацкого течения, широко пользуясь террористическими методами. Совсем не случайно в начале 30-х годов в поисках параллели оправдания осуществлявшейся политики Сталин обратился к таким несхожим фигурам отечественной истории, как Иван

Грозный и Петр Великий. Он черпал в их опыте обоснование неизбежности самых жестоких методов во имя "державного величия" страны.

Деформированная в результате режима личной власти Сталина административно-командная экономика обнаружила ряд органических пороков. Первый, самый очевидный - произвол в экономической политике на протяжении многих десятилетий. Речь идет прежде всего об административной коллективизации в 20-х годах, о сверхиндустриализации в 30-х годах, о ликвидации приусадебных участков в 50-х годах, о застое в 70-х годах.

Выходит, дело в самой структуре хозяйствования, которая по самой природе податлива произволу или, во всяком случае, не имеет гарантии в себе самой от экономического произвола. Расплатой за это становится технологическая и техническая стагнация. Внутри Системы было мало стимулов для постоянного обновления технологии, освоения новой техники, непрерывного внедрения достижений технического прогресса. Построенная по принципу "приказание - исполнение" экономика с трудом справлялась с намечаемыми сверху планами экономического развития. У нее не было ни резервов, ни материальных средств, ни, наконец, побуждений для того, чтобы постоянно совершенствовать технико-технологическую базу производства, добиваться более высокой производительности труда.

Другой порок существовавшей Системы - хронический недостаток продовольствия, товаров и услуг. В отличие от экономики капитализма с ее кризисами перепроизводства, командно-административная экономика так и не смогла избавиться от постоянного дефицита. Заклинания и обещания руководителей не меняли дела. Значит, порок лежит где-то в основании функционирования такой Системы.

Наконец, еще одна черта экономической системы - тенденция к самоизоляции. Любая экономика в наше время, если она хочет быть на современном уровне, не может развиваться без теснейших разнообразных связей с экономикой других стран, без участия в международном экономическом разделении труда. Наша Система на протяжении многих десятилетий была практически изолирована не только в силу ошибочных политических решений. Она был изолирована и в силу собственной научной, технической и технологической отсталости от мировых лидеров. из-за неспособности выдерживать конкуренцию с более развитыми экономикими. Эти последние причины будут

действовать еще длительное время. Хотя СССР начал развивать международные связи, но от первого шага еще далеко до реального участия в международном разделении труда. Мы продаем в основном сырье, а покупаем машины. Что касается другой продукции перерабатывающей промышленности, то она так отставала от мировых стандартов, что могла продаваться за рубежом только на основе демпинговых цен, то есть в убыток государству, ради получения валюты.

Поэтому подобная система предпочитала быть закрытой. Она боялась непосредственных экономических связей, плохо выдерживала впрыскивание в нее зарубежной передовой технологии и ничего не могла предложить взамен другим развитым странам. Поэтому и внешняя торговля для нас, по сути, была необходима скорее с точки зрения военного производства и использования новой техники и развивалась с большим трудом. Такова плата за изоляцию экономической системы в условиях современного мира, законом которого стала экономическая интеграция.

Какова же, по Горбачеву, качественно новая модель более эффективного демократического, гуманного социализма, которую, по его мнению, следовало реализовать?

Это планово-товарная экономика, основанная на хозрасчете и множественности видов общественной собственности - возвышение государственной до уровня общенародной, развитие кооперативной, семейной и индивидуальной форм. Это экономическая состязательность (социалистическая конкуренция). Это развитие гражданского общества и подчинение государства обществу. Это преодоление хотя бы самых нецивилизованных форм бюрократизма и построение государственного управления по принципу "лучше меньше, да лучше". Это развитие самоуправления, формирование общественного мнения как фактора политического процесса, развитие выборности, ротации кадров, профессионализма.

Недавно мы узнали важные подробности о столкновении в Политбюро вокруг статьи Н.Андреевой. Вот как об этом пишет Черняев:

"Статья в "Правде" от 5 апреля (готовилась она помощниками Горбачева и Яковлевым) поставила многих в неловкое положение. Приходил ко мне Лигачев как побитый. Мучается. Говорит: "Давайте проведем расследование. Дайте указание, пусть проверят на фактах: не давал я указания, чтобы статья Андреевой рассматривалась как директива. Не давал..."

"Может, - говорил мне М.С., - и не давал. Но куда нужно и до кого нужно "довел свое мнение". А антиперестроечники тут как тут... Успокойся, не надо никаких расследований, еще не хватало своими руками раскол организовать в Политбюро".

Это была крупная ошибка, за которую он дорого заплатил впоследствии"[47].

Не решился Горбачев воспользоваться случаем и убрать из Политбюро Лигачева и других консерваторов.

Перечитывая сейчас то, что писал тогда Горбачев, то, что писали мы, легко увидеть, как быстро изменилось время, как далеко мы ушли от того периода. А ведь тогда это казалось крамолой подавляющему большинству в рамках политической и культурной элиты. Горбачевизм прошел только небольшую часть пути к демократии. И это вызывало критику с двух сторон. Другую сторону, альтернативную Лигачеву, представлял Борис Ельцин.

Хотел бы сообщить читателям о разговоре, который у меня состоялся во время упоминавшейся поездки в Югославию с Горбачевым. Разговор приоткрыл для меня самые глубокие тайники сознания этого человека, то, что составляло настоящий комплекс в его психологии и служило источником его политических колебаний.

Это было в советском посольстве в Белграде. Я опубликовал незадолго перед этим статью о Хрущеве. Статья заканчивалась рассказом о предостережении, которое сделал Уинстон Черчилль Хрущеву во время его пребывания в Лондоне в 1956 г., о чем я писал выше. Напомню еще раз. Черчилль сказал: "Не забывайте, что невозможно преодолеть пропасть в два прыжка, можно упасть в нее". "Я понял твой совет, Федор, - сказал мне Горбачев, - я буду действовать более осторожно".

Судьба Хрущева, заговор против него и его падение - это был, поистине, вечный кошмар Горбачева. Все шесть лет у власти он со страхом оглядывался на этот прецедент. Возможно, это было какое-то подсознательное предчувствие того, что неизбежно должно было произойти.

Еще две темы заслуживают внимания в контексте предрассудков Горбачева: национальная проблема в СССР и частная собственность. С предрассудками в области этих двух проблем он так и не расстался до времени своего падения.

Как и подавляющее большинство русских людей, он был неспособен "влезть в шкуру" человека из национальных меньшинств. Не испытывая сам националистических предрассудков

ний, он искренне полагал, что другим нациям легко и хорошо жить с русскими. Кроме того, он подходил к этой проблеме слишком рационально, с точки зрения экономических интересов разных народов, не понимая глубины национальных чувств, которые нередко стоят выше очевидных выгод.

Самой крупной ошибкой Горбачева было отношение к Прибалтике. Он исходил из ложной посылки: уход Прибалтики повлечет за собой цепную реакцию во всех других республиках. Многократно мы доказывали обратное, что Прибалтика - это особый вопрос, ее включение в СССР произошло в результате преступной сделки двух тоталитарных режимов, ее выход из СССР - элементарное восстановление исторической справедливости. Но Горбачев стоял на своем и, фактически, своим авторитетом прикрыл кровавые события в Вильнюсе.

Неверным было его отношение к событиям в Нагорном Карабахе и других регионах Кавказа. Фактически, он и Москва в целом устранились от участия в решении этой проблемы и утратили роль справедливого посредника, которая могла помочь преодолению конфликта в самом его зародыше.

Особенно серьезно ошибся Горбачев в отношении Украины, хотя генетически был связан с украинскими корнями (он говорит на этом языке). Горбачев не мог себе представить национальных чувств украинского населения.

Вот что он говорил на закрытом заседании Политбюро после поездки на Украину:

"На Украине, как и в Белоруссии, национальные вопросы стоят иначе, чем в неславянских регионах. Здесь действительно очень близко все переплелось с Россией.

Есть попытки поставить национальные аспекты с экстремистских позиций. Но, должен сказать, что и среди кадров, и в народе очень сильны интернационалистские привязанности. Поэтому глашатаям "самостийности" приходится ездить за вирусом в Прибалтику. Но этим "искровцам" пожара так и не удалось разжечь, даже костры не воспламеняются. Народ не пренебрегает их претензий, особенно рабочий класс"[47].

Последующие события показали, как неправ был Горбачев. Украина стала главным тараном в разрушении Союза ССР и основным препятствием на пути создания реального Содружества Независимых Государств.

Колебания Горбачева в концентрированном виде выплеснулись при подготовке новой программы КПСС, которая получила название "платформы".

Вера Горбачева в социализм с человеческим лицом стала главным препятствием на пути демократического развития Союза ССР. Она, в конечном счете, предопределила и его падение. Передовые слои общества уже ушли далеко вперед в своих представлениях и ожиданиях. Но они смогли сделать это только благодаря Горбачеву. Открыв шлюзы гласности и провозгласив новое мышление, он сам породил этот поток, которому было суждено снести с дороги и самого основателя. Поэтому, надо признать, что идеологическая революция - революция в умах - это едва ли не главная заслуга Горбачева, несмотря на торможение, к которому он прибегал в процессе бурного перехода от старой системы ценностей к новой.

3

Чего не понимали вполне Горбачев и другие либеральные деятели периода перестройки - это взаимосвязи между коммунизмом и российскими традициями, особенно в сфере политической культуры. Главные ошибки либералов - теперь это уже стало очевидным - состояли в попытках механически приложить к уникальной во многом российской цивилизации, без всяких переходных периодов институты, сложившиеся на Западе, в других исторических условиях. Этот упрек может быть адресован всем либеральным деятелям, в определенной степени и автору этих строк. Политическая культура, менталитет элиты и всего народа, традиции - это живая душа государства. Меняются они медленно и без них добрые нововведения, если не хотят их извращения на практике, должны сообразоваться с этими факторами.

В эпоху Горбачева в общественное сознание стали проникать три новые общечеловеческие ценности - демократия, свобода, рынок. Но три традиционные национальные ценности не собирались так легко уступать свое место - государство, империя, равенство.

Русский коммунизм не порвал с прежними дореволюционными традициями. Во многих отношениях он их продолжил. И сейчас, хотя не так много людей выступает за возврат к коммунизму, многие, даже не отдавая себе отчет, все еще придерживаются некоторых символов его веры.

Русское государство - его безопасность, его всемогущество, его величие - было важнейшей национальной ценностью с незапамятных времен. Не личность, не семья, и даже не племя и на-

род, а именно государство, держава. "Все мы слуги государевы", - так выразил эту идею, став первым русским императором, Петр Великий. Он соединил ее с имперской идеей. Иными словами, переименовал ориентиры государственной политики, которая до этого чаще всего рассматривалась как самозащита от агрессии с Запада и Востока, превратив ее в завоевательную, рассчитанную на расширение пределов русской державы. В XIX веке, когда идеи демократии стали волнами докатываться с Запада в Россию, Николай I провозгласил более тонкий и изощренный символ: "Самодержавие, православие, народность". Хотим мы или не хотим признавать, но этот символ достаточно глубоко проник в толщу народного сознания.

Революция 1917 года разрушила Российское государство и отвергла его идеалы. Она поставила на их место идею коммунистическую. Но вот вопрос - отказалась ли она от государственной, имперской идеи и полностью от идеи царя?

Коммунизм, который начал с отрицания государства, на практике пришел к его абсолютной апологии. В конце жизни Сталин одел аппарат министров в казенную форму, распределил табели о рангах, установил не виданные прежде привилегии. Такая система сохранялась в почти нетронутым виде до времен перестройки. Соединение авторитарной власти и государственной собственности и дало тот симбиоз, который получил название тоталитаризма и этатизма.

Для простых людей государственная идея поворачивалась прежде всего выполнением возложенных на них обязательств. Сдать (именно сдать!) зерно государству в установленном им количестве и в намеченные сроки - обязанность крестьян. Работать до седьмого пота за заработную плату, определенную государством на уровне в десятки раз ниже, чем в странах Запада, - обязанность рабочих. Самые выдающиеся ученые были обязаны производить ядерное и другое оружие ради государства. Оно было неким монстром, поглощающим все больше живого труда, интеллекта, жизнью во имя каких-то своих величественных целей. Эта магия - что бы мы ни говорили позднее - завораживала, придавала смысл бедному или даже убогому существованию людей, поклоняющихся суровому идолу.

Но была и иная сторона дела. Государство должно служить людям. Оно - гарантия безопасности. Социальная защита. Никто не может быть брошен на произвол судьбы.

Служить государству - да! - но всем вместе. без льгот для

отдельных групп. Эта психология, хотя и сильно поистрепалась в период перестройки, но все еще сохраняет свое влияние в русском менталитете.

Другая главная идея русского человека - равенство в тяготах. Кажется, нигде в мире не было такого могучего порыва к равенству, как в России. Люди были согласны на любую жестокость власти, если она равно карала всех подданных. Коммунизм с его эгалитаризмом упал на самую благоприятную почву в России. Страна никогда не знала, что такое свобода. Но равенство понимал каждый. Маркиз де Кюстин, посетивший Россию в прошлом веке, писал: "Все здесь есть, не хватает только свободы, то есть жизни"[5]. Равенство стало главной ценностью в глазах народа при коммунистическом режиме. Поэтому отклонения от него принимались так болезненно. Если еще терпели привилегии чиновников, то людей теневой экономики, зарабатывавших большие деньги, ненавидели и презирали. Но ведь именно народу в первую очередь предстояло вступить в рынок в новое время.

Есть два взгляда на русский коммунизм. Первый: коммунизм был привнесен извне, он совершенно чужд природе России. Второй: коммунизм эксплуатировал какие-то глубинные традиции России, ее институтов, особенности культуры и сознания ее народов. Скажу сразу: я придерживаюсь последней точки зрения.

Профессор Гарвардского университета говорил мне: "Ленин был настоящим коммунистом, Горбачев - полукommунист, а Ельцин отказался вообще от коммунистической идеологии". Отчасти он прав: действительно, происходит внутренняя эволюция сознания политической элиты России. Но не все так просто. И Ленин не был коммунистом в западном смысле этого слова, он был больше антизападник. И Горбачев никогда не исповедовал классический коммунизм - он был больше русским западником. Что касается Ельцина, то он глубоко не вникал в идеологию коммунизма, его прагматический ум направлен на достижение политических целей в сфере власти. Но и он не вполне свободен от коммунистического наследия как раз именно в данной сфере, хотя сам, быть может, не отдает себе отчет в этом. Дело в том, что коммунистическая утопия во времена Сталина и особенно его наследников все более вырождалась в тоталитаризм, прикрываемый, как облаком, словесным коммунистическим флером.

Любопытны высказывания Ельцина о коммунизме. Он

разделял самое примитивное народное представление о нем как рае обетованном. Коммунизм для него - изобилие жизненных благ и только. Собственно, даже не изобилие, а скромный достаток, уступающий тому, что имеет средняя американская или западная семья. Вот наиболее характерные его высказывания.

"Если уж ты забрался на верхушку пирамиды партийной номенклатуры, тут все - коммунизм наступил!.. Про коммунизм - это я не утрирую, это не просто образ или преувеличение. Вспомним основной принцип светлого коммунистического будущего: "От каждого - по способностям, каждому - по потребностям"... Настоящий коммунизм пока удалось построить только для двух десятков человек"[22]. Ельцин имел в виду членов Политбюро и перечислил все, что они получают: квартира, спецмашина, спецснабжение, спецполиклиники, то есть то, что дает человеку посткапиталистическое общество. Он очертил только узкий круг людей и не включил в него секретарей обкомов - их привилегии казались ему нормальными и оправданными, поскольку сам ими пользовался. Не случайно нас называют обществом социальной зависти.

Что касается коммунизма, то и Хрущев, и Брежнев, и Горбачев, видели его идеал в достижении хорошего уровня жизни для народа. Все остальное, что Маркс полагал главным - безгосударственное общество, ликвидация денег, отсутствие классовых различий и эксплуатации - было за пределами российского сознания. Вожди, которые пришли после господства идеологических фанатов - Ленина, Сталина и всей старой гвардии революционеров, низвели их высокую мечту к обеденному столу, да еще на кухне, тайком, чтобы никто не увидел. Хорошо поесть, крепко попить и поменьше работать. Как в сказке об Иване-дурачке, который завладел скатертью-самобранкой.

Поэтому, когда Ельцин призывал сокрушить старую систему, он не имел в виду коммунизм. Поначалу он под этим понимал господство партийного аппарата. Но уже в 1989 году он сделал важный шаг вперед и говорил о монополии государственной собственности как основе этой системы. Здесь уже появились первые ростки его будущей приверженности к рыночной системе.

А народ? Что думали о коммунизме простые люди? Почему они его поддерживали или терпели?

На Западе распространено довольно странное мнение,

будто революцию 1917 года и весь коммунистический эксперимент проделала какая-то шайка террористов, которая захватила и удерживала власть одним насилием. Если бы это было так, задача перехода к демократии и свободе не была бы такой сложной. Прогнали коммунистов - и начали новую жизнь. К сожалению, в жизни не так.

Коммунизм в его русском издании затронул некоторые глубинные национальные струны. Жители России привыкли смотреть на себя как на подданных, которые служат государству или, что было для них понятнее и ближе, царю-батюшке. Испокон веков так было. И касалось это всех слоев общества - и дворян, и купцов, и городских обывателей, и крестьян. Только в XVIII веке, точнее 18 февраля 1762 года, Петр III подписал указ о дворянской вольности, по нему дворяне освобождались от обязательной службы - военной или гражданской.

Крестьяне ожидали вслед за дворянскими вольностями указа о своей воли от крепостной зависимости помещикам. Им пришлось ждать почти 100 лет. 19 февраля 1861 года Александр II освободил крестьян.

Мысль о покровительстве государства никогда не выветривалась из русской души. Все надежды, которые раньше возлагались на царя, были перенесены на коммунистическое государство. Поэтому идея социальной защиты, которую с самого начала выдвинули большевики, нашла живой отклик в национальном сознании. Когда советское государство первым в мире ввело 8-ми часовой рабочий день, а затем гарантировало бесплатное образование, здравоохранение, практически бесплатное жилище, а затем и пенсию, оплачиваемый отдых, - это отвечало надеждам людей и вызывало чувство превосходства перед странами, где за все надо расплачиваться деньгами. А впереди государство обещало все сделать бесплатным - изобилие продовольствия, товаров и услуг.

Люди не знали, как живут за границей. Пропаганда была пропитана рассказами о мытарствах безработных, бездомных, фермеров, рабочих. Кроме того, и уровень потребностей был невысок. Но так было до той поры, когда люди не узнали о привилегиях бюрократии. Кстати, не случайно все правительственные дачи и санатории окружались высокими заборами. Это была самая большая государственная тайна - как живет элита. Когда люди узнали об этом в период гласности - произошел взрыв. При этом люди осуждали партийных боссов в

тех же выражениях, что и Ельцин: вон они уже живут при коммунизме, а мы все еще маемся от нехваток и очередей.

Что же представлял собой русский коммунизм? Было ли это западное явление, привнесенное на русскую почву, или продолжение одной из традиций русской истории с использованием подходящей западной идеологии?

Думаю, вы уже обратили внимание на это немного странное словосочетание, где на первом месте стоит "русский". Разве коммунизм не универсальное явление, охватившее в XX веке почти одну треть населения земли - в России и Китае, в Югославии и Польше, на Кубе и во Вьетнаме? Универсальное - да, но не в меньшей мере национальное. Коммунизм Карла Маркса и коммунизм Ленина и Сталина так же мало похожи друг на друга, как семь кругов ада Данте.

Само понятие "русский коммунизм" впервые объяснил наиболее интересно из всех русских мыслителей XX века Николай Бердяев (1874-1948). Выходец из верхних слоев русского дворянства, Бердяев стремился создать новую религиозно-философскую систему, которая включала и некоторые социалистические идеи. В 1922 году он был выслан из России, жил после этого во Франции, где написал свои самые значительные работы. Его книга "Истоки и смысл русского коммунизма"[4], пожалуй, самое глубокое проникновение во взаимосвязь русской идеи и идей коммунизма. И одна из черт русского коммунизма - отношение к власти как самодержавной и абсолютной. На протяжении веков народ привык видеть царя в Кремле. И вожди коммунизма, хотя они называли себя генеральными секретарями, встроились в эту модель.

Не хочу ни в малейшей мере оправдывать Маркса. Его теория действительно дала толчок жестоким и безжалостным революциям. Но Сталина отделяет от Маркса такая же дистанция, как основателя иезуитов Лойолу от Христа. Сталин был больше, чем царем. Он был больше, чем тираном. Он был абсолютным владыкой всего народа и каждого человека в России, всей земли, всех богатств. Сталина называли хозяином. И когда Ельцин как-то по неосторожности сказал о себе - "хозяин" - люди вздрогнули.

Коммунизм для советских вождей был прежде всего способом властвования. И сейчас, когда произошли гигантские перемены - компартия больше не руководит государством, имеется президент и парламент, избранные народом, новые лидеры, тем не менее, во многом сохраняют прежнюю мен-

тальность. Абсолютизация власти - ее главное проявление.

Государственная идея - вот что принципиально отличало русский коммунизм от западного марксизма. Маркс провозгласил кончину государства. Его идеалом было общество, где не будет политической власти. Для Маркса жестокость революций находила нравственное оправдание именно в том, что они в короткий срок приведут к идеальному обществу без государства, без деления на богатых и бедных, без денег и эксплуатации ко всеобщему благоденствию. Это было наивно, но, как всякая утопия, - очень соблазнительно.

Что касается Ленина, то он хотя иногда и повторял эти догмы, но оставался типичным русским государственным. Суть всей его доктрины - как захватить и отстоять власть. И в этом отношении надо отдать ему должное. Подумайте, паренек из далекого волжского городка создает небольшую партию, спаянную железной дисциплиной, и захватывает власть - вначале в столице, в Петербурге, а затем во всей гигантской империи. Установив деспотический режим, Ленин сумел отстоять его в жестокой гражданской войне. Этот режим оказался одним из наиболее устойчивых в так быстро меняющемся мире XX века. Почему? Потому, что он соединил традиционную, привычную для народа деспотическую власть с социальной защитой беднейших слоев населения.

Диктатура пролетариата, а вернее КПСС, а еще точнее - ее вождей, стала продолжением самодержавия в самой грубой и вульгарной форме. Когда Ленин пришел к власти, русская империя находилась фактически в распаде. Отделились Литва, Латвия и Эстония, находившиеся под немецкой оккупацией, ушла Финляндия, заявила о своей независимости Украина. Грузия, Азербайджан, Средняя Азия пришли в движение и требовали независимости. И тогда Ленин незаметно сбросил маску интернационалиста и стал кровью и железом спасать империю, правда, под предлогом защиты революции.

Ленин был революционером-максималистом и государственным человеком. По словам Бердяева, только такие люди преуспевают и побеждают. Он соединил в себе простоту, правоту и нигилистический аскетизм с хитростью. почти с коварством. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром, полагает Бердяев [4].

Вот еще одно замечательное суждение Бердяева: "Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление

русской великодержавности, русского империализма, - первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя... В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным".

Здесь мы подошли к объяснению природы русского мессианства в сознании вождей России. Это очень важно, ибо русская идея была и в значительной степени остается путеводной звездой для русской политики.

Много веков назад религиозный деятель Феофан писал царю Ивану Третьему: "Да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: во всей поднебесной христианский царь... Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть: твое христианское царство уже иным не достанется" [4].

Лучшие русские умы испытали на себе влияние этой доктрины. Правда, у них она выглядела не так примитивно, не как претензия на превосходство православия над всеми религиями. Достоевский, например, видел миссию русского народа в привнесении истины и добра всему человечеству. Но все же идеал богоизбранного народа сохранялся.

В сознании Ленина религиозная догма каким-то причудливым манером преобразовалась в догму идеологическую. Вера в коммунизм заняла место веры в Бога. Но в осадке осталось все та же мессианская идея, приправленная другим соусом. Россия впереди всех. Она указывает всему человечеству путь к коммунистическому спасению. Ленин верил в эту миссию России беззаветно. Сталин провозглашал ее как основу политики. Хрущев еще донашивал эту веру. Не случайно его заветной целью было сравняться с Америкой - и в военном, и в экономическом отношении - и превзойти ее. Его крылатая фраза - "мы вас закопаем", - конечно, не имела в виду войну, но исходила из глубокого убеждения в неизбежности торжества русского коммунизма во всем мире. Брежнев превратил эту идею в чисто имперскую, великодержавную политику, выдавив как пасту из тюбика остатки коммунистической утопии. Горбачев попытался связать великодержавие с новым мышлением, имея в виду сохранить роль России как второй супердержавы, а Ельцин отчасти вынужденно, - впервые поставил под сомнение мессианскую роль России. Но третий Рим не

умер в сознании русской элиты. Он временно спрятался, как улитка в скорлупе, из-за крушения коммунизма. Способен ли он возродиться и в каком виде - покажет будущее.

4

Умерла ли коммунистическая утопия в сердцах простых людей? Вера в справедливость, материальное равенство, изобилие? Вот вопрос, на который предстояло ответить Горбачеву, когда он приступил к реформам.

Когда на Западе думают о коммунизме, то прежде всего вспоминают "Гулаг" Солженицына. Лагеря смерти. Массовое избиение людей. Чудовищную жестокость правителей - Ленина, Сталина, других коммунистических вождей.

Все это правда. Но не вся правда. Правда состоит и в том, что коммунизм был не только идеологией кучки фанатиков, но и отвечал каким-то сокровенным мечтам обездоленных бедных людей. Мечтам неясным, скорее продиктованным чувствами, чем разумом. Большевики победили и смогли 70 лет удерживать власть именно потому, что умело эксплуатировали эти мечты и ожидания. И если первые 40 лет для сохранения их власти требовались расстрелы, тюрьмы и лагеря, то в последующие 30 лет достаточно было удовлетворять некоторые потребности народа, не прибегая к массовым репрессиям, а внушая ему надежды на счастливое будущее.

Коммунизм дал эрзац веры. Люди толком даже не знали, что это такое. Но как часть коллектива, исповедовавшего эту доктрину, люди поклонялись тем же идолам или богам. Догматизм, аскетизм, нетерпимость плотно вошли в ткань русской души. Во времена крушения коммунистической веры, эти свойства находят выход в других символах. Одни кричат на площадях "демократия", другие - "Советы", третьи - "рынок", и делают это одинаково неистово и бескомпромиссно.

Коммунизм - это летаргический сон россиян. И никто не может утверждать, что этот сон полностью испарился из их сознания. Отвергая само понятие коммунизма, многие вольно или невольно еще донашивают его одежды, веруют в его принципы и установления.

О чем больше всего спорили и спорят в России? О частной собственности. Конечно, не о личной собственности, которая нужна для удовлетворения элементарных потребностей семьи. Это не отрицал и советский строй. При Горбачеве встал во-

прос: кому достанутся богатства, которые до сих пор принадлежат государству: земля, нефть, газ, золото, алмазы, заводы, фабрики, магазины, школы, стадионы, дороги. Государство заявило о невиданном аукционе, идет раздача или распродажа его имущества. И тут как раз и встает, как Люцифер из пламени, коммунистический монстр. Он возникает в душе почти каждого человека. Кто станет собственником и что будет с большинством людей, которые заведомо не получают практически ничего? Не попадут ли они во власть бюрократов и теневиков, не заинтересованных в развитии национального производства? Горбачев не хотел и боялся такого поворота событий.

Итак, для простых людей коммунизм - это прежде всего общественная собственность и основанное на ней равенство. Частная собственность порождает огромное расслоение на богатых и бедных, общественная - более-менее уравнивает всех. В сущности, это инстинктивное стремление к обществу средних классов. И в этом виде оно сохранилось в народе до сегодняшнего дня. Большинство глубоко раздражено лихорадочным ростом богатства в руках чиновников, торговцев и банкиров, которые составляют не более 2-3 % населения страны. Меньшинство надеется последовать их примеру. Особенно молодежь.

Но коммунизм для народа был и мечтой о будущем преодолении дефицита: всего будет вдоволь - "и чего есть, и чего пить, и одеться, и где жить". Не случайно в последней коммунистической Конституции 1977 года были записаны такие права, как право на жилище, на бесплатное образование и здравоохранение, на социальное обеспечение. И, хотя жизнь людей оставалась бедной, они сохраняли веру, что где-то, не за горами, начнется новое благословенное время - сладкая пора для всех.

Справедливость тоже ассоциировалась с коммунистической верой. Под справедливостью понималось равенство. Конечно, начальники живут намного лучше, но все, что они имеют, принадлежит не им, а государству - дача, высокая зарплата, машина. Потеряй они свой пост - останутся ни с чем. Государственная собственность выглядела главной опорой справедливости.

Что касается единоличной власти вождя, то это отвечало национальной традиции. Царь - не просто лидер, как президент или премьер-министр на Западе. Он - гарант единства на-

ции и государства, помазанник божий. То, что его не избирали, не выглядело недостатком. Даже напротив, его власть обретала в глазах простых людей какой-то мистический характер. Сталин - отец народов, заботливый, всезнающий, всевидящий, живое воплощение справедливости.

Мечта о таком обществе равных людей была присуща всей европейской цивилизации. Платон писал об идеальном государстве, Кампанелла - о городе Солнца, Томас Мор - об острове Утопия, Оуэн - о коллективных предприятиях - фалангах, наконец, Маркс - об обществе без частной собственности, без классов и без государства.

Но в России была особенно благоприятная почва для подобных утопий. Россию от Западной Европы отличали по меньшей мере три обстоятельства.

Первое - государственная и общинная собственность. Последний царь Николай II, отвечая в анкете на вопрос о своем социальном положении, написал: "Хозяин земли русской". Его супруга Александра Федоровна тоже написала: "Хозяйка русской земли". Они заплатили ужасную цену за власть над народом. Расстрел царской семьи в Ипатьевском доме в г.Екатеринбурге стал символом чудовищной жестокости коммунистического режима.

Но само понимание императором царской власти очень характерно. Он не говорит, подобно королю Людовику XIV: "Государство - это я!" Русские цари претендовали на большее. Они распоряжались и собственностью, и властью.

Второе - крепостничество. Русские цари, особенно после кровавой бани, которую устроил Иван Грозный боярам, считали себя хозяевами всей русской земли. Они раздавали землю дворянам за службу, вначале - только во владение, а позднее - и в собственность. Они могли в любой момент подвергнуть опале любого дворянина или боярина и отобрать его собственность в царское владение.

Третье - православие. Особая вера в воздаяние простым людям на небе за их страдания на земле.

Можно ли думать, что неистовое религиозное противоборство с западными ценностями навсегда покинуло души русских политических лидеров? Вряд ли. Медведь залег в берлогу - на улице мороз сменился слякотью смутного времени. Но медведь еще проснется. Будет ли это называться социализмом, возрождением России, торжеством демократии, - не так важно. Важно, что насилие еще может сыграть свою роль в

русской истории. Пока сохраняются жестокость в сердцах правителей, трудно ждать торжества свободы. Увы, многие из этих традиций живы и по сию пору. Утопия не исчезла окончательно из русского сознания.

В годы перестройки в общественном сознании столкнулись между собой три основные идеи. Русская идея - национальная, великодержавная по своей сути. Евроазиатская идея, которая рассматривает Россию не как русский этнос, а как центр, объединяющий народы Европы и Азии на огромном пространстве бывшей царской империи. И, наконец, европейская либеральная идея, ориентирующая Россию на использование западных ценностей, вхождение в Европу и мировую цивилизацию. Последнюю исповедовал Горбачев, к ней примыкал и Ельцин, который, однако, заимствует многие постулаты у русского национализма со всеми положительными и отрицательными качествами.

Либерализм, разумеется, не в чистом виде, а в русском издании, составил главное содержание эпохи перестройки, 1985 - 1991 годов. За это время произошла революция в общественном мышлении, главным образом, в среде интеллектуальной и политической элиты. Идеи демократии, национального самоопределения, прав человека, частной собственности и рынка, разоружения и примирения с Западом составили главное содержание этого перелома. Однако разыгравшиеся национальные конфликты в Нагорном Карабахе, Казахстане, и Узбекистане, движение к национальной независимости в Прибалтике, на Украине, в Молдавии и других регионах пришли в острое противоречие с либерализмом. И тогда на смену ему, сокрушая все на своем пути, вырвался национализм.

Что же означает сегодня национализм в России?

На первое место можно было бы поставить русско-славянское движение. Это причудливый конгломерат довольно разнородных течений, которые в конечном счете сливаются в одно русло. На одном полюсе находятся последователи А.Солженицына, на другом - представители общества "Память", а в центре - сторонники государственной (державной) идеи, которые группируются вокруг А.Рудского.

Александр Солженицын известен не только непримиримой борьбой против коммунизма, но и отрицанием ценностей западной цивилизации. Его мощное вторжение в реформацию Союза ССР нашло воплощение в статье "Как нам обустроить Россию?" Я опубликовал эту статью в "Литературной газете"

те"(18 сентября 1990 года), имея в виду и высокий авторитет автора, и огромной силы заряд антисталинизма в этой работе. Но это не означает полного согласия с его видением будущего России.

Основная мысль Солженицына - надо объединить славянскую часть Союза и освободиться от бремени прибалтийских, кавказских, среднеазиатских народов. Однако при этом сбрасывается со счетов новая реальность евро-азиатской цивилизации. За пределами Российской Федерации проживает 25 миллионов русских людей. Что будет с ними? Должны ли они вернуться в Россию, куда и как? Треть украинцев живет за пределами Украины, как быть с ними? Две трети татар живут за пределами Татарстана - куда им деваться? Экономические связи переплелись так, что их можно рвать только с мясом. Кроме того, реальность такова, что главным противником сохранения Союза стала славянская Украина, а главные сторонники его сохранения оказались в Азии.

Русский народ, продолжает Солженицын, не сможет сохранить свое "неповторимое лицо", "свой дух", не сможет посвятить себя "внутреннему развитию", не освободившись от великодержавной идеи, поскольку излишнее рассеяние и "смешение" ведут к потере культурной идентичности. Необходимо отбросить "мираж" "единой и неделимой", использовавшийся коммунистами и все еще действительный для русской эмиграции. Этот мираж ослепил Александра I, пытавшегося удержать Польшу в империи. Но "неужели Россия обеднела от отделения Польши и Финляндии?"

Это национальное движение находит своего союзника в возрождаемой идее русской державности. Течение "государственников" - пожалуй, самое активное и среди центристов, и среди новых левых. Его основная посылка состоит в том, что, как пишут, "русская идея на рубеже тысячелетий - это не только национальная и национально-государственная, но вместе с тем и вселенская идея спасения человечества, спасения всей жизни на Земле" [24].

В последнее время общественное мнение России стало все чаще возвращаться к идее евроазиатской солидарности. Свое вдохновение сторонники данного взгляда черпают у русских мыслителей прошлого. Одним из самых популярных идеологов сейчас стал убежденный антикоммунист и евразиец, Иван Ильин (1882-1954), высланный из России в 20-х годах, но отчасти поддерживавший большевиков в их деятельности по

возрождению российской империи. Ильин утверждал, что расчленение России "явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена". Он предупреждал, что в этот взрыв "будет втянута вся Вселенная", поскольку "территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения". Россия может тогда, по его мнению, превратиться в гигантские "Балканы", в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран ("инфильтраты", "оккупанты", "агитаторы", "разведчики", "революционные спекулянты" и "миссионеры") - все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы Вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира.

"При самом скромном подсчете, - писал Ильин, - до двадцати отдельных "государств", не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России" [24].

Дилемма - союз славянских государств либо евразийское общество, по моему мнению, надумана. Точнее, она высосана из идеологического пальца. Делить такую многонациональную страну, как бывший СССР, по расовому или религиозному признаку невозможно и опасно. Это чревато распадом уже самой России, где есть Татарстан, и Калмыкия, и Чечня, и Саха (Якутия), где исповедуются и христианство, и ислам, и буддизм, и иудаизм, и многие другие религиозные верования. Кроме того, можно ли забывать о том, что до сих пор главным дезинтегрирующим фактором остается как раз позиция славянской Украины.

Достижение националистических целей всегда сопровождается насилием. Поэтому самое опасное - это возрождение тоталитарного сознания. Идеология ненасилия, присущая шестидесятникам, глубоко травмированным сталинизмом, стала уступать место культуре силы, который ищет оправдание в российских традициях и великодержавии.

Имперская идея существовала и в среде политической, военной и промышленной элиты. Ее смысл состоял в борьбе за поддержание роли супер-державы. И здесь была примером Америка. Что делали США на мировой арене, в военной промышленности, в третьем мире - должны делать и мы. Это было какое-то умопомешательство политиков и военных. Паритет стал ночным кошмаром Брежнева и его соратников.

Перед Горбачевым стояла труднейшая задача - выработать концепцию исторического перехода от коммунистической идеологии, которая эксплуатировала многие прежние традиции, нормы, институты, к современному цивилизованному демократическому государству и обществу. К несчастью, ни Горбачев (в чем его лично, как политика, упрекать трудно), ни его окружение справиться с этим не смогли. "Социализм с человеческим лицом" никогда не был разъяснен хотя бы теоретически. Точно так же, как регулируемый рынок. Точно так же, как обновленная федерация. Модель переходного периода, рассчитанного, как и в других странах, на 30-40 лет, так и не была выработана. Шел поиск наощупь, без руля и ветрил, без сколько-нибудь ясных ориентиров, в условиях наступления экстремистов, которые загоняли Горбачева все дальше в угол, заставляли вести заранее проигранные арьергардные бои.

Глава девятая

ПАРЛАМЕНТ

1

Тем временем политическая реформа Горбачева набирала обороты. Ее сердцевиной стали выборы съезда народных депутатов СССР.

Первые и последние неформальные всенародные выборы власти в России были в 1918 году. Избранное населением Учредительное собрание было разогнано большевиками очень просто. Начальник охраны вошел вечером в зал заседания этого Собрания и заявил: "Господа, пора расходиться, караул устал". Разошлись, а наутро двери зала, где проходило Собрание, оказались на запоре.

И вот семьдесят лет спустя, им предстояло снова открыться. Выборы I Съезда народных депутатов СССР стали объектом острой политической борьбы, страстей и страхов элиты из-за возможной потери власти. Компартия решила гарантировать себя от случайностей. Были придуманы выборы кандидатов от общественных организаций. Одна треть депутатов на съезд избиралась от Академии Наук, союзов писателей и композиторов, миролюбивых движений. Само по себе, это казалось не так плохо. Там, где выборы происходили на альтернативной основе, на съезд были избраны достойные люди. Например, Андрей Сахаров и другие выдающиеся либеральные деятели.

Но анекдотическую форму приобрели выборы на съезд от самой компартии. Партия получила 100 мандатов и провела "выборы" 100 депутатов по твердому списку без альтернатив. В числе "красной сотни", как их прозвали в народе, были и Горбачев, и Лукьянов, и Лигачев, и другие высшие руководители. Горбачев упустил реальный шанс быть всенародно из-

бранным президентом. Тогда бы он несомненно прошел. Но тем самым был забит первый кол в его политическую могилу.

Тогда Горбачев упустил и другой шанс - нейтрализовать Бориса Ельцина. Если бы его включили в "красную сотню", конечно, при его согласии, ему бы уже никогда не удалось отмыться от своей партийной биографии.

Но главная беда была не только в персоналиях. Лозунг всевластия Советов, когда его стали повсеместно принимать всерьез, вел к разрушению государства и нормального порядка управления. Каждый Совет - в рамках республики, области, города, района в городе, поселка - полагал себя абсолютным господином на своей территории. Вся собственность здесь должна принадлежать ему, даже воздух над этим куском земли суверенен.

Началась война Советов разных уровней и война законов. Законы, принимаемые Верховным Советом СССР, во многих республиках считались необязательными. В свою очередь, в областях отвергали республиканские законы. Дело стремительно шло к анархии.

Конечно, нельзя все сводить к неудачному замыслу политической реформы. Великое государство разрушилось изнутри силами национальных движений. Но модель Лукьянова, основанная на идее возрождения ленинских Советов, созданных по Конституции 1924 г., добавила сучьев в этот костер. В этом и его личная драма. Начав свою карьеру еще при Брежневе как аппаратный работник Президиума Верховного Совета СССР, он мечтал вернуться к Ленину. Но он не понимал, что возрождает мертвое тело. Советы никогда не были и никогда не должны были стать высшими органами власти. Это место прочно закреплялось за партией и ее Политбюро.

Нужно было полностью отвергнуть эту систему и использовать общечеловеческие институты демократии. Но ни Лукьянов, ни Горбачев к тому готовы не были.

Да и Ельцин тогда этого вопроса не ставил. Пройдет еще немало лет, пока новые государства на территории бывшего СССР встанут на путь парламентаризма. Да и встанут ли все они?

На выборах Съезда народных депутатов СССР впервые столкнулись различные политические силы, боровшиеся внутри партии и за ее пределами. Внутри партии шла скрытая, но жестокая борьба между реформаторами и фундаменталистами, между возрождающейся социал-демократией и коммунистами

брежневского типа. За пределами компартии в схватку вступили национальные движения и едва пробивающиеся через толщу патриархальной и авторитарной политической культуры течения либералов и демократов.

И все же, победу тогда одержали коммунисты, правда разной окраски - как, например, серой - Щербицкий, красной - Лигачев, розовой - Лукьянов, розово-голубой, как Яковлев и Шеварнадзе, белой, как многие представители прибалтийских республик.

И грянул первый съезд впервые избранных сравнительно свободно представителей народов и движений гигантской евроазиатской державы.

...Я сижу в четвертом ряду, прямо напротив трибуны и самого Горбачева, который занимает место председателя за большим столом на сцене Дворца съездов в Кремле. 25 мая 1989 года. Первый день съезда. Первые радости и первые конфликты.

Накануне съезда столкнулись две позиции. С чего начать? Зарождавшаяся оппозиция требовала доклада Горбачева, потом выборов. А Горбачев настаивал на том, чтобы вначале избрать Председателя Верховного Совета СССР, а затем заслушать его программу.

- Главный вопрос - вопрос о власти, - говорил Горбачев. Ему казалось это логичным. Кроме того, он немного опасался выборов и возможных альтернативных кандидатов, но бояться было нечего. Его авторитет тогда был непререкаем. Однако комплекс областного партсекретаря все еще давал себя знать у Горбачева. И съезд пошел за ним.

Но не это стало главным камнем преткновения на съезде. И даже не шумливые речи писателей и публицистов, которые соревновались в критике Сталина так, как будто за столом на сцене сидел не Горбачев, а Сталин, которого предстояло свергнуть. Кстати, больше всех шумели именно те, кто при Сталине писал униженные оды в честь "великого и мудрого".

Первые молнии национальных движений - вот что высветило совершенно новое небо над нашими головами. И мы увидели, что оно вовсе не голубое, усеянное звездами дружбы народов, а грозное небо, покрытое мрачными тучами перед национальными бурями.

Карабах положил начало. Незадолго до съезда помощник Горбачева Георгий Шахназаров, армянин по происхождению, привел к нему Зория Балояна - яркого публициста, избранного

впоследствии депутатом от этого региона. И тот изложил Горбачеву план предоставления независимости Нагорному Карабаху и его выхода из республики Азербайджан.

Горбачев сильно сомневался в реальности этого плана. Он высказал все доводы против, но мешать разворачиванию движения не стал и определенной позиции не занял. Так завязался один из самых жестких узлов в национальных отношениях. Во время съезда, а затем десятки раз на заседаниях Верховного Совета СССР вспыхивали конфликты между представителями Армении и Азербайджана. Горбачев и делегаты от России, других республик не помогали решить проблему, а старались отделаться от нее по принципу: вы сами заварили кашу, вы ее и расхлебывайте.

В Союзе ССР появилась трещина, впоследствии она стала зияющей дырой, которая поглотила тысячи жизней.

Еще более сильный удар по Союзу СССР нанесли представители Прибалтики. Они потребовали признания незаконности вхождения Прибалтики в СССР и осуждения пакта Гитлера-Сталина. Горбачев не был готов к этому. Вспыхнула полемика. И вот литовская делегация покинула зал заседания. В зале наступило гробовое молчание. Горбачев сидел в растерянности, не зная, что делать. Я взял слово и предложил сделать перерыв и поручить Горбачеву провести переговоры с литовцами, убедить их вернуться в зал. Он согласился. И литовцы вернулись. Но только для того, чтобы продолжать борьбу.

Тогда еще была историческая возможность - объявить вопрос о Прибалтике особой проблемой. Не связывать это с общей реконструкцией федерации. Но Горбачев опасался, что уступка прибалтам откроет дорогу всем другим республикам. И был не прав. Прибалты тогда еще сами были готовы к компромиссу. Они могли бы остаться независимой частью содружества. Но шанс был упущен.

На съезде произошла и знаменательная вспышка русского национального сознания. Писатель Валентин Распутин заявил: если национальные республики хотят уходить, пусть уходят, Россия проживет и без них. Она сама готова выйти из Союза. Большая часть делегатов - русские люди из глубинки - горячо аплодировали ему. Они не понимали, что аплодируют навчавшемуся развалу СССР.

Тема партии стала одной из центральных. Но Горбачев еще не был готов к отмене статьи 6-й Конституции СССР, ко-

торая закрепила ее руководящую роль в государстве.

При всем том, первый съезд народных депутатов стал вершиной политической карьеры Горбачева. Раньше он добился перелома во внешней политике. Теперь он заложил основы демократической системы - впервые за всю историю СССР и даже за всю историю России.

Период с 1986 по 1989 годы был самым упоительным и успешным для внешней политики Горбачева.

Я участвовал в качестве эксперта по проблемам прав человека во всех встречах Горбачева с Рейганом - в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, Москве. Никогда не забуду их обмен речами на полянке у Белого Дома. Оба выглядели очень довольными, а Горбачев и Раиса Максимовна были счастливы. Они купались в лучах славы и благоденствия. Заканчивалась холодная война. США и СССР сблизилась, как никогда. Восхищенный Запад уже тогда стал называть его человеком века.

Потом Горбачев и Рейган сидели у камина в кабинете Президента США в Белом Доме и позировали телекамерам, имитируя разговор, хотя переводчика рядом не было. Я с любопытством осматривал фотографии прежних президентов, развешанные на стенах кабинета. Искал, но не нашел карточки Джона Кеннеди. Спросил у американца - почему ее нет? Тот взорвался и приказал охраннику, думая, что я не знаю английского: "Гони этого не в меру любопытного русского в шею". Таковы нравы везде. Кеннеди - демократ, зачем он нужен республиканскому президенту? Что же нам жаловаться на конфликт между Горбачевым и Ельциным?..

Горбачев говорил, что главной его целью является прекращение гонки вооружений и резкое сокращение военных бюджетов обеих супердержав. Он искренне верил в возможность полного уничтожения ядерного оружия к 2000 году. Меня это удивляло - откуда такая наивность? Или это игра на публику? Ни один из членов ядерного клуба - США, Англия, Франция, Китай, - не поддерживали эту идею. Кроме того, ядерное оружие могло появиться в других районах - на Ближнем Востоке, в Пакистане, в Бразилии. Поэтому более надежным и реальным является сокращение ядерных арсеналов до минимума, например, по 100-200 боеголовок как орудие сдерживания. Это предложение выдвигал в свое время Р.Макнамара. Я тоже придерживался такого подхода. Что касается Горбачева, то он, судя по всему, исходил из чисто русской манеры вести переговоры. Запрашивай как можно боль-

ше - и сойдется с партнером на полпути. Но наш военно-промышленный комплекс с большим подозрением прислушивался к речам Горбачева и ждал момента, чтобы поставить его на место.

Однако, несмотря на важнейшие решения по стратегическим и другим вооружениям, производство ядерных боеголовок и в СССР, и в США продолжалось. Жестокая реальность победила романтические мечты. Увы! А в тот момент Горбачев выглядел поистине великим преобразователем мирового порядка. Это впечатление усилилось во время его посещений стран Восточной Европы. То были триумфальные встречи с народами этих стран. Они поверили, что Горбачев принес им свободу, что он никогда не решится повторить 1956 год в Венгрии и 1968 год в Чехословакии. Его буквально носили на руках - в Восточной Германии и Венгрии, в Чехословакии и Польше.

Истина, однако, состоит в том, что наш лидер и в мыслях не имел того, что произошло в дальнейшем. Он думал, что в Восточной Европе появятся мини-Горбачевы, которые начнут реформы в рамках социалистической системы. И это помогло бы ему в борьбе за перестройку у себя дома.

События пошли совсем иначе. Горбачев, сам не сознавая того, дал толчок антикоммунистическим революциям в этом регионе. Но это стало известно позднее. Потерю Восточной Европы ему до сих пор не простили - ни наши военные, ни широкие круги общественности.

Вершиной успехов Горбачева явился вывод войск из Афганистана. Правда, пошел он на это не без колебаний, с оглядкой, но пошел. Народы СССР благословили его на это трудное решение.

2

В 1989 году я был избран на Съезд народных депутатов СССР, а затем на самом Съезде депутатом Верховного Совета СССР. Наступил новый период моей деятельности, когда я получил возможность оказывать непосредственное влияние на развитие демократии в стране, работу первого советского парламента, выступать с инициативами и участвовать в обсуждении проектов законов, обсуждать вопросы большой политики. Может, это было логическим развитием моей биографии и в то же время осуществлением мечты о создании нор-

мальной парламентской системы в стране, где до этого господствовал тоталитарный режим и многовековые монархические традиции.

По моей инициативе в рамках комитета по международным делам был создан подкомитет по гуманитарному сотрудничеству, руководство которым поручили мне. Главную свою задачу мы видели в разработке проектов законов по правам человека - о свободе печати, средств массовой информации, свободе общественных организаций, свободе совести, свободе передвижения.

За два года до этого возникла руководимая мной Комиссия по гуманитарному сотрудничеству и правам человека в рамках Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество. В комиссию вошли многие выдающиеся общественные деятели, ученые, руководители газет и других средств массовой информации, представители различных религиозных конфессий. На основе этой комиссии была создана международная правозащитная организация - Дебургское движение по правам человека, которая впоследствии получила название Восточно-Западная Конференция по правам человека, сопредседателями которой стала госпожа Розалин Картер, супруга бывшего президента США Джимми Картера, и я. Секретарями этой организации стали голландский общественный и религиозный деятель Эрнст Ван Эйген и американский ученый Ландрум Боллинг.

Мы провели несколько конференций - в Дебурге (Голландия), откуда пошло название организации, в Москве, встречи в Атланте (США) и других регионах мира. Одной из самых значительных акций нашего движения стала борьба за освобождение из заключения людей, осужденных за так называемые религиозные преступления.

В период нашей первой встречи в 1987 году госпожа Розалин Картер передала мне список более чем 400 лиц, осужденных за мнимые религиозные преступления. Я тогда же направил телеграмму Горбачеву, в которой поставил вопрос о необходимости освобождения всех этих лиц одним актом, не рассматривая каждый случай в отдельности. Такой акт был бы не только справедливым в отношении конкретных людей, но и продемонстрировал бы всему миру новый подход к проблемам защиты прав человека в СССР. Горбачев, как мне сообщили позднее, наложил резолюцию о необходимости подготовить соответствующее решение. По возвращении в Москву я встре-

чался с А. Лукьяновым, который был тогда секретарем ЦК КПСС и отвечал за работу правоохранительных органов. Он тоже отнесся с пониманием к нашим предложениям. Правда вначале полагал, что надо рассматривать каждый случай в отдельности, но впоследствии согласился с необходимостью единовременного акта по освобождению всех заключенных за "религиозные преступления".

Мы тщательно следили за исполнением этого решения. Наши зарубежные партнеры снабжали нас информацией о людях, все еще находившихся в заключении. И мы добивались решения по всем без исключения случаям.

Откуда наши партнеры черпали информацию? Это стало ясно во время одного из первых заседаний нашей Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека. Заседание, проходившее в помещении Фонда мира, представляло собой встречу нашей Комиссии с руководителями Хельсинской правозащитной организации. Во время нашей встречи произошел показательный эпизод. Руководитель хельсинской группы князь Шварценберг посадил за стол со своей группой российских правозащитников - Л. Тимофеева и С. Ковалева. Заявив, что они были приняты накануне в американскую хельсинкскую организацию, он попросил предоставить им слово. Многие члены нашей Комиссии, непривычно удивленные, что российские правозащитники выступают не от имени России, а от имени зарубежных организаций, решительно возражали против этого. В качестве председательствующего я предоставил слово советским участникам хельсинкской группы, заявив в успокоение своим коллегам, что, как говорил герой одной из моих книг - Мао Цзэдун, "небо не обвалится, птицы будут продолжать летать, а рыбы будут плавать в воде". От имени этой группы правозащитников, помнится, выступил Тимофеев. Впоследствии, когда госпожа Картер или ее коллеги приезжали в Москву, они неизменно встречались с нами и с представителями иных правозащитных организаций, у которых по видимому получали информацию о заключенных в советских тюрьмах и вручали ее нам. А на нас лежала нелегкая миссия добиваться практических решений освобождения незаконно осужденных людей из-под стражи. Зарубежные партнеры намекали, что сбор информации о заключенных в лагерях СССР стоил им немалых денег.

Особые трудности представляла работа по освобождению из психиатрических лечебниц людей, направленных туда без

суда и следствия по решению властей за свою политическую деятельность или просто конфликты с высокопоставленными партийными и государственными чиновниками. Пожалуй, это была самая мучительная часть работы Комиссии. Само посещение лечебниц, ужасные условия, в которых находились люди, переговоры с руководителями этих учреждений и здравоохранительных ведомств, которые любыми средствами пытались скрыть информацию о своей незаконной деятельности, встречи с пациентами, многие из которых были доведены до состояния болезни в результате специфического лечения, - все это надрывало душу. Я старался использовать все свое влияние, чтобы коренным образом изменить всю систему деятельности психиатрических лечебниц, установить судебный порядок рассмотрения спорных случаев, вывести лечебницы из-под каких-либо форм контроля КГБ и МВД, сменить руководство этих лечебниц. Мы помогали представителям МИД СССР и кроме того привлекали авторитетных деятелей, ученых и врачей из-за рубежа. Тем не менее очистительная работа в этой сфере продвигалась медленно и мучительно. Врачи, которые предали клятву Гиппократа, любыми средствами отстаивали честь своего мундира. И до сих пор вся эта сфера здравоохранения так и не приведена в нормальное состояние.

Наша Комиссия вела и другую большую работу с жалобами граждан. За время нашей деятельности поступило более 100 тысяч писем. Каждому из них мы давали ход. Поскольку наш аппарат был ничтожно мал - три сотрудника - мы сами рассматривали только самые острые кричащие конфликты. В других случаях мы рассылали письма в соответствующие правоохранительные организации - Прокуратуру, Суд, МВД, КГБ, требуя разобраться в жалобе, решить вопрос и ответить нам. Впоследствии, когда я был избран депутатом в Верховный Совет СССР и стал главным редактором "Литературной газеты", наши обращения, как правило, вызывали отклик и серьезное разбирательство. По нашей внутренней статистике нам удалось помочь более 15 тысячам человек.

Комиссия подготовила и участвовала в проведении многих правозащитных конференций, встреч, семинаров внутри страны и за рубежом. О деятельности Комиссии сообщалось в прессе и по телевидению и возможно этим во многом определялось мое легкое прохождение депутатом на Съезд, хотя в список на голосование было включено 13 человек. Возможно, определенную роль сыграла и моя публицистика на протяже-

нии ряда десятилетий. О работе в качестве депутата печать отмечала, что я был одним из самых активных членов Верховного Совета СССР. "Аргументы и факты" как-то подсчитала, что в течение 1990 года по числу выступлений на первом месте был Анатолий Собчак (152), на втором - Федор Бурлацкий (147). Моя активность объяснялась не только характером, но и тем, что в составе парламента я был одним из немногих юристов, к тому же имевшим опыт практической работы и на протяжении более четверти века участвовавшим в политических дискуссиях по преодолению наследия сталинизма и развитию демократии в стране.

Большая работа велась по заявлениям "отказников" - людей, которые собирались на постоянное место жительства в Израиль, США или другие регионы мира, но не получили разрешение властей на выезд. Каждое обращение требовало переговоров с различными организациями, особенно военными ведомствами, которые возражали против эмиграции людей, проработавших в этих учреждениях какое-то время и располагали "военными или государственными секретами". Как раз тогда мне стало понятно, как хитроумно устроен весь механизм запретов на выезд за границу и какие конкретные решения требуются, чтобы изменить ситуацию.

Не буду подробно рассказывать о своей работе в Верховном Совете СССР. Читатели и зрители могли наблюдать ее. Только в нескольких словах о том главном, на чем подкомитет и я как его руководитель сосредотачивали внимание. Права человека и их гарантии. На этот раз больше всего политические права.

На нас непосредственно лежала ответственность за подготовку двух проектов законов - о свободе совести и религиозных организаций; о въезде и выезде из СССР. В то же время в качестве члена комиссии я активно участвовал в подготовке проекта закона о печати и других средств массовой информации. Нынешнему читателю, который вероятно принимает как должное завоевания свободы, трудно представить себе, в какой борьбе, в каких преодолениях это происходило на начальном этапе.

Помню, с чего мы начали обсуждение вопроса о свободе слова. Правовой отдел ЦК КПСС представил свой проект закона. В нем без всяких прикрытий по-прежнему провозглашалось партийное руководство агитацией и пропагандой и тем самым фактически закреплялась цензура. Мне довелось пер-

вым взять слово. Я решительно выступил против этого проекта. Предложил отложить его в сторону, бросить в корзину и не возвращаться к нему. И положить в основу проект, который был разработан в научной среде. За этим последовало не менее полутора десятков заседаний, в которых шло противоборство между представителями многих организаций печати и телевидения и партийной властью. И только в результате объединенных усилий и перетягивания каната, удалось подготовить проект, который был принят Верховным Советом СССР, стал законом и открыл совершенно новую главу в общественной жизни. Гласность получила правовую базу. Информация из служанки номенклатуры превратилась в достояние общества.

Не меньше труда ушло на подготовку проекта закона о свободе совести и деятельности религиозных организаций. В этом случае пришлось преодолевать сопротивление тех ведомств, которые курировали деятельность этих организаций, в том числе всеильного КГБ, проникшего достаточно глубоко в среду духовенства и не желавшего отказываться от своих позиций. Сказалась и недостаточная компетентность наших экспертов, остававшихся в плену многих прежних атеистических догм. Им все хотелось поставить на один уровень религиозные свободы и свободы антирелигиозной пропаганды, как будто бы это равнозначные величины. Мне пришлось прибегнуть и к неформальной международной экспертизе. На свой страх и риск я направил проект этого закона зарубежным коллегам в Европе, которые дали много дельных замечания в соответствии с нормами международного права.

Самую трудную борьбу пришлось выдержать при подготовке проекта закона о въезде и выезде из СССР. 70 лет жизни в условиях железного занавеса воспитали целую систему представлений, построенных на стереотипах - шпиономании, страха перед идеологической заразой, вековых традиций недоверия ко всему иностранному. Но немало препятствий было связано и с тем, что политическая элита рассматривала поездки за рубеж как одну из наиболее привлекательных для себя привилегий. Делиться этой привилегией она, конечно, не хотела, - с какой стати? Если каждому будет позволено выезжать за границу, то какой смысл тратить свою жизнь в просиживании дневных и вечерних часов в чиновных кабинетах? Но кроме этого были еще и реальные опасения, связанные с утечкой мозгов из страны за рубеж.

Правительственные чиновники подготовили несколько за-

песок для Горбачева, в которых доказывалось, что, в случае разрешения выезда за границу на время или в эмиграцию, не менее 8 миллионов человек лучших специалистов - ученых, музыкантов, врачей, инженеров - покинут страну. Эти доводы произвели большое впечатление на Президента страны. И верный ему А. Лукьянов неоднократно откладывал обсуждение подготовленного нами проекта закона.

Сама эта подготовка представляла мучительнейшую процедуру. В заседаниях по проекту участвовали представители МИДа, МВД, КГБ, Министерства обороны, Центрального Банка, Аэрофлота и еще не менее полутора десятков других полномочных чиновников. Мы провели около 20 заседаний, обсуждая каждую статью, каждую фразу, каждое слово. Особенно яростно силовые министерства нападали на положения, дающие право выезжать за рубеж лицам, располагающим "военной или государственной тайной". Этот пункт стал буквально камнем преткновения для закона. Закрытые министерства, в том числе из военно-промышленного комплекса, хотели любой ценой сохранить за собой право не выпускать за границу не только тех, кто у них работает, но и тех, кто у них работал 5, 10, 14 лет назад. 15-летний срок - это единственная уступка, на которую они шли. Да и то требовали в каждом отдельном случае согласовывать с ними вопрос о возможности выезда их бывшего сотрудника. Но шаг за шагом нам с помощью здравомыслящих людей из того же МИДа, МВД удалось пробиваться через эти частоколы.

На последнем этапе, однако, возникли новые препятствия. Правительственные чиновники внушили Горбачеву мысль о том, что руководители США больше не заинтересованы в этом законе, а напротив, даже опасаются, что он откроет дорогу для широкой эмиграции в страны Запада, в том числе в США, что было бы для них крайне нежелательно. Между тем было известно, что пресловутая поправка Джексона-Вэнника, принятая в свое время Конгрессом США, которая ставила в зависимость предоставление режима максимального благоприятствования в торговле СССР от права на эмиграцию, теперь уже не рассматривалась президентом Д. Бушем в прежнем контексте. Более того, Горбачеву доказывали, что американский президент не заинтересован в отмене этой поправки, а стало быть и в принятии в СССР закона о свободе передвижения.

В таких условиях мне пришлось проделать довольно необычную дипломатическую работу. Во время пребывания на

Молитвенном Завтраке в США в 1990 году, который проходил под эгидой президента страны, я получил возможность побеседовать наедине с Государственным Секретарем США Джоном Бейкером. Во время беседы я изложил ему обстоятельства, связанные с трудным прохождением закона о выезде и въезде, и попросил, чтобы американская сторона, а лучше всего Президент Буш нашли возможность рассеять сомнения у Горбачева о нежелательности принятия такого закона в СССР. Однако, вернувшись в страну, никакой реакции я не почувствовал. Поэтому, когда Бейкер приехал в Москву и я был приглашен Послом США Джорджем Метлоком на обед с ним, я снова поставил вопрос о том, чтобы Америка разъяснила свои позиции Президенту Горбачеву. Он пообещал это сделать.

Это происходило как раз в момент обсуждения проекта закона (я его докладывал), затянувшегося на 2 недели. Насколько мне известно, Бейкер выполнил обещание, и Президент Буш (кажется, в телефонном разговоре) разъяснил Горбачеву американскую позицию, подчеркнув, что она остается в этом вопросе неизменной. Только после этого удалось принять закон. Правда и здесь не обошлось без компромисса. Горбачев передал мне пожелание, чтобы закон вошел в силу только с 1 января 1993 года, то есть почти два года спустя. В качестве предлога выставлялась необходимость технической и организационной подготовки: создать широкую сеть органов ОВИРа по всей стране, расширить транспортную систему, особенно авиационные линии, выделить валютные средства для обмена на рубли и т.д. Мы пошли на этот компромисс. Закон после нескольких дискуссий в самом Верховном Совете СССР с небольшим перевесом голосов все же был принят.

Я рассказываю об этом так подробно не только потому, что это составляет небольшой предмет моей гордости, но и в качестве урока для законодательных усилий нынешних депутатов. Исполнительная власть по самой своей роли всегда консервативнее корпуса депутатов, и законодателям приходится брать на себя трудные обязанности пробивания новых идей и норм жизни.

Среди других проблем, которым мне приходилось уделять особое внимание, можно было бы назвать следующие: защита интеллектуальной собственности; положение о частной собственности на землю, прежде всего для тех, кто на ней трудится, включая владельцев дачных участков; введение Суда присяжных; идея содружества республик в виде Конфедерации;

экономическое содружество со странами Прибалтики; запрет на применение армии для подавления забастовок и демонстраций; изменение всей системы правоохранительных органов на современных демократических началах; ограничение смертной казни только за умышленное убийство и многое другое.

В качестве члена Комитета по международным делам я отстаивал идею об одновременном роспуске Варшавского Договора и НАТО и замене новыми организациями системы безопасности в Европе в период после окончания холодной войны; выступал за сохранение традиционных политических и экономических связей с Восточной Европой, странами Ближнего Востока, Африкой и Латинской Америкой; за равновеликое разоружение СССР и США. Я решительно выступал против любых попыток насильственного развала Союза ССР и отстаивал необходимость сохранения за центральной властью права на регулирование конфликтов, возникающих в республиках. Впрочем, о деятельности Верховного Совета СССР, Съезда народных депутатов, в целом о том периоде, об истории становления первого парламента в стране следует рассказать особо. Надо будет вернуться к этому впоследствии.

3

На II Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 года) началась борьба за исключение из Конституции СССР статьи 6-й, где говорилось о руководящей роли КПСС в политической системе. Эта борьба завершилась на третьем съезде (март 1990 года), когда такое решение состоялось.

Но здесь необходимо иметь в виду одно обстоятельство. Я выступал не просто за то, чтобы исключить данную статью. Ее не было в Конституциях СССР 1924 и 1936 годов, тем не менее партия тогда не только руководила государством, а фактически была сама высшим органом власти. Поэтому я считал, что главное - утвердить принцип многопартийности в Конституции СССР и, конечно же, исключить положение об особой роли КПСС.

Горбачев хотел заручиться поддержкой самой партии. И такую поддержку он получил. Формально, с инициативой исключить из статьи шестой упоминание о руководящей роли КПСС на третьем съезде выступил ЦК КПСС. Ситуация выглядела несколько комично: сама партия отказывалась от власти, но ... только для того, чтобы утвердить ее в новой

форме.

Тем не менее по нашему настоянию - я работал в редакционной комиссии - в Конституцию был включен важный принцип - о множественности партий.

Но здесь возникла серьезная проблема. КПСС была институтом, который цементировал весь Союз. Считалось, что член партии - это прежде всего коммунист, а затем уже русский, украинец, грузин и т.д. 18 миллионов коммунистов работали во всех учреждениях, начиная от детского сада, школы, университета, завода и кончая Советами и министерствами. Партийная дисциплина обеспечивала эффективность административной системы во всех республиках. Что же должно было прийти взамен этого института?

Вопрос особенно остро встал из-за развернувшейся уже борьбы за национальную самостоятельность в Прибалтике. К моменту III Съезда Литва объявила себя независимым государством. На очереди были другие республики Прибалтики. В выступлениях представителей Казахстана, других государств Средней Азии тоже стали звучать ноты о самостоятельности, правда, в рамках Союза суверенных советских республик. В неявной форме это проявлялось и в выступлениях украинцев, белорусов.

Горбачев почувствовал, что почва под ногами Союза ССР стала сильно колебаться. Неокрепшие советы не могли играть интегрирующей роли. Напротив, разъедаемые регионализмом, они способствовали начинавшейся войне законов, принимаемых в центре и республиках, развалу единого государства. И тут Горбачев обратился, наконец, к выдвигаемой мной идее о введении поста президента и создании Совета Федерации, в котором будут представлены руководители (возможно - президенты) всех республик. Однако он игнорировал суть проблемы: разделение власти между Президентом и Парламентом.

III Съезд довольно дружно проголосовал за введение института президента и избрал на этот пост Горбачева. Но это была пиррова победа. Сделано было это поздно и не так, как надо. В общественное сознание к этому времени пробились две идеи - о всенародных выборах президента и о суверенитете республик.

Горбачев опять вскочил на подножку последнего вагона уходящего поезда. А в первом вагоне уже сидели Ельцин и другие руководители республик. Многие из них думали о том, как вырваться из-под власти Москвы, из-под руководства

Горбачева и встать на собственные ноги. Началась революция республиканской бюрократии и культурной элиты. Она опиралась на обострившееся стремление народов страны к национальной свободе.

... Это было в декабре 1990 года. Шло заседание IV Съезда народных депутатов СССР. Неожиданно на трибуну поднялся Эдуард Шеварнадзе. Выглядел он ужасно. Бледный, мешки под глазами, явно после бессонной ночи. Прерывающимся голосом он произнес краткое заявление о своей оставке с поста министра иностранных дел СССР. Это само по себе выглядело драматично. Но еще острее прозвучало его предупреждение: на страну надвигается диктатура.

Я сидел близко и видел выражение лица Горбачева. Он был поражен: заявление, вероятно, было для него неожиданным. Заседание было прервано. Обеспокоенные члены президиума отправились обсуждать ситуацию совместно с Шеварнадзе.

Тем временем я собрал более трехсот депутатов. Мы подготовили резолюцию в поддержку заявления Шеварнадзе. Она завершалась словами: диктатура не пройдет! Откуда шла угроза диктатуры? Прежде всего, конечно, от правых сил, от компартии, КГБ, других правоохранительных органов. Но потенциально просматривалась и опасность скатывания к диктатуре и радикальных течений среди национальных движений в республиках. Повторялась ситуация кануна октября 1917 года, когда, с одной стороны, грозила военная диктатура генерала Корнилова, с другой - левая диктатура Ленина.

Горбачев стоял перед труднейшей дилеммой. Предотвратить распад государства можно было, только опираясь на силу. А сила была в руках левых, которые хотели навязать ему и стране что-то похожее на режим Ярузельского. Положение осложнялось еще и тем, что представители либеральной интеллигенции начали атаку против Горбачева и незадолго до съезда опубликовали заявление с требованием его отставки. В таких условиях Горбачев сделал два крупных поворотных акта. Первый - попытался опереться на консерваторов. Он выдвинул на место вице-президента крайне слабого человека Геннадия Янаева, бывшего комсомольского лидера. Пост председателя правительства был предложен Валентину Павлову - министру финансов в правительстве Рыжкова, человеку фискального мышления, который видел только одну проблему - как спасти бюджет и повышать налоги, но не принимал эко-

номических реформ, стимулирующих активность и инициативу производителей.

Второй - Горбачев предложил всенародный референдум для решения вопроса о судьбе СССР. Съезд поддержал это предложение, хотя для многих, в том числе для меня, уже было ясно, что, независимо от результатов референдума, Союз ССР обречен. Спасти какое-то единство может только новое объединение типа содружества - экономического и политического.

Наша депутатская группа "Демократические реформы" пыталась убедить Горбачева возглавить блок демократов и центристов, вступить в соглашение с Ельциным. Но нам это не удалось. Да и сам Ельцин тогда был мало заинтересован в союзе с Горбачевым: это могло помешать ему на выборах в качестве президента Российской Федерации.

На IV Съезде впервые подняли забрало сторонники диктатуры. Еще до этого группа депутатов объединилась в фракцию "Союз". Ее представители в начале съезда потребовали отставки Горбачева, а в конце съезда выступили с прямыми угрозами прибегнуть к военной силе.

Дыхание диктатуры почувствовали тогда многие депутаты. Но Горбачев не видел другого выхода для спасения Союза, как опереться на КПСС и консервативную часть Советов. Проведенный в 1991 году всенародный референдум, когда 70% граждан высказались за сохранение Союза, еще больше укрепил его во мнении, что только объединение политических сил центра и консерваторов может спасти страну от распада. Но это оказалось ошибкой. Он стал заложником реакционных сил, хотя, конечно, тогда еще сохранял контроль над ними и имел возможность повернуть политический руль в другую сторону. Он колебался.

И события стали, подобно волнам в океане, перекатываться через его голову.

Вот как сам он объяснял свой поворот вправо в доверительной беседе с президентом Р.Никсоном 2 апреля 1991 года.

- Сегодня вопрос стоит так, - говорил Никсон, - имеем ли мы дело с прежним Горбачевым, который изменил свою страну и, как я сказал в своей речи здесь, весь мир? Или, как утверждают некоторые эксперты, это уже не тот, а другой Горбачев, который под нажимом реакционеров и в результате дезертирства реформаторов совершил сдвиг вправо?..

- Утверждения, что Горбачев повернул вспять, - отвечал Горбачев, - крайне поверхностны. Но мы не можем рисковать

- бросить все и совершить рывок к рынку, выбросить миллионы людей на улицу, допустить хаос, который все сметет. Тех наших левых, кто это предлагает, я считаю просто "бешеными", одержимыми своими политическими амбициями, неспособными реалистически мыслить...

Поэтому я убежден: необходим тактический маневр, который позволит уберечь политику перестройки и демократических перемен, продолжить процесс реформ в нашей стране... Сейчас крайне-правые хотят, чтобы Горбачев ударил по необузданным радикалам. А радикальные левые хотят, чтобы я нанес удар по тем, кто стоит справа. Но это - вожди, лидеры. А люди везде хотят, чтобы их жизнь изменилась к лучшему...

- Значит, сейчас мы имеем дело с тактической паузой, а не с отходом, ведущим в тупик? И реформы необратимы?

- Совершенно верно. Только реформы - у нас нет другого пути, - сказал Горбачев.

- Вам недавно исполнилось 60 лет. Мне было столько же, когда я вступил вторично на пост президента. А через полтора года пришлось уходить. Но я надеюсь, что вас не постигнет такая же участь.

- У нас может быть только какой-то особый, "русский" вариант, - парировал Горбачев [47].

Удивительно проницательным оказался Никсон. Фактически, он предсказал судьбу президента СССР. Но и реплика Горбачева отличалась остротой - он действительно был отстранен не по-западному, не на основании закона, а произвольным решением "тройки" - президентами России, Украины и Белоруссии.

Как раз в этот период произошло резкое охлаждение Горбачева по отношению ко мне. Он не прощал критики и считал ее личной изменой.

Это было 1 Мая 1991 года в Кремлевском дворце съездов, на верхнем этаже, в банкетном зале, в праздничную годовщину Октябрьской революции. Горбачев стал обходить столики в сопровождении свиты. Он подошел ко мне и неожиданно резко сказал:

- Федор, ты же наш человек, как ты можешь критиковать нашу политику, как ты можешь позволять такие статьи в "Литературной газете"?

- Наша критика носит доброжелательный характер, - ответил я. - Она направлена на предотвращение ошибок. Ваши советники не всегда подсказывают вам правильные решения.

Горбачев махнул рукой и пошел дальше. А Раиса Максимовна остановилась и, желая смягчить впечатление, стала объяснять мне, в чем дело,

- Народ не готов к рынку, не готов к отказу от государственной собственности. Люди дорожат тем, что им дал социализм - бесплатное образование, здравоохранение, жилье. Социализм должен остаться нашей ориентацией, несмотря на все реформы.

Видимо, этот вопрос мучительно обсуждался в семье Горбачевых. Им казался абсолютно неприемлемым отказ от социализма в пользу экономической свободы, как и другие западные идеи.

Во время встречи в американском посольстве в Спасохаузе, где она вместе с Горбачевым, Рейганом и Ненси принимала посетителей, она отвела меня в сторону и сказала несколько добрых слов о моей книге "Вожди и советники". Это воспоминания о Хрущеве и других деятелях 60-х годов. "Только, может быть, вы напрасно так откровенно написали о еще живущих деятелях - они вам этого не простят".

Книга имела не менее тридцати рецензий в консервативной прессе. Бывшие заговорщики против Хрущева - Шелепин, Семичастный, а также близкие им люди из команды комсомольских вождей - Панкин, кроме того, Лигачев и его команда, - все они обрушили на меня шквал огня. Да и новые леваки из "Правды" и "Советской России" не упустили случая потоптаться на моей книге и изложенных в ней либеральных идеях.

3

Самый мощный удар по Союзу ССР нанесла не Прибалтика и не национальные конфликты в Нагорном Карабахе и других регионах страны. Этот удар был сделан с такой стороны, откуда его меньше всего можно было ожидать. Российская Федерация заявила о своем суверенитете и независимости. От кого же? От СССР, то есть от Советской России, как ее достаточно справедливо называли на Западе. "Отделение" от СССР Российской Федерации, которая занимает две трети территории, включает больше половины населения, имеет основные запасы нефти, газа, леса, других ресурсов, развитую систему энергетики, промышленности, транспорта означало начало краха великого русского государства, создававшегося более

семи веков.

Перед Горбачевым возникла острая дилемма - как быть? Ельцин, а вместе с ним другие представители оппозиции стали возбуждать население России, его национальные чувства. Такая политика находила отклик еще и по обыкновенным житейским мотивам. Жизнь людей становилась все хуже. Цены росли. Продовольствие исчезало с полок. У многих людей в России родилось чувство, что в этом виноваты другие республики. Они не могли понять - куда уходят все ресурсы. То же самое думали и жители Украины, Белоруссии. Средней Азии, всех республик. Освободиться от гнета центра, от потребителей в других республиках - и жизнь станет сразу лучше.

Горбачев, как всегда, стал искать компромисса и балансировать. Он уступил давлению Ельцина, когда РСФСР объявила о суверенитете. Но в противовес этому Горбачев поддержал создание российской компартии (никогда этого не было). Эта игра оказалась проигранной в самом начале. И.Полозков как возможный лидер новой компартии не мог противостоять Ельцину - соотношение их сил напоминало боксеров: тяжеловеса и легчайшего веса. Горбачев только уронил себя в общественном мнении своей косвенной поддержкой Полозкова.

Но и Ельцин не рассчитал своих телодвижений. За суверенитетом России последовало не менее двух десятков деклараций. Не только союзные, но и автономные республики, округа, регионы стали присягать новому богу - суверенитету.

Я проводил незадолго до этого парада суверенитетов заседание руководимого мной клуба народных депутатов СССР. Мы обсуждали тему: Союз - федерация, конфедерация или содружество? Я и некоторые другие коллеги высказывались за содружество конфедеративного типа. Но вот выступил ближайший соратник Ельцина Михаил Бочаров. Он десять раз повторил в своей речи слова - Россия, суверенитет. И тогда я задал ему вопрос:

- Хорошо. вы разобщите Союз ССР, но что дальше? Как будет с самой Российской Федерацией? Что, если Татария, Башкирия, Чечня, Ингушетия тоже заявят о суверенитете. выхаживаете РСФСР, что вы тогда будете делать?

Он смешался и ответил:

- Мы вступим с ними в переговоры.

И все. Теперь сами руководители России видят, как далеко они зашли. Татары, чеченцы, многие другие малые народы добиваются от них того же, чего они добивались от большого

Союза. Отмщение, увы, состоялось. Парад суверенитетов оборачивается бумерангом. Но в период, когда это началось, Горбачев не смог найти правильного подхода и метался вправо и влево, что и составило направление политической жизни в конце 1990 и в первой половине 1991 годов.

Незадолго до выборов первого президента России я был приглашен к вице-президенту СССР Геннадию Янаеву. Предлогом была подготовка Московской конференции по правам человека.

Но разговор с Янаевым пошел по совершенно другому руслу. Я, как принято, поздравил его с избранием вице-президентом, сделал это с некоторой долей юмора. Этому посредственному человеку и во сне не могла привидеться такая карьера.

- В неурочный час я занял этот пост, - с беспокойством сказал Янаев, - видишь, как все трещит по швам. А пригласил я тебя по поручению президента. Он интересуется твоим мнением в связи с выборами президента России. Что делать?

- Есть только две возможности, - сказал я ему. - Первая, которую предлагают Павлов и Крючков, - незамедлительно взять Горбачеву власть в свои руки и предотвратить выборы в России, хотя бы отложить их. Вторая - встретиться с Ельциным, предложить ему поддержку на выборах взамен на сотрудничество в деле предотвращения распада страны и создания Содружества независимых республик. Я решительный сторонник второго пути. Так и передай Горбачеву. Режим Ярузельского у нас не пройдет. Республики зашли далеко в борьбе за свой суверенитет. Надо исходить из реальности. Кроме того, подобный режим отбросил Польшу на десять лет назад.

Янаев засуетился, забегал по кабинету, от одной обитой деревянными панелями стены к другой. Видимо, я попал в точку. Он чувствовал мою правоту, но, возможно, уже был связан какими-то обязательствами с будущими путчистами.

Ельцин в ту пору тоже отнюдь не был склонен к сплочению с Горбачевым. Напротив, он был сильно раздражен тем, что происходило в Верховном Совете РСФСР, где группа депутатов-коммунистов резко выступила против него. Кульминацией недовольства Ельцина явилась его речь в Доме кино в Москве в марте 1991 года. Он заявил там по поводу депутатов-коммунистов: "Они стали врагами. Если сегодня меня призывают: "Борис Николаевич, пригласите эту шестерку к себе. Вы

поговорите с ними, может, они как-то исправятся". Это враги. С ними надо не обниматься, с ними надо бороться. Даже с женщинами".

"Да, мы допустили несколько тактических ошибок. Я лично тоже. Убаюкал Горбачев с программой "500 дней", сделав вид, что это совместная программа. Убаюкал не только меня, но даже такого волка, как Шаталин Станислав Сергеевич, очень уважаемый. Он действительно нам говорил, что это получилась программа интересная, конструктивная, давайте вместе за нее бороться. И мы поверили. Мы поверили в октябре этому, а верить нельзя было. Ведь мы и раньше знали, что он обманывает постоянно народ, а тем более демократов и демократию. Давайте мы действительно в эти боевые их ряды вольемся и им поможем (а они нам помогают) и объявим войну руководству страны, которое ведет нас в болото"[17].

Приемы борьбы, которые использовали обе стороны, не отличались демократичностью.

Не знаю, был ли у Горбачева разговор с Ельциным накануне выборов президента России. Думаю, что все же был. Горбачев не сделал сколько-нибудь эффективного шага, чтобы помешать Ельцину стать президентом. Выдвижение "человека Горбачева" - В.Бакатина - в качестве альтернативного кандидата на выборах было чисто формальным. Сам Бакатин в ответ на вопрос корреспондента телевидения, за кого он отдаст голос, если станет ясно, что у него шансов нет, сказал - за Ельцина.

...И вот мы сидим в огромном зале Дворца съездов. Идет инаугурация президента РСФСР. Идет по-русски - в духе традиций коронации царей под аккомпанемент таких имен, как Владимир Креститель, Сергей Радонежский, Петр Великий, Екатерина II, под благословение Патриарха и под звон кремлевских колоколов...

Был осужден 1917 год, а Отечественная война не упомянута. Исполняется гимн периода царей. Горбачев произносит самую невнятную речь в своей жизни. Ельцин, прижав правую руку к груди и пряча за спиной левую, приносит клятву на Конституции РСФСР, которая давно уже утратила свое значение. Потом они оба - торжествующий огромный Ельцин и маленький, впервые довольно жалкий Горбачев, рядышком, почти прижавшись друг к другу, спускаются по ковровой дорожке со сцены.

Свершилось! Советская Россия получила двух президен-

тов. Но один избран парламентом, а другой - всем народом Российской Республики.

В стране установилось двоевластие. Я оглядывался по сторонам, всматриваясь в лица сидевших в зале, - неужели они не понимают, что сговор между двумя лидерами непрочен, что взрыв неизбежен, что двоевластие обрекает Горбачева на скорое поражение

После выборов президента России отношения между двумя властями - союзной и российской - все более накалялись.

Кто должен управлять почти двумя третями страны - Союз или Российская Федерация, персонально - Ельцин или Горбачев? Союзный парламент продолжал издавать законы, но в Российском парламенте не склонны были слушаться, там издавали свои законы, которые нередко шли вразрез с союзными. Да и другие республики, особенно Украина, одна за другой стали избирать своих президентов и все менее хотели слушать Центр.

Горбачев заметался. Он не знал, что делать. Призвав в конце 1990 года на помощь явно консервативных людей, он к лету 1991 года стал сам опасаться их напора. Недавно стало известно главное событие, которое подхлестнуло будущих заговорщиков. В специальном интервью Н.Назарбаев - президент Казахстана - рассказал о встрече в Ново-Огареве, вблизи Москвы, которую можно назвать поистине роковой.

Это была встреча трех - Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Там было принято решение о том, чтобы после подписания Союзного договора 20 августа 1991 года отправить в отставку всю верхушку правительства - премьер-министра Павлова, министра обороны Язова, Председателя КГБ Крючкова, министра внутренних дел Пуго. Этого требовал Ельцин, и Горбачев вынужден был уступить. Назарбаев должен был занять пост премьер-министра в обновленном Союзе.

Этот исторический сговор был подслушан КГБ, и Крючков, надо думать, сообщил информацию всем главным будущим заговорщикам. Именно этим объясняется такой спонтанный характер всего водевильного путча. Он не был подготовлен или даже продуман, это был путч-импровизация, как и многое другое в период перестройки.

Во вторую годовщину путча "Независимая газета" вынесла на первую полосу большими буквами слова: "Два года назад в этот день в Москву вошли танки. Сегодня мы по-прежнему не знаем конкретных, установленных судом виновников слу-

чившегося и начинаем относиться к недавней истории иронически, как, может быть, она того и заслуживает".

Мне неудобно говорить, но именно такое чувство испытывал и я с начала водевильного путча. Не принимал его всерьез как переворот, ибо имел определенный опыт наблюдения за действительными переворотами: арест Берии, расстрел Надя, отстранение Хрущева, танки в Праге. Созерцание же на телевизионном экране выступавшего "диктатора" - вице-президента Г.Янаева с его дрожащими руками и клятвами верности Горбачеву ничего другого, кроме саркастической улыбки, не вызывало.

Правда, я дорого заплатил за свою неуместную и преждевременную иронию. Многие несведущие люди в Москве были глубоко напуганы происходящим. А ловкие и знающие уже готовились захватывать власть. В том числе и в "Литературной газете", где я работал в то время главным редактором.

Глава десятая

ПАДЕНИЕ

1

- Передаем сообщение. Заявление Государственного Комитета по Чрезвычайному положению.

Затем последовала известная информация о событии, которое скоро было названо путчем и потрясло весь мир. Меня, как и многих других депутатов ВС СССР, это сообщение застало в санатории в Крыму, расположенном недалеко от дачи Горбачева. Это был период летних каникул парламента. Мы сгрудились вокруг радиоприемника и в тягостном молчании дослушали сообщение ТАСС.

- Авантюра, - сказал кто-то.

- Политический водевиль, - заметил я, - который, однако, может перерасти в кровавую драму, если начнут стрелять.

Я бросился к телефону и позвонил в редакцию "Литературной газеты". Узнав, что газета запрещена, дал указание готовить подпольную газету с решительным протестом против переворота и требованием вернуть Президента СССР. Хотел тут же вылететь в Москву, но А. Лукьянов предусмотрительно распорядился всех депутатов вывезти одним самолетом только 25 августа, накануне сессии Верховного Совета. Я сумел выехать только на третий день в числе первых депутатов, находившихся в нашем санатории.

Хорошо помню свои чувства: ни на одну минуту не верил в победу путчистов. Но в душе возникло и с каждым часом усиливалось ощущение: вот он наступил, пятый акт драмы нашего государства. Конец двоевластия. Конец Союза ССР. Что же придет на смену?

Психологически многие из депутатов были готовы к какому-то столкновению. Еще в феврале 1991 года я писал в статье

"Кремль и Белый Дом на набережной":

"Я слушал депутата - полковника В.И.Алксниса, который с неприкрытым вызовом бросал в зал: "Да, я ястреб", - пытаюсь убедить, что ястребом его делает не его собственная природа, а какие-то другие, очень плохие люди. И вот перед моим мысленным взором возникла странная картина: танковые соединения тесной колонной движутся по мосту, минуя здание бывшего СЭВа, и берут в тесное кольцо Белый Дом на набережной Москвы-реки. Боевой полковник входит в зал заседания Верховного Совета РСФСР и громовым голосом объявляет: "Караул устал, разойдись!"

Но я быстро отогнал это наваждение. История не повторяется, а если и повторяется, то, скорее, как фарс, а не как трагедия. То, что удалось в Праге в 1968 году, невозможно у нас. Этот поезд, вернее, эти танки, ушли, и ушли безвозвратно, ушли на слом истории". Статья заканчивалась призывом создать прочный блок: Горбачев - Ельцин [7].

Знал ли Горбачев о готовящемся заговоре? Сам он отрицает это. Но, конечно, он прекрасно представлял себе настроения главных участников будущего путча и не мог не догадываться о том, что они что-то готовят. И до последней минуты он продолжал колебаться, не зная, как реагировать на их поведение. Поэтому Горбачев попытался сыграть на два фронта - и с Ельциным сговориться, и с Павловым пока не рвать. Эти колебания и эта двусмысленность привели его к личному краху. В России в таких случаях говорят: заигрался.

Министр иностранных дел СССР А.Бессмертных утверждал позднее, что он сообщил Горбачеву тревожное предупреждение со стороны руководства США. Во время встречи Бессмертных с госсекретарем Дж.Бейкером последний передал для Горбачева информацию чрезвычайной важности.

А.Бессмертных на допросе по делу ГКЧП 6 ноября 1991 года рассказал о том, что 20 июня 1991 года, находясь в Берлине, он вернулся в советское посольство из американской резиденции после завершения раунда переговоров с господином Бейкером. Вдруг совершенно неожиданно ему перезвонил господин Бейкер и предложил приехать для неформальной беседы по очень срочному делу, организовав встречу так, чтобы о ней, по возможности, никто не узнал. Господин Бейкер, по словам Бессмертных, сказал: "Я только что - вот в промежутке между нашей беседой - получил из Вашингтона информацию о том, что может быть попытка смещения Горбачева..."

По нашим данным, в смещении будут участвовать Павлов, Язов, Крючков". Бейкер предложил имеющуюся информацию передать в Москву, воспользовавшись там американским посольством. Я в свою очередь обещал позвонить Черняеву (бывшему в то время помощником Горбачева) и попросить его, чтобы быстро организовали встречу с американским послом. Эта встреча состоялась, информация о готовящемся путче была передана советскому руководству.

"22 июня, - продолжает показания А.Бессмертных, - утром было возложение венков на могилу Неизвестного солдата, где присутствовало все руководство страны. После этого Михаил Сергеевич пригласил меня к себе в кабинет и попросил рассказать о работе, проделанной в Берлине... Когда мы зашли с президентом в кабинет, то я поинтересовался о той информации, которую сообщил ему Мэтлок, с тем чтобы сравнить со сведениями, которые получил от Бейкера.

Михаил Сергеевич кратко сообщил, что ему известно. Я увидел, что президент в курсе всех этих событий. В свою очередь я сообщил ту информацию, которую передал мне Бейкер. Михаил Сергеевич поблагодарил меня за то, что я ему все рассказал. Он также сказал, что с этими деятелями поговорил. Он круто с ними поговорил, но обстоятельства этого разговора мне неизвестны"[41].

Вот как выглядела встреча Горбачева 20 июня 1991 года с послом США Мэтлоком, по свидетельству А.Черняева :

"Когда посол вошел в кабинет, на нем не было лица. Горбачев подошел к нему, назвал "товарищ посол" и добавил: "Я не оговорился", - обнял за плечи и, не давая открыть рта, стал его расхваливать за все, что "вместе проделали на таком ответственнойшем этапе советско-американских отношений", за огромный вклад посла, которому очень повезло "участвовать" в таком историческом деле. Наконец Горбачев пригласил его сесть и спросил, с чем он пришел. "Господин президент, - сказал Мэтлок. - Я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же, немедленно, встретиться с вами и передать следующее: американские службы располагают информацией, что завтра (то есть 21 июня) будет предпринята попытка отстранить Вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить Вас".

Горбачев рассмеялся и сказал:

- Это невероятно на все 100 %. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация,

долг друга - предупредить. Успокойте его. Но, повторяю, в этом его сообщении я вижу подтверждение настоящих наших отношений. Значит, мы действительно далеко ушли вперед во взаимном доверии. Это очень ценно" [47].

Были и другие тревожные сигналы, изнутри команды Горбачева. Многие приближенные стали покидать тонущий корабль. 3 августа Горбачев говорил Черняеву: "Слыхал, что Александр Яковлев "увольняется" из советников при мне и уходит в Думу Москвы? Не понимаю его. Он - человек с именем в общественном мнении - и отрицательном, и положительном - одна из фигур, с которой связывают инициативу перестройки. Ну не нравится у меня, пошел бы в науку или даже на пенсию - остался бы таким в истории... А он суется, идет в подручные к Гавриле Попову. Чуть ли не каждый день дает интервью в какой-нибудь оппозиционной мне газете. Словом, тщеславие превыше здравого смысла и даже самоуважения к тому, что действительно сделано им значительного для преобразования общества... Удивительно!".

И продолжал: "Устал я до черта, а завтра, прямо перед отъездом, придется еще проводить заседание правительства: урожай, транспорт, долги, связь, денег нет, рынок распадается. Павлов заявляет: если, мол, Вы не придете, ничего не получится (с республиканскими премьерами). Все тянут на себя, в разные стороны, и одно только у них: дай, дай, дай! Везде - труба".

Вспомнил о своем ночном сидении за пару дней до этого с Ельциным, Назарбаевым в Ново-Огареве. Условились, говорят, с ними о Союзном договоре и последующих выборах... "Ох, Толя, до чего же мелко, пошло, провинциально у нас идет. Смотришь и думаешь: бросить бы все! Но на кого бросить-то? Устал"[47].

Горбачев явно нервничал: круг отношений - Павлов, Крючков, Ельцин, Кравчук, Назарбаев - смыкался вокруг него, и будущее таило угрозы и оставалось неясным.

Слепота Горбачева напоминает сходный сюжет с нападением Гитлера на СССР. Уинстон Черчилль предупреждал Сталина о готовящемся нападении, но Сталин игнорировал это, как и другие предупреждения. Хрущев тоже не поверил сыну Сергею, который сообщил ему полученную информацию о готовящемся заговоре против него в Политбюро. Как раз по таким поводам, вероятно, и была придумана упоминавшаяся уже сентенция: если Господь решил кого-то погубить, он ли-

шает его разума.

Но с Горбачевым было сложнее. В связи с его позицией я бы вспомнил другую - китайскую поговорку: обезьяна сидит на горе и наблюдает за битвой тигров. Не исключаю, что в глубине души Горбачеву хотелось, чтобы его оппоненты - левые и правые, коммунисты и радикалы, Павлов-Крючков, с одной стороны, и Ельцин, с другой, наконец столкнулись лицом к лицу, а он выступил бы в роли арбитра. Ему надоело отбиваться от них и вести борьбу на два фронта. Пусть выясняют отношения сами, это ослабит всех экстремистов и укрепит центр. Вспомним, что он говорил Р.Никсону о тех и других. Впрочем, это, конечно, тоже не более, чем одна из версий.

Вернемся, однако, к событиям 19 августа 1991 года.

Рано утром я позвонил сыну Алексею - он живет в доме на Кутузовском проспекте, который служит прямым продолжением Минского шоссе. Понимал, что боевая техника должна двигаться по этому маршруту: так всегда бывало во время военных парадов.

- Идут ли танки? - был первый мой вопрос к сыну.

Он подтвердил:

- Да, танки идут. Но идут, как на параде: танкисты сидят на броне, мальчишки бросают цветы, а некоторые ухитряются забраться на военные машины верхом.

На следующее утро я еще несколько раз разговаривал с Алексеем. Он аспирант-политолог и неплохо разбирается в политике. Я застал его в квартире только в пять часов утра. Оказывается, всю ночь он провел у Белого Дома вместе со своими друзьями. Там же был и другой мой сын Сергей - доктор физико-математических наук. Я спросил у них: насколько все серьезно, ибо сам видел во всем этом скорее водевиль, чем трагедию.

- Мне кажется, очень серьезно, - сказал Алексей, - по крайней мере, все мы вокруг Белого Дома испытываем чувство, что вот-вот начнется штурм. Хотя танкисты ведут себя спокойно и даже дружелюбно. Они помогли Ельцину взобраться на танк для произнесения речи. Но из самого Белого Дома все время передают по мегафону, что вот-вот состоится нападение, но не армии, а специальных отрядов КГБ. Все ждут атаки пресловутой "Альфы", которая готовила подобные акции в других республиках.

Но ни танки, ни "Альфа" не напали на Белый Дом. Больше того, никого не интернировали. Ельцин с Хасбулатовым ехали

утром со своих дач на машине совершенно открыто рядом с танками, которые входили в Москву. У меня возле дачи ночью стояла машина с включенным мотором. Но никаких действий не предпринималось и никто не входил.

В самом же Белом Доме действительно готовились к обороне: накапливали оружие, противогазы, продовольствие, хотя все понимали, что выдержать штурм воинских частей и спецподразделений абсолютно невозможно. Это скорее была демонстрация готовности защищаться до конца, чем реальная оборона.

Кульминация наступила, когда неожиданно на следующий день, вечером пролилась кровь. Трое молодых парней бросились к идущей колонне бронетранспортеров и трагически погибли. Эта смерть ужаснула и военных, и самих заговорщиков. Они испугались крови и стали быстро свертывать свои ряды.

Уже позднее стало известно, что маршал Язов дал строгое указание не применять оружие, а генерал Крючков так и не решился дать приказ о штурме Белого Дома. Стояние танков на улицах Москвы становилось все более нелепым и даже смешным. И в глазах якобы обороняющихся, и в глазах якобы наступающих. И вот, в ночь на 21 августа, был дан приказ вернуть танки и все войска в казармы.

Находясь в Крыму, я собрал группу депутатов, чтобы выяснить, как будут реагировать на эти события национальные республики. Многие считали, что республики смирятся с происходящим. Я не верил в это, особенно в отношении Украины и Казахстана. Скоро стала известна реакция Ельцина и депутатов России. Она была однозначной: сплочение для решительной борьбы. Кроме прочего, они хорошо понимали, что речь идет не только о судьбе Горбачева, а в еще большей мере об их судьбе. Двоевластие так или иначе должно было закончиться.

Что касается руководителя Украины Кравчука, то в выступлении по телевидению 19 августа он передал информацию о ГКЧП, призвал к мудрости и спокойствию и заявил, что в правовом государстве все должно совершаться на основе закона, в том числе - при объявлении чрезвычайного положения. Аналогичной была и реакция президента Казахстана Назарбаева. Таким образом, только Ельцин объявил эти события путем, преступлением и призвал к борьбе против его организаторов.

До сих пор остается неясным, почему еще в разгар собы-

тий был дан приказ о выводе танков из Москвы. Некоторые полагают, что он исходил от Горбачева, а маршал Язов утверждает, что это была его личная инициатива.

21 августа Лукьянов, Крючков, Болдин и другие отправились к Горбачеву с повинной головой. Тот не стал их слушать. Он потребовал восстановления связи, переговорил с Ельциным, другими руководителями республик, а также - с президентом Бушем. Было решено вернуться в Москву. Это означало полный провал несостоявшегося переворота.

Временными рамками попытки переворота следует считать 17 часов 18 августа, когда заговорщики бесцеремонно проникли на дачу в Форосе к Горбачеву и потребовали чрезвычайных полномочий, и заявление Горбачева 22 августа вечером на пресс-конференции, когда он сказал, что полностью владеет ситуацией.

Я много читал о заговорах, готовя книгу о Никколо Макиавелли. Тогдашняя жизнь Флоренции и других итальянских городов была пропитана интригами, вспышками поножовщины, убийствами и отравлениями. Я тщательно проследил всю канву заговора против Хрущева и описал это в посвященной ему книге. Никогда и ни в каких описаниях не сталкивался с таким странным, удивительно беспомощным, таким непланируемым и бессмысленным по целям заговором, как этот янаевско-павловский спектакль. Лукьянов назвал это "ублюдочным заговором". Я настаиваю на своей первоначальной характеристике - водевиль.

Водевиль - ибо его участники и не ставили цель захватить власть президента, а вся другая власть и так находилась в их руках. Водевиль, потому что никого из потенциальных противников не арестовали, а танкам и другим войскам было дано строгое указание не применять оружие. Впоследствии в газете "Аргументы и факты" был опубликован список лиц, которые подлежали интернированию. Моя фамилия там стояла за номером 59, а фамилия Ельцина почему-то за номером 69 - в самом конце. Видимо, этот вопрос обсуждался, но решиться на такую акцию ни Крючков, ни другие путчисты не смогли.

Незادолго до августовских событий - в июне 1991 года - произошло тоже весьма странное заседание Верховного Совета СССР. Закрытое. На нем будущие путчисты - Павлов, Язов, Крючков, Пуго - выступили с требованием дать чрезвычайные полномочия правительству и установить чрезвычайное положение в горячих точках страны, где идут острые националь-

ные конфликты. Большинство депутатов выступило против. Горбачев реагировал очень непонятно. С одной стороны, он не мешал выступать всем этим деятелям. С другой, видя реакцию депутатов, подверг "чрезвычайщиков" резкой критике, причем сделал это в какой-то сумбурной и нервной форме. Значит, он знал об этих настроениях и лихорадочно пытался найти свою позицию. Но так и не нашел. Не исключено, что перед отъездом в отпуск у него мог быть примерно такой разговор с Янаевым и Павловым, которые наверняка еще раз попытались оказать на него нажим: "Я против применения силы, но теперь власть в ваших руках." Какой-то намек не мог не быть сделан, иначе зачем путчисты направились бы к нему в конце событий с повинной головой? Нет, они рассчитывали, что сделают грязную работу за него, которую он, вернувшись в Москву, одобрит. Но просчитались.

Лукьянов - этот опытный и осторожный политик - пытался занять промежуточную позицию. Он не вошел в состав ГКЧП, но косвенно поддержал его своим заявлением. В то же время он планировал сессию Верховного Совета СССР, будучи готовым к любому варианту. Если сессия поддержит ГКЧП, он будет с путчистами, если отвергнет их акцию, он вместе с депутатами осудит путч и снова будет на коне. Однако и он ошибся.

2

Вот заявление, которое сделал Горбачев на пресс-конференции по возвращении из Фороса: "Я вам все равно не сказал всего. И никогда не скажу всего". Что он имел в виду?

История видеовильного путча, которая и так не казалась прозрачной, приобрела еще большую таинственность. Хотел ли Горбачев намекнуть на особо тяжелые обстоятельства своего пребывания в Форосе? Но ведь и так все описано. Как отключили все телефоны. Как приходилось ловить передачи по кустарно сделанному охранниками приемнику. Как Горбачев диктовал на любительскую видеопленку свое обращение к народу страны. Как его помощник Черняев и его секретарша прятали эту запись чуть ли не у нее под лифчиком. Как Раиса Максимовна заболела и находилась на грани инфаркта. Как в конце событий приехали с повинной путчисты. И как Горбачев отказался с ними разговаривать

Что же осталось за кадром? О чем не хотел рассказывать

Горбачев? Почему он это скрывает?

В сообщении Горбачева на пресс-конференции в Москве 22 августа осталось несколько "дыр", которые дают обширный материал для догадок и предположений.

Не вполне ясно, чего хотели от Горбачева заговорщики. По его словам, прибыв к нему 18 августа, они потребовали или издать указ о введении чрезвычайного положения и оставаться в Форосе, или передать полномочия вице-президенту Янаеву. Горбачев отказался выполнить эти требования. Но почему заговорщики так мягко реагировали на это? Они оставили ему личную охрану, да еще в таком большом количестве - 32 человека.

Не вполне ясен вопрос об отключении связи. По словам Горбачева, первое, что он потребовал, когда путчисты явились к нему вечером 21 августа, - это восстановить связь. Но по сообщению Александра Руцкого, он разговаривал с Горбачевым еще до приезда заговорщиков и просил не принимать их.

И самое неясное - кто и почему распорядился вывести войска из Москвы. Известно, что произошло это в 4.30 утра 21 августа. Незадачливые заговорщики заседали в партийной гостинице "Октябрьская". Там было принято решение. Кроме того, в 5.00 утра было остановлено продвижение дивизии КГБ к Москве.

Маршал Язов заявляет, что это он отдал приказ, но приказ о войсках КГБ мог отдать только Крючков. Кто его подтолкнул на такой шаг?

Что могло побудить заговорщиков отступить, да еще так поспешно, лихорадочно? Сопrotивление у Белого Дома было очень скромным. И думать невозможно было обороняться там против армии. Нет, весь путч висел на том, что кто-то из участников, - например, Болдин, - ввел в заблуждение всех остальных, рассказывая, что все делается с согласия Горбачева.

Напомню, что на пресс-конференции 19 августа Янаев сказал, что Горбачев - это его друг, и что он еще надеется увидеть его на своем месте - президента страны. На встрече с представителями автономных республик в тот же день Янаев сказал еще более четко: группа руководителей попросила президента во время встречи с ним навести порядок в стране, на что президент сказал: "У меня есть заместитель Янаев, пусть он и наводит порядок".

Вряд ли Горбачев говорил что-нибудь подобное, но одно ясно: заговорщики с чьих-то слов полагали, что действуют не только в интересах Горбачева, но и с его явного или тайного согласия. Эта лживая бомба взорвалась, как мне кажется, в ночь на 21 августа, когда кем-то от имени Горбачева было передано распоряжение - вывести войска из Москвы и прекратить всю акцию.

Многие телезрители видели репортажи о событиях 19-21 августа 1991 года в Москве, подготовленный группой талантливых журналистов из Би-Би-Си. Там все правильно, но, к сожалению, не сказано главное. Авторы увидели в путче борьбу между сторонниками и противниками коммунизма. Это тоже было на самом деле. Но авторы не поняли, что основная схватка шла за власть. Это отодвигало идеологические проблемы на второй план. Двоевластие Горбачев - Ельцин должно было так или иначе завершиться в пользу одного или другого, независимо от их собственных желаний. За спиной каждого стояли элиты, которые жаждали только победы и не принимали никакого компромисса. Попытка Горбачева и Ельцина найти компромисс за спиной своих элит уже явно запоздала. Первыми сорвалась группа Горбачева. Но и другая сторона была готова. Многие сторонники Ельцина после путча говорили: если бы не начали они, начали бы мы. Двум царям на русском троне не бывать.

Другое обстоятельство, которое не могли понять журналисты Би-Би-Си, - путч представлял собой настоящий водевиль, какой-то маскарад. А еще точнее, он напоминал знакомый американцам русский сувенир Ванька-встанька, где сверху Горбачев, внутри Ельцин, еще глубже Павлов и так до охраны на даче в Крыму. До сих пор нет подлинной картины всех событий, всех лиц и их роли в период путча. В этом слоеном Ваньке каждый из участников событий имел свою роль и свою правду, до которой широкая публика пока не доискалась. Это в какой-то мере напоминает загадку убийства Джона Кеннеди.

Попробую дать свое толкование событий.

Прежде всего, не думаю, что был настоящий заговор, здесь больше подходит понятие "сговор." Причем сговор этот происходил буквально на глазах у всех депутатов Верховного Совета СССР, аппарата президента страны, средств массовой информации, печати, самого президента.

Я уже упоминал о закрытой июньской сессии Верховного

Совета СССР, на которой выступили все будущие главные путчисты. Горбачев играл тогда как бы роль арбитра. Он ждал реакции депутатов, потом вмешался и взял нашу сторону.

Какие цели ставили Янаев и его компания? Главная политическая цель - предотвратить подписание Союзного договора и распад единого государства СССР на 15 или больше независимых республик. Это их объединило в одну группу. Это их противопоставило всем сторонникам полного суверенитета новых государств.

Утверждают, что главной целью этой группы был захват власти президента СССР. Не верю. Не верю потому, что абсурдно. Кто из них претендовал на пост Горбачева? Янаев? Нет. Крючков? Тем более нет. Павлов - тоже нет. Напротив, все говорит о том, что они хотели сделать "грязную" работу за президента, а потом вернуть его, но уже в новой роли, которая больше бы напоминала режим Ярузельского в Польше в середине 80 годов.

Отправной точкой всех событий следует считать 20 августа - день, когда руководители республик вместе с Президентом СССР должны были подписать новый Союзный договор.

Этим договором были недовольны многие. Федералисты, которые отстаивали сохранение федерации в обновленном виде. К ним принадлежали и Горбачев, и Лукьянов, и Павлов. Затем - конфедераты, которые полагали, что слишком много функций остается у Центра, а главное, - сохраняется Союзное государство. К ним принадлежали Ельцин, Кравчук, Шушкевич, Назарбаев. Другие деятели среднеазиатских республик внешне поддерживали федерацию, хотя в душе больше склонялись ко второй группе. Ну и в конце дискуссий появилась группа, которая выступала за создание Содружества - вначале экономического, затем и политического, близкого к моделям западно-европейского общего рынка, Совета Европы, Европарламента.

На последней июльской сессии Верховного Совета СССР 1991 года накануне опереточного путча председатель комитета Конституционного надзора СССР С.Алексеев точно выразил настроения федералистов. Он заявил, что проект договора - это конфедерация. Впоследствии Лукьянов воспроизвел его аргументацию в письме о договоре, которое было опубликовано вместе с документами путчистов 19 августа.

Что касается меня, то я в своем выступлении на сессии

Верховного Совета призывал подписать проект союзного договора, хотя в нем сильны были элементы конфедерации, и заявил: реальные интересы все равно в конце концов будут брать верх над эмоциями и страстями. Если бы не путч, дело было бы сделано, договор подписан и государство не распалось на множество кусков.

Когда же и как состоялся сговор федералистов? Их объединение, как уже отмечалось, произошло в начале 1991 года. Но сговор о конкретных действиях, думаю, произошел где-то незадолго до закрытой сессии Верховного Совета в июле. Иными словами - в очень короткие сроки. Этим, кстати, объясняются и все поразительно неловкие шаги заговорщиков. Сговор, как и все, что делалось в период перестройки, был результатом импровизации, а не тщательно разработанного плана. Сначала решили прыгнуть в воду, а потом стали в ней тонуть. Кто был инициатором сговора? Так следствие и не нашло его. Не могли найти? Но ведь был же некто, сказавший "А"!

Начнем с тех, кто явно не мог быть инициатором. Это не Янаев - труслив и не имел реальной власти. Кроме того, все три дня путча был в полупьяном состоянии. Это не Павлов, он тоже первым делом напился и заболел медвежьей болезнью. Это не Лукьянов, он был на отдыхе и его самого срочно пригласили прилететь вертолетом в Москву. Кроме того, он слишком осторожен и скорее всего ждал результата. Это не Язов - прямолинейный пехотный генерал, который никогда не претендовал на политические роли.

Мне кажется, что в первоначальную группу зачинщиков входили Бакланов, Крючков, Павлов, Болдин. Бакланов, который мог повлиять на армию, Крючков - на внутренние войска и Болдин, личный помощник президента, который мог манипулировать его именем.

Из этой четверки наиболее активными, на мой взгляд, были Бакланов и Крючков. Оба они были лично обижены в последнее время. Крючков жаловался, что Горбачев уже три месяца его не принимает. А Болдина мы, депутаты, "прокатили" на выборах в Президентский Совет, и он мог считать, что президент был недостаточно настойчив. "Прокатили" и Е.Примакова, но по настоянию Горбачева при вторичном голосовании все же избрали его.

О чем же договорились заговорщики? Об очень немногом. Они сговорились: 1) сорвать подписание Союзного договора;

2) ввести чрезвычайное положение в некоторых регионах страны; 3) разместить в ряде районов Москвы танковые соединения; 4) изолировать на время президента Горбачева и вернуть его после завершения "полицейской операции".

О чем они не смогли договориться? 1) Об интернировании оппозиции. 2) О штурме Дома Советов - резиденции Ельцина. 3) О приостановлении деятельности Верховного Совета СССР. 4) О свержении президента СССР и его замене новой фигурой - политика или генерала.

Приказа стрелять никто не отдавал - ни Язов, ни Крючков, ни Пуго. Хотели поугадать. Но не решились даже на то, что было сделано в Баку, Тбилиси, Вильнюсе и Риге. Русских людей никто не хотел убивать. Не хотели и боялись.

Итак, полагаю, что целью участников сговора было сорвать подписание Союзного договора, ужесточить режим и вернуть Горбачева к власти на своих условиях, то есть ограничить "царскую" власть в пользу "бояр". Была и другая немаловажная задача - решить проблему двоевластия в Москве и России в пользу Союза и Горбачева в ущерб РСФСР и Ельцину. Думаю, это и было главным.

3

Генеральный прокурор РФ В.Степанков и его заместитель Е.Лисов через год после путча опубликовали книгу "Кремлевский заговор"[42]. Этот случай беспрецедентен в юридической практике. Руководители следствия предают гласности его материалы до суда и настаивают на своем обвинении. Материалы книги были опубликованы впервые за рубежом - в журналах "Ньюс Уик" в США и "Шпигель" в Германии. Авторы получили большой гонорар и печать России довольно единодушно осуждала их за эту акцию. Они в оправдание говорили, что, поскольку обвиняемые, несмотря на свое нахождение в тюрьме, получили возможность публиковать свои объяснения, прокуроры сочли необходимым изложить собственную версию.

Но нужно откровенно сказать, что эта публикация очень мало прояснила ключевые вопросы событий накануне и во время путча. Я пытался выяснить, когда же и между кем произошел сговор о путче, но даже этот элементарный вопрос остался неясным. Согласно следственным данным, это произошло только 18 августа вечером, то есть за сутки до подпи-

сания Союзного договора, намеченного на 20 августа.

Выясняется, что еще утром и днем большинство участников сговора не имели о нем представления. И самое удивительное, что об этом не знал будущий диктатор Г.Янаев. В 15.35 он отправился в гости к друзьям за город, там его разыскали и пригласили на заседание к 20.00 вечера. Также неожиданно был вызван из Крыма министр внутренних дел Б.Пуго, с Валдая (на севере от Москвы) - Председатель Верховного Совета СССР А.Лукиянов, из Белоруссии - министр иностранных дел А.Бессмертных, а также некоторые другие.

На заседании было объявлено о том, что Горбачев болен, вводится чрезвычайное положение и создается Государственный Комитет по чрезвычайному положению во главе с вице-президентом Г.Янаевым. Заседание сопровождалось возлияниями - пили, между прочим, виски и разбавляли его кофе... Премьер Павлов не выдержал этой смеси, заболел и весь период путча отлеживался в больнице. Янаев и некоторые другие продолжали пить все три дня. Вот что Янаев рассказал на допросе на следующий день после провала путча - 22 августа 1991 года.

Вопрос:

- Что Вам известно о мерах, предпринятых по блокированию Горбачева?

Ответ:

- Мне абсолютно об этом не было известно. Я не знал, что Горбачев и его окружение лишены связи и свободы передвижения. Это лишний раз говорит о том, что я нужен был как легальная рубашка при нелегальной игре. Создание ГКЧП, на мой взгляд, было инициировано руководителями трех основных ведомств - КГБ СССР, министерства обороны СССР, МВД СССР. Премьер-министр Павлов являлся сторонником жесткой линии, и поэтому создание ГКЧП отвечало его взглядам...

Практически каждый день, иногда по нескольку раз, я имел телефонную связь с Горбачевым. В последний раз я разговаривал с ним по городскому телефону 18 августа, примерно, в 12 часов. Я спросил, когда он прилетает? Горбачев ответил, что 19 августа поздно вечером. Я сказал, что встречу его в аэропорту "Внуково". Во второй половине 18 августа на автомашине "ЗИЛ" я приехал в гости, в дом отдыха, к моему старому приятелю. У него находился около трех часов. За это время мне несколько раз звонили в автомашину. Один раз -

руководитель аппарата президента Болдин, один раз - премьер-министр Павлов, один раз - председатель КГБ Крючков. Просили меня приехать в Кремль для того, чтобы обсудить какие-то срочные вопросы...[42].

Наиболее активным и последовательным сторонником установления чрезвычайной власти был руководитель военно-промышленного комплекса О.Бакланов. С 1988 по 1991 год он занимал пост секретаря ЦК КПСС - куратора оборонной промышленности. Последняя занимаемая должность - заместитель председателя Совета Обороны при президенте СССР.

Бакланов с начала своей работы с Горбачевым откровенно выступал против его политики разоружения. Особенно крупный конфликт возник между ними из-за американской СОИ. Система, которая создавалась США с целью противодействия возможному ракетно-ядерному нападению, была выведена за скобки переговоров по разоружению. СССР же уменьшал ракетно-ядерный потенциал. СОИ, по мнению Бакланова, таким образом вполне могла противостоять советскому ракетному удару. Он поставил вопрос о том, чтобы СОИ на переговорах по разоружению была все же положена на весы американской стороной. Раздраженный Горбачев оборвал его: "Не лезь в это дело!"

У Бакланова оставалась последняя надежда на армию как силу, способную положить конец "смуте".

На допросе от 6 ноября 1991 года Бакланов сказал: "...Когда я стал заниматься вопросами обороны нашей страны, то, исходя из имеющегося опыта, высказывал свои позиции товарищу Горбачеву. И руководствовался, соответственно, этими позициями. Затрагивал, в частности, вопросы переговоров по разоружению. С моей точки зрения договор ОСВ-2 ратифицировать нельзя, потому что в период переговорных процессов, которые длились на протяжении восьми или девяти лет, мы сделали ряд существенных уступок, которые ставят наше государство в неравные условия с нашим партнером, с которым этот договор заключается. - с Соединенными Штатами Америки.

В процессе контактов и разговоров по работе я обменивался мнениями на этот счет с Крючковым, Болдиным. Может быть, я неправильно понял, но они высказали ряд замечаний, которые меня навели на мысль, что такая политика была не случайной"[42].

Таких же взглядов, как Бакланов, придерживался и пре-

мьер-министр В.Павлов. Он тоже считал, что Горбачев из-за своей слабости или по другим причинам разваливает СССР, его промышленную и оборонную мощь.

Главной целью Павлова было обуздать суверенитет республик. Основным его противником стало правительство России. После "российского демократического взрыва" 1990 года политическая и экономическая инициатива начала стремительно переходить вниз, к республикам, к новым представительным органам и общественности. И остановить этот процесс без укрощения России было невозможно, полагал Павлов.

На июньской сессии Верховного Совета СССР, на которой Павлов потребовал для себя "дополнительных полномочий", в том числе, и на законодательную инициативу, депутат из Белоруссии поинтересовался, как тот собирается реализовывать суверенитет республик в сочетании с идеей сохранения единого экономического пространства. На это премьер в свойственной ему нагловатой манере ответил: "Вообще суверенитета как такового, ничем не ограниченного, не бывает нигде в мире. Суверенитет всегда ограничен. Либо это делается добровольно, либо принудительно"[42].

Павлов отрицает факт изоляции Горбачева на даче в Форосе. Он пишет: "Еще раз повторяю: все каналы связи существовали, связь действовала все время, кроме отдельных проводных линий. Его личные корабли Военно-морского Флота "Крым" и "Гриф" стояли наготове в Балаклаве с 19 августа, полностью заправленные, в 30-минутной готовности. Катера, шлюпки и моряки-пограничники тоже были у пирсов на пляже, где он с семьей продолжал прогулки и купания все дни."

Кроме того, Павлов утверждает, что танки к Белому Дому были направлены не Язовым, а вызваны... самим Ельциным.

Третьей активной фигурой среди путчистов был руководитель КГБ В.Крючков. Он большую часть своей жизни был помощником Андропова, и это определило выбор Горбачева в пользу 64-летнего начальника разведки. Ведь Горбачев стал генсеком во многом благодаря Андропову.

На допросе 17 декабря 1991 года Крючков сказал: "...Не признавая себя виновным, вместе с тем не отрицаю, что мною вместе с другими членами ГКЧП были допущены правовые нарушения. В частности, был создан не предусмотренный Конституцией СССР ГКЧП. Президент СССР был лишен связи, вице-президент Янаев приступил временно к исполнению обязанностей президента без достаточных оснований. В рам-

ках всего этого я, как председатель КГБ СССР, совершил ряд действий, которые превышали мои полномочия.

В тяжелое для страны время у группы лиц созрело решение выступить с тем, чтобы изменить положение дел, изменить неблагоприятное, тяжелое, кризисное развитие обстановки. Среди этих лиц оказался руководитель КГБ СССР" [42].

На основании показаний главных участников путча - Бакланова, Павлова, Крючкова можно видеть, что в политическом плане их расхождения с Горбачевым были связаны с его внешней политикой - ориентацией на разоружение и сближение с Западом, прежде всего - США. Эта политика больно ударяла по интересам ВПК. Поэтому водевильный путч может быть, в определенном смысле, назван антиамериканским заговором.

Что касается угрозы распада СССР, то здесь у путчистов было больше совпадений, чем различий во взглядах с Горбачевым. Это составляло предмет острого его беспокойства, начиная со второй половины 1990 и особенно всего 1991 года.

В.Крючков отрицает, что его служба подслушала тайный разговор Горбачева, Ельцина и Назарбаева 29-30 июля 1991 года в Ново-Огареве. Прокуратура, которая вела расследование дела, не вменила это в вину Крючкову. И все же я склонен думать, что этот разговор был подслушан, а запись предумышленно уничтожена. Соглашение трех президентов стало последней каплей для сговора путчистов. Проблема личной власти снова заняла первое место в борьбе за изменение политики. Такова традиция русской (а быть может, и не только русской?) власти.

Путч и его жалкий финал стали роковым событием для Горбачева. Его выступление на сессии Верховного Совета России после возвращения из Крыма многократно прерывалось чем-то похожим на улюлюканье. Его сентиментальный рассказ о страданиях во время заточения в Форосе, когда "царская семья" продолжала мирно пастись на пляже, вызывал только смех в зале. Депутаты забросали президента вульгарными вопросами, пытаясь уличить во лжи и двойной игре. С Горбачевым произошло то же самое, что с Борисом Годуновым триста лет назад. Никто не знал, действительно ли Борис убил Дмитрия - сына царя Иоанна, но людская молва, которая страшнее пистолета, видя все выгоды от убийства для Годунова, приписывала ему это преступление. Никто не знал, как действительно вел себя Горбачев в Крыму и во время встреч с

путчистами, но все в Белом Доме на набережной твердо знали, что путч был направлен прежде всего против них, а не против Горбачева.

Горбачев действительно не выдержал испытания на прочность. Он не был создан для критических ситуаций. В трудный момент он повел себя так же неуверенно, как Борис Годунов при приближении Лжедмитрия к Москве. Такова плата за внутреннюю неуверенность в своей правоте. Телефильм, который сняли в Форосе с обращением к народу, показал облик растерянного человека. И не потому, что он испугался физической расправы. И даже не потому, что он испугался потери власти. А потому, что он чувствовал всю ущербность своей роли. Президент купается в море под охраной военных катеров, когда рушится великая держава. Есть от чего прийти в отчаяние!

На V Съезде народных депутатов СССР в августе 1991 года мне было предоставлено слово. Свое выступление я закончил тем, что, если революционные демократы (имелись в виду Ельцин с его межрегиональной группой и в особенности многие радикальные деятели из Верховного Совета РСФСР) пойдут на разрыв с либеральными демократами, то есть сторонниками перестройки, то это приведет к трагическим последствиям для страны. Не могу сказать, что в тот момент я представлял себе весь масштаб возможной трагедии, но ощущение угрозы было физическим.

Никогда не забуду мрачной картины: руководители республик вместе с Горбачевым сидят в Президиуме и ультимативно требуют роспуска Съезда народных депутатов СССР. Сразу вслед за этим началось наступление на Верховный Совет СССР. Мне стало известно, что некто Зайцев, кажется, председатель какого-то комитета в Верховном Совете РСФСР, формирует (!) состав российского корпуса депутатов в Верховном Совете. На заседании некой "российской группы" под руководством Лаптева и Лубенченко я сделал заявление о том, что эта возня противоречит решению Съезда народных депутатов СССР, который гарантировал сохранение Верховного Совета СССР, прав и полномочий всех народных депутатов на весь срок их избрания. Я сказал, что отказываюсь участвовать на таких началах в работе Парламента. Это вызвало горячую и довольно невразумительную отповедь со стороны председательствующих. После этого я практически в работе Верховного Совета СССР не участвовал.

25 декабря 1991 года ушел в отставку первый и последний президент Союза ССР. Ушел, сохранив достоинство и присущее ему чувство исторической ответственности. Ушел, не завершив своей миссии, во многом не понятый и многое не понявший сам в драматическом процессе, который разворачивается на наших глазах.

Горбачев обратился с заявлением к народу СССР, в котором объяснил мотивы своей отставки и подвел итоги своей деятельности.

"Дорогие соотечественники! Сограждане!

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

...Выступая перед вами в последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного с 1985 года пути.

Проделана работа исторической значимости:

- Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей;

- Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека признаны как высший принцип;

- Началось движение к многоукладной экономике, утверждается равноправие всех форм собственности. В рамках земельной реформы стало возрождаться крестьянство, появилось фермерство, миллионы гектаров земли отдаются сельским жителям, горожанам. Узаконена экономическая свобода производителя и начали набирать силу предпринимательство, акционирование, приватизация;

- Поворачивая экономику к рынку, важно помнить, что делается это ради человека. В это трудное время все должно быть сделано для его социальной защиты, особенно это касается стариков и детей.

Мы живем в новом мире:

- Покончено с "холодной войной", остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в переходный период с моей стороны было сделано все для сохранения надежного контроля над ядерным оружием.

- Мы открылись миру, отказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением.

- Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах.

- Народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора"[17].

Все, что сказал Президент СССР, было правдой. Но, к сожалению, только частичной правдой. Была и другая, горькая правда о результатах перестройки. Начало падения производства и уровня жизни народа. Канун развала Союза ССР. Переход власти к провинциальной, во многом национально-ограниченной и некомпетентной элите, которая свела на нет многие завоевания перестройки. Наконец, нарастающая изоляция России в современном мире, когда одна супердержава добровольно отказалась от своих позиций на мировой арене. И многое другое, о чем Президент не упомянул.

Ельцин упустил шанс проявить благородство по отношению к поверженному сопернику. Отвечая на вопрос корреспондентов о том, "будет ли играть какую-нибудь роль в Содружестве Горбачев?", он сказал: "Мы будем обращаться с ним достойно и с уважением, которого он заслуживает, однако, поскольку мы решили к концу декабря завершить переходную фазу в стране, то он тоже должен принять свое решение за этот срок"[17].

4

Вместе с Горбачевым ушла эпоха, которая почти семь лет потрясала нашу гигантскую страну. Эпоха, получившая такое странное название - перестройка. Теперь, когда у нас есть воз-

возможность оглянуться назад, мы видим, как неточно было это слово. Где новый фундамент или хотя бы новые стены перестроенного общества? Жизнь людей если и изменилась, то к худшему, стала еще более бедной и незащищенной, хотя, несомненно, более свободной. Нормальные люди, которые все еще не утратили чувство юмора, называют эту эпоху и перестрелкой, и перетряской.

И все же произошли гигантские перемены, даже трудно вообразить, как они могли втиснуться в такой короткий срок.

Это не перестройка, это крушение - крушение коммунистического "Титаника", который столкнулся с айсбергом современного развитого мира и чуть было не пошел ко дну со всеми своими ресурсами, ядерными бомбами и несчастными пассажирами.

Почему крушение коммунистического древноута потащило за собой в пучину океана все государство, существовавшее многие века?

Россия, а затем и Союз ССР оставались последним государством, объединившим сотни наций, обеспечившим совместное существование мировых религий и различных идеологий. Первый удар по величию уникального государства был нанесен в 1917 году. Отпали Польша, Финляндия, Прибалтика.

Но большевики, которые провозгласили принцип самоопределения наций, быстро спохватились. Они разгромили войска Петлюры, который объявил самостоятельность Украины, подавили сепаратизм в Грузии, Азербайджане и Средней Азии.

Горбачев оказался тем человеком, который сознательно или скорее бессознательно подрубил фундаментальные сваи не только коммунизма, но и всего великого государства.

Разрушена партия - 18-ти миллионная организация, спаянная дисциплиной, скреплявшей всю систему - от завода и кооператива, школы и университета до правительства и Верховного Совета СССР. Подорвана власть Комитета государственной безопасности, который насчитывал не менее миллиона вооруженных людей, следивших за каждым шагом граждан и любым движением. Подрубили еще одну мощную опору государства - армию, ее разобрали по частям все республики, а четыре из них - Россия, Украина, Беларусь и Казахстан - получили и стратегический потенциал, включая ракетно-ядерное оружие. Наконец, распустили представительные

институты Союза - Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР.

Как случилось, что капитаном идущего к саморазрушению коммунистического корабля оказался один из коммунистических лидеров, человек, который 25 лет проработал в партийном аппарате, с молоком матери впитал эту идеологию? Загадка? Нет! Это такая же разгаданная загадка, как вызов Христа, брошенный породившей его иудейской церкви, как борьба Лютера и Кальвина против католицизма, как эрозия франкизма и перонизма. История роет свои ходы у нас под ногами, и она находит подходящих людей для выполнения своих предназначений.

Горбачев был отмечен харизмой разрушителя системы, которая произвела его на свет. Поэтому в глазах коммунистических фундаменталистов он выглядит предателем. Предал партию, подвел ее к краю пропасти, и Ельцину оставалось только легким толчком сбросить ее вниз. Предал идеологию ленинизма, сменив ее на западные ценности - свободу, открытое общество, рынок. Предал советскую власть, сменил ее на президентство. Но все это - вехи на пути разрушения прошлого, которое высший судья уже приговорил к гибели.

Странно, однако, что именно Горбачеву история отвела эту роль. По натуре он не разрушитель, а созидатель. Это талантливый, добрый, довольно уступчивый человек, не способный на резкие действия.

На Западе есть такое понятие - приниматель решений. Горбачев не очень-то любил выступать в этой роли. Он скорее может быть назван "обсуждателем решений". Запрашивая многократно чрезвычайные полномочия у Верховного Совета, он так и не решился ни на одно серьезное действие, которое помогло бы стабилизировать обстановку в стране и затормозить ее скатывание вниз.

Его основная слабость была в неспособности употребить власть даже тогда, когда это было абсолютно необходимо. Поэтому он так легко потерял ее. Он рожден был скорее как пророк, он скорее советник государя, чем сам государь. А талант пророка и политический талант - вещи обычно несовместные.

Горбачев - первый за всю историю России истинно парламентский лидер, выступавший, однако, в условиях, когда еще не сложилась парламентская система. Где он этому учился, какая генетика тут сказала - одному Богу известно. Он знал и

любил демократическую работу, он стремился вести реформы, опираясь на волю большинства, на народное мнение, гласно и демократично. Он умел работать с оппозицией. И хотя ворчал на ее представителей, тем не менее не только терпел ее, что было совершенно необычно для любого советского деятеля, но даже в каком-то смысле и любил - любил полемику, любил услышать не банальное замечание, острое словцо или интересную идею.

Поэтому ему так легко было вести дела на Западе - с Рейганом, Бушем, Миттераном, Маргарет Тэтчер, где его считали и считают человеком, который изменил лицо нашего столетия. И поэтому ему было так трудно работать на Востоке, с его архаичными страстями и византийскими хитростями. Поэтому же его так легко дурачили и друзья, и враги. Он мог бы сказать вслед за Генрихом Гейне: они все меня погубили, одни - своею любовью, другие - своею ненавистью.

Именно эти его черты, его мягкость, поиск компромисса, желание найти равнодействующую, угодить красным консерваторам и белым большевикам, объединить всех - рака, лебедя и щуку, позволили каждой из политических сил свободно разрушать все здания государственности.

Шесть лет шел великий передел власти. Между партией и Советами, между центром и республиками, между республиками и регионами. Наши вожди забыли, для чего началась перестройка - для лучшей и свободной жизни людей, и каждый руководитель стремился хапнуть, проглотить столько власти, сколько не могло даже разместиться в его желудке. В этом опьянении властными играми заигрался сам Горбачев, он оказался ненужной фигурой на шахматной доске, хотя имел все возможности для выигрыша.

Если сопоставить двух крупнейших деятелей бывшего СССР, двух бывших партийных секретарей - Горбачева и Ельцина, то может показаться, что история перепутала по ошибке их места. Ельцин внешне выглядит как могучий разрушитель старой системы. А Горбачев как будто специально был создан для созидательной работы. Но история - большая шутница, у нее свои цели. Вспомним, что Керенскому она отвела роль разрушителя русской монархии, а Ленину - созидателя нового тоталитарного государства. Мне часто кажется, что Горбачев - наша Февральская революция, а Ельцин - Октябрьская с противоположными целями.

Но Горбачев останется, конечно, не только как разруши-

тель старой системы. Он был и остается символом либерализма. За шесть лет его правления общество действительно глубоко вдохнуло воздух свободы. Но он настолько оказался отравленным миазмами прошлой эпохи, что на выдохе свобода нередко выплескивалась анархией - грязными чернильными войнами, вульгарными политическими дискуссиями, затем уже - автоматными очередями и ракетными ударами по родственникам, ближним соседям и дальним друзьям.

Начиная перестройку, Горбачев вряд ли знал, что может наступить революция. Он рассчитывал на постепенные реформы, которые шаг за шагом продвигали бы нас к современному обществу, к западной цивилизации, и явно недооценил значение подспудных национальных движений, взорвавших все общество наподобие ядерного взрыва.

Но заслуги Горбачева неоспоримы. Во всем мире не случайно полагают, что Горбачев вписал свое имя в историю современной эпохи. Нет больше страха перед ядерным апокалипсисом. И в этом его заслуга. Нет больше холодной войны - и в этом его заслуга. Нет больше в прежнем виде советского коммунизма - и в это он тоже внес свой решающий вклад. Общество пробудилось от брежневской летаргии, ищет пути общения к современной цивилизации - и это тоже Горбачев.

5

Сейчас, когда я смотрю выступления Горбачева по телевидению, читаю его интервью, то все горше становится на душе. Как пел любимый русский поэт Владимир Высоцкий, мне жаль по-человечески его. Он оставил такой глубокий след в истории России и всего мира, а сейчас не находит себе места от тоски и бессилия. Но зачем же так мучить себя, если веришь в свою правоту? Или не верится и одолевают сомнения?

Горбачев нередко возвращается к вопросу о своих ошибках. Выскажу свое мнение. Ссылаться буду только на личный опыт, хотя понимаю всю субъективность такого подхода.

Наедине с Горбачевым я беседовал только один раз в перерыве заседания Верховного Совета СССР. Он пригласил меня к себе в кабинет в Кремле, но не в основной, а тот, что находился в непосредственной близости от зала заседания. Беседа была короткая, минут десять-пятнадцать, и я практически не мог вставить и двух слов - говорил он один. Говорил он так быстро, что трудно припомнить тему разговора. Что-то свя-

занное с самим заседанием. Во время зарубежных поездок несколько раз я имел возможность высказаться на заседаниях, которыми руководил Горбачев, но в присутствии многих других людей. Пару раз он делал мне внушения по телефону и лично, когда руководимая мною "Литературная газета" выступила с несколькими материалами критического характера в отношении его политики. И это все. Увы!

Все остальные советы давались мною опосредованно: либо в записках, их было не так много, поскольку к тому времени я уже изрядно разуверился в действенности этого жанра. Как правило, они даже не доходили до адресата, застревали у помощников; либо - это я делал постоянно - в статьях и книгах.

Предложения, которые высказывались в моих выступлениях, попадали на стол, главным образом, помощникам, и те уже распоряжались ими по своему усмотрению. Докладывали Горбачеву они редко из соображения ревности, но пользовались довольно часто. Я видел, как многие идеи кочевали из моих выступлений в речи и статьи Генсека, как, впрочем, и мысли других авторов. Правда, нередко в урезанном и даже искаженном виде.

Выше уже упоминалось о моем первом обращении к Горбачеву, которое произошло летом 1985 года, - о записке, где предлагалось создать под его руководством Совет по экономическим и политическим реформам. Ссылаясь на успешные реформы в Китае, я предлагал начать с аграрного сектора. Тогда же выступил со статьей в "Литературной газете" об экономических реформах в КНР. Привел цифры, которые показывали, что простое применение семейного подряда в течение пяти лет позволило в полтора раза увеличить сельскохозяйственное производство и обеспечило 1,2-миллиардное население продовольствием. Поехал в Китай и привез оттуда дополнительные материалы, нелегально (тогда еще не было тесных связей) вывез телефильм о свободной экономической зоне вблизи Гонконга и показал его на телевидении.

Какова была реакция Горбачева? Мне передал А.Черняев, что Горбачев заинтересовался запиской. И все. Обсуждали ее, отвергли - так мне и не стало известно. Не думаю, что дело было в Лигачеве. В конце концов, эта реформа не покушалась на общественную собственность в деревне, на колхозы и совхозы. Для начала было достаточно дать каждой крестьянской семье возможность вести хозяйство на правах владения и пользования с сохранением этого права по наследству, можно

было предоставить ей право продавать урожай государству или на свободном рынке. Думаю, Горбачев был увлечен другим проектом - ускорения технического прогресса - и просмотрел разумное начало экономических реформ. Если бы мы обратились к аграрному сектору, сейчас не было бы продовольственной проблемы.

За семь лет перестройки аграрная реформа почти не сдвинулась с места. Положение в деревне стало катастрофическим. Ложные шаги и пустые мечтания о скачке к фермерскому хозяйству заслонили реальную проблему.

Джон Кеннеди говорил во время Карибского кризиса: первый шаг - самый важный шаг, он определяет и пятый и шестой. Ошибочное начало реформ предопределило их неудачу в конце.

Вторая ошибка касалась политической системы. В конце 1988 года была создана под руководством Лукьянова рабочая группа по подготовке проекта демократических преобразований. Я входил в эту группу, и, как уже отмечалось, внес предложение учредить у нас президентскую парламентскую республику: всенародно избрать президента, вице-президента, парламент, сформировать Конституционный суд, принять Декларацию прав человека и гражданина.

Зная дворцовые нравы, демонстративно опубликовал эти предложения в "Литературной газете" и думал: теперь-то их не удастся обойти. И, действительно, они были доложены Горбачеву, но он их не принял. Он боялся быть обвиненным в чрезмерной концентрации власти в одних руках: генсек и президент. Но разве было предопределено, что народ изберет именно Горбачева? Не вернее ли предположить, что он не был уверен в результатах всенародного голосования? Потом Горбачев спохватился и выдвинул идею президентства. Но, во-первых, при сохранении системы Советов, а не создания Парламента, а во-вторых, путем выборов на Съезде народных депутатов СССР. Когда же Ельцин был избран народом России президентом, решение проблемы двоевластия уже было предопределено в его пользу.

Третья ошибка - отказ от раскола коммунистической партии. После того как на IV Съезде народных депутатов СССР напуганный оппозицией внутри КПСС Горбачев сдвинулся вправо и Шеварднадзе сделал сенсационное заявление об угрозе диктатуры, мы с С.Шаталиным и С.Алексеевым (как уже отмечалось) выступили со статьей в "Литературной газете"

под названием "Альтернатива" (январь 1991 года). В статье предлагалось размежевание в КПСС и создание из ее прогрессивной части социал-демократической партии. Если бы Горбачев поддержал это, мы не только получили бы партию реформ, но и создали бы основы двухпартийной системы: социал-демократы против коммунистов. Я уверен, что не менее половины 18-миллионной компартии пошло бы за Горбачевым и реформы получили бы прочную базу в обществе. С подобным предложением выступали и другие деятели. Чего побоялся Горбачев? Оказаться в меньшинстве? Заговора партсекретарей, как это было с Хрущевым? Не знаю. Но тогда все рычаги власти были в его руках. Нужна была только решимость.

Какие-то пуристы скажут: и хорошо, что этот проект провалился. Зато удалось разрушить компартию. Но смотрите на результаты. Массовых партий, по существу, нет. В руководстве Россией и другими новыми государствами все равно оказались коммунисты - других деятелей попросту неоткуда было взять. Секретари обкомов, райкомов, комсомольские лидеры захватили власть, а рядовая масса коммунистов была принесена в жертву. Хотел ли этого Горбачев? Конечно, нет. Он просто отступал, отступал и скатывался в пропасть - напуганный и бессильный.

Социал-демократия оказалась раздавленной между экстремистами с обеих сторон. Торопливые попытки учредить президентскую партию вряд ли ускорят становление многопартийной системы со спасительным остовом в виде двух массовых партий. А без этого нет парламентаризма, и президентская власть повисает в разряженном воздухе изменчивых общественных настроений. (Кстати говоря, ЦК КПСС весной 1991 года направил в партбюро "Литературной газеты" письмо с предложением исключить из партии главного редактора Ф.Бурлацкого. Несмотря на требования членов партбюро, я на его заседание не явился и заявил о том, что приостанавливаю свое членство в партии, и заодно запретил собирать в редакции заседания какой бы то ни было партийной организации).

Четвертая ошибка - непонимание программы "500 дней". Конечно, в этой программе было немало публицистики (почему 500, а не 1000 или 10000 дней?). Но она давала старт реформам. Я поддержал ее, выступая в ВС СССР. Горбачев фактически похоронил всю программу. Он игнорировал наши доводы о том, что она дает спасительный шанс сотрудни-

чества с парламентом России и Ельциным.

Пятая ошибка - неспособность предвидеть и предотвратить путч. Еще в начале 1991 года у многих, в том числе у меня, появилось тревожное чувство угрозы какой-то авантюры. Я передал через одного из помощников Горбачеву, что надо занять ясную позицию, вступить в соглашение с Ельциным, другого пути нет.

Но Горбачев в обычной своей манере пытался поставить сразу на две карты. С одной стороны, как сейчас стало известно, договорился с Ельциным о замене всех главных лиц в правительстве и даже о назначении Н.Назарбаева премьер-министром Союза независимых государств. С другой стороны, не сжигал корабли в отношениях с будущими путчистами, не мешал им, выжидая, кто победит. Но выиграть могла только одна карта, а ставка сразу на две ударила по банкомету.

Шестая, самая драматическая ошибка связана с процессом распада СССР. Роспуск Съезда народных депутатов СССР. Согласие на незаконную (без всякого подобия выборов) перетряску Верховного Совета СССР. Эта ошибка привела к окончательному развалу Союза, а Горбачев лишился короны президента.

Было очевидно стремление республиканских элит играть новую роль в Союзе. У Горбачева была простая возможность - уже в начале перестройки включить всех руководителей республик в состав Политбюро ЦК КПСС, а позднее сформировать государственный совет, куда бы все они вошли с решающим голосом. В такой орган можно было включить и лидеров автономных республик с совещательным голосом. Такие предложения высказывались в разное время. Но не получали поддержки.

Напомню еще раз. В 1990 году мы на заседании клуба народных депутатов, обсуждая тему "Будущее Союза: федерация, конфедерация, содружество?", выступили за учреждение содружества, которое сохранит общее государство с федеративными и конфедеративными чертами. Эти материалы были направлены Горбачеву. Реакции - никакой.

И, наконец, уступчивость Горбачева. Дорого обошлась такая политика в Нагорном Карабахе. Ведь знал же Горбачев, что дело идет к войне - бессмысленной, беспощадной, бесперспективной. Говорил об этом. И уступал, уступал, ничего не предпринимая. Бездействие, аморфность повторялось не раз в конфликтных ситуациях: он стремился спрятаться за кого-то,

уклониться, возложить ответственность на других.

Чем же объяснить ошибки Горбачева, которые были видны даже на нашем уровне? Чаще всего говорят об идеологических предрассудках, которые порождали эффект торможения, запаздывания, половинчатости решений. Это было, но не они главные. Слабый характер? Политическая слепота? Уклонения от опасностей в критических ситуациях?

Видимо, этот одаренный политический деятель был лишен дара предвидения. А без него лидер и начатое им дело обречены на поражение. Об этих чертах Горбачева можно было бы сказать словами Гамлета:

*“Как человек с колеблющейся целью,
Не знаю, что начать, и ничего
Не делаю” [48].*

Как и некоторые другие русские политики, зараженные бациллой общечеловеческого пророка, Горбачев претендовал на роль мирового лидера. И преуспел в этом. Лидеры Запада - Буш, Тэтчер, Коль, Миттеран - включили его в свою тесную семью, рассматривали как партнера и друга. Они были с ним "на ты", постоянно общались с Горбачевым лично и по телефону, согласовывали действия на мировой арене. Опыренный успехом, которого не добился ни один русский правитель, Горбачев упустил Россию и Союз. Он не стал национальным лидером, его международная активность вызывала дома больше подозрений, чем поддержки. Дошло до того, что он опасался получать Нобелевскую премию как миротворец. Но тот, кто в России ставит на Запад, обречен на неудачу. Так было всегда в истории страны.

Объективная драма и противоречие нашей эпохи состоят в том, что глубокие социальные перемены требуют сильной власти, особенно потому, что они осуществляются в консервативном обществе, подавляющее большинство которого не готово к крупным переменам. Осуществить такую власть, умело сочетая ее с развитием демократизма, Горбачеву так и не удалось.

Другая и ужасающая слабость Горбачева - это неумение разбираться в людях. Можно просто диву даваться, как человек такого уровня постоянно ошибался в выборе советников и исполнителей. Он не только не извлек никакого урока из хрущевского опыта, из того факта, что заговор против Хрущева

составили самые близкие ему деятели, но, напротив, еще больше усугубил его ошибки, не заметил и не предотвратил водевильного путча, который, в конечном счете, привел его к отставке.

Окружение Горбачева - это какой-то Ноев ковчег, где содействовали реакционеры и реформаторы, яркие и абсолютно посредственные люди. Горбачев постоянно терялся в лабиринте мнений, которые ему навязывали. Пробриться со здоровыми идеями через заслоны людей, к которым он питал доверие, было практически невозможно.

Несколько горьких слов о личной судьбе этого незаурядного деятеля. Помните слова Гамлета о своем отце: он потерял страну, корону и королеву.

Нет больше страны - Советского Союза, который возглавил Горбачев семь лет назад. Нет и короны президента бывшего СССР. Что касается королевы, то, право же, больно было глядеть, как доведенная до отчаяния женщина мужественно пыталась взять под защиту своего супруга, в частности, в специальном телевизионном интервью.

В своем падении Горбачев не может винить никого. Никто не вливал ему в ухо яд, как отцу Гамлета, его не разбил паралич, как Ленина, его не освободили от работы путем заговора, как Хрущева. Хороший дровосек, он сам методично подрубал корни, на которых держалась его власть.

Смотрите, как легко, по-советски отправили его в отставку! Его не сняли, а просто ликвидировали штатную должность президента СССР. А нет должности - не нужен и человек. Доведенная до крайнего предела страна с удивлением смотрит на деятеля, который пожертвовал короной, чтобы довести страну именно до такого состояния.

Михаил Горбачев представляет собой едва ли не самую необычную фигуру в истории России - одновременно величественную, трагическую и, приходится сказать и это, смешную. Он обнаружил подлинное величие, начав реконструкцию системы коммунизма, закончившуюся крушением. Внутренний трагизм этого человека, который был органической частью разрушаемой системы, достоин пера Шекспира.

Если можно попытаться найти аналог Горбачеву в западной истории, можно назвать двух президентов - Джона Кеннеди и Ричарда Никсона. Горбачев странным образом повторил яркий взлет первого и жалкий конец второго.

Сейчас, когда смотришь его выступления по телевидению,

невольно задаешься вопросом - где тот блистательный, живой, насыщенный обаянием, красивый и ловкий, скроенный из звездной пыли человек, с отметиной судьбы на могучем черепе, где его улыбки, находчивые реплики - куда все девалось? Горестное, изломанное лицо, глаза раненого лося - право, Никсон после Уотергейта.

Во всей истории не было русского деятеля, который вызвал бы на Западе больше симпатий и даже любви и нежности, чем Михаил Горбачев. Помню, как во время моих поездок в США на рубеже 90-х годов десятки людей останавливали меня на улицах, пожимали руки, улыбаясь, хлопали по плечу, повторяя только одно слово: "Горби!" Для них Горбачев - это человек, который покончил с холодной войной, вывел войска из Афганистана, освободил Восточную Европу, помог объединению Германии. Это человек, который начал разрушение коммунизма, инициировал гласность, религиозную свободу, свободу передвижения. И, что бы ни произошло в конце его правления и после его ухода, Горбачев останется одним из самых выдающихся лидеров XX века.

Но в России мало кто из политических деятелей так нелюбим и даже презираем, как Горбачев. Коммунисты его злобно поносят за то, что он разрушил изнутри компартию, патриоты - за то, что он подготовил крушение империи, демократы - за то, что он сопротивлялся их приходу к власти, либералы - за то, что он так легко уступил власть карьеристам и вора, путчисты - за то, что он предал их еще до того, как они начали действовать. Что касается простых обывателей, то, хотя их жизнь стала много хуже при Ельцине, они с тоской оглядываются не на Горбачева, а на Брежнева, поскольку именно Горбачев начал эти преобразования и несет ответственность за все, что произошло при нем и после него. В их понимании он не служил России, он служил Западу, где и до сих пор собирает урожай благодарности.

Поэтому Горбачев в общественном сознании мира выглядит как двуликий Янус. И не потому, что он двуличен, а в зависимости от того, откуда на него смотрят - с Запада или Востока. Благородные черты великого преобразователя - на одной стороне лица и жалкий облик политического неудачника - на другой.

Судьба Горбачева трагична, как судьбы всего дела либерализации страны. Был ли он слишком прогрессивен для нашего развращенного общества или слишком консервативен, не

поспевая за переменами, был ли он слишком умен в среде примитивного окружения или политически глуп и недалководиден, был ли он лично сильным или слабым, - результат говорит сам за себя. Он имел власть, такую, которая не снилась даже царям, и потерял ее. Он имел исторический шанс реформировать Россию и не использовал его. Он сделал немало, но не получил народного признания. Трагедия Горбачева превзошла драму всех русских реформаторов - и Бориса Годунова, и Великого Петра, и Александра Освободителя. В этом факте, как в искаженном в морской воде луче солнца, кроется разгадка русского политического сознания. Ему нет дела до того, что думает весь мир. Даже напротив, это вызывает подозрение. Главное для него - судьба матушки России, судьба великого русского государства, народная судьба.

Как здесь снова не вспомнить трагедию Гамлета. У Горбачева она определялась не только его личными качествами, но и менталитетом всех россиян, ставших объектом его экспериментов.

*“Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться.
Так всех нас в трусов превращает мысль.
Так блекнет цвет решимости природной
При тусклом свете бледного ума,
И замыслы с размахом и почином
Меняют путь и терпят неуспех
У самой цели” [48].*

Горбачев ушел, не завершив своей миссии, во многом не понятый и многое не понявший сам, не осознав, что произошло со страной и с ним самим. Вместе с ним ушла эпоха, которая почти семь лет (1985-1991) потрясала Россию. Эпоха, получившая такое традиционное для перемен в России название - перестройка.

Часть третья

**БОРИС
КРУТОЙ**

СОКРУШИТЕЛИ

1

Первая и самая крупная реформа, предпринятая Ельциным, - роспуск Союза ССР. Как известно, он был заявлен тремя руководителями славянских республик - России, Украины, Белоруссии - Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем. По сей день существуют разные версии этого события. Поэтому я счел уместным обратиться прямо к его главным участникам - к тому, как каждый из них излагает свою версию.

Начнем, естественно, с Ельцина. Проследим за его объяснениями по книге, появившейся два года спустя в новых условиях, когда сговор в Беловежской пуще большинством стал рассматриваться как зловещее событие в истории страны. Ельцин не дает цельного изложения событий, которые сделали, по его мнению, неизбежным распад СССР. Его мысли и чувства по этому поводу разбросаны в разных местах книги так, что в причудливом калейдоскопе перемешаны и случайные события, и крупные исторически объективные сдвиги, и мелочи психологических отношений с Горбачевым. Вся проблема крушения великого государства рассматривается через призму личного противостояния президента СССР и президента России и руководителей других республик. Непроизвольно рисуется в основном картина разлада коммунистических вождей, их новых амбиций и нового понимания интересов возглавляемых ими республик.

В сознании Ельцина, по крайней мере, в том виде, как это представлено в "Записках..." [23], выделяются три главных этапа: до путча - новоогаревский процесс по согласованию союзного договора федеративного характера; сразу после путча - попытка вернуться к прерванному процессу на новых принци-

пах конфедерации; Беловежская пуца - образование СНГ. То и дело в его комментариях мелькают реплики, которые свидетельствуют о неоформленном чувстве сожаления по поводу такого драматического распада Союза. Здесь, видимо, невольно отражен большой разрыв между тем, что чувствовал Ельцин в Беловежской пуце - победа России, личная его победа - и тем, что он испытывает два с половиной года спустя - новые и еще более сложные для него проблемы.

Новоогаревский процесс перед путчем. Горбачев как будто решил, наконец, пожертвовать своими консервативными соратниками и найти общее решение с Ельциным при участии Назарбаева. Но, вероятно, он еще не преодолел до конца колебаний и страхов перед набравшим силу соперником, хотя в принципиальном плане, в расширении самостоятельности республик он все больше шел навстречу Ельцину и другим "великим князьям".

Ельцин воспроизводит обстановку новоогаревского процесса, где готовился руководителями республик проект союзного договора. Он рассказывает:

"Мы с Горбачевым брали всю моральную тяжесть выяснения спорных проблем на себя. ...Как ни странно, это никогда не приводило к скандалам, к каким-то неприятным сценам.

Почему? Ему нравилась беспрецедентная в мировой практике роль: руководителя не одного, а множества демократических государств. Это был очень хороший полигон для гибкого вхождения в роль мирового лидера.

Ну и, наконец, психологический фон. Ситуация диктовала (и позволяла) нам с Горбачевым оставаться в процессе переговоров нормальными людьми. Отбросить личное. Слишком высока была цена каждого слова"[23].

Пока Ельцин отстаивал "интересы России" за столом переговоров, его ребятам приходилось "отстаивать" их в других, забавных ситуациях. Обычно машину Президента России старались поставить у входа первой. Но однажды его автомобиль оказался в конце вереницы правительственных лимузинов. Его охрана всполошилась, и, сделав немыслимый разворот, зацепив новоогаревский газон, машина в конце концов опять оказалась первой: Россия главнее!.. Ребячество? Нет. Вопреки сказанному выше, личное соперничество во всем, до смешного.

И дальше важный пассаж. "Какая была не использована возможность! ... Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас

вполне устраивают. Горбачев сохранял свое старшинство, я - свою независимость. Это было идеальное решение для обоих"[23].

Заметьте, личные мотивы опять впереди - и это, когда решается судьба великого Государства! Накануне путча была, наконец, достигнута принципиальная договоренность между Горбачевым и Ельциным об условиях, на которых будет подписан союзный договор. Это фактически полная смена политического режима, отставка правительства Павлова и утверждение нового союзного правительства по согласованию с Ельциным, Назарбаевым, а впоследствии и с другими лидерами. Горбачев как бы соглашался с принципиально новым подходом - все главные решения он может принимать только совместно с Ельциным. Иными словами, речь шла о разделении власти, где решающее слово принадлежало уже не президенту СССР, а руководству России и других республик.

Приведу целиком один любопытный фрагмент, важный для понимания всей истории путча и его последствий. - рассказ Ельцина о встрече с Горбачевым накануне отъезда того в отпуск, в Форос. Эта встреча состоялась 29 июля 1991 года и, по словам Ельцина, именно она стала "спусковым крючком" путча. Во встрече принимал участие Н. Назарбаев.

"Разговор начали в одном из залов особняка, - повествует Ельцин. - Все шло нормально, но, когда коснулись тем совсем конфиденциальных, я вдруг замолчал.

Мне сложно сейчас вспомнить, какое чувство в тот момент я испытывал. Но было необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то за тобой неотступно подглядывает. Я сказал тогда: "Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают". Горбачев не слишком твердо ответил: "Да брось ты", - но все-таки пошел за мной.

А говорили мы вот о чем. Я стал убеждать Президента, что если он рассчитывает на обновленную федерацию, в нее республики войдут только в том случае, если он сменит хотя бы часть своего самого одиозного окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве. Ни одна республика не захочет войти в такой Союз. Или министр обороны Язов, - разве может быть в новом содружестве такой "ястреб" из старых, отживших уже времен.

Видно, Горбачеву нелегко давался этот разговор, он был напряжен. Меня поддержал Нурсултан Назарбаев, сказал, что

надо обязательно сменить министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко. Потом добавил: "А какой вице-президент из Янаева?!" Михаил Сергеевич сказал: "Крючкова и Пуго мы уберем".

Я стал убеждать Горбачева отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента Союза. Удивительно, но на этот раз он впервые не отверг мое предложение. И даже посоветовался: "А может быть, мне пойти на всенародные выборы?"

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо поменять Валентина Павлова, тогдашнего премьер-министра. Горбачев спросил: "А кого вы видите на этой должности?" Я предложил Нурсултана Абишевича Назарбаева на должность премьер-министра нового Союза. Горбачев сначала удивился, потом быстро оценил этот вариант и сказал, что согласен. "Другие кандидатуры вместе обсудим после 20 августа", - закончил он разговор.

Такой была эта встреча, и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути.

Пройдет немного времени, и я своими глазами увижу расшифровку разговора Президента СССР, Президента России и руководителя Казахстана. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева, следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. Меня в течение нескольких лет записывали - утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток. Записали и этот разговор" [23].

Этот рассказ по-новому высвечивает характер водевильного путча. Он объясняет, почему не было настоящего заговора, а был поспешный сговор. Участники путча и прежде недовольные ходом подготовки союзного договора, на этот раз увидели прямую угрозу своей личной власти. И тогда пошли на риск переворота, поскольку отступать им было некуда. Но, с другой стороны, их неуверенность в отношении позиции Горбачева, которого, как они могли думать, Ельцин загнал в угол, оставляла у них надежду на то, что в случае успеха путча Горбачев перейдет на их сторону. Именно в этом пункте они ошиблись. И это парализовало их действия.

Почему Ельцин не пошел на соглашение с Горбачевым о разделении власти после триумфальной победы над путчистами, когда у него появилась возможность диктовать свои усло-

вия? Мы не находим ясного ответа на этот вопрос. Ельцин сообщает о том, как Горбачев сразу после путча заменил руководителей трех ключевых министерств - обороны, безопасности, иностранных дел, не согласовав это с ним. Ельцин потребовал отмены этих уже объявленных решений и Горбачев вынужден был посчитаться с ним, пойти на уступки. Ельцин потребовал роспуска Съезда народных депутатов СССР, его поддержали лидеры других республик - Горбачев уступил и в этом!

Ночью накануне очередного Съезда народных депутатов СССР, повествует Ельцин, руководители союзных республик собрались в Кремле, чтобы выработать тактику поведения перед съездовским форумом. Задолго до этого у большинства руководителей сложилось однозначное мнение - со съездом нужно заканчивать, этот государственный орган власти изжил себя, остался в прошлом. Но все понимали также, что съезд не согласится без боя проститься со своей безграничной властью.

После напряженной работы было подготовлено совместное заявление глав десяти республик, в котором съезду предлагалось сформировать межреспубликанские структуры власти на переходный период до принятия новой Конституции СССР. На этом съезд должен был успешно закончить свое существование. В случае принятия этого предложения приостанавливалось действие ряда важнейших статей Конституции СССР, и власть передавалась Совету глав государств, в который входили Президент СССР и лидеры союзных республик. Во время работы над этим документом Горбачев все время шел на компромиссы, не обращал внимания на мелочи, держался согласованной позиции с главами республик. Он сильно изменился после августа. Объявляя о своем суверенитете, одна республика за другой резко меняли политический расклад в уже бывшем - это становилось определенно ясно для всех - Советском Союзе. В новой реальности Горбачеву оставалась только одна роль - объединителя разбежавшихся республик [23].

"И с заявлением перед народными депутатами СССР мы поручили выступить Нурсултану Назарбаеву, - продолжал Ельцин. - Нельзя сказать, что предложение Совета глав государств стало для участников съезда большой неожиданностью. Все примерно к такому сценарию и готовились. Но все же самые оголтелые бросились на защиту съезда. С трибуны бросались слова о "предательстве", "заговоре", "разворовывании страны" и прочее. Михаил Сергеевич всегда с трудом сдержи-

вался, если при нем говорили такие гадости, и, когда его довели окончательно, он вышел на трибуну и пригрозил: если съезд сам не распустится, то можно его и разогнать. Это охладило пыл выступавших, и заявление Совета глав государств было принято."

Дальше пошла активная, напряженная работа в Ново-Огареве. При этом Горбачев все время чуть-чуть не успевал за ситуацией. Она все время его на шаг опережала. Он шел на уступки, которые до августа всем казались бы невыносимыми. Он согласился на то, чтобы будущий союз стал конфедеративным государством. При этом, однако, сохранялся сильный центр, определявший вопросы обороны, часть финансовых вопросов. Оставался единый президент, который выступал гарантом соблюдения договора, он же представлял союз суверенных государств (ССГ - это был вариант новой аббревиатуры бывшего СССР) в отношениях с зарубежными странами. В центральном правительстве сохранялся пост премьер-министра. В Москве должен был работать двухпалатный парламент [23].

Казалось бы, все шло как надо, складывалась благоприятная обстановка для договора о конфедерации всех республик, а значит о сохранении в новой форме единства государств на пространстве бывшего Союза ССР. Что же этому помешало? Неустойчивая позиция Украины? Да, вероятно это. Но не в меньшей степени позиция самого Ельцина, который жаждал полного уничтожения "Центра", то есть Горбачева. Для этого конфедерация, где сохранялся пост президента и другие общие институты власти, не подходила. Нужен был разрыв, распад, нужна была история с чистого листа, на котором золотыми буквами было бы вытеснено: Россия, Демократия, Ельцин.

"Был отличный зимний вечер. Стоял легкий морозец. Тихий снежок. Настоящий звонкий декабрь.

В резиденции Председателя Верховного Совета Республики Беларусь мы собрались втроем: Шушкевич, Кравчук и я. Собрались, чтобы решить судьбу Союза".

Такими лирическими строками начинает Ельцин свой рассказ о Беловежской пуще.

"Вместо постепенного и мягкого перехода от унитарного Союза к более мягкой, свободной конфедерации мы получили полный вакуум политического центра.

Центр в лице Горбачева был полностью деморализован. Он потерял кредит доверия у возрождающихся национальных

государств.

Что-то надо было делать" [23].

Так излагает Ельцин мотивы подписания тремя руководителями договора о ликвидации СССР и учреждения Содружества Независимых Государств. Но главного мотива здесь все же нет - желания самого Ельцина окончательно освободиться от горбачевского бремени.

У "великой" троицы и особенно у самого Ельцина был целый набор вариантов роспуска СССР. Первый - собрать руководителей всех республик и выступить с торжественной декларацией, а затем обсудить, что делать. Второй - предоставить решение вопроса съездам и парламентам всех республик. Третий, самый естественный - провести референдум, снова спросить всех граждан, хотят ли они жить под одной крышей или предпочитают разойтись по национальным квартирам.

Ничего этого сделано не было. Напротив, "великая тройка" дала указание группе советников Ельцина быстро составить документ о роспуске СССР. (А те в беловежской бане (буквально!) сварганили проект, который сами считали невинным и предварительным. Но этот проект прошел на ура у трех республиканских вождей.

И все же я не стал бы сводить все дело к личным мотивам Ельцина, когда речь шла о таком всемирно-историческом событии, как крушение великого российского государства. Думаю, что немалую роль сыграло и "демократическое опьянение", которому он и его окружение были подвержены в ту пору. Им казалось, что именно они начинают новую главу во всей тысячелетней истории России - ее крутой поворот к западной цивилизации, к демократии, благосостоянию, рынку, правам человека. Словом, к новому, наконец-то найденному раю. Поэтому нужно смело навсегда порвать с прошлым, похоронить его, не считаясь с такими "мелочами", как конституция, референдум, вековые традиции совместной жизни народов. Вот типичное напутствие Ельцина:

"Я считаю, что XX век закончился 19-21 августа 1991 года. И если выборы первого свободно избранного Президента России - событие общенациональное, то провал августовского путча - событие глобальное, планетарное.

XX век по большей части был веком страха. Таких кошмаров, как тоталитаризм и фашизм, кошмар коммунизма, концентрационных лагерей, геноцида, атомной чумы, человечество еще не знало.

И вот в эти три дня кончился один век, начался другой. Быть может, кому-то такое утверждение покажется слишком оптимистическим, но я в это верю.

Верю, потому что в эти дни рухнула последняя империя. А именно имперская политика и имперское мышление в самом начале века сыграли с человечеством злую шутку, послужили детонатором всех этих процессов"[23].

Идеологические стереотипы с большой силой снова ударили в голову русским людям. Слово "империя" перечеркнуло всю историю России, свело ее к одним насилиям, репрессиям, завоевываниям. Слово "демократия", которое наивно ассоциировалось с одним единственным актом - избранием Президента РСФСР, стало оправданием разрушения великой державы.

Так понимал Ельцин свою миссию в Беловежской пуще. Теперь обратимся к двум другим участникам этого события - Кравчуку и Шушкевичу, а затем и к тому, кто не "стрелял" (слова Высоцкого) - Назарбаеву.

2

Мы с К.Владиной провели серию интервью с президентами независимых государств, возникших на развалинах Союза ССР. Говорю "мы", хотя интервью проводила К.Владина, а я включал в ее беседы вопросы, которые касались судьбы российского государства и редактировал текст (Эти интервью были опубликованы в "Независимой газете". Здесь печатается с разрешения автора К.Владиной). Нас интересовали вопросы: кто выступил инициатором ее распада и есть ли перспективы формирования евроазиатского содружества, а если имеются, то в какой форме. Думаю, читателю будет интересно послушать самих участников этих трагических свершений.

Итак, первый визит к президенту Украины Леониду Кравчуку. Вот некоторые фрагменты интервью с ним, которое он давал дважды - в 1992 и 1993 годах, когда еще стоял во главе государства.

- Кто все-таки был инициатором развала Союза, когда вы встретились в Беловежской пуще?

- Инициатором поездки в Беловежскую пущу была Украина.

- А не Ельцин?

- Нет, не Ельцин. Мы эту инициативу не просто проявля-

ли, мы готовились к этому, мы собирали разные точки зрения, разные взгляды, готовили проекты документов, но, что такой итог будет, я не предвидел, это я вам честно скажу. Я ехал туда и думал так: поговорим и мы сделаем маленькое заявление. Я этого добивался крайне настойчиво, потому что, если бы этого не было, Центр сразу возвысился бы. Я это хорошо знал.

- Вы уже тогда были против Центра?

- Я был категорически против. Потому что я знал, к чему привел Центр. Но, когда мы сели за стол и начали обсуждать разные варианты, Ельцин открыто и честно сказал: "Я должен поставить перед вами три вопроса, не от себя, а от Горбачева. Прошу на них ответить. Не мне, а Горбачеву. Но я тоже заинтересован в этом. Первый вопрос: согласитесь ли вы с проектом договора?" Нужно было, чтобы я подписал этот договор. Сказал, какие статьи убрать и так далее. Когда я на все вопросы ответил "нет", Ельцин спросил: "Какой выход?"

- Значит, Ельцин выполнял миссию, данную ему Горбачевым. И в действиях Ельцина не было предательства в отношении Союза и лично Горбачева?

- Нет, он честно сказал, что он, Ельцин, в зависимости от моего ответа определит позицию России. Если бы я сказал, что Украина подпишет Союзный договор, Ельцин тоже подписал бы.

- Такая честность в политике бывает весьма редко.

- Ельцин последователен. Вы помните его заявление, когда были все, а меня не было. Что сказал Ельцин? "Я Союза без Украины не вижу". Вот эта последовательность.

- И Горбачев все время говорил: "Придет к нам Кравчук, придет, мы не можем без Украины".

- Вот почему я и говорю, сама история так поставила, и Горбачева, и Ельцина. Нет Украины - нет Союза.

- Но вы же совершили предательство по отношению к Назарбаеву. Вы же не позвали его!

- Я не считаю, что мы совершили предательство по отношению к Назарбаеву. Ни в коем случае. Это ошибка, которую постоянно повторяют журналисты. Я объяснился с Назарбаевым дважды, и он сказал мне: "Я вам верю теперь".

Когда ехали в Беловежскую пушу, я не знал исхода этой встречи. Нам нужно было поговорить втроем. Если мы чуть-чуть бы расширили эту встречу, она могла бы завершиться безрезультатно. Россия, Украина, Белоруссия - основа, фундамент старого Союза. Логика-то какая была, нам втроем пого-

ворить, а потом обратиться к другим. И как только мы договорились, мы позвонили Назарбаеву. Это же все при мне было, ведь это история пишется. Мы позвонили Назарбаеву, нам сказали: "Он летит уже в Москву". "Есть ли связь с самолетом?" "Прямой связи нет". Мы посадили дежурного, и как только Назарбаев прилетел в Москву, мы его сразу вызвали к телефону. И говорим: "Мы тут сидим. Документ черновой. Мы даже широкую пресс-конференцию не проводили, только сказали, что мы договорились, приезжайте, и вы подпишете вместе с нами". "Хорошо, я прилетаю". Проходит время, он меняет свою точку зрения. Потом встречается с Горбачевым. Я понимаю, он обиделся, что его не пригласили накануне.

- Помните, какое у него было расстроенное лицо после вашей Беловежской встречи. Тогда он сказал: "В политике надо считаться с реальностью". Лучше ответить, чем ответил тогда Назарбаев, невозможно.

- Когда мы встретились с ним в Москве, я ему честно все рассказал. Он меня спросил: "Скажите, чем это вызвано?" Я прямо, один на один, сказал, что не могу говорить за Ельцина, за Шушкевича. Я говорил то, что чувствовал я, о своем отношении к Назарбаеву. И он сказал: "Я вам верю". Вопрос был снят.

- Что из человеческих качеств не нравится вам в Горбачеве и какие черты характера привлекают Вас в Ельцине?

- Я о Горбачеве говорил разное. Когда он был при власти, мы могли с ним сражаться.

- И все-таки, что вам не нравилось в нем и что вас привлекает в Борисе Николаевиче?

- В Горбачеве мне не нравилась непоследовательность. Шатание, часто отказ от своих слов. Кто пришел раньше, то и сказал, пришел второй - переубедил. Это мне не нравилось. В Борисе Николаевиче мне нравится прямолинейность и жесткость в постановке вопроса, прямолинейность и жесткость. Она в политике, может быть, и не очень высоко ценится, но в час, когда разболтанность и неопределенность, она может быть решающей. Это не мелочь. А если и мелочь, тогда мелочь, которая может в политике сыграть решающую роль.

- Вы достаточно упрямый человек. И Ельцин упрямый. Думаю, что вам легче было вести диалог с Горбачевым, чем с Ельциным?

- Я думаю, нет. Я знаю, если Борис Николаевич сказал "нет", я второй раз с этим к нему не обращаюсь.

- Как вы думаете, вы в историю войдете освободителем и создателем нового независимого государства или разрушителем могучего Союза, которого боялись, но с которым считались в мире?

- Ну то, что Союз уже разрушили, история зафиксировала.

- Да, но при вашем участии? Ваша роль в этом главная...

- Я не отрицаю тут своей роли. Потому что все в один голос говорили, что Союза и конфедерации любого толка без Украины не будет. Поэтому я тогда заявил четко: Украина никуда не войдет. И это стало решающим в разрушении Союза.

Третий активный участник исторического совещания в Беловежской пуще, президент Белоруссии Станислав Шушкевич. Его ответы не отличались такой искренностью, как у Кравчука. Но некоторые новые штрихи, характеризующие это событие, и особенно перспективы СНГ можно почерпнуть из нашего интервью с ним.

- Ваше отношение к СНГ. Украина сдержанна. А вы будете бороться за содружество? И каким оно вам видится?

- Вы знаете, я об этом столько раз говорил, что боюсь запутаться. Логика здесь очень проста: без очень и очень тесной связи с Россией мы сейчас не сможем выжить. При любой форме экономических отношений. На сегодняшний день мы поставляем в Россию более 80% готовой продукции. Топливных ресурсов у нас практически нет, они в России.

- Белорусский язык не был признан языком нации на протяжении веков. Сейчас он впервые становится государственным языком, однако вряд ли станет языком интернационального общения. Какой язык в этом качестве для Белоруссии наиболее приемлем? Польский, французский, английский, русский?

- Ну, прежде всего, вы - жертва великих заблуждений. Белорусский язык был государственным языком очень давно. Великое княжество Литовское, Жмоймское и Русское имело государственным языком белорусский. И Конституция этого княжества была написана на белорусском языке. Это Конституция, которой нет равных, нет аналогов в России. Этот статус послужил в значительной мере основой для создания законодательства во многих странах Европы. Но потом наш большой "старший брат", а, вернее, не лучшие представители его увлекли за собой искренних и образованных, достойных людей, которые методически вводили многих в заблуждение. Поэтому речь идет о том, что язык восстанавливается тот, кото-

рый существовал издавна.

Вторая позиция - середина прошлого века, официальное запрещение белорусского языка. Третья позиция: у нас в общем-то равнинный ландшафт и спасали только болота, в отличие от Болгарии, где болгарский язык и культуру спасали монастыри и религия. А тут, пожалуйста, мощный сосед слева - Польша, и мощный сосед справа - Россия. Я уже не буду говорить об остальном, например, что территория наша стала проходным двором. Белоруссия переживала периоды, когда каждый второй белорус был уничтожен, а в последней войне - каждый четвертый, а вероятно - даже каждый третий. Тем не менее, народ существует. И существует язык.

- Белоруссия всегда отличалась национальной терпимостью, даже в царское время. Русские, белорусские, еврейские поселения жили в дружбе. Белоруссия не знала антисемитизма и в другие времена. Не боитесь ли вы, что микроб национальной вражды, поразивший сейчас почти всю территорию бывшего Союза, доберется и до Белоруссии?

- Я вам скажу по существу: среди простого люда и сейчас нет национальной вражды. И так будет всегда. А страсти ведь разжигают политики. Не утвердившиеся, дрянные политики, не имеющие поддержки народа. Я тут проблемы не вижу и думаю, что государство в состоянии регулировать эти отношения на мало-мальски нормальном уровне. На уровне же истинной интеллигентности межнациональных проблем не существует. Истинной интеллигентности - я подчеркиваю.

- С кем Вам легче работать - с Горбачевым или Ельциным?

- Горбачев топтал Ельцина, как мог. Горбачев категорически отличается от Ельцина хотя бы тем, что он никого не слушал. Он приходил со своим проектом решения и, что бы ни творилось на Госсовете, не принимал корректив. И все уходило - вопрос не решался. А что он там сейчас пишет... Что? Я сначала его воспринимал как бога, я думал, что это от него исходит идея перестройки.

- А от кого?

- А оказалось - вынудила необходимость, иначе нельзя было. Но потом начались политические манипуляции, когда он со своими советниками вырабатывал этот "социализм с человеческим лицом" и "верность принципам социализма"... И когда семь членов Госсовета из восьми логично доказывали, что надо многое изменить, он уходил от этого. А Ельцин занимал благородную позицию, был принципиальным борцом. Горба-

чев сейчас жалуется, что его обидели. А сколько раз ему говорили: "Давай примем регламент работы Госсовета. Не может Госсовет работать без регламента, нет порядка..."

- А что ж Вы тогда молчали? Значит, вам было очень трудно работать?

- С Горбачевым вообще работать невозможно. Госсовет был ширмой, он хотел через него проводить свои личные решения.

- А что Вы скажете о Ельцине, когда он будет в отставке, как Горбачев?

- Я скажу то же самое, что и сегодня. Сожалею о многих деятелях, ушедших в отставку. И, вообще, не хотелось бы мне раздувать пожар в СНГ. Хотя некоторых демократов, снискавших даже международное признание, считаю людьми, которые не имеют морального права быть у руководства, для них лицемерие стало нормой.

3

Особую ценность представляют суждения Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о причинах развала СССР и перспективах интеграции. Вот что он рассказал в интервью, сделанном для нас.

- Никогда не забуду, как после Беловежской пуши увидели Вас на телеэкране, и корреспондент подошел к Вам у трапа самолета. На Вас не было лица, потому что всегда Назарбаев несет мысль, всегда Назарбаеву очень верят. Вы были растеряны. И на вопрос корреспондента Вы ответили: политика - это вещь реальная. Вы считаете, что в Беловежской пуще была допущена ошибка и возможно ли ее сегодня исправить?

- У нас была назначена встреча на 9 декабря 1991 года у Горбачева на 12 часов дня с четырьмя президентами: Ельцин, я, Кравчук и Шушкевич. Мы должны были решить, что будет с политическим Союзом ССР. После путча состоялась встреча руководителей правительств в Алма-Ате, мы подписали экономический договор здесь, подписали его в Москве. И теперь надо было с этим экономическим договором поработать. Но Горбачев торопил с политическим союзом. Союз независимых государств, содружество, союз суверенных государств.

Никак не могли определить. Украину не устраивало что-то, Россию не устраивало что-то. Конфедерацию Горбачев никак не соглашался создавать. Он говорил, зачем нужен прези-

дент, зачем правительство. 7 декабря мы созвонились с Ельциным, у него была запланирована поездка в Белоруссию. Он должен был подписать двусторонний договор с Шушкевичем, как мы до этого подписали с Россией.

Он говорит: я поехал туда, пригласил Кравчука. Перед нашей встречей 9 числа я должен переговорить с Кравчуком, чтобы он был вместе с нами в этом Союзе. Это было очень благородно с его стороны и очень необходимо. Никто из нас не хотел, чтобы с нами не было Украины. Мы все хотели, чтобы Украина была с нами. Экономика повязана. Это большое государство, большой народ и т.д. Поэтому я сказал, если Вы это сделаете, и втроем приедете, уже договорившись, я буду с Вами. Вот и весь разговор.

Он уехал туда 7 числа, а я 8-го полетел в Москву, и телефона в самолете действительно не было, и я ничего не знал. И поэтому, когда я сошел с трапа, мне стали задавать вопросы журналисты. Я сказал, что я пока об этом ничего не знаю. Но тут же ко мне подошли и сказали, что Вас ищет Ельцин, он звонит из Белоруссии. Я подошел к телефону, он говорит, мы тебе уже четыре часа звоним, мы пришли к единому мнению. В Алма-Ате тебя нет, в самолете тебя нет, вот ждем. Вот мы много часов разговаривали, но ни к чему не пришли. Вот если мы хотим быть вместе, сохранить добрые отношения, единое экономическое пространство...

Кстати, на телевидении, наверное, сохранились все интервью, которые они давали 9-го. Это какие же красивые слова были. Вот он говорит: "Мы тут приняли документ". - Я ему: "Я же не видел его, как я буду подписывать?" - "Ну мы думаем, Вы будете с нами заодно, без Казахстана никак нельзя". - Я говорю: "Борис Николаевич, я не могу это сделать. Во-первых, потому что я никогда не видел этого документа. Это же очень серьезно то, что Вы задумали. А как Союз?" - "А Союзу не будет, мы фундаторы этого дела". - "Но сначала, - я говорю, - я подумаю. И чтобы мне передали текст этого документа".

Я прочитал документ и думаю, это очень серьезное дело. Потом звонит мне Кебич (председатель правительства Белоруссии), после Кебича - Шушкевич. Потом я уже сказал, моему, Кебичу, что я не могу приехать. Во-первых, мне надо дома посоветоваться, потом мне надо знать мнение Республик Средней Азии, а оттуда мне, кстати, стали уже звонить и спрашивать, что там делается, ты нас держи в курсе дела, что

там такое происходит. Так что я не поехал. Поначалу, когда они мне сказали, что мы тут встретились и надо вместе обсудить, тогда я сказал: "Да, я приеду". Вот такой разговор был. Мы обсудим все и с этим прилетим завтра в Москву. Это же ведь было неплохо, правда. Но, когда сказали, что есть текст и что четвертым стоит Казахстан, тогда я подумал, - это уже серьезно. Я потом специально собрал корреспондентов, дал интервью. Конечно, размышлять над чем было, и я сказал, что любой политик должен стоять на грешной земле и должен быть реалистом. То есть политика - искусство возможного.

- Видимо, в тот момент Вы еще не приняли решения и поэтому была растерянность на вашем лице?

- В 12 часов все равно Горбачев настоял, чтобы я пришел. Не прошло 2-3 минут, как заходит Ельцин. Вот мы были вторым. Потом подошел Яковлев Александр Николаевич.

И вот мы вчетвером сидели. Горбачев задавал вопросы один за другим, уже этот документ лежал на столе.

Ну ладно, вы вот так решили, а как будет с армией, как быть с внешней политикой, а как то, как это. Естественно, у Ельцина не было никакого ответа на эти вопросы. Он в конце возмутился: "Что вы мне, допрос, что ли, устраиваете?" Усталый вид был у него.

- Вы считаете, что решение о таком способе роспуска Союза было ошибкой и ее не поздно исправить?

- Уже поздно. Ведь потом мы собрались в Ашхабаде, все Среднеазиатские Республики. Я предложил Ниязову собраться у него в республике и обсудить это все. Туда же Ельцин звонил каждые полчаса. Волновался, как мы будем решать. А там на столе лежал документ о создании Конфедерации туркестанских государств. Вы представляете, что бы это было? Было бы полное противостояние. Мне за полночь пришлось со всеми говорить, убедить, что мы не должны этого делать, что все-таки годы вместе прожиты не зря. Отношения между народами мы рвать не должны, мы должны искать другие пути, подходы. Мы же в декларации записали, что этот случай надо оформить законно, легитимным сделать, значит, созвать съезд или на Верховном Совете СССР решить этот вопрос. Нам ответили: Россия отозвала оттуда своих депутатов, Украина отозвала своих депутатов, Белоруссия отозвала своих депутатов, и дали мне цифру - 70% депутатов уже отозвано, все равно мы в протоколе записали, что правовую сторону оформления СНГ надо обеспечить. Этот вопрос висит до сих пор.

- Кто же разогнал Съезд народных депутатов СССР?

- Он сам распустился. На месте Горбачева и Лукьянова я бы послал всем депутатам приглашения и созвал съезд обязательно. Почему они этого не сделали, а теперь героями выступают, мне это не понятно.

- Я хочу Вас спросить о другой встрече - Горбачев, Ельцин, Назарбаев - в Ново-Огареве, незадолго до путча. Встреча прослушивалась. Тогда был согласован вопрос о смене прежнего правительства, и это подтолкнуло путчистов. Если так, то путчисты действовали по личным мотивам, а не ради спасения Союза, как они теперь утверждают. Вы не могли бы дополнить телевизионный рассказ об этом Горбачева?

- Передачу по телевидению я не видел, но то, что нас подслушивали, это я слышал от Горбачева. Это уже было после путча. Он при многих президентах говорил: "Нурсултан, помнишь нашу встречу, Ельцин был прав". А Ельцин, когда мы сидели, вышел на балкон и говорит: "Тут нас не подслушивает никто?" Мы посмеялись и сели. Мы говорили о власти. Разговор был откровенный. Мы договорились, не обижаясь друг на друга, говорить открытым текстом. Много неприятностей услышал Горбачев от нас, конечно. За выжидательность, за то, что он теряет все позиции. Что мы в экономике ничего не делаем, самостоятельности республикам не даем. Действительно, Ельцин сказал, что надо заменить нескольких руководителей. В том числе, Павлова, Янаева, я добавил Пуго и про замену Павлова тоже поддержал. Я, в принципе, никогда против Павлова не был, он был неплохим финансистом, просто не на свое место попал.

- Тогда решили, что Вы будете Председателем Совмина?

- Да. А 20-го мы договорились подписывать Союзный договор, все было уже готово. Как только подпишем Союзный договор, говорил Ельцин, нужно немедленно менять правительство, назвал Язова, в общем почти всех, которые теперь сидят в тюрьме. Он собирался менять почти что всех. Я говорил о том, что надо больше экономической свободы давать республикам. Тогда Ельцин предложил, если Назарбаев стал бы премьер-министром у нас, он смог бы объединить республики. Меня ни тот, ни другой не спрашивали, они вдвоем решили этот вопрос. Я посмеялся и сказал: вы без меня меня просватали и хоть бы спросили. Но они говорят, что пока это неактуально, мы этот вопрос обсуждать не будем. Вот подпишем Союзный договор, тогда и поговорим, немедленно все

надо менять.

- В Москве говорят о конфедерации трех государств: России, Казахстана и Белоруссии. Утверждают, что эта идея принадлежит президенту Казахстана. Полагаете ли Вы, что это реальная перспектива?

- Конфедерацию предлагали во время новоогаревского процесса. Я говорил об этом Горбачеву. Кстати, Ельцин был за это, и Каримов был за это, но ни в какую Горбачев с этим не согласился! Я развала не допущу! И в правительстве этого тоже никогда не будет, Рыжков заявлял. В общем, мы этот момент проехали. Потом, после путча, ура-патриоты со всех трибун митингов начали кричать, что мы - великая Россия, мы всех задавим, все земли вернем. Если Вы помните, 26 августа я выступил на сессии. Был резкий поворот. Все! Ни в какой Союз Казахстан ни в качестве младшего, ни в качестве старшего брата не будет входить. Кончено. Потому что невозможно верить этой России, которая с трибун заявляет о своих притязаниях и угрозах ко всем. Этот период мы прошли. Не надо говорить ни о какой конфедерации. Я никогда теперь не говорю о конфедерации. Вот смотрите, 10 нас там или сколько в СНГ. Из них 6 или 7 хотят иметь более тесные отношения в СНГ. Единое оборонное пространство, единый рубль, единое экономическое пространство, таможенное пространство. Остальные не хотят. Они хотят быть членами СНГ, но ни в чем не участвовать, никаких координирующих органов не иметь.

Я предлагаю тем, кто хочет иметь тесные взаимоотношения, единый рубль, единое экономическое пространство, открытые границы, единое оборонное пространство - давайте сделаем ядро. Пусть в этом ядре будут координирующие органы, одна банковская система, которой будут подчиняться все другие государства, одна оборонная система. Это можно назвать, как хотите. Но не надо пугать никого терминами, нужно нормально сближаться. Я веду речь о том, что нужно объединяться по типу европейского сообщества. От Конфедерации и от Союза мы уже ушли. Это мечта. Может быть, другое поколение политиков дорастет до этого и поймет, что это выгодно, потому что Европа идет к сближению, к единому правительству, единым деньгам, к согласованной таможне. К сожалению, Россия никак не заявляет по-настоящему о том, что она демократическое государство. Ну, давайте я приведу примеры. Это мне Геншер говорил, я уважаю его как политика, который очень много сделал в Европе, что нас, как демократов, немцы

в Европе признали лишь тогда, когда мы перед всем миром открыто извинились за фашизм. А в России сейчас наоборот, высказываются претензии на имущество, претензии на территории, на границы.

Не знаю, как Ельцин, но вокруг него такая игра идет. Мы ее видим. С этой точки зрения я не могу не оправдывать Кравчука и Шушкевича. Россия большая, если думает о своих геополитических будущих делах и вообще о будущем, если хочет, чтобы ее окружали дружественные государства, близкие к России, Россия должна своими амбициями поступиться, встать вровень и притянуть их совсем с другой стороны. Она может это сделать, но она не делает, и я этому просто удивляюсь.

4

Сопоставляя позиции трех лидеров, что можно в целом сказать по поводу беловежского решения о роспуске Союза ССР?

Первое. Это решение было эмоциональным, а не рациональным, скорее спонтанным, чем выношенным и обдуманым. Ни один из участников - ни Кравчук, ни тем более Шушкевич, ни даже Ельцин не были готовы к тому, что произошло. Кравчук об этом заявил прямо - оставаться в Союзе не хотим. Но так просто уйти не надеялся. Шушкевич вообще не имел позиции и поддерживал Ельцина против Горбачева, держа нос по ветру. Но и Ельцин не был готов именно к такому финалу, хотя ехал с твердым намерением избавиться от "центра" и Горбачева. Обратим внимание на то, что в его сознании мелькала мысль о другом варианте - наследовать Горбачеву в рамках Союза ССР, быть избранным президентом от всех народов страны. Но это был путь и долгий, и "противный". Поэтому он пошел другим путем, который сам просился в руки. Можно только гадать, как сложилась бы судьба великой Российской державы, если бы не торопливое желание трех князей короноваться на царство.

Второе. Никакого четкого представления о характере нового объединения - содружества независимых государств - у тройки не было. Новый Союзный договор, подготовленный в Ново-Огареве под руководством Горбачева, который должен был подписать 20 декабря, был дружно отвергнут. На его место поставили заявление о роспуске Союза и вряд ли задумывались, куда идет дело и что будет со всеми прежними республи-

ками.

Третье. У Ельцина теплилась мысль о том, что какой-то род интеграции произойдет в будущем. Тревожило и опасение, что процесс развала может распространиться внутри Российской Федерации. Но он тешил себя мыслью, что, во имя общих интересов, сохранялась еще возможность применить силу. И в последствии он показал, что это были не слова, а реальная политика.

В целом акт всемирно-исторического значения - распад великого евроазиатского государства - прошел в обстановке типичных коммунистических встреч вождей, уверенных, что они вправе решать все, что угодно, не задумываясь о воле народов и ответственности перед историей.

Сейчас интересно перечитать выступление Ельцина после возвращения из Белоруссии и сопоставить его выводы и надежды с тем, что произошло на самом деле с Содружеством Независимых Государств.

Выступая на Сессии Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 года, Ельцин дал оценку результатов Беловежской пуши. Оценим и мы их в свете последующего опыта.

"Важнейший итог переговоров в том, что достигнуто соглашение о взаимодействии в проведении экономической реформы", - говорил Ельцин. Однако впоследствии - общеизвестно - каждый из участников пошел своим путем.

"Подписанные соглашения диктуют волю республик сохранить единую денежную единицу - рубль"[17]. Все произошло как раз наоборот.

"Договорились взять под совместный контроль денежную эмиссию, проводить одностипную бюджетную налоговую политику, координировать внешнеэкономическую, таможенную политику. Принципиальное значение имеет договоренность о том, что государства обеспечивают друг другу свободу транзита. Достигнута договоренность о сроках либерализации цен - со 2 января". И это не было реализовано.

"СНГ будет обеспечивать единство военно-стратегического пространства, единство ядерных сил под объединенным командованием. Общее мнение - создать оборонительный союз с единым командованием стратегическими вооруженными силами". И это осталось мечтой.

На деле внутренняя политика новых независимых государств пошла различными путями, в каждом из них возникли свои во многом несхожие решения социально-экономических

проблем. По-разному выглядят и внешнеполитические цели этих государств и представления о задачах и лимитах интеграции в Содружестве. Три года спустя после Беловежской пуши Ельцин стал поворачивать политику России в сторону сближения с государствами Содружества. Но поезд уже ушел довольно далеко по колее разобщения и недоверия. Боюсь, что наши вожди стали жертвами знаменитой ленинской формулы: прежде чем объединяться, надо размежеваться. Эта формула оказалась несостоятельной внутри ВКП(б). А внутри Союза ССР она оказалась трагичной.

Каковы же причины распада великого Российского государства, которое складывалось на протяжении почти десяти веков? За сохранение которого всего 50 лет назад было положено 30 миллионов жизней граждан СССР? Наше сознание отторгает мысль, что воля двух, трех человек могла привести к такому драматическому финалу.

Сам механизм распада представляет собой эвристическое изобретение ума бывшего преподавателя научного коммунизма Геннадия Бурбулиса, к которому присоединились Егор Гайдар, Андрей Козырев и некоторые другие советники. Они сохраняют "копи-райт" на эту модель.

Думаю, что только бумаги о воцарении Лжедмитрия I готовились в такой спешке и в обстановке такого вселенского обмана. Обмана - потому, что делалось это за спиной у президента Союза ССР: его судьба решалась руководителями республик, которые подчинены союзной власти. За спиной у Верховного Совета СССР, еще не распущенного, а также Верховных Советов трех республик. За спиной у всех других республик, которых ставили перед фактом: вчера вы входили в Союз, а сегодня вы выдворены из него и вашего мнения никто не спрашивает. За спиной у всех народов СССР, которые проголосовали за сохранение Союза.

Бурбулис придумал этот механизм, побуждаемый исключительно стремлением угодить Борису Ельцину, освободить его от ненавистной зависимости от Горбачева. Заодно он обеспечил себе место фактического руководителя правительства, Гайдару - вице-премьера, Козыреву - министра иностранных дел и т.д. Типичный захват власти новой элитой ценой утраты почти половины европейской территории России и ее населения. Словом, замысел "группы захвата", этой политической Альфы, вполне объясним.

Неясно другое. Почему распад произошел так легко. Без

сопротивления союзной власти. Без взрывов со стороны народа. Даже без особого скандала в средствах массовой информации, которые впоследствии показали свою способность противостоять власти, особенно в период чеченской войны.

Значит ли это, что плод созрел и Ельцину было достаточно только потрясти дерево? Ответ на этот вопрос может быть только многосложным. И да, и нет. Да потому, что за год до этого Верховным Советом РСФСР был запущен разрушительный механизм борьбы за суверенитет республик от Центра. Даже не говорилось об ограниченном суверенитете. Полный суверенитет, значит полная независимость, полная власть на своей территории с правом выхода из Союза ССР. Этот лозунг был подхвачен другими республиками, лидеры которых (кроме Прибалтики) даже не понимали, что суверенитет - это разрушение Союза ССР и формирование своих, новых государств. Процесс пошел оттуда - из так называемого Белого Дома, которому впоследствии была уготована судьба горящего факела как символа разрушения великого государства. Пушечный расстрел 4 октября 1993 года был справедливым воздаянием за Декларацию о суверенитете 1990 года и единодушное одобрение Договора об СНГ в 1991 году.

Странно сказать, но главным катализатором распада СССР стала провинциальная номенклатура Российской Федерации. Ее чувства хорошо выразил Ельцин в своей "Исповеди", когда описывал свой приезд в Москву и свое раздражение привилегиями "столичных зазнаек", вообще этими заевшимися москвичами.

Мне как жителю столицы долгое время было трудно понять природу этого провинциального российского национализма. Люди, приезжавшие за колбасой, или раздачей бюджетных ассигнований, или за получением партийной либо государственной должности у себя на периферии, или премии за действительно выдающиеся произведения, - эти люди ненавидели Москву. Она угнетала и унижала их. Она делала их второсортными. Она нередко отдавала предпочтение азиатским, кавказским, прибалтийским народам. У таких людей рождалось чувство обиды за свою республику - РСФСР, которую они искренне считали всей Россией. Эти провинциалы просто не имели чувства великой Родины - Советской России, которая, как в прошлом Российская империя, включала в себя десятки народов.

Глубоко же запало в сознание партийной и литературной

элиты в российской глубинке это чувство обиды: мы принесли самые большие жертвы в революции, Отечественной войне, строительстве, а живем хуже всех других народов Союза. Этот примитивный взгляд на сложный процесс становления и защиты великого государства стал психологической почвой для дезинтеграционной волны. Аналогичными были и чувства в других республиках: мы кормили Москву, мы кормили Россию. Теперь, когда все республики стали жить отдельно, когда разрыв живого тела кооперации, сотрудничества, взаимопомощи евроазиатских народов нанес гигантский ущерб их интересам, все видят, насколько неверным и опасным был развод по-беловежски. Без обсуждения условий. Без определения общих интересов в экономике, в сфере безопасности, в культурном сотрудничестве. Без взгляда в историческую перспективу: куда идти, с кем и во имя чего.

Лично я именно в тот момент пережил самое сильное чувство одиночества. Такого безысходного чувства я не испытывал никогда ранее, хотя меня трижды снимали с работы при Брежневe. Казалось, что я уже должен закалиться в результате многократных своих конфликтов с властями. На этот раз, по видимости, пришла власть, за которую я боролся. Но я не мог ни принять, ни даже понять то, что она делала. Я не мог понять мотивов, по которым русский человек Борис Ельцин пошел так легко на разрушение великой России в Беловежской пуще. Я допускал, что Кравчук - выходец из Западной Украины - искренне вынашивал идеи самостоятельного украинского государства. Но Ельцин? Какими мотивами руководствовался он?

Разрушение государства, которое складывалось многими столетиями, за которое проливали кровь многие миллионы, - ради чего? Ради демократии? Ради того, чтобы не кормить окраины? Все это казалось мне чудовищной ошибкой. Более того, нелепостью и вздором. А экономические доводы в моих глазах не имели смысла. И тогда было очевидно, что совершенно не оправданы были выгоды от дохода за сырьевые ресурсы, прежде всего, нефти и газа от Украины, Белоруссии, других советских республик. Все это казалось мне сомнительным, поскольку им платить нечем. С другой стороны, разрушение производственно-экономических связей перекрывало все эти выгоды. И самое главное. В результате распада Россия полностью утратила свою прежнюю роль великой державы и все свои надежды сравняться в итоге с Соединенными Штата-

ми Америки. Как можно было сделать подобного рода выбор? Я не допускал мысли, что Ельцин пошел на это исключительно ради укрепления личной власти. Ради того, чтобы избавиться от Горбачева и обрести полную самостоятельность. Государственный человек такого масштаба, русский государственный деятель, по моим представлениям, ни при каких обстоятельствах не мог и не должен был сделать этот шаг.

И только три года спустя началось отрезвление. Но к тому времени процесс разобщения зашел так далеко, что поиск новых путей интеграции, новых моделей дружеского сожительства народов стал невероятно мучительным. Понадобится целая эпоха, смена элит, ответственных за развал, чтобы такие пути были найдены в общих интересах.

Проблема будущего сводится в конечном счете к простому вопросу: обретут ли народы Украины, Белоруссии, Закавказья, Средней Азии лучшую жизнь и лучшую судьбу в условиях разобщенности с российским народом. Пока этого не произошло. Пока - только новые проблемы у всех - падение производства из-за разрыва связей, энергетические кризисы, во многих республиках военные и экономические конфликты, проблема раздела черноморского флота и статуса Крыма в отношениях между Украиной и Россией. Все эти жертвы можно, в конце концов, было бы еще оправдать, если бы пришло процветание в новых государствах, в самой России, иначе - все, что было сделано в Беловежской пуще тройкой вождей будет осуждено как самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства.

РЫНОЧНИКИ

1

Незадолго до событий августовского путча 1991 года супруга американского миллиардера госпожа Энн Гетти пригласила группу политиков и экспертов на ужин в один из первых частных ресторанов в Москве. Это на ул.Кропоткинской (теперь улица обрела прежнее название - Пречистенка), неподалеку от высотного здания Министерства иностранных дел СССР - теперь России, что на Смоленской площади. Стол с превосходными блюдами и напитками был сервирован в подвальной части модного ресторана. Госпожа Гетти и ее спутники, профессора из Гарвардского и других американских университетов, интересовались оценкой ситуации в СССР.

Генерал Д.Волкогон, автор нашумевшей книги о Сталине, где он с восхищением пишет о его величии и с негодованием о его трагедии, предсказывал кровавое столкновение народа Москвы, руководимого демократами, с правительством Горбачева. Я говорил о необходимости союза Горбачева и Ельцина как единственном средстве избежать гражданского столкновения и распада Союза. Но, оглядываясь сейчас в прошлое, считаю, что самый интересный прогноз дал экономист Григорий Явлинский. Уже тогда этот молодой человек 40 лет, с приятным открытым лицом и обаятельной улыбкой, успел привлечь к себе внимание планом "500 дней", как начальным этапом реформ. Он предсказал тогда главное - смену элит.

- Я думаю, - сказал Явлинский, - что нам предстоит несколько смен правительства. Какое бы правительство ни начало экономические реформы, оно не удержится более одного года. Нужно осуществлять крайне непопулярные меры, которые вызовут большое недовольство населения. Затем - вторая волна реформ: приватизация, и снова смена команды, затем третья. Нам предстоит период быстрой смены властей.

С чего начать? Имелось два плана. По первому предлагалось для старта начать с приватизации, с укрепления частного сектора и затем перейти к либерализации цен. Этого плана придерживались такие известные реформаторы, как Г.Явлинский и С.Шаталин, как и, собственно, большинство других экономистов и политиков, включая меня. Другую, наспех сформулированную в расплывчатых чертах в конце 1991 года программу представил Е.Гайдар.

Программа "500 дней" составила предмет сложной политической игры между Горбачевым и Ельциным. По замыслу ее создателей она должна была стать платформой для объединения двух лидеров. Но этого не произошло. Политические соображения взяли верх и у того, и у другого. Как рассказывал позднее Явлинский, оба они использовали реформу для борьбы за власть. По его мнению, политика правительства России была направлена не на борьбу за реформу, а на то, чтобы нанести возможно больше сильных ударов по экономике, которая составляла основу власти Центра, то есть Горбачева.

Позднее в одной из публикаций Явлинский рассказывал о таком примечательном эпизоде.

Находясь в Вашингтоне осенью 1990 года, он встретился с сенатором Доулом - лидером республиканцев в сенате США. Тот ему сказал: "Молодой человек, я к Вам отношусь с симпатией, я тут читал про Вас... Две недели назад я разговаривал с Ельциным. Ельцин спросил меня, опасна ли программа "500 дней"? Я сказал: опасна. Ельцин спросил меня: а тяжела ли она? Я сказал: тяжела. Тогда Ельцин сказал: "Я не буду за нее бороться, потому что весной у меня выборы"[18].

Горбачев и Ельцин, как заядлые футболисты, били по программе "500 дней", стараясь попасть в ворота противника. Каждому из них было ясно, что по ходу ее осуществления придется принимать крайне непопулярные решения, ущемляющие интересы избирателей. И они боялись взять на себя ответственность за это, стараясь возложить на другую сторону вину за отказ от нее. Ельцину это удалось больше. До сих пор общественность в Москве убеждена, что программа, формально принятая на Верховном Совете СССР, не пошла из-за колебаний Горбачева. И, в общем, это правильно, поскольку в то время последнее слово принадлежало ему. Но истина состоит в том, что ее не поддержал и Ельцин.

Нужно сказать, что и Горбачев, и Ельцин очень мало разбирались в экономике. В сущности, ни у того, ни у другого не

было ни знаний, ни опыта для того, чтобы начать грандиозную перестройку государственного хозяйства в рыночное. Обычный стиль вторжения партийных секретарей в экономические проблемы был очень прост. Из Москвы приходила директива: надо построить завод, выделены такие-то средства, строить будет такое-то министерство, помогайте. Что это значило? "Накачивать" руководящих работников, вызывать их на бюро обкома, требовать, угрожать, заменять, редко в чем-то помогать, например, в выколачивании в Москве дефицитных материалов. Это был тот стиль, который впоследствии получил название административного, командного. И вот с таким-то опытом Горбачеву и Ельцину приходилось начинать реформу. Понятно, что они шли наощупь, как по тонкому льду в период весенней распутицы, прислушивались к разным предложениям, как в случае с Доулом, и пытались угадать, кто прав и где меньше личного риска.

К несчастью, в России не оказалось ни своего Эрхарда, как в Германии, ни Чжао Цзяяна, как в Китае, ни Шика, как в Чехословакии в период пражской весны. Российская школа воспитывала плановиков, а не экономистов, которые знают законы рынка. Те экономисты, которые включились в составление реформаторских программ, в том числе Шаталин и Явлинский, сами не знали законов рынка, не изучали зарубежного опыта. Поэтому решалась сложнейшая - скажем, высшей математики, - задача выбора варианта реформ на уровне арифметики. Никто не знал, что произойдет завтра, через месяц, через год, тем более - через десять лет. Это и была подлинная экономическая революция с глазами, завязанными, как у богини правосудия.

Почему Ельцин после августа 1991 года отдал предпочтение не Явлинскому и Шаталину, а никому до этого не известному Егору Гайдару? Потому, что первые обещали трудности переходного периода, а второй - быстрые успехи. Ельцин жаждал показать народу, что с его приходом кончится вялое вихляние, как было при Горбачеве и за что он его постоянно упрекал, и начнется быстрый перелом. Тут и подвернулся Гайдар, который сказал: да, мы перевернем нашу экономику за один-два года и обеспечим подъем.

Кроме того, Гайдар подвел экономическое обоснование под политическое разрушение власти Центра, то есть Союза ССР и Горбачева. Вместе с Г.Бурбулисом он подготовил записку на трех страницах для Ельцина о том, что нужно "отцепить

паровоз от вагонов" - Россию от других четырнадцати республик Союза ССР. Приводились два довода. Первый - в этом случае можно будет резко поправить финансовые дела России, потребовав от республик платить за российскую нефть и газ по мировым ценам. А это в десятки раз выше, чем они платили. Второй - с веригами республик на ногах Россия не сможет осуществить переход к рынку: они будут тормозить процесс любыми способами.

Один из членов команды Гайдара так рассказывает о его планах:

"В силу своего украинского происхождения и по своим эмоциональным качествам Явлинский был убежденным сторонником Союза. Политическая активность команды Гайдара была вызвана действиями Явлинского. После путча, когда стало ясно, какой обузой стал Союз, идея "давайте жить дружно" была бессмысленна. Советоваться с Кравчуком о стабилизации рубля? Координировать со Средней Азией - полуфеодальной, полукоммунистической структурой? Более странного предложения трудно и вообразить... Программа роспуска Союза и создания СНГ была разработана Гайдаром, никаких политических терзаний Егор Гайдар не испытывает"[18].

Кто такой Гайдар, и почему ему была так безразлична судьба Союза?

Егор Гайдар - сын адмирала Тимура Гайдара и внук известного детского писателя, который прославился книгой "Тимур и его команда". Он прожил с отцом несколько лет на Кубе, где тот был военным советником, затем работал в самых престижных тогда органах печати - журнале "Коммунист" и газете "Правда". Способный исследователь, он рано стал доктором экономических наук. Этот тридцатипятилетний человек занял в ноябре 1991 года пост первого вице-премьера, главного помощника Ельцина по экономической реформе. Он еще не имел какой-либо программы действий. Он говорил тогда, что ее и невозможно представить. "Есть общие крупные цели, к которым необходимо двигаться: стабилизация денежного обращения, укрепление рубля, приватизация"[3]. Он привел в свою команду еще одного доктора наук - А.Шохина и некоторых других не известных ранее молодых людей.

Это было самое молодое правительство России, если не считать ленинского. Ленина, которому в момент революции было около 50 лет, считали стариком. Ельцин пришел к власти в зрелом возрасте. Но он решительно принял установку на мо-

лодое правительство. "В моем правительстве не будет ни одного человека старше меня", - заявил Ельцин и, в целом, в то время выдерживал этот принцип.

Однако в конце 1992 года Гайдар был отстранен от работы первого вице-премьера по требованию Верховного Совета РФ. Тогда Ельцин, скрепя сердце, уступил, ему это было очень нелегко, так как он не раз говорил, что Гайдар - это "находка" для правительства. Но накануне роспуска российского парламента в 1993 году Ельцин, находясь в одной из частей войск государственной безопасности, сказал: первым вице-премьером будет Гайдар. Он произнес это таким решительным тоном, что вся страна вздрогнула. Это назначение означало бы переход к наступлению на Верховный Совет России.

Итак, первое, что сделал Ельцин, - пригласил команду молодых людей, главным образом, из научной среды. Кроме Ельцина, который уже перешагнул через свое 60-летие, и молодого 56-летнего руководителя Администрации Сергея Филатова, все остальные выглядели на 40-45 лет, порой еще моложе.

Однако Ельцин только частично сумел осуществить главное свое обещание - кадровую революцию. Он пришел к власти под двумя лозунгами: "Долой номенклатуру! Даешь реформы!". О реформах речь пойдет дальше. Но что касается номенклатуры, то эта задача оказалась для него непосильной. Выбирать пришлось между старшим, средним и младшим поколением все тех же коммунистов, все той же номенклатуры. Других попросту не было. Система была устроена так, что все политически активные люди шли в комсомол, а затем - в компартию. Но одной из самых больших проблем - это началось при Брежневe - стало старение элиты.

В статье "Междущарствие", опубликованной незадолго до кончины престарелого Брежневa, я писал о господстве геронтократии в обществе [10]. Ближайший соратник Брежневa Кириленко в день своего семидесятилетия заявил на всю страну, что он достиг среднего возраста и полон желаний работать дальше. Потом пришли два больных и старых руководителя - Ю.Андропов и К.Черненко. И только случайность спасла страну от очередного престарелого генерального секретаря В.Гришина.

Нужно заметить, что на моей памяти уже предпринималась попытка "комсомольского переворота". Как упоминалось выше, бывший руководитель комсомола страны

А.Шелепин, выдвиженец Хрущева, организовал заговор против него в октябре 1964 года с прямой целью прийти к власти. Его лозунгом тоже была кадровая революция. Он тоже покушался на власть стариков. Но он не был сторонником либеральных реформ, а выступал за установление жесткого авторитарного режима. Шелепин не преуспел. Брежнев и другие пожилые джентельмены сумели отстранить его.

Еще раз подтвердилось, что "в политике неторопливое упорство всегда берет верх над необузданной силой, тщательно разработанный план - над импровизированным порывом. реализм - над романтикой"(С.Цвейг)[32]. Брежнев действовал методично, терпеливо, держа Шелепина за горло бульдожьей хваткой, тогда как более молодой и порывистый Шелепин дергался и терял контроль над собой.

В отличие от Шелепина Ельцин никогда не был на комсомольской работе и ставил совсем другие - реформаторские - задачи. Но брать людей ему приходилось как раз из того же источника - бывшие комсомольские вожаки, секретари райкомов партии, молодые коммунисты из научной среды, которые заняли руководящие посты в науке благодаря своей лояльности к партии.

Пришла целая генерация молодых деятелей, и это было хорошо. Но было бы прекрасно, если бы они пришли не из комсомола - рассадника карьеризма, предательства и верхоглядства, и не из низовых партийных органов. Но пока для такого кадрового перелома условия еще не созрели.

В нашей печати было принято строго делить консервативный коммунистический Верховный совет России и команду президента. Но это весьма условное разграничение. И там, и здесь сидели, в основном, бывшие коммунисты. Если в парламенте они составляли две трети, то в правительстве их процент еще больше. Можно отличать и тех, и других по их новой партийной принадлежности: одни входят в партию "Демократическая Россия", другие - в возрожденную компартию. Это существенно. А прошлое, как и сексуальное прошлое любой пары, вступающей в брак, может либо повлиять, либо не очень повлиять на их нынешние взгляды и позиции.

Что касается других стран СНГ, то здесь картина еще более архаичная. Кроме двух государств Прибалтики, в них стоят во главе представители первого эшелона старой номенклатуры. А в некоторых бывших республиках после небольшого периода руководства национальных лидеров к власти снова

пришли прежние коммунистические вожди. Знаменателен пример Грузии, куда снова вернулся Э.Шеварнадзе, и Азербайджана - Г.Алиев, оба в прошлом первые секретари в этих республиках. Как говорил Наполеон, старая гвардия умирает, но не сдаётся.

Поэтому вскоре можно было отметить компромисс между старыми секретарями, которые сделали карьеру еще при Брежнев, и молодежью. Среднее поколение как бы выпало - кадровые перемены перекатились через их головы.

Новая элита толкнула Ельцина на путь реформ - шоковой терапии в экономике. Читая "Записки президента" можно только удивляться, с какой легкостью он на это пошел. Решающую роль сыграли не твердые экономические расчеты, проработанные профессионалами и обсужденные политиками, а психологические мотивы. Страстное желание доказать, что Горбачев не смог, а Ельцин сможет. И покажет, как быстро можно сломать старую государственную систему хозяйства и утвердить новую - частную, которая показала свое превосходство во всем мире.

В связи с этим любопытны пассажи Ельцина о мотивах, по которым он отверг прежних реформаторов - Явлинского, Шаталина, и остановил свой выбор на Егоре Гайдаре: странно сказать, но сыграли роль воспоминания Ельцина о дедушке Егора - Гайдаре, авторе "Тимура и его команды".

Сам Е.Гайдар взял себе в советники американского профессора Джеффри Сакса. В Гарвардском университете я как-то прослушал лекцию этого профессора, который взвалил на свои плечи нелегкое бремя - помочь России перейти к рынку. В начале лекции оратор рассказал анекдот. Приходит к врачу женщина и спрашивает: можно ли спасти ее больного супруга? Врач отвечает: "Можно, если каждые полчаса круглые сутки вы будете давать ему специально приготовленные вами лекарства." Когда она вышла от врача, обеспокоенный супруг бросился к ней: "Ну что сказал врач?" "Врач сказал, - отвечала жена, - что тебе надо готовиться к смерти". Она была не в состоянии вынести на себе бремя его лечения.

Таков приговор американского экономиста российской экономике. Америка и Запад не могут спасти больную экономику России. Она обречена.

Джеффри Сакс не прав был дважды. Первый раз, когда взялся реформировать российскую экономику, совершенно не имея представления ни о стране, ни о ее людях. И второй раз -

когда приговорил ее к смерти.

В 1990 году я провел и опубликовал в Москве свои беседы с американскими экономистами В.Леонтьевым и Д.Гелбрайтом. Они предложили совсем другой план реформ в России. Начать с приватизации в аграрном секторе, в сервисе, в легкой и тяжелой промышленности, ввести параллельную валюту - золотой рубль и только потом приступить к либерализации цен. Сакс же в духе идей американского монетариста Фридмана предлагал начать с обратного. Именно этот план, который поддержал Е.Гайдар, и лег в основу реформы.

Чего не учли Гайдар и Сакс? Они не учли коммунистических традиций и русского менталитета. Я убежден, что для Сакса были совершенно неожиданны неплатежи - предприятия задолжали друг другу десятки триллионов рублей. Затем - уклонение от уплаты налогов юридических и физических лиц. Затем - самозащита трудовых коллективов, которые заняли круговую оборону и сохраняли ненужную им рабочую силу. Затем - необязательность, корыстолюбие и лживость партнеров. Затем - отсутствие предпринимательской жилки у 80-90% населения. Затем - монополизм цен. Затем - бегство капиталов и мозгов за рубеж и массовое ограбление государственной собственности чиновниками и теневиками. Затем - массовое воровство, пьянство, взяточничество. Затем - многое и многое другое.

Но, несмотря на все это, процесс пошел, как любил говорить Горбачев. Создание рыночных отношений - деформированных, уродливых, варварских - стало фактом. Можно констатировать радикальное изменение экономической системы - от государственной к полугосударственной и рыночной.

Торговля явилась первой сферой, где можно было делать большие деньги. На начальном этапе при умелой постановке бизнеса она давала от 100 до 1000% прибыли на капитал. Эта сфера и стала источником быстрого обогащения целого слоя людей, по преимуществу молодых. Приватизация захватила вначале малый, затем средний и, наконец, крупный бизнес.

31 июля 1994 года закончился первый этап приватизации. С точки зрения статистических показателей, проведение чековой приватизации можно считать успешно завершенным. Темпы и масштабы становления частного сектора экономики беспрецедентны. В руки частных владельцев в среднем по России перешло 74% объектов малой приватизации. Около 40 миллионов россиян стали акционерами. Количество зарегистри-

рованных малых предприятий достигло почти 1 миллиона и на них трудятся более 9 млн. человек (около 15% общей численности работающих на предприятиях, в учреждениях, организациях). Акционированы 21 тысяча крупных и средних предприятий. Приватизированные предприятия произвели около 50% валового внутреннего продукта (ВВП). Общее число фермерских хозяйств увеличилось в первой половине 1994 года с 270 до 286 тысяч. (Здесь и далее данные приводятся согласно [38], если не указан иной источник информации).

Экономическая "цена", заплаченная обществом за "скачок в капитализм", равна 43% падения промышленного производства (по сравнению с 1989 годом). По оценкам западных специалистов, чтобы восстановить разрушенное хозяйство России понадобится не менее 10 лет.

По данным Госкомстата РФ, экономическое отставание России от США выросло за четыре года реформ на 64%. Физический объем ВВП России составил по итогам 1993 года 13,6% от объема ВВП США (в 1990 году этот показатель был равен 23%). Уровень ВВП РФ на душу населения составлял 23,6% от американского (в 1990 году - 38,7%). В соответствии с программой международных сопоставлений, РФ относится к странам среднего уровня развития и находится, примерно, на 55 месте в мире. Из года в год сокращается производство зерна - основы благополучия аграрного сектора и всего общества в целом. В 1993 году планировалось собрать 125-130 млн. тонн зерна, собрали - 100 млн. тонн. В 1994 году прогнозировался урожай зерна в 80-90 млн. тонн, что соответствует уровню производства зерновых 1961-1965 годов.

К середине 1994 года во всех государствах Содружества продолжали сохраняться кризисные явления. В среднем по СНГ в первом квартале 1994 года ВВП сократился по сравнению с первым кварталом 1993 года на 21%, производство потребительских товаров - на 30%.

"Колониально-сырьевая" структура экспорта осталась без изменений: на долю нефти приходится 20% всего объема экспорта, природного газа - 19%, нефтепродуктов - 7%. Экспорт нефти возрос на 11%, нефтепродуктов - на 16%, природного газа - на 17%. Настоящий бум наблюдался в экспорте российского металла (прирост от уровня первой половины 1993 года - около 150%) и необработанных алмазов (прирост 330%). Доля машин и оборудования в экспорте наоборот сократилась с 7,2 до 5,1%.

Во времена Горбачева и Рыжкова реформа была ориентирована на создание нового производства. К 1991 году возникло 210 тысяч кооперативных предприятий, главным образом, малых. Во времена Гайдара процветал преимущественно торговый капитал. Из одного миллиона зарегистрированных юридических лиц более 95% занимались торговыми операциями.

На улицах Москвы появились десятки тысяч небольших стеклянных ларьков, где торгуют всякой всячиной - от напитков до одежды и техники. Но больше впечатляют огромные, современно оборудованные магазины, где можно купить все - автомашины "Хонды", "Форды", западную мебель, компьютеры, факсы, технологию для заводов. Это переворот, ибо за все 75 лет советской власти ничего подобного не было. Экономика дефицита неожиданно превратилась в экономику изобилия. Однако цены на уровне американских, а нередко - даже выше на 30-50%. Средняя же зарплата по стране равна 80-100 американским долларам. Поэтому все эти дорогие товары доступны не более чем 10% населения, хотя и другие группы могут иногда что-то себе позволить.

Обилие товаров - главный предмет гордости команды Гайдара. Это пока основное положительное достижение реформ при огромных издержках. Жизненный уровень упал, примерно, в два-три раза для большинства и еще существенней для наименее обеспеченных слоев - пенсионеров, студентов, врачей, работников науки, искусства, культуры, словом, тех, кто до сих пор получает свой доход из государственного бюджета.

Но реформы начались, они идут бурно и теперь уже, можно сказать, неотвратимо. Рынок - какой бы он ни был - приходит на смену государственной монополии.

Чем же объясняется, что сами коммунисты встали на этот путь? Горбачев, Ельцин, президенты Украины Кравчук и Кучма, президент Казахстана Назарбаев и почти все другие лидеры новых независимых государств - бывшие члены высшего руководства КПСС? Государственная собственность находилась в их полном распоряжении и давала могучее подспорье политической власти. Какой же бес их попутал отказаться от этого и начать весьма сомнительный, с точки зрения кастового интереса, переход к рыночному хозяйству?

Это очень важный вопрос, и ответ на него не вполне ясен. Самое простое объяснение давали инициаторы этих реформ -

Горбачев и Ельцин. Оно выглядит примерно так. В период застоя при Брежневе страна исчерпала экстенсивные возможности экономического роста. Средний темп прироста национального дохода упал с 8% в 60-х годах до 3% в 80-х годах. При этом в секторе мирного, не военного производства рост фактически прекратился. Цены на нефть, которая давала большой доход в конвертируемой валюте, тоже упали. А запасы нефти во многих месторождениях стали иссякать. Отсюда делался вывод о необходимости структурных реформ.

Но из этого анализа отнюдь не вытекает, что решения нужно искать на путях рыночной экономики. Десятки лет все партийные функционеры были искренне убеждены в преимуществах плановой системы, которая позволяет концентрировано использовать природные и интеллектуальные ресурсы. капитал, технологию. И поначалу - в 1987-1989 годах - начались эксперименты как раз в этом духе. Ускоренное развитие современных технологий. Сокращение производства алкоголя, расходов на военное производство, которые душили бюджет. Но уже в 1989 году началось, хотя и медленное, продвижение к рыночному хозяйству, а с 1992 года оно обрело обвальный характер.

Коммунистический режим принес миллионы жертв на алтарь индустриализации. И вот "новые коммунисты" начали, по существу, деиндустриализацию страны чуть ли не в том же темпе, в каком осуществлялась сталинская индустриализация 30-х годов. Так, выпуск металлорежущих станков в 1994 году сократился по сравнению с 1990 годом, началом спада, на 76,4%, производство кузнечно-прессовых машин - на 89%, станков с ЧПУ - на 96,9%, обрабатывающих центров - на 92,5% [40]. Сокращение выпуска этой конкурентноспособной на мировом рынке наукоемкой продукции произошло, в основном, из-за финансовой несостоятельности акционированных предприятий, до которых властям нет никакого дела. Начиная с Ивана Грозного, не говоря уже о Петре Великом, Россия напрягала все силы, чтобы от экспорта сырья перейти к экспорту готовой продукции. При новых правителях доля машиностроения и легкой промышленности резко снизилась с 42% в 1991 году до 22% в 1994 году [15].

Несмотря на это. Ельцин, как и другие бывшие коммунистические вожди в странах СНГ, продолжает упорно вести корабль в ту же рыночную гавань. Каковы же мотивы? Какая новая убежденность стоит за этим?

Полагаю, что мы имеем здесь дело с уже знакомым нам типично русским психологическим феноменом. В сознании элиты появился новый символ веры. И так же неистово, как прежде верили в коммунизм, стали верить в капитализм. Панацея найдена, надо только дать ее больному обществу - и оно встанет на ноги.

Кроме того, (быть может, это покажется странным читателю), важным катализатором явилась информация о достижениях западного мира, умноженная на острую социальную зависть провинциальной элиты - к московской, а московской - к образу жизни в "цивилизованных странах".

Выступая против Горбачева, Ельцин резко критиковал высших партийных чиновников в Москве, которые, по его словам, купались в изобилии. Это была типичная зависть провинциальной элиты, которая не имела ничего подобного - ни роскошных дач, ни спецпайков, ни машин, ни постоянных поездок за границу. Как раз тогда Ельцин бросил лозунг: никаких спецпривилегий! Всё - за деньги, зарплату. Потом он, вероятно, сильно раскаялся в этом, так как при его власти чиновники сохранили и умножили феодальные привилегии, все спецблага, получили возможность "зарабатывать" дополнительно путем взяток и номенклатурной приватизации огромные денежные средства, а также обрести собственность. Бюрократический аппарат не только увеличился в размерах (с 715 тысяч управленцев в 1991 году до 921 тысячи в апреле 1994 года), но стал одним из самых коррумпированных в мире [38].

Ельцину пришлось опереться на тех, кто разделял его взгляды, толкая дальше. Это средние и низшие группы номенклатуры, а затем и люди теневой экономики. Начав с эгалитарных побуждений, Ельцин быстро эволюционировал к пониманию преимуществ рыночной экономики. А побывав на Западе, он окончательно в это уверовал.

Так странно одно и то же чувство - стремление к равенству - вызвало две противоположные психологические революции. В пользу коммунизма - в 1917 году и в сторону рынка - в 1991 году. Борьба против номенклатуры Центра, объединив российскую политическую элиту, почти исключительно провинциальную, неожиданным образом трансформировались в борьбу против государства и его вмешательства в экономику.

Конечно, потом это выросло в "логическую" концепцию перехода к цивилизованному рыночному хозяйству. Но внутренний, скрытый где-то в подсознании, первоначальный по-

рыв был традиционно русский.

Есть еще одна черта этого перелома в сознании коммунистической элиты - понимание неизбежности смены вех. Коммунистическое сознание, как вообще русское, - фатально, оно не склонно видеть альтернативные пути. "Коммунизм победит во всем мире - это исторически неизбежно!" - повторяли миллионы плакатов на стенах домов в Союзе. С таким же фатализмом все или почти все представители элиты - от радикальных демократов до коммунистов - стали твердить о рынке, внося только те или иные коррективы - стихийный или регулируемый. Поэтому и в Москве, и на далекой периферии трудно отыскать человека, который сказал бы: пойдём назад к плановому хозяйству. Появился новый стереотип, и в этом, а не столько в самих успехах реформ, главный залог их необратимости. Потом пришло главное - невиданная возможность самообогащения новой и старой номенклатуры. Тут уже никто не устоял...

Ельцин пришел к власти благодаря обещанию быстро осуществить реформы, на которые не решался Горбачев. Радикализм тогда носился в воздухе. Многотысячные митинги требовали перемен к лучшему в жизни людей - сегодня и сейчас! Ельцин с его необыкновенной интуицией стал рупором этих настроений. Он сам поверил, что реформы могут дать заметные результаты в короткие сроки. Он торжественно обещал народу начало перелома к улучшению уровня жизни в 1992 году. Не думаю, что это был сознательный обман. Как и у Сталина, который провозгласил 1942 год годом победы над фашизмом, это был, скорее самообман, но крайне необходимый для решимости начать дело. Именно для этого и понадобился Е.Гайдар - человек без опыта работы на производстве, с книжками экономиста Фридмана под мышкой, с глубоким доверием к западным советникам вообще.

2

Главная мысль Гайдара и его команды состояла в том, чтобы освободить цены на все товары и услуги. Либерализация цен - так была названа новая политика. Команда понимала риск подобной политики в условиях сохранения государственной - почти абсолютной - монополии в экономике. Но сознательно шла на этот риск. Ельцин сам сформулировал, почему это неизбежно. Он говорил, что классический путь -

это начать с приватизации, создания мощного частного сектора. а потом перейти к либерализации цен. Но, по его словам, у правительства России нет для этого времени, история его не дала, народ не будет ждать так долго (почему? - не объяснялось).

Было очевидно, что эта политика приведет к резкому скачку цен, за которым не поспеет никакая индексация. Да и компенсировать полностью убытки граждан никто не собирался. Все понимали, что каждая крупная компенсация приведет к новому скачку цен, раскручивая спираль инфляции - и так до бесконечности. Фактически была избрана шоковая терапия по примеру Польши - за счет резкого снижения уровня жизни народа.

Справедливо ли возложить на население, которое раньше стало жертвой коммунистического эксперимента, новые испытания? Над этим никто не задумывался. Думали только о том, не приведет ли эта политика к стихийному взрыву недовольства, который сметет правительство вместе с президентом. Поэтому каждый месяц, почти каждую неделю меряли с помощью информации тайной полиции, печати и социологических опросов пульс больному обществу: живо ли оно еще и не в состоянии ли оно вырвать скальпель из рук правительства и обратить его против него самого. И народ выдержал. Вот тут-то и сказалась великая и жалкая черта русского народа - долготерпение. Правительство не ошиблось в своей ставке на него.

Либерализация цен началась 2 января 1992 года. Гайдар объявил, что уже к середине года начнется перелом. В тот момент соотношение доллара и рубля составляло 1:20. К середине года оно составило 1:60. Гайдар обещал удержаться на этой отметке, но стрелка неумолимо двигалась вверх. В конце 1992 года она достигла уровня 1: 300, к лету 1993 года 1:1000, к осени 1:1200, к середине 1995 года - 1:5000. Когда Гайдара, год спустя после начала реформ, спросили, почему он обещал удержать инфляцию на отметке 1 доллар - 60 рублей, он сказал: кто бы нам разрешил начать реформы, если бы мы открыли правду. Чисто по-русски. Соврем - недорого возьмем. Но ради дела, ради реформ - все допустимо.

Что же происходило с населением? Оно было ввергнуто в испытания, сравнимые с периодом после второй мировой войны, когда почти половина промышленного потенциала была разрушена, города сожжены в огне, поля растоптаны танками.

Прежде всего сгорели в горниле инфляции практически все сбережения. В сберегательных кассах (банках) их насчитывалось более 300 миллиардов (прежних!) рублей, причем 90% составляли вклады до 10 тысяч, то есть принадлежавшие средним слоям. Что могло остаться от 10 тысяч, когда рубль был обесценен вначале в 100, затем в тысячу и, наконец, в 5 тысяч раз? Можно представить себе, как отнеслись бы люди на Западе к правительству, которое из "лучших побуждений" проделало с ними такую шутку? Вот оно, различие политических культур! Россия же стерпела.

С заработной платой творилось что-то невообразимое. Ее размеры в государственном (то есть регулируемом) секторе приобрели характер лихорадки. Принцип простой - кто смел, тот съел. Шахтеры в Кузбассе забастовали и выбили себе высокую зарплату. Врачи робко заявили о гипотетической возможности бастовать и получили надбавку. Ученые в Академии наук, чья забастовка не могла напугать никого, получали самую низкую ставку. Директора крупных предприятий, имеющих связи с зарубежным рынком, стали получать миллионы. Словом, такой вакханалии не было никогда. У 80% населения зарплата по-прежнему зависит от бюджета, как у чиновников. Сколько назначит правительство, столько и будет.

Социальные сдвиги в обществе в такие короткие сроки не имеет прецедентов. Скачок в капитализм приводит к коренному изменению социальной структуры. Она все больше становится похожа на структуру развивающихся стран: супербогатая верхушка (2-3% от численности населения) и огромная масса бедноты, полуннищего и нищего населения, включающая в себя 70-80% граждан страны [38].

Дифференциация доходов происходит быстрее по отраслям, чем по регионам. Первое место по оплате труда занимали работники учреждений кредитования и страхования. На втором - работники аппарата органов управления. Работники транспорта - на шестом месте, научные сотрудники - на двенадцатом, замыкают список - работники сельского хозяйства. Растет также социальное неравенство в оплате труда и внутри самих предприятий и организаций. По данным Госкомстата РФ, средняя зарплата руководителей многих предприятий и организаций превышает среднюю зарплату работников коллектива в 12-15 раз [38].

Тяжелейшим последствием бурных реформ явилась криминализация общества. В первой половине 1994 года по дан-

ным Главного информационного центра МВД РФ в Российской Федерации зарегистрировано 1333100 преступлений, в том числе тяжких преступлений 259 тысяч, то есть на 2.3% больше, чем за аналогичный период 1993 года [38]. Таким образом, психологическим фоном шоковых реформ стал все тот же большевистский мотив: мы за ценой не постоим. Идеологические цели - Революция, Коммунизм, Рынок - оправдывают любые жертвы.

Психологический фон правительства Гайдара описал Явлинский - человек, которому можно верить. Он принадлежит к тому же поколению и близко знал всех участников команды.

- Меня поражало, - рассказывает Явлинский, - с какой любовью и даже ненавистью эти люди относились к своей стране. Они говорили: все равно здесь все плохо, здесь "совок", здесь все гадость, сейчас мы зажжем очистительный огонь инфляции, все здесь разрушим, а потом начнем строить... Когда они говорили: что же, мы будем делать реформу с узбеками или украинцами? - мне все хотелось спросить: а сами-то вы кто такие? У вас же Россия - это сколько наций и народностей, это и мордва, и татары, и ханты, и чукчи, и якуты, и украинцы, между прочим, тоже. Они не чувствовали в себе умения разговаривать с лидерами республик, искать сторонников, формировать новые отношения и сочли за благо попросту избавиться от "вагонов" [18].

Что думали при этом Гайдар и его команда, говорит один из ее представителей:

- Наша команда не претендует на роль инициаторов или заказчиков социальной политики. Заказчиком реформ является Ельцин. Мы выступили как пожарники - для спасения экономики и для спасения власти Ельцина [18].

Можно констатировать, что у команды Гайдара не было ни малейшего чувства сожаления об утере Россией больше трети своих земель, завоеванных предками, и уменьшении населения почти на половину. Это новый психологический феномен среди русских государственных людей, обычно помешанных на величии и масштабах Отечества.

Но еще более любопытно, что у команды не было никакого чувства сожаления или боли за положение десятков миллионов людей, поставленных перед угрозой физического вымирания. По оценкам социологов 80% населения оказалось за чертой бедности, рассчитанной, конечно, не по западным, а по советским (чрезвычайно низким) эталонам.

Одним из печальных результатов реформы явилось увеличение смертности и сокращение рождаемости. В России впервые за многие десятилетия первая превысила вторую. Согласно прогнозу население России уменьшится с 1992 по 1996 годы на 2,2 млн. человек. Средняя продолжительность жизни в начале 1993 года составляла 69 лет - 59 лет для мужчин и 74,3 для женщин. Сопоставим продолжительность жизни мужчин в Великобритании - 75,3, США - 75,5, Швеции - 77,1, Японии - 78,3. Сегодня среднестатистический российский мужчина вообще не доживает до пенсии [36].

О Петре Великом Ленин говорил, что он проводил реформы в варварской стране варварскими методами. То же самое относится и к Сталину. Не жалеть людей, их и так много в стране - это обычный принцип русских реформистов и революционеров. Молодым людям Гайдара каким-то генетическим путем передалось это чувство, и они смогли добиться того, что реформа все-таки пошла. Но какой ценой! Об этом мы еще расскажем подробнее.

Постепенно рубль становился конвертируемым внутри страны, хотя и на чрезвычайно высокой отметке - пять тысяч рублей за один доллар. В Москве появились сотни обменных пунктов, где можно продать или купить доллары, - этого не было никогда. А потом бурно пошло развитие частного сектора.

Люди стали приспосабливаться к новым условиям жизни. Мы обсуждали с известным экономистом, бывшим мэром Москвы Г. Поповым, как выживают люди в таких чудовищных условиях. Кстати, он, так же, как и я, выступал за другую модель реформ, которые начинались бы с развития частного сектора и частного предпринимательства. Интересны его расчеты. Он утверждает, что примерно 40% жителей Москвы имеет возможность получать дополнительный доход с небольших земельных участков, которые они обрели в пользование от города. Это обеспечивает их некоторыми овощами на полгода. Странно сказать, но главный скачок к народной собственности был сделан не при Гайдаре, а при Хрущеве - Брежнев - Горбачеве. Почти 40% городского населения получили тогда дачные участки и с невероятным усердием и любовью стали украшать свои садовые домики и землю и выращивать высокие урожаи на огородах. Это стало спасением для них в период резкого падения заработков.

Примерно 30% где-то подрабатывают сверх зарплаты или

просто воруют. То есть живут по Брежневу: помните - два мешка туда, один себе?.. Бедствуют пенсионеры, но они не могут стать активной опорой оппозиции - стары и неорганизованны. Поэтому и не было мощных политических взрывов, которых одни опасались, а другие ждали. Россия научилась выживать и приспосабливаться - при Мамае (татарское иго), при Иване Грозном и Петре I (крепостничество), при большевиках. Теперь научилась при реформаторе Ельцине и его блудном сыне Гайдаре.

Нарастание инфляции, падение производства, рост недовольства населения привели к кризису правительства Гайдара. Во второй половине 1992 г. началась острая борьба между парламентом и президентом, которая привела к отставке Гайдара и назначению на пост премьер-министра В.Черномырдина. Кстати, решение об этом принял сам Ельцин. Парламент предоставил ему возможность сделать выбор между четырьмя кандидатами, среди которых находился и Гайдар. Но Ельцин счел за благо в тот момент сбросить его как балласт, чтобы спасти корабль реформ.

3

Приглашенный Ельциным на пост премьер-министра В.Черномырдин мало отвечал представлению о реформаторе. Бывший министр газовой промышленности, 54-летний технократ, отличился тем, что сумел спасти от падения эту отрасль и организовать хорошее сотрудничество с другими государствами СНГ. Он получил некоторый политический опыт, будучи членом ЦК КПСС. Вопреки ожиданиям, он не затеял чистки "гайдаровских мальчиков", а стал налаживать с ними сотрудничество. Главной его задачей стала стабилизация, ограничение спада промышленности, сбалансированный бюджет. Однако Черномырдин не приостановил реформ, при нем произошло драматическое повышение цен на нефть, газ и другие энергоносители. Это привело к новому скачку цен и углубило проблемы в отношениях с республиками. Тем не менее население с доверием относится к этому серьезному человеку, которого отличает сильный характер, склонность к твердой политике и одновременно способность к компромиссам. Это последнее качество сыграло решающую роль в наименее болезненных коррективах прежней экономической политики. в конструктивном сотрудничестве с президентом и парламен-

том, и особенно в переговорах о прекращении войны в Чечне.

Многие считают, что бурный старт реформ Гайдара преиследовал достижение двух основных целей. Первая - бездефицитный бюджет. Но как раз здесь Гайдара подстерегала самая большая неудача. Летом 1993 года парламент России принял бюджет - самый дефицитный за всю историю страны. Расходы вдвое превышали доходы. Президент отказался утвердить закон о бюджете. Однако вся драма заключается в том, что он отражал реальное положение с финансами.

Другой целью реформы было привлечение зарубежной помощи и инвестиций. Здесь ее сторонников ожидали особенно большие разочарования. Обещанная Западом помощь не поступала вовремя, а когда стала поступать, оказалась в десятки раз меньше ожидаемой. Многие в Москве считали, что именно Запад свалил правительство Гайдара. В каждой своей речи в парламенте он обещал, что вот-вот хлынет поток твердой валюты от Международного банка развития, от США, Германии, других стран Западной Европы. Он обещал вложения в экономику России сотен миллиардов долларов. Этого не произошло. И не только Гайдар, но все западники в России испытали на себе мощный удар общественного мнения. Оно стало разворачиваться в сторону от Запада, напоминая сходный период в Китае, когда восторжествовал лозунг "опоры на собственные силы".

В то же время поток валюты из России на Запад сделал огромный скачок, превосходящий то, что произошло накануне и в первые годы революции 1917 года. Тогда эмигрировало за границу не менее трех миллионов человек, которые вывезли значительные капиталы. Теперь капиталы вывозятся, как правило, без людей. Официальные представители правительства называют различные цифры денег, которые хранят в зарубежных банках частные лица и предприятия России - от 70 до 130 миллиардов долларов. Но любая из этих цифр многократно перекрывает зарубежную помощь России.

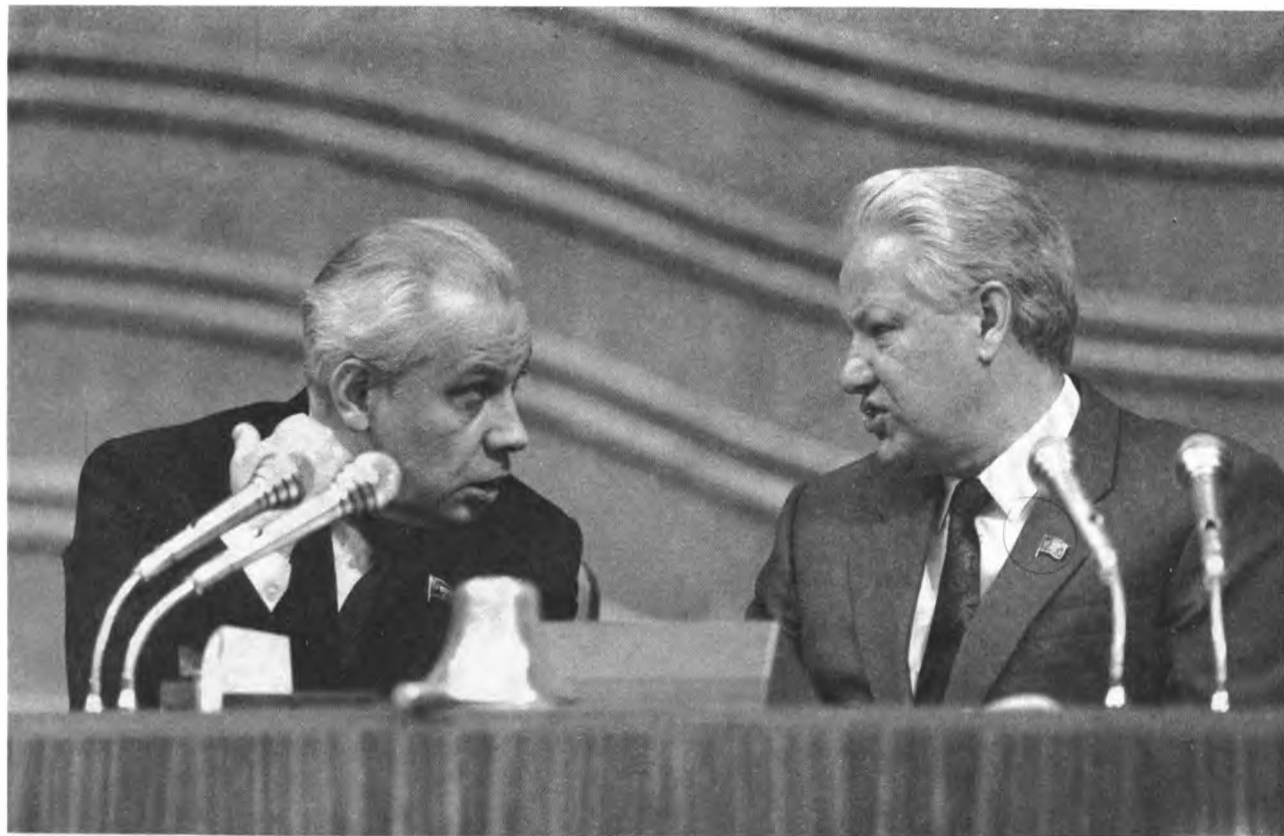
Это повальное бегство капиталов носит полукриминальный или откровенно криминальный характер. Капитал скрывается от налогового обложения. Кроме того, источник многих поступлений - "комиссионные" или прямые взятки за продажу сырья и материалов, принадлежащих государству, лицензий на право их реализации. Правда, этот процесс имеет и некоторые положительные стороны, поскольку открывает канал интеграции России - пусть в такой странной форме - в ми-

Б.Ельцин среди членов Межрегиональной депутатской группы. Москва. 1990 г.

Б.Ельцин и Н.Назарбаев. Москва. Ноябрь 1990 г.

Б.Ельцин и А.Лукиянов. На заседании IV Съезда народных депутатов СССР.
Декабрь 1990 г.

Б.Ельцин с литейщиками Ярославского моторного завода. Февраль 1991 г.

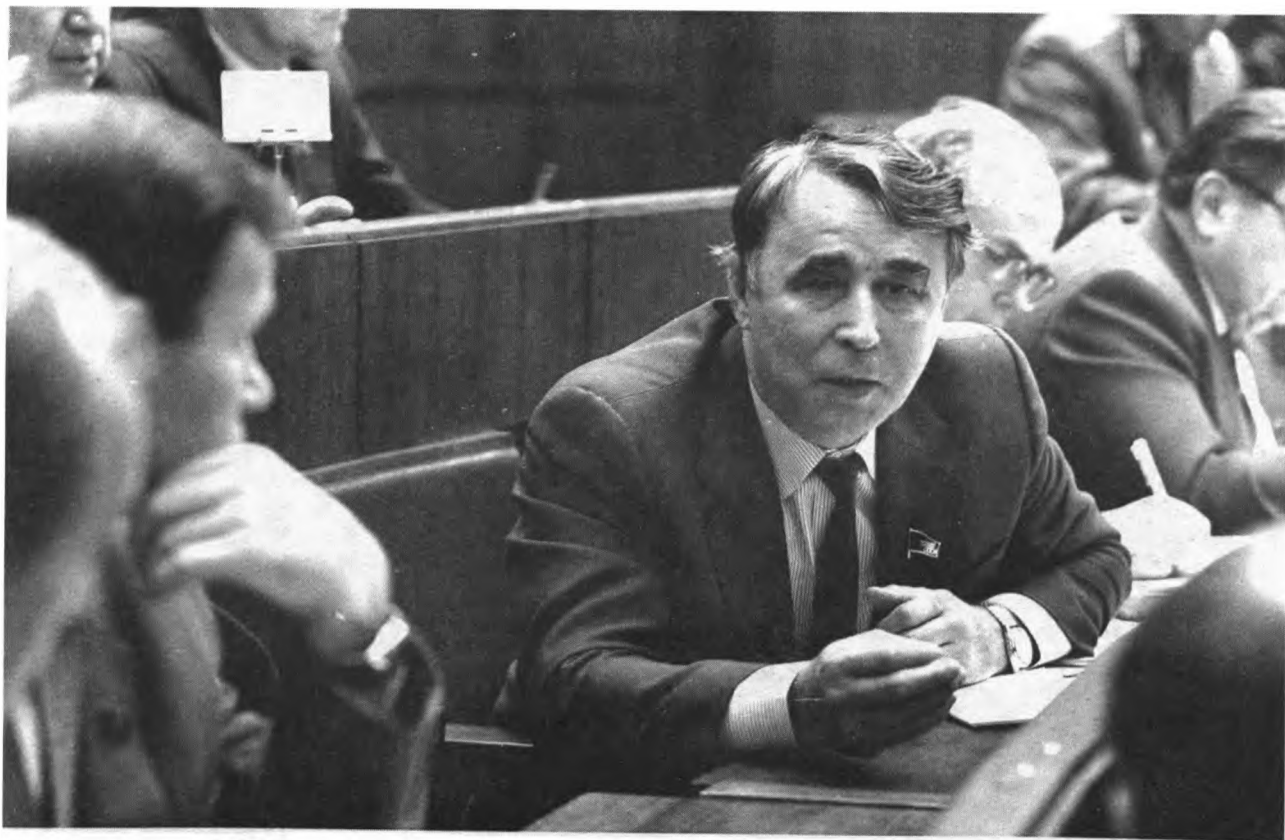
Б.Ельцин со своей матерью Клавдией Васильевной.
Екатеринбург. Февраль 1991 г.

Б.Ельцин с рабочими Кировского завода. Ленинград. Март 1991 г.

Б.Ельцин принимает присягу президента РСФСР.
Кремль. Июль 1991 г.

Ф.Бурлацкий. В последний раз на заседании Верховного Совета СССР.
Сентябрь 1991 г.

Ф.Бурлацкий. V Съезд народных депутатов СССР.
Выступление в защиту союзного договора. Кремль. 1991 г.

Ф.Бурлацкий дает интервью после роспуска Съезда народных депутатов СССР.
Кремль. 1991 г.

Ф.Бурлацкий и американский ученый Дж.Гелбрейт.
Кембридж. 1991 г.

Б.Ельцин и Р.Хасбулатов. Подписание Федеративного договора. Кремль. Март 1992 г.

Б.Ельцин и Е.Гайдар. Москва. Май 1992 г.

Б.Ельцин и Л.Кравчук . Дагомыс. Июнь 1992 г.

Б.Ельцин и Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.
Сергиев Посад. Июнь 1992 г.

А. Чубайс. На VII Съезде народных депутатов России. 1992 г.

ровой рынок капиталов.

Большинство новых независимых государств стали вводить свою денежную единицу. К концу 1993 года в рублевой зоне остались, кроме России, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Армения, Молдавия, Киргизстан, Таджикистан, а в качестве ассоциированных членов - Украина и Туркменистан. Возникли новые проблемы взаимных расчетов. Единицей измерения стал американский доллар и вся валюта пересчитывалась по соотношению к нему, что, однако, менялось каждый день. Это открыло дорогу для массовых спекуляций, на которых наживались банки и частные лица.

Из-за нехватки продовольствия, а также других товаров, на границах многих государств СНГ стали возводиться таможенные службы. За визу на выезд из одного государства в другое брали значительную пошлину. Словом, вместо свободы рыночных связей между бывшими государствами СССР возникли протекционистские барьеры, которых не было никогда ранее.

России еще раз предстояло удивить мир. Приватизация в таких масштабах и с такой стремительностью не происходила нигде. Точно также нигде не найти такой бесплановости, суеты, конфликтов, коррупции вокруг этого процесса. Постоянная борьба между парламентом и правительством, а внутри правительства - между различными группами, представителями теневой экономики, государственной бюрократии, технократии на предприятиях; шумные и малокомпетентные вторжения прессы, народные волнения - все это придало приватизации вид тонущего корабля, с которого каждый торопится утащить, что попадет под руку. Этот великий передел собственности кто-то остроумно назвал периодом "большого хапка", "прихватизации".

Не нужно думать, что приватизация в России означает то же самое, что и, скажем, в Великобритании или Франции. Там государственные предприятия были выставлены на аукционную продажу и пошли по рыночной цене. В России это оказалось невозможным. Государственная собственность называлась народной и формально принадлежала всем гражданам, даже грудным младенцам. Каждый был вправе претендовать на свою долю. Кроме того, коллективы заводов, фабрик, совхозов не соглашались отдать свои предприятия в чужие руки, они хотели сохранить свой контроль и гарантировать себя от произвола случайных хозяев. Как же быть?

Было принято соломоново решение. Не выставлять, как правило, государственную собственность на свободные аукционы. Оценивать ее, как правило, по значительно заниженной стоимости. И, как правило, давать коллективу предприятия право выкупить 41% акций, оставив в резерве еще 10%, а остальное пустить в свободную продажу, и тоже по заниженной цене. Так были гарантированы интересы коллективов, чем воспользовался прежде всего директорский корпус, который, по разным оценкам, сумел захватить в свои руки до 10% акций.

А как же обеспечивались права всего населения? Здесь была использована модель, применявшаяся в некоторых странах Восточной Европы. Ваучеры. Каждый гражданин России получил банковский билет - ваучер - стоимостью в 10 тысяч рублей. Это значило 10 долларов. Позднее ваучеры стали продаваться за семь и даже пять тысяч рублей, то есть за 5-7 долларов. И это все, что заработали граждане за 70 лет ценой неслыханного напряжения, недоедания и бедности! Не густо! Почему же так мало? Потому, что вся государственная собственность оценена не по рыночной цене, а в угоду коллективам предприятий во много раз ниже.

Такое решение не было проявлением некомпетентности. Это - результат столкновения различных интересов и, конечно же, торопливости: если не сделаем сегодня, завтра будет поздно! Вот где действительно произошла революция, ибо более глубокой революции, чем в сфере собственности, не бывает.

Обогащайтесь! Этот лозунг, подобно иерихонской трубе, разбудил страну. И люди рванулись в погоню за деньгами, прежде всего - за надежной твердой валютой и за собственностью. Вначале наступил сумасшедший бум обогащения в торговле, особенно с западными странами, потом - с Японией, Китаем, Турцией, Ираном. Это обеспечило капитал для первоначального накопления. Затем наступил бум овладения всей сферой сервиса: ресторанами, оказанием услуг, транспортом. И наконец - промышленными предприятиями и строительством. За два года вся страна покрылась системой частных банков, бирж, аукционов. Рынки и лавки по продаже продовольствия заполнили улицы во всех больших городах. При скачкообразном росте цен это открыло дорогу для создания огромных состояний в минимальные сроки. Человек, который еще год назад тянул лямку инженера в каком-то заштатном институте, за один-два года становился миллионером (в дол-

ларовом исчислении), а в рублевом - мультимиллионером.

Я прочел как-то в книге Джона Голсуорси сентенцию, которая показалась мне особенно созвучной тому, что сейчас происходит в России. "Если каждый открыто провозгласит своим символом веры погоню за наслаждением, все станут за ним гнаться, расталкивая друг друга и работая локтями, - и горе неудачнику... Все наши устои - религия, брак, договоры между державами, закон и прочее - это всего лишь проявление заботы о том, чтобы люди не обижали друг друга, а следовательно, не обидели тебя самого. Без всего этого мы превратились бы в общество гангстеров и проституток, которым правит кучка сверхгангстеров"[16].

Устои нашего общества рухнули, а новые еще не вошли в жизнь. Истерический призыв "обогащайтесь любыми средствами!" как мощный рычаг Пифагора перевернул почву под ногами, и все общественное здание закачалось с угрозой рухнуть в пропасть.

Наступило время молодых - и в правительстве, и в бизнесе, меньше - в науке и культуре. В одной из газет был опубликован список 50 самых богатых людей России. Почти все они в возрасте до 40 лет или чуть старше. Это не только торговцы, но и - банкиры, строители, владельцы электронных предприятий, рекламного дела, производства и продажи автомобилей, конверсионных производств и др. На основе рейтинговых опросов составлен более обширный список 586 самых богатых людей в России, 100 из них входят в издаваемый сборник "Кто есть кто в российском бизнесе" [49].

Впрочем, списки эти неполные, так как практически все миллионеры скрывают размер своих состояний и недоплачивают налоги. Президент Ельцин своим указом учредил мощное налоговое управление с широкими полномочиями. Теперь государство сможет собирать свою лепту с разбухающего частного капитала.

В ближайшие годы наряду с расширением приватизации можно ждать начала производственной активности. Тогда, действительно, наступит перелом в стране. Пока же торговля и сервис остаются главными источниками накопления капиталов.

Социологические исследования показывают картину роста социального динамизма населения России. Доля личностей с набором предпринимательских качеств составляет в России, по приблизительным подсчетам, не менее чем 2-3 миллиона

человек. Это потенциальный, но еще не "задействованный" резерв людей, способных стать подлинными проводниками социальных изменений.

И тем не менее, 53% граждан, по данным опроса, высказались за продолжение даже половинчатых и непоследовательных реформ [30].

В одном отношении тенденции социального развития неблагоприятны. Идет размывание и без того небольшого среднего слоя. Только небольшая часть из этой группы - не более 10% - попадет в число бизнесменов. Остальные могут переместиться в низшие слои или попасть на социальное "дно", заняв место среди безработных. Сейчас безработных насчитывается немного - около 2 миллионов. Но приватизация крупных предприятий, введение процедуры банкротств неизбежно будет сопровождаться высвобождением рабочей силы.

Пока самая незатронутая реформами часть экономики - сельское хозяйство. И самая страдательная. Во время дискуссий в парламенте, а также в печати, появляются цифры, которые поражают воображение. Цена на технику для крестьян, удобрения, строительные материалы, транспорт выросли в сотни раз. Их покупка практически недоступна крестьянам. И борются они за то, чтобы выжить, а не накопить прибыль.

Долгое время, я, как и многие другие московские либералы, разделял иллюзии, что достаточно объявить частную собственность на землю, позволить крестьянам закладывать в банки свои участки, помочь ссудным капиталом, и дело будет сделано. Совхозы и колхозы уступят место свободным фермерам и крупным сельскохозяйственным корпорациям.

Но более пристальное знакомство с реальной ситуацией и настроениями самих крестьян показали всю неточность этой, очень простой схемы. Подавляющее большинство крестьян и сейчас не хочет становиться фермерами. Слишком рискованно - неизвестно, что предпримет власть завтра. Слишком ответственно - неизвестно, можно ли без помощи колхоза конкурировать с ним, да и работать надо от зари до зари. Слишком непривычно - крестьяне веками жили в общине, потом в колхозе, в коллективе. Традиционная этика выживания в годы советской власти усилила коллективистское сознание. Необходимы десятилетия, чтобы преодолеть эти психологические барьеры.

Поэтому основной формой модернизации сельского хозяйства стало превращение колхозов в реальные кооперативы.

независимые от государства, а совхозов - в сельскохозяйственные корпорации. Это могло бы принести хорошие хозяйственные результаты, если бы не низкий уровень технической оснащенности и неумелое руководство со стороны деревенской бюрократии.

В таких условиях специализация идет в основном в земледелии. Более капиталоемкое животноводство осваивается медленно, лишь по мере накопления средств. По насыщенности скотом на единицу площади крестьянские хозяйства пока уступают колхозам и совхозам в 2-3 раза. Животноводческие помещения здесь обустроены плохо: более половины из них без водопровода, треть - без электроэнергии, 40% лишены нормальных подъездных дорог.

Неверно думать, что крестьянство совершенно лишено государственной поддержки. Однако средства плохо и медленно доходят до непосредственных получателей, низка эффективность их использования [39].

В принципе, законы России утвердили право частной собственности на землю в деревне. Но реально это не осуществлено. Крестьяне остались в колхозах и совхозах, часто под новым названием акционерных обществ, хотя в некоторых из них земельные участки закреплены за отдельными семьями. И самое главное - землю пока нельзя продавать или закладывать в банке.

Одним словом, аграрная реформа - дело будущего. До сих пор не ясен и сам ее характер, и как она будет учитывать медленную эволюцию сознания самих крестьян.

Не менее сложно обстоят дела и в сфере оборонной промышленности. Правительственная политика здесь напоминает прыжки обезьяны с одного дерева на другое. Вначале было принято решение о том, чтобы сократить долю военного производства в национальном продукте с 25 до 5% в течение пяти лет. Заказы государства - единственного потребителя этой продукции - стали стремительно падать. Началась ползучая конверсия без всякой правительственной программы.

Все это диктовалось сменой идеологических стереотипов, а не деловыми расчетами. Общественное мнение, травмированное Афганистаном и страхами перед попыткой нового путча, требовало обвальное конверсии. И правительство считалось с этими требованиями. Потом, когда началось разрушение элитарного промышленного комплекса с лучшим оборудованием и кадрами, руководство страны стало задумываться

над возвращением к политике торговли оружием, где СССР занимал второе место после США. Кроме того, США, приняв план снизить военные расходы вдвое за десять лет - с 6 до 3% национального продукта, не собирались прекращать модернизации военной техники.

Не ясны были и перспективы приватизации или другой формы акционирования оборонных предприятий. Здесь государство не склонно спешить. Тем временем, резко сокращены расходы бюджета на оборонные предприятия. Государство задолжало им триллионы рублей за уже полученную продукцию. Заработная плата на этих предприятиях, которая всегда была выше, чем в других секторах в полтора-два раза, стала ниже на 30-40%, чем в других отраслях промышленности. В 1992 году этот комплекс потерял 650 тысяч человек, а в 1993 году - еще полмиллиона.

Конверсия требует инвестиций. По оценкам специалистов, более трех тысяч иностранных фирм заинтересовано в сотрудничестве с этим комплексом. Но законодательство и правительственная политика пока тормозят этот процесс. По этим причинам директора и работники военно-промышленного комплекса остаются самым прочным резервом "конструктивной оппозиции" к нынешнему правительству. Они хотят государственных заказов, они хотят свободы рук для сотрудничества с зарубежными инвесторами, они хотят ясной политики конверсии, которая не разрушала бы потенциал оборонных предприятий.

Попробуем, в целом, бросить взгляд на продвижение экономической реформы и ее перспективы. Куда она ведет? Думаю, что, если использовать традиционную марксистскую терминологию, она ведет к государственному капитализму, или, в других терминах, - к государственно-регулируемому рынку. Пока еще государство контролирует не менее 80% экономики, хотя степень связи предприятий с ним различна. Поводок стал достаточно длинным в сфере среднего бизнеса, но все еще короток на крупных предприятиях, а также в совхозах и колхозах. Осталась тесная зависимость не только от налоговой системы, но и от государственных заказов, субсидий, лицензий на внешнеэкономическую деятельность. Остался тот же директорский корпус на подавляющем числе предприятий. Свободный частный сектор охватывает не более 15-20% экономики, несмотря на бурное развитие приватизации.

Поэтому зарубежные партнеры так часто испытывают

удивление. Они договариваются с руководством предприятий, а потом начинается длительная процедура по согласованию решения с местной и центральной властью. Такое положение будет сохраняться еще долго. По мере возрастания самостоятельности республик и областей, входящих в Российскую Федерацию, они попытаются захватить в свои руки контроль, который теряет Москва. Понадобится еще немалая борьба и длительное время для перехода к подлинно свободной рыночной экономике.

Вероятно, немногие помнят, что Ленин написал для первой программы социал-демократической партии специальный раздел о государственном капитализме. Он же настоял на том, чтобы перенести этот раздел во вторую программу, принятую в 1918 году. При переходе к новой экономической политике в 1920 году он снова вернулся к мысли о том, что государственный капитализм - необходимый этап при переходе к коммунизму.

Конечно, прямой аналогии здесь с современными реформами нет. Но не нужно забывать, что вторжение государства в хозяйственную жизнь - одна из самых устойчивых традиций России. Ее не так легко будет преодолеть, тем более, что бюрократический слой сейчас пытается разными средствами обратить приватизацию себе на пользу.

Экономическая реформа взрыхлила верхние слои общества. Но, к сожалению, не было ни одного решения, не замешанного на импровизации и произволе. Борьба между требованиями эффективности и понимаемым по-старому принципом социальной справедливости деформировала весь процесс. И большая удача, что он, несмотря ни на что, сдвинул с места гигантский корабль государственной экономики и приоткрыл дорогу к рынку.

А приняло ли население реформы? Это сложный вопрос, поскольку разные слои относятся к ним по-разному. Молодые люди - в целом - да! Они увидели для себя большие возможности и уже сейчас оценили ветер свободы, который дует им в лицо. Старые люди, пенсионеры, скорее - нет! Слишком много житейских испытаний, стрессов и мало надежд дожить до перелома, хотя и здесь есть исключения. Государственный аппарат и директорский корпус, которые раньше сопротивлялись реформам, увидели в них огромные выгоды для себя - законными и незаконными путями они овладевают собственностью. В самом трудном положении оказалась творческая интелли-

генция - люди науки, культуры, искусства, но и они в большинстве своем за реформы, они ценят личные свободы больше материальных благ. В этой группе идет ожесточенная борьба относительно того, какими должны быть реформы, но, как правило, никто не хочет возврата вспять. Крестьяне - самая страдательная группа общества, их жизнь мало изменилась в последние годы. Они выжидают, хотя их активная часть постепенно входит в рынок.

Будущее бизнеса в России, а в большой степени и ее политическое будущее, будет определяться борьбой трех групп внутри слоя бизнесменов - национальной буржуазии, компрадорской, ориентированной на внешний рынок, а также группы, состоящей из директорского корпуса, который обрел большую или меньшую самостоятельность. Уже сейчас эти группы активно включились в избирательную кампанию на выборах в парламент и президента. Они входят в политические блоки, скупают время на телевидении, создают свои газеты, формируют свои партии. Но главной силой, которая по-прежнему контролирует экономику и политику в России, осталась бюрократия. Она сохранила власть и обрела собственность.

Сделан ли тем самым серьезный шаг в сторону подлинного прогресса общества? Все зависит от ценностей, которыми мы дорожим. Лично мне импонирует критерий, выдвинутый Франклином Рузвельтом: "Наш прогресс проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало"[32].

Глава тринадцатая

ПРОСВЕТИТЕЛИ...

1

Читатели часто задаются вопросом: что же послужило источником реформ, предпринятых вначале Хрущевым, а затем с особой силой Горбачевым и Ельциным? Кто их подталкивал и откуда они черпали свои идеи? Под чьим влиянием проходила внутренняя эволюция сознания наших Лютеров и Кальвинов?

Иногда утверждают, что решающую роль здесь сыграло движение диссидентов. Но это не так. Никогда не слышал, чтобы кто-либо из руководителей высшего ранга говорили о своем знакомстве с трудами Медведева, Автарханова, Зиновьева или кого-либо из других ученых или литераторов. Для них это был отрезанный ломоть, они боялись даже мысленно вступать в контакты с такими людьми. Нет, решающее влияние на изменение взглядов и ориентаций Хрущева, особенно Горбачева, Ельцина, играли внутривластные диссиденты, иными словами, либералы из числа советников, экспертов, которым те склонны были доверять. Либерализм развел изнутри сталинизм, лишив его моральной поддержки даже в глазах партийной элиты.

Советники государя. В период реформ потребность в думающих советниках не менее сильна, чем в вождах. Но, как отмечалось, у нас не оказалось советников такого уровня, как Эрхард в Германии, Охита в Японии, Чжао Цзяян в Китае. Программа трансформации России в современную цивилизацию так и не была выработана. Но "мысль безумцев" (Беранже) все же билась в общественном сознании и искала себе выхода в практическую политику.

Можно было бы отметить в наше время, да и в истории, по меньшей мере, три типа советников.

Первый тип - советник-мыслитель, советник-просветитель,

харизматический советник. Это тот, кто, по словам Пушкина, содействует изменению нравов, что лежит в основе лучших, наиболее устойчивых преобразований. Примерами таких советников были: Аристотель при Александре Македонском, Сенека при Нероне, Макиавелли при Медичи, Вальтер и Руссо при государях XVIII века, Сперанский при Александре I, Витте и Столыпин при Александре II и Николае II. У нас не было ни одного советника на таком профессиональном уровне и с таким влиянием.

Второй тип - советник-пророк. Их именами начинался Ветхий Завет. Томас Мор при английском короле, Нострадамус во Франции, Сен-Симон в период Консульства. В наше время к этому типу мыслителей ближе подошли: Андрей Сахаров, Александр Солженицын. Испорченной моделью такого советника является советник-идеолог. Идеологи отличаются обычно фанатизмом. Это люди одной идеи, веры, подсознательного убеждения.

Третий тип - советник-политикан, советник - себе на уме, советник-перебежчик. Он легко, как хамелеон, меняет окраску в зависимости от того, какому государю служит. Таких советников в истории легион. Это самая распространенная порода. Многие из них достигли выдающихся высот. Метерних в Австрии, Талейран во Франции, Василий Шуйский в России.

Ухудшенный вариант политикана - советник-визирь, советник-чиновник, советник-холоп. Это самый типичный азиатский советник, наиболее распространенный во времена Сталина, задержавшийся в эпоху Хрущева и Брежнева, когда было не так опасно сохранять собственный голос.

Если говорить о первом типе советников, о просветителях, то я бы позволил себе ввести новое политологическое понятие, которое характеризует подобную структуру личности. Харизматический советник. По модели открытого Максом Вебером "харизматического лидера". Такие советники, также абсолютно убежденные в правоте своих идей, концепций, рекомендаций, сумели оказать значительное влияние на решения, принимаемые государями. Здесь тоже есть некая мета судьбы, отмеченность, не случайность. В истории нашей реформации можно назвать, по крайней мере, двух советников такого уровня независимо от того, находились ли они в окружении вождей или в оппозиции. Это Андрей Сахаров и Александр Солженицын. Не буду вносить моральный или оценочный момент в суждение о характере их влияния. Это отдельный во-

прос. Замечу только, что это влияние было весьма значительным и даже огромным. К этому ряду типичных советников-харизматов близко примыкают такие деятели, как Гавриил Попов, а, возможно, в какой-то степени и автор этих строк, по крайней мере, в отношении длительности, последовательности и упорства в "пробивании" своих идей.

Харизматический советник в отличие от харизматического государя не ищет личной власти. Он довольствуется влиянием - влиянием на умы, на принятие решений. Это род деятельности черных кардиналов, хотя она, эта деятельность, может быть окрашена в светлые тона. Советник харизматического склада черпает удовлетворение не в обладании реальной властью в государстве, а в приобщенности к власти духовной. Если хотите, это другой род тщеславия, чем у правителей. Помните у Лермонтова? "Чинов я не искал, а славы не добился". Для советников харизматического склада поиск чинов - смешное и унижительное занятие. Он мыслит себя совсем по другому счету. Он искренне верит, что Слово важнее Дела, что Слово всегда предшествует творению. Харизматического советника отличает некий фанатизм. Когда я услышал от Сахарова sacramентальные слова - "Это не я ошибся, это ошиблась сама История", я понял, что убеждать его в чем-либо бесполезно. Он живет на другом этаже сознания, куда проникнуть не может никто.

Когда мы снова и снова слышим, как Солженицын упорно повторяет, что необходим Союз славянских государств, мы сталкиваемся с тем же явлением противоборства личности с самой Историей. Так что не будем судить, хорошо это или плохо. Признаем факт существования советников-харизматов. Они воздействуют на Историю косвенно, но нередко глубоко.

Не имеет большого значения, что ни план Солженицына о создании союза Славянских государств, ни план Сахарова о Соединенных штатах Евразии не легли в основу государственных преобразований в России. Само движение мысли, если эта мысль по-настоящему крупная, значительная, даже если она ошибочна, имеет самостоятельную ценность.

В моих глазах советник имеет определенные преимущества в сравнении с государем. Кто помнит властителей Флоренции, при которых жил и творил Макиавелли? А кто не слышал имени этого блистательного флорентийского секретаря? Лично мое тщеславие всегда было и остается в сфере духа. Судьба или случай дали мне возможность участвовать в осуществле-

нии своих идей. Я имею в виду свою работу в Верховном Совете СССР, которая длилась всего лишь 2,5 года. Несколько основных законов в области прав человека, над которыми я трудился, быть может, больше других, представляют предмет моей гордости и удовлетворения. Но работа в парламенте - очень специфическая политическая деятельность. Это тоже род духовной работы - предлагать законы, по которым будут жить люди. Это не род властвования, а сфера влияния, иными словами, почти то же самое, что и работа просветителя, эксперта, советника.

Еще одно разграничение внутри цеха советников - на независимых и послушных. Людей европейской и азиатской традиции. Поскольку в России Европа и Азия перемешались между собой, здесь встречаются и те и другие, хотя послушных несомненно больше. Из-за характера нашей политической культуры и привычек наших властителей советники имеют довольно трудную судьбу, нередко "горят синим пламенем". Но, как ни странно, властители испытывают к ним какой-то род уважения и любопытства. Послушные - ведут себя покорно, служат годы и даже десятилетия. Однако они убивают себя подавлением лучших движений своей души и самых интересных порождений своего интеллекта. Властители ими пользуются, выжимают, как губку, и рано или поздно отбрасывают их в сторону.

Есть и другой критерий, по которому делятся советники: интеллигенты и чиновники. Интеллигенты обычно выступают в роли экспертов. Их охотно привлекают вожди, но, в сущности, редко сближаются с ними духовно. Обычно их век менее долговечен, поскольку отбор экспертов зависит от характера политики.

Когда Хрущеву понадобилось готовить антисталинские выступления и документы, он, естественно, привлекал представителей либеральной интеллигенции - нередко из той группы, которой я руководил в ЦК. А когда он осуществлял свою акцию по подавлению революции в Венгрии в 1956 году, его сопровождали, ему помогали исключительно чиновники из ближайшего окружения. Точно так же Брежнев пользовался услугами А.Бовина, Г.Арбатова, готовя свои выступления на встречах с американскими президентами Картером и Фордом, что, естественно, требовало искренней миротворческой лексики. Но в 1968 году во время ввода войск в Чехословакию он опирался на чиновников или тех редких интеллектуалов, ко-

которые готовы были ради карьеры жертвовать своими убеждениями.

Кстати говоря, Хрущев не очень любил менять своих советников. Шуйский, Лебедев проработали с ним весь период его руководства страной. Это относится и к Брежневу. Он тоже опирался на достаточно стабильную узкую группу, некоторых из них унаследовал Горбачев. Среди них были такие эксперты высокого класса, как А.Черняев, Г.Шахназаров. И все же по примеру прежних вождей Горбачеву были значительно ближе люди типа Болдина - довольно посредственного журналиста, который стал профессиональным чиновником. Но он то как раз и предал Горбачева.

Слабости группы талантливых помощников Горбачева были связаны с тем, что эти люди до него просидели в такой роли по 20-25 лет при различных руководителях и во многом утратили способность твердо отстаивать свое мнение и давать нелицеприятные советы. Советники Горбачева не остановили его ошибочные шаги сначала в отношениях с Ельциным; затем, когда он резко повернул в сторону консерваторов в конце 1990 года; далее когда он не смог найти новой роли, вернувшись из Фороса; потом, когда он распустил Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, и наконец, когда он ушел в отставку, не найдя в себе силы для борьбы за предотвращение стремительного распада Союза ССР. А ведь вокруг него были и такие советники, которые понимали ошибочность шагов Горбачева. Они либо отмалчивались, либо вели себя робко и послушно. У них хватало интеллекта, но не хватало позвоночника...

В отличие от предшественников, Ельцин любит менять интеллектуальное окружение. За короткий период его борьбы за власть и руководство страной сменялись одна за другой несколько волн интеллектуальных советников. В период межрегиональной группы это были Г.Попов, Ю.Афанасьев, Ю.Рыжов, Г.Старовойтова, М.Бочаров, С.Станкевич. Вскоре после завоевания Кремля из тележки выпали те, которые сыграли важнейшую роль в продвижении Ельцина к власти: Г.Попов, Ю.Афанасьев, Г.Старовойтова. Им на смену пришла группа так называемых завлабов во главе с Е.Гайдаром. Они энергично поддержали идею роспуска Союза ССР во имя обретения власти Ельциным и устранения Горбачева. Благодарный Ельцин пошел на смелый эксперимент, которого не знала ни советская, ни, мне кажется, досоветская история. Он пре-

вратил типичных экспертов-интеллектуалов в правительственных чиновников высшего ранга. Однако только полгода президент терпел это правительство. Он почувствовал, что эти, оторванные от реальности молодые энтузиасты, с мозгами, забитыми цитатами, позаимствованными из западных учебников, способны завести страну в пропасть и полностью лишить власть народной поддержки. Тогда Ельцин без всяких угрызений совести отказался от услуг завлабов и заменил их на более надежных и привычных практиков, имевших опыт партийной и государственной работы в прошлом.

Ельцин вернулся к советникам чиновного склада. В этом отношении он следовал прежней традиции. Главный помощник В.Илюшин работал с ним более 15 лет. Хотя и здесь обнаруживается порывистость и непостоянство в отношении Ельцина к своему окружению. Он отказался от услуг Ю.Петрова, который приехал с ним из Свердловска. Заменил его С.Филатовым, который вовремя переориентировался с Хасбулатова на Ельцина.

Отвергнутые советники редко вступают в борьбу со своим бывшим патроном. Им не хватает для этого злости и, кроме того, они ориентированы на профессиональную работу. Поэтому они переживают драму отлучения значительно легче, чем чиновники. Исключение составляют только те, которые заражаются властными амбициями. Юрий Афанасьев - типичный пример ухода советника в сторону ради своего профессионального занятия. Егор Гайдар - исключение. Случайно примерив мундир правителя, он поверил, что тот ему в самый раз. И начал явно безнадежную борьбу за власть с человеком, который вытащил его на свет рампы из политического небытия. Впрочем, он еще может вернуться за подснежниками в коридоры Кремля...

Преданность советника своему государю - вещь особенная. Отчасти она связана с личными интересами - престижными или материальными. Но главное не это. Есть магия власти. И советником становится именно тот, кто подпал под этот гипноз. Хрущев для советника - это не просто нормальный русский мужик, не очень образованный, веселый, резкий, шумливый, а государь. Он как будто бы окружен некой аурой, светом, ореолом, за которым, как в тумане видится громада державы, ее мощь, ее прошлое, ее будущее. Собственно, любой человек может проверить это чувство на себе. Увидеть генерала в мундире со звездой, лампасами и орденскими лентами или

того же генерала в бане. Никакого почтения к этому последнему никто не испытывает. Тело как тело, как у тебя, как у меня, как у всех. А мундир - это новое качество. Что же говорить о властителе, который держит в своих руках судьбу государства и народа.

Такой взгляд распространяется не только на верховных правителей, но и на его соратников. Я видел, как интеллигентные, умные и честные люди самоотверженно служили самым посредственным секретарям ЦК, министрам. Особенно почему-то министрам иностранных дел, где чиновничество достигало пределов необыкновенных. Я тоже в ранней молодости был жертвой такого чувства и по-своему был влюблен и в Андропова, и в того же Хрущева, вероятно, не в силу их необыкновенных личных качеств, а под влиянием этой самой магии власти. В оправдание себе могу сказать, что у меня эта болезнь длилась всего несколько лет. Когда Хрущева нагло выбросили, я испытал урок психологического надрыва. Значит, вот как это просто! Сегодня ты государь, а завтра - никто. Поэтому на Брежнева я смотрел уже другими глазами как на обыкновенного и довольно ограниченного, плохо образованного человека, который взвалил на себя непосильную ношу. И психологически мне было легко уйти от него. В то же время многим моим друзьям, которых я привел в группу советников, хватило этой магии на всю жизнь. Несколько десятилетий они проработали в аппарате при вождях и до сих пор не могут избавиться от гипноза и обрести независимость, стать собой, писать то, что действительно чувствуют и думают.

Магию власти испытали на себе люди куда более значительные, чем мы, грешные. Вольтер переписывался с Екатериной II, хотя не мог не видеть ее душевных слабостей - непомерного тщеславия, лживости и жестокости. Ж.Ж. Руссо предлагал свой гениальный проект государственного договора ничтожному французскому королю. А Макиавелли писал из тюрьмы льстивые стихи Джулиано Медичи, предлагал свои великие идеи - как властвовать над подданными, как добиться величия, как объединить Италию.

Существует некая магия и самих коридоров власти. Кремль. Это не просто величественный памятник архитектуры. Вы ходите по его порталам, открываете массивные двери, заглядываете в гигантские кабинеты и у вас такое чувство, будто вы проникаете в некое таинство.

Кстати о кабинетах. Российская власть сохранила эту ази-

атскую ритуальность. Не только у Генерального Секретаря ЦК, у Президентов СССР или России, но и у каждого помощника в Кремле комната размером 100-150 кв.м. На столе 10-15 телефонов. Я был в Белом Доме, в кабинете Президента США: размер - не более 30 кв.м., на столе один телефон. Для российской власти и аксессуары - это род театрального действия. Эффект, по крайней мере, для всех огромен.

Ну с Кремлем еще понятно. Но вот здание на Старой площади, где размещался ЦК КПСС, с его нелепой архитектурой бывшей гостиницы, длинными узкими коридорами, архаичной мебелью в кабинетах, - все это тем не менее производило магическое воздействие. Откуда был этот трепет? Может быть, он дошел до нас от тех времен, когда в этом здании господствовал смертельный страх - страх перед тираном, который в любой момент мановением бровей мог лишить любого человека на любом посту его должности, партбилета, жизни? Может быть, этот страх просачивался с четвертого этажа, где размещался всесильный Комитет партийного контроля, куда вызывали на расправу без суда и без права апелляции? Но нет, дело не только в страхе.

Маленький, но властный человек, который сам по себе выглядел смешным, ограниченным, не интересным, вызывал к себе поразительное почтение со стороны его интеллектуальных заместителей, помощников, консультантов. Профессора, доктора наук, академики вприпрыжку бегали по этажам по его вызову. с огромным усердием выполняли каждое его поручение или замечание, искали его одобрения или просто упоминания их фамилий. Странно все это. Очень странно. Теперь, когда ходишь по тому же зданию, где размещается Администрация Президента, видишь все его убожество. Эти жалкие коврики, это смешное убранство, эта болтливая охрана. Что случилось? А случилось то, что у Администрации фактически нет власти. А нет власти - нет и магии.

Другое дело Кремль. Он пока еще сохранил всю свою властную значительность и притягательность. Общественная Палата при Президенте собирает по субботним дням многочисленную группу политиков и экспертов. Почему мы туда ходим? Чего ждем? Заранее известно, что нас собирают только для одобрения указаний руководства. Для того, чтобы можно было, как в старину, использовать формулу "идя на встречу пожеланиям трудящихся" и творить свою волю. Тем не менее идем, сидим. слушаем, вздыхаем, ворчим и ... не можем от это-

го отказаться.

Впрочем, я наблюдал аналогичную картину и в странах с развитой демократией. В США профессура, специалисты находятся в таком же положении. Они бегут по любому вызову не только Белого Дома, но и Капитолия, Пентагона, ЦРУ, министерств и ведомств. Правда, там экспертам, кажется, платят за такую работу. И кроме того, есть многочисленные другие способы их поощрения - через продвижение в наиболее престижные университеты, рекомендации, поездки. Одним словом, и там люди, приобщенные к власти, имеют несравненно больше возможностей, чем те, кто находится к ней в оппозиции. Но внешне там сохраняется больше достоинства в формах общения между лидерами и советниками, чиновниками и экспертами.

Символика властвования все-таки чрезвычайно важна. То, что отцы-основатели американской конституции выбрали столицей небольшой городок Вашингтон, а местом пребывания Президента - небольшой домик с маленьким палисадником, психологически имело огромное значение. Такая власть не внушает страх, а вызывает почтение. Президент такой же нормальный человек, свой парень, как и любой гражданин США. Пускай это иллюзия, но ценность ее огромна.

Думаю, что мы сделали бы шаг в направлении истинного демократизма, если бы вывели власть из Кремля. Петр Первый не случайно перевел столицу из Москвы в Петербург. Он стремился, говоря современным языком, сделать власть более цивилизованной, больше похожей на западные образцы. И когда Ленин вернул власть в Кремль, это означало возвращение к традициям допетровского самодержавия, к старине, к страху, к жестокости, неслыханному возвышению власти над народом. Я убежден, что символом нового времени должен стать перенос резиденции Президента из охраняемого тысячами гвардейцев Кремля в нормальное здание, напоминающее, если угодно, не слишком уж скромный Белый Дом в Вашингтоне, а дворцовое здание, в котором живет и работает Президент Франции.

Дело, конечно, не только в резиденции. Магия власти должна уступить место нормальному отношению к ней - уважительному и критическому, ответственному и требовательному. Властвующие лица должны понять наконец, что они находятся на службе у народа, который их содержит, а население должно почувствовать себя гражданами, которым принадле-

жит высшая власть государства. Тогда исчезнет царистский и вождистский флер, который до сих пор окутывает власть, пропадет магия власти, и каждый представитель государства, будь то президент, председатель правительства, министр или депутат станет просто должностным лицом, которое временно облечено народным доверием для выполнения полезных и нужных ему функций. В нашей стране, увы, это случится не скоро.

2

Не буду описывать здесь деятельность и взгляды Андрея Дмитриевича Сахарова в период его депутатской страды. Не только потому, что она происходила на глазах у читателей и зрителей. Лично мне трудно ее оценить, поскольку моя позиция имела тот недостаток и то преимущество, что опиралась на профессиональные знания политики и политического процесса. Сахаров сыграл огромную роль в борьбе против статьи 6-ой прежней Конституции СССР, где говорилось о руководящем положении КПСС в государстве. Его авторитет и его поддержка помогли Ельцину прийти к власти в России. Однако вряд ли он может разделить ответственность за такие решения своего протеже, как роспуск СССР, шоковая терапия, авторитарный режим. Сахаров никогда не выступал с подобного рода идеями. Напротив, как типичный западник он стоял за преобразование СССР в Соединенные штаты Евразии, как либерал отстаивал обретение собственности всеми гражданами и, конечно же, торжество парламентской власти в России. Но его оппозиция Горбачеву в политическом отношении оказала значительное влияние на крушение перестройки и переход к "революции сверху" радикальных демократов.

Сахаров вошел в историю не тем, что он делал и декларировал на Съездах народных депутатов СССР, а своей высокой жизненной позицией, своим мужественным противостоянием коммунистической системе, своим личным подвигом бескомпромиссного борца за человеческое достоинство. Его духовное влияние на умы интеллигенции в трудный период истории России трудно переоценить.

Моя первая встреча с Андреем Дмитриевичем Сахаровым произошла где-то в конце 1970 года - сейчас трудно вспомнить точно. Полагаю, именно в это время, поскольку помню, что подарил ему свою только что изданную книгу (1970 год), написанную в обоснование политической науки. Инициатива

встречи исходила от Якова Борисовича Зельдовича, с которым мы находились уже несколько лет в дружеских отношениях и нередко встречались на теннисном корте. Мы бывали друг у друга домами, и однажды Яков Борисович предложил мне навестить Сахарова.

Поводом для посещения была подготовленная Андреем Дмитриевичем в то время брошюра под названием "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", которая уже была издана где-то за рубежом. Я же незадолго до этого преподнес Якову Борисовичу отпечаток своего обширного доклада, сделанного на мировом Социологическом конгрессе в Варне в 1970 году, "Планирование всеобщего мира - утопия или реальность?", где затрагивались сходные сюжеты.

Якову Борисовичу многое понравилось в этом докладе, в частности, постановка вопроса о том, что всеобщий мир, синонимом которого является предотвращение термоядерной катастрофы, представляет собой общечеловеческую ценность - ценность номер один, которая стоит выше всяких национальных, классовых или иных ценностей любого государства или любого народа. На него произвело также благоприятное впечатление предложение и призыв к сотрудничеству ученых всего мира, в частности мое предложение о создании силами ученых Запада и Востока проекта Плана всеобщего мира, который предусматривал бы поэтапное разоружение, прекращение гонки термоядерного вооружения и переход к тому, что я назвал "планируемым миром". "Вы знаете, - сказал Яков Борисович, - мне кажется, что некоторые из ваших идей очень близки к тому, о чем пишет Андрей Дмитриевич. Меня беспокоит то, что он окружен малокомпетентными консультантами. Но поскольку он занялся проблемами политики, вероятно, ему было бы полезно послушать профессиональное мнение. Я мог бы организовать вашу встречу".

В ту пору я сам находился в довольно трудном положении - меня не выпускали за границу, многие мои работы не печатались, в том числе и названный выше доклад, который был опубликован в ООН, но не пробился в советскую печать. Тем не менее решил отправиться на встречу, хотя и предполагал, что это может лечь дополнительным негативным грузом в мое досье в каких-то организациях. И вот, созвонившись с Андреем Дмитриевичем, пришел в его небольшой двухэтажный дом, который был расположен поблизости от Института ядерных

исследований АН СССР. Андрей Дмитриевич был один, встретил меня очень радушно, угостил чаем и каким-то печеньем, и на протяжении двух с половиной часов мы вели с ним разговор, главным образом, вокруг идей, изложенных в его брошюре, с рукописью которой я до этого ознакомился.

Надобно заметить, что тогда Сахаров еще не стал в нашем сознании тем, кем мы привыкли видеть его в последующие десятилетия. Мы слышали о Сахарове как о создателе водородной бомбы, трижды Герое Социалистического Труда, крупнейшем физике страны. Что касается его общественной деятельности, политических идей, то об этом известно было очень мало. Тем большее впечатление на меня произвело содержание его брошюры. Никогда не приходилось читать что-либо подобное у советских авторов. Это был настоящий манифест либерализма, свободомыслия, совершенно новый, своеобразный взгляд на всю картину современного мира. Я бы сказал, взгляд откуда-то сверху.

Когда в одном из московских журналов отказались печатать мой, упоминавшийся выше доклад о планируемом мире [13], рецензент из партийного аппарата сказал, что он представляет собой попытку встать над "схваткой" - тогда было модно такое выражение. Так вот, брошюра Сахарова выражала позицию не просто человека, действительно стоящего над "схваткой", а какой-то особой личности, словно предназначенной для выражения некоего промысла - то ли истории, то ли духа божьего. Именно в таких тонах был выдержан текст всей брошюры. Это был какой-то взгляд, брошенный с космической высоты на весь земной шар, на современное человечество, разьедающие его конфликты, и одновременно какой-то светлый и отнюдь не надрывный призыв опомниться, пока не поздно.

Больше всего меня поразил сам Андрей Дмитриевич. Его странно замедленная речь, будто бы он извлекает звуки и мысли из какого-то чрезвычайно глубокого колодца, его тонкий голос, который невозможно совместить с представлением о создателе самого чудовищного в истории оружия массового уничтожения, его абсолютная убежденность в истинности провозглашаемых идей - все это создавало ощущение, что ты общаешься с неким пророком, провидцем, а не с реальным земным существом.

В этом смысле он резко отличался от Зельдовича. Яков Борисович с момента первой встречи тоже чрезвычайно пора-

зил меня. Было ощущение, что беседуешь с блистательно организованной думающей машиной. Я никогда не встречал человека, который более четко и законченно формулировал бы свои мысли, причем очень быстро, будто на все случаи жизни у него были заранее заготовлены или специально выведены научным путем формулы. Шла ли речь о внутренней или внешней политике, о человеческих отношениях, о теннисе, о любви - Яков Борисович выстреливал эти формулы, и они ложились, словно булыжники, образуя четко очерченное здание. Меня это удивляло, я видел в этом отблеск гениального ума.

Весь стиль размышлений и суждений Сахарова был противоположен. Говорил он запинаясь, будто бы неуверенно, заглядывая внутрь себя; фразы бывали оборванными, неприглаженными, хотя мысль однозначно четкой. Эта манера вначале обманула меня. Казалось, что будет не трудно повлиять на Андрея Дмитриевича, убедить его несколько иначе сформулировать ту или иную идею или хотя бы придать ей иную форму выражения. Но очень скоро убедился в безнадежности подобных упований. Андрей Дмитриевич был из тех людей, которые раз уверовав во что-то, стоят на этом до конца. Кроме того, его мало занимали частности, и поэтому он не склонен был принимать даже небольшие поправки: ему казалось, что такие поправки сломают стройность всего воздвигаемого им здания новой мысли.

О чем шел разговор? Мы начали с вопроса, которому Андрей Дмитриевич тогда, да и впоследствии, придавал особое значение: о конвергенции двух социальных систем - капитализма и социализма. Андрей Дмитриевич писал о том, что эти две системы сыграли вничью, особенно в военной области; показали друг другу свою силу, и теперь надо остановить военное состязание, которое стало и опасным, и бессмысленным. Сама идея конвергенции в его понимании означала использование лучшего опыта друг друга обеими системами. Он говорил, что две системы сыграли "фифти-фифти" (ему нравилось это американское выражение) и теперь должны подумать, как обогащать друг друга вместо того, чтобы бороться друг против друга.

Я, признаться, высказал несколько иную точку зрения. Подобно другим, особенно западным либеральным ученым того времени, я был тоже привержен идее конвергенции. Но конвергенцию я понимал не совсем так, как Сахаров. Я исходил из того, что ее смысл для нас состоит в использовании всех

лучших достижений современной цивилизации не только в индустриальном развитии в науке, технике, но и в сфере образования, культуры, демократических ценностей. Поэтому я пользовался понятием "конвергенция цивилизаций", а не "конвергенция систем". Кроме того, у меня были большие сомнения, захочет ли Запад действительно на равных пользоваться нашим опытом, то есть проделать нам навстречу в отношении социального развития такой же путь, который собирается проделать мы навстречу западной цивилизации.

Мои доводы, однако, не произвели впечатления на Сахарова. Даже соображение о том, что вничью мы сыграли только в военной области, но никак не в уровне индустриального развития и особенно в качестве жизни, не очень-то принималось им в расчет. Идея конвергенции была очень важна для него как фундамент логической схемы, отражающей новые потребности процесса современного развития. Эта схема, по его мнению, на своей вершине содержала мысль о мировом правительстве. Андрей Дмитриевич был убежден, что такое правительство неизбежно возникнет не позднее чем к 1984 году.

Я высказал серьезные сомнения в возможности возникновения мирового правительства не только в нашем веке, но и в обозримой перспективе будущего столетия. Кроме того, мировое правительство в условиях современного, дифференцированного сообщества неизбежно носило бы тоталитарный и даже фашистский характер. Эти мысли я изложил еще до нашей встречи с Андреем Дмитриевичем в своем, упоминавшемся выше докладе [13].

Однако Сахаров был неумолим. Он твердо придерживался убеждения, что только мировое правительство способно решить проблему предотвращения термоядерной войны, как и другие общечеловеческие проблемы. Он верил, что сама логика истории подведет современное человечество к данному общему знаменателю. Тогда я даже позволил себе пошутить и предложил пари, что ставлю ящик армянского коньяка против бутылки боржоми, если удастся дожить до 1984 года и мы сможем убедиться, что гипотеза о возникновении мирового правительства подтвердилась.

Случилось так, что в 1988 году мы оказались с Андреем Дмитриевичем вместе в Париже и проводили совместную пресс-конференцию в советском посольстве во Франции. Все внимание журналистов, конечно же, было обращено на Сахарова, хотя я тоже высказывал свое мнение по нескольким во-

просам. После окончания пресс-конференции я обратился к Андрею Дмитриевичу и напомнил о проигранной им бутылке боржоми. Он не мог сразу вспомнить о нашем шутовском пари, и, когда я восстановил некоторые моменты из прошлого, сказал:

- Сама идея для меня безусловна - это вопрос времени. А время не поддается точному прогнозу.

И добавил:

- Это не я ошибся, это ошиблась сама история.

Кто знает, может быть, действительно Андрей Дмитриевич был прав и в этом? Сейчас, когда мы услышали из уст такого серьезного политика, как президент Франции Франсуа Миттеран, о возможности продвижения к такой федерации, которая охватила бы Западную и Восточную Европу, сахаровская идея мирового правительства кажется уже не столь утопичной, хотя, конечно, не реальной.

Особое место в нашей беседе с Андреем Дмитриевичем занял вопрос о методах воздействия на советское руководство. Я предлагал Сахарову создать лоббистское движение, прежде всего, в среде ученых-ядерщиков и ракетчиков, таких, как Зельдович, Харитон, Флеров, Александров и другие. Говорил о том, что, если бы Андрею Дмитриевичу удалось опереться на такую могучую группу влиятельных ученых, он мог бы напрямую вести диалог с Брежневым и другими советскими руководителями. Сахаров сомневался в такой возможности. Он рассказывал мне о своих попытках воздействовать на Хрущева, в частности, о своем предложении полностью прекратить испытания ядерного оружия, которое было отвергнуто им. Он упомянул также об обращениях к Брежневу и другим советским руководителям, которые остались без ответа и вызвали только раздражение. Кроме того, Андрей Дмитриевич с горечью констатировал, что вряд ли удастся объединить какую-то достаточно влиятельную группу ученых, поскольку они разобщены не только в силу научного соперничества, но и из-за различия политических позиций.

В то время я носился также с идеей создания лоббистского союза ученых на международном уровне, которые оказывали бы давление на свои правительства с целью прекращения гонки вооружений. Андрей Дмитриевич отнесся очень внимательно к этому предложению. Вероятно, он и раньше думал о том же. Так или иначе, вскоре мне стало известно, что он обратился с "Памятной запиской" к Брежневу и к другим руководите-

лям, в которой выдвинул ряд важных новых идей, направленных на ограничение и прекращение гонки вооружений и решение многих других политических проблем.

Однако он не верил в эффективность таких методов и оказался прав.

- Я пойду своим путем, - сказал Андрей Дмитриевич. - Мне кажется, самое главное - индивидуальные человеческие судьбы. Именно на них испытывается любая теория, любой взгляд, любая позиция. Общие концепции имеют ценность в сфере политики только тогда, когда они действительно влияют на положение и права человека.

Этот простой и ясный взгляд тогда, признаться, поразил меня. Я склонен был думать о реформах больше в категориях изменения структур, политических и социальных институтов и в меньшей степени через конкретную человеческую судьбу. Тогда же я понял, что жизнь столкнула меня с одним из совершенно исключительных мыслителей, с одним из крупнейших либералов нашего века.

И все же, признаюсь откровенно, одно обстоятельство в ту пору сильно смущало меня: как в сознании Андрея Дмитриевича соединялась прежняя деятельность по разработке самого страшного оружия уничтожения людей с его абсолютно самозабвенной преданностью идеалам человечности и добра. Мне было известно, что именно Сахаров первым в мире создал водородную бомбу, в сотни раз превосходящую по разрушительной силе атомную бомбу. Мне было известно также, что руководитель Манхэттенского ядерного проекта Роберт Юлиус Оппенгеймер сознательно затормозил работу над проектом изготовления водородной бомбы в Соединенных Штатах, предложенной Эдвардом Теллером. Мне было известно также, что Петр Леонидович Капица отказался принимать участие даже в создании атомной бомбы и долгое время находился под домашним арестом у себя на подмосковной даче на Николиной Горе. Мне была известна и позиция Нильса Бора, который тоже отказался принять участие в создании атомной бомбы и, напротив, предпринял отчаянные усилия, чтобы предотвратить ее применение и военное состязание в этой области с Советским Союзом. Еще в 1944 году он посетил Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля, уговаривая их открыть секрет новой сверхмощной бомбы Советскому Союзу и в зародыше задушить саму возможность ядерного состязания. Эти политические деятели отвергли проект Бора, однако его позиция

осталась эталоном нравственного поведения ученого.

У меня вертелся на языке вопрос о том, как относится в новое время Андрей Дмитриевич к своему участию в создании атомного и водородного оружия. Но я так и не решился спросить его об этом.

Уже после встречи с Андреем Дмитриевичем я обратился с этим вопросом к Зельдовичу. Яков Борисович пожал плечами, посмотрел на меня довольно выразительно и сказал:

- Я удивляюсь, как человек, прикосновенный к политике, задает такие наивные вопросы. Создание ядерного оружия - это результат технического прогресса, который никто и нигде не может остановить.

Я не стал продолжать дискуссию, хотя для меня так и остался открытым вопрос о личном выборе, который делает каждый ученый. В конце концов многие физики предпочли заниматься изучением звезд, а не создавать оружие, подобное тысячам солнц, для уничтожения всего живого на Земле.

Уже незадолго до кончины Андрея Дмитриевича я прочел его ответ на этот вопрос в журнале "Огонек" и понял, что крупные ученые по обе стороны океана были убеждены в том, что создание атомного оружия между соперничающими странами будет выступать в качестве орудия сдерживания, несмотря на весь его угрожающий характер. Что же, в чем-то они оказались правы, хотя в отношении личного выбора я остался при своем мнении.

Но независимо от моих сомнений, встреча с Сахаровым оказала большое влияние на мои последующие выступления. Начавшиеся вскоре преследования Андрея Дмитриевича, травля, в которой участвовали по своей воле или безвольно сотни его коллег, стали одной из самых позорных страниц брежневского режима. Но его несгибаемая позиция служила примером для всех, кто не хотел смириться с крушением хрущевской оттепели.

Сейчас, двадцать лет спустя, когда на глазах нашего поколения разворачивалась вся панорама жизни этого одинокого тираноборца, выступившего не только против неразумности и жестокости власти, но и против холопства и предрассудков, поразивших едва ли не все общество, мы смотрим новыми глазами на эту величественную фигуру. Каковы бы ни были внутренние пути его прозрения, значение его подвига потрясает нас. Сахаров - это не просто личность, это общественный институт, который собирает вокруг себя по крупицам честное,

искреннее, что есть в нас. Его преждевременный уход - невозможная брешь в общественном движении, ставящем простые нормы нравственности превыше любой политики.

Думаю, что к Андрею Дмитриевичу Сахарову больше всего применима мысль Гете: надо добиваться невозможного, чтобы получить возможное. В этом было отличие его общественной деятельности от нашей профессиональной работы, основанной чаще на принципе: политика - это искусство возможного. Идеи о конвергенции, о мировом правительстве, о прямом переходе к западной демократии, о морали как единственном критерии политики, отстаиваемые Сахаровым, хотя они не "практичны" в узком смысле этого слова, в конечном счете оказывают большое воздействие на общественное сознание.

К сожалению, духовные наследники Сахарова изрядно извратили его идеи и отошли от провозглашенных им целей. Больше чем к другим, это относится к его супруге госпоже Елене Боннэр, в деятельности которой экстремизм всегда брал верх над гуманизмом. Вспоминается ее речь на торжественной церемонии открытия I Международного Конгресса памяти А.Д.Сахарова. Она почти не касалась идей своего великого супруга, а темпераментно и резко излагала собственные взгляды, бросая в лицо присутствовавшему здесь Горбачеву (к слову сказать, освободившему Сахарова и Боннэр из ссылки) самые злые обвинения и требования отказа от защиты любых форм сотрудничества народов внутри СССР [31]. Позаимствовав у Ленина тезис о праве нации на самоопределение вплоть до отделения (чего нет ни в одной конституции стран Запада), она и ее сторонники внесли значительный вклад в распад СССР, разрушение целостности России, в возникновении войн в Нагорном Карабахе, Абхазии, Чечне, пропагандируя их право на отделение, что ни в малейшей мере не отвечало позициям Сахарова, который выступал за учреждение Соединенных Штатов Евразии. Позднее, покинув Россию, госпожа Боннэр опубликовала в газете "Нью-Йорк Таймс" открытое письмо к президенту Б.Ельцину, обвинив его в тех же грехах, что и Горбачева, и вдобавок еще в тоталитаризме и коррупции. Последовательна она только в одном - в своем отношении к России, которая неизменно изображается ею как угнетатель и гонитель малых наций.

Аналогичные идеи развивали и некоторые другие деятели, причислявшие себя к правозащитникам. Американский посол

Д.Мэтлок пригласил как-то в 1991 году на обед по случаю приезда Госсекретаря США Д.Бейкера группу деятелей из национальных республик, а также из Москвы. Каждый излагал свои взгляды. Удивил всех З.Гамсахурдиа, который просил США помочь грузинам освободиться от гнета и эксплуатации русского народа. Я задал ему вопрос: “Не вернее ли сказать, что всем нам надо освобождаться от наследия сталинской системы, которая угнетала русский народ в не меньшей степени, чем другие народы?” Меня поддержали А.Собчак и Г.Попов, да и Д.Бейкер тоже высказывался в том же духе...

С деятельностью А.Сахарова тесно связано возникновение, борьба за реформы и власть так называемой межрегиональной группы в рамках Съезда народных депутатов СССР. Не берусь описывать историю ее становления и распада. Попытаюсь только бросить ретроспективный взгляд на это уникальное политическое тело.

3

Летом 1994 года в Доме кино собралась некогда знаменитая межрегиональная депутатская группа (МДГ) на свой 5-летний юбилей. Печаль, как дымка угасшего костра, окутывала зал заседания. Куда девалась толпа восторженных почитателей, которая по первому зову МДГ сотрясала стены этого зала бурными несмолкающими овациями? Куда попрятались иностранные корреспонденты, осаждавшие сопредседателей да и более рядовых членов МДГ своими камерами, микрофонами, восторженными вопросами? Наконец, почему не явился главный виновник торжества, которого Группа с поразительным упорством и искусством вела к власти?

Полупустой зал, грустные меланхолические речи об упущенных возможностях и утраченных иллюзиях. Некоторое оживление наступило, когда члены МДГ увидели себя на экране, выступающими на I Съезде народных депутатов СССР в звездные часы их жизни. Вот Юрий Афанасьев произносит свои афористичные слова об агрессивно-послушном сталинско-брежневском большинстве. Вот Гавриил Попов приглашает депутатов записываться в оппозиционную Группу. Вот Михаил Сергеевич, так мило путая ударения, объявляет, что процесс все-таки пошел...

А теперь не только всеильный Генсек и Президент СССР, но и его ниспровергатели оказались на обочине этого процес-

са, который пошел черт его знает куда. И вот уже Афанасьев объявляет жалким фарсом все реформы после августовского путча 1991 года - и конституцию Бориса Ельцина и дурацкую терапию Егора Гайдара. И тот же Гавриил Харитонович призывает интеллигенцию больше не домогаться власти, а уходить в вечную оппозицию к ней, какая бы она ни была - коммунистическая, демократическая или авторитарная. Политическое колесо сделало полный оборот, и мы вернулись на пять лет назад, как будто не было двух путчей, трех псевдореволюций и одной танковой атаки.

Не подумайте, что я злорадствую или делаю исключение для себя. Нет, я испытываю те же чувства печали и разочарования. Больше того, я живу под непосильным прессом этих чувств все последнее время. Сорок лет моей жизни я с удивляющим самого меня сейчас фанатизмом боролся за реформы. Моя первая статья против тоталитарного режима была опубликована еще летом 1953 года. Потом десяток книг, сотни статей и выступлений во имя новой жизни для народа и страны. Трижды меня снимали с работы.

А что в результате? Неужели все мы боролись ради того, чтобы ополовинилось население великого государства, чтобы Украина конфликтовала с Россией, чтобы лилась кровь на Кавказе и в Средней Азии, чтобы кучка торговцев выставляла напоказ в казино свое богатство? Есть от чего прийти в отчаяние.

Правда, у меня есть маленькое утешение: я это предвидел. Утешение слабенькое, но все же ... Хотел бы напомнить членам МДГ одно из немногих своих выступлений на заседании группы.

Это было в конце 1989 года. В холле, рядом с залом заседаний Верховного Совета СССР, шло заседание МДГ - шумное, почти истеричное. Члены группы нападали на своего отца-основателя Андрея Дмитриевича Сахарова за его предложение начать всеобщую политическую стачку. В президиуме сидели сам Сахаров, Попов, Рыжов и Ельцин. Я попросил слово, и мне сразу дали его.

- Вы хотите создать оппозицию, - говорю я, - но какую - открытую и смелую, как на Западе, или ползучую и униженную, как на Востоке? И на какой платформе, во имя каких целей? Не понимаю, как можно совместить даже тех, кто сидит в президиуме: великого либерала XX века Сахарова, реформатора Попова и члена ЦК КПСС Ельцина.

Мне особенно запомнилась эта встреча потому, что именно в этот вечер скончался Андрей Дмитриевич Сахаров.

Тогда на заседании мои слова вызвали бурю негодования. А сейчас и Попов, и Афанасьев говорят, что МДГ так и не смогла составить свою программу и выступить со своей концепцией реформ. Почему? Что, слабые интеллекты? Не верю. Были люди, которые ясно представляли себе, куда вести дело. Смешанная экономика. Двухпартийная, в основном, система. Парламентская президентская республика. Содружество республик и земель. Я был среди тех, кто писал об этом эзоповским языком еще в брежневскую эпоху и открыто уже в начале эпохи Горбачева.

Была Конституция, написанная Сахаровым. От нее можно было оттолкнуться, чтобы начать отсчет нового видения судеб страны. Кстати, Сахаров и в мыслях не имел ни такого разрушения Союза, которое произошло в Беловежской пуще, ни такого разрушения народной жизни, которое ознаменовала монетарная реформа.

Так в чем же все-таки дело?

Почему не только судьба реформ, но и участь МДГ оказалась такой печальной? Если говорить о психологической стороне, то многое может быть сведено к простой формуле: вожди и советники. Я открыл ее для себя еще в 1964 году, когда резко ушел в отставку из аппарата ЦК КПСС в знак протеста против победоносного заговора, который привел к изгнанию Хрущева. Свои чувства я выразил тогда в пьесе "Советник Государя" и в книге о Макиавелли.

Так вот, скажу словами поэта: хотите, я открою вам, непреуспевшим членам МДГ, простую истину? Быть может, настолько простую, что она уже больше и не является секретом для вас самих. Вы проиграли потому, что Вы не вожди, а типичные советники, интеллигенты, которые на минуту вообразили себя вождями. Кажется, только один сопредседатель МДГ Анатолий Собчак еще не может признаться себе в этом. "Хождение во власть" - его книга заворожила его сознание. Он сделал над собой чудовищное усилие, когда предложил Ельцину авторитарную конституцию. И сейчас в день 5-летия он один среди всех выступавших еще говорил о завоевании власти, выдвижении из среды МДГ кандидата на будущих выборах президента России, поглядывая при этом в свою сторону... Но, увы! Тут я готов хотя бы частично согласиться с Геннадием Бурбулисом, который говорил как правоверный последова-

тель гегелевской формулы о железных закономерностях бытия, подводя теоретическую базу под все катаклизмы после августа 1991 г., проходившие при его усердном участии. Так вот, один закон звучит просто: не в свои сани не садись! Помните, что говорит Пугачев у Пушкина: либо ты рожден быть орлом и пить живую кровь тридцать лет, либо вороном и клевать падаль все двести.

Кровь - вот рубеж, его же не перейдешь, если ты советник. Кровь, которую ты готов пролить, и тогда ты можешь стать вождем. Думаю, что самые горькие чувства Михаил Сергеевич Горбачев испытал даже не тогда, когда его, как малое дитя, обвели вокруг пальца, уготовив в Беловежской пуще документ о роспуске Союза. Он испытал их, когда не только Россия, привыкшая ко всему, не только страны СНГ, прожившие с ней двести-триста лет, но и цивилизованный Запад признал законной и необходимой кровь в Доме Советов и вокруг него. А Горбачев прятал под крыло свою лобастую голову с отметиной судьбы, когда проливал малую кровь в Тбилиси, в Риге и Вильнюсе. Он так дорожил репутацией либерала, он так боялся замараться кровью, что готов был отдать все - и корону, и державу, и союзников. Он тоже оказался в числе нашего брата - интеллигентов-советников, а не вождей, подлинных людей власти.

Ельцин... Я разглядел его природу еще тогда, когда он начал свой великий бунт против Горбачева. На первом Съезде народных депутатов СССР, когда прямодушный А.Казанник предложил включить Ельцина на свое место в Верховный Совет СССР, Горбачев, не зная как поступить, обратился за юридической консультацией к залу. Первым вышел Собчак, который занял не вполне ясную позицию, вторым вышел я и сказал, что это не столько юридический, сколько политический вопрос: Ельцин избран всей Москвой, и он должен быть в Верховном Совете. Но в то же время я очень опасался столкновения Горбачева и Ельцина, предчувствуя, что это может иметь трагические последствия для молодой демократии в стране.

Рядом со мной в Верховном Совете СССР сидел его близкий человек и нашептывал: мы используем Ельцина как таран, а потом возьмем дело реформ в свои руки. Я говорил ему: оставь эти пустые надежды, раз ты хочешь войти в этот круг ада. Ельцин - это прирожденный человек власти. Сколько бы вы ни гордились своим интеллектуальным превосходством,

своей способностью формулировать лозунги и писать речи, вы будете работать на него, не он на вас. И когда надобность в вас отпадет, он, не моргнув глазом, найдет вам замену. И снова вприпрыжку побегут за ним интеллигенты, требуя от него стать нашим Пиночетом, раздавить "гадину оппозиции", а их, сердечных, приблизить к трону.

Харизма... Об этом сейчас заговорили все, не понимая толком, что сие значит, и не ведая, откуда пошло это модное словечко. Я открыл это для себя давно, когда писал о Мао Цзэдуне и о Гитлере. Макс Вебер пустил его в ход в нашем веке. Но об этом знали еще древние, еще Геродот в его биографиях о великих деятелях античности. Об этом блистательно писал Макиавелли в своем "Государе".

Никто не знает, почему этот, а не другой человек наделен свойством харизмы - вождя, лидера, героя, диктатора. Меченые атомы Провидения или носители биополя - так ли это важно? Но внешние признаки харизмы можно легко распознать: жажда власти и господства над другими людьми как главная, единственная цель жизни и готовность все положить на этот алтарь и даже сгореть самому у его подножья. Разве кто-либо другой из сопредседателей МДГ подходил для этой роли кроме Ельцина? Сахаров, который отказался от той малой толики власти, что имел в качестве создателя чудовищного оружия? Попов, который отказался от поста руководителя Москвы, то есть того поста, что занимал Ельцин при Горбачеве, а ранее Хрущев при Сталине? Афанасьев, все амбиции которого свелись к "освоению" комплекса партийных зданий ради создания беспартийной школы? Что касается Собчака, то он должен помнить, что интеллигентный Стивенсон так и не смог стать президентом США. Даже там лидеры куются из более простых и прочных материалов, не обремененных высокой инфраструктурой. Мне запомнилась фраза, мимоходом сказанная Троцким о Бухарине: у него есть все, чтобы стать вождем, кроме одной малости - характера.

В зале кино говорили обо всем, но тщательно обходили одну затаенную тему. Свои обиды, свои личные судьбы. Победители - побежденные. Здесь собрались люди, которые имеют основание думать, что проложили дорогу к власти Ельцину. Это они подняли бунт против Горбачева, который, между прочим, привел их в первый демократический полупарламент. Это они выводили сотни тысяч людей на улицы Москвы и других городов России в защиту Ельцина. Это они - или. по

крайней мере, некоторые из них - добивались упразднения Союза для окончательного разрешения двоевластия в пользу сопредседателя МДГ. И они рассчитывали быть вечно рядом с ним.

И ведь были... Сергей Станкевич - в Кремле. В его огромном кабинете можно было кататься на велосипеде. Галина Старовойтова, лихо потрудившаяся в Карабахе да и над разрушением Союза в целом, тоже посидела где-то рядом с президентом в качестве советника в шикарных апартаментах - как и многие другие. А теперь? Кто Ему целует пальцы? Другие люди, иной группы крови, некоторые тоже из среды интеллигенции. С теми же надеждами и теми же иллюзиями. Пройдет время, и, как Гайдар заменил Попова, а Филатов Гайдара, придут новые советники, а прежние уйдут писать горькие мемуары о несостоявшихся программах.

Замечу все с той же горечью, что провалились не только упования МДГ на успех реформ посредством замены фигур на шахматной доске, но и мои надежды на сотрудничество двух бывших партийных вождей. Наверное, эта порода русских властителей вообще не терпит раздела власти. Впрочем, и Наполеон Бонапарт недолго оставался в составе консульства, и Сталин недолго терпел Троцкого рядом в Политбюро.

Можно было бы сказать своим коллегам, как говорил Плеханов: не надо было братья за оружие. Но это бессмысленно вдвойне. Ружье уже выстрелило. И оно готово еще не раз стрелять.

Так что же все-таки делать - не только членам МДГ, но всем другим интеллигентам, которые все еще желают работать ради страны и ее народа на неблагодарном поприще политики? Создать политический клуб, как предлагает Старовойтова? Что же, на худой конец это неплохо - собираться, подобно пикейным жилетам, и отводить душу в воспоминаниях. Или уходить в оппозицию, как предлагает Попов? Но что это значит практически? В какую партию? В какой блок? В парламенте или просто в печати? Готовить смену новых людей, как делает Афанасьев? Но нужны ли эти люди русской политике? Можно ли вообще добиться чего-либо, придерживаясь принципа: если не догоню, то хоть согреюсь?

Тем временем растут действительно реальные политические силы. А с ними и новые харизмы, влюбленные во власть, как в мать родную. Им интеллект ни к чему. Впрочем, и там имеются свои советники, готовые работать в идеологической

парикмахерской ради всё тех же великих целей обновления России.

Два слова о моих отношениях с МДГ. Я разделял многие ее позиции, но не входил в нее. Не только потому, что вообще не люблю входить в какие-то группы, но и потому, что не принимал откровенную борьбу за власть некоторых ведущих ее членов как цель движения. Если говорить на языке теории, я относил себя к либеральным демократам, считая главным свободу всех граждан от государства и их эффективный контроль за властью предержажшими. Поэтому мои усилия шли на пробивание законов о правах человека. И то, что нам удалось сделать в области человеческих прав, - это единственное, что пока еще государство не смогло взять обратно у народа.

Я стоял за реформацию всей системы и ее преобразование в современное демократическое государство парламентского типа со смешанной экономикой. Я был против развала Союза, выдвинув еще в 1990 г. идею содружества конфедеративного типа, против слепого разрушения КПСС, а за разделение ее на две партии - коммунистическую и социал-демократическую, подобную той, что в Швеции или Германии.

Поэтому я считал неприемлемым идеи радикальных демократов, которых вскоре захлестнул провинциальный национализм. Провозглашение суверенитета России от Союза ССР, то есть малой России от великой России было не только заблуждением мелких умов. Оно отражало вожделения местных элит и комсомолии, вышедших из рядов той же компартии, по захвату власти Центра. Их не смущала та чудовищная цена, которую надо было заплатить за приход к власти.

Теперь, когда пыль осела, когда МДГ отгеснена от кормила, многие из ее лидеров прозрели и позиции наши сблизилась. Меня приятно поразило решение Г.Попова отказаться от высокого поста мэра Москвы и снова вернуться в лоно интеллигентской оппозиции. Но проблема идейной платформы, которая могла бы спасти Россию и ее народ от одичания и конфликтов, остается открытой.

4

Наибольшее влияние на политику российского государства после августа 1991 года оказали идеи и советы группы радикальных демократов во главе с Егором Гайдаром. Напомню еще раз, он отстаивал роспуск Союза ССР, выдвинул

программу шоковой терапии в экономике, был самым последовательным сторонником разгона Верховного Совета России. Поэтому имеет смысл более подробно остановиться на рассмотрении его взглядов. Признаюсь, что я долгое время не мог понять - да и до сих пор не вполне понимаю - самого замысла и мотивов политических шагов Гайдара. А ведь речь идет не только о личности человека, который оказал, без преувеличения, колоссальное негативное влияние на исторический поворот России в последние четыре года, что само по себе безусловно вызывает интерес к нему. Не понимал я плана экономических реформ, целей, которые он ставил и которые через посредство президента Ельцина стали национальными целями.

Поэтому с самого начала я критиковал его программу либерализации цен и приватизации, поскольку у меня на протяжении десятилетий сложилась совершенно другая концепция.

Мое представление об экономических реформах было довольно типичным для тех, кого действительно можно причислить к реформаторам-шестидесятникам. Оно исходило из того, что Россия представляет собой особую евроазиатскую цивилизацию, одну среди, по меньшей мере, двух десятков цивилизаций современного мира; что социализм продолжил и довел до чудовищных крайностей некоторые худшие черты этой цивилизации - самодержавие, идеологическую нетерпимость, псевдонародность; что первые шаги экономических реформ должны быть связаны с постепенным переходом к частному производству и частной собственности вначале в аграрном секторе и торговле, наподобие того, как было сделано в Китае в 70-х годах, затем в легкой и, наконец, тяжелой промышленности на основе принципов смешанной экономики, то есть сочетание частных и государственных. Я никогда не выступал за бездумное разрушение всего наследия социализма. Сокрушить диктатуру вождя и партии - согласен, но при этом сохранить социальные завоевания - бесплатное образование, здравоохранение, дешевое жилище.

Первоначально мое представление об экономических реформах стало складываться под влиянием югославского опыта 50-х и 60-х годов, который я имел возможность изучать на месте и обсуждать с руководителями Югославии, прежде всего, с Эдвардом Карделем; затем реформ в Венгрии, которые мы обсуждали с Яношем Кадаром, и особенно в Чехословакии в период "Пражской весны". Впоследствии я пристально сле-

дил за реформами в Китае и, как уже отмечалось, поехав туда в начале перестройки, привез большой материал, в том числе телевизионный фильм, чтобы показать, как это делается.

В дальнейшем мои представления о реформах расширились на основе изучения непосредственно в странах - в Японии, Германии, Южной Корее. Я был убежден, что реформы такого гиганта, как Советский Союз, с его огромным переко-сом в сторону военно-промышленного комплекса, с кристаллизацией коллективных форм, особенно в деревне, займут несколько десятилетий. Собственно, экономическое чудо в странах Востока и Запада тоже потребовало не меньше четверти века. Как же можно было рассчитывать на то, что Россия сумеет осуществить свой переходный период за более короткий срок?

И тут появился Гайдар с его моделью либерализации, скачка к приватизации, шоковой терапии. Скажу откровенно, меня настолько ошеломило все, что он предлагал и делал с момента своего прихода к руководству экономикой в начале 1992 года, что я как бы попросту застыл в позе удивления. Что это такое? Откуда это взялось? С чем связана такая абсолютная убежденность Гайдара в правильности выбранного пути? Почему он отверг накопления реформаторской мысли своих предшественников и, кстати говоря, учителей? Как-то смуцало и то, что "прогрессивная интеллигенция" (люди из Дома кино) радостно приветствовала эти реформы. Всякая критика считалась ретроградством, выражением красно-коричневых настроений.

Не скрою, когда все это началось, я нередко ловил себя на мысли: быть может, действительно наше поколение реформаторов устарело, прошло свой пик и должно уступить место более радикальным, смелым, более знающим преобразователям? Поэтому, критикуя реформы Гайдара в своих лекциях, особенно за рубежом, я все же ждал каких-то результатов этого нового эксперимента на теле народов России. Но через 2-3 года последствия реформ стали очевидными для всех. И только Гайдар продолжал уверенно твердить, что выбрал единственно правильный путь, что не следует обращать внимание на издержки переходного этапа.

Такое упрямство могло бы даже вызывать уважение, если бы оно отражалось только в сфере литературного творчества и научных полемик. Но речь пошла действительно о судьбах великой страны. В начале реформ Гайдар не излагал никакого

плана, а просто повторял сентенцию "надо броситься в реку, а там посмотрим", что было позаимствовано Лениным у Наполеона. Интервью Гайдара тоже не давали представления о том, во что он верит и что хочет. Но вот в 1995 г. вышла в свет книжка Е.Гайдара "Государство и эволюция", опубликованная, что само по себе характерно, издательством "Евразия"[14]. Я в буквальном смысле слова набросился на нее, чтобы, наконец, понять, где и в чем разошлись представления либералов прошлой эпохи с нынешними демократами. Мне теперь стало ясно, что собой представляет наш великий реформатор и куда он толкает Россию.

Не может не позабавить само название книжки Гайдара. Это очевидная заявка на продолжение и опровержение известной работы Ленина "Государство и революция". Иными словами, здесь кроется высокая претензия автора на историческую роль, которая может быть сравнима с ролью Ильича. Тот повернул Россию в сторону коммунизма, этот рассчитывает повернуть ее, но уже в другую сторону - в сторону рынка, капитализма. Замечу, что еще раньше ловил себя на мысли, что Егор Тимурович, действительно, внешне, а также манерой говорить быстро, законченными абзацами, категорично, безапелляционно, как правило, без тени юмора, явно подражает Владимиру Ильичу.

Теперь вижу - не ошибся. Он сам себя "под Ленина чистит", чтобы плыть - на этот раз - в эволюцию дальше. По всему видно, что Гайдар рассматривает себя не просто как ученого, экономиста, советника, а как одного из вершителей судеб великой страны.

Аналогия с работой Ленина не исчерпывается заглавием и размерами книги. В ней все подражательно. Первые строчки книги: "Эта небольшая работа была написана очень быстро - в августе-сентябре 1994 года". Точно. Ленин тоже написал свою книжку очень быстро по странному совпадению в те же месяцы 1917 года, в канун октябрьского переворота. Уж не в Разливе ли писал свою книжку Гайдар? Вряд ли. Но замысел ее сходен с ленинским: обосновать неизбежность нового исторического переворота. Но почему все-таки Гайдар так спешил? Хотел опередить разгон нового парламента?

Манера и стиль Гайдара тоже целиком позаимствованы у Ленина. Та же безапелляционность, то же нежелание обременять себя аргументами и фактами, та же спешка. Совершенно удивительно, в книжке, практически, нет цифр, нет анализа

экономических материалов. Работа, которая претендует на обоснование экономических реформ, начисто лишена экономического фундамента. Никогда не встречал ничего подобного. Нет данных об экономике застойного периода, периода Горбачева и результатов реформ самого Гайдара в период Ельцина. В нескольких местах мельком упоминается о падении производства в два раза, о "некотором" снижении жизненного уровня, - и это все. Абсолютно ничего не узнали мы ни о национальном продукте, ни о бюджете, ни о налогах, ни об отдельных отраслях производства, ни о внутреннем и внешнем рынке, ни об уровне жизни населения. Все это не нужно автору, мешая ему развивать свою мысль. "В данной книге я не считаю возможным входить в экономические подробности", - говорит в одном месте Гайдар [14]. Весь экономический анализ - это для него не более чем "подробности".

Поэтому его книжка не может быть отнесена к категории экономических. Однако еще в меньшей мере она может быть признана философской, политологической или политической. Это попросту не научная работа. По своему мышлению Гайдар не экономист, даже не философ, а идеолог. Раз поверив в концепцию Тэтчер, Рейгана, Буша, Сакса, МВФ, он готов идти за ними до конца. Его не волнует ни падение производства, жизненного уровня, ни утрата реальных рынков в бывших советских республиках, в Восточной Европе, в других регионах мира. Его не занимает цена реформ. Пусть провалится страна, ее народ. Только бы торжествовал принцип. Это своеобразная декларация о намерениях политика, который претендует на исторический поворот в судьбах России.

Ключевая мысль Гайдара - теория цивилизаций. Но как это выглядит? Автор пишет: "Разумеется, я ни в малейшей степени не претендую на попытку описания - в сколь угодно схематичном виде - всемирно-исторического процесса (!). А. Тойнби выделял 21 цивилизацию в истории человечества, 21 тип общества, из которых под категорию "западное" подпадает лишь 2. Конечно, охарактеризовать (если принять классификацию Тойнби) 19 остальных цивилизаций как восточные невозможно" [14]. Где это нашел Гайдар у Тойнби указание на то, что 19 цивилизаций являются восточными? Японская, китайская, индийская, латиноамериканская, африканская - это что, Восток? Очень боюсь, что Гайдар не изучил, а только перелистал многотомные сочинения великого мыслителя. Как раз теория цивилизаций дает нам ключ к пониманию особен-

ностей России и ее пути. Об этом мы писали еще в 80-х годах [11].

Дальше Гайдар полностью воспроизводит идею Маркса об "азиатском способе производства", который он считает актуальной и в наше время. Здесь Гайдар находит аргументы для своей концепции поворота России от Азии к Европе. Однако Маркс не исследовал российскую цивилизацию, а только приглядывался к ней. И понятие азиатского способа производства не может быть механически применено к российской экономике, особенно конца XIX века, когда началось ее бурное продвижение по капиталистическому пути. Но категория Маркса нужна Гайдару в качестве публицистической палочки для того, чтобы от нее начать стремительный рок-н-ролл к концепции рынка. Он открыто заимствует и у Ленина его теорию государственного капитализма, империализма, соглашаясь с ленинскими оценками для того, чтобы опять-таки обосновать необходимость полного разрыва с подобной моделью развития России.

С этим связан главный порок способа анализа, используемого Гайдаром. Все рассуждения в книге сводятся к понятиям, структурам, институтам, здесь совершенно нет человека, его природы, его менталитета, его желаний, его отношения к реформам, его интересов, нет анализа малых групп и классов. Это так называемый макро-экономический подход, представляющий собой какие-то общие схемы, "парадигмы" и отбрасывающий в сторону как балласт личность, культуру, творчество. Вслед за Лениным Гайдар нередко мимоходом бросает презрительную фразу "человеческий материал". Ему тоже этот материал кажется каким-то ущербным для намечаемых реформ, как Ленину казалось, что этот "материал" не очень-то пригоден для строительства коммунизма. Читатель напрасно будет искать в книжке Гайдара размышления о том, что стало с этим "материалом" после осуществления его реформы. Как живут люди? Как выживают?

Еще одно явно сближает произведение Гайдара с ленинскими работами - манера полемики: "Обвинения, которые нам предъявляли в свое время, что мы вместо марксистской догмы хотим строить государство по догме монетаристской, - заведомая демагогия. Помню, как в свое время на Съезде народных депутатов Р.И. Хасбулатов попытался затеять со мной публичную дискуссию. Вот, мол, существуют разные концепции рынка - социально ориентированное государство с высо-

кими налогами ("шведская модель") и классически капиталистическое, либеральное (американская модель). Он, Хасбулатов, - сторонник первой, Гайдар - последней". И дальше: "Все это в интеллектуальном плане смешно, в моральном - постыдно. Не говоря уже о высокой степени безграмотности... И кейнсианцы, и монетаристы, и социально ориентированное государство, и "классическое рыночное", и либерально-консервативные и социал-демократические правительства на Западе - все это относится к одной глобальной традиции, которую они сумели сохранить, - к социально-экономическому пространству западного общения"[14].

Ничего постыдного и смешного лично я в критикуемой позиции не усматриваю. Хасбулатов ближе к истине, чем Гайдар, который перемешал в большой куче все и вся - и концепции, и реальные структуры, и правительства, и, вопреки обещанию следовать теории цивилизации, рисует некую универсальную модель современного рыночного общества.

Но это абсолютно неверно. Рынок как принцип действительно универсален, но его проявления в различных цивилизациях далеко не одинаковы. Тут как раз и сказываются особенности традиций, культуры "человеческого материала". И различие между социал-демократической Швецией и Соединенными Штатами Америки действительно на деле огромно. Кстати говоря, сам Гайдар во многих местах своей книжки пишет о том, что Россия стоит перед угрозой перехода в разряд стран третьего мира, где существует рынок, но экономика остается зависимой, малоэффективной, а уровень жизни людей низким и жалким. Как увидим дальше, именно реформы Гайдара и создали такую угрозу для России. И если раньше З. Бжезинский относил СССР ко второму миру, то теперь, после гайдаровских реформ, он отводит нам место ядерной державы третьего мира. Стало быть, есть разные модели капитализма, и в историческом контексте - от классического до современного, и в контексте особенностей нынешних цивилизаций.

5

Теперь возьмем существо концепции реформ. Тут я с удивлением обнаружил близость или даже совпадение своих оценок характера нынешней экономической системы в России с оценками Гайдара. Государственный капитализм - вот главный социально-экономический результат реформ в нашей

стране. Гайдар приводит те же высказывания Ленина о государственном капитализме, что и я в своих работах, конечно, независимо друг от друга, и утверждает, что у нас сложился не просто государственный, а именно бюрократический рынок, когда власть и собственность оказались в руках бюрократического слоя, который в ограниченных пределах допускает частный капитал, сохраняя свой контроль за ним.

Гайдар тоже считает этот тип капитализма наименее эффективным и антисоциальным. Однако на этом совпадении наших взглядов кончается. Гайдар-теоретик неожиданно уступает место Гайдару-политику, который всеми средствами пытается снять с себя ответственность за результаты реформ. И тут проявляется Большая Ложь, которая вполне сродни Большой Лжи о коммунизме. Гайдар доказывает, что бюрократический капитализм сложился в результате горбачевских реформ 1989-1991 гг., тогда как гайдаровские реформы были направлены, чтобы заменить капитализм бюрократический на нормальный капиталистический рынок.

Как же так? Все демократы во главе с Гайдаром утверждали, что Горбачев запаздывает с реформами, не решается на них, тормозит их осуществление. И, вдруг, оказывается, что в период его правления полностью сменился характер экономического строя: на место командно-административной системы была водворена система бюрократического капитализма. "К концу 1991 года, - пишет Гайдар, - мы имели гибриды бюрократического и экономического рынка (преобладал первый), имели почти законченное (именно за счет принципиальной юридической неопределенности в отношении формальных прав собственности) здание номенклатурного капитализма... И пока господствующие классы успешно решали свои проблемы, хозяйство разорялось дотла. Конечно, ненужной промышленной продукции выпускалось в конце 1991 года почти в 2 раза больше, чем сейчас (осень 1994 года). только магазины были пусты, деньги (советские знаки) не работали, приказы не выполнялись, нарастало ощущение "последнего дня". Речь шла об угрозе голода, холода, паралича транспортных систем, развала страны"[14].

Как вам нравится эта картинка? Так легко, между прочим, говорить о том, что промышленность производила вдвое больше ненужной продукции. Куда же она девалась? Лежала на складах? Нет, она продавалась и внутри страны, и в Восточной Европе, и в арабских странах, и в Латинской Амери-

ке. Приказы не выполнялись? А что, теперь приказы выполняются? Угроза "последнего дня"... Но она возникла именно сейчас, а не тогда. А самое главное, переход государственной собственности в руки бюрократии в тот период - сплошная выдумка. Сам Гайдар опрометчиво отмечает: "Официально, на 1 января 1992 года в России было приватизировано 107 магазинов, 58 столовых и ресторанов, 36 предприятий службы быта. Реально - по способам распоряжения собственностью, извлечения доходов и т.д. - номенклатурой была приватизирована практически вся сфера хозяйства" [14].

Удивительно, как может так рассуждать экономист!

Реально государственной собственностью и прежде распоряжался бюрократический слой. Но ведь это не значит, что во времена застоя или при Сталине в стране господствовал бюрократический капитализм. Приватизация в горбачевское время не была осуществлена практически ни в одной сфере, даже в торговле. Обвал начался как раз в 1992 году по инициативе Гайдара. И этот факт он всеми силами старается скрыть.

Прийдя к руководству экономикой, Гайдар и его единомышленник А. Чубайс имели возможность и право выбора модели реформ. Можно было использовать модель шоковой терапии, как в Польше; чилийскую модель во времена Пиночета; иранскую во времена белой революции шаха; югославскую модель с ориентацией на трудовые коллективы и т.д. Можно было взять за основу "Программу 500 дней" Шаталина и Явлинского. Все это было отвергнуто молодыми реформаторами, которые жаждали начать с чистого листа.

Они предложили три главных принципа, которые привели к бюрократическому капитализму. Первый - выход России из Союза ССР и "освобождение" ее экономики от обслуживания других советских республик. Второй - либерализация цен как начало реформ. Третий - приватизация с передачей 41% акций самим предприятиям и огромными, открытыми и плохо замуфлированными привилегиями для "красных директоров" и других руководителей промышленности.

Отсюда видно, что переход собственности из рук государства в руки бюрократов и отчасти теневиков, а также "новых русских" (среди которых не так уж много этнически русских) состоялся как раз после 1992 года.

Понимая шаткость своих позиций, поскольку вся страна была свидетелем и жертвой его эксперимента, Гайдар ищет и

находит доводы в пользу бюрократической (или номенклатурной) приватизации. Этот довод он заимствует у Маркса. "Следует откупиться от всей этой банды". Гайдар понимает, что осуществить в короткий срок скачкообразные реформы невозможно, не опираясь на бюрократов, на руководителей экономических министерств и ведомств, АПК, ВПК, директоров предприятий и т.д.

"Сегодня мы можем подвести предварительный итог социально-экономическим переменам последних лет, - пишет автор. - Если постараться обобщить их в виде формулы, то ее можно представить как обмен власти на собственность... Звучит неприятно, но, если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 80-х годов соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства... Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно "выкупить". И добавляет: "Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности" [14].

Вот и вся разгадка замысла гайдаровских реформ. Они имели целью передачу государственной собственности в руки номенклатуры, сформировать наших Фордов, Рокфеллеров, Ротшильдов из чиновного клана, который сам, не справляясь с колоссальной задачей управления этой гигантской собственностью, вынужден будет прибегнуть к помощи частных компаний, привлечь молодых бизнесменов и поделиться с ними какой-то частью собственности. При этом бюрократ, который сохранил все рычаги власти, может в любой момент поставить на место частные компании.

И дальше: "Если до конца 1991 года обмен власти на собственность шел по номенклатурному ("азиатскому") пути, то с началом настоящих реформ (1992 г.) этот обмен повернул на другой, рыночный путь... Введение свободных цен стало важным шагом из царства бюрократической свободы в царство рыночной необходимости".

Опять мы сталкиваемся с рецидивом испорченной марксистской терминологии. Но дело не в этом. Гайдар не сумел привести ни одного довода, ни одного экономического факта, чтобы доказать свое утверждение о переходе к нерегулируемому государством рынку. Хозяевами банков, крупных фирм, заводов, фабрик, по-прежнему остались, главным образом, представители номенклатуры. Правительство по-прежнему

контролирует процесс "раздачи".

Напрасно Гайдар ссылается при этом на Г.Попова - тот действительно использовал как-то термин "откупиться", то есть дать некий процент бюрократии, но в прямо противоположных целях - чтобы вырвать у нее согласие на передачу государственной собственности самому народу. Попов решительно выступил против шоковой терапии, что явилось причиной его ухода с поста мэра Москвы. Точно так же от отвергал развал СССР по-беловежски. Нельзя, впрочем, не отметить вывод Попова о том, что демократы не были готовы взять власть в августе 1991 года [34]. Тогда почему они ее все-таки взяли, а точнее даже вырвали из рук у парламента и президента СССР?

Довод Гайдара о том, что другого пути не было, поскольку бюрократия не согласилась бы на другой вариант, отчасти был бы правилен, но только при условии, что вы хотите быстро, в короткий срок, путем скачка осуществить переход собственности от государственной к частной, не взирая на народные беды, к которым приведет этот путь. Если же у вас есть терпение и хватает просто здравого смысла, чтобы растянуть этот процесс на одно-два десятилетия, то конечно, нет нужды платить такую огромную цену за переход к новому обществу.

Но Гайдар спешил, и спешил не только в силу своего топорливого характера. Таковы были условия, на которых он получил экономическую власть от Ельцина, который хотел показать, что за несколько лет (вначале мыслилось за 1-2 года) можно развернуть всю тысячелетнюю российскую цивилизацию на западный путь и заодно убедить народ, что новый президент превосходит прежнего, - нерешительного, половинчатого, ограниченного. Гайдар получил власть именно за эту модель реформ. Вот и вся разгадка феномена Гайдара. Можно понять его разочарование, его надрыв, когда Ельцин легким движением большого пальца отстранил его от власти.

Гайдар терпел свое новое положение отвергнутого инфанта больше двух лет и только в 1995 году взорвался. Причем сделал это не в связи с экономической политикой, а по бесспорному, как ему казалось, поводу - в связи с войной в Чечне. Он выступил решительным критиком этой акции, направил в Чечню своего ближайшего соратника С.Ковалева, чтобы продемонстрировать свой переход в оппозицию Ельцину. В то же время Гайдар во многих отношениях продолжает поддерживать экономические реформы, поскольку они отвечают его за-

мысли перехода к номенклатурному рынку как этапу на пути к рынку западного образца.

Кстати о Западе. Из книжки выяснилось, что Гайдар не вполне представляет себе американскую экономическую модель, которая стала для него предметом нового идолопоклонства. Его книга завершается цитатой Т.Джефферсона о праве каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Но можно было бы порекомендовать Гайдару обратиться куда к более впечатляющему высказыванию основателей американской Конституции. Они включили в ее текст принцип "всеобщего благосостояния". Именно этот принцип больше всего отвечает менталитету россиян, их представлениям о лучшем обществе. Гайдар поверил Джеффри Саксу, стороннику рейганизма и тэтчеризма, и оказался в плену концепции, которая, используя собственное выражение Гайдара, "разоряет Россию дотла".

Ссылки Гайдара на западную модель, в частности, американскую, несостоятельны. Это, кстати, почувствовал сам Гайдар. Напичкав всю свою книгу бесконечными нападками на государство, державу, империю за их вмешательства в экономическую жизнь, он, в конце концов, делает неожиданный пируэт: "Я уже писал, что считаю себя и своих единомышленников русскими государственниками и патриотами. Считаю так по простейшей причине - главной нашей задачей вижу решение стратегических проблем государства, доведение до конца рыночных реформ и построение устойчивого, динамичного, богатяющего общества западного типа в нашей стране" [14].

Здесь кроется сердцевина "гайдаровской концепции" реформ сверху. С самого начала и до сих пор он мыслит поленински. Правительство "дарует" обществу некую новую модель его жизни.

Гайдар упоминает мимоходом концепцию аграрной реформы Витте-Столыпина. Но кроме общих соображений о превосходстве частной собственности над колхозной, никакой своей концепции не выдвигает. И не случайно. Он по-прежнему стоит на почве передачи собственности элите, а не самим производителям.

Поразительно, но Гайдар фактически полностью обходит в своей книжке вопрос о распаде Союза ССР. Известно, что он был одним из инициаторов этой акции в кругу ближайших советников Ельцина. Закономерно было бы ожидать, что Гайдар либо приведет дополнительные доводы, теперь уже с позиции

более, чем четырехлетнего опыта, в защиту того, что было сделано, либо покается и признает свою ошибку, откажется от прежних иллюзий, что Россия, освободившись от "окраин", быстро вступит на путь процветания.

Вообще Гайдар ни в чем не раскаивается, ни о чем не жалеет, нигде не видит своих ошибок. Тут он отличается в худшую сторону от Ленина, который все же временами свои ошибки признавал.

Гайдар замечает мимоходом, что фактически шоковой терапии в стране не было. Судя по всему, это вызывает у него чувство сожаления. Ему мало тех разрушений, которые произошли. Вот если бы удалось их произвести "до основания, а затем...", вероятно, он был бы больше удовлетворен. Конечно, Гайдар, который остался в номенклатуре, не мог почувствовать драматических результатов реформ. А способности встать на точку зрения пострадавших социальных слоев, он, видимо, лишен.

Внешне его теория выглядит довольно безобидно. Но есть печальная практика, основанная на ней: укороченная на 5-10 лет жизнь миллионов пенсионеров, обездоленность более трети населения, страх безработицы и опускания на самое дно большинства народа. Здесь возникает нравственная проблема. Неужели Гайдару не жалко этих людей, и милосердие никогда не стучится в его сердце? Думаю, увы, нет.

Откуда почерпнул Гайдар идеи "рынка без берегов", "номенклатурной приватизации", полного разрушения государственной собственности? Лично для меня это было ясно давно, поскольку во время моих встреч в Гарвардском и других университетах США, имел возможность принимать участие в дискуссиях между представителями двух школ американских экономистов: сторонников Кейнса и Фридмена. Кейнс, как известно, выступал за государственное регулирование рынка. Его теория легла в основу политики Франклина Рузвельта по преодолению депрессий и кризиса. Теория Милтона Фридмена стала идеологическим обоснованием политики Рейгана: неограниченный рынок и резкое сокращение государственных расходов на помощь необеспеченным и непреуспевшим слоям.

Гайдар фанатично поверил Фридмену, и все, что он предлагал и делал, вытекало из этого источника. Забавно, что теперь Фридмен в свою очередь похваливает Гайдара и его максимализм. Не так давно в "Независимой газете" было опубли-

ковано обширное интервью с Милтоном Фридменом под названием “Спасательный круг для России” и с подзаголовком “Социалистическая Америка не пример для подражания”. Без тени юмора он пишет в ней: “Я говорю: не берите Соединенные Штаты как модель для подражания. Не берите Швецию как модель для себя. Такого рода страны превращаются в социалистические. США сегодня становится социалистической страной”[21].

Иными словами, Фридмен считает социалистическими любые страны, где сохраняется государственный сектор в экономике и государственное вмешательство в рыночные отношения. Что тогда говорить о Германии и Франции, в которой этот сектор насчитывает более 20%, или в Австрии - около 40? Фридмен - родной брат Карла Маркса. Оба они черпают свои идеи из одного духовного источника, но делают прямо противоположные выводы. Маркс - полное уничтожение частной собственности, Фридмен - полное отрицание государственной. Один великий проект - Маркса - Россия уже осуществила. Результаты известны. Второй великий проект - Фридмена - мы осуществляем сейчас по воле его российских учеников - Гайдара и его команды. Россия снова стала полем для экспериментов двух экономических братьев - Каина и Авеля, каждый из которых, в отличие от библейских, пытается убить другого.

Фридмен не имеет ничего против и “номенклатурной” приватизации по Гайдару. “Сейчас главное - приватизация... Стало быть, худший (или, скажем, морально нечистый) процесс приватизации выгоднее, чем стояние на месте на одной ноге. И в этом смысле я говорю, что коммунисты, номенклатурщики, аппаратчики, устремившиеся в частный бизнес, - это хорошо, полезно... Если коммунисты хотят добровольно превратиться в капиталистов, пускай перековываются”[21].

Что касается цены реформ - падения производства и обнищания огромной части населения, то это его не волнует, как не волновали Маркса жертвы, необходимые для вступления в коммунистический рай. И там, и здесь торжествуют идеалы грозного бога Ветхого Завета и нет места Христу, доброте и милосердию, изгонявшему из храма как фарисеев, так и торговцев.

Если подвести итог не столько анализу книги “Государство и эволюция”, сколько той практики, которую она пытается оправдать, то придется сказать, что жизнь отвергла гайдаровскую реформу. И ей никогда не суждено воз-

родиться. Однако ущерб, нанесенный этим очередным вывихом исторического пути России, не поддается описанию.

“Сегодня всему наступает пора,

Что бредом казалось вчера.”(Верхарн)[32].

Поистине, прав был Сорель, который утверждал, что “будущее принадлежит неискушенным”[32].

Глава четырнадцатая

КОНСТИТУЦИЯ

1

В одном из зданий древнего Кремля в зале на втором этаже, где раньше проходили заседания Верховного Совета СССР, разогнанного два года назад, идет заседание Конституционного Совещания. На дворе - конец весны 1993 года. Совещание созвано Борисом Ельциным для работы над проектом Конституции РФ, который носил название президентского. Пытаясь угодить Ельцину, составители конституции расширили до неприличия полномочия президента и свели до жалкой роли парламент. В проекте ликвидировались должности, которые в тот момент занимали оппоненты президента: вице-президента (А.Руцкой), Председателя парламента (Р.Хасбулатов), и превращался во второстепенный институт пост председателя Конституционного суда (В.Зорькин).

К Конституционному совещанию различные политики отнеслись по-разному. Некоторые поверили, что более 700 человек, собравшихся в Кремле, коллективно напишут Конституцию, которая даст, наконец, свободу истомленным гражданам России. Другие, прежде всего депутаты российского парламента, рассматривали это как политическую игру, где одна властвующая группа стремится нанести поражение другой.

Я решил игнорировать шахматную баталию сторонников и противников Президента и отнесся к Конституции, как она того заслуживает. Принял участие в работе Совещания с надеждой, что конституционная чехарда, когда каждый новый царь - Ленин, Сталин, Брежнев - преподносит народу свою именную Конституцию, закончилась. Мы не станем готовить Конституцию Ельцина. Мы будем работать над Конституцией свободной России - с таким чувством пришли на Совещание большинство его участников.

Поэтому созванное президентом Собрание, на котором практически отсутствовали его противники, почти единодушно отвергло модель президентской республики латиноамериканского типа и выправило проект. Теперь в нем закреплялась смешанная форма президентской и парламентской республики.

Любопытно и другое. Конституционное Собрание удивительно напоминало работу Комиссии над "Наказом" царицы Екатерины II, созванной ею в 1767 году. Прошло более двух столетий, но как мало изменились нравы, да и политическая культура российских людей.

Начать с того, что оба документа - и "Наказ", и проект Конституции - были предложены обществу от имени верховных правителей. В наше время, которое называют демократией, оказалось недостаточным представить проект основного закона просто от имени группы экспертов или депутатов. Нет, как и в старину, нужно было осветить его авторитетом государя.

Модель подбора участников и работы Собрания была почти та же, что и модель Комиссии Екатерины. В Собрании было представлено пять секций по сословно-бюрократическому признаку: от партий и общественных организаций (партийная элита); от республик и регионов, входящих в Россию (властная региональная элита); от местного самоуправления (местная элита); от бизнесменов и руководителей промышленности (экономическая элита); от правительственных учреждений Федерации (бюрократическая элита). Комиссия Екатерины сильно выигрывала от сравнения с Собранием. Собрание назначалось президентом, Комиссия же избиралась сословиями, в нее входили представители правительственных учреждений, дворян - землевладельцев, горожан - домохозяев, свободных крестьян, национальных меньшинств. Сохранение сословного признака при формировании Конституционного Собрания - показатель менталитета президента и его команды. Это фундаментализм, быть может, не вполне осознанный, генетический, но тем более характерный.

Другое, не менее важное совпадение относится к содержанию "Наказа" и проекта Конституции. И тот, и другой представляют собой открытую компиляцию из западных источников. Екатерина, которая называла книгу Монтескье "О духе законов" молитвенником государей, позаимствовала из нее 294 статьи из 655, вошедших в "Наказ". Еще 104 статьи она взяла в

почти не измененном виде из сочинений итальянского криминалиста Беккариа, а остальные - из французской энциклопедии и работ немецких публицистов [27].

Президентский проект Конституции тоже компиляция без учета особенностей России в нынешний период. Раздел о правах человека переписан из документов, принятых ООН и другими международными организациями. Разделение властей - президента, парламента, суда - внешне ближе всего стоит к французской Конституции 1955 года, принятой по предложению генерала Де Голля. И только статьи, относящиеся к Федеративному устройству, не имеют прямых аналогов, поскольку аналогов не имеет сама Федерация. Она состоит из национальных республик, имеющих свои конституции, президентов и парламента, и областей, которые подчиняются центральному правительству и не имеют суверенных прав (В настоящее время наряду с республиками субъектами Федерации являются области, а также два города с особым статусом: Москва и Санкт-Петербург. Всего насчитывается 89 субъектов Федерации).

В "Наказе" Екатерины мы находим предтечу тех либеральных идей, которые включены в проект Конституции. "Наказ" прокламировал равенство граждан перед законом, государственную вольность, то есть политическую свободу, веротерпимость, отказ от пыток, от наказания за слова, а не действия. "Гонение, - говорится в "Наказе", - человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестокие сердца"[27]. Впервые за всю историю России "Наказ" говорил об ответственности правительства перед гражданами. Это было прямым покушением на традиционное представление о божественном происхождении царской власти.

Но, как и следовало ожидать, работа Комиссии Екатерины закончилась ничем. Либеральные западные идеи выглядели, как заплатка на элегантном фраке. К нему еще надо было привыкать не одно столетие.

Непроизвольно возникал вопрос: не ждет ли такая же судьба Конституцию России? Не станет ли она лишь фасадом здания, внутри которого идет совершенно другая жизнь, не похожая на нарисованные картинки? Гарантии - это главный вопрос, и он не получил ответа ни в тексте Конституции, ни в ходе дискуссии, посвященной ей.

Мне было приятно и забавно участвовать в работе нашей секции, куда входили 170 представителей партий и обществен-

ных организаций. Приятно потому, что снова сидел в том же зале с полукруглыми креслами, где два года назад заседал Верховный Совет СССР. Забавно потому, что работа над текстом Конституции проходила в стиле оперного пения. Участники, стоя у микрофонов, расставленных в зале, предлагали свои поправки к статьям Конституции, при этом приходили нередко в большое возбуждение и полемический азарт. Как сейчас вижу бойкую дамочку, которая представляла общество дизайнеров. Она буквально подпрыгивала у микрофона от страстного желания редактировать каждую статью, хотя никаких профессиональных знаний, необходимых для этого занятия, не имела и судила обо всем по-житейски, понаслышке. Впрочем, было немало деятелей, хорошо владевших предметом. Кроме того, в работе Совещания участвовала большая группа квалифицированных экспертов - юристов и политологов.

Больше всего меня поразила группа, представлявшая зародившийся слой деловых людей. До этих пор я мало встречался с ними. Мои впечатления о бизнесменах ограничивались невольным соприкосновением с мелкими лавочниками, с торговцами с рук на улицах.

Здесь, на Совещании, я увидел финансовую и отчасти предпринимательскую элиту. Эти люди понравились мне и удивили меня. Хорошо образованные. Знающие, что они хотят от государства и правительства. С сильными характерами и чувством независимости, порожденным владением большим капиталом. Это еще не Морозовы, Путиловы и Рябушинские, которые составляли цвет нашей промышленной буржуазии в начале века, но это уже люди, близкие к их имиджу.

Секция бизнесменов была интернациональная. Русские, грузины, греки, чеченцы, евреи - никакой дискриминации. Все они были единодушны в отношении трех вещей. Право частной собственности священно и неотчуждаемо. Государству нужны и президент, и парламент - как на Западе. Российская Федерация должна быть устроена так, чтобы товары, люди и идеи не имели барьеров на пути из одного региона в другой.

Но вернемся в нашу секцию, она этого заслуживает. Полторы сотни людей из партий и общественных организаций с самыми экзотическими наименованиями. Вот представители партии "Демократическая Россия". Это они начинали революцию против Союза ССР. Это они выдвинули Декларацию о суверенитете России, которая дала сигнал всем бывшим респу-

бликам Союза начать то же самое. Позднее это было названо Б.Ельциным парадом суверенитетов. В августе 1991 года они энергично выступили против незадачливых организаторов водевильного путча и взяли всю власть в России в свои руки. правда, ценой развала Союза.

Два представителя "Демократической России" - Г.Старовойтова и Е.Салье - занимали самые радикальные позиции на Совещании. Первая настаивала на том, что президент должен ввести новую Конституцию своим указом, минуя парламент. Вторая предлагала сделать президента и главой государства, и главой правительства, установить род авторитарной власти, без которой, по ее мнению, невозможен переход к рынку.

Женщины в политике России почему-то почти всегда находились на самых крайних, экстремистских позициях. Спиридонова, левая эсерка, организовала террористические акты против царской администрации. Каплан стреляла в Ленина и тяжело ранила его. Старовойтова, избранная в парламент СССР от Нагорного Карабаха, требовала передачи этого региона из Азербайджана в Армению, что стимулировало начало кровопролитной войны между ними. Она сыграла большую роль в развале СССР, пропагандируя право каждой нации на самоопределение и выхода из СССР или из республик после его ликвидации. Это означало бы создание на территории Союза чуть ли не 50 государств. Такую же позицию с присущей ей энергией и нетерпимостью пропагандировала Елена Боннэр. Нельзя, однако, механически переносить опыт создания Израиля - необходимый и уникальный - на совершенно иные условия России.

На Совещании активно выступал В.Жириновский - председатель либерально-демократической партии. Он занимал крайние позиции в партийном спектре России - призывал к переделу территории бывшего СССР по губернскому принципу построения государства царской России, к "возвращению" России Крыма, одной трети Украины, половины Казахстана, значительной части Прибалтики - всех регионов, где большинство составляет русское население. Но на Совещании он вел себя сравнительно сдержанно.

Будучи неплохо образован, Жириновский со знанием дела участвовал в дискуссиях и даже снискал благоволение Бориса Ельцина, сравнив Конституцию с горьким лекарством, которое приходится принимать больному обществу. Он выступал

за возврат к унитарному государству в России, за установление авторитарной президентской власти. Таким образом, и радикальные демократы, и националисты склонялись к диктатуре, отвергнутой обществом в период перестройки Горбачева.

Я спросил у Жириновского, чем вызваны его безответственные призывы к переделу границ бывшего Союза и, в целом, его экстремизм - для образованного политика это странная позиция. Он ответил: надо заострять проблему, если вы будете выступать, как профессор на ученом совете, никто вас не услышит. Из беседы с ним я понял, что он нередко намеренно эпатирует общественное мнение. Именно это принесло ему 8% избирательских голосов во время выборов президента России и еще больший успех на выборах в Государственную Думу в декабре 1993 года.

Большая группа участников Совещания была представлена центристами во главе с А.Вольским. Бывший помощник Ю.Андропова, Вольский проделал значительную эволюцию в своих взглядах. Он отказался от коммунистической идеологии и стал активным сторонником парламентаризма и того, что он называет "регулируемым рынком". Это умеренный демократ, человек взвешенных суждений, противник правого и левого экстремизма.

На Совещании он отстаивал разделение президентской и парламентской власти в западном духе. Особенно его волновал вопрос о смешанной собственности - частной, государственной, кооперативной, муниципальной - в течение всего переходного периода к рыночной экономике.

Самостоятельную группу составляли представители профсоюзов. Возникшее в последние годы множество профсоюзных объединений конкурируют между собой. Но здесь они выступали вместе, добиваясь включения в Конституцию статей, направленных на социальную защиту граждан: право на обеспечение работой, на пособие по безработице, на государственную помощь бедным слоям, пенсионерам, врачам, учителям. Их идея-фикс была - закрепить в Конституции право законодательной инициативы за профсоюзами.

Заслуживает упоминания и группа правозащитников, которая играла важную роль на Совещании. Ей удалось включить в текст Конституции многие нормы, присущие западному законодательству.

Около ста партий России стояли перед трудной пробле-

мой. По отдельности подавляющее большинство из них не может набрать необходимое число голосов избирателей, чтобы получить право выдвижения своих кандидатов. Поэтому нужны были блоки, объединения, коалиции. Идеальным решением было бы создание трех блоков - демократов, центра и коммунистов. Но палитра партий настолько пестрая, что очень трудно свести ее к простым знаменателям.

Примечательной группой на Совещании были представители так называемых субъектов Федерации. Большая группа территорий - области, края, автономные области внутри Федерации. Эта вторая группа не получила тогда статуса, который завоевали национальные республики. А это ключевой вопрос для обиженных регионов. В конце концов, они готовы примириться, что у них не будет своей Конституции. Но в экономике они добиваются тех же прав, которые имеют республики: владеть и распоряжаться землей, ресурсами, заводами и фабриками, иметь те же льготы при уплате налогов, что и национальные республики. Вопрос об уравнивании в правах территорий и республик стал главным в Конституции. Борьба шла как раз между представителями центральной власти и субъектами Федерации.

Республики и регионы были представлены на Совещании высокопоставленными должностными лицами: президентами, руководителями администрации. Их называли баронами. И не случайно. Эта группа потребовала, чтобы верхняя палата будущего парламента - Совет Федерации - формировалась не путем выборов, а по должностям руководителей республик и регионов. При этом Совету Федерации отводилась бы, по их замыслу, основная роль в парламенте, фактический контроль над нижней палатой - Государственной Думой, избираемой всенародно.

Другие секции не пошли навстречу этим претензиям и бароны уехали недовольными. Собственно, обе стороны были раздражены - представители республик тем, что территориальные регионы требовали уравнивания в правах с ними, а последние тем, что полного уравнивания так и не удалось добиться. Президент пытался примирить интересы. Вначале он ставил вопрос о парафировании проекта Конституции всеми субъектами Федерации, но потом отказался от этого и просто отправил проект к ним на согласование.

Самое удивительное, что при таком разнообразии интересов и взглядов в итоге удалось договориться. Проект Консти-

туции общими силами был подготовлен. Конечно, у каждого из нас осталось недовольство теми или иными статьями проекта, но в целом работу завершить удалось.

Однако нельзя не отметить, что за короткий срок произошла радикальная перемена в общественных настроениях. Всего пять лет назад большинство политически активных людей выступало за сохранение советской системы, которой хотели придать демократизм и эффективность.

На Конституционном Совещании большинство политиков сошлось на том, что России - стране обширной, многонациональной, с отсталой политической культурой - нужна сильная президентская власть с широкими полномочиями, как в США или во Франции. Но не в меньшей, а, быть может, в гораздо большей степени, чем в этих странах, России нужны гарантии против личной власти. Надо ли говорить, что жадное вожделение имперских полномочий было и остается феноменом русского политического человека, как и вера избирательской массы в личность царя, как бы его ни называли - генсеком или президентом. Гарантии против нового культа и режима личной власти - едва ли не главная цель Конституции. Поэтому так важно было закрепить в ней четкий баланс власти между президентом и парламентом.

По первоначальному проекту Конституции функции бывшего Политбюро фактически возлагались на одного человека - президента. Различие состояло в том, что этот человек избирается народом. Ну а после избрания? Разве не может проснуться в его душе традиционная тяга россиянина к абсолютизации власти? Парламент не может быть сведен к царской думе, работающей по принципу: "Царь приказал - дума приговорила". Это должен быть орган с широкими полномочиями и функциями контроля за исполнительной властью.

Участники Конституционного Совещания дружно утвердили три важных изменения в первоначальном проекте. Оставили право Президента на роспуск парламента только в случае, когда последний не может утвердить правительство, и то - не более двух раз. Сохранив импичмент, предусмотрели четкую и сложную процедуру против злоупотреблений им. Закрепили законодательную деятельность за нижней палатой - Государственной Думой. Однако на последнем этапе редакционная комиссия внесла в проект ряд статей, которые определили сильный перекос в сторону президентской власти.

Итак, Конституцию писали непрофессиональные люди.

Почти ни один из участников не читал ни "Духа Законов" Монтескье, ни даже "Наказа" Екатерины Великой. Редко кто заглядывал в зарубежные Конституции. Конечно, помощь юристов-экспертов во многом спасала дело. Но последнее слово принадлежало не им. Поэтому самая трудная проблема - разделение власти между высшими институтами, между Центром и регионами, гарантии личных прав - решались в суете, на глазок, путем компромиссов.

Конституция, которая вышла из такой печи, носит черты угодничества перед президентом. Она фактически ничем не гарантирована кроме его доброй воли.

На этом спор о характере власти в России не завершился. Этот спор идет, в сущности, уже много столетий. Должна ли Россия следовать западным образцам или искать свои формы власти, присущие ей как евразийской державе и отражающей политическую культуру ее народов? Пригодны ли модели западной системы - демократии и рынка - для России? Не будет ли это насильем над русской историей и народами страны, которые живут в другой цивилизации - евроазиатской? Не надо ли искать свои пути в современность и свои формы освоения достижений технологической революции?

Каждый раз, когда возникали дискуссии на Конституционном Совещании по тому или иному конкретному вопросу - права человека, власть президента, роль парламента, федерация, характер правосудия - ораторы снова и снова возвращались к сакраментальному вопросу: кто мы - европейцы, евразийцы, должны ли мы копировать других или продолжать свою историю?

Заключительный этап работы над проектом Конституции достоин пера незабвенного Макиавелли. Все участники были приглашены во Дворец Съездов в Кремле для подписания проекта. Однако многие стали заявлять, что могут подписать его только с оговорками. Тогда Ельцин, который председательствовал за огромным столом на сцене, широко улыбаясь сказал: давайте считать это не актом подписания проекта, а актом участия. Это была чисто византийская шутка. Все тоже заулыбались и... покорно поплелись подписывать. Позднее многие стали доказывать, что окончательная редакция проекта была сделана без них - и это правда. Но правда и то, что демонстрация единства - почти полного - все же состоялась.

21 сентября 1993 года Президент России Борис Ельцин выступил по телевидению с Обращением к народу Федерации. В своем темном костюме он выглядел торжественно и мрачно. Президент сообщил о том, что подписал указ о прекращении деятельности Верховного Совета России и назначил выборы в Государственную Думу - нижнюю палату нового парламента - на 11-12 декабря 1993 года. Президент включил в свой указ поправки к действующей Конституции. Они предусматривали учреждение Государственной Думы наряду с верхней палатой в парламенте - Советом Федерации, в которую входят по должности руководители местных органов власти. Президент ясно отдавал себе отчет в неконституционности этого акта, поскольку роспуск парламента не предусмотрен законом РФ, а поправки к Конституции вправе принимать только Съезд народных депутатов РФ. Но он не видел другого выхода из политического кризиса, охватившего страну.

В ответ на это Верховный совет РФ принял решение отстранить президента Ельцина от занимаемой должности в связи с нарушением Конституции и возложил его обязанности на вице-президента Александра Руцкого. Марионеточный президент пробыл на своем посту чуть больше, чем другой незадачливый вице-президент, Геннадий Янаев, якобы пытавшийся узурпировать власть Михаила Горбачева в период путча в августе 1991 года.

Из тысячи народных депутатов отказались подчиниться около ста пятидесяти. Они объявили себя последним островком свободы и заперлись со своими приверженцами в здании парламента. Оставались они там во время пожара, охватившего мятежное здание Дома Советов. Так завершилась история советской власти, установленной коммунистами в октябре 1917 года. Парадокс заключался в том, что носителем реакции выглядел парламента, а прогресса - президент.

Другой парадокс проявился в том, что признанным символом демократии стал бывший член высшего руководства компартии Ельцин, а мятежниками - выходец из сосланных Сталиным в Среднюю Азию чеченцев Хасбулатов и дважды исключенный из компартии Руцкой. Все эти деятели вместе пришли к власти в России, долгое время сотрудничали, а потом разошлись и вступили в отчаянную схватку друг с другом.

Таковы гримасы русской демократии.

Что происходит с нашей демократией? Почему так трудно

приживается парламент на российской земле? Распустили первый и последний парламент Советского Союза - теперь пришла очередь России. И за ее пределами, в государствах бывшего СССР, этот западный институт пока не обрел стабильности. В Грузии за два дня до указа Ельцина было объявлено чрезвычайное положение и приостановлена деятельность парламента. В Средней Азии, как и в Азербайджане и Молдавии, президенты твердо контролируют парламента. Только в Прибалтике этот институт занял более прочное место. Симптоматично и другое: президентами, которые берут верх над парламентами, выступают все те же, давно знакомые нам лица, - бывшие члены руководства компартии, распушенной, казалось бы, навсегда после провала путча.

Президент США и другие руководители западных стран энергично поддержали акцию президента Ельцина. Точно также они раньше не выразили протеста в связи с незаконным роспуском Верховного Совета СССР. По-видимому, на Западе созревает ощущение, что парламентарная демократия не очень приживается в посткоммунистической России.

Мне трудно понять и смириться с тем, что у нас никак не может прижиться парламент - цивилизованная форма власти. Вся моя деятельность прошла под знаком борьбы за парламентарную демократию. Еще в 50-х годах, в пору хрущевской оттепели, я писал - с риском для своей биографии - о необходимости постоянно работающего парламента СССР [12].

Становление парламента сопровождалось обострением политической борьбы. С одной стороны, президент Ельцин провел совещание с представителями исполнительной власти регионов России по поводу формирования Совета Федерации и организации досрочных выборов парламента. С другой - спикер Верховного Совета РФ Хасбулатов провел совещание с членами Президиума ВС по поводу защиты конституционного строя в России и предотвращения авторитарной власти.

Каждый или почти каждый день телевидение сообщало подробности о коррупции членов правительства - первого вице-премьера В.Шумейко и других или их оппонента вице-президента А.Руцкого, что впоследствии было опровергнуто. На бедные головы телезрителей обрушивался поток взаимных обвинений представителей, как их принято называть, двух ветвей власти - президента и парламента. Если бы это не сопровождалось злобными страстями, можно было бы думать, что разыгрывается грандиозный политический спектакль для от-

влечения населения от забот повседневной борьбы за выживание. Трудно было понять, в чем предмет спора. Складывалось впечатление, что ведется жесткая борьба за власть, а не за выработку определенной политики.

Ельцин и Хасбулатов были самыми близкими соратниками на всем пути к власти и особенно в период августовского путча 1991 года. И, когда между ними неожиданно разгорелся конфликт, все думали, что это очередная византийская мистификация. Потом стали думать, что происходит столкновение двух линий - радикальных реформ и более эволюционных преобразований. Но затем Ельцин сам сдвинулся к центру, освободился от правительства Гайдара, и реальный предмет борьбы стал таять. И тогда в общественном мнении все больше стало складываться убеждение: идет борьба двух групп внутри новой элиты, сплотившейся вокруг Хасбулатова и вокруг Ельцина.

Подобная борьба досталась как традиция от коммунистической и докоммунистической власти. Напомню, что Сталин превосходно воспользовался этим методом на своем пути к власти. Уже в 20-х годах он создал и сплотил клику внутри ЦК и сокрушил всех соперников в Политбюро. Этот прием использовал и Хрущев для закулисной победы над противниками, и Брежнев для победы над Хрущевым.

Сейчас условия борьбы изменились. Возникла процедура выборов, большую роль играют средства массовой информации, народная масса также время от времени включается в борьбу посредством митингов и забастовок. Но, поскольку партии пока представляют собой малые группы элит без массовой базы и четких программ, фактически сохраняется прежний стиль. Только борьба бульдогов, которая раньше происходила в глубокой тайне, стала публичной. И потому она приобрела особенно уродливые формы. Сегодня прокурор РФ выливает ушат помоев на представителя правительства, завтра пресс-секретарь президента делает то же самое с прокурором. Разворачивается нелепый детектив - он в одно и то же время удручает и развлекает избирателей.

Традиционная черта этой драчки - отнятие "благ" - удар ниже пояса. При царях у попавших в опалу прежде всего отнимали поместье, при генсекретарях отнимали должность, а с ней и все "блага". Сейчас, когда невозможно сразу отнять должность (если она выборная или не зависит от правительства), - отнимают привилегии. Жертвой такой игры не раз

становился вице-президент Руцкой. Вначале у него отняли почти всю охрану, заменили личную машину, перестали пропускать людей в его резиденцию в Кремле. Потом вообще закрыли доступ в его кремлевский кабинет. У Председателя Конституционного суда, который не раз выступал против Ельцина, отняли дачу. Когда борьба достигла особой остроты, Ельцин издал указ о том, чтобы "приостановить" деятельность вице-президента Руцкого и первого вице-преьера Шумейко, репутация которого была сильно подмочена публикациями в печати. Это решение тут же было оспорено парламентом, правда, только в отношении Руцкого, который сотрудничал с Хасбулатовым, и дело передали на рассмотрение Конституционного суда. Накануне указа президента о роспуске парламента Шумейко специальным решением президента был возвращен на прежнее место в Правительстве.

Так выглядит картина русской демократии, раздираемой вульгарной политической культурой. Понадобится немалое время и приход новых поколений политиков, чтобы преодолеть эту застарелую болезнь.

Соперничающие группы на политическом Олимпе зеркально отражали не только структуру власти, но и зарождающееся гражданское общество. Оно выходит на свет как шестимесячный ребенок - уродец без блока морали в голове или как сиамский близнец, в котором неразрывно срослись тела рыночных и государственных мафий.

Вероятно, все это, в меньшей или большей степени, было неизбежно как результат крушения тоталитарного общества. Но живущим поколениям не становится легче от понимания шагов истории, которая стучит копытами по их головам. Так жить нельзя - был лейтмотив всей перестройки Горбачева. Ельцин предпринял героическую попытку совершить скачок в другую жизнь. Но пока на другой берег попала небольшая часть населения, остальные повисли над пропастью.

Все это побудило президента принять экстраординарное решение - распустить парламент, назначить новые выборы и открыть путь к новой демократической Конституции.

Если упростить дело, то причина конфликта двух властей, который закончился кровавой трагедией, была следующей. Ельцин хотел иметь полную свободу рук для осуществления реформ - назначать и сменять правительство, министров, издавать указы, играющие роль законов, контролировать парламент. Хасбулатов, его ставленник и ближайший помощник в

период путча 1991 года, сумел добиться от депутатов таких полномочий для президента и на период одного года (с конца 1991 до конца 1992 годов) Ельцин ими пользовался. Но ход реформ - чудовищная инфляция, обнищание народа, падение производства - напугал парламент, а коммунистических депутатов - сверх того и бурный переход к капиталистическому рынку. Под влиянием парламента Хасбулатов, зависящий от его воли, заметался и стал ограничивать чрезвычайные полномочия президента, используя парламент. Именно это стало первоначальной субъективной причиной конфликта, который, пройдя через фазу попытки импичмента президенту, принял необратимый характер. Дальше уже пошла стенка на стенку, кто кого, и в этой обстановке державная воля президента неизбежно должна была взять верх. Так произошло, когда был распущен парламент СССР в 1991 году, когда было распущено Учредительное собрание в 1918 году, когда была распущена Государственная Дума в 1905 году. Так было раньше в России, так осталось и сейчас.

3

Обстрел Дома Советов начался в 10 часов утра 4 октября 1993 года. Танки расстреливали в упор здание, где был расположен парламент России. В 11 часов десантники заняли пять этажей так называемого Белого Дома. В 17 часов начался массовый исход его обитателей. Вечером сдались Председатель Верховного Совета РФ Руслан Хасбулатов и вице-президент Александр Руцкой, их препроводили в тюрьму как мятежников, которые первыми пустили в ход оружие, пытаясь захватить телецентр и Московскую мэрию.

Расстрел из танков парламента, дымное зарево пожара над Белым Домом, стрельба снайперов с крыш близстоящих зданий прямо по толпе, арест председателя парламента, вице-президента, других руководящих деятелей государства - все это беспрецедентное событие в истории России и всего человечества. Сам по себе роспуск парламента - вещь довольно обычная. Так было несколько раз в нашей стране, а в других государствах Европы это предусмотрено конституционной процедурой. Но драма, за которой, затаив дыхание, следила вся Москва, вся Россия, да что там - весь мир - это нечто неслыханное. Тем более важно понять мотивы и объяснения самого Ельцина, поскольку случившееся приоткрывает его пси-

хологию не в меньшей, а даже в большей степени, чем оборона Белого Дома в августе 1991 года. Там была вынужденная позиция, вызванная действиями противоположной стороны. Здесь он держал инициативу в собственных руках, сам сделал выбор, пошел на него сознательно, определив на многие годы характер власти России.

Обратимся к "Запискам президента", где достаточно полно и откровенно отражено душевное состояние Ельцина в критический момент его жизни. Сам Ельцин будто бы дает ключ к пониманию глубинных истоков событий 3-4 октября. Он называет главу, которая посвящена этому, "Черная полоса". Понятие, которое, видимо, засело в его сознании, - парламентский капкан. Он чувствовал себя, начиная со второй половины 1992 года, как волк, который попал в капкан и не может вытащить из него ногу.

Иностранное слово импичмент, которое и депутаты Верховного Совета Российской Федерации, да и сам президент с большим трудом научились выговаривать, стало кошмаром для всей президентской команды. Шантаж импичментом, насильственным позорным отстранением становится в борьбе с президентом главным оружием Хасбулатова и всего парламента в целом. Эта угроза воспринималась Ельциным как дело не только реальное, но и неизбежное, если не принять превентивных мер, и оценивалась в духе простой схемы: "Это была борьба против президента, борьба за власть... Если говорить еще более точно - это была долгая, тщательно продуманная попытка переворота"[23].

Ельцин справедливо отмечает конституционную двусмысленность, на которую он прежде не обращал внимание. Дело в том, что, когда он сам был избран Председателем Верховного Совета России, парламент определил широкие полномочия, закрепленные за Председателем. Они выходили далеко за рамки традиционной роли спикера в западных парламентах, регулирующего процедуру дискуссий и принятий решений. Фактически Председателю ВС России были даны права, которые приближали его к роли главы государства. Делалось это продуманно и сознательно с целью наделить Ельцина необходимыми полномочиями во властном состязании с президентом СССР Горбачевым.

Коренная конституционная ошибка состояла в том, что после избрания Ельцина президентом России не были внесены абсолютно необходимые поправки, касающиеся прерогатив

председателя Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета России. Получилось так, что Р.Хасбулатов автоматически обрел те права, которые прежде имел Ельцин. Согласно Конституции, Хасбулатов мог претендовать на изрядный кусок той власти, которая принадлежит президенту.

Ельцин, выросший на партийных традициях, лучше других понимал личностную сторону этой проблемы. В партийном аппарате гуляла такая шутка: звонят какому-то партийному руководителю, приглашают в зарубежную поездку. Первый вопрос, который он задает: "А кто во главе?" И если "во главе" не он, то следует отказ. Первым движением Ельцина, естественно, была попытка договориться с Хасбулатовым, своим выдвиженцем, дабы еще раз внушить, что "во главе" находится не спикер, а президент, и предложить занять более скромное место на пьедестале. Их встреча 6 ноября 1992 года, описанная в книге, как раз дает представление об очередной попытке компромисса, а точнее, попытке указать Хасбулатову на его место. "Внутреннее напряжение было чрезвычайно высоко, - замечает Ельцин. - Каждый хотел быть лидером. Меня к этому обязывает, так сказать, служебное положение. У него, как мне кажется, это какая-то природная страсть"[23].

Любопытное толкование дает Ельцин слову "импичмент". Он ставит вопрос: чем, собственно, страшно это слово. Ведь в конечном счете Верховный Совет не может освободить президента, который избран всенародно. Но здесь есть тонкость. "Для нашего народа именно слово имеет мистическое значение. - Такая у нас у русских психология. Не импичмента я боялся, а именно простого русского глагола - "сняли". Или еще как-нибудь похлеще" [23].

Это вскользь сделанное замечание обнаруживает одно из главных качеств Ельцина как политика, а, быть может, один из основных источников его успехов в борьбе за власть - интуитивное понимание психологии российских людей. Внешне, со своим медвежьим взглядом маленьких глаз исподлобья, он кажется человеком прямолинейным, упрямым, бескомпромиссным. На самом деле, ему присуще это качество, которое было заметно у Брежнева. Только здесь оно выражено с во много раз большей силой. Отчасти это объясняется тем, что Ельцин, как и другие советские политические лидеры, выходец из простой среды, из народа. Но только отчасти. На самом деле это генетическое свойство, которое присуще немногим. Человек вроде как кожей чувствует реакцию окружающих и осо-

бенно массовую реакцию на те или иные действия. Ельцин прав: если бы он дал себя снять даже формально простым актом голосования депутатов, это сразу сломало бы сложившийся в народе его образ - человека сильного, созданного, чтобы побеждать. Во всех случаях ему нужна была победа. Шла ли речь о спорте, о волейболе, теннисе, об изнурительном состязании с Горбачевым или конфликте с Хасбулатовым, Руцким, Зорькиным, всем съездом народных депутатов.

Переломным психологическим моментом для Ельцина стал, надо думать, VII Съезд народных депутатов России в декабре 1992 года. Он пошел на максимальные уступки съезду, согласившись на рейтинговое голосование по поводу главы правительства. Депутатские фракции выдвинули два десятка фамилий, из которых президент выбрал 5 человек: Скокова, Черномырдина, Гайдара, Каданникова и Шумейко. Скоков по рейтинговому голосованию собрал 637 голосов, Черномырдин 621, Гайдар 400. Ельцин имел возможность настоять на кандидатуре Гайдара, но не пошел на это. Думаю, что в этом случае он руководствовался не только интуицией, понимая, насколько трудно будет Гайдару работать с парламентом, но и тем, что реформа молодых радикалов зашла в тупик и требовался новый человек и новый подход. Выбор Черномырдина - одно из самых удачных решений Ельцина за весь период его правления. Черномырдин продолжил реформы, постепенно поворачивая экономику в сторону стабилизации, и, что еще важнее для Ельцина, - это многократно отмечается в его книге, - он оказался поразительно надежным человеком.

Но компромисс дался Ельцину с колоссальным трудом. Сама обстановка на съезде, когда десятки депутатов требовали его ухода, не стесняясь в выражениях, переживалась им как новый виток травли, впервые в полном объеме испытанной при освобождении с поста руководителя московской парторганизации.

Ельцин рассказывает, как вечером 9 ноября он вернулся на дачу, рванул в баню, заперся, лег на спину, закрыл глаза, "Мысли, честно говоря, всякие, не хорошо, очень не хорошо. Вытащил меня из этого жуткого состояния Александр Васильевич Коржаков. Смог как-то открыть дверь в баню, уговорил вернуться в дом. Ну, в общем, помог по-человечески" [23]. Действительно, важный штрих - могучему темпераменту Ельцина так трудно давался компромисс. Видимо, главная борьба, которую он вел всю жизнь, касалась даже не внешних про-

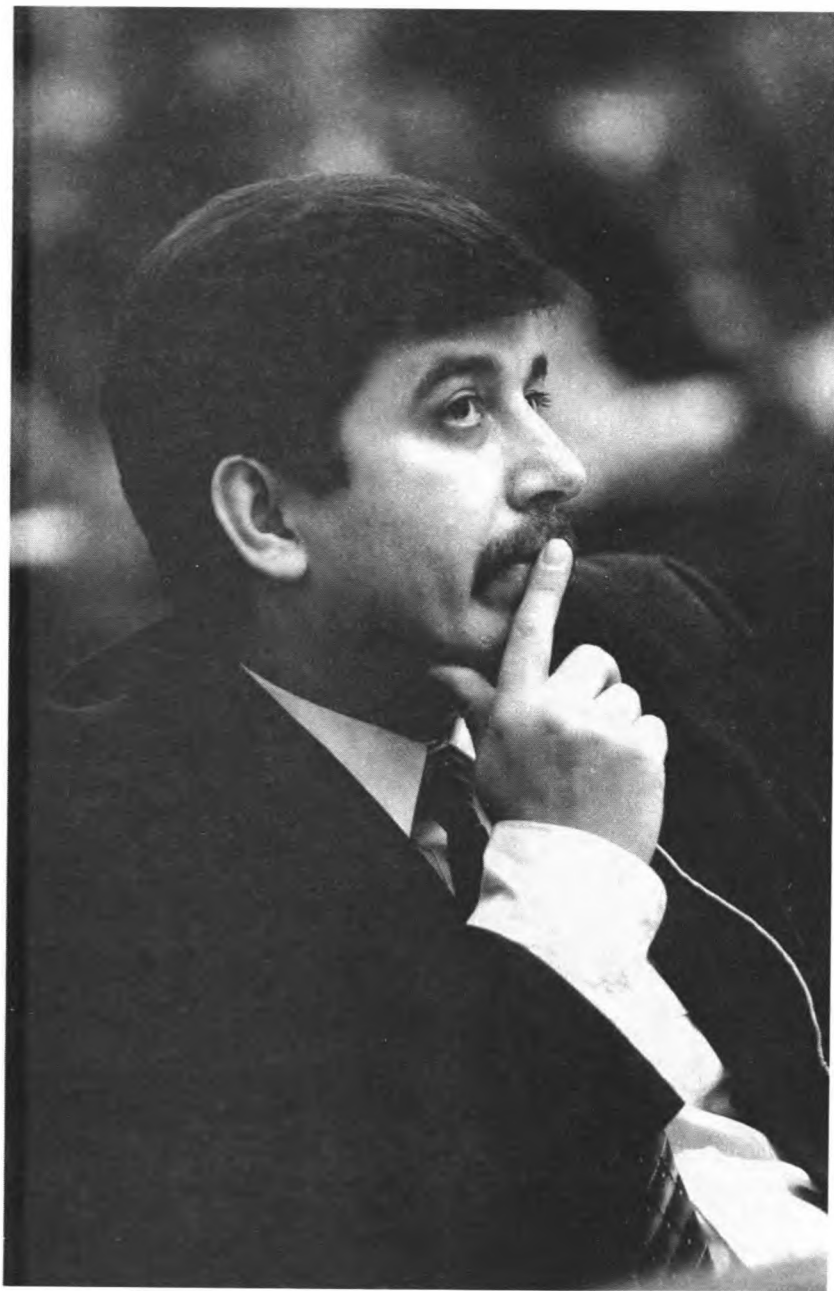
Ф.Бурлацкий и американский писатель К.Воннегут.
Нью-Йорк. 1992 г.

Б.Ельцин и президент США Дж.Буш. Москва. Январь 1993 г.

В.Черномырдин. IX съезд народных депутатов России. Москва.Март 1993 г.

С.Шахрай, заместитель председателя Совета Министров.
Москва. Март 1993 г.

Б.Ельцин и С.Шушкевич. Минск. Апрель 1993 г.

Б.Ельцин и президент США Б.Клинтон. Москва. Январь 1994 г.

Б.Ельцин и президент США Б. Клинтон. Неаполь. Июль 1994 г.

Б.Ельцин и канцлер ФРГ Г.Коль. Берлин. Август 1994 г.

Б.Ельцин и премьер-министр Великобритании
Д.Мейджор. Лондон. Сентябрь 1994 г.

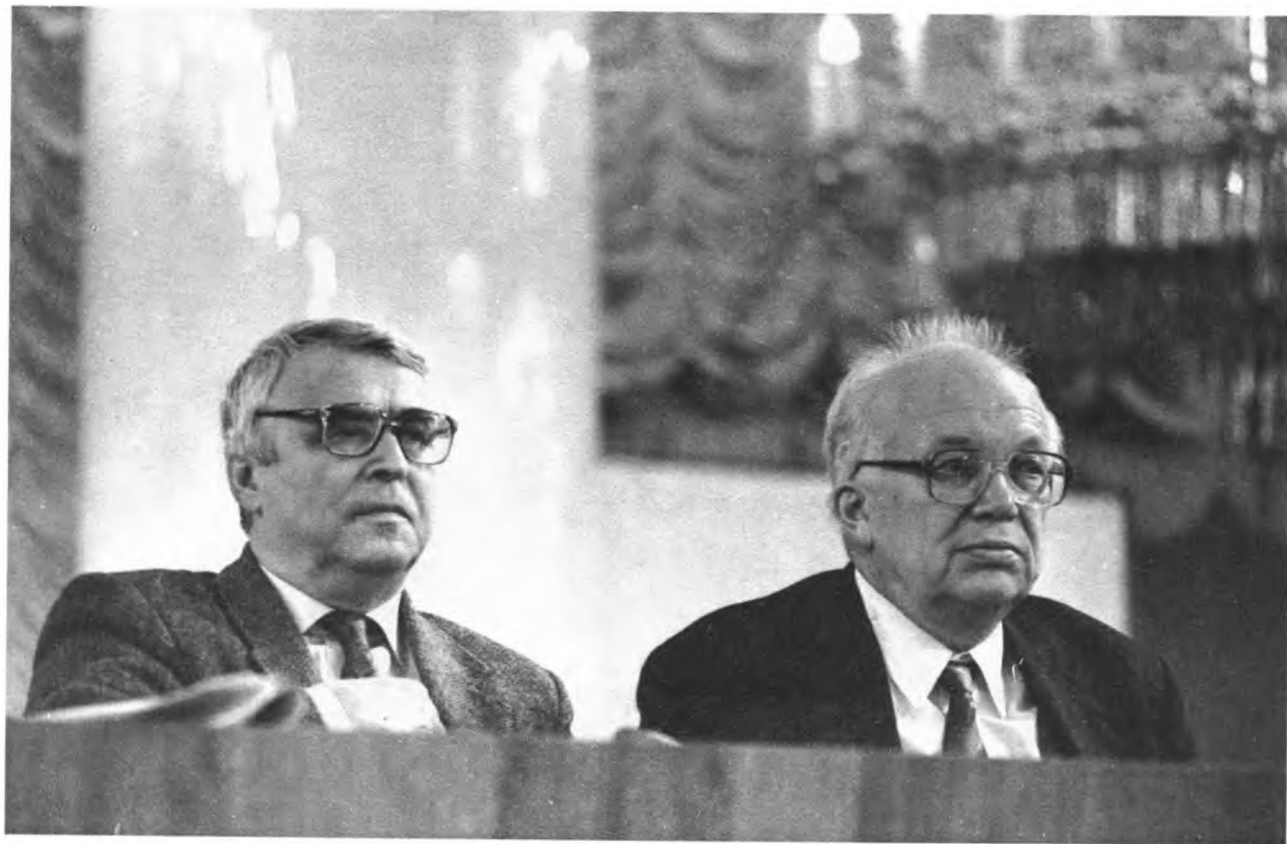

Б.Ельцин и королева Великобритании Елизавета II. Москва. Октябрь 1994 г.

Наина Иосифовна Ельцина. Москва. Декабрь 1994 г.

Ф.Бурлацкий и Сергей Хрущев на заседании, посвященном столетию со дня рождения Н.Хрущева. Москва. 1994 г.

Б.Ельцин и А.Коржаков. Казань. 1994 г.

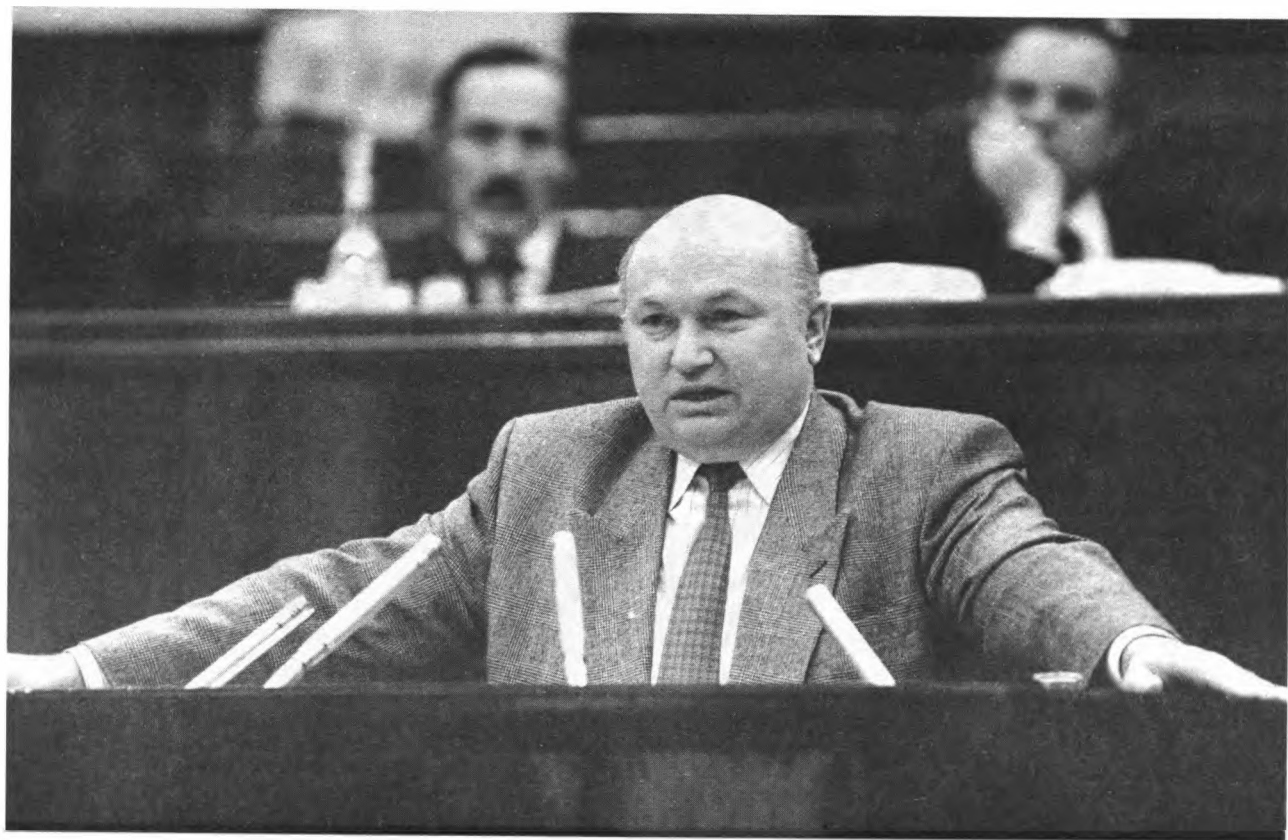

Б.Ельцин, В.Черномырдин, И.Рыбкин, В.Шумейко. Кремль. Февраль 1995 г.

Б.Ельцин и президент Белоруссии А.Лукашенко. Минск. Февраль 1995 г.

Юрий Лужков, мэр Москвы. Москва. 1995 г.

тивников, а его внутреннего состояния, преодоления своего упрямого нежелания посчитаться с окружающим миром, больше того, стремления любой ценой подчинить этот мир себе.

Любопытно, что именно в тот момент пришло озарение - обратиться к народу с референдумом. Кто прав: президент или парламент? Собственно, идею референдума предлагали ему специалисты и раньше, но только в одной специфической постановке - распустать или не распустать парламент. Но тут родилась другая мысль - испросить у народа вотум доверия к президенту и его реформам. Идея референдума оказалась большой политической удачей Ельцина. Интуиция его опять не подвела. Он пошел ва-банк и выиграл референдум. Как известно, большинство принявших участие в голосовании высказалось не только за доверие к президенту, но и поддержало его реформы. Это был неожиданный подарок судьбы. Не вполне объяснимый с точки зрения отношения большинства населения к разорительным экспериментам Гайдара. Победа на референдуме дала президенту мощный стимул уверенности в неизбежности победы над парламентом. Дальше уже было дело техники - какой сценарий выбрать, какой механизм пустить в ход.

Мог ли Ельцин ужиться с прежним парламентом? Думаю, что все-таки мог. Решающее значение для его окончательного взрыва имел сговор Хасбулатова с Зорькиным, в котором участвовал и Руцкой. Позиция Председателя Конституционного Суда была последней каплей, которая подтолкнула Ельцина на роковой путь. В условиях этого тройственного союза импичмент из абстрактной угрозы превращался в реальность. Если бы Съезд народных депутатов России проголосовал за устранение президента и это решение было освящено Конституционным Судом, а Ельцин не согласился с таким решением, столкновение властей стало бы еще более кровавым, могло действительно привести к гражданской войне. Руцкой в ту пору в частных беседах со многими деятелями из "Гражданского Союза" шепотом называл число военных округов, которые в острой политической ситуации готовы выступить на его стороне, на стороне парламента. Трудно сказать, было ли это правдой, но так или иначе запах пороха носился в воздухе.

Еще несколько слов к вопросу о психологических мотивах Указа от 21 сентября 1993 года. Как известно, Ельцин принял решение распустить парламент за несколько месяцев до этого

указа, и сам указ готовился им в полной тайне даже от ближайших помощников. Это было сугубо личное решение, выношенное в глубине сердца, выстраданное в полемике, борьбе, перенесенных оскорблениях со стороны депутатов. Кульминационным моментом, по его признанию, явилось первое заседание Конституционного Сопещения 5 июля 1993 года. Я был участником этого заседания и хорошо помню обстановку. По моим ощущениям, дело выглядело не как драма, а как фарс.

Президент торжественно восседал на председательском месте на сцене, Хасбулатову было отведено кресло в зале в первом ряду, крайнее слева, а Зорькину - крайнее справа. Их рассадили, как школьников, чтобы они не смогли столкнуться по ходу дела.

Нелепый эпизод произошел с выносом тела депутата Слободкина, который кричал, бросался к трибуне, требуя слова. Охрана попросту выволокла его из зала. После доклада Ельцина слово попросил Хасбулатов. Это не было предусмотрено регламентом. Тем не менее он попытался занять трибуну, однако зал поднял такой шум, что ему пришлось вначале вернуться на место, затем покинуть помещение. И как раз в этот момент, как утверждает Ельцин, к нему пришло решение, что надо кончать с парламентом. "Я вдруг окончательно понял: сегодня у меня появилось непреодолимое желание разогнать всю эту компанию" [23].

Возникает вопрос, почему именно тогда появилось это чувство? Почему это не произошло на VII-VIII Съездах народных депутатов, когда Ельцин действительно подвергался оскорблениям и унижениям, не принятым ни в одном парламенте мира? Объясняется это просто. В ту пору Ельцин был в позиции слабости, но после референдума, в обстановке лояльного к нему, в значительной степени даже преданного Конституционного Сопещения он обрел силу. Он почувствовал перевес. Мяч был подброшен вверх над сеткой, оставалось только ударить и выиграть всю партию. Искал ли для себя Ельцин самооправдания для той жестокой акции, которую он наметил предпринять? Он прекрасно знал, что согласно действующей Конституции не имеет никаких юридических оснований для роспуска парламента.

Думаю, что в глубине души это его не тревожило и даже не имело для него существенного значения. Он вырос на партийных учебниках, когда логика борьбы неизбежно вела к сакра-

ментальному вопросу - кто кого? По этой логике действовал сам Ленин, ею руководствовался Сталин. На нее опирался Хрущев. Если дело доходит до драки, торжествует только один принцип: бей первым, Фредди! И тут для Ельцина вопросов уже не было. Когда он для себя твердо решил, что Хасбулатов, Зорькин и Руцкой - это враги, все остальное следовало само собой.

Правда, в "Записках президента" Ельцин пытается найти какую-то мотивировку для публикации. Но сообщает о ней как бы мимоходом, понимая, с одной стороны, ее слабость, с другой - ненужность.

"Был ли я прав тогда, вопреки уговорам многих, принимая этот указ? - спрашивает президент. - Указ N 1400 от 21 сентября, который должен покончить с разрушительным двоевластием. С одной стороны - президент, избранный народом, с другой - советы, составленные по партийным спискам. Не по спискам нынешних партий. А по спискам единой непобедимой могущественной КПСС. Будущее покажет. А пока - я поступаю так, как считаю необходимым. Опираясь на логику событий, опираясь, в конечном счете, на свой собственный опыт и понимание... В конце концов все должно подчиниться одному, четко обозначенному принципу, закону, установлению. Грубо говоря, кто-то в стране должен быть главным. Вот и все" [23].

Здесь мы дошли и до сути. Кто "во главе"? Психологически такой подход ничем не отличается от представлений всех прежних вождей России, включая эпоху реформации. Это один из наиболее устойчивых феноменов русской политической культуры. Мы можем тысячу раз осуждать его, апеллируя к западному опыту. Мы можем без конца ссылаться на теорию разделения властей Монтескье, на конституционные ограничения. Но этот простой принцип в нашей стране не преодолим - ни сейчас, ни в обозримом будущем.

Кто-то должен быть "хозяином" в государстве. Можно назвать этот феномен советским синдромом, можно объяснять его особенностями гигантской страны, над которой всегда нависала угроза распада. Можно ссылаться на генетические свойства русского человека, который отразился в домострое внутри семьи, автоматически распространив такой же принцип на все государство. Но Ельцин действовал и думал абсолютно в духе традиций. Не случайно народ в своем большинстве реагировал на кровавую драму 4 октября как на нечто объяснимое и даже неизбежное. Народ интуитивно схва-

тывал ситуацию: если пошла стенка на стенку, то кто-то должен уступить или потерпеть поражение. Этот "кто-то" не президент, который воплощал традиционное представление о единстве государства, а шумный, непривычный, не доказавший своей полезности парламент с изменившим президенту председателем - Хасбулатовым.

Повторяю, доводы Ельцина о том, что он избран народом, а депутаты нет, никаких оснований не имеют. Президент и парламент избирались в период существования СССР. Если говорить о легитимности, то после разрушения Союза ССР возникшее новое российское государство незамедлительно нуждалось в торжественном акте избрания высших органов власти, прежде всего парламента и президента. На это никто не хотел идти. Власть продлила свое нелегитимное существование. Это касается и президента, избранного в качестве главы одной из советских республик, правда, получившего уже в новое время дополнительный вотум доверия народа. Поэтому ссылки Ельцина на народную волю не убедительны. Он действовал скорее по принципу, который когда-то в период коллективизации провозгласил Сталин. Вы помните: если целесообразность приходит в противоречие с законом, то надо отложить закон в сторону. Ельцин отложил в сторону закон, приняв самое трудное решение в своей жизни.

4

Референдум 21 апреля 1993 года, который дал победу Ельцину, оказался психологическим бумерангом. Казалось, должно бы произойти нечто обратное: Ельцин упрочил свою власть и мог легче справляться с Верховным Советом, который не в состоянии даже был проголосовать за его импичмент. Но произошло противоположное. Референдум подтолкнул Ельцина к крайнему шагу.

Думаю, что здесь отразилось явление чисто русской политической культуры. Мы медленно запрягаем, но ездим быстро. Решение о том, чтобы пуститься в путь, принимаем с оглядкой, неторопливо и даже с ленцой. Но чуть поехали, давай, быстреей, даешь вскачь. Как писал Пушкин: нам 20 лет, скачи, телега, мы рады голову сломать...

Опираясь на референдум, Ельцин уже тогда решил добить своих противников. Позднее были пущены в ход политические аргументы - разрушение Советов, разгром красно-коричневых.

Но они не имели большой цены. Не думаю, что в момент, когда Ельцин принял решение о роспуске Верховного Совета, он рассчитывал получить парламент с подавляющим перевесом своих сторонников. И действительно, в результате выборов 12 декабря 1993 года соотношение сил в парламенте не изменилось в его пользу. То, на что он рассчитывал и рассчитал правильно, - это, во-первых, избавиться от прямых и закоренелых врагов, которые сгруппировались вокруг Хасбулатова, и, во-вторых, дать урок парламенту, сделать его ручным. Последнюю цель удалось бы достигнуть, утвердив новую Конституцию, которая предоставила президенту основные прерогативы власти и резко ограничила роль и возможности парламента в отношении контроля за его действиями. Президент, в конечном счете, достиг своих целей.

Конституционное Совещание было одной из находок президента. Составленное по корпоративному принципу оно продемонстрировало, что представители самых разнообразных политических течений потянулись за Ельциным. Здесь только отчасти сыграло роль понимание необходимости покончить с прежней Конституцией и перевернуть окончательно последнюю страницу советского государства. Главное в другом: магия власти, магия победителя. После референдума психологическая проблема - кто кого - была решена в пользу президента. Люди России привыкли считаться с силой, а сила была у президента.

Механизм подготовки драматического решения 21 сентября приоткрывает глубинные черты характера Ельцина и истоки его политического стиля. Он сам признается, что человек он скрытный. Рассказывает эпизод, как началось его психологическое неприятие Руцкого. Совсем не потому, что тот не разделял его принципиальные позиции. Все началось с мелкого штришка, когда Руцкой как-то сделал замечание Ельцину по поводу... его ботинок. Странно сказать, но это крайне задело Ельцина - как попытка вторжения во внутренний мир, куда не пускают никого. Такие же эпизоды имели место в общении Ельцина с Хасбулатовым и другими.

Ельцин - натура скрытная, способная к коварству, и скорее не в византийском духе, как это присуще было стилю Горбачева, а в каком-то сибирском, монгольском, точнее сказать, азиатском. В этом проявляется большая сила характера, но в то же время кроются серьезные угрозы. Скрытный человек напоминает бульдога, который не лает, зато, если вцепится, то

мертвой хваткой. Ельцин вообще не говорлив, но в момент высшего напряжения весь уходит в себя.

Президент сообщает, что внутреннее решение о роспуске парламента он принял уже летом, но ни с кем не делился своими соображениями, даже с ближайшими помощниками. Бесповоротное решение созрело в начале сентября. И о нем не знал никто. Никто не догадывался даже в самом ближайшем окружении, что принципиальный выбор сделан и сделан окончательно. Ельцин нес в себе эту бомбу один. Как она не разорвала его сердце...

Затем он пригласил помощника и дал ему четкое задание: в течение недели подготовить указ, распределить работу между исполнителями так, чтобы каждый из них знал только свою часть, но не ее главную цель - роспуск парламента.

Затем 17 сентября 1993 года Ельцин собрал в Подмоскowie, в Ново-Огареве, министра обороны Грачева, министра внутренних дел Ёрина, исполняющего обязанности руководителя службы безопасности Галушко, министра иностранных дел Козырева. Посадил их за стол, затем медленно и внятно прочел весь указ. Ждал с некоторым беспокойством реакции, но каждый сказал, что полностью согласен с мерами, намеченными президентом. Андрей Козырев даже пошутил, произнеся тихим голосом: "У меня есть важное замечание. Я с одним принципиальным моментом не согласен..." И затем, выдержав паузу, продолжил: "Надо было давным-давно такой указ принимать"[23].

Тогда же была намечена дата объявления указа - 19 сентября. Ельцин предложил следующий план действий. В 20.00 - телетрансляция, его обращение к народу, части дивизии Дзержинского берут под контроль Белый Дом (Дом Советов). В выходной день он пуст, и никаких проблем не должно возникнуть. Там горы оружия. Заняв Белый Дом, решается задача роспуска Верховного Совета и исключается возможность сорваться съезду.

Схема была четкая, хорошо продуманная, но, как уже не раз бывало в критических ситуациях, произошли непредвиденные сбои, которые привели к кровавой развязке. Странный сбой во времени объявления указа - не 19-го, а 21-го - направил события по роковому руслу. Ельцин предвидел тактику парламента. Он полагал, что съезд объявит ему импичмент и признает президентом Руцкого. Однако был уверен, что поддержки в России этот "политический балаган" не получит.

Каковы были первые шаги президента после объявления указа 21 сентября и адекватной бурной реакции Хасбулатова, Руцкого, Макашова, Зорькина, всего Верховного Совета России? Станным образом повторилось то, что происходило в период путча 19-21 августа 1991 года, - двоевластие. Но тогда двоевластие длилось всего 3 дня. Старая власть в Кремле была вынуждена уступить новой власти в Белом Доме. Теперь двоевластие длилось около двух недель. Положение сторон поменялось.

Все помнят эти события и нет нужды их пересказывать. Толпы народа у Белого Дома, милиция, блокирование здания войсками МВД, стычки, конфликты, кровь на улицах. Как долго могло продолжаться противостояние? Эта странная пауза действительно грозила неуправляемым широкомаштабным конфликтом, который мог перерасти в гражданскую войну. Ельцин стоял перед выбором - идти до конца и применить вооруженную силу для подавления оппозиции или пойти на соглашение, уступить и найти компромисс. Авторитетные люди склоняли его ко второму варианту. Его Святейшество патриарх Всея Руси Алексей II возглавил процесс переговоров, которые шли в Даниловом монастыре.

Однако Ельцин отверг соглашение - и в период путча, и в отношениях с Горбачевым, и в других случаях впоследствии. Он всегда считал, что надо идти до конца. Только полная победа, какая бы цена за это ни была уплачена. В ситуации, когда дело дошло до драки, он не признает половинчатых решений. Добить противника - единственный способ восстановить мир на новой основе.

Этой чертой характера Ельцин напоминает Ленина и Сталина. Если даже оппонент его вчерашний друг и помощник, он все равно не испытывает к нему никакого сочувствия. Ему даже на минуту трудно встать на точку зрения человека, который выступает против него. Удивительная вера в свою правоту: тот, кто против меня, всегда неправ и заслуживает только наказания.

Напомню, что во время работы в Свердловском и особенно в Московском обкоме партии у Ельцина проявилось данное качество - жесткость к людям. В какой-то степени она объяснялась требовательностью к самому себе и к окружению. Но в не меньшей степени - это доминирующее свойство характера. Крутой нрав. Не ведает жалости ни к себе, ни к другим. Целесообразность и логика борьбы, по его мнению, не знают сан-

тиментов.

Во многих местах книги Ельцин возвращается к вопросу о том, что государство, демократия, любая власть, президент должны быть готовыми применить силу для самозащиты и наведения порядка. "Еще один проблемный пласт, породивший беду. Неумение и боязнь применить силу. Продуманного плана действий на случай мятежа, чрезвычайного положения, локального конфликта у нас не было. И надо в этом честно признаться. Такой план можно разработать только на основании реального опыта. Никакого опыта широкомасштабных чрезвычайных положений в этой стране не было" [23].

Ельцин ищет объяснения такому проявлению слабости и находит его в том, что в России достаточно было диктатур, революций, гражданских войн и террора. В этом, по его мнению, причина слабости организаторов путча, которые не рискнули использовать силу. Призрак сталинизма все еще довлел над душами людей и отвращение к пролитию крови сохраняло свою силу.

Известно, что силовые решения, намеченные Ельциным, столкнулись с неожиданным противодействием с той стороны, с которой Ельцин его не ждал. В обществе, в том числе в его военных структурах, за несколько лет произошли огромные перемены. Возникло незнакомое прежде чувство личной ответственности за осуществление приказа руководства. Был момент, когда Ельцина охватило чувство страха за неповиновение военных. Он чуть не стал жертвой тех принципов, которые сам провозгласил с таким шумом 19 августа 1991 года: солдаты, офицеры, представители органов безопасности, милиции не должны подчиняться преступному приказу. Это новая норма, неслыханная в прежние времена, глубоко запала в сознание людей из силовых ведомств.

Напомню, с чего начинаются "Записки президента" - с драматического эпизода, который произошел 4 октября в разгар кризиса. Около 5 часов утра к президенту пришли начальник Главного управления охраны Кремля М.Барсуков и его первый заместитель А.Коржаков. Они просили президента встретиться с офицерами спецгрупп "Альфа" и "Вымпел". Вначале президент отказался, а затем, после вторичной просьбы, дал согласие. Он направился на третий этаж Кремля, где собрались офицеры. "Я шел к ним, - отмечает Ельцин, - а чувство тревоги, беспокойства, безнадежной тоски не покидало меня... Решил не тянуть резину, сразу спросил: "Вы готовы выполнить

приказ президента?" В ответ - молчание, жуткое необъяснимое молчание элитного президентского воинского формирования. Фактически отказались принимать участие в операции. Они сказали, что не для того готовились, чтобы в безоружных машинисток стрелять. Удалось только уговорить нескольких добровольцев из "Альфы" сесть в БМП и подойти к зданию Белого Дома. И здесь произошла драма. Один из офицеров "Альфы" выскочил из машины и попал под выстрел снайпера. После того, как бойцы узнали, что погиб их товарищ, вся команда пошла на Белый Дом. Вошли внутрь здания во главе с М.Барсуковым и А.Коржаковым. Он (Коржаков) посчитал и, видимо, правильно, что самой лучшей гарантией моей безопасности станет арест руководителей путча - Хасбулатова, Руцкого, Макашова, Ачалова" [23].

Очень странная история в пересказе президента. Первое, не очень понятно, чьи были снайперы. До сих пор существует две версии: одна - снайперами являлись защитники Белого Дома, другая - снайперы были посажены на крыши окрестных домов атакующими силами. Еще одна странность - неясно, кто отдал приказ об аресте руководителей Белого Дома. Неужели Коржаков это сделал по собственному усмотрению? Затем арестованные прочно и надолго были заключены в тюрьму. Трудно поверить, что решение принималось не на самом высоком уровне. Но что представляется бесспорной правдой - значение сигнала "первая кровь". Кто прольет первую кровь, на того и ляжет вся ответственность за последующие смертоубийства.

Кто пролил первую кровь - вопрос до нынешнего времени остается невыясненным. И там, и здесь были экстремисты, которые хотели победы любой ценой. И они сыграли самую ужасную роль в ходе вооруженного столкновения. Атака на мэрию, поход в Останкино, даже если это было спровоцировано, лежат на совести Хасбулатова и Руцкого. Это дало последний повод для расстрела Белого Дома, чего нельзя было допускать ни при каких условиях. Ужасающий по своей жестокости обстрел из танков. Жертвы, прежде всего, не со стороны депутатов, а со стороны совершенно невинных людей из числа наивных защитников либо даже работников общепита и секретариата. И прецедент. В России снова русские люди стали стрелять в русских людей. Нашему поколению шестидесятников казалось, что при нашей жизни это не будет вообще, не повторится никогда.

Немалую психологическую роль сыграло влияние на Ельцина таких новичков в политике, как Гайдар, Бурбулис, Чубайс. Это они пустили в ход понятие “красно-коричневые”, разделив весь разнообразный политический спектр на две группы - друзей и врагов. Между тем давно уже было отмечено, что “новичок в политике, как и новичок в естественных науках, подобен живописцу, знающему только две краски, белую и черную, или, если угодно, черно-белую и красную” (К.Маркс) [32].

Заключительный акт этой гражданской трагедии оставил президента почти что в полном одиночестве. Окружающие его люди и деятели, за малым исключением, взвалили все бремя ответственности только на него. По словам президента, утром 3 октября - это было воскресенье - он приехал на работу и заслушал сообщение, что все еще идут переговоры при посредничестве церкви и патриарха. Вечером, когда он уехал, дома его настигла информация М.Барсукова о резком обострении ситуации у Белого Дома - о смятых кордонах милиции, об идущем штурме здания мэрии, о том, что блокирующего кольца вокруг Белого Дома уже не существует. “Я выслушал его, - пишет Ельцин, - сердце в груди забухало, подумал про себя: Господи, неужели началось... Они пошли на то, во что мы не верили до последнего, они переступили черту, которую русские люди никогда не должны были переступить. Они начали войну. Войну самую страшную” [23]. Так информация, умело и во время преподнесенная, предопределяет роковой ход событий.

Ельцин отвергает распространенное в печати утверждение о том, что был несколько часов в растерянности. И совершенно напрасно. Угроза гражданской войны в такой стране, как Россия, не может не вызвать эмоционального стресса. Напротив, Ельцин же сообщает, что дал немедленное предписание подготовить указ о введении чрезвычайного положения в Москве. Уже в 6 часов утра в тот же день указ был подписан. По этому указу милиция и другие силовые органы получили предписание использовать боевое оружие. На специальном вертолете Ельцин прибыл из своей загородной резиденции в Кремль. “Снова судьба страны повисла на волоске”, - отмечает Ельцин. Армия еще не вошла в Москву; милиция была не готова к штурму. Президент несколько раз получал сообщения от Павла Грачева о том, что войска уже находятся в Москве. Однако проверка показала, что это не так.

Самое примечательное событие, по сообщению Ельцина, произошло в министерстве обороны. Шло заседание Коллегии. Руководил им Черномырдин. Поздно ночью на заседание приехал Ельцин. Здесь он понял, что войска не выполняют его задания о блокировании Белого Дома и подготовке к штурму. "Все мы оказались заложниками красивой формулы - армия вне политики, - пишет Ельцин, - и гордимся этим глубоко демократическим лозунгом"[23]. А теперь оказывается, что армия фактически отказывается выполнять приказы президента.

Армия не имела четкого плана штурма Белого Дома. Все опасались огромных жертв. Тогда неожиданно такой план был предложен Александром Коржаковым. Он привел офицера, который советовал сначала использовать танки, обстрелять из них Белый Дом, парализовать волю его обитателей к сопротивлению, затем пустить десантные войска, которые создадут прикрытие для спецподразделений. И, наконец,, последним ударом станет включение спецгрупп "Альфы" и "Вымпела". План был принят почти без обсуждения. И тогда случилось самое непредвиденное. Министр обороны Грачев фактически попросил письменный приказ о том, что на него возлагается руководство операцией. Ельцин пообещал издать такой приказ и, отправившись в Кремль, тут же подписал его и переслал Грачеву. На следующий день план штурма Белого Дома был выполнен. Зрелище горящего здания, слухи о смерти находившихся там ни в чем неповинных людей, в том числе обманутых - все это было как ужасный сон, предвестник новых испытаний несчастной России.

"Октябрьская революция 1993 года успешно завершилась". Такой ироничной фразой завершает Ельцин описание трагических событий.

Я подробно остановился на изложении той версии октябрьской трагедии, которую приводит президент в своей книге. Не привожу здесь свидетельств противоположной стороны - их много и они выглядят не менее убедительно. Не делаю этого по двум причинам. Первая - в связи с тем, что специально организованная Государственной Думой Комиссия по расследованию событий 3-4 октября 1993 года была распущена, а деятельность ее прекращена. Дума пошла на это в обмен на согласие президента выпустить из Лефортовской тюрьмы узников, взятых в Белом Доме. Комиссия должна была восстановить подлинную картину происшедших событий и определить меру ответственности за виток к гражданской войне всех

участников. Ни одному из авторов, в том числе и мне, не под силу сегодня провести объективное расследование.

Другая причина - специфичность задачи, которую я перед собой ставил. Меня больше всего интересовало, что происходило с самим президентом, каковы были психологические и политические мотивы его поступков, чтобы понять, чего можно ждать от него в будущем и какое место он занимает в истории реформации.

В связи с этим еще несколько слов о Ельцине в момент, если использовать его собственное выражение, "второй октябрьской революции". Прежде всего мы видим человека абсолютно уверенного в своей правоте. Откуда черпал Ельцин эту уверенность? Если следовать его объяснениям, то из глубокой убежденности, что он представляет собой и своей деятельностью новую Россию, которая порывает с жестоким коммунистическим прошлым и осуществляет прорыв в демократическое будущее.

Во многих местах книги, в том числе и в связи с названными событиями, он возвращается к мысли о некой предначертанности, почти мистическом характере своей роли в истории страны и своей деятельности в момент ее тяжких испытаний. Можно двояко относиться к такой самооценке. Если смотреть на нее глазами Макса Вебера, то здесь обнаруживается в ярком виде то, что он назвал харизмой и что до сих пор не имеет никакого рационального объяснения. Историческая личность верит в свое предначертание, и вслед за ней в это начинают верить другие.

Может быть и иное объяснение данного феномена. Куда более простое - идеологический фанатизм. Ленин верил в мировую коммунистическую революцию, в превосходство новой системы над капитализмом. Осколки такого фанатизма можно было найти и у Хрущева, и даже у Горбачева. Это некая идеологическая ослепленность. И если там - у прежних коммунистических вождей - она была обращена в сторону коммунизма, то сейчас она изменила вектор направленности, знак минус на плюс, обратилась в сторону демократии, рынка, свободы, любых других ценностей, которые пришли в Россию с Запада. Не думаю, что Ельцин был не искренен, оправдывая свою жажду личной власти высокими мотивами. Нет, решиться на расстрел здания парламента в центре Москвы на глазах всего мира - для этого недостаточно быть зоологическим властолюбцем. Здесь необходимы и убеждения, и ослепление ими.

Неплохую службу Ельцину сослужило его генетическое стремление к победе - победе любой ценой. "Записки президента" резко отличаются от "Исповеди" своей тональностью. "Исповедь" была прекрасным образцом страдания преследуемого человека и деятеля. "Записки" имеют совсем иную окраску, тональность победителя. Это книга торжествующего Ельцина, которому удалось повергнуть своих врагов. И это плохая тональность. Нельзя торжествовать победу над другой группой российских людей: как говорил юродивый в "Борисе Годунове" - богородица не велит. Тем более, когда речь идет о тех, кого Ельцин сам вытащил из небытия: о Хасбулатове и Руцком. Вытащил и посадил на пьедестал. И за которых он несет личную ответственность перед народом. Кстати, в книге нет ни слова по этому поводу. Ельцин так увлечен процессом борьбы, что совершенно упустил из виду вопрос о том, кто виноват в приходе этих людей к власти. Это вообще довольно странное свойство его стиля руководителя - забывать о своих предыдущих словах и делах. Он привел не только названных людей, но и радикальных демократов - Бурбулиса, Гайдара, Полторанина и им подобных, а потом отказался от них, не говоря ни слова о допущенных ошибках.

Ельцин, несомненно, государственный человек. Он многократно демонстрировал чувство ответственности за судьбы России и брал на себя личную ответственность за те или иные решения. Но в отношении кадров почему-то у него такого чувства нет. И это огромный пробел в психологии лидера.

И еще одно. Своей способностью легко применять насилие Ельцин резко отличается от Горбачева. Тот опасался малейших подозрений об использовании насильственных мер, будь то в Прибалтике, Грузии или в других регионах. Ельцин действовал с открытым забралом. И в этом смысле он больше похож на Хрущева, который ни минуты не колеблясь осуществил жестокую и кровавую акцию в Венгрии в 1956 году. Говорит ли это о том, что Ельцин по натуре не мягкий, не добрый, а жестокий, безжалостный, равнодушный к судьбам тех, которые оказываются жертвами политических решений, - трудно сказать. Но факт остается фактом. По объективным результатам своих действий он в истории скорее будет назван Борисом Крутым, чем Борисом-демократом. Ибо эта черта его деятельности является определяющей. В ней наиболее емко обнаруживаются особенности его характера и стиля поведения.

Глава пятнадцатая

ДЕМОКРАТОР

1

Два знаменательных юбилея пересеклись между собой в начале 1995 года: десятилетие перестройки и немногим больше 40 лет с момента смерти Сталина, что открыло эпоху реформации страны. Однако ни Хрущев, ни Горбачев, ни Ельцин так и не смогли дать разумный ответ на главный вопрос - куда они ведут Россию?

Оглядываясь на десятилетия, прожитые в трясучей лихорадке страхов, надежд, разочарований, часто думаешь, что все мы стали жертвами какого-то вселенского заговора коммунистических вождей. Хрущев, Горбачев, Ельцин. И второй, и третий, и четвертый эшелон - все оттуда же, из высшей или средней начальственной страты, в лучшем случае более молодые и нередко более жадные до власти и собственности.

Посмотрите, какая мимикрия, какая уникальная способность оседлать любую волну, которая выносит на желанный берег, на очередной пьедестал. Нужно было быть ленинцами - были, демократами - стали, националистами - явились, рыночниками - пожалуйста. Нужно жить в системе государственных привилегий - хорошо; захватывать банки, заводы, наживаться на продаже нефти, газа, золота - прекрасно. Все отдать государству - все отнять у государства. Разделиться на республики - интегрироваться. Вчера воевать за границей, в Афганистане, сегодня воевать в России, в Чечне. Какая гибкая элита! Мне часто кажется, что когда бывшие члены Политбюро и ЦК КПСС собираются вместе на совещания СНГ, они, как римские авгуры, в душе смеются над простодушным народом, который так ничего и не понял в их властных играх.

Коммунистическая комедия. Кровавая и бескровная. Искренняя и лживая. Революционная и реформаторская. При

всех вождях, во все времена - превыше всего личная власть. Народ, мужественный и терпеливый, - воск в руках вождей, исполнитель их воли, "голосователь" и покорная жертва. Благородная лошадь под ловким, безжалостным наездником.

Но довольно горечи. Попробуем без эмоций оценить итоги сорокалетия и особенно упомянутого знаменательного юбилея.

1985 - 1995 годы. По аналогии с эпохой Хрущева (1953-1964), которая получила в народе ироническое прозвище "славного десятилетия", эпоха Горбачева и Ельцина может быть с тем же чувством названа "великим десятилетием". Ибо величие в истории больше связывалось не с тем, что построено, создано, оставлено, а с тем, что разрушено - Великая Французская Революция, Великая Октябрьская, Наполеон, Гитлер, Сталин...

Что у нас разрушено, видно всем. Вот простой перечень: разрушено великое российское государство - СССР, полуразрушена армия, экономика, культура, система образования и здравоохранения. Разрушены внешние политические союзы и экономические связи. Словом, все, что попало под горячую руку нашим Лютеру и Кальвину, подверглось могучему цунами.

Но это одна сторона сорокалетия. Другая - великое высвобождение от ига сталинизма и однопартийной диктатуры. Оно странным образом стимулировалось самой бюрократией, которая боялась возвращения к репрессиям против своего слоя и в то же время стремилась сохранить свое господство в новых, современных формах. Для этого ей пришлось пойти на неизбежные уступки народным ожиданиям, особенно движениям либеральной интеллигенции, а впоследствии на изменения самой системы, конечно, при условии, что новая система так же верно будет служить бюрократии.

Можно говорить о трех основных этапах реформации в России (прежде в Советском Союзе). Первый - оттепель и начало весны в период Хрущева. Тогда был нанесен мощный удар по режиму личной диктаторской власти и созданы гарантии против рецидива сталинизма. Второй - период Горбачева. Тогда был впервые избран парламент, ликвидирована монополия власти одной коммунистической партии, приняты законы о свободе политических организаций, средств массовой информации, религии, передвижения идей и людей. Третий - период Ельцина. Роспуск прежней компартии, ликвидация си-

стемы Советов, распад Союза СССР, избрание российского парламента, расширение экономической свободы, начало перехода к рыночной системе. Острое столкновение между президентом и прежним советским парламентом привело к кровавой развязке в октябре 1993 года, но удалось предотвратить гражданскую войну и утвердить новую Конституцию Российской Федерации. Но куда вести Россию?

Выбор ложных путей - это какое-то сатанинское наваждение, фата-моргана наших государей в XX веке, независимо от того, как их называли - императоры, генсекретари, президенты. Николай II имел реальную возможность установить конституционную монархию и обеспечить великий подъем России. Но упустил исторический шанс и сам стал трагической жертвой последующего переворота. Ленин бросил Россию на заклятие мировой коммунистической революции и только перед самой смертью стал понимать всю обреченность этого чудовищного эксперимента. Сталин после кровавой бани в отношении коммунистической элиты и всего народа попытался в конце жизни повернуть страну на традиционный путь великодержавия. Наступившая после него эпоха великой реформации тоже не разрешилась какой-то общенациональной идеей, способной осветить наш путь в будущее.

Хрущев мечтал за 20 лет перегнуть Америку по производству и уровню жизни. Горбачев - построить социализм с человеческим лицом. Ельцин до сих пор не заявил, куда мы идем. Ясно, что не к социализму или коммунизму. Но неясно куда.

Духовный вакуум заполнили две идеи, провозглашенные Рональдом Рейганом во время его визита в Москву: демократия и рынок. Демократия стала сладким сном Горбачева, Рынок - путеводной звездой Ельцина. Горбачев пробудился от сна без короны на голове в нескольких комнатах своего Фонда. Нынешний президент, кажется, пробуждается уже сейчас, еще до того, когда новые игроки попытаются переместить его в Фонд Ельцина.

Многие поверили Рейгану и в другом - Советская Россия, даже после Сталина, остается империей зла. Поэтому нужно разрушить до основания все, что пришло из ее прошлого - не только коммунистического, но и со времен великой империи. Смотрите, как легко перечеркнули нашу роль во второй мировой войне, как исказили, кто первым создал атомную бомбу, кто начал ядерную гонку, кто продолжает вооружаться до сих

пор. И задачу поставили под статью - изменить душу нашего народа, взрастив на месте homo soveticus "новых русских". Впрочем, нам не в чем упрекать самого г-на Рейгана. Мог ли он предвидеть, что прекрасные сами по себе идеи демократии и рынка будут так же извращены в России, как прежде были деформированы идеи равенства и братства?

Всех коммунистических лидеров отличала склонность к радикальным, быстрым преобразованиям, независимо от жертв, которые они требуют. Сталин назвал коллективизацию "революцией сверху" и "вторым Октябрем". Сейчас мы находимся в круге третьем - эпицентре "третьего Октября", третьей революции сверху. Это не революция буржуазного сословия, как было во Франции в XVIII веке и как не состоялось в феврале 1917 года у нас. Это, по преимуществу, бюрократическая революция. Ее отличает приход к власти более молодой и, главным образом, провинциальной чиновной элиты, их превращение во владельцев и распорядителей прежним государственным достоянием, их двусмысленный союз с биржевиками, банкирами и торговцами, а нередко и с организованными преступными группами. Эволюция учреждений и нравов, о которой мечтал Пушкин, была отвергнута вождями, воспитанными на идеологии революционных скачков и насильственных экспериментов.

В каком же государстве мы живем спустя сорок лет после начала хрущевских реформ, десять лет от начала горбачевской перестройки и четыре года с момента "самой демократической" революции в России?

Могут ли быть сомнения, что основные рычаги власти сосредоточены в руках одного человека - Президента страны?

Ельцин осуществляет контроль в государстве, и любые существенные изменения определяются прежде всего президентом. Конечно, он подвержен влияниям - и объективных обстоятельств, и своего окружения, и других политических лидеров, и сигналам со стороны руководителей Запада. Но окончательные решения принимает Президент. Чеченская война еще раз показала, что после 4 октября 1993 года, когда был разогнан Верховный Совет России, сложился режим с явно выраженными авторитарными чертами, что закреплено в Конституции Российской Федерации. Режим менее демократичный, чем во Франции в период 5-ой республики де Голля. И причина здесь не просто в чьей-то злой воле, а в политической культуре и элиты, и народа. Чтобы не было путаницы, замечу,

что авторитарный не означает тоталитарный. Авторитаризм вполне совместим и с парламентом при урезанных правах его, и со свободой печати, и с экономической свободой. Концентрация чрезмерной личной власти одного лица - вот важнейший признак этого режима.

Российский президент больше напоминает русских царей, чем западных президентов, российский парламент - Государственную Думу времен императора Николая II, имеющиеся партии - фракции внутри компартии в начальный период Советской власти, а электорат - тех самых людей, что прославляли Сталина и радовались падению сокрушителя его культа Хрущева. Этот режим - причудливая смесь недостроенной конституционной монархии из-за революции 1917 года и коммунистических традиций либерального периода Хрущева-Горбачева.

Решение о войне в Чечне было принято единолично Ельциным. Он нашел мужество заявить об этом публично в разгаре неудавшейся кампании. Президент не посчитался ни с протестами парламента, ни с небывало резкой критикой всех средств массовой информации, ни с критикой и санкциями Запада. Долгое время он отвергал переговоры и упорно добивался полной военной победы над генералом Джохаром Дудаевым. А в итоге после семи месяцев войны вернулись на исходные позиции - о статусе Чечни и о судьбе Дудаева. Как будто и не воевали. Замечу, что еще до начала войны я выступал и по телевидению, и в печати, - с призывами не начинать военные действия, пойти на прямые переговоры с Д. Дудаевым, при необходимости, на время изолировать Чеченскую Республику, а затем предоставить ей любой статус конфедеративного характера в Российской Федерации. После проигранной войны президент Ельцин сам признал, что надо было действовать иначе.

Но авторитаризм европейского типа отличает высокая развитость конституционных и гражданских демократических институтов. Поэтому, по-моему, было бы точнее использовать понятие, которое родилось на более схожей с нашей латиноамериканской почве. Это демократура. Демократическая диктатура. Или, если угодно, диктокрания, то есть диктаторская демократия. Это своеобразная власть избранного народом президента, ограниченная полупарламентом и Конституцией, которыми в критических обстоятельствах президент может пренебречь. Каковы черты нашей российской демократуры?

Хотя сохраняется относительно демократический порядок выборности президента и парламента, главные рычаги власти сосредоточены в руках одного человека. По Конституции президент получил авторитарные права. Он формирует правительство и администрацию в центре и регионах, определяет политику, издает указы, которые ничем не отличаются от законов, руководит единолично армией и другими силовыми министерствами.

Ленин писал в "Завещании", что Сталин сосредоточил в своих руках слишком большую власть, с которой вряд ли может справиться. Но Сталин в 1923 году был со всех сторон обложен другими вождями и институтами. Троцкий, Зиновьев, Бухарин были почти вровень с ним по влиянию на политику, не говоря уже об авторитете в партии. Кроме того, было активное и шумное ЦК, были профсоюзы, да мало ли что еще. Только в 1934 году после уничтожения политических противников Сталин стал единоличным правителем.

Предшественники Ельцина Хрущев, Брежнев, Горбачев никогда не имели такого объема официальных полномочий, как Ельцин, хотя руководили не только государством, но и мощной партией. Они были ограничены 15-18-ю членами Политбюро, 300-ми членами ЦК КПСС, а Горбачев еще и непокорными Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Наконец, руководителями пятнадцати все более независимых республик.

Нынешний президент по самой Конституции свободен от всех таких ограничений. Правящей партии или группы партий нет. Парламент практически не способен не то что освободить его, а даже контролировать его действия.

Особенность демократуры - неформальная власть околопрезидентских учреждений и лиц. Самое очевидное ее порождение - Администрация Президента. В Конституции Российской Федерации она просто упоминается без определения функций. Пережив колебания между французской моделью президентской республики, где президент формально руководит правительством, и американской, где президент по-настоящему управляет администрацией (правительством), мы щедрой рукой создали свою модель - с двумя правительствами. Получилась неразбериха. Указы готовят в Белом Доме на Набережной (Правительство) и на Старой площади (Администрация). Почти так же, как было при Брежневе. Только тогда на Старой площади было формализованное

коллективное руководство. Раз в неделю заседало Политбюро и отдельно Секретариат ЦК. Обсуждали, решали. Брежнев не мог сам подписать решение без прохождения этих процедур. Сама форма указов не использовалась. Она пришла от допетровских времен.

Сейчас никаких четких процедур нет. Как нет и коллективного обсуждения проблем в Администрации. Кто смел, тот и съел. То один, то другой помощник, или советник, или кто-то еще проходят к президенту, лоббируют свои проекты указов. И вот - готово. Парламент принял немногим около 100 законов, в то время как число указов президента перевалило далеко за две тысячи. Потом удивляются, что многие указы не выполняются.

Администрация включает более двух тысяч человек. Это помощники президента? Полноте! У Ленина их было десять вместе с секретарями, у Сталина, когда он только стал Генсеком, тринадцать. По теории управления, руководитель может эффективно управлять не более чем 7 человеками. Значит, это помощники помощников, затем советники последних, затем "ученые евреи" (по Щедрину) при советниках и т.д. Получилась неведомая зверюшка, нечто среднее между ЦК КПСС и политическим правительством. Но кто избирает его главу? Как формируется Администрация? Перед кем несет ответственность?

Президент распорядился уменьшить штат Администрации на одну треть. С таким же успехом можно и на две трети. Но главное не это. Если сохранять Администрацию, то нужен закон с определением прав, обязанностей, механизма формирования и ответственности.

Все более формируется как политическое правительство Совет Безопасности Российской Федерации. Туда входят все "силовые" министры, министр иностранных дел, премьер-министр, председатели двух палат парламента. Но, если президент берет на себя и руководство двумя правительствами, и представительские функции, и согласительные обязанности в отношениях с Федеральным Собранием, и еще координацию с основными партийными группами и общественными движениями, как назвать такую власть?

Другая черта демократуры - раздел власти между демократорами по всей стране. Это губернаторы, администраторы, префекты, другие назначенцы. Их вершину составляет Совет Федерации Российской Федерации. Самоуправление остается

неясной перспективой.

Пока у нас имеется только два института, которые представляют демократическую сторону существующей власти. Это Государственная Дума Российской Федерации и средства массовой информации. Дума использует те права, которые ей представлены Конституцией Российской Федерации, но ее функции резко ограничены в сравнении с парламентами западных стран и теми правами, которые имел Верховный Совет СССР при Горбачеве. Борьба за расширение полномочий Думы - одна из главных задач демократического развития России.

Надо воздать должное депутатам Государственной Думы и ее руководству. И не только за то, что она смогла за короткий срок принять целый ряд важнейших законов, в том числе кодексов страны. Главное ее достижение в том, что несмотря на внутренние конфликты и давление других ветвей власти, Государственная Дума состоялась как институт, и все дискуссии и стычки, происходившие прежде на улицах, локализовались в ее стенах.

Свобода слова - это, пожалуй, одно из самых ощутимых завоеваний нашей демократии. Но ее разлагает коммерция и государственный контроль. Да и пользуются ею прежде всего журналисты, большинство которых сами стали чрезвычайно партийными. Журналисты приняли всерьез шутку о том, что представляют четвертую власть. И заняты почти исключительно описанием власти и властных игр. Информация о жизни народной ничтожно мала. Голос простых людей по-прежнему не слышен в средствах массовой информации. Кто будет защищать их интересы, если это бесплатно и не престижно. А на заводах, фабриках, в кооперативах люди запуганы сильнее, чем прежде, так как находятся в куда большей зависимости. В целом же права человека, торжественно объявленные в Конституции России, остаются, в основном, на бумаге. Они не гарантированы ни судебной защитой, ни материальными условиями.

Бюрократия, Бог с нею, с ее некомпетентностью. Даже с тем, что ее стало намного больше при резком сокращении государственного сектора в экономике. Но куда девалось чувство государственного человека? Чувство долга? Ответственность за судьбу народа? Личная выгода - карьера, деньги - быстро заменила преданность интересам государства. Когда это было, чтобы бывший министр по внешнеэкономическим

связям в одночасье становился одним из самых богатых людей, а бывший министр иностранных дел оставался за рубежом состоятельным бизнесменом, а правозащитник домогался поста вице-премьера со штатом в 300 человек, бронированной машиной, дачей, всеми другими привилегиями?

Демократура не представляет собой исключительно русское явление. Она возникала и угасала во многих странах, осуществлявших радикальные реформы - в Аргентине и Бразилии, в Южной Корее и на Тайване. Но в России она, конечно, имеет свои особые черты, связанные с характером политической элиты, доставшейся от коммунизма, и вековыми традициями авторитарно-патриархальной политической культуры. Демократура как бы вызревает в самой душе россиянина по мере обретения им власти именно потому, что сам он внутренне не свободен. Ибо "человек свободный не стремится властвовать; свобода в равной мере противоположна рабству и господству" (Бонтнмпе-лли) [32].

Была ли неизбежной демократура в России в переходный период? Как в Чили? Как на Тайване? Как в Южной Корее? Вопрос этот спорный и никто не может претендовать на правильный ответ. Говорят: раз произошло, значит, было неизбежно. Так можно оправдать все, что угодно.

Поставим вопрос по-другому. Можно ли было осуществить реформы в России без демократуры? Ответ на этот вопрос более ясен. Одни реформы - нет, другие - да. Реформы, которые идут вразрез с интересами и мнениями большинства, - невозможны без насилия. Зато другие - вполне осуществимы демократическим путем.

Если Вы хотите распустить Советский Союз после того, как 70% населения высказались за его обновление, если Вы хотите отнять собственность у народа - деньги в сберкассах и передать государственное имущество за бесценок в руки 5-6 процентов населения, если Вы хотите восстановить господство бюрократии - тогда демократура и ее методы неизбежны и необходимы. Но если был и есть другой путь реформ - народный, эволюционный, тогда демократура не нужна.

Сейчас мы можем спорить до бесконечности, была ли альтернатива реформ, связанная с деятельностью и программами Горбачева или Шаталина. Ее уже не воротить. Карты сданы, банкомат на своем месте, да и банк фактически уже сорван.

Одно только несомненно - и открыто это было более двух веков назад. Каждый народ, говорил Жан Жак Руссо, имеет то

правительство, которого заслуживает, и предрекал, что в России не будет демократии, потому что это страна рабов. Мы уже не рабы, но еще не свободные граждане. Пока на избирательные пункты будет приходить один человек из трех имеющих право, пока телевидение, находящееся в руках узкой группы людей, и деньги будут играть решающую роль на выборах, пока наглость и посулы будут важнее честности, опыта, интеллекта, русская демократия будет оставаться пленницей демократуры. “Свобода - крепкое вино, расстраивающее слабые мозги; только долгая привычка постепенно приучает к сильным его дозам” (Сисмонди)[32]. Будем надеяться, что привычка к свободе выработается у россиян в течение десятилетий, а не столетий.

Сейчас, кажется, все уже признают: мы уходим от коммунизма извращенным, болезненным и даже нелепым путем. Больше того, методы этого перехода - насилие над волей большинства народа и господство новой номенклатурной и мафиозной элиты - целиком позаимствованы у прошлого. И еще одно - жалкая подражательность мысли. Мы не поверили в себя и снова отвергли русскую социальную и духовную традицию, поспешно заменив западный марксизм на попавшиеся под руку другие зарубежные рецепты экономических реформ.

2

Во всем мире - в Германии и Японии после великой разрухи, в Бразилии и Аргентине, в Южной Корее и Испании, в Китае - переходный период начинали со стимулирования производства и приватизации. Там находили свои национальные решения. Мы начали реформы с другого конца, с освобождения цен, назвав это сладким словом - либерализация.

Нигде в мире не было таких чудачков, которые ради реформ запланировали бы падение производства на половину, жизненного уровня - в два-три раза, сознательное уничтожение с таким трудом отвоеванных у государства гарантий - бесплатного здравоохранения и образования, пенсионного обеспечения, поддержки науки и культуры. И ради чего? Только для того, чтобы поспешно вырастить гомункулов, сверхбогатых людей, дать им возможность наживать сотни тысяч и миллионы долларов путем торгово-финансовых спекуляций и прямого воровства, покупать дома и виллы в Лондоне, Париже, на Майами и Канарских островах.

Говорят, это неизбежная плата за реформы системы. Но почему эту плату взимают только с народа, а чиновники и те невики не только не платят ничего, а неслыханно наживаются на обираемом до тла государственном клондайке. Повторилось то, что происходило в период национализации в 20-х - 30-х годах: именно тогда стал формироваться номенклатурный слой беспощадных властолюбцев.

Поразительно, что государство снова поставило перед собой чисто идеологическую цель - перевернуть всю общественную пирамиду. Раньше от частной к общественной собственности, теперь наоборот. А нормальные управленческие задачи, которые должно решать государство, снова отброшены в сторону. Кто из чиновников всерьез сейчас думает о том, чтобы строить дороги, квартиры, школы, театры, охранять граждан?

На уме одно - "прихватизация" и быстро. В захвате всегда нужна скорость, писал Есенин на заре этих игр. Борьба за власть и собственность вывихнула весь переход от старой системы к новой, изломала самое Время.

В экономике уже заложены основы бюрократического капитализма. Наши правители очень боятся произносить это слово, которое в народе до сих пор считается ругательным. Говорят, что на Западе уже нет капитализма. Там всеобщее благосостояние, постиндустриализм, технотронный век. Возможно. Но у нас как раз только что расцветает самый пошлый вариант капитализма - бюрократический. Он наименее эффективен из всех типов капитализма и в то же время наиболее антисоциален. Старый спор двух систем - экономическая эффективность или социальная защищенность решается ни в пользу одного, ни в пользу другого. Какая же это эффективность, если производство упало во многих ведущих отраслях на 50 и более процентов? Какая же это социальность, если 5-6 % населения получили или контролируют большую часть национального богатства, в то время как на начало 1995 года 43 млн. граждан имели доход ниже или вблизи порога прожиточного минимума? [19].

Президент Ельцин в своем интервью французскому телевидению сам с горечью признал факт: богатые появились, средних слоев очень мало, большинство народа бедные. Очень важные признания, открывающие дорогу к повороту в политике реформ.

Нынешний вариант капитализма отличается и от того, что начал складываться в России еще со времен Петра I. Бюрокра-

тический не означает государственный, как было тогда. О государственном капитализме, где превалируют над всем общие интересы державы, мечтал Ленин. Не случайно он включил в первую и вторую Программы ВКП(б) (1918 г.) раздел о госкапитализме, вопреки сопротивлению Бухарина. К государственному капитализму тянулись Гитлер и Муссолини.

Бюрократический означает, что интересы государства как представителя народа принесены в жертву интересам бюрократического слоя. От 70 до 130 (по разным оценкам) миллиардов долларов в зарубежных банках принадлежат не российскому государству, а частным лицам, в основном, из чиновничества и теневиков, получивших возможность невиданного грабежа государственного достояния.

Появился новый символ фанатичного сознания. Реформа. Она заменила фетиш коммунизма. Реформа - хорошо, это прогресс, это путь к процветанию. Какая реформа, в чьих интересах - ну так ли это важно?

Я тоже отчасти виноват в этом новом интеллектуальном фетишизме: одним из первых, еще при Хрущеве, выдвигал это понятие на место революции. И было оно тогда полуполезным. Официально предполагалось - "совершенствование". И только "дальнейшее".

При Брежнев, когда само слово "реформа" было под запретом, я включил в книгу о Макиавелли (1977 г.) такой забавный пассаж:

- Кто Вы?

- Реформатор. Я мечтаю об изменении учреждений и нравов своего времени...

Затем в самом начале перестройки выступил со статьей "Ленин и реформа" в "Литературной газете", отвергая революцию и насилие как метод перехода к новой системе. Но то, во что превратилось понятие "реформа" впоследствии, не уместается в рамках здравого смысла.

Думаю, сейчас не все знают, что идеологии коммунизма в ее классическом изображении - Томас Мор, Кампанелла, Маркс и ранний Ленин - у нас никогда не было. Не было и не могло быть бесклассового, безгосударственного избыточного общества равных людей. Собственно, не было и социализма в том виде, каким он был задуман на Западе Фурье или Оуэном и воплощен социал-демократией, скажем, в Швеции или Австрии. Поэтому мы уже давно называли нашу систему тоталитаризмом [8] и феодальным социализмом [10]. Главные осо-

бенности этой системы: господство одной коммунистической партии, плановая государственная экономика, руководящая марксистско-ленинская идеология.

Разрушен ли этот тип "коммунизма" в ходе реформ, начиная от Хрущева до Ельцина? И что сохранилось до наших дней?

Рассуждая формально, ликвидированы все три названных института. Но есть более глубинный подход, характеризующий связь времен, поколений и нравов. У нас произошла довольно типичная для неразвитых стран революция элит. Пришли новые люди, но из того же детского сада. Просто раньше они сидели не за главным столом, их обносили, а теперь они оказались в самом центре. Это легко можно заметить по составу верхушки власти. Элита сменилась. Но это не качественно новая элита.

А какие люди у власти, нередко важнее того, каковы институты. Можно написать любые названия на новых учреждениях, обозначить их любыми словами - президент, парламент, мэр, префект - но, если там сидят те же выходцы из тех же элитарных групп, измениться может не так уж и много.

В то же время произошел огромный сдвиг в экономической элите. Здесь прежней номенклатуре, которая заняла многие ключевые позиции на предприятиях и в банках, пришлось потесниться и дать место выросшим, как грибы после дождя, молодым бизнесменам. В этой сфере перемена разительная. Возник новый слой, или страта, или класс - каждый может называть это по своему вкусу.

Наглядное представление о современной элите можно получить, посетив дачные хозяйства, дома отдыха, поликлиники бывшего ЦК КПСС и Совмина СССР. Здесь рядом с высшими чиновниками отдыхают и лечатся бизнесмены, которые платят, однако, в десятки раз больше, чем бюрократы. Политическая номенклатура потеснилась и дала место богатым людям. В свою очередь богатые люди дают огромные деньги чиновникам - либо через их родственников, либо в виде взяток, подарков и других выплат. Как говорил один из хрущевских соратников, круг "пользующихся" сузился, но блага увеличились.

Самый замысел экономической реформы - либерализация цен - что здесь от интересов и ожиданий большинства населения? Может ли кто-нибудь объяснить толково: зачем эта гонка рубля за долларом? Сейчас уже 4500. Какое соотношение успокоит сердце наших монетаристов? Один к десяти тысячам?

И что тогда будет? Производство рванет вверх? Почему? Запад все скупит - зачем это нам? Почему уже сейчас цены на хлеб, мясо, фрукты, одежду, квартиры выше чем в США в 1,3 и 1,5 раза.

Реформы - да, конечно, но исключительно те, что близки народу и отвечают его интересам и не через одно, два поколения, а сегодня, на худой конец, завтра улучшат жизнь. Реформа без насилия над волею большинства. Если оно не готово, убедите его, если не убедили - ждите. История Вас вызовет в свое время.

Рынок - это справедливый обмен товаров. Сколько заработал, столько получил. Государство, как правило, не помогает и не мешает. Оно охраняет трудовые права. Что же случилось? Средняя зарплата в народном хозяйстве 100 долларов в месяц, а цены выше западных. Как же рынок все это отрегулировал? Или обезобразил до неузнаваемости? И раньше были несуразности в ценах, но таких нелепых не было ни при каких властях.

Само государство стало превращаться в тривиального спекулянта, использующего игру на бирже для незаконного обогащения. Так произошло во время знаменитого "черного вторника" в 1994 году. Словечко "обвал" рубля пустили в ход очень опытные люди, а подхватили не очень умные. Обвал - это стихия, то, что находится за пределами воли человека. А здесь была четко спланированная государственная акция. Центральный Банк резко снизил продажу валюты. Возникла острая ее нехватка и цена на доллар скандально подскочила. Для чего это нужно было Банку? Во-первых, для того чтобы нажить огромные деньги в один день и расплатиться, наконец, с шахтерами, армией, ВПК и т.д. Ждать дальше было чревато как раз подлинным политическим обвалом. И, во-вторых, таким путем достигалась реальная стоимость рубля, поскольку он искусственно поддерживался тем же Банком на более высокой отметке.

Решил ли председатель Центробанка Виктор Геращенко эти задачи? Решил и решил хорошо. Государство по разным авторитетным оценкам получило прибыль в размере 6-8 триллионов рублей. А в нужный момент было быстро достигнуто снижение курса доллара. Благами этой победы воспользовалось правительство, которое раздавало свои долги названным ведомствам и людям.

Но в ходе этой неслыханной по масштабам государствен-

ной спекуляции произошли две накладки. Частные, а вернее, полугосударственные банки, получив секретную информацию, сами стали играть на понижение и резко расширили брешь, созданную правительством. Они по предварительным оценкам "заработали" в тот же "черный вторник" порядка 30 миллионов долларов. Другая накладка еще более драматическая - резкий скачок цен на продовольствие и товары (на 20-40%), что затронуло интересы всего населения. И тогда снова забрезжила угроза политического обвала. Вот тут-то и вмешался президент. Он снял с постов исполнителей - и.о. министра финансов и председателя Центробанка, чтобы вывести из-под удара режиссера и сценариста, сидящих в Белом Доме и Кремле. Заодно президент избавился от слишком независимого, хотя и высоко профессионального Виктора Геращенко. Президент поступил с ним точно так же, как некогда Хрущев с Геращенко-старшим, который был заместителем председателя Центрального банка СССР. Генетический код в который раз празднует свою победу.

Президент использовал "черный вторник" для замены неудобных министров и укрепления своих отношений с парламентом и оппозицией. Но было бы лучше, если бы он позаботился о возвращении цен на прежний "дообвальный" уровень, особенно на продовольствие и элементарные услуги, без которых люди не могут прожить. Тогда действительно народ поверил бы, что президент ничего не знал о задуманном "обвале", а узнав, быстро исправил положение.

3

Для демократуры нужен особый тип политического лидера, который способен играть эту роль. Способен успешно вести элитарные реформы и обеспечивать режиму поддержку народа или его большинства. Независимо от симпатий или антипатий к Борису Ельцину, признаем, что он явился едва ли не идеальной фигурой демократора. Он и искренний демократ, и природный популист, и генетический диктатор. Он весьма самобытная натура типично русского народного царя.

Вернем колесо истории на шесть лет назад и вспомним, с чем шел на выборы кандидат в депутаты, опальный партийный секретарь Борис Ельцин. Что он обещал народу и что ему удалось осуществить? Позволю себе привести большую выписку из его замечательной предвыборной программы.

"Создать государственно-правовой механизм, исключаящий рецидивы авторитарных форм правления, волюнтаризма и культа личности". Это не получилось.

"Необходимо бороться против существующего элитарного бюрократического слоя посредством передачи власти выборным органам и децентрализации политической, экономической и культурной жизни". Это не вышло.

"Народный депутат должен иметь право требовать проведения референдумов по важнейшим вопросам государственной жизни (строительство и использование Вооруженных Сил, приоритетные направления экономической и социальной политики, строительство атомных электростанций и т.п.)." Это не разрешено.

"Забота о человеке - главная цель социализма. Необходимо отдать еще больший приоритет сильной социальной политике и сосредоточить все усилия на трех наиболее важных направлениях: обеспечение продовольственными и промышленными товарами; сфера обслуживания; жилье". Политика пошла в противоположном направлении.

"В социальной политике отдать приоритет наименее социально защищенной части общества: малообеспеченным семьям, пенсионерам, женщинам, инвалидам". И здесь то же самое.

"Принимая во внимание неоправданное расслоение общества по имущественному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан - от рабочего до главы государства - в приобретении продовольственных, промышленных товаров и услуг, в получении образования, медицинском обслуживании". Полностью отвергнуто и это.

Читатель легко убедится, что ни одного обещания своей программы Ельцин не осуществил. Все его реформы пошли в другом направлении. Остается предположить: либо сам он полностью пересмотрел свои ценностные ориентации, либо окружение ему не позволило сделать, что он хотел, либо жизнь подтолкнула его на другую дорогу. Не так уж это важно. Важнее, что поздний Ельцин стал другим человеком, как, впрочем, и страна стала другой.

Поздний период правления... Мы помним, как он проходил у других наших вождей. Сталин, ослабленный борьбой, горькой победой в войне, захлебывающийся от пролитой крови, наметивший последний удар по ближайшим - Молотову и

Микояну, шизоидно подозрительный, искавший врачебной помощи у своего охранника, бывшего коновала, Сталин уже не правил страной, а висел на ее шее, как автопортрет на собственных похоронах. Хрущев, торжествующий и беспечный, убежавший из-под контроля и потерявший самоконтроль, лепивший одну ошибку за другой, проглядел заговор против себя и был отставлен тщательно подобранными им самим соратниками. Брежнев, дряхлый, скрипучий, плохо понимающий, что ему говорили, волочивший большую ногу и тяжкое бремя власти, усидел на троне только потому, что не мешал никому.

Результатом засиживания вождей явилась Корейская война при Сталине, Карибский кризис при Хрущеве, Афганская война при Брежневе. Все они пережили себя как политики еще до смерти или крушения.

Вступает ли Ельцин в последний период своей активности? А если вступает, то каким? Таким, каким мы видели его выходящим из КПСС через весь зал замершего съезда, каким видели его на танке у Белого Дома - смелым, волевым, или ослабленным, неуверенным, капризным, не знающим, куда вести Россию? Это крайне важно для страны, ее судеб, для жизни людей. Для меня признаком позднего Ельцина являются не те внешние проявления утраты самоконтроля, которым придает такое значение наша печать. Поток указов, плохо проработанных, плохо увязанных между собой - самый большой симптом эрозии президентской власти.

Другой симптом - кадровые перемены. Кто и как их готовит и назначает? Есть ли законная процедура? Выведя все основные кадровые вопросы из-под контроля парламента, президент не создал надежного механизма назначения людей на высшие государственные должности.

Но главное - чеченская война. До сих пор никто не ответил на вопрос, зачем нужна была эта война? Почему война была начата именно в конце 1994 года, почему не была предпринята попытка провести прямые переговоры с генералом Д.Дудаевым? Урегулирование проблемы Татарстана путем непосредственного контакта между Ельциным и президентом М.Шаймиевым внушало надежду на позитивный исход в Чечне. Но ни одного серьезного шага в этом направлении Москва не сделала. Почему? Конечно, забота о единстве и целостности России - священное дело каждого политика. Но какими средствами добиваться этого? Войной? Подавлением? Или пе-

реговорами и компромиссами?

Думаю, кроме прочего, мы имеем здесь дело с личной психологической проблемой "позднего Ельцина". Прийдя к власти четыре года назад на волне народного энтузиазма, Ельцин в последнее время все больше утрачивал доверие избирателей. Война должна была укрепить позиции президента, но на самом деле она привела к еще более острому, небывалому противостоянию президента с парламентом, общественным мнением, нанесла серьезный ущерб интересам России на международной арене.

Пламя чеченской войны, подобно вспышке молнии, осветило реальную политическую ситуацию в России и позиции главных актеров. Становится все более ясно, что мы находимся накануне нового поворота, прелюдией которого явилась эта война. Ожидаемый поворот можно сравнить с заменой радикального реформатора Е.Гайдара, положившего начало распаду СССР и переходу к рынку, на более умеренного В.Черномырдина. Но на этот раз, по-моему, дело пойдет в другом направлении.

Борис Ельцин - большой мастер политических поворотов. Вся его политическая карьера насыщена ими. Это и генетическое свойство его характера, и стиль руководства. Если телега забуксовала, он больше склонен пересест в другую, чем тратить силы, вытаскивая ее из грязи. Я убежден, что он мучительно обдумывает, кем и чем нужно пожертвовать, чтобы выйти из чеченской эпопеи, если не победителем, то, во всяком случае, не побежденным.

Сейчас можно ждать от Ельцина малого поворота, который будет направлен на укрепление существующего режима власти и личного авторитета президента. Первый шаг на этом пути уже сделан. Ельцин включил в Совет безопасности Российской Федерации спикеров двух палат парламента В.Шумейко и И.Рыбкина в качестве постоянных членов. Теперь сложилась четверка - сам президент, премьер-министр, спикеры, к которой примыкает и секретарь Совета Ю.Лобов. Они вправе принимать важные решения, связанные с национальной безопасностью. Это не консулат, где каждый имеет равные права, и не Политбюро коммунистического периода. Но все же это шаг навстречу большей коллегиальности в руководстве государством.

Конечно, ревнители чистоты "правового государства" могут спросить, допустимо ли соединять две ветви власти? Мож-

но ли возлагать на некий полуконституционный орган функции, принадлежащие Совету Федерации или Государственной Думе? И будут правы - формально. Было бы хорошо иметь цивилизованные институты власти и вполне цивилизованных людей в каждом из них! Чтобы не злоупотребляли. Не превышали. Не скандалили. Не стреляли друг в друга. Не воровали. Писали правильные законы. Служили народу и государству. Как хорошо было бы иметь полноценные партии и зрелый народ, делающий обдуманый выбор правителей. Однако сейчас даже сторонники президента заговорили об угрозе авторитарной власти.

Поэтому, если исходить из политических реалий, важно восстановить принципы коллективного руководства государством. Хрущев положил на этот алтарь свою десятилетнюю политическую жизнь. Смертельно рисковал на XX съезде партии в 1956 году и принес в жертву этому принципу свою карьеру в октябре 1964 года. Брежнев так и не сумел восстановить партийное единоначалие, хотя в душе преклонялся перед Сталиным. Горбачев нашел в себе силы уйти без борьбы, когда другие лидеры потребовали его голову. Было бы кощунством, если бы мы после всего этого вернулись к единоличному правлению, как бы его ни камуфлировали под президентский режим.

Опыт чеченской войны показал все несовершенство существующей процедуры принятия многих важнейших решений. Замалчиваются вопросы: кем принято решение о начале военных действий, по какому плану, как готовилась армия, какие принимались меры по убеждению политической элиты, прессы, народа в необходимости войны? Говорят, что решение принял Совет безопасности. Но как оно оформлено, как выглядит соответствующий документ, где он опубликован? Заседания Совета - по крайней мере в том виде, в каком их показывали по телевидению, - живо напоминали сцены из кинофильма "Падение Берлина". Помните - идет заседание Политбюро, Сталин прохаживается вдоль стола в мягких сапогах, покуривая трубку и поглядывая на сидящих за длинным столом соратников. А те единодушно поворачивают головы в сторону движения генсека.

Считается, что в условиях авторитарного, а тем более тоталитарного режима решения принимает верховный руководитель. Но, как правило, это иллюзия. Решение подсказывается, "подсовывается", инициируется помощниками или ми-

нистрами, дающими соответствующую информацию. Так было, когда Сталин начал Корейскую войну : ее замысел и план привез с Дальнего Востока секретарь обкома Штыков. Так было, когда Хрущев развязал Карибский кризис: информацию о возможности создания ядерной базы в подбрюшье США дал маршал Малиновский. Так было, когда Брежнев ввел "ограниченный контингент" в Афганистан: информация исходила от КГБ и МИДа.

Кто инициировал войну в Чечне, еще предстоит выяснить.

Примечательно и то, что о главных этапах чеченской эпопеи мы узнали только два месяца спустя после начала кампании. О том, как два демократа - Михаил Полторанин и Геннадий Бурбулис - привезли Джохара Дудаева в Чечню, как в свое время Бабрака Кармаля в Афганистан; как сняли с работы прежнее руководство; как потом разгоняли Верховный Совет республики; как Дудаеву были оставлены горы современного оружия - самолеты, танки, даже ядерные ракеты, к счастью, без боеголовок, хотя генерал уже тогда заявил о выходе Чечни из России. Узнали о том, как готовилась огромная сепаратистская армия в Чечне. О криминогенной зоне и связях с чиновниками из Москвы. О мафиозных контактах с ближним и дальним зарубежьем. А сколько острейших вопросов еще не прояснено до настоящего времени!

На основе опыта чеченской кампании, трагических событий в Буденовске, опыта успешных переговоров, начатых по инициативе Виктора Черномырдина, следовало обсудить вопрос о наделении правами решающего, а не совещательного органа Совет безопасности. Тем самым был сделан важный шаг к созданию интегрального института принятия решений. Мы слишком увлеклись идеей Монтескье о разделении и взаимном сдерживании властей. Однако, мало, очень мало кто из русских политиков готов добровольно делиться властью, разумно сдерживать друг друга, конструктивно сотрудничать. Поэтому нужен институт, в котором главные фигуры сходились бы вместе и коллективно решали бы главные проблемы оперативного руководства государством. Что касается общей политической стратегии, исполнительной деятельности, законов, то это должно быть четко распределено между президентом, парламентом и правительством.

Вероятно, следовало бы принять специальный закон о Совете безопасности Российской Федерации. Старый закон Верховного Совета РСФСР безнадежно устарел. Можно было бы

разгрузить Совет безопасности от несвойственных ему функций. Десять его комиссий, изучающих все стороны нашей жизни - экономическую, экологическую, демографическую и другие, - это нонсенс. Необходимо сосредоточиться на проблемах собственно государственной безопасности (внешних и внутренних) - обеспечение безопасности граждан, борьба против незаконных военных формирований, мафии и коррупции, военная безопасность и внешняя политика.

Необходимость изменения характера Совета безопасности - только первый урок чеченской драмы. В перспективе понадобятся коррективы и конституционного характера. Воля парламента не может быть игнорирована, когда начинается война. Тем более - война на территории самой России. Контрольные функции в том или ином виде должны быть возвращены парламенту. Хотя бы на том уровне, как это было в авторитарной Пятой республике генерала де Голля.

События в Чечне перевернули политический спектр в России и поставили многих деятелей с ног на голову. В.Жириновский стал самым активным приверженцем политики Ельцина - и не только по Чечне, но и по проблемам бюджета, борьбы с преступностью, проведению "твердого" курса защиты национальных интересов в отношении со странами СНГ и со странами Запада. Преданнейший в прошлом Е.Гайдар ушел в оппозицию Ельцину. Но его движение распадается: на одной стороне - "голуби", такие, как С.Ковалев, который резко выступает против Ельцина на стороне Д.Дудаева; на другой - "ястребы", как Б.Федоров, который успешно конкурирует в скандальном стиле с Жириновским. Большая часть коммунистов во главе с Г.Зюгановым стала дрейфовать в направлении социал-демократии, неизменно критикуя, тем не менее, политику Ельцина и поддерживая В.Черномырдина. Особое течение формируют патриотические деятели культуры, такие, как А.Солженицын, Н.Михалков. Они мечтают об объединении славянских православных народов России, Украины, Белоруссии. Н.Михалков предлагает в одной из последних своих публикаций установление в России конституционной монархии десятилетнего потомка дома Романовых с регентом Б.Ельциным. Смятение умов, которое началось в Кремле и привело к чеченской войне, потрясает все общество. Ельцин, как и многие другие авторитарные лидеры, склонен упрощать анализ ситуации и сводить ее к дихотомии: друзья - враги. Поэтому можно ожидать попыток Ельцина опереться на "новых

друзей" из числа патриотов и националистов.

Возможные изменения политического курса в том виде, в каком сейчас идет дело, в общей форме можно определить так: будет меньше демократии, меньше рынка, больше корпоративности, больше государственного регулирования. Видимо, следует также ожидать ужесточения курса России на международной арене.

Главным предметом борьбы стали выборы в Государственную Думу в декабре 1995 года и особенно выборы президента в середине 1996 года.

В окружении президента, если мы правильно понимаем, борются две группы, две позиции. Первая жесткая - провести такие акции в Чечне и других регионах, которые сделали бы возможным отмену выборов президента в 1996 году. Вторая мягкая - укрепить связи президента с парламентом, общественным мнением, сдвинув политику к центру, ввести в правительство представителей оппозиции, словом, обеспечить законными средствами продление полномочий Ельцина. Сам президент пока ходит на двух ногах, говоря словами Мао Цзэдуна. Однако очень скоро станет ясным, что жесткий курс подрывает популярность Ельцина, мягкий делает проблематичной результаты выборов.

Существуют четыре гипотетические возможности перенесения выборов президента. Первая - введение чрезвычайного положения во всей России. Второе - референдум о продлении срока президентства, как в Казахстане. Третья - созыв нового Конституционного Сопровождающего, четвертая - заключение договора о конфедерации между Россией и Белоруссией и изменение статуса президента России. Если Ельцин решится на перенос выборов, это, скорее, будет последний вариант.

При всех условиях проблема исторического выбора - куда вести Россию - остается главной для Ельцина, как и для любого президента в будущем. Одно можно утверждать с полной уверенностью: русское национальное сознание и социальное чувство справедливости никогда не смиряются ни с разрушением величия России, ни с господством новой узкой элиты, которое можно охранять только методами авторитарной власти.

4

В наше время снова происходит гигантский вывих в истории России, сравнимый с 1917 годом. Вопреки тому, что

сейчас пишут, февральская и октябрьская революции были вызваны разрывом и противостоянием народа и элиты. Разразившаяся кровавая гражданская война между ними завершилась сталинизмом. Теперь начавшееся после Сталина очистительное демократическое движение снова сбилось с пути на такую колею, которая разводит в разные стороны народ и государство, новую элиту и простых людей. Предпринята попытка в три года навязать силой новый строй, который тоже оказался не более чем гнилостным фурункулом на теле народа. Несколько лет такого развития, и система кристаллизуется, власть и собственность будут прочно захвачены новым сословием, процесс станет необратимым вплоть до очередного революционного взрыва.

Что же можно сделать? Только одно - содействовать всеми средствами возвращению к русской социальной идее. Социализм дал ложный ответ на социальные ожидания российских людей. Но сейчас никакой новой системы создавать сверху не нужно, нужно только открыть двери тому, что веками стучится в них. Русская социальная идея, если выразить ее самым простым образом, - благосостояние для всех, собственность каждой семье. Теперь народу нашему пытаются внушить американскую социальную мечту: каждый ковбой может стать миллионером и каждый сапожник президентом. Однако в ближайшие двадцать лет президентами станут не более пяти человек, а миллионерами (долларовыми!) не более пятнадцати тысяч. Так что осчастливить всех и переделать русское национальное сознание вряд ли удастся. Малая и самая безнравственная часть россиян уже сейчас подхватила тимуровский призыв - делай деньги любыми путями и средствами. Но народная масса не принимает эту философию и презирает воров, взяточников и убийц.

Русская социальная идея ближе всего стоит к западной социальной демократии, которая сочетает рынок с социальными гарантиями. Однако этот русский путь к современной цивилизации, наверное, десятый или пятнадцатый в мире. Как был путь американский, японский, китайский, латиноамериканский. Ни один народ не может, да и не должен вылезать из своей кожи в угоду другому народу, дублировать его опыт. Что касается универсальных форм жизни современного человечества, то они определяются прежде всего новой технологией, наукой, организацией труда и обмена, культурой народов. Две технологические революции в сельском хозяйстве Запада

дали больше, чем любые проекты приватизации или коллективизации земли. Культура и образование в России уже давно преодолели комплекс неполноценности. И ставку надо делать не на худшие черты русского менталитета - воровство, властолюбие, лживость, а на лучшие - доброту, широту души, мужество, любознательность, изобретательский талант, стремление к правде.

Главное, что объективно необходимо, - повернуть всю государственную политику лицом к народу. Отказаться от формирования элитарного "общества десяти процентов". Мы потеряем в скорости перехода к рынку, что чревато новыми авариями, но выиграем в отношении комфорта пассажиров. На место бюрократической революции надо поставить национальную эволюцию, ее лозунги - безопасность, благосостояние, патриотизм. Сейчас все еще возможен переход от дикого бюрократического капитализма к обществу народного благосостояния, честного предпринимательства и государственных гарантий.

Складывается впечатление, что Ельцин, уловив чутким ухом настроения народа и Думы, сейчас делает новый поворот. Ельцин заменил ряд силовых министерств, ответственных за чеченскую войну и трагедию в Буденовске. Он постепенно формирует коалиционное центристское правительство. Замысел правильный, хотя некоторые назначения кажутся неудачными - просто профессионально слабые люди. В его высказываниях появилось, хотя и в осторожной форме, понятие "поворот".

Готов ли, однако, Ельцин к новому историческому повороту? Три реформы, которые начаты им или при нем: национальная, приведшая к распаду СССР, экономическая - к дикому бюрократическому рынку, политическая - к неконтролируемой президентской власти. Что будет с ними? Сможет ли Ельцин довести их до позитивного этапа или они будут брошены на полпути, и кто-то иной все начнет сначала, с новой страницы, как не раз уже бывало в России. Политическое время было до сих пор несчастьем многих политиков. Ленин умер раньше, чем смогла развернуться политика НЭПа. Хрущева сняли с поста, когда он только начал думать об экономической реформе. Андропов вообще не получил своего исторического шанса. Какое политическое время история отвела Ельцину? Никто не может ответить на этот вопрос.

Думается, что сложившийся в России политический режим

следует рассматривать как временный, переходный. Демократура, пока сидит в Кремле Ельцин, вряд ли перерастет в прямую диктатуру тоталитарного типа. Но будущие выборы президента создают угрозу прихода к власти "сильного человека", армейского генерала или штатского экстремиста. Конституция РФ даст ему такие рычаги власти, которые позволят установить куда более жесткий авторитарный режим. Поэтому Конституция РФ должна быть дополнена конституционными законами, гарантирующими страну от режима личной власти. Вероятнее всего, это сможет сделать новый парламент, избранный в декабре 1995 года. Об этом должен позаботиться и сам президент Ельцин.

Экономическая политика должна совершить поворот в сторону от бюрократического капитализма к смешанной экономике, народному капитализму, социал-демократизму. Государство призвано создать условия для честного предпринимательства в интересах развития производства и услуг для населения. Постоянная индексация заработной платы и резкое снижение налогов на бедные и средние слои при повышении на богатых обеспечат поддержку народом новых реформ.

В не меньшей степени это касается проблемы безопасности граждан, ликвидации организованной преступности и чудовищной коррупции в стране. Правоохранительные органы при участии армии, если нужно, вооруженных представителей трудовых коллективов, в состоянии покончить с беспределом мафиозных группировок, железной рукой остановить ограбление государства и народа. Для этого необходимо твердое правительство с широкими полномочиями, действующее под контролем президента и парламента.

Сознает ли Ельцин масштабы происшедшего социального перекоса? При всех обстоятельствах он не вправе оставить эту проблему своим преемникам, если он не хочет нести ответственность за социальные потрясения в будущем.

5

Пора наконец позаботиться о строительстве России для простых россиян, иными словами, о развитии местного самоуправления в интересах удовлетворения потребностей каждой семьи, каждого человека. Десятилетие перестройки и реформ в основном предоставило преимущество узкому слою элиты - политической, административной и торгово-финансовой. Ин-

тенсивный передел власти, а затем и собственности принес новый социальный статус и материальное благополучие не более чем 5-6% населения страны. Напомним, что компартия включала около 10% населения страны, поэтому элитарный слой остался примерно на том же уровне. Что касается простых людей, под которыми понимаются те, кто не входит в элиту независимо от характера труда и уровня образования, то они испытали на себе абсолютно все тяготы и издержки переходного периода. Снижение жизненного уровня не менее чем в два раза, девальвация вкладов в сберкассах, инфляция, стремительный рост цен за образование и здравоохранение, невыплата зарплат и т.д. Правда взамен люди получили право участвовать в формировании высшей власти, пользоваться свободой передвижения, выражения своих мыслей, свободой совести. Это отчасти примирило простых людей с колоссальной ценой реформ.

Сейчас наступило время безотлагательно приступить к государственному и административному строительству всех тех звеньев аппарата управления, с которыми сталкивается население. Не будем касаться здесь экономических проблем, которые зависят от восстановления производства, сведения на нет инфляции и других долгосрочных задач. Коснемся вопросов, которые могут быть решены сегодня - при наличии политической воли и умелой организации.

Прежде всего - ключевая проблема - судебная защита. Должна быть в короткие сроки создана эффективно работающая система низовых судов. В настоящее время положение хуже, чем было до перестройки. Человек, уволенный с работы с государственного, а тем более частного предприятия, ныне редко находит быструю и справедливую защиту у судебного органа. Человек, чьи права нарушены милицией, другими силовыми структурами, бюрократией, такую защиту не находит почти никогда. Человек, оклеветанный в печати или на телевидении, может получить поддержку суда только в том случае, если он входит в высшую элиту. Человек, которого обманули по контракту о строительстве, ремонте, покупке акций, словом, во всех сферах гражданских правовых отношений, редко когда может востребовать свое право через суд. Не случайно. финансовые проблемы стали решать методом разборок, поскольку суд бездействует. Человек, которому по полгода не выплачивают зарплату, получает ее по номиналу, без учета происшедшей инфляции. Человек, который отравился продук-

тами, получившими соответствующий знак санинспекции, не может взыскать компенсацию за нанесенный ущерб и т.д. Суд не является местом, где личность находит правосудие и восстановление своего нарушенного права.

Перестройка низовых судов должна начаться с предоставления им необходимых возможностей для эффективной работы. У нас судей в 5-6 раз меньше, чем в Германии, у них низкая заработная плата, слабый технический персонал, плохая защищенность от внешнего воздействия, неустроенные помещения. Нужны средства, которые должны быть найдены на местах. Другая проблема - кадры. Нужна селекция, тщательный отбор людей образованных, опытных, справедливых. Это дело местных властей, но не администрации.

В радикальной перестройке нуждается милиция. Все, что делалось до сих пор, как правило, диктовалось политическими целями - обеспечить безопасность элиты. Простые люди сейчас менее защищены милицией и имеют возможность пользоваться ее услугами меньше, чем в течение десятилетий до перестройки. Милиция редко откликается на срочные вызовы граждан, которые подвергаются угрозам. Редчайшие случаи, когда можно воспользоваться услугами милиции, которая дежурит на улицах: ее мало и она почти никогда не вмешивается, когда не видит угрозы для государственных интересов. Расследование дел о нападении на граждан, изнасилованиях, убийствах, угонах машин поставлена значительно хуже, чем до перестройки. Распространение позаимствованной на Западе практики вооруженной частной охраны представляет новую угрозу для рядовых граждан - в них стреляют нередко по пустякам, зная о своей безнаказанности. ГАИ, также как и милиция, видит свою главную задачу в обслуживании государственной элиты, крайне неохотно откликаясь на законные просьбы граждан. Технический и образовательный уровень милицейского корпуса отстает от развитых стран не менее, чем на полвека.

Реформа милиции должна стать важнейшей задачей местной власти. И самой неотложной. Сюда, как и в судебную систему, надо в первую очередь направлять местные средства.

Органы управления жилищной, дачной и другими видами мелкой собственности погрязли в бюрократизме и взяточничестве. Людей заставляют собирать десятки ненужных справок, за каждой из которых стоит протянутая рука чиновника-мздоимца. Обретение частной собственности на земельные

участки и особенно сделки по купле-продаже обставлены такими формальностями и выплатами, что становятся доступными только богатым и здоровым людям. Это тоже одна из наиболее болезненных точек, где человек соприкасается с властью.

Здравоохранение, где нелепым образом перемежаются государственные и частные формы, для простых людей стало не только дорогим, но и издевательским. Платить надо всем - начиная с няни, кончая хирургом и главным врачом. Государственные гарантии и ответственность резко снижены. Прimitивный рыночный дух деформирует систему отношений пациента и врача, унижает достоинство того и другого.

Необходимо восстановить в нужных пределах государственное здравоохранение для бедных людей и соответственно обеспечить сам медперсонал за счет государства. Необходимо создать удобную систему для средних классов, которые получают минимальные услуги бесплатно, а более высокие за плату. Что касается элитарных слоев, то их медицинское обслуживание должно строиться за личную высокую оплату, а не путем перевода лучших клиник и больниц из государственного в частный сектор.

Возникла неразбериха и путаница в системе образования. Начальное и среднее образование должно быть бесплатным, как во всех развитых странах мира (кроме небольшого числа привилегированных частных школ). Высшее образование тоже, как правило, должно быть бесплатным, как в Германии, Австрии, Швеции, других европейских государствах. Даже американская система, где чрезвычайно развито меценатство, сохраняет дешевые муниципальные и иные формы недорогого высшего образования. Местная власть должна позаботиться о том, чтобы дети из разных семей имели сходные возможности для получения как среднего, так и высшего образования. Это было одним из самых главных завоеваний нашего государства, что было у нас позаимствовано Европой.

Это не мешает развертыванию специального платного образования для детей из элитарных семей. Но трудно надеяться, что одна элита сможет обеспечить подъем нашей науки и культуры...

Общественный транспорт и строительство дорог - важнейшая сфера приложения усилий местной власти. Сколько бы не ругали предыдущих вождей, но тогда была построена широкая сеть железных дорог, воздушных линий, метро, автобу-

сов и т.д. Многие из этих служб приходят в запустение, а новые почти не создаются. Местная власть кроме того должна взять в свои руки регулирование цен на транспорте, ориентируясь не только на затраты производства, но и на тощающий кошелек граждан.

Важнейшая предпосылка решения человеческих проблем - коренное изменение подхода к формированию местного бюджета. Его основную часть должны составлять не дачи сверху, а твердые налоговые поступления от предприятий, фирм, сферы услуг, граждан, последнее с большой дифференциацией в пользу бедных слоев.

Другое условие - выборность органов местного самоуправления. Пока вся власть находится в руках назначенного чиновника, никаких серьезных сдвигов не произойдет.

Кроме того, местная власть призвана широко поощрять благотворительность, развивать ее и особенно деятельность волонтерских организаций, помогающих людям, семьям, детям, попавшим в беду, многочисленных правозащитных организаций для помощи гражданам. Их должны быть десятки тысяч по всей стране, в каждом поселке, городе, регионе.

Политическое единство России станет тем прочнее, чем больше свободы будет предоставлено местному самоуправлению и развитию здесь различных форм гражданского общества.

6

Чрезвычайно остро затронута народное чувство решениями в Беловежской Пуще. Невольно приходит аналогия с Брестским миром в 1918 году, который был поддержан только 7 из 15 членов ЦК партии большевиков и отвергнут всеми политическими силами тогдашней России. Как и тогда, Россия потеряла треть культивируемых земель и железных дорог, почти половину промышленных предприятий, больше 40% населения. Но мир в Бресте понимался только как временное отступление, маневр в расчете вскоре взять все обратно. А Беловежский мир рассматривался его создателями как прорыв к новой демократии в России и других республиках через национальное размежевание и разъединение.

Сейчас, когда двое из трех участников Соглашения отвергнуты своими народами, на Ельцине лежит историческая ответственность найти решение, которое отвечало бы нацио-

нальному сознанию большинства населения в России, на Украине, в Белоруссии и Казахстане. История никогда не простит ему, если он уйдет с политической арены, не залечив этой кровоточащей раны.

Пока трудно надеяться на возрождение жизни под одной крышей России, Украины, Белоруссии, а также Казахстана. Но имеются разные варианты решения проблемы - Конфедерация, Экономический Союз, Общий Рынок и Евроазиатский парламент с минимальными полномочиями, как в Западной Европе.

В результате стремительного распада СССР и учреждения СНГ не были решены ключевые вопросы военно-политического, экономического, территориального, организационного и этнического характера. Россия в ту пору отчасти под давлением Украины, Прибалтики, некоторых других республик, а более всего из-за стремления разрушить ненавистный Центр, как главную помеху на пути демократических реформ, не проявила заинтересованности в защите своих национальных интересов на постсоветском пространстве. И только год спустя она стала выступать с заявлениями о том, что геополитическое пространство бывшего СССР является зоной особых интересов России. Начался мучительный процесс урегулирования огромной массы вопросов - от ядерного оружия, армии, флота, единой рублевой зоны, платы за ресурсы до региональных конфликтов и совместной защиты границ бывших советских республик.

Однако, одна проблема до сих пор находится на периферии внимания и деятельности внешнеполитических ведомств России и ее властных структур. Речь идет о судьбе 25 миллионов русского населения, которое в течение одной ночи, оказалось жителями иностранных государств. Поначалу демократическое руководство России вообще игнорировало эту проблему, полагая, что проявленное ею благородство вызовет адекватную реакцию как в Прибалтике, так и на Украине, в Казахстане, других республиках Средней Азии. Поспешно признав независимость всех прежних советских республик, Россия дала возможность и Западу игнорировать проблемы русскоязычного населения как в момент установления дипломатических отношений, так и при втягивании некоторых из них в Совет Европы.

В последнее время перед лицом серьезных конфликтов вокруг статуса русских в Прибалтике, а также Казахстане и некоторых других государствах, МИД РФ стал выступать с

шумными заявлениями вроде возможности использования военной силы для защиты этого населения. Однако, эта дымовая завеса никого не обманула ни в России, ни в странах СНГ, ни на Западе. Она скрывает отсутствие реальной политики России в вопросе о положении своих этнических братьев и готовность принести в жертву их интересы ради сохранения мифических преимуществ СНГ. Наглядным примером отсутствия такой политики явилось самоотстранение России от участия в обсуждении судьбы русскоязычного населения в Крыму, формальное, вялое реагирование на ограничение прав человека в Прибалтике, полное умолчание проблемы русского населения на Северо-Западе Казахстана, отступление от достигнутых соглашений о судьбе населения Приднестровья, объявление в ряде республик одного государственного языка, отказ от двойного гражданства и т.д.

Беспрецедентно, но факт: 25 миллионов русских людей, что равно населению крупного европейского государства, брошены на произвол судьбы, утратили Отечество, не обрели нового, а нередко объявляются колонизаторами, оккупантами, нежелательными группами.

Причиной подобного положения не является слабость России в сравнении с другими прежними республиками. Россия многократно превосходит каждую из них по своим демографическим и экономическим ресурсам, научному, технологическому и военному потенциалу. Причиной не может считаться более быстрое становление государственности в бывших советских республиках в сравнении с Россией, в особенности демократических институтов. За исключением разве что Прибалтики, Россия значительно опережает все другие советские республики в демократическом развитии, стабилизации государства, экономических реформах. Причиной не может считаться и какие либо эффективные формы давления на Россию со стороны бывших советских республик. Таких механизмов у них нет. Наконец, несмотря на очевидные интриги, Запад также не в состоянии заставить Россию отказаться от защиты законных интересов этих гигантских русских диаспор.

Так в чем же причина такого беспрецедентного в мировой практике феномена? Думается, она лежит в сфере идеологии и психологии. В психологическом плане российские участники беловежских соглашений в глубине души были уверены в эффективности ленинской формулы: размежеваться, чтобы потом объединиться. Некоторые наиболее циничные даже дума-

ли про себя: перейдем на мировые цены на энергоресурсы - приползут обратно на брюхе. Наиболее здравомыслящие верили в то, что СНГ в перспективе постепенно превратится в нечто вроде конфедерации или в подобие "объединенной Западной Европы". А если так, то и незачем беспокоиться о судьбе 25 миллионов человек, которые сохраняют свое место в новом союзе. Кроме того, не исключено, что над многими умами довлел еще коммунистический стереотип. Равнодушие к людям и народам, когда решаются глобальные государственные проблемы.

Четыре года спустя после распада СССР настало время четко определить отношение народов великой России к народам "малой России", составляющих 25 миллионов, немногим меньше числа населения России при Петре I.

Исходным принципом должен быть признан принцип этнического и культурного единства русского населения, проживающего внутри России, ближнем зарубежье или других регионах современного мира. Это полностью отвечает международному праву и практике. При существовании двух германских государств немцы по обе стороны берлинской стены причисляли себя к единой нации. В Канаде французы называют себя французами, а англичане - англичанами. Проживающие в Алжире французы называют себя французами. В США широко распространена культурная этническая автономия - итальянцев, японцев, китайцев и т.д. Англичане в Индии называют себя англичанами, а не индусами. Точно так же, как миллионы китайцев, живущих за рубежом, называют себя китайцами.

Поэтому следует разграничивать нацию в политическом смысле и в этническом. Русский, имеющий гражданство в Литве - литовец, в Казахстане - казахстанец. Но в этническом смысле он остается русским.

Другим важнейшим принципом является культурное единство русских, а нередко и русскоязычных людей. Как пел Высоцкий по поводу Израиля: там на четверть наш народ, но конечно только при условии того выбора, который делает каждый человек самостоятельно.

Третьим принципом является право на особый тип этнокультурных и религиозных связей между жителями "большой" и "малой" России.

Четвертым принципом является право на защиту русских людей со стороны России в случае их ущемления по нацио-

нальному или религиозному признаку в политической или социально-экономической жизни.

Наконец пятым принципом является право на национально-культурную автономию русского населения государств ближнего зарубежья. Примечательно, что в то время, когда Россия предоставляет малым народам право определить свой статус путем волеизъявления, страны СНГ энергично сопротивляются даже постановке вопроса о культурной автономии на основе волеизъявления компактно проживающего русского населения.

Представляется, что при подготовке двусторонних, многосторонних соглашений и решений СНГ необходимо закрепить систему принципов, которые в равной мере касались бы положения русских в других странах и положения украинцев, кавказцев, среднеазиатов на территории России. Нельзя дальше прятать голову под крыло, делая вид, что этих проблем не существует.

Особо следует рассматривать вопросы: о культурной автономии, двойном гражданстве, безвизовом передвижении, школах, университетах, печати, телевизионных программ на русском языке, возможности приема телепрограмм из России, особых условий для обмена валют при туристических поездках на свою историческую родину, создание общественно-культурных организаций и другие гуманитарные проблемы. Разумеется, аналогичные права должны быть предоставлены коренному населению других республик. В случае отказа от двойного гражданства можно было бы рассмотреть вопрос о выдаче Россией специального удостоверения (наподобие гринкарты) для русских в зарубежье, которые имеют постоянные деловые и родственные контакты в Российской Федерации.

Следует составить перспективную программу переселения русских и русскоязычных людей, желающих этого, из стран ближнего зарубежья в Россию. Это должны быть государственные программы, рассчитанные с точки зрения географии, профессиональной ориентации, финансовой помощи и согласованные с государствами, откуда эмигрируют эти люди.

Необходимо договориться на двусторонней основе о равных возможностях для представителей правозащитных организаций как России, так и других государств в защите прав человека этнически родственного населения. Желательно также было бы иметь в структуре СНГ Международный Суд для рас-

смотрения особо опасных случаев геноцида или ущемления национальных прав. Можно было бы обсудить вопрос о прохождении военной службы русскими людьми в Российской армии при предоставлении аналогичного права украинцам, белорусам и др., проживающим в России. Следует урегулировать вопрос о пенсионном обеспечении людей, получивших это право до распада СССР.

Осуществление этой программы должно строиться на основе использования прежде всего методов дипломатии и добровольных соглашений. Однако, не следует полностью исключать методы экономических или иных санкций для защиты законных прав русского населения как это принято в практике США, Франции и других демократических государств

7

Серьезный поворот должен быть осуществлен в области внешней политики, где Россия стоит перед проблемой поисков союзников и партнеров. В результате односторонностей и ошибок политики нового мышления (1987-1991), затем аморфной и бессодержательной линии на "растворение" России в евроатлантической цивилизации (1991-1995), а также тотального ослабления экономической и военно-политической мощи, Россия оказалась под угрозой изоляции и полной утраты союзников. Десять лет назад она опиралась на военные и политические союзы с Восточной Европой, многими странами Азии, Африки. Теперь мы на грани абсолютного нуля. Не осуществились надежды на вхождение в евроатлантические организации, на включение на равноправных условиях в европейский рынок, а тем более на "План Маршалла" для содействия подъему российской экономики. Никакой реальной компенсации за огромные уступки, которые были сделаны Западу (роспуск Варшавского Договора, СЭВа, объединение Германии, отказ от сотрудничества с арабскими странами и др.), Россия не получила.

Романтизм и морализаторский подход, который особенно сильно проявился в деятельности МИДа во главе с А.Козыревым, ни в малейшей степени не нашел адекватного ответа у США и стран Западной Европы. Они последовательно проводят политику защиты национальных интересов своих государств, укрепляют прежние союзы, используют экономическое давление и дозированную экономическую помощь, не

остановятся перед применением вооруженной силы. После периода некоторых колебаний, США полностью вернулись к политике ослабления или сведения на нет военной угрозы со стороны России, ее военно-политической мощи, разрушения ее связей и обязательств с союзниками в том числе в странах СНГ.

Два события последнего времени стали наглядными показателями той степени изоляции, в которой оказывается Россия. Первое: явное и тайное подталкивание стран Центральной и Восточной Европы к вхождению в НАТО. Второе: наглые бомбежки боснийских сербов с использованием ракетной техники. Это явная демонстрация того уровня беспомощности, на котором находится международная политика России. Об этом свидетельствует и постоянное стремление США усиливать антирусские настроения на Украине, в Закавказье и Средней Азии. В этом же направлении идут и усилия США ограничить сотрудничество России со странами Азии (Индия, Китай) и, особенно откровенно, с мусульманскими государствами (Иран).

Было бы неверно видеть основную причину падения роли России на мировой арене только в ослаблении ее могущества. На протяжении нескольких столетий, в том числе в трудные периоды, Россия продолжала играть активную роль в Европе, Азии, а затем и во всем мире. И нынешний ядерный и военно-промышленный потенциал, гигантские экономические ресурсы, традиции взаимоотношений с другими государствами позволяют России занимать одно из центральных мест в мировой политике. Необходимо прежде всего сбросить с себя груз идеологии односторонних уступок, продолжением которой явился отказ от политики защиты национальных интересов, ожидание милостей от США и следование в фарватере их политики.

Внутри страны нам навязывают идеологию антипатриотизма и отказа от любви к Отечеству. Смешно сказать, но пытаются сослаться при этом на авторитет Льва Толстого, создавшего галерею образов великих русских патриотов - от Андрея Болконского до Михаила Кутузова. Да и не только русская это черта - патриотизм, она от века присуща всем народам. "Нет ничего милее родины", - говорил Лукиан [32]. "Родина - дом человека, а не дом раба", - вторил Мадзини [32]. "Любовь к родине - первое достоинство цивилизованного человека", - замечал Наполеон [32].

Патриотизм не имеет ничего общего с пренебрежением к другим народам и покушением на их свободу. Возрождение священного чувства общности интересов всех россиян в защите их интересов - важнейшая предпосылка поворота в нашей внешней политике.

Ну и, конечно, мы не можем быть одиноки в этом мире, где все страны связаны между собой союзническими и партнерскими обязательствами. Главное средство выхода из тупика одиночества: поиск союзников и в связи с этим изменение политических приоритетов. Союзы складываются на основе взаимных интересов. Это является естественной отправной точкой для новых союзнических отношений. Можно признать несостоявшимися надежды на установление после холодной войны союзнических отношений с США. Между тем именно на это были направлены все основные усилия российской дипломатии в последние годы. Поддерживая необходимый уровень партнерских связей между Россией и США, следует переместить приоритеты в сторону Европы и особенно Азии. Здесь кроются самые большие возможности, прежде всего для экономических союзов, а затем и взаимных политических обязательств.

Основное внимание в Азии должно быть уделено установлению дружеских отношений, тесного экономического сотрудничества, а также политического сотрудничества на международной арене с Китайской Народной Республикой. Китай подвергается сейчас сильному давлению со стороны США и проявляет явную заинтересованность в том, чтобы опереться на новую Россию. Такой альянс открыл бы большие возможности для создания центра экономической мощи в Азии и воздействия на все мировые события. Солидарность двух членов Совета Безопасности ООН могла бы стать серьезным тормозом на пути осуществления односторонних карательных акций США и НАТО, таких, как в Боснии. В целом необходима активная тихоокеанская политика не только для укрепления позиции России в этом регионе мира, но и для предотвращения ползучей колонизации Приморья, Дальнего Востока, других регионов Сибири.

Наряду с Китаем серьезных результатов можно было бы ждать от активного сотрудничества с Южной Кореей, Индией, Индонезией. Страны третьего мира глубоко озабочены разрушением двухполюсного мира, ищут способы защищать свои интересы, опираясь на Россию.

В Европе основные усилия должны быть сосредоточены на развитии отношений с Германией. Германия все более проникая в страны Восточной Европы, превращается в европейскую супердержаву. Она может это делать с нами и без нас. Но у Германии есть огромные экономические интересы в России как в поставщике сырья и потребителе современной машинной продукции. Россия же глубоко заинтересована в том, чтобы опереться на Германию в строительстве новой системы европейской безопасности, ограничении влияния американского капитала и американской политики на европейском континенте.

В Восточной Европе основное внимание должно быть уделено отношениям с Чехией и Венгрией как потребителями российского сырья при условии создания режима наибольшего благоприятствования на их рынках для продажи российской техники.

Третье направление - мусульманский мир. Нужно любыми средствами предотвратить стремление Запада столкнуть этот мир с Россией, что проявляется на всей горячей дуге от Боснии до Таджикистана. Было бы самой большой трагедией для многонациональной России, если бы мусульманский мир, который был нередко резервом в политике СССР для давления на Запад, стал таким же средством для Запада в отношении России.

Переориентация внешней политики России и поиск новых союзников имеет своим обязательным условием новую волну интеграции в рамках СНГ. Политика России на мировой арене не может быть успешной, если у нее в тылу в странах ближнего зарубежья будут усиливаться антироссийские дезинтеграционные тенденции.

Гипотетически есть два сценария поворота к возрождению России. Один - возглавляемый президентом Ельциным, второй - новым президентом, который может быть избран в 1996 году, например, В.Черномырдиным, если Б.Ельцин откажется баллотироваться на новый срок. Учитывая, что еще есть время, и Ельцин отходит от элитарных реформ, было бы опрометчиво отказаться от попыток повлиять на его новую, третью эволюцию.

В свое время Ельцин называл себя социал-демократом, как и Горбачев. Да и Хрущев, нанеся удар по тоталитарной власти, двигался в том же направлении. При всех их недостатках это - народные вожди и им трудно вытравить из своих душ со-

чувствие к положению простых людей, из среды которых они вышли. И если бы Ельцин после подсказанного увлечения попыткой создания оазиса для миллиардеров среди моря бедности вернулся к самому себе, еще можно было бы развернуть Россию на естественный для нее путь, который прошли такие страны, как, скажем, Швеция. Было бы символично, если бы мы снова получили свое будущее не из рук Рейгана или Клинтона, а от Рюриковичей, как это было тысячу лет назад.

Междуцарствие еще не завершилось. Государство еще не вошло в берега. До подлинной стабильности на почве подлинной демократии - еще не менее одного или даже двух поколений. Горбачев и Ельцин - вожди переходного периода. Основатели новой системы еще грядут. И было бы счастьем для России, если бы на этот раз в дело включился сам избиратель, который стал бы учредителем угодной ему системы.

Заключительная глава

РОССИЯ

1

Не будем называть это революцией. Революция - движение снизу, когда народ свергает правительство. В России же все началось сверху и до сих пор продолжается так же. Вторая русская революция - это миф, пущенный в ход защитниками Белого Дома в августе 1991 года и подхваченный авторами превосходного фильма Би-Би-Си об этих событиях. На минуту им показалось, что в России началось что-то похожее на европейские или американскую революции. Но, кажется, сами авторы очень скоро избавились от иллюзий.

Нет, в России идет реформация. И началась она не три, а сорок лет назад. Доклад на XX съезде в феврале 1956 года о преступлениях тирана стал ее первой кульминацией, учреждение впервые избранного полупарламента (Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР) в апреле 1989 года - ее второй главой, а выход России из СССР и распад Союза в декабре 1991 года - ее новой вехой. Четыре года экономических экспериментов на пути к рынку и борьба за становление подлинного парламентаризма и свободы положили начало глубинным преобразованиям всей коммунистической системы. Но только начало. Главные проблемы - впереди.

Вначале воздадим должное нашим реформаторам. Хрущев, Горбачев, Ельцин - незаурядные русские характеры с неумной жадой перемен. Этим они коренным образом отличаются от Брежнева, Черненко и даже Андропова, которые опасались раскачивать лодку и стремились при всех обстоятельствах сохранять стабильность. Поэтому первые с полным правом могут быть названы истинными реформаторами, остальные - просто властителями. В деятельности каждого из реформаторов в эпоху грандиозных перемен можно найти мо-

менты или даже периоды подлинного величия.

Первый взлет Хрущева к историческим высотам - арест Лаврентия Берии. Личный и политический риск был огромен. Его даже трудно вообразить представителям нынешнего поколения. Все висело на волоске. Малейший сбой, и Хрущев оказался бы в тюрьме, а затем мог получить пулю в затылок. Но дело не только в этом. Арест и казнь Берии явились первым актом борьбы против сталинского наследия. Быть может, не менее значительным, чем секретный доклад на XX съезде партии. Тот акт ознаменовал внутренний разрыв Хрущева со сталинизмом. Крутой поворот в его сознании. Хрущев рвал концы, связывавшие его с берегом, и уходил в бурное неведомое море. Казнь Берии олицетворяла крушение системы власти, которая опиралась на тайную полицию и массовые репрессии, а, стало быть, и поиск новой опоры для коммунистического господства - опоры внутри самой партии, среди масс, опоры в народе. Подлинное величие хрущевского характера сказалось в том, что он не побоялся поставить на карту свою судьбу, судьбу семьи и своих приближенных, потому что Берия олицетворял, как сейчас бы сказали, другую ветвь власти - КГБ, которая конкурировала с партией и временами, нередко, брала над ней верх. Топтала и попирала ее, как это было в 1937 году. Да, это был первый звездный час Никиты Сергеевича.

Второй час, конечно, XX съезд. Удар, который Хрущев нанес по Сталину, по культу личности, по сталинскому наследию, по всей системе этой власти, отозвался во всех уголках нашей страны, в Восточной Европе, где господствовала сходная система, Китае, Африке, Латинской Америке, в Западном мире, словом, на всем земном шаре. Два поколения людей в нашей стране жили и до сих пор живут под сенью этого спонтанного и величественного извержения вулкана хрущевской души. Трудно даже вообразить, что было бы со страной и ее людьми, если бы Хрущев промолчал на XX съезде и оставил все как было. Мы еще десятилетия прожили бы в условиях железного занавеса, лагерей ГУЛАГа, духовного рабства. Нельзя исключить, что весь мир в результате эскалации ядерных и ракетных вооружений был бы ввергнут во вселенскую Хиросиму.

И еще один исполненный величия поступок Хрущева, как ни странно на первый взгляд, - действия на втором этапе Карибского кризиса. Да, Хрущев поступил опрометчиво и авантюрно, когда пытался разместить ядерные бомбы и ракеты на

несчастном героическом острове. Но у него хватило ума и мужества вывезти эти ракеты, отказаться от своего замысла и предотвратить ядерную войну. Он находился под чудовищным давлением Мао Цзэдуна, многих авантюристов в своем окружении. Он рисковал не только потерять политическое лицо, но и корону. Тем не менее пошел на этот шаг. Хрущев не мог смириться с тем, что его действия станут причиной всемирной катастрофы. И потомки не вправе забывать об этом, как бы они не относились к личности и деятельности Никиты Сергеевича.

Горбачев не пережил таких исторических драм, как Хрущев. Время было иное и песни другие. Поэтому звездные часы Горбачева отмечены меньшим личным риском, но их значение для российской и мировой истории также было гигантским.

Первый исторический жест - создание советского парламента. Никто и ничто не подталкивало Горбачева к этому шагу, только внутренние побуждения. Большинство его соратников, как и большинство в партии, в целом, боялись этого поворота или не понимали лидера. Партийные бюрократы, не очень образованные политически, но обладавшие развитой интуицией, чувствовали угрозу, исходившую от предложенного эксперимента. Горбачев подвергался огромному психологическому давлению людей, к которым он прирос на пути восхождения на пост Генерального Секретаря. Его мучили ассоциации с печальной судьбой Хрущева. Тем не менее он пошел на это. Конечно, оглядываясь все время назад, посматривая то направо, то налево, пуская в ход амортизаторы, вроде выборов "красной сотни" от КПСС без альтернатив. Но пошел! То был величественный прорыв в неведомое. Горбачев знал, на какой риск он идет. Поэтому так упорно и даже назойливо добивался на I Съезде народных депутатов СССР, в самом начале, решить вопрос о власти. Он боялся ее потерять и жаждал обрести ее в новой парламентской форме. То, что сделал Горбачев тогда, может быть в какой-то мере сравнимо с секретным докладом Хрущева на XX съезде. Это был поворот России к современной цивилизации.

Вторая вспышка - женеvская встреча с Рональдом Рейганом, точнее, серия встреч с западными лидерами, в особенности, в Вашингтоне и Москве. Верный своей тактике, Горбачев не делал внешне радикальных шагов и крутых поворотов. Но он последовательно шел к формированию совершенно нового типа отношений с Западом. У нас найдется немало что

сказать об уступчивости, нерешительности, слабости Горбачева, сыгравших свою роль в процессе обретения Восточной Европой независимости и объединения Германии. Но, конечно, то, что он сделал, ознаменовало прорыв в мировой истории. "Человек, который изменил мир", - так называют Горбачева в странах Европы и Америки. К несчастью, он не сумел обратить этот поворот на пользу России.

И, наконец, третье проявление силы духа Горбачева - борьба за сохранение обновленного Союза ССР в поздний период его правления. Быть может, впервые в течение всей своей деятельности Горбачев дрался, как лев, хитрил, как лисица, отступал, как заяц, словом, использовал все приемы политической борьбы, чтобы предотвратить распад российского государства. Десятки встреч с Ельциным, Кравчуком, Назарбаевым, Шушкевичем, всеми другими руководителями, которые жаждали расширения личной власти под флагом суверенной воли народов. Ново-огаревский процесс накануне путча и после него - это политическая героика государя, который ведет арьергардные бои за сохранение государства на проигранной площадке, и которому суждено самому погибнуть.

Да, то был всплеск величия в борьбе за сохранение единства распадающегося Союза, закончившийся торжественным актом отставки Горбачева с поста Президента. Мы вправе справедливо упрекать его за то, что он распустил Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР, ликвидировал партию и другие опоры своей власти, не найдя никаких альтернатив. Но та же справедливость требует признать, что отречение от престола он провел достойно: он ушел с поста потому, что распался Союз, защищавшийся им до последнего предела. То был момент поистине шекспировской драмы, который, кажется, не пережил никто в истории. Ни Черчилль, отвергнутый накануне распада империи, ни де Голь, которого вынудили уйти в момент утраты колоний. Признаем, что Горбачев в момент отставки обнаружил и в слабости величие. То, что он не вызвал почти никакого сочувствия в стране, тоже в порядке вещей. Увы, давно было замечено - горе побежденному.

Ельцин проявил признаки героизма почти во всех его крутых поворотах с самого начала перестройки. Это сильный, упорный, твердый и жестокий характер, которому, однако, не чужды хитрость и даже коварство.

Первая вспышка величия - отставка с поста кандидата в

члены Политбюро и руководителя Московской партийной организации. Трудно вспомнить какой-либо случай из русской истории, когда бы руководитель такого ранга поступил подобным образом, не говоря уже о советской истории. Великий князь бросил перчатку сопернику, заведомо зная, что не будет честного поединка на ристалище, где они смогли бы померяться силами. Если это было сделано не в болезненном порыве упрямства, а обдуманно и взвешенно, как заявляет Ельцин в "Исповеди", то надо воздать должное такому беспрецедентному акту политического самосожжения.

Не думаю, что в тот момент Ельцин рассчитывал вернуться. Внутри партии это было невозможно. К тому же коллеги всегда относились к нему с большой подозрительностью. Чувствовали в нем какую-то иную, непонятную породу. Ельцина тогда осудили не только консерваторы, но и такие реформаторы, как А.Яковлев и Э.Шеварнадзе. Он бросил сам себя в пропасть одиночества. И едва не погиб - не только как политик, но и как человек. В этом акте было нечто безжалостное и свирепое по отношению к самому себе, исходящее то ли от раскольников, то ли от жестоких нравов деревни, где прошло его детство.

Я сам, после снятия Хрущева, совершил насилие над собой. И, хотя ушел со скромного поста в аппарате ЦК, тем не менее могу понять всю меру героического отчаяния в поступке Ельцина, набравшегося мужества отказаться по существу от поста второго человека в партии. За этим последовал его царственный, если хотите, театральный жест - выход из КПСС на заседании съезда партии. Затем полная драматизма, мужества и перепадов борьба за возвращение на Олимп власти. Только один человек в истории тоталитаризма сумел вернуться к вершине власти сходным образом. Это был Дэн Сяопин. Но ему не пришлось для этого разрушать партию, он вернулся изнутри ее, без ломки, без метания грома и молний.

Вторая вспышка величия Ельцина - август 1991 года. Ельцин в тот момент обнаружил поистине великое мастерство в борьбе за власть. Лучше всех своих советников вместе взятых он понимал, что настал его звездный час.

Бряд ли он знал древнюю притчу о том, что фортуна поворачивается к вам лицом только один раз и надо успеть схватить ее за волосы. Но, несомненно, генетически он был одарен этим прозрением. Три дня сидения в Белом Доме, в конце наминавшего уже торжественный акт помазания, вознесения

Ельцина на высшую ступень власть имущих, - время торжества его политического гения. Горбачев мог не возвращаться из Фороса. Он лишился власти именно в течение этих нескольких дней. Затворившись в Белом Доме, Ельцин расстреливал, как из "Катюши", политическими снарядами не столько путчистов, что было не трудно, поскольку они были обречены, а горбачевскую власть. Под его давлением Горбачев разрушил все свои политические опоры, а затем фактически уступил Ельцину армию и органы безопасности. Это была какая-то "буря в пустыне", когда Ельцин действовал наподобие могучего урагана, а Горбачев прятался за песчаными дюнами, которые легко разметал ветер.

Если не касаться последствий урагана, разрушившего великое российское государство, если судить только с позиции личной власти, то Ельцин должен быть поставлен в один ряд с Наполеоном, когда тот ликвидировал консульство, или со Сталиным, когда он ниспроверг Троцкого. Но, конечно, эти аналогии неточны. Значительно ближе по политическому наклону поступок Ельцина стоит к эпизоду в отечественной истории, когда Екатерина II верхом на коне во главе отряда гвардейцев захватила императорский дворец. Тогда не было практики создания Фондов, и потому ей пришлось попросту задушить законного императора руками своего любовника.

Вторая вспышка политического таланта Ельцина: три месяца - с сентября по декабрь - Ельцин вел переговоры с Горбачевым, демонстрируя свое участие в новоогаревском процессе, который должен был спасти Союз, хотя бы в форме Конфедерации. Но затем вместо продолжения вяло текущего подмосковного кабинетного процесса с участием всех республиканских руководителей Ельцин пошел на соглашение с Кравчуком и Шушкевичем в Беловежской пуще. В тот момент Горбачев пассивно ждал вестей о завершении работы над Союзным Договором.

Можно себе представить его состояние, когда он узнал из газет, по радио или телевидению о том, что Союза ССР больше не существует. Конечно, Горбачев еще имел возможность воспротивиться произволу и продолжить политическую борьбу за Союз. Но психологически Ельцин уже взял верх. Горбачев был сломлен и морально раздавлен. Ельцин вернулся в Москву победителем.

Отблеск мрачного величия лежал на многих последующих крутых шагах Ельцина. Шоковая терапия. Роспуск советского

парламента. Чеченская война. Каждый может судить об этих событиях со своей точки зрения. Все зависит от того, какие ценности он ставит на первое место. Номенклатурный капитализм или народное благосостояние. Твердую авторитарную власть или неустойчивую демократическую власть парламента. Единство России или анархическую независимость республик и регионов. Последнее слово должна сказать История.

Мы видим не более, чем треть той работы, которую проделал Ельцин. Проделал по традиции, в соответствии с российским принципом - мы за ценой не постоим. Ельцин возглавил гигантский поворот России, действуя именно согласно данного безжалостного принципа. Можно сказать: такова Россия, а можно - таков Ельцин. Все зависит опять-таки от точки отсчета. Я, отталкиваясь от своего характера, миропонимания и накопленного политического опыта, никогда не посоветовал бы Ельцину действовать так круто и бескомпромиссно. Но это вовсе не значит, что правы мы - либеральные советники, а не он - авторитарный президент и народный царь.

Не могу отделаться от предчувствия, что конец политического руководства Ельцина будет не менее драматичен, чем у Хрущева и Горбачева. Вряд ли все будет развиваться по прежнему сценарию тайного заговора, либо открытого противостояния. Здесь будет что-то новое, что-то необычайное, отвечающее характеру личности и власти Ельцина. Но трудно представить себе, что Ельцин закончит политическую биографию как Брежнев, Черненко или Андропов. Есть некая драматургия не только в театральном спектакле, но и в Истории. Конец должен сопрягаться с началом. Громы и молнии на политическом Олимпе, которые сопровождали приход к власти Ельцина, не могут не вызвать ливня или даже потопа в момент ухода. Что будет конкретно - провал на референдуме или на выборах, сговор соперников, обмен пушечными залпами между Кремлем и Белым Домом - никто не может предвидеть и предсказать. Кроты роют Историю у нас под ногами. Но то, что Ельцин не уйдет из Кремля так же просто, как ушел Горбачев, не успевший собрать бумаг и кабинетную пару башмаков, - несомненно.

Теперь, когда мы воздали должное политическому мастерству наших реформаторов, поговорим об их слабостях. Нахожу оправдание в подобного рода претензии в суждениях Никколо Макиавелли. Он писал в предисловии к книге "Государь", обращаясь к Медичи, правителю Флоренции:

"Быть может, Вы сочтете за дерзость, что человек такого низкого звания рискнул рассуждать о предметах столь возвышенных... Я должен Вам сказать, что для того, чтобы хорошо понять и оценить народ, надо быть государем, а чтобы знать государя, надо принадлежать к народу" [6].

2

Сейчас пойдет речь о наиболее спорном сюжете этой книги - о свойствах русского политического ума, проявившегося в деятельности современных реформаторов. Спорном, поскольку такие же свойства, возможно, нетрудно обнаружить и среди других наций, при сходных обстоятельствах.

Генерацию руководителей, которые пришли после Сталина, я наблюдал с довольно близкого расстояния, нередко - изнутри Кремля. Поэтому, кажется, имею основания сказать, что знаю, даже понимаю психологические мотивы их поступков, решений, их политического поведения. Еще раз подчеркиваю: речь идет не о русских вообще, а о русских в политике. Русский homo politicus в определенном отношении феноменален.

Пора задуматься о свойствах русского политического ума, которые сыграли не последнюю роль во всех катаклизмах периода реформации в России. Это, в известном смысле, уникальное явление. И свои заметки я начну со ссылки на высокий авторитет крупнейшего русского физиолога, лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова. Путеводной нитью в этом лабиринте сознания и подсознания, психологии, интенций, ценностных ориентаций будет для меня его работа, точнее, лекция на тему "О русском уме", которую несколько лет назад удалось разыскать с помощью специалистов и впервые предать гласности в "Литературной газете" [33]. Павлов выступил с ней весной 1918 года в Петрограде, растерзанном русской революцией. Видимо, последнее побудило его осуществить свое исследование, которое пролежало в тайниках архива более 70 лет. Лекция поражает глубиной анализа, ее выводы можно распространить на политический опыт последующих десятилетий, ибо Павлов ухватил нечто такое, что открывает нам окно в бездну политического сознания послевоенных и сегодняшних реформаторов. Итак, посмотрим на события недавней русской истории, о которых уже рассказывалось выше под новым - психологическим - углом зрения.

Но, позвольте, может спросить читатель, разве реформы

Петра Великого не были, как правило, результатом таких же, как и сегодня, спонтанных решений, да еще за ковшом крепкой водки? Разве не в такой же спешке Петр III принял решение о вольности дворянства? Исключение, пожалуй, составила реформа Александра II об освобождении крестьян: ее тщательно и долго готовили, что, впрочем, не спасло ее от произвола, который привел страну к революции 1917 года.

Я пока оставляю в стороне этот вопрос. Мне не хотелось бы заглядывать слишком далеко. Кроме того, эмпирического материала недостаточно, да и слишком велика дистанция между природными аристократами, которые правили Россией в прошлом, и современными деятелями. Меня, собственно, интересует феномен лидерства на позднем этапе российской империи.

Этот тип человека и деятеля в социальном плане не представляет загадки. Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин - все они представляют тех, кого в России называют интеллигентами в первом поколении, а точнее - полунинтеллигентами. Выходцы из беднейших слоев населения, едва прихваченные культурой и образованием, получившие специфический опыт в качестве партийных секретарей, они явно отличались в худшую сторону от своих предшественников на русском троне. Хотя в чем-то, например, в интуитивном знании народной психологии, имели и некоторые преимущества.

Итак, пойдём за Павловым. Он предупреждает, что его анализ не касается особых свойств русского научного ума. Его не интересует массовый, общенародный ум, который не определяет судьбу страны. Он разбивает ум на две категории: ум низших масс и ум интеллигентный. И здесь его интересует не сознание масс - невежественное и не пробудившееся, а ум интеллигентного человека. Ибо "то, что произошло сейчас в России, есть, безусловно, дело интеллигентного ума, массы же сыграли совершенно пассивную роль" [33].

Я мог бы сказать абсолютно то же самое о нашем времени. Хотя немалое значение имела новая процедура выборов политических руководителей, хотя толпы народа нередко выходят на улицы, участвуют в митингах и демонстрациях, перестройка и реформация - в основном или, даже, исключительно дело интеллигенции. Не случайно такую огромную роль играют печать и телевидение. Кто контролирует средства массовой информации - тот, фактически, направляет политический про-

цесс. А контролирует их по-прежнему власть.

Первой особенностью русского ума Павлов считает отсутствие сосредоточенности. Русский человек не склонен к сосредоточенности, не любит ее, даже отрицательно к ней относится. Проще говоря, он не любит думать, он спешит высказаться, вступить в полемику, принять решение.

Данное свойство, полагаю, коренится в противоречии ума и таланта. Русские политики чаще бывают талантливы, чем умны. Собственно, это открытие, как ни странно, принадлежит Ленину. Он говорил Горькому, что русский человек талантлив, но умен он бывает только с примесью немецкой или еврейской крови.

Если взглянуть на историю русской культуры, мы обнаружим, что она создала великое искусство и литературу, но дала сравнительно мало в философии и политической мысли. Здесь она была, в основном, подражательной. И идеи коммунизма, и демократия, и рынок - все это взято на прокат из-за рубежа и едва сопряжено с русской действительностью.

Если мы вернемся к русскому политическому уму, мы увидим еще больший разрыв с рациональными началами. Не было ни одного крупного решения реформаторов, которое было бы выношено, продумано, взвешено, рассчитано. Импровизация. Порыв. А почему? Страсть, эмоция берет верх над разумом. Это целиком относится к Хрущеву. Может быть, Горбачев кажется исключением, но только по одной причине - он часто воздерживался от действий из осторожности.

Но, как мы уже могли убедиться, он не сумел предвидеть ни одного из последствий своей политики - ни в международной жизни, ни, тем более, дома.

Не любят или не умеют думать? Не знаю. Но выглядит именно так - плохо думают. Не случайно сложилась поговорка: русский человек задним умом крепок. Это означает, что он оценивает события, когда они уже свершились.

Павлов видит болезненное проявление этого свойства в неумеренной говорливости. Человек много говорит, когда мало думает. Он метко называет это - "беготня мысли". И Хрущев, и Горбачев удивительно любили много говорить. Просто сил никаких не было слушать: много, торопливо, хаотично, самозабвенно, самовлюбленно. Это вообще самая примечательная черта нынешнего времени. Парламентская трибуна, газеты, телевидение, гнутя, стонут, задыхаются от избытка недодуманных, недоношенных, суетливых слов, предложений,

критик.

Народ поначалу увлеченно прислушивался к политикам, следил за их стычками и перипетиям. А сейчас - народ устал и отвернулся от них. Это прямой результат политического стиля нынешней эпохи. Болтовня вместо разумных решений и бумажные решения вместо продуманных действий.

Отсюда импровизация как главный метод политических решений. Секретный доклад Хрущева о преступлениях Сталина на XX съезде КПСС готовился в ужасной спешке, без всякого обдуманного плана действий после его оглашения, даже в сфере информации, без анализа возможных политических последствий внутри страны, восточно-европейских стран-сателлитов - Китая, западных компартий. Доклад был частично надиктован Хрущевым в присутствии ему хаотическом стиле, примеры отобраны случайно, многие по памяти, серьезных выводов о судьбах Системы, оставленной Сталиным, он не выдвигал. Это был эмоциональный взрыв, политическая Хиросима и потому события в Венгрии в 1956 года, как и реакция Мао Цзэдуна, застали русских лидеров врасплох.

Но этот последний шаг Хрущева можно оправдать политической ситуаций. Окруженный в Политбюро твердокаменными сталинистами, зная, что почти весь состав XX съезда будет против или не воспримет разоблачения культа личности, Хрущев не мог действовать размеренно, взвешивая каждое слово.

Он любил и умел рисковать как политик. XX съезд, секретный доклад перед делегатами, большинство которых не разделяли его взглядов, - это гигантский личный риск. Июньский пленум 1957 года - снова игра ва-банк. Карибский кризис - все на карту в борьбе за ядерный паритет.

Это был человек острого политического ума и здравого смысла, без всякой общей культуры, которая дается образованием.

Однако авантюризм Хрущева и привел его к падению. Он еще не исчерпал своей политической роли, мог много сделать для переустройства страны, однако позволил снять себя самым глупым образом, не заметив возни заговорщиков у себя под носом.

Что-то роднит этих двух деятелей - Горбачева и Хрущева, не правда ли? Прежде всего, личные качества: активность, реформаторский характер и генетический демократизм. Оба они родились в деревне, причем Горбачев - в казачьем районе, там,

где еще сохранилась тяга к русской вольнице. Затем оба представляли то направление в партии, из которого вышли такие деятели, как Бухарин, Рыков, Вознесенский. Это направление демократического социализма, которое не умирало, несмотря даже на сталинские избиения и брежневский консерватизм. Не этим ли объясняются такие, казалось бы, необъяснимые явления, как приход к руководству после Сталина Хрущева, а после Брежнева - Горбачева?

Но Горбачев сильно отличается от Хрущева. Не будем говорить о различии в их образовании. Не это главное. Главное, что Горбачев представлял новое поколение - поколение советских руководителей-шестидесятников, которое несло в себе черты новой демократической политической культуры.

Горбачев сбросил с себя наивные догматические вериги, он понял, что наша страна превращается в одну из самых отсталых в современном мире. И что причина этого - командно-бюрократическая система. Она заковала народ, его мысль, его волю, его инициативу и отбросила нас на обочину цивилизации. Отсюда и родилась главная формула, с которой жил и работал Горбачев: "Так жить нельзя!"

Но напомним об историческом решении Горбачева о перестройке. Это была та же спонтанная импровизация, продиктованная скорее чувством, чем разумом.

Так жить нельзя, но как жить можно? Куда вести страну? Как реформировать экономику, политическую систему, духовную жизнь? Вот здесь-то и начались главные муки, сомнения и страхи Горбачева, которые, в конечном счете, стоили ему политической карьеры. Весь поиск новых решений выглядел как сплошная импровизация. Никто не умел и не хотел оглянуться на опыт других стран, которые проделали переход от тоталитарной системы к экономической свободе и демократии. Никто не помог найти правильные пути и решения.

Теперь путч августа 1991 года. До сих пор никто, ни на Востоке, ни на Западе не может понять, была ли на самом деле попытка переворота.

После путча Горбачев абсолютно не понял ни нового соотношения сил, ни подлинных замыслов оппонентов. Когда Горбачев сдал в Матросскую тишину все свое правительство, он полностью лишился поддержки силовых министерств и утратил исполнительную власть. Примирившись с запрещением компартии, он потерял пост Генсека и поддержку многомиллионной организации. А тут еще и роспуск последней

опорной базы - Съезда народных депутатов СССР. На что он рассчитывал? На роль английской королевы - царствовать, но не властвовать? Но для этого надо было родиться королем, и лучше в Британии, чем в бурлящей страстями России. Назарбаев в интервью с нами задает вопрос: почему Горбачев не созвал Съезд после Беловежской пуши? Все по той же причине.

Еще один пример, связанный уже с деятельностью Ельцина.

Распад СССР. Психология людей, принимавших это решение. Ни один вопрос, обычный при разводе, даже семейном, не был обсужден. Что будет с армией, флотом, атомным оружием, военными заводами, единой системой транспорта, с разделом зарубежного имущества, с границами, что будет с автономными национальными республиками внутри новых государств, как транспортировать нефть и газ, поставляемыми за бесценок из России, и со множеством других проблем - все это осталось за кадром. Такого спонтанного распада не знала ни одна из мировых империй, которые рушились, кстати, под воздействием могучих внешних или внутренних ударов.

Ельцин - вообще натура героическая. В нем живет жажда риска. Его "Исповедь на заданную тему" вся соткана из этого материала. В детстве - игры с гранатой, которые привели к травме руки. В юности - поездка через весь Союз на крышах вагонов. В молодости - азарт борьбы в спорте, в волейболе и теннисе (я сам прошел через это и знаю, как это захватывает). И главное, конечно, - политическая игра. Но именно эта черта характера нередко толкает его на путь импровизации.

Самый рискованный, почти самоубийственный шаг - выход из состава Политбюро. Как он мог решиться, в каком состоянии души - трудно себе представить. Тогда он еще и в мыслях не имел замену восточной системы власти на западную. Это был стихийный взрыв могучего темперамента, который не может смириться - не так важно, с чем: с самовластьем Горбачева, нападками Лигачева, кандидатским статусом в Политбюро.

Стремление к героике составило канву всей биографии Ельцина в последние годы. Вырвать Россию из пут Советского Союза. Неправда ли - неожиданное проявление героики? Я-то, ничтоже сумняшеся, всю жизнь полагал, что СССР - это и была Советская Россия, управляемая русскими людьми и выражающая, прежде всего, традиционные русские интересы. Оказалось - нет! Была другая позиция, другое мироощущение:

Россия - это только Российская Федерация. Поэтому и Беловежская пуца для одних - развал великой России, а для других - ее освобождение от бремени "инородцев". Точно так же по-разному видится и выталкивание бывших советских республик из рублевой зоны. Правда, мы потеряли половину населения и больше трети территории в Европе - но "великий подвиг" высвобождения Руси свершился! ...Увы!

Но еще больше риска потребовала шоковая терапия в начале 1992 года. Так круто развернуть историю страны, чтобы в 2-3 года перескочить с ломовой государственной коняги на скаковую частнособственническую лошадь - это требовало неслыханного риска. Были прецеденты - белая революция шаха Ирана, революция в темных очках Пиночета, преобразование черной кошки коммунизма в белую капиталистическую киску Дэн Сяопина. Но всем им понадобилось не менее 10-15 лет. А китайцы планируют воздвигнуть полное рыночное хозяйство только к 2000 году.

Иное дело мы. У нас иной размах, иные темпы, потому как иной характер. То на печи сидим недвижимо, то - что есть в печи, все на стол мечи! Производство, "деревянный" рубль, внешние рынки, военная мощь, союзники - все побоку. Нужен новый цивилизованный мир, и мы его добудем, "не пройдет и полгода", как пел Высоцкий. Не из этого ли психологического истока исходят провалы наших экономических реформ?..

Здесь мы вплотную подошли к еще одной черте русского ума, о которой пишет Павлов: русский ум не привязан к фактам, он не идет за кулисы слов, он не любит смотреть на подлинную действительность. Ленин когда-то говорил о том, что нужно соединить русский революционный размах с американской деловитостью. Это осталось пустой мечтой.

В мире трудно найти политику, которая меньше считалась бы с реальностью, чем политика СССР и нынешней России. Искажение фактов и самообман стали каким-то наваждением политического процесса. Сейчас стали известны подробности того, как принималось решение по Афганистану.

Кто изучил положение в Афганистане? Кто дал анализ расстановки там политических сил? Кто взвесил международные последствия? Всего этого не было. Решение - вопреки фактам, а там - как получится. Русский авось - трудно переводимый на иностранные языки не из-за недостатка слов, а из-за отсутствия такой странной традиции. Авось означает - может быть как-нибудь когда-то все образуется.

Ложь стала правилом политической жизни в России. Раньше думали, что это результат коммунистической демагогии, теперь - не на кого сваливать. Демократы лгут еще больше и еще крикливей, чем коммунисты. По поводу цен, инфляции, заработной платы, жизненного уровня, рейтинга руководителей, потерь в Чечне. Каждая группа тащит одеяло действительности на себя и безбожно перевирает факты. Это не столько вопрос морали, это какое-то неотъемлемое свойство ума.

Народ отвечает на ложь правительства своим обманом: утечка валюты за рубеж, массовые уклонения от уплаты налогов - и не только граждан, но и учреждений и даже целых регионов. Все это уже вошло в свойство и ума, и характера огромного числа людей.

Затем, нетерпимость и безапелляционность. Павлов с удивлением отмечал, что члены тогдашней Государственной Думы в пылу полемики рассматривают оппонента не как партнера, а как врага или даже шпиона. Полное отсутствие беспристрастности ума, способности выслушать возражения, внести коррективы в свое мнение. Глухая привязанность к своей мысли, к своей идее.

Слепая привязанность к идее, писал Павлов, совершенно не считается с условиями жизни. Он ссылается на идею защиты интересов рабочего класса, которая именно в России была доведена до диктатуры пролетариата. Он предсказывал возможность полного прекращения политического существования России в результате осуществления подобных, оторванных от жизни идей.

Но и сейчас наши политические умы сохранили свою фанатичность. Те самые люди, которые еще вчера поносили рынок, сегодня насаждают его силой. Пусть криминальный, пусть номенклатурный, пусть вопреки народному сознанию, но идея должна торжествовать любой ценой. А что касается борьбы бывших правительства и парламента, о которой писал Павлов, то в наше время она приобрела еще более уродливые формы.

Решение о переходе к рынку и либерализации цен тоже не имело никакого плана. Е.Гайдар откровенно признавался в этом в начале пути. Потому-то он и обещал, что доллар будет в итоге стоить не больше 60 рублей, что спад производства остановится в конце 1992 года, что рынок заработает уже в 1993 году. Он не лгал. Он просто следовал русской традиции -

броситься в воду, а там как-нибудь выплывем. Авось да небось - как бы не началась эта игра по новой после декабрьских выборов. Неужели стране снова грозит вселенская импровизация?

Важнейшее свойство русского ума Палов видит в отказе от стремления к истине. Отказаться от ложного вывода - это требует смирения, скромности. "Возьмите вы наших славянофилов, - говорит Павлов. - Что в то время - XIX век - феодально-буржуазная Россия сделала для культуры? Какие образцы показала она миру? А ведь люди верили, что Россия протрет глаза "гнилому" Западу. Откуда эта гордость и уверенность? И вы думаете, что жизнь изменила наши взгляды? Нисколько! Разве мы теперь не читаем чуть ли не каждый день, что мы авангард человечества?" [33].

В этом месте мне хотелось бы дополнить Павлова. Не только гордыня является источником мнения о превосходстве русского политического ума. Есть еще два важных свойства. Одно описал Лев Толстой в книге "Война и мир". Там есть замечательное рассуждение о том, почему представители разных наций испытывают превосходство над другими. Француз - из-за мужской самоуверенности, немец - из-за веры в науку, а вот русский - в силу невежества. Не знаю и знать ничего не желаю! Он считает себя выше других потому, что ему не требуется знание, он будущее схватывает интуитивно.

Но есть и более глубокая причина такого свойства ума. Комплекс неполноценности. Русские политики в глубине души всегда испытывали именно это чувство. Русские - запоздавшая нация, нам все время приходится догонять преуспевшие народы. И, несмотря на продвижение вперед (пятилетки Сталина, гонка Хрущева за Америкой), отставание не уменьшается, а увеличивается. Тогда в качестве спасительной компенсации появляется презрение ко всему чужому и гордость за все свое. Это чувство сопровождало нашу элиту все 70 лет. Сейчас чувство неполноценности временно взяло верх. Но уже накатывается новая волна отчуждения от Запада, других цивилизаций, как менее духовных и нравственных, чем российская. Даже западник Горбачев не удержался от поучений, адресованных всему человечеству. Помните название его книги: "Перестройка для нас и для всего мира". Однако, если и идет перестройка мирового порядка, то совсем не по канонам нового мышления Горбачева.

И еще два, довольно типичных свойства русского полити-

ческого ума. Первое - болезненная зависть. Чаще думают, как бы не пустить соседа вперед, чем добиться чего-то самому. Жены наших лидеров особенно открыто демонстрируют эти качества мужей по принципу: жена - это продолжение недостатков супруга. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как первые дамы страны "накручивали" наших лидеров против коллег, используя самые примитивные доводы - сравнивая привилегии, что имеют их семьи, сколько раз ездят за границу и т.п.

Пусть это не покажется странным, но сама перестройка имела одним из своих источников социальную зависть политической элиты к образу жизни руководителей западного мира. Их уже не удовлетворяла власть как таковая, им понадобился комфорт, поездки за рубеж и, наконец, собственность. Коррупция и воровство российских бюрократов тоже подогреваются завистью: тот уже все схватил, а я зеваю.

Другое свойство - и это идет от тысячелетней традиции - произвол. Свобода понимается как вседозволенность. Свобода ума, свобода политических решений, не ограниченная обществом, законами. Куда хочу, туда ворочу колесо истории - вот что нередко понимали русские лидеры под властью и свободой. С момента своего возникновения в годы перестройки парламент России стал бороться против законов, принимаемых парламентом Союза ССР. В качестве отмщения он получил войну парламентов национальных республик и регионов, входящих в Федерацию, с одной стороны, а с другой - войну указов президента Ельцина, отвергающих многие парламентские законы. Такого правового беспредела еще не было в России никогда - это признают все. И причина не столько в рационально рассчитанных интересах, сколько в свойствах ума и характера политической элиты. Свобода как неограниченная ничем воля.

Картина русского политического ума в его современном виде может показаться мрачной. Но нам нужно понять себя, если мы хотим начать, наконец, переход к современному и нравственному обществу. И поэтому лучше пересолить, говоря о недостатках, чем недосолить. Нас слишком долго кормили сладкими сказками, надо осознать и горькую реальность. Как говорил Павлов, "это долг нашего достоинства - осознать то, что есть, что необходимо для будущего и шанс преодоления своих недостатков", "значит, не смотря на то, что произошло, все-таки надежды мы терять не должны".

Полагаю, что наши надежды связаны с приходом в политику нового поколения людей, которым сейчас 25-30 лет. Они вырастут в условиях большей свободы и более тесных контактов с современным миром. Они будут другими - лучше нас. Что касается нынешних правителей России, то, если бы они спросили совета, а это сомнительно, можно было бы сказать: учитесь управлять собою и страной. Управление - это каждодневная, рутинная, скучная работа. Бумаги, телефон, информация, решения, контроль и, главное, - предвидение результатов. Довольно скачков - мы не блохи, которые должны быть державной волей принесены в жертву следующим блошиным поколениям. Мы люди с нормальной потребностью работать, отдыхать, творить, есть, пить и любить. Надо понять это, а не вовлекать всех снова и снова в переходные периоды и переломные годы.

Конечно, нужны реформы. Мы боремся за них вот уже 40 лет. Но нужны разумные реформы ради лучшей жизни людей и надо управлять ими еще более продуманно, как всякой ломкой и всяким созиданием. Иначе снова придется звать варягов, причитая при этом: страна наша велика и обильна, а порядка в ней нету.

Если реформы провалятся и на этот раз, придется смириться с горьким стоном Есенина: "А месяц будет плыть и плыть, роняя весла по озерам, и Русь все так же будет жить, рыдать и плакать у забора".

Но на рубеже третьего тысячелетия с этим мириться никак нельзя.

3

В нашей публицистике господствует мнение, что коммунизм полностью видоизменил исторический характер, традиционные для России методы и стиль деятельности советских вождей. Странно сказать, но этот взгляд повторяет известную мысль Сталина о том, что аналогия в истории опасна. Сталина понять можно. Он опасался разоблачения его имперских устремлений, самодержавных наклонностей, выявления сходства его методов правления с жестокостями Ивана Грозного. Нынешние историки вольно или невольно возвращают нас к такому же подходу. Они утверждают, что Сталин, а затем Хрущев, Горбачев и Ельцин - уникальное порождение только XX века, новой социальной среды, большевистской идеоло-

гии. При этом они отбрасывают все, что определяется веками, национальным характером и трагической национальной историей.

Вопреки тому, что принято думать, природа человека меняется очень медленно. В основе своей русский характер мало изменился за последние несколько веков. Конечно, условия жизни и труда в городах и поселках качественно видоизменились, хотя большинство людей в российских деревнях до сих пор живут почти в тех же жилищах, едят едва ли намного более качественную пищу и передвигаются нередко примерно по таким же дорогам, как и их деда, люди начала XX века. Как говаривал Воланд в "Мастере и Маргарите" М.Булгакова, "люди как люди, несмотря на новую аппаратуру".

Поэтому сравнительная типология правителей России, особенно реформаторов, обнаруживает поразительные совпадения, удивительное сходство характеров и методов действия, и даже повторение судеб. Видимо, причину этого явления нужно искать в повторяемости истории, политической истории в первую голову. Никколо Макиавелли вслед за древними мыслителями верил в то, что история развивается по кругу. Ему импонировала схема Аристотеля, в основе которой лежало представление о трех правильных и трех извращенных формах власти. Монархия, аристократия, демократия - правильные, а тирания, олигархия, охлократия (власть толпы) - неправильные. Их смена идет как круговорот: когда монархия превращается в тиранию, на смену приходит аристократия, она в свою очередь вырождается в олигархию и наступает демократия, которая переходит в охлократию. Потом новый круг.

Но здесь меня интересует не история в целом, а эволюция власти, и еще конкретнее, типология лидерства в России. Мне хотелось бы рассеять убеждение в уникальности советских и постсоветских вождей, показать читателю, что деятельность наших реформаторов проходила в кругу некоторых общих политических идей, которые прошли через вековую историю России и не решены до настоящего времени.

Вначале о нескольких главных, противостоящих друг другу идеях, сложившихся изначально на Руси. Они определялись поиском места России среди других цивилизаций: Европа или Евразия; централизм или сепаратизм; завоевание или объединение; западничество или славянофильство; самодержавие или монархия, ограниченная элитой; государственная или частная

собственность; произвол или законность. Вся политическая история России вращалась вокруг этих проблем. И круг еще не замкнут.

Теперь о типологии лидерства. Среди руководителей России в XX веке в советский и постсоветский периоды можно выделить пять основных типов:

1) революционер (Ленин); 2) диктатор (Сталин); 3) тираноборец (Хрущев); 4) либерал (Горбачев); 5) демократор (Ельцин).

Критерии этих разграничений: цели и методы преобразований; их социальная направленность; характер политического режима; культура и психология личности. Как правило, названные деятели воплощали в себе некий сгусток качеств, которые отражали и их объективную политическую роль, и их индивидуальность. Каждый из них как будто был специально отобран для выполнения задачи, отведенной им на подмостках политической сцены неведомым режиссером. Мы можем назвать его Историей, Провидением, Закономерностью, Случаем. Никто не знает истины. Приходится принимать явление того или иного лидера как данность и описывать его в категориях сущего, а не абстрактного идеала.

Конечно, ни один из названных типов реформатора не проявил себя в "чистом" виде. Ленин проводил не только революционные реформы, которые взрывали общество (например, национализация), но и реформы эволюционного характера (НЭП). По характеру он склонен был к личностному нажиму, диктату, хотя считался и с другими вождами. Ельцин осуществлял не только демократические реформы (Конституция 1993 г.), но и взрывные, революционные преобразования (распад СССР, шоковая терапия), иной раз увлекался методом силового давления, нередко оставлял за собой право единоличного принятия решения. Но при определенной условности предлагаемой типологии, она, как мне представляется, схватывает главные стержневые черты в деятельности каждого из названных преобразователей России.

Важен также вопрос: является ли предлагаемая типология слепком исключительно нашего времени, или можно найти аналоги ей в истории России? Думается, что нынешние реформаторы не свалились с неба, они имели предтеч в прошлом страны. Это связано с неразрывностью исторической ткани, как с определенным сходством решаемых задач и преодолеваемых угроз, так и с известной константой - неизменностью

некоторых личностных качеств русского национального характера, точнее, характера русского политического человека.

Попытаюсь кратко показать справедливость данного заключения. Переключка веков в форме дихотомии: Сталин - Грозный; Хрущев - Годунов; Горбачев - Александр II; Ельцин - Петр I.

Приподнимем завесу времени и заглянем в прошлое России, ибо каждый из ее деятелей в XX веке имел своего предтечу. Конечно, здесь нет прямых совпадений, но сходство обстоятельств и лиц бывает поразительным.

Наибольший интерес для понимания возможностей реализации идеологических и политических устремлений современной России представляет опыт самодержцев, которые приняли отчаянные попытки развернуть историю страны в сторону Европы. Это Петр Великий и Александр II. Горбачев черпал многие идеи для своих преобразований у последнего, точно так же, как Ельцин постоянно оглядывается на Петра, оправдывая свои радикальные шаги и жесткие методы его примером. Подобно Александру Освободителю Горбачев был отвергнут радикально-демократической Россией. Что касается Ельцина, то ему уже пришлось испить горькую чашу разочарований результатами радикальных реформ. И нетрудно предсказать, что его преемники обойдутся с его нововведениями так же, как наследники Петра.

Двести лет прошло между двумя взрывами реформаторства - Петра I и Александра II. Но несмотря на дистанцию, решались тогда сходные задачи: налаживание профессионального управления; установление честного правосудия; повышение эффективности хозяйства; просвещение народа. Это говорит о том, как медленно тащилась политическая телега России по ухабам и весям истории. Страна невероятно расширилась на Запад и особенно на Восток, а государство оставалось архаичным, феодальным.

Однако при всем сходстве задач это были реформы двух разных типов по методам реализации: деспотические, силовые, жесткие у Петра и европейские - мягкие, либерально-щадящие, плавные у Александра. О Петре принято говорить, что он пробил окно в Европу. Это верно лишь в том отношении, что Петр проводил внешнюю и внутреннюю политику, которая вывела Россию из изоляции и сделала ее могучей, влиятельной державой на континенте. Но при этом как личность Петр сохранял режим восточного деспотизма, укрепив его с помощью

бюрократических западных форм управления. Александр же в новую эпоху начал реформы, которые ограничивали деспотическую составляющую самодержавной власти и могли при благоприятных обстоятельствах превратить Россию в цивилизованную европейскую страну.

Если мы присмотримся поближе, легко обнаружим весьма односторонний интерес Петра к достижениям Запада. Технология и военное дело, внешние атрибуты быта, но не социальная жизнь, политическое устройство и нравы. С петровских времен такой специфический подход в освоении европейского опыта стал русской традицией. Мы можем чему-то научиться в сфере производства, но не в области духа и политической жизни. В этой традиции кроется ответ на вопрос, почему Ленин, который прожил десяток лет в Швейцарии, Франции, других странах Европы, не только не заинтересовался их демократическими учреждениями, а, напротив, испытывал к ним глубокое отвращение. Он называл парламент не иначе как "говорильней". Кстати, и у Ельцина иной раз срывается с языка такая же характеристика парламента, с которым он перманентно конфликтует.

К сожалению, наши реформаторы советского и постсоветского времени как личности не идут в сравнение с гигантской фигурой Петра Великого. А вот его слабости и недостатки во многом типичны и для них.

С деятельностью Петра связывалось и укрепление границ на Западе и на Юге, открытых для агрессии против русского государства. Война и дипломатия стали главными орудиями достижения этих целей. Из 35 лет царствования Петра не больше года царь прожил в мире. Он воевал со Швецией, которая угнетала тогда целую группу северных государств, с Турцией, поработившей южные народы Европы, и даже с Персией. Примечательно, что войны эти были коалиционные, и Петр впервые выступил как союзник христианских государств Европы. Победы русского оружия обеспечили стране новую роль в международных отношениях, с которой Россия уже никогда не расставалась. Поэтому, когда в наше время от России требуют отказа от ее международной роли, связывая это с экспансионистской политикой СССР, - это удар ниже пояса. Почти триста лет Россия занимает определенные позиции в Европе и мире. Не только элита, но и народ привыкли к этому и вряд ли откажутся от завоеванного положения. Изоляция России так же противоестественна, как возвращение к довоенному

изоляция США. Иное дело - цели, которые выдвигает современная Россия. Они не имеют ничего общего с экспансией на Запад или Восток.

Промышленная реформа стала одним из важнейших направлений деятельности Петра. Поездка на Запад навсегда оставила глубокое впечатление в его сознании как образец невиданных в России промышленных достижений. Но решал эту задачу Петр привычными деспотическими средствами. Разработку всех богатств, которыми располагала Россия, он начал и проводил принудительными государственными мерами. Он говорил: "Новое дело наши люди без принуждения не сделают". Иногда дело доходило до курьезов. Так, оберегая лесные угодья, он издал специальный указ о запрещении делать гробы из дуба, разрешив только в исключительных случаях - из сосны [27].

Петр прочно заложил традицию государственного руководства заводами, фабриками, регулирования отношений между работодателями и крепостными, которые составляли главную рабочую силу. Для поощрения развития промышленных предприятий и торговли, руководства и контроля в 1719 году была создана Мануфактур-коллегия (министерство экономики) - предшественница советского Госплана.

Служилая бюрократия возникла при Петре как важный результат его реформ. Вразрез с прежним обычаем Петр рекрутировал чиновников из всех слоев населения. Он впервые установил табель о рангах для классификации служилых людей. Введя иностранное наименование должностей - секретарь, ассессор, генерал, губернатор и т.д. - Петр определил 14 рангов бюрократической иерархии. Странно, но сейчас мы вернулись ко многим наименованиям должностей петровского времени и установили табели о рангах в министерствах, ведомствах и даже в Академиях наук, которые насчитывают... 14-16 ступеней.

Забавные ассоциации вызывает сравнение реформ Петра в аграрном секторе с советским периодом. В России издавна хозяином земли считался князь, а потом - царь и император. Основным способом приобретения земли была раздача ее за службу. Исключение составляли князья, которые вели свою родословную от Рюрика и получили право землевладения в качестве правителей областей.

Существовали две формы пожалования земли: вотчины, которые представляли собой наследственную собственность, и

поместья - они давались пожизненно и не подлежали наследованию. Массив земли, принадлежавший государству, все еще был огромен. Петр, а за ним Екатерина II и другие цари, постоянно раздавали эти земли за добрую службу государству. Важная реформа Петра состояла в том, что поместья стали сближаться с вотчинами и наследоваться при определенных условиях (продолжении службы наследниками).

Поместные дачи (от слова "давать") дожили до наших времен. Путешествуя в окрестностях Москвы, еще недавно можно было увидеть сотни огороженных деревянными заборами участков земли с добротными строениями на них. Самые шикарные представляли собой государственные дачи. На них проживали Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев и живут нынешние руководители. И не только чиновники высшего ранга, но и сотни тысяч чиновников среднего уровня пользовались в советское время этими дачами почти бесплатно, не ведая, что эта форма восходит к древним российским традициям. Даже писатели получали дачи под Москвой в пожизненное пользование. Попытки перевести эти рудименты в современные формы владения пока заканчиваются провалом. Традиции - душа держав.

До наших дней дожила и традиция личной зависимости крестьян от государства или помещика. При Петре было два рода сельского состояния - государственные крестьяне и крепостные люди. Отец Петра, царь Алексей Михайлович, в крупнейшем законодательном акте - Уложении (1649 г.) связал землевладельца крепостью (от слова крепок) с крестьянином при условии предоставления тому земельного надела. При этом крестьянин выполнял свои обязанности в одной из двух форм: в виде барщины - он работал бесплатно несколько дней в неделю на поле землевладельца, либо в виде оброка, платя хозяину как бы налог или дань, как платят завоевателю. Кроме того, крестьяне платили налоги в казну.

При Петре закрепились община как солидарная форма ответственности крестьян перед государством и помещиком. В конце XIX века она стала важным институтом сельского самоуправления.

Интересно отметить, как эти формы деревенского быта сказались на аграрных преобразованиях в советский период. Существовало две основных формы в сельском хозяйстве - государственная (совхозы) и коллективная (колхозы). Крестьяне при советской власти были лишены собственности на землю.

Они выступали в качестве пользователей, правда, земля за колхозами закреплялась навечно. При Сталине крестьяне не имели паспортов или других видов на жительство, им было чрезвычайно трудно уходить в город или в другие хозяйства. И сейчас сохранились еще те же две основные формы ведения сельского хозяйства. Крестьяне работали на совхозном или колхозном поле и на личном участке земли, который во много раз был меньше того, что они имели в период крепостного права. И все же крестьяне очень неохотно идут на ломку привычных институтов, большинство из них энергично сопротивляется частной собственности на землю. Они опасаются, что земля окажется в руках городских спекулянтов или иностранцев, и они утратят даже те немногие права, которые имеют.

Петр закрепил на века государственное общество. Россия так и не познала свободного гражданского общества, не зависимого от власти. Ее цивилизация - это государственность. Петр, в отличие от всех прежних царей, называл себя слугой государства, величие которого составляло сущность его устремлений и преобразований. Эта традиция создала благоприятную почву для русского тоталитаризма, который в отличие от фашизма, имел феодальное, а не буржуазное происхождение.

Вот почему реформы Петра до настоящего времени остаются предметом острейших споров. Западники видят в них предтечу нынешнего поворота России от изоляционизма к открытому обществу. Либералы отвергают жестокие методы порабощения народа Петром. Русофилы тоскуют об обычаях милой старины, отвергнутых Петром. Государственники - а их влияние растет по мере распада России - видят в Петре свое знамя.

Посколькú Ельцин склонен сравнивать свои реформы с преобразованиями Петра I, и мы отметим некоторое сходство между ними прежде всего в методах осуществления реформ: радикально, скачкообразно, не считаясь с жертвами и издержками. Модернизация по западным образцам - тоже элемент сходства. Но дальше - прямое противостояние.

Петр всю жизнь свою посвятил укреплению могущества государства российского, его армии, флота, его промышленности, прежде всего, военной, расширению его границ, повышению международной роли. Деятельность Ельцина имеет прямо противоположный вектор. При нем произошло разрушение великого российского государства, отделение Украины,

Белоруссии, Кавказа, Средней Азии, сокращение и уничтожение объектов военной промышленности, ослабление армии, потеря лучшей части флота, резкое падение международной роли России. Конечно, было бы неверно связывать эти потери с деятельностью одного человека. За этим стояли и какие-то исторические тенденции. Но факт остается фактом: все это выпало на время руководства государством наших реформаторов.

Важнейшая реформа Петра I - образование и просвещение аристократии и народа, что обеспечило колоссальный взлет науки и культуры в России через 100-200 лет. У нас же сегодня идет разрушение всей системы образования и просвещения. Фундаментальная наука нередко рассматривается властями как нечто ненужное, бездоходное, паразитическое. Какие же это петровские реформы? Сталин был куда ближе к истине, когда сравнивал Ленина и себя с Петром, поскольку, после первых революционных призывов к самоопределению наций, Ленин и Сталин быстро спохватились и железной рукой стали восстанавливать целостность России, ее военное и экономическое могущество. Используя самые чудовищные методы, Сталин, а затем Хрущев превратили ее во вторую промышленную и ядерную державу на земле. Это было ужасно для нескольких поколений людей, но имело ту же цель, что и у Петра - величие Державы.

Что до Ельцина, то он пожертвовал державностью ради экономического прогресса, но не добился ни этого, ни улучшения условий жизни народа.

Конечно, можно все списать на переходный период. Как говорится, не показывай дураку половину работы. Но сейчас едва ли проделана одна пятая часть этой работы. Значит еще два-три поколения людей обречены жить в переходном состоянии - в бедности, зависимости, при отсутствии социальных гарантий.

Теперь перебросимся в эпоху, которая была своеобразной перестройкой во второй половине XIX века. При загадочных обстоятельствах умирает царь Николай I. На престол взошел Александр II Освободитель.

Наступил момент в жизни страны, который сто лет спустя - в 1953 году - как бы повторился после кончины Сталина. Общество пробудилось от спячки, стало избавляться от страха, было охвачено жадной перемен. Поражение русской армии в Севастополе, разложение чиновников, техническая отста-

лость, цензура и ужасающая стесненность духовной жизни - все звало к реформам. И снова взоры обратились на Запад в поисках примеров политической общественной жизни и промышленного развития.

Самыми крупными преобразованиями Александра II стали: освобождение крестьян - земельная реформа; создание местного самоуправления - земская (от слова земля) реформа; реформа печати и образования; учреждение суда присяжных - судебная реформа. Я не собираюсь подробно рассказывать об этих грандиозных переменах, которые открыли дорогу капиталистическому рынку и либерализации в России. Отмечу лишь некоторые моменты, существенные для понимания истоков нынешних реформ.

Отмена крепостного права явилась первым примером глубокой социальной реформы "сверху". Александр II, убеждая строптивых землевладельцев, говорил им, что, если мы не освободим крестьян "сверху", они сами освободят себя "снизу". Заметим этот момент. Он важен для понимания реформ "сверху" от Хрущева до Горбачева и Ельцина.

Причинами аграрной реформы были постоянные бунты крестьян, убийства помещиков, а также неэффективность крепостного хозяйства в условиях проникновения новых технологий. К началу реформы насчитывалось 3,5 млн. крестьян, которые значились за императорской фамилией; 23,1 млн. - государственных; 23 млн. принадлежало помещикам. Последних было немногим больше 100 тысяч. Все население России, включая Польшу и Финляндию, насчитывало 62,5 млн. человек [27].

Как видим, Россия представляла собой уникальную страну в Европе, где более 80% населения проживали в деревнях и владели полурабское существование. Эта статистика хотя и изменилась к революции 1917 года, однако не намного. Освобожденные крестьяне тогда все еще составляли около 80% населения. Советская элита формировалась в основном за счет выходцев из деревни. И многие реформаторы, в том числе Горбачев и Ельцин, с гордостью говорят о своем крестьянском происхождении.

Обсуждалось три плана освобождения крестьян. Дворянство Москвы считало, что достаточно осуществить некоторые меры по улучшению положения крестьян, но свободы не давать. Дворянство Петербурга стояло за освобождение без земли, а Тверь и некоторые другие провинции выступали за осво-

бождение с землей, которая, однако, должна быть выкуплена у помещиков. Здесь интересно возрастание радикальности взглядов по мере удаления от столиц. Так уж повелось в России, что как раз из провинции, вечно недовольной привилегиями центра, выходили все будущие революционеры и демократы.

Другой любопытный штрих - секретность подготовки реформы. Александр II организовал комитет, который так и назывался "Секретный комитет по крестьянским делам". Это тоже прочная традиция. Вспомните секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, секретные переговоры Ельцина, Кравчука и Шушкевича о развале Союза ССР, секретную подготовку экономической реформы Е.Гайдара. Все самое важное в России всегда готовилось в тайне.

Какой же была реформа 19 февраля 1861 года? И какие последствия она имела для страны? Скажу сразу: по моему мнению, более важного события для деревенской России не было ни до, ни после того акта. Даже революция 1917 года имела меньшее влияние на жизнь народа. Революция пришла как ураган, она разбила миллионы жизней, но реформа затронула все общество, всех до одного - и крестьян, и дворян, и чиновников, и интеллигенцию. Сословие людей, составлявшее большинство населения, вышло из подвалов истории и включилось в социальную жизнь. Только после этого началось продвижение, чем далее, тем все более бурное, страны по пути рынка, свободной торговли, промышленности, массового образования.

При освобождении крестьян были сделаны две ошибки, которые в конечном счете привели их к активной поддержке революции 1917 года. Земля предоставлялась крестьянам на условиях выкупа; у помещиков оставались в руках большие наделы земли. Поскольку крестьяне, как правило, не могли сами выкупить землю, государство через банки выдавало им ссуду, которую они должны были погасить в течение десятилетий. Что касается помещичьей земли, то крестьяне получили ее только в результате революции.

Реформа сохранила сельскую общину, которая стала не только хозяйственным, но и административным учреждением. Деревней управлял сельский сход и староста. Сталин, проводя коллективизацию, использовал эту традицию. На место схода было поставлено общее собрание членов колхоза, а старосту заменил председатель, которого рекомендовали партийные

органы.

Реформа 1861 года как бы своротила набок всю физиономию русского общества. Самые умные государственные деятели пытались впоследствии поставить все на место, но не успели. В современной печати России постоянно упоминается имя премьер-министра начала XX века П.Столыпина. Ему принадлежала важнейшая идея раскола общины и создания хуторов, говоря иначе, свободных фермерских хозяйств. По его инициативе принято правительственное решение стимулировать начало этого процесса. Несмотря на сопротивление крестьянских общин, появились тысячи фермерских хозяйств во многих регионах страны. Но Столыпин был убит революционными террористами. Реформа затормозилась. Если бы она была полностью осуществлена, Октябрьская революция вряд ли могла состояться и победить.

При Сталине почти все столыпинские хутора были объявлены "кулацкими", конфискованы, а их владельцы сосланы в Сибирь вместе с семьями. Тысячи из них погибли в дороге.

Другая крупнейшая реформа Александра II прямо проецируется на наше время. Гласность - это слово в 60-х годах прошлого века стало символом дарованной царем свободы выражения своих убеждений, раскрепощения печати. Предварительная цензура, которая издавна существовала в России, была резко ограничена. Табу осталось в отношении царя и монархии, а также нравственных устоев. Начался невиданный расцвет печати, литературы, искусства. Все, или почти все, что знает Запад о русской культуре, восходит к этому периоду. Толстой, Достоевский, Тургенев, Чайковский - это дети великих реформ 60-х годов. Их называли шестидесятниками. Но, конечно, их значение вышло далеко за пределы этого периода и определило величайший подъем русской культуры.

Самым крупным явлением в жизни прессы явилось создание и деятельность журнала "Современник", который редактировал поэт Николай Некрасов. Вокруг этого журнала поначалу сплотилась большая группа талантливых писателей и публицистов. Л.Толстой стал наиболее яркой фигурой среди писателей, Н.Чернышевский - среди публицистов. Но вскоре эта группа распалась. Чернышевский возглавил течение революционной демократии. Нетерпеливый отрицатель русской действительности, пропагандист самых радикальных западных идей, он стал предтечей будущих переворотов. Ленин восхищался им и называл его своим учителем.

Толстой, Достоевский, Тургенев ушли из журнала, и каждый по своему выразили либеральное и в то же время глубоко русское направление. Они верили в просвещение и постепенные реформы.

Ровно сто лет спустя история "Современника" повторилась в судьбе журнала "Новый мир"; его, по любопытному совпадению, возглавлял тоже выдающийся поэт Александр Твардовский. Гонения на "Новый мир" удивительным образом воспроизвели преследования "Современника". И так же, как раньше, произошло размежевание внутри писательского цеха на западников и почвенников, на радикальных демократов и осторожных реформаторов.

Заслуживают упоминания еще две реформы Александра II - земская и судебная. Несмотря на всю трескотню вокруг нынешних политических реформ, мы во многих отношениях еще находимся позади той эпохи.

Земские учреждения - уездные и губернские - управлялись собранием, избираемым всеми классами - землевладельцами, городскими жителями, крестьянскими общинами. Они решали хозяйственные и административные вопросы. Правда, сессии собраний были ограничены во времени - 10 дней в году для уездных и 20 дней для губернских. При коммунистическом режиме эта традиция была использована, и Советы разных уровней созывались только для коротких сессий. Но в отличие от Советов, Земства действительно имели самоуправление, и никто не диктовал им свою волю.

Сейчас многие политики возвращаются к идее земского самоуправления, видя в нем демократическую форму организации жизни в регионах. Предлагают вернуться и к губернскому делению России, и к неизбираемому губернатору, который представлял бы центральную власть и надзирал за деятельностью представительных органов. Ельцин попытался внедрить эту форму, направляя на места представителей администрации, но из этого ничего хорошего не вышло. Идея самоуправления - наследница земской идеи - все более завоевывает признание.

Согласно судебной реформе 1869 года в России был впервые введен суд присяжных. Вся судебная система подверглась преобразованию в западном духе. В конце века случилось неслыханное: суд присяжных оправдал Веру Засулич, которая стреляла в киевского губернатора и ранила его. Замечу, что, несмотря на более чем сорокалетнюю борьбу, прогрессивным

силам до сих пор не удалось внедрить суд присяжных в России. Да и в Конституции РФ содержится лишь робкий намек на это.

Реформы императора-преобразователя Александра II были прерваны неожиданным образом. Группа террористов-народников взорвала царя бомбой во время его прогулки в коляске по Петербургу. Такова судьба всех либеральных деятелей России - их убивают, или ссылают, или снимают с работы, или проклинают после смерти. На каждого либерала находится либо реакционер, либо революционер. Радикализм - правый и левый - не терпит реформаторства. Он принимает либо глубокий застой, либо безумные скачки. Убийство Александра II отбросило реформы на сто лет. Мы вернулись к ним только сейчас, сталкиваясь с теми же крайностями - озлоблением консерваторов и нетерпимостью революционеров. Надо ли удивляться тому, как трудно, как иррационально и с какими деформациями идут реформы в России.

Экономический подъем, который был вызван освобождением крестьян, обеспечил быстрое продвижение России к уровню наиболее развитых стран мира. Мы же последние годы шли только вниз, к падению производства и отсталости. Сейчас Россия занимает 55-е место в мире по уровню экономического развития. Легко увидеть, какая пропасть разделяет нас со временем Александра Освободителя.

Горбачеву, если он оглянется на своего предтечу, должно быть горько сознавать, как мало удалось сделать на пути к современной цивилизации. Один акт освобождения крестьян в XIX веке стоил всех героических шагов современных вождей России. Они не сумели найти тот рычаг, с помощью которого можно было бы обеспечить процветание России. Простое разрушение старых институтов власти оказалось малопродуктивным.

В целом, если сравнивать реформы князей и царей с реформами выходцев из народа, то можно констатировать неизмеримое превосходство первых. Природная аристократия осуществила великие плодотворные реформы - Крещение Руси в X веке, военная и государственная реформы в XVII веке, освобождение крестьян в XIX. Советские и постсоветские реформаторы провели национализацию и коллективизацию собственности, половинчатую и криминальную приватизацию, разрушив при этом великое государство и его могущество. И вот что еще удивительней - жизнь народа при народных вож-

дах стала хуже, чем была при Николае II. (Сам Хрушев отмечал это в своих мемуарах). Поэтому эксперимент с "кухаркиными детьми на троне", можно считать, полностью проваленным. И поскольку аристократии в стране нет и не будет, нужно обратиться к средним классам для формирования культурной элиты и культурной бюрократии в будущем, как это принято в демократических государствах всего мира.

Было бы ошибкой связывать как достижения, так и провалы реформации исключительно с именем того или иного руководителя. Каждый из них действовал в конкретных исторических обстоятельствах, наследуя их - один у Сталина, другой у Брежнева, третий у Горбачева - и внося свои изменения, которые не могли целиком отвергнуть прошлое. В то же время в целом эпоха реформации продолжала идти в русле исторического процесса развития России. Она как бы возвращалась к своим истокам и далее, преодолевая крутые пороги, вливалась в океан мировой цивилизации. Поэтому реформация не смогла преодолеть ни государственной традиции России, ни бюрократизма ее элиты, ни оторванности от народа, ни тенденции к авторитарной власти, ни идеологической нетерпимости, ни жестокости властей и спонтанности их решений.

4

Шаги Командора. Под Командором я имею в виду не трех великих реформаторов второй половины XX века, каким бы значительным не казалось их влияние на жизнь России всего мира. Командор - это сама История. Это История российской, евразийской цивилизации. Думать, что личность в состоянии опрокинуть Историю, полностью видоизменить жизнь трехсотмиллионного народа, прервать традиции, перевернуть культуру и изменить природу самого человека, - значит предаваться прежним иллюзиям. Так же, как в Германии Гитлер не смог опрокинуть естественный ход Истории, в России ни Сталин, ни антисталинисты не смогли изменить русло, по которому на протяжении тысячелетий двигалась, развивалась, видоизменялась жизнь на нашем евроазиатском континенте.

Несколько поколений людей оказались жертвами того колоссального вывиха, который привнесли Ленин, Сталин, большевики. И не меньше трех поколений людей, в особенности ныне живущие люди, оказались объектом реформации

Хрущева, Горбачева, Ельцина. Но История народов, особенно таких, которые занимают почти целый континент, не измеряется масштабами нескольких поколений. Помните, как говорил Воланд у Булгакова: может ли человек планировать жизнь хотя бы на какие-нибудь 1000 лет, если он смертен и жизнь его так коротка? Сибирские реки по-прежнему текут в своем русле, а в Каракумах по-прежнему не хватает воды, Каспий мелеет. Сибирь почти не освоена, огромная часть населения России живет так же, как и жила 30, 50 и даже 100 лет тому назад: в деревне - чуть ли не в тех же домах, а в городе - в такой же тесноте, как при Булгакове.

Но при всем при том Хрущев, Горбачев, Ельцин внесли значительный, быть может, огромный вклад в Историю. Попробуем в двух словах оценить, в чем он состоит.

Несмотря на все издержки, Хрущев гарантировал страну от возрождения сталинизма, иными словами, тоталитаризма, основанного на тиранической власти, культе личности и массовых репрессиях. И даже приход после этого консервативных деятелей не смог ликвидировать эти завоевания. Хрущев вплотную подошел к экономическим реформам, он обеспечил минимальные свободы граждан, прежде всего, крестьянского населения, которое получило возможность свободно мигрировать, а также относительную свободу элиты в международных контактах и поездках за рубеж. Хрущев внес решающий вклад в предотвращение термоядерной войны и торжество мирного существования СССР и США, Востока и Запада. Эти достижения также не были уничтожены при Брежневе.

Горбачев заложил основы парламентаризма в стране, многопартийности, свободы слова, печати, шествий, демонстраций, политических и общественных организаций, свободы убеждений, выезда и въезда за границу. Он осуществил крутой поворот во взаимоотношениях между Советским Союзом и Западом, ценой огромных уступок обеспечил преодоление "холодной войны". Горбачев начал экономические реформы, переход к рынку, однако успел сделать в этом отношении очень немного. В то же время с деятельностью Горбачева связано освобождение Восточной Европы, воссоединение Германии, разрушение Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, что положило начало процессу изоляции России.

Ельцин завершил разрушение сталинской системы власти, основанной на господстве одной партии, одной идеологии,

одного вида государственной собственности, на всеобщем страхе перед всепроникающей всеильной тайной полицией. Он начал осуществлять глубокие экономические и социальные реформы, которые имели целью изменение всей прежней системы на общепринятых в современной цивилизации принципах демократии и рынка. В то же время Ельцин отказался от принципа коллективного руководства, утвердил приоритет власти одного лица - Президента государства, сохранив при этом ослабленный парламент в качестве законодательного учреждения. С деятельностью Ельцина связан распад Союза ССР, образование расплывчатого СНГ, усиление изоляции России в мире.

Конечно, дело не сводится к персоналиям. Хрущев и Горбачев вообще не хотели разрушать плановую (социалистическую) систему. Они хотели ее радикально (особенно Горбачев) модернизировать, приблизить к западным демократиям, которые все более становились эталоном для всего мира. Почему мы должны быть исключением? Эта мысль все чаще приходила им в голову. И они не находили ответа.

Ельцин пошел на Систему социализма с кистенем и рогастиной. Собственно, его больше всего волновала проблема номенклатуры в КПСС, которая обошлась с ним так несправедливо. Когда он начал свой великий поход против Системы, он не знал, куда дойдет. Умные интеллигенты писали ему умные слова о демократии, свободе, рынке. Сам он с Западом совсем не был знаком. И его фраза после облета статуи Свободы в Нью-Йорке - "я стал трижды свободней" - была типичным выражением его политической культуры. Ельцин, как и другие партийные секретари, видел, что на Западе все лучше, чем у нас - дома, дороги, машины, магазины, но не очень представлял себе, какой путь нам предстоит пройти, чтобы иметь такую же жизнь.

Поэтому сказать, что коммунизм (точнее - социализм) рухнул в результате усилий трех реформаторов, значит не дать ответа на вопрос о всем величии исторической драмы крушения коммунизма. Точнее сказать, что раскачивания и толчки трех реформаторов были слишком слабы, чтобы уничтожить Систему, но и их оказалось достаточно. Главное, что сделали Хрущев, Горбачев и Ельцин - они вытащили несущую сваю из фундамента всего здания. Они отказались от насилия и массовых репрессий, без которых Система долго существовать не

могла.

Но в основе крушения Системы лежало нечто большее, чем воля вождей. Еще в 60-х годах я пытался - интуитивно - "ухватить за волосы" этот процесс.

Две статьи в "Правде" в 1966 году назывались "Кризис тоталитаризма", "Эрозия режима личной власти". Кризис и эрозия. Я и сейчас не нахожу более точных слов. Кризис Системы и его эскалация - эрозия. Восемнадцать лет вялого правления Брежнева - это время, когда эрозия разъела всю Систему изнутри. Сами руководители видели - все приходит в упадок.

Старики и стариковская система доживали свои дни. Причем без видимых катаклизмов. Движение продолжалось. Жизнь была вполне сносной. Но, как на автомобильных гонках, - все больше отставали потому, что другие все время обгоняли, а мы теряли и теряли в темпе - круг за кругом. Затем пришла война в Афганистане. И в ней и через нее как через увеличительное стекло, стали видны пороки Системы. Гигантская держава терпела поражение от маленького, но упорного народа. Оружие ли не то, генералы ли не те, руководители ли не такие? Нет, Система, Система не та!

Вот когда сказался всеобщий кризис коммунизма. Люди потеряли веру - вначале в его превосходство, затем в его эффективность, и, наконец, в его справедливость. На этой волне пришли Горбачев и Ельцин. И началась глубокая реформация. Но поскольку она шла сверху, а не снизу, и вели ее вожди - плоть от плоти самой Системы, произошло то, что мы видим. Номенклатурный капитализм, номенклатурная демократия. Многоопытная элита сохранила свою власть, прибрала к рукам собственность, влив старое вино в новые меха. Она показала паразитическую живучесть и гибкость, напаяв на свои крепкие рабоче-крестьянские бицепсы демократические одежды и рыночные знаки.

Многие торжествуют: капиталистическая революция победила. Что ж, отчасти это правда. Но это все равно, как если бы Кашей бессмертный женился на Мэрилин Монро. Брак состоялся и даже дети могут появиться на свет. Но какие уроды! Вороватый торговый капитализм, охраняемый авторитарной властью, которая умело манипулирует демократическими формами и институтами. Об этом ли мечтали люди?

Была ли альтернатива? Да, была, если бы власти не искажали и не насиловали исторический процесс и его участников. И дело не только в том, что была программа Шаталина, или

эволюционный путь Горбачева, или предложения Бурлацкого. Теперь никому не удастся доказать, что мы были правы. Процесс не просто пошел, но уже во многом прошел. Однако доказательству наличия альтернативы - есть, это опыт Восточной Европы, Китая, а сейчас все больше и Прибалтики. Смотрите - разные страны, разные традиции и разный менталитет народов. Но у них получилось намного лучше, чем у нас. В Восточной Европе - и с темпами роста, и с рынком, и с приватизацией, и с демократией. В Китае - с рынком и бурным ростом производства и уровня жизни. Вот она альтернатива на деле!

Чего же можно ждать у нас? В ближайшей перспективе предстоит жесткая борьба элиты за сохранение власти и собственности. Понадобится - стрельбой, как по Белому Дому или как в Чечне. Но, если оппозиция будет вести себя лояльно, власть сохранит и использует существующие элементы и институты демократии. Скорее всего произойдет это последнее. В течение ближайших 5-6 лет элита из своих рук власть не выпустит. Оппозиции останется только корректировать курс, смягчать его жесткость, усиливать экономическую эффективность.

Произойдет ли распад России? Думается, все политические силы и весь народ извлекли урок из Беловежской трагедии. Сама власть не допустит новых катаклизмов; да и люди на это не пойдут. Только в случае, если у руля страны окажется человек с состоянием здоровья Брежнева в его последние годы, дворцовые факелы могут выплеснуться за стены Кремля и зажечь пожары - в парламенте, армии, на заводах, в регионах. Но все же можно надеяться, что этого нам удастся избежать.

Выборы в декабре 1995 года мало что изменят в расстановке политических сил, хотя левые партии могут набрать несколько больше голосов, чем раньше.

Существенные перемены могут произойти в 1996 году. Это особый год - год престолонаследия. Нам предстоит избрать главу государства, который одновременно руководит правительством. Его называют президентом. Но это такая же политическая условность, как должность генерального секретаря партии. Нынешний президент располагает такой властью, что и не снилась Николаю II или Александру Освободителю, которые зависели от аристократической элиты, капитала, общественного мнения, интеллигенции.

Престолонаследие - самый опасный момент в истории России. Взрывы страстей, смены элит, народные волнения. Все как

бы повисает на тонкой ниточке, которую может оборвать случай. Если бы Николай II вместо отречения от престола дал стране Конституцию или если бы Михаил принял власть конституционного монарха, не было бы революции и страна сейчас шла бы вровень с Соединенными Штатами Америки. Катаклизмы престолонаследия потрясли страну и позднее. При переходе власти от Ленина к Сталину, от Сталина к Хрущеву, от Горбачева к Ельцину. Сейчас тоже все готово - политические элиты, денежные мешки и откровенные мафии сделали стойку и ждут сигнала. Каким он будет? Болезнь демократора? Выборы президента? Референдум? Другие маневры? Но снова может раскрутиться круговерть обмана и насилия.

Нам предстоит избрать президента - государя урезанной, но все еще великой России сроком на 5 лет. Это очень долгий срок. В течение этого периода можно еще не раз развернуть государственной корабль в каком-то новом направлении.

А претенденты - кто? Их тьма. Ни одна страна не знает такого изобилия. Не менее двух десятков больших, средних и малых политиков мнят себя пригодными для этой труднейшей роли, но "плохие государственные деятели избираются хорошими гражданами... не участвующими в голосовании"(Натан)[32]. Безмолвию народа, которое отмечал Пушкин, должен наступить конец.

Больше всего шансов может иметь В.Черномырдин, если он решится участвовать в гонке. Но не исключено, что к тому времени, особенно при поддержке В.Черномырдина и И.Рыбкина, наберет силы Б.Ельцин. Если два названных деятеля не выдвинут свои кандидатуры, то на последнем этапе избиратели станут перед дилеммой: Ельцин, или Лебедь, или Явлинский, или Жириновский. Победит Ельцин, это будет означать сохранение нынешнего курса. Явлинский пока имеет успех только у интеллигенции. Победа Лебеда означала бы наведение жесткого порядка, возврат государству собственности, но ценой огромной крови. Что касается Жириновского, то его победа вряд ли возможна, ибо пик кризиса страны все же остался позади. Так что В.Черномырдин или, скажем, Ю.Лужков - в качестве премьера или президента - в нынешних условиях наиболее стабильные варианты развития страны.

И еще одно соображение, теперь уже адресованное политической элите. Нигде в мире не выдвигают 20 кандидатов в президенты. Обычно двух-трех. Политические силы сходятся на нескольких достойных кандидатах, которые отражают две-

три важнейших политических тенденций. В США не случайно сложилась практика праймериз, предварительного отбора внутри двух партий. Нам нужны свои праймериз. Своя модель Земского Собора, в котором участвуют руководители главных партий, депутаты парламента, представители регионов и где проходит своеобразный рейтинг - не на избрание, а на выдвижение кандидатов в президенты. Сейчас особенно ответственный момент и отбор должен быть особенно тщательным. А народ из двух-трех достойных выберет лучшего.

В более отдаленной перспективе все будет зависеть от степени жадности бюрократической элиты. Если она поделится тем, что захватила в 90-х годах и даст шанс народу жить обеспеченно за хорошую работу, все постепенно пойдет как в Бразилии или Аргентине - к зависимому капитализму, который ко второй половине XXI века сможет достигнуть нынешнего уровня США или Западной Европы.

Не поделится элита - снова появится товарищ Ленин или товарищ Троцкий, а быть может, и товарищ Сталин. Народ не смирится с нищетой, особенно на фоне растущего расточительства старых директоров, все еще сидящих в своих кабинетах под красными знаменами, или молодых банкиров в красных пиджаках с трехцветными платочками в петличках.

Элита - старая и новая - должна поумнеть, если она не хочет погибнуть и потащить за собой в пропасть все общество. Она должна прекратить перекачку долларов за рубеж, закупать недвижимость в чужих странах, а вернуться в страну, чтобы общими силами возродить Россию.

Шаги Командора продолжаютя. Они громко отдаются в душе каждого россиянина и во всех уголках современного мира. Будем надеяться, что удастся избежать судьбы пушкинского Командора, который, если верить поэту, проваливается в пропасть, увлекая за собой соперника. Русские, россияне слишком большой народ. Наша страна одна из крупнейших стран в мире. Она располагает уникальными ресурсами и высокой культурой. Поэтому Командор, конечно, избежит падения в пропасть. Он займет свое место в качестве памятника трудной эпохи испытаний, которые выпали на долю одного народа в течение одного века - царизм, сталинизм, две мировых войны, Реформация.

И в заключение два слова, обращенные непосредственно к тебе, мой дорогой читатель. Ты можешь спросить: зачем мне это знание о трех престонародных государях, которые ничего

или почти ничего не смогли дать хорошего, для жизни простого человека.

Отчасти это справедливо: прошлое наше мрачно, настоящее печально, будущее темно. Но надежда есть. Она как весенний цветок, что пробивается сквозь толщу асфальта на перерытой манежной площади у кремлевской стены. Этот стебелек надежды может прорасти только в твоей душе. Не жди милостей от государей. Но и не оставляй дальше русскую землю в их руках без своего контроля.

Провидение в неведомых нам целях на протяжении 80 лет совершало один и тот же странный эксперимент - нахлобучивало достославную шапку Мономаха на не подходящие головы. Головы разные, но ни одной из них шапка не была впору. Это головы фанатов, замешенных из одного теста, хотя испеченные в разных печах и в разное время. Один поверил в национализацию, другой - в коллективизацию, третий - в демократизацию, четвертый - в приватизацию. Каждый из современных вождей глубоко веровал в свое право насильственно утверждать новый образ жизни для своего народа, не спрашивая у него, чего же он хочет и ждет. Но ни в одну голову не проникла простая мысль: надо творить добро людям, которыми править. Именно им, сегодня и здесь.

Сто пятьдесят лет назад два выдающихся русских писателя и мыслителя Петр Чаадаев и Александр Пушкин изложили свое видение будущего России. Чаадаев, бывший блестящий гусар, уволенный со службы за независимость характера, опубликовал "Философические письма" [46], в результате чего повелением императора Николая I был объявлен сумасшедшим.

"По нашему местному положению между Востоком и Западом, - писал Чаадаев, - опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы соединять в себе два великих начала разумения: воображение и рассудок; должны бы совмещать в нашем гражданском образовании историю всего мира. Но не таково предназначение, павшее на нашу долю... Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобрели ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разумения и исказили все, что сообщило нам это совершенствование" [46].

Одно из писем Чаадаев назвал "Преимущество католициз-

ма перед греческим исповеданием". Здесь он говорит, что заимствование религии из Византии воздвигло стену между Россией и европейской цивилизацией и превратило ее "в варварскую страну без прошлого, без настоящего и будущего" [46].

Пушкин, который любил и восхищался Чаадаевым, противопоставил ему свой взгляд на русскую историю как на становление величия и могущества нации. "Пробуждение России, - писал Пушкин, - развитие ее могущества, ее движения к единству (к русскому единству, разумеется), ... так неужели это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр I, который привел вас в Париж... Я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал" [35].

Кто же оказался прав? Оглядываясь на проделанный Россией путь, я бы рискнул сказать, что оказались правыми оба исполина мысли. Россия в XX веке дала пример ужасающего варварства - истребительной гражданской войны и чудовища сталинизма, который вырос на заимствованных с Запада искаженных экстремистских теориях. Но она показала и пример величия и мужества в борьбе с фашизмом, в достижениях культуры и образования. Могущество России обеспечило ей положение второй супер-державы в мире. Однако внутренняя эрозия духа и социальных институтов привела к развалу российской империи и поставила ее на грань национальной катастрофы.

Какая же из тенденций возобладает в XXI веке? Будут ли они и дальше противостоять и дополнять друг друга? Совместимо ли далее варварство с могуществом и величием? Окончательный ответ известен одному Богу.

Но одно можно сказать со всей определенностью. Россия не станет ни Северной, ни Южной Америкой. Она не повторит ни китайский опыт, ни опыт Южной Кореи. И понадобится не менее столетия, чтобы она стала органической частью Европы.

Это будет русский путь - мучительный, как пыточные подвалы Ивана Грозного; величественный, как преобразования Петра I; непредсказуемый, как реформы Никиты Смелого, Михаила Блаженного и Бориса Крутого. Но это будет путь к современной цивилизации с ее технологией, с ее коммуникациями, с ее культурой. Варварство, полученное Россией от

прошлого, уступит место цивилизованности, а генетическое стремление к величию найдет себе применение прежде всего в области духа, культуры, науки, технологии.

Этот трудный и неизбежно длительный переход потребует терпения и разума от элиты и народа самой России, от других народов земного шара, с которыми переплетена русская история. И тогда новые поколения российских людей в следующем столетии - будем верить в это - ожидает лучшее будущее.

Литература

1. *Аксютин Ю.* Хрущев, год 1964-й. М., "Труд", 1989, 26 ноября.
2. *Андреева Н.* Не могу поступиться принципами, М., "Советская Россия", 1988, 13 марта.
3. *Бергер М.* Конец дачного сезона. Новые люди в Белом доме. М., "Известия", 1991, 9 ноября.
4. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., УМСА-Press Paris, 1989.
5. *Болдырев Ю.* Русский век. М., "Известия", 1993, 6 февраля.
6. *Бурлацкий Ф.* Загадка и урок Никколы Макиавелли. М., изд-во "Международная жизнь", 1977.
7. *Бурлацкий Ф.* Кремль и Белый дом на набережной. М., "Литературная газета", 1991, 19 февраля.
8. *Бурлацкий Ф.* Кризис тоталитаризма. М., "Правда", 1966.
9. *Бурлацкий Ф.* Мао Цзэдун. М., изд-во "Международные отношения", 1976.
10. *Бурлацкий Ф.* Междущарствие или хроника времен Дэн Сяопина. М., "Новый мир", 1982, № 4.
11. *Бурлацкий Ф.* Новое Мышление. М., "Политиздат", 1989
12. *Бурлацкий Ф.* Развитие социалистической демократии на современном этапе. М., "Коммунист", 1958, № 13.
13. *Бурлацкий Ф.* Планирование всеобщего мира - утопия или реальность? (Доклад на мировом социологическом конгрессе в Варне). Нью-Йорк, изд-во ООН, 1970.
14. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., изд-во "Евразия", 1995.

15. *Гельман М.* Легкая промышленность. Как реанимировать отрасль. М., "Деловой мир", 1995, 21 марта.
16. *Голсуорси Д.* Конец главы. М., 1984.
17. Горбачев-Ельцин: 1500 дней политического противостояния. Сост. Г. Доброхотов. М., изд-во "Терра", 1992.
18. *Демченко И.* Эпоха реформаторства сверху в России закончилась. М., "Независимая газета", 1993, 4 февраля.
19. *Дзюкаева Т.* Промысел для именитых. М., "Деловой мир", 1995, 21 марта.
20. "Дружба народов", 1989, № 7.
21. *Дружников Ю.* Взгляд со стороны. М., "Независимая газета", 1995, 17 октября.
22. *Ельцин Б.* Исповедь на заданную тему. Изд-во "Советский писатель". Ленинградское отделение, 1990.
23. *Ельцин Б.* Записки президента. М., изд-во "Огонек", 1994
24. "Известия". М., 1993, 13 марта.
25. "Известия ЦК КПСС". М., 1989, № 3.
26. *Кеннеди Р.* 13 дней. Свидетельство о кубинском кризисе. Париж, 1969.
27. *Ключевский В.* Курс русской истории. М., "Мысль", 1990.
28. *Коряков М.* Покаяние Хрущева. По страницам воспоминаний бывшего первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР (рукопись).
29. *Медведев Р.* Хрущев. Политическая биография. Нью-Йорк, изд-во В.Чалидзе, 1966.
30. "Неделя". М., 1993, № 27.
31. "Независимая газета". М., 1991, 8 июня.
32. Нет ничего сильнее слова. (Афоризмы). М., "Прогресс", 1985.
33. *Павлов И.* О русском уме. М., "Литературная газета", 1961, 31 июля.
34. *Попов Г.* Снова в оппозиции. М., Международное изд-во "Галактика", 1994.
35. Последний год жизни Пушкина. (Переписка. Воспоминания. Дневники). Сост. В.Кунин. М., изд-во "Правда", 1988.
36. Приложение к газете "Аргументы и факты". М., 1993, №4
37. Рассказ о почетном шахтере. Сталино-Донбасс, 1961.

38. Реформирование России: мифы и реальность. Сост. Г.Осипов и др. М., изд-во "Академия", 1964.
39. "Российские вести". М., 1993, № 25.
40. Саутин А. Станкостроители обречены на внедрение новейших технологий. М., "Известия" (Приложение "Финансовые известия"), 1995, 21 февраля.
41. "Советская Россия". М., 1993, 7 августа.
42. Степанков В. и Лисов Е. Кремлевский заговор. Пермь, "Урал-Пресс", 1992.
43. Хрущев Н. Речь на митинге трудящихся г.Владивостока 6 октября 1959г. М., "Правда", 1959, 8 октября.
44. Хрущев Н. Материалы к биографии. М., "Политиздат", 1989.
45. Хрущев Н. Воспоминания. Избранные отрывки. Нью-Йорк, изд-во В.Чалидзе, 1979.
46. Чаадаев П. Философские письма. М., "Телескоп", 1836, № 15.
47. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. Издательская группа "Прогресс" - "Культура", 1993.
48. Шекспир В. Гамлет. М., "Молодая гвардия", 1982.
49. Эрикссен Е. Экспертная оценка. М., "Новая ежедневная газета", 1993, 9 июля.
50. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., "Госполитиздат", 1962.

Федор Михайлович Бурлацкий

**РУССКИЕ ГОСУДАРИ
ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ**
Никита Смелый
Михаил Блаженный
Борис Крутой

Редактор Крапчетов Н.И.
Технический редактор Радченко Ю.Н.
Подготовка оригинал-макета:
Котельников Л.Б.,
Антонов В.Л.

Подписано к печати 17.11.95. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 36 (в т.ч. 4 п.л.фотоил.)
Тираж 10000. Заказ 407.

Фирма "ШАРК".
109240, Москва, 2-й Котельнический пер. 3.
Лицензия ЛР¹ 063675 от 1.11.94 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ИПО "ПРОФИЗДАТ".
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.
Лицензия ЛР¹ 050003 от 19.10.94 г.
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

Бурлацкий Федор Михайлович - известный ученый, академик РАЕН, писатель, общественный и государственный деятель.

Автор книг "Вожди и советники", "Загадка и урок Никколо Макиавелли", "Мао Цзэдун", "Крушение великого государства", пьес "Бремя решения", "Советник государя" и многих других произведений.

"С момента смерти Сталина, - пишет автор, - я включился в активную борьбу против его наследия. Фанатизм, с которым я это делал на протяжении 40 лет, не считаяся с властью предельно удивляет, быть может, стоял некий промысел: дать в руки таких, как я, выстрадавший лично материал для описания великой и трагической Реформации России".